

П.И.Якушкин

И. В.Киреевский

А.И.Никифоров

Д.К.Зеленин

Б.М.Соколов

Ю.М.Соколов

Русский Эротический Фольклор

Песни
Обряды и обрядовый
фольклор
Народный театр
Заговоры
Загадки
Частушки

СОСТАВЛЕНИЕ
И НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ
А.ТОПОРКОВА

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
«ЛАДОМИР»

МОСКВА

1995

Художник
Д. ШИМИЛИС

© Топорков А. Л. Состав,
1995.

© Авторы (см. Содержание),
1995.

© Шимилис Д. Б. художе-
ственное оформление,
1995.

© Научно-издательский
центр «Ладомир», 1995.

ISBN 5-86218-217-9

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без договора с издательством запрещается*

ЭРОТИКА В РУССКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Русский фольклор, как и фольклор других народов, невозможно представить без пласта текстов эротического и обеденного (непристойного) содержания. О важности этой сферы народного творчества свидетельствуют многочисленные издания эротического фольклора и посвященных ему научных исследований в странах Европы и в США. К сожалению, в России ситуация обстояла менее благополучным образом. Жесткие запреты на публикацию многих произведений народного творчества накладывались в XIX веке церковной цензурой, а в XX веке — цензурой коммунистической. Целые пласты фольклора, да и народной жизни в целом, оказались как бы вычеркнутыми из действительности, как были вычеркнуты и духовные стихи, заговоры, проблема народной религиозности и многое другое.

Между тем крупнейшие фольклористы прошлого хорошо понимали историческую и эстетическую ценность эротического фольклора. Материалы подобного рода сохранились в рукописном наследии таких собирателей славянского фольклора, как А. Н. Афанасьев, В. И. Даль, В. Караджич, П. В. Киреевский, М. Федеровский. В печать они могли попасть, как правило, лишь через много десятилетий после записи.

Так, например, обеденные сербские пословицы, собранные В. Караджичем, были впервые опубликованы только в 1907 году¹, а эротические песни — совсем недавно, в 1974 году². В 1960 году в дополнение к 6-му тому фольклорных материалов, записанных М. Федеровским в Западной Белоруссии, выпущен небольшим тиражом сборничек «эротических песен»³. До сих пор лишь с изъятиями публиковались некоторые тексты из знаменитого сборника былин и песен XVIII века «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Данило-

---

¹ Erotische und skatologische Sprichwörter und Redensarten gesammelt von V. S. Karadžić.- Anthropophyteia, 1907, Bd. 4, S. 295-315.

² Из необъявленных рукописей В. С. Караџића. Кн. 5: Особите гъцење и поскочице. Београд, 1974.

³ Federowski M. Lud bialoruski, т. 6 Pieśni frywolne i tanezne. Uzupebbienie do т. 6. Warszawa, 1960.

вым»; впрочем, строки, пропущенные в отечественных изданиях, специалисты могли прочесть в статье американского слависта¹. Такие собрания, как «Русские заветные сказки» А. Н. Афанасьева и «Русские заветные пословицы и поговорки» В. И. Даля, до недавнего времени издавались только за пределами России, да и то не в полном объеме².

Надо сказать, что запреты на публикацию эротических и obscene-ных текстов в России XIX—XX веков были несравненно более строгими, чем в других европейских странах. Не случайно сборник эротических сказок А. Н. Афанасьева впервые увидел свет в Женеве, сборник obscene-ных пословиц В. И. Даля — в Париже, а двухтомное собрание украинских эротических сказок и анекдотов, подготовленное В. Гнатюком, — в Лейпциге³. Впрочем, далеко не везде славянского Эрота ожидали с распростертыми объятиями. Известно, например, что в 1913 году берлинская прокуратура конфисковала тираж упомянутого издания украинских сказок, усмотрев в них порнографию.

Некоторая либерализация издательской деятельности произошла только в первой трети XX века, когда практически без оглядки на цензуру публиковали свои сборники сказок Д. К. Зеленин и братья Б. М. и Ю. М. Соколовы, изучали сексуальное поведение молодежи Ф. К. Волков и М. В. Довнар-Запольский, исследовали эротическую сказку и загадку А. И. Никифоров и В. П. Адрианова-Перетц.

И вновь ситуация изменилась только в самое последнее время, после ликвидации цензуры. Почти одновременно несколько раз переиздан в России сборник А. Н. Афанасьева «Русские заветные сказки». Подготовлена целиком к печати его рукопись «Народные русские сказки не для печати», хранящаяся ныне в Пушкинском доме. Помимо выходявших ранее и переведенных на многие языки «Русских заветных сказок», рукопись включает множество неопубликованных сказок, наиболее полный список сборника obscene-ных пословиц В. И. Даля с добавлениями П. А. Ефремова и А. Н. Афанасьева, а кроме этого, небольшие подборки произведений других жанров: скороговорки, приметы, загадки, песни, прибаутки, байки, анекдоты, заговоры.

В изобилии печатаются подборки и сборники obscene-ных частушек, среди которых выделяются своей полнотой сборники, подгото-

---

¹ Rice J. L. A Russian Bawdy Song of the Eighteenth Century.— *Slavic and East European Journal*, 1976, vol. 20, № 4, p. 353—370.

² См.: Carey S. Les proverbes érotiques russes: Études de proverbes recueillis et non-publiés par Dal et Simoni. The Hague — Paris, 1972.

³ Tarasevskyj P. Das Geschlechtleben des ukrainischen Bauernvolkes: Folkloristische Erhebungen aus der russischen Ukraina. Leipzig, 1909, T. 1 (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia, Bd. 3); Hnatjuk V. Das Geschlechtleben des ukrainischen Bauernvolkes: Folkloristische Erhebungen. Leipzig, 1912, T. 2 (Beiwerke zum Studium der Anthropophyteia, Bd. 5).

вленные Н. Старшиновым¹. Появились и первые опыты антологий эротического фольклора². Аналогичные издания выходят, кстати, и в других славянских странах³. Публикуются описания народных игр и обрядов, включающие элементы эротики⁴, появляются и попытки их научного осмысления⁵. Особо следует отметить новаторские работы Б. А. Успенского, который выявил глубокую укорененность русского эротического фольклора и бранной лексики в культуре древнерусского язычества⁶.

В то же время нужно с сожалением отметить, что современные публикации эротического фольклора в большинстве своем не имеют научного характера: тексты даются без должной паспортизации и не комментируются; не ясно, в какой среде они бытуют, насколько широко распространены и т. д. Фиксируются они подчас в городе, в той интеллигентской среде, к которой принадлежат сами собиратели. Внимание публикаторов, как правило, привлекают частушки, анекдоты, пословицы. Между тем более глубинные слои крестьянской культуры и традиционного фольклора, такие, как календарная и семейно-обрядовая поэзия, загадка и заговор, пока почти не затронуты.

Невозможность публикации фольклорной эротики объяснялась прежде всего цензурными запретами. Однако помимо внешней цензуры существовала и цензура внутренняя. Как отмечал известный собиратель фольклора П. В. Шейн, «кроме правительственной цензуры, достаточно строгой, в среде русского общества... существовала еще

---

¹ Ой, Семеновна!.. Озорные частушки из собрания поэта Н. Старшинова. М., 1992; Разрешите вас потешить: Частушки. Сост. Н. Старшинов. М., 1992, вып. 1; Русская частушка XX века: Из коллекции Николая Старшинова.— Три века поэзии русского Эроса: Публикации и исследования. М., 1992, с. 129 — 157.

² Русский Декамерон. М., 1993; Русский смехоэротический фольклор. Сост. С. Борисов. СПб., 1994.

³ *Mrsne priče: Erotska, sodomijska i skatološka narodna prosa*. Beograd, 1984; *Фолклорен еротикон*. Съст. Ф. Бадаланова. София, 1993, т. 1.

⁴ Бойцова Л. Л., Бондарь Н. К. «Сидор и Дзюд» — святочное представление ряженных. — Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990, с. 192 — 195; Ивлева Л. М., Ромодина А. В. Масленичная похоронная игра в традиционной культуре белорусского Поозерья. — Там же, с. 196 — 203; Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья. — Русский фольклор. Л., 1991, т. 26, с. 171-188.

⁵ Бернштам Г. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988; Логинов К. К. Девичья обрядность русских Заонежья. — Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988, с. 64-76.

⁶ Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. — Успенский Б. А. Избранные труды. В 2-х томах, т. 2. Язык и культура. М., 1994, с. 53 — 128; его же. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева. — Там же, с. 129-150.

более строгая, более щепетильная цензура нравов и поступков со стороны влиятельнейших его представителей и законодателей. Этой цензуре все безусловно и безапелляционно покорялись»¹. Нежелание деревенских исполнителей раскрывать перед заезжим горожанином потайные пласты фольклора помножалось на нежелание самих фольклористов фиксировать всякую «похабщину», теряя время, которое можно было использовать на запись серьезных произведений, таких как былины, сказки, необрядовые песни. А практически полная невозможность публикации этих материалов и вовсе обесмысливала их собирание. Не удивительно, что содержание предисловий к сборнику заветных сказок А. Н. Афанасьева и сборнику обеденных пословиц В. И. Даля сводилось главным образом к оправданию самой идеи — собрать и обнародовать нецензурные тексты.

Интересны сами формы избегания obscena, которые использовали публикаторы фольклора. Скажем, дойдя до определенных моментов свадебного обряда, просто сообщали, что дальше пелись песни нецензурного содержания или присутствующие вели себя так, что об этом даже стыдно писать. Можно привести десятки примеров того, как из-за пропущенных непристойных слов текст просто становился непонятным и современный исследователь вынужден разгадывать его как настоящую головоломку. Парадоксальность ситуации усугублялась еще и тем, что obscene тексты изучать не возбранялось, но с одной только оговоркой — их нельзя было цитировать. Подчас фольклористы проявляли недюжинную изобретательность, чтобы указать на нецензурное слово, но при этом не произнести его; например, приводя параллели к песням из сборника Кириши Данилова, просто назывались порядковые номера строк в тексте, никогда ранее не публиковавшемся.

Оценивая ситуацию в целом, можно констатировать, что доселе неведомы целые пласты народной словесности. Если обратиться за сравнением к другим славянским этносам, то бросается в глаза малочисленность специальных публикаций русского эротического фольклора. За исключением упомянутых сборников сказок А. Н. Афанасьева и пословиц В. И. Даля мы в силах назвать только две подборки разножанровых произведений в международном журнале «Kryptadia»² и статью, посвященную obscene репертуару одного «бахаря» в другом международном издании — «Anthropophyteia»³. Между тем у южных славян имеются фундаментальные собрания обеденных песен и сказок, выпущенные Ф. Крауссом еще на рубеже XIX и XX ве-

---

¹ Шейн П. В. Пародия в народном песнотворчестве.— Литературный журнал И. Ясинского, 1903, № 3, с. 187.

² Folklore de la Grande Russie (Contes, chansons et proverbes).— Kryptadia, 1898, vol. 5, p. 183—214; Mélanges polonais et russes.— Ibid, 1901, vol. 7, p. 65-95.

³ Spinkler E. Großrussische erotische Volklieder.— Anthropophyteia, 1913, Bd. 10, S. 330-353.

ков, сборники эротических песен и пословиц классика сербской фольклористики В. Караджича, многочисленные публикации в международном ежегоднике «*Anthropophyteia*» (выходил в Лейпциге с 1904 по 1913 г. под редакцией Ф. Краусса)¹. Украинский эротический фольклор представлен прежде всего двумя томами эротических сказок и анекдотов, изданных В. Гнатюком с параллельным немецким переводом², обстоятельными публикациями молодежного и свадебного фольклора³. Ничего подобного ни по количеству, ни по научному уровню подготовки текстов мы до сих пор не имеем.

Такие традиционные для фольклористики других славянских стран темы, как «сексуальное в народной поэзии»⁴ или «образ любви в песнях»⁵, до сих пор были чужды нашей науке. Основной способ интерпретации эротических мотивов в фольклоре и в народных обрядах доньше заключается в том, что они возводятся к аграрной магии или к неким гипотетически реконструируемым институтам первобытного общества (матриархат, промискуитет, религиозный гетеризм и т.д.). При этом фольклорный и ритуальный эротизм рассматривается как чистой воды пережиток, а социально-психологические функции эротики игнорируются, что делает невозможным сколько-нибудь адекватное постижение ее смысла. К сожалению, половозрастной символизм, выработка психологических механизмов половой самоидентификации, характер ценностей и предпочтений в области сексуального поведения и другие проблемы, требующие сотрудничества фольклориста и этнографа с психологом, социологом, врачом-сексологом, не только не решены в нашей науке, но даже и не поставлены должным образом. Совершенно очевидно, что для выработки суждений о них недостаточно просто зафиксировать и опубликовать фольклорные тексты, но необходимо изучать комплексно, многосторонне и объективно всю обстановку, в которой они бытуют. Таким образом, сама запись и публикация того или иного фольклорного произведения должны быть осмыслены как первый, и весьма важный, этап его изучения.

Обращение к запретным, «заветным» пластам русского фольклора чревато многими проблемами. По самой своей природе устное

---

¹ См. подробнее: Топорков Л. Л. Малоизвестные источники по славянской этносексологии (конец XIX — начало XX века). — Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991, с. 307–318.

² См. примеч. 3 на с. 6.

³ *Folklore de l'Ukraine: Usages, contes et légendes, chansons, proverbes et jurons.* — Kryptadia, 1898, vol. 5, p. 1–182; *Folklore de l'Ukraine.* — *Ibid.*, 1902, vol. 8, p. 303–398; Hnatjuk V. *Die Brautkammer: Eine Episode aus den ukrainischen Hochzeitbräuchen.* — *Anthropophyteia*, 1909, Bd. 6, S. 113–149.

⁴ См.: Kostić A. *Seksualno u našoj narodnoj poeziji.* Beograd — Zagreb, 1978.

⁵ Weżowicz-Ziöikowska D. *Miöóé ludowa: Wzory miöóci wieñniaczej w polskiej pieñni ludowej XVm—XX wieku.* Wrocław, 1991.

народное творчество плохо поддается письменной фиксации: оно слишком тесно связано со всей бытовой и обрядовой обстановкой, с музыкой и действием. Фольклор предполагает не зрителя и тем более не читателя, а вовлеченного в ту же игровую обстановку соучастника, изначально владеющего той же системой представлений и ценностных предпочтений, что и непосредственный исполнитель текста. Читателю, который желает проникнуть в смысловую глубину публикуемых произведений, следует напрячь воображение и мысленно перенестись в обстановку деревенского праздника или посиделок, свадебного или троичского обряда.

Однако восприятие фольклора, связанного с областью сексуально-половых отношений и материально-телесного низа, сталкивается и с некоторыми специфическими проблемами. Прежде всего поражает обилие нецензурной лексики и некоторая разнужданность воображения, да и вообще — что ни говори — странное впечатление производят тексты, в которых основными героями являются персонифицированные гениталии обоего пола.

Для человека, воспитанного в рамках современной городской культуры, сфера пола и материально-телесного низа окружена частоколом запретов и умолчаний, сопряжена с вполне определенным эмоционально-психологическим ореолом: это табуировано, греховно, грязно и стыдно. В народной же традиции половая жизнь воспринимается куда более индифферентно. О ней достаточно свободно говорят, называя вещи своими именами, и при этом не возникает ощущения, что речь идет о чем-то греховном и грязном.

Взрослые спали, как правило, в одном помещении с детьми, и те рано могли наблюдать сексуальную жизнь своих родителей. Мужчины и женщины вместе мылись в бане, купались обнаженными в реке. Мужчина присутствовал при родах и оказывал посильную помощь; подчас он сам изображал родильные муки, и это, как полагали, должно было облегчить страдания роженицы. На деревенских посиделках парни и девушки сидели друг у друга на коленях, многие игры заканчивались поцелуями, сценки с ряжеными включали подчас демонстрацию обнаженных гениталий.

В 1925 — 1926 годах фольклорист Е. Н. Елеонская записала в Можайском уезде Московской губернии со слов 65-летней женщины рассказ о том, как отмечалась здесь раньше свадьба. Это свидетельство почти 70 лет пролежало в архиве и было опубликовано только совсем недавно — без купюр и каких-либо изменений. Оно доносит до нас интересные подробности обряда, о которых обычно избегают говорить фольклористы. Когда молодые приезжают от венца в дом жениха, «вступают в свои права бабы, и начинается царство охально-го»¹. После совершения молодыми полового акта свахи, а затем и все

---

¹ Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовство в России. Сб. трудов. М., 1994, с. 204.

гости осматривали рубашку молодой. «Гости вваливаются в горенку, свахи подходят к кровати, раскрывают одеяло со словами: «Ну, вставай, поебили, покажи, как дела делали!» Женихова сваха повертывает молодую с боку на бок со словами: «Хорошо поебили!» Молодая встает (в одной рубашке), кланяется в ноги свекру, свекрови и всем присутствующим»¹. Утром молодых мыли. «Выводят молодых в теплый хлев, стаскивают с них белье, ставят их рядом спина со спиной, окачивают водой с головы, потом поворачивают друг к другу передом и снова окачивают, затем подают чистое белье и платье»². После закуски свахи «бьют горшки, пляшут, поют охальные песни и прибаутки». В такой обстановке и звучит песня «Чуманиха», варианты которой, по-видимому, послужили для А. С. Пушкина одним из источников его «Царя Никиты»: «Полетела пизда как галочка» и т.д.³. «Охальничать» кончают только тогда, когда молодых сажают за стол и приходят девки их величать.

На этом примере видно, как фольклорные тексты непосредственно вырастают из самой жизни, составляя органическую часть ритуала. Если городская культура представляет жизнь деформированно, вытесняя эротику или в низовую сферу порнографии и барковщины, или в высокую сферу одухотворенной любви, то культура фольклорная просто более полно копирует жизнь. Эротики и материально-Гелесного низа в ней ровно столько, сколько их в жизни обыкновенного, нормального человека. Трудно себе представить фольклорный жанр, в котором бы эта тема не была затронута в ее самом конкретном плотском аспекте.

Известный фольклорист А. И. Никифоров в своей неопубликованной книге «Просто о Севере» отмечал, что северная деревня в 1920-х годах была до отказа насыщена сексуальностью: «Сексуальна деревенская речь. Сексуальны отношения молодежи... Сексуальное — в песне, в сказке. С хохотом вам говорятся самые целомудренные загадки и поговорки, потому что они полны намеков. И в то же время это сексуальность здоровая, чистая, именно солнечная. Много раз мне приходилось видеть, как молодые и пожилые матери быстрым привычным движением руки обнажали белую грудь при мужчинах и детях, чтобы дать ее младенцу. И ни разу за три поездки я не слышал при этом ни шуточки, ни улыбки, ни застенчивости при этом действительно красивом и таком естественном обнажении»⁴.

---

¹ Елеонская Е. Н. Сказка, заговор и колдовств'о в России. Сб. трудов, с. 206.

² Там же.

³ См.: Левинтон Г., Охотин Н. «Что за дело им — хочу...» О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей». — Эротика в русской литературе: От Баркова до наших дней. Тексты и комментарии. М., 1992 (Литературное обозрение. Спец. выпуск), с. 28—35.

⁴ Наст, изд., с. 524.

Тема сексуальности и материально-телесного низа наиболее громко и полновесно звучит в свадьбе, в таких календарных праздниках, как святки, масленица, Троица и Купала, в сельскохозяйственной магии, связанной с севом и жатвой. Трудно представить себе обряд, направленный на продуцирование чего бы то ни было — человека, хлеба, домашнего скота,— в котором она не была бы представлена.

Согласно фольклорным текстам, женское лоно как бы объемлет собой весь мир, поглощает его, заглатывает и само же потом выплевывает или рождает. Для того, чтобы в этом убедиться, не обязательно читать М. М. Бахтина, достаточно послушать деревенские частушки. Vagina — своеобразная фабрика воспроизводства, источник всеобщей жизни, изобилия и процветания. В песнях и частушках, имеющих карнавальную природу, гиперболизация женского лона доводится до абсурда. Например, в песне, записанной П. В. Киреевским в 1834 году в Тверской губернии, есть такие слова:

Скрозь маткиной пизды да и барочки прошли,
Скрозь дочкиной пизды корабли прошли,
Корабли прошли и со парусами.
Мужик пашенку пахал и туды, в пизду, попал,
И с сохой, и с бороной, и с кобылкой вороной¹.

Так и в современной «срамной» песне все проваливается во всепоглощающее женское лоно:

Девяти аршин брявно — тоя поперек лягло.
Пахарь пашенку пахал — он и то туда попал.
Пастух лапти плёл — он и то туды забрёл.
Жерябёночек-прыгун — он и то туды впрыгнул².

В частушках туда же вмещаются церковь и попы-грабители, медведь, 48 медвежат; собака и прочее. Вообще vagina постоянно вызывает чувство страха у мужчины, уподобляется то зверю, то птице, грозит его проглотить или утопить:

Я ебался, растерялся,
Чуть в пизде не утонул.
Я за кромочки поймался,
Мать родную помянул³.

Даже рождение человека приобретает в частушках характер карнавального действия:

---

¹ Наст, изд., с. 57.

² Наст, изд., с. 266.

³ Наст, изд., с. 480. Тексты из коллекций «Частушки в современных записях», публикуемой в нашей книге, далее цитируются с указанием порядкового номера текста.

Говорят, что хулиган я,
Говорят, я — живорез;
Когда мать меня рожала,
Из пизды с наганом лез. (№ 45)

Архетипический образ женского лона, воплощающего собой всеобщее порождающее начало, облекается здесь в пародийную форму. Если в мифологии земледельческих народов мира *vagina* отождествляется с землей, то в песнях и частушках на ней косят траву и высаживают картошку. В фольклоре гениталиям часто приписывается утилитарное назначение, и это является одним из источников комизма: из женских половых органов шьют шапочки и рукавицы, из старухиной «штуки выйдут брюки, хомут, седелко и узда» (№ 260), фаллом разгоняют облака в небе, поворачивают рулевое колесо на тракторе, ездят на нем в Питер, строят на нем баню или используют как место для плясок. Особенно часто из женских и мужских гениталий делают балалайки и другие музыкальные инструменты.

Отдельно нужно сказать о роли матерных слов в фольклоре. В большинстве случаев это не ругательства, а самые банальные, буквальные обозначения определенных органов человеческого тела и физиологических актов. Более того, эти слова часто выражают любовное и ласковое отношение к упомянутым органам. Не случайно так часто к ним прибавляются уменьшительно-ласкательные суффиксы; мы встретим в песнях и частушках такие непривычно для нас звучащие формы, как *пизделочка*, *пиздёнка*, *пиздушечка*, *пиздища*, *манденочки*, *мандевошечки*, *мудишки*, *хуинушка*, *хуишечко*, *хуёчек*, *хуина* и многие другие.

В загадках, песнях и частушках мир существует в состоянии сексуальной гиперактивности. Все здесь непрерывно совершают коитус самыми разнообразными способами и в самых разнообразных позах. Любви предаются люди всех возрастов, даже столетняя старуха самозабвенно занимается ею со своим стариком, которому уже стукнуло двести (№ 525). Несмотря на рискованную тему, в этих текстах нет ни капли похабщины, и в этом состоит их принципиальное отличие от городской барковианы. Мы видим веселый праздник плоти, воплощенную мечту о свободе и преодолении всех социальных, религиозных и моральных ограничений. Но это праздник, который выражается не в реальных оргиях или коитусе, а в слове, игре, фантазии — одним словом, в творчестве.

В сексуальную активность втянуты в фольклоре не только люди, но и животные и птицы (дикие и домашние), предметы домашней утвари и одежды, орудия сельскохозяйственного производства. Песни, частушки, загадки как бы напоминают о том, что соединение мужско-

го и женского начал породило не только каждого отдельного человека и все человечество в целом, но и весь животный и растительный мир. И даже смерть не в силах прервать этого безостановочного процесса цветения и воспроизводства жизни. Публикуемые в настоящем издании тексты театра Петрушки и описания святочных игр — при всех отличиях в их происхождении и эстетике — выражают идею торжества смеха и Эроса над смертью. В частушках, как и в святочных забавах, тот, кто только что казался покойником, неожиданно вскакивает и бросается на женщин, и это «воскрешение» сопровождается взрывами живительного и освобождающего смеха.

Я не ёбши помираю,
Напишите на гробу:
Через год из гроба выйду,
Всех старух переёбу. (№ 408)

У покойника, которого везут на кладбище, в частушках стоит фалл до подоконника, и это наглядно демонстрирует его готовность к продолжению сексуальной жизни. Подчас *penis* даже возвышается над могилой как своеобразный памятник вечной и неизбывной сексуальности (№ 534).

В песнях и частушках мужские и женские гениталии часто существуют как особые персонажи, независимые от человека. Этот художественный прием хорошо известен и в литературной барковiane. Однако на фоне такого текста, как «Стать почитать, стать сказывать», которым открывается наше собрание, а также многих других песен и частушек поражает какая-то анемичность этих персонажей в «Девичьей игрушке». У И. Баркова *vagina* часто поражена старческой немочью: «трясется, с костью бредет», «шамкает»¹, она «старая, седая», притом к тому же «урод»². И совсем иная картина в фольклоре: и мужские и женские гениталии здесь настоящие живчики и ведут себя как заправские деревенские хулиганы. Народные песни, частушки, театр Петрушки вообще поражают своей гиперболичностью, красочностью и непредсказуемостью. Характерно, что фольклорные источники обнаруживаются как раз у наиболее прихотливых литературных произведений, таких как «Царь Никита и сорок его дочерей» А. С. Пушкина и «Заветные сказы» А. М. Ремизова.

Если суммировать то, что говорится в частушках и песнях о мужских и женских гениталиях, получим картину куда более яркую по своей гротескности, чем «Нос» Н. В. Гоголя. Вот «он» в военной форме идет на рыбалку (№ 186), три недели ходит по базару голодный и ищет

---

¹ Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова. Изд. подготовили А. Зорин и Н. Сапов. М., Ладомир, 1992, с. 61. (Серия «Русская потаенная литература») >

² Там же, с. 96.

себе «подругу» (№ 296), приехал из Москвы в очках и с «подругой» в шляпе (№ 298), свалился вниз головой с самолета (№ 308), сидит в тюрьме и голову высунул из окошка (№ 328), любит кататься на лодочке (№ 309), голосит со скинутыми портками (№ 88), растянулся на нарах как порядочный мужик (№ 182[^]-а в период коллективизации его увозят на поселение при общем плаче деревенских баб (№ 183). Не меньшей активностью отличаются и женские гениталии. Они дерутся друг с другом у колодца или у мостика (№ 275), прогуливаются по берегу реки (№ 306), одна из них слопала 4 фалла (№ 333), другая отдыхает на мостике, протянув через него свой хвостик (№ 272), третья сама принесла откуда-то ребенка (№ 270), четвертая в поле хрумкает овес (№ 211), пятая сидит с хворостинкою под осинкой и держится за себя же, несколько женских гениталий с топорами в руках идут, чтобы отрубить голову penis'у и погубить его душу¹. Даже клитор ведет себя подчас как красный комиссар:

Хуй мохнатый, волосатый
Подошел к лунке попить,
Секель выскочил с наганом:
— Не хуй воду здесь мутить! (№350)

Вообще и vagina и penis чрезвычайно активны, они постоянно хохочут, поют, кричат, свищут, голосят, за кем-то гоняются, вступают в потасовки и ни минуты не пребывают в покое. Рассказ об их приключениях подчас имитирует бесхитрое видение ребенка, причем и самому penis'у могут придаваться инфантильные черты:

Пизда печку затопила,
Хуй прикуривать пришел,
Пизда пальцем погрозила,
Хуй заплакал и ушел².

Надо сказать, что Древней Руси, по-видимому, не был чужд культ фаллоса, известный у многих народов мира. Белорусский археолог И. Барщевский, посвятивший этой проблеме специальное исследование, сообщал, что каменные изваяния фаллической формы имеются в музеях Смоленска, Новгорода, Костромы и Полтавы³. Кстати, такую форму имеет и знаменитый Збручский идол. В сельскохозяйственной магии и в фольклоре половой член предстает как всеобщий двигатель, корень и основа жизни. Характерно, что в подблюдных песнях описание мужика с гипертрофированными гениталиями предвещает богат-

---

¹ Наст. изд. с. 518.

² Наст. изд. с. 513.

³ Баршчэўст І. З пістоўні фальлёктэзізму. — Зап. Аддзелу гуманіт. навук, кн. 4: Працы Катэдры этнографіі, т. 1: Сшытак І. Менск, 1928, с. 49.

ство, свадьбу и продолжение рода. Пустую похабщину же в этих текстах может видеть только тот, кто не знаком с фольклорной символикой. Особенно интересны заговоры и заклинания от импотенции, однозначно серьезные и погруженные в стихию древних языческих образов, дышащих мощью и энергией.

Чтобы ощутить специфичность того менталитета, который стоит за фаллическим культом, представим себе, что барковские оды «На рождение пизды» и «Хуя» произнесены в ритуальной обстановке и без всякой тени сарказма:

Природой данную нам радость,
О Муза, ты воспой теперь,
Какую чувствуем мы сладость,
Узря ее достойну дщерь.
Пизды любезныя рожденье
Весь мир приводит в восхищенье,
Пизда достойна олтарей,
Она прямая дщерь природы,
Ее нещетно чтут народы,
Пизда — веселье твари всей¹.

Се уж таинственную силой
Тебя колеблет ратный жар,
Восстал герой, влекомый жилой,
Восстал, готов свершить удар.
О витязь! красный и любезный!
Героев больше всех полезный!
Без брони и без всяких збруй,
Тобой природа вся живится,
Тобой все тешится, родится,
Тобой, всех благ источник — хуй!²

В рамках городской культуры столь победоносно вынесенное в конец стиха слово ближайшим образом напоминает надписи на заборах, в подъездах и в туалетах. Однако в культуре традиционной оно имеет аналоги иного рода: например, это слово процарапывали на севернорусских прялках, чтобы придать им магическую силу³.

Вообще описания женских и мужских гениталий в фольклоре явственно коррелируют с их реальной демонстрацией в обрядах, призванных стимулировать общее изобилие и плодородие, а также защитить человека от враждебных сил. Известно, например, что, начиная сеять зерно, мужчина подчас снимал штаны, как бы имитируя соитие с землей, а при посадке огурцов бегал со спущенными

---

¹ Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова, с. 103.

² Там же, с. 99.

³ Жарникова С. В. Фаллическая символика севернорусской прялки как реликт протославянско-индоиранской близости.— Историческая динамика расовой и этнической дифференциации населения Азии. М., 1987, с. 130-146.

портками вокруг грядки, чтобы огурцы выросли такие же большие, как его половой член. Во многих обрядах обнажались и женщины: при опаживании села от «коровьей смерти», при вызывании дождя, при изгнании вредных насекомых, при собирании юрьевской или купальской росы и в других случаях. Утрачивая со временем магические функции, ритуальное оголение начинает ныне осмысляться как оскорбительный жест и вызывает реакцию отторжения или смеха.

Таким образом, происхождение и смысл фольклорной эротики связаны с определенными мифопоэтическими идеями: соединение мужского и женского начал есть всеобщий источник жизни, коитус вечен и преодолевает смерть, женское лоно охватывает собой весь мир, а vagina и penis существуют сами по себе, как самостоятельные персонажи, не зависящие от человека. В реальных текстах эти идеи разыгрываются, а иногда и пародируются по специфическим эстетическим законам, свойственным разным фольклорным жанрам.

Эротические тексты того или иного жанра могут быть рассмотрены в двух отношениях: как часть некоего «эротического континуума», существующего в рамках целостной системы русского фольклора¹, либо в соотнесении с другими произведениями того же жанра, лишенными элементов эротики. В первом случае эротический фольклор предстает как более или менее целостное образование, а произведения разных жанров — как многовариантное выражение единого пласта жизненной реальности. Во втором случае произведения разных жанров, разыгрывающие эротическую тему, приобретают определенную автономность по отношению друг к другу, а на первый план выступают эстетические, социально-психологические, ритуально-магические и иные задачи, объединяющие произведения того или иного жанра. Особо надо отметить, что многие из публикуемых нами непристойных текстов имеют вполне порядочных «двойников», лишенных эротики и обцена. Выяснить, как соотносятся друг с другом пристойные и непристойные варианты одних и тех же текстов и какова специфика вторых, — в каждом случае особая задача, и мы ее перед собой не ставили, имея в виду лишь публикацию текстов и их самую предварительную систематизацию. Можно, впрочем, заметить, что бытующее мнение о малочисленности и исключительности эротических текстов явно опровергается нашими материалами.

Эротические загадки двусмысленны и глубоко ироничны; они строятся на обманутом ожидании. В отличие от частушки, в которой все названо своими словами, гиперболизировано и осмеяно, исполнитель загадки как бы демонстрирует свою наивность, делает вид, будто не догадывается о сексуальном смысле слов «дырка», «палка»,

---

¹ Ср.: Борисов С. Б. Смехоэротический континуум народного творчества. — Русский фольклор: ирвфлимы изучения и прпцпдшпмпт. Тамбов, 1991, ч. 3, с. 52-55.

«плешь», «пихать», «совать», «играть», «тереть», «долбить», «давать», «вдеть», «засадить», «пощупать» и многих других. Между прочим, таких двусмысленных загадок достаточно и во вполне доступных фольклорных сборниках, хотя их второй план, по-видимому, не всегда понятен и самим публикаторам. Вот наугад три текста из сборника загадок, изданного Пушкинским домом в академической серии «Памятники русского фольклора»¹

Стоит дерево мохнато, в мохнатом-то гладко, в гладком-то сладко, про эту сладь и у нас есть снасть.

Есть на мне, есть во мне, нагни меня, ломи меня, сломишь — гладко, расколешь — сладко.

Росло-повыросло, с листьев повылезло, кончик закрутился, каждому полюбился.¹

Во всех трех случаях отгадка — орех.

В основе эротической песни обычно лежит небольшая зарисовка с природы, житейская сценка, включающая диалог парня и девушки (солдата и молодухи) и описание их любовного соединения. Обращают на себя внимание, во-первых, полная свобода девушки или женщины в выборе партнера и, во-вторых, столь же полное отсутствие какого-либо ригоризма или хотя бы оттенка морального осуждения. В некоторых текстах девушка сама «ловит» или «находит» фалл и совершает половой акт как бы даже без участия мужчины. Вообще и в песнях, и в частушках женщины не менее активны, чем мужчины, и столь же ненасытны в своих желаниях. Если с точки зрения духовенства или сельского мира такое поведение квалифицировалось как грешное и развратное, то в песнях оно рисуется с полным сочувствием и одобрением, просто как наиболее естественное в описываемых ситуациях.

Благодаря тому, что в нашем издании представлены и записи, сделанные в XVIII—XIX веках, и современные материалы, читатель может убедиться, что одни и те же тексты бытовали без особых изменений по меньшей мере на протяжении 2—3-х столетий. Это свидетельствует об устойчивости и глубине традиции, с которой они связаны, об их психологической естественности и сохраняющейся едва ли не до наших дней актуальности, глубокой укорененности в быту и обрядовой практике. Стоит отметить, что «срамные» или «охальные» песни исполнялись, как правило, только в рамках определенных календарных или семейных обрядов.

Происхождение, формы бытования и поэтика эротических песен — это особые темы, которые могут быть решены только после того, как будут введены в научный оборот сами тексты.

Андрей ТОПОРКОВ

---

¹ Загадки. Изд. подготовила В. В. Митрофанова. Л., 1968, с. 166.

Песни
Обряды и обрядобый
фольклор
Народный театр
Заговоры
Загадки
Частушки

Песни

НАРОДНЫЕ ПЕСНИ ЭРОТИЧЕСКОГО СОДЕРЖАНИЯ

Из всех произведений русского фольклора, в которых в той или иной степени отразилась эротическая тема, народные песни оказались наименее известны. Если заветной сказке был отдельно посвящен знаменитый сборник А. Н. Афанасьева, а фольклорные и этнографические публикации XIX—XX столетий включали сотни эротических загадок, пословиц, десятки заговоров «от плотской немоши», описания различных обрядовых действий с элементами obscenity, то опубликованных текстов народной лирики эротического содержания можно насчитать единицы.

Ио всей вероятности, это связано с тем, что в песнях народный эротизм проявлялся с особой неприкрытой откровенностью. Если obscenity народных загадок вуалировалась игрой смыслов («непристойная» загадка — «приличная» отгадка), элемент эротики в большинстве ритуальных действий «облагораживался» идеей всеобщего плодородия и изобилия и, занимая значительно меньшее смысловое пространство, как бы растворялся в общем «нейтральном» обрядовом субстрате, а заговоры, направленные на восстановление или регулирование здоровья человека в этой области, являлись

неотделимой частью массивного пласта народной медицины и опять же служили благородной цели — достойного продолжения человеческого рода, то «непристойная» народная песня оказывалась как бы не у дел, и ее неприкрытая «сексуальность» воспринималась представителями письменной культуры, каковыми и были собиратели, как грубая и вульгарная демонстрация народом своей распущенности.

Молено возразить, что русская заветная сказка так же пряма и откровенна. Но рассказывание подобных сказок предполагало выделение рассказчика из общего числа участников исполнения, причем аудиторию сказочника составляла группа *избранных* лиц (например, только женатые мужчины): «У нас в деревне был дед, он похабных басен много знал, так вот, идешь, бывало, мимо заваленки, а там в круг мужики собрались, ну, гогочут — дед им загибает, а нам-то интересно, ну, нам, может, лет по шестнадцать было, вот подходим — мужики завидят: «Иди, иди отсюда! Тебе чего надо? Ты еще не обзавелся, иди, вон, гуляй!» Не давали слушать ребятам. А когда я женился, дед уже помер, вот я ни словечка его басен и не захватил!»¹ Таким образом, исполнение заветных сказок подразумевало камерность обстановки. Народная нее песня эротической тематики традиционно пелась многоголосно (причем зачастую вообще отсутствовало какое-либо разделение участников исполнения на певцов и слушателей) и предназначалась *для всех*: «И дети идут, и старики идут — никого не стеснялись»².

Даже «непристойная» частушка в эмоциональном отношении проигрывала «неприличной» песне, вследствие сольного исполнения первой и отсутствия со стороны коллектива необходимости «подхватывать» ее. Повидимому, именно особый размах в изображении эротических ситуаций в народной песне и включение в ее исполнение больших групп людей «отталкивали» собирателей и публикаторов от знакомства широкой читаю-

---

¹ Место хранения: ИМЛИ, т. 16, № 127.

Зап. в 1993 году Е. В. Миненок в с. Печки Людиновского р-на Калужской обл., от Никоненкова И. П., 1936 г. р.

² Место хранения: ИМЛИ, т. 1, № 4, с. 9.

Зап. в 1989 году Е. В. Миненок в с. Троицком Куйбышевского р-на Калужской обл., от Балабановой В. Р., 1929 г. р.

См. аналогичные сведения, приведенные в публикации Л. Винарчик «Срамные песни Смоленской губернии» в наст. изд.

щей публики с подобными произведениями народной фантазии, что и привело к оседанию таких текстов в многочисленных архивах.

Вместе с тем в начале XX столетия публикация народных эротических песен без купюр в малотиражных сборниках, предназначенных для узкого круга исследователей, воспринималась как определенное исследовательское достижение: «Большинство песен напечатано с точной передачей неприличных выражений народного языка. Издание их в таком виде, без всяких выпусков, составляет несомненную научную заслугу»¹.

Вопрос об историческом развитии необрядовой лирики эротического содержания требует отдельного рассмотрения, однако далее при поверхностном анализе легко заметить определенную *неоднородность* данной группы произведений. Выбор персонажей, изображение ситуаций, распределение и акцентирование «мужской» и «женской» позиций при сохранении единой темы существенно различаются. Таким образом, на основании ряда основополагающих поэтических признаков (сюжета, системы персонажей, деталей предметной изобразительности и т. д.) в эротической необрядовой лирике можно выделить несколько *разновременных* пластов — условно говоря: «архаический», «переходный» и «поздний».

Предположительно самый архаичный из них состоит из песен, в которых персонифицируются мужской и женский детородные органы. Народная фантазия, превращая их в самостоятельные персонажи, наделяла *равной* силой как мужское начало, так и женское.

Показательно, что ряд сюжетов данной группы песен посвящен «войне» (или по вариантам — «драке», «соревнованию») между соответствующими частями мужского и женского тел — см., например, песни «Шел я лесом-бориком», «Как у бабушки козел, хы да пы» и другие в настоящем издании.

Этот пласт народной лирики эротического содержания представлен удивительно небольшим количеством произведений. Возможно, что подобные тексты собирателями просто не фиксировались. Но также вероятно, что они «не дошли» до нашего времени, будучи вытесненными более «содержательными» и приближенными

---

¹ Якушкин Е. И. Заметка об одном очень редком издании белорусских песен. — Этнографическое обозрение, 1906, № 1 — 2, с. 97.

к реальности песнями эротической тематики. Тем не менее мотив «боя» («драки») между женским и мужским детородными органами был передан песней «в наследство» частушке. Более «поздние» эротические песни также органично впитали ряд мотивов, традиционных для «архаического» пласта.

Второй пласт, условно обозначенный как «переходный», составляют песни, в которых разнообразно обыгрывается сама сексуальная ситуация — см., например, песни «Брали девки лен, лен», «Осенние ночи», «Пригласил Ваня Дуняшу с собой ночку ночевать» и другие в настоящем издании. Основными персонажами в этих произведениях являются представители мужского и женского полов.

Одной из ярких отличительных особенностей эротических песен данной группы является изображение женского начала как стороны активной, инициатора любовной игры. «Деввица» сама приходит в гости к «молодцу» или зовет его к себе:

Я сама, млада, осмелюсь, друга в гости позову,
Утощу, улещу, на кровать спать положу.

«молодцу» остается лишь «догадаться» и поступить соответствующим образом, согласившись на роль послушного исполнителя.

В ряде текстов мужчине предоставляется некоторое право выбора, однако и здесь женское поведение выражает не только полное принятие мужского желания, но и активно содействует развитию ситуации:

Стой ты, парень, не валяй, сарафана не марай,
Сарафан мой синий, сама, девка, скину,
Сама, девка, скину, под себя подкину,
Руки, ноги разложу, дороженьку покажу!

Идея некой *изначальности провоцирующего женского поведения* сохраняется даже в метафоричности песен:

Во ту ли во пшеночку повадилась курочка,
Повадилась курочка, курка черной хохолок.

Это желание и умение женщины «заводить» любовную игру данная группа народных песен (в отличие,

например, от баллады) определяет как нормативное поведение, без какого-либо намека на осуждение. Более того, женская сексуальная «открытость» преподносится как передаваемое «по наследству» знание:

**Не учила меня мать ни ткать, ни прясть,
Только выучила мать, как под молодецм лежать.**

Любопытно, что «несовместимость» занятий любовными утехами и работы, тонко подмеченная народной песней, имела место и в реальной крестьянской жизни. «Хорошо-то в замужестве, знаешь, кто жил? Кто на работу был ленив. Мужик домой придет — она его встретит и приветит, ну, целый день ничего не деламши — скучно. А тут нажнешься, да наработаешься, домой придешь — спать повалишься. Какое тебе целованье? Ну, а мужик, знаешь, на бабу зуб точит!»¹

Песня изображает сексуальные возможности женщины как предмет ее особой гордости. Не случаен столь частый мотив украшения женского детородного органа:

**За парневы деньги
Куплю я ей серьги.
Куплю колокольчик
На самый хохольчик.**

Любые этические ограничения становятся несущественными применительно к сексуальному потенциалу:

**Как и дочка-то с маткою спорилася:
Маткина пизда широка, у дочки шире ее.**

Причем женская сексуальность, изображаемая данным пластом произведений, не имеет возрастных границ: одинаково «сладострастны» и девицы, и «молодые молодухи», и «старые старушки» (в отличие от «мужского» персонажа, возраст которого практически всегда маркирован — «молодец», «паренек» и т. д.). (То же наблюдение было сделано и Е. Бартминьски применительно к польской народной песне эротического содер-

---

¹ Место хранения: ИМЛИ, т. 14, № 187.

Зап. в 1992 году Б. В. Миненок в д. Черный Поток Людиновского р-на Калужской обл., от П. И. Андроновой, 1922 г. р.

жания: «Черта молодости сильнее акцентируется в отношении молодого человека...»¹

По сути, поведение персонажей песен «переходной» группы не имеет ничего общего с желаниями и поступками конкретных людей. Эротические страсти разудалых «молодцев», не ведающих стыда «девушек», разбитных «молодушек», сластолюбивых «старушек» как *общепризнанная* модель поведения существовала исключительно в пространстве эротической песни, поэтический мир которой был очень далек от той реальности, в какой жили ее исполнители, и от тех нравственных убеждений, которым они следовали в повседневном быту.

Каждая такая песня — всего лишь игра в эротику, открытая демонстрация в *строго определенный период времени* (святки, русальная неделя) тех переживаний и желаний, которые в будничное время тщательно скрываются под спудом строгих поведенческих норм и каждодневного тяжелого труда.

Народная традиция не поддается однозначной классификации (а классификация народной лирики, вследствие формульного строения песен, еще более проблематична), поэтому не представляется возможным провести четкую разделительную черту между различными пластами песен эротического содержания. Так, в группе произведений, условно обозначенной как «срединная», широко представлены мотивы, типичные для «архаической» группы.

Одним из них является мотив «поглощения» женским детородным органом мужчины и предметов материального мира:

Пахарь пашенку пахал — он и то туда цопал,
Пастух лапти плел — он и то туды забрел,
Жеребеночек-прыгун — он и то туды впрыгнул.

Или:

Скрозь дочкиной пизды корабли прошли,
Корабли прошли и со парусами.

Гиперболизируя женскую сексуальность, народная песня создает образ «всепоглощающего» женского нача-

---

¹ Bartmiński J. Jaś koniki poił (Uwagi o stylu erotyku ludowego).— Teksty, 1974, № a, s. 13.

ла, безграничного по своему потенциалу. Опираясь на физиологические реалии появления людей на свет, народная песня уподобляет женский детородный орган вратам в бесконечность космоса, через которые возможно движение в обоих направлениях — как к жизни, так и к смерти.

Другое наследие «архаической» группы песен — это мотив уничтожения (как вариант — избиения) детородных органов (чаще всего женского), эволюционировавший, возможно, из мотива их «войны»:

Собирались девки,
Собирались красны,
Щелок щелочили,
Черну пизду мыли,
Мыли, полоскали,
За уши таскали,
За уши таскали,
Больно колотили.

Или:

Моего-то хуя бьют,
Его били-колотили,
В печку набок воротили,
Волочили по песку
Да разделили по куску.

Этот мотив созвучен обрядам троицкого цикла, к которым очень часто приурочивались эротические песни (в частности, к Духову дню и «похоронам кукушки»), когда ритуальную куклу (или «кукушку»), также символизирующую женское начало, буквально разрывали на части.

Один из самых неясных мотивов в данной группе песен — это мотив «остригания шерстки»:

Остригу я эту шерстку,
Понесу я шерстобиту,
Разобьет ее бастенько,
Опряду ее тоненько,
Свяжу милому перчатки.

По всей вероятности, этот мотив также был связан с некими обрядовыми действиями. Единственный намек на их существование удалось записать в Калужской

области: «Когда-то давным-давно, еще бабушка моя рассказывала: на второй день свадьбы приходили старухи в дом к молодыш. Ну, их там угощали, и вот одна брала ножни, задирала себе подол и стригла свою курицу, свой хохол. Но это давно-давно, бабушка не видала, а ей кто-то тоже вот так-то рассказывал»¹.

Особую подгруппу составляют эротические песни диалогового характера:

- Что ж у тебя, девка, промеж ног черненько?
- Швецы были, шубу шили, лускат позабыли!
- Что ж у тебя, девка, промеж ног красненько?
- Мыши были, гнезды вили, норы проточили.

Или:

- Что у тебя, девица, губушки сладеньки?
- Пчолы были, мед носили, а я принимала.
- Что у тебя, девица, в пазушке мякенько?
- Гуси были, пух носили, а я принимала.

Интересно, что содержание ответов воспроизводит картину «творения» женского тела представителями животного мира. Исключение, казалось бы, составляет «лоскут», который пришили швецы. Но в песнях встречается и иной вариант ответа:

— А етыг зверь
Издаличе привезен,
Издаличе привезен,
Промеж ног посажен.

В народном осмыслении женского начала как наследия мира природы прослеживается удивительная последовательность. Женский детородный орган сравнивается исключительно с предметами из мира природы: «кунка», «черный соболь», «галка», «зверек из Сибири привезен» и т. д. Тогда как мужской детородный орган уподобляется в песнях «коню», «булатной пищали», «перу» и т. д.— то есть явлениям из мира культуры. Это наблюдение говорит о подобной тенденции, но ни в коем случае не о правиле. (См., например, сравнение мужско-

---

¹ Место хранения: ИМЛИ, т. 14, № Ц2.

Зап. в 1992 году Е. В. Мишенок в с. Букань Людиновского р-на Калужской обл., от Н. Т. Ладутько, 1919 г. р.

го детородного органа с сизым селезнем в тексте «Стать почитать, статью сказывать» в наст. изд.)

Первые две группы эротических песен отличает еще одна интересная особенность — наличие припевов, состоящих из асемантических слов: «А тыльды, будыльды, каракалки!», «Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя!», «Ох, и я шиндеря да шиндеришенька моя!» — и т. д. Возможно, за подобными припевами «скрывается» утраченная «неприличная» лексика.

К «позднему» пласту народных эротических песен можно отнести произведения типа «Раз полоску Маша жала», «Что по травке, по муравке» (сюжет — солдат Яшка и хозяйская дочь Наташка), «Ты скажи же, моя Марусенька», «Без морковки жить неловко» и проч. (см. настоящее издание). Эта группа песен скорее всего формировалась не без влияния слободской, купеческой и солдатской сред. Не случайно персонажами этих произведений становятся солдат, целовальник, купеческий сын и т. д.

По набору поэтических образов, по сюжету, по акцентированию мужской и женской «ролей» эти песни выщеляются из всего пласта народной лирики с эротической тематикой. В них уже нет того чарующего обаяния откровенной наготы, которое так остро ощущается в произведениях первых двух пластов. (Интересно, что в этой группе песен практически отсутствует obscene лексика.) «Поздняя» эротическая песня не «проживает» сексуальную ситуацию, а занимается ее «описанием», причем заметно сужая «пространство» эротики за счет введения фрагментов повествовательного характера. Народное внимание уже не привлекает первоизданная беспомощность и, соответственно, открытость человека перед стихией Эроса. Начинается процесс «осмысления» сексуального поведения и, соответственно, высказывается по его поводу определенная морально-этическая оценка:

Вот вам, девушки, наука:
Не ходите в лес гулять,
Там найдете черна жука,
Не ложите с собой спать.

Такую «мораль» невозможно представить в песнях «архаических» и «переходных».

Любопытный пример являет собой песня о солдате-

Яшке и хозяйской дочери Наташке. Последняя отказывает притязаниям Яшки (что опять же невообразимо в «ранних» эротических песнях), и тот в ответ грозит (!):

Я каков, Яшка, ни буду,—
Я тебя, курву, добуду!
Я каков, Яшка, ни стану,—
Я тебя, курву, достану!

Подобные песни уже «живописуют» «реальных» людей с их «реальными» сексуальными взаимоотношениями.

К последней группе можно также отнести и песни, в которых ожидаемое продолжение текста с эротическим смыслом как бы перебивается текстом «нейтральным»:

Как, бывало, я, всем давала я,
Клятву верную дружку милому.
Как, бывало, он мне показывал
Свой большой толстой кошелек с каймой.

(Подобные произведения широко бытуют и в детской среде.)

Сюда же относятся песни, в которых эротический смысл возникает вследствие различных фонетических ассоциаций:

По мху я, девушка, ходила,
Во мху я, красная, гуляла,
Во мху я, во мху я,
Во мху я, во мху я, во мху я!

Исполнение подавляющего числа эротических песен (независимо от того, к какому временному пласту они относятся) было строго приурочено в народной традиции к определенным календарным или семейным обрядам (на святки, Духов день, во второй день свадебного обряда и т. д.)¹. Но и в контексте обряда их исполнение

---

¹ См. в наст. изд.: Е. Миненок, «Обряд Духова дня в селе Троицком Калужской области», Л. Винарчик, «"Срамные" песни Смоленской области».

постоянно перемежалось пением «нейтральных» песен (хороводных, протяжных и проч.).

Именно в ритуально обозначенные временные промежутки позволялось петь «страмщину». Исполнение подобных произведений (да и обычная матерщина) *с любое иное время* вызвало бы глубокое неприятие со стороны крестьянской общины и могло бы повлечь не только осуждение, но и определенные меры наказания.

Елена МИНЕНОК

ИЗ ПЕСЕННЫХ СБОРНИКОВ XVII ВЕКА

Наиболее ранние записи эротических песен дошли до нас в рукописных сборниках XVIII века. Самый известный из них — «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». До сих пор нет убедительного ответа на вопрос, где этот сборник появился и кто его составитель. Исследователи сборника высказывают разные предположения по этому поводу, но большинство придерживается мнения, что место его возникновения — юго-западные районы Приуралья.

Первые издания сборника, 1804 года (А. Ф. Якубовича) и 1818 года (К. Ф. Калайдовича), сыграли большую роль в истории отечественной культуры. Они познакомили общественность России и европейских стран с русским эпосом. Некоторые варианты былин и исторических песен Кирши Данилова до сих пор являются непревзойденными образцами этих жанров. Наряду с ними в сборнике есть несколько песен совсем иного, непристойного характера. Они составляют органическую часть всего корпуса текстов, но до сих пор в полном виде в сборнике так и не опубликованы. Причина этого заключалась не только во внешней цензуре, но, думается, и во внутренних нравственно-этических установках издателей. Между тем для самого составителя сборника (кем бы он ни был) и его окружения непреодолимой границы между серьезными былинами и непристойными, скоромными песнями нет. Именно поэтому, по-видимому, они и не выделены в отдельный раздел и разбросаны по тексту сборника. Вероятнее всего, и былины, и непристойные песни могли входить в репертуар одних и тех же исполнителей. Особый интерес для истории русского эротического фольклора представляют тексты «Стать почитать, стать сказывать» и «Свины хрю, поросята хрю». По наблюдениям

А. А. Горелова, в некоторых фрагментах этих текстов «молено видеть ранние частушки или скоморошьи первообразы частушечного жанра», а в целом они «составлены из множества более мелких произведений, отмеченных чертами самостоятельной сюжетной и ритмической организации»¹.

Публикуемые тексты поражают обилием непристойной лексики, игривостью тона, буйным фантазированием на сексуальные темы. Это тоже своего рода шедевры и непревзойденные образцы эротического фольклора, зафиксированные еще в XVIII веке.

Менее известны, чем сборник Кириши Данилова, другие рукописные песенные собрания XVIII века, такие как «Сборник Абрамова» (1740) и «Древняя Русская стихотворения и песни» (не ранее 1762). Эротические тексты, встречающиеся в этих сборниках, показывают, что песни такого рода были широко распространены в России XVIII века.

---

¹ Горелов А. А. Диффузия элементов устнопоэтической техники в сборнике Кириши Данилова.— Русский фольклор. Л., 1974, вып. 14, с. 193. См. также: Горелов А. А. Частушка — с разных точек зрения.— Русская литература. 1972, №4, с. 213—214.

1. СТАТЬ ПОЧИТАТЬ, СТАТЬ СКАЗЫВАТЬ

- ¹ А статью почитать, статью сказывать:
А и города все, пригородья все,
Малую деревню — и ту вспомнить.
⁵ А в Нижнем славном Нове-городе, на перегороде,
В бубны звонят, в горшки благовестят,
Да помелами кадят, мотовилами крестят,
Стих по стиху на дровнях волокут,
А и молоду молодку под полосью везут.
¹⁰ А на лавицы ковер, на пече приговор,
На полатех мужик с Ориною лежит.
А не мил мне Семен, не купил мне серег,
Толко мил мне Иван, да купил сарафан.
Он, положи на лавку, примеривать стал,
Он красной клин в середку вбил.
¹⁵ А был я на Волме, на Волме-горах,
А купил я девонку, да Улкой зовут,
Дал за девонку полтину да рубль,
Запехал во девонку полхуя до муд:
— Вот те, девонка, мой сиз селезень,
²⁰ Без перья, без крылья, без папоротков.
А и черт напече куличи, что печи,
Окоянной пришел, в опару насрал.
А невеска свет, не есса хлеб,
Пойдем-ка в клеть, разговеемса
²⁵ Калачом, рагачом, черной пиздой,
что смородиною.
А в городе ^руде нашла девушка муде, приточала
к пизде,
Огленулася назад — хорошо ли та висят?
А у нас на Дону черт уеб сатану,
Прислоня ево к тыну, запехал хуй в дыру,
³⁰ Сатана-та-де вертитца, у него жопа болит.
А поп на базаре пизду продает,
Пришедши дьякон, он барышничает.
Он взял пизду в зубы, потягивает, розшеперивает,
А кабы наша пизда вненакладе ушла.
³⁵ А и надобна стара баба здогатки ети,
Винцом попоить, без штанов походить,
За уши грызи, за потылицу дери и в хребет колоти,
А и пуще, стара баба, целки ревет.
А хто-де уебет скоморохову жену,
⁴⁰ Тово трясса треси комуха,
Ево бей оздыня, ростаку мать, о землю.

- А и за рекой стар ети Марью стал,
 На колоду валит, подъебати велит.
 С усом пизда, бородатой хуй,
 45 Дядя тетку ебет, он у печи пожарит да в кут поведет.
 В подгузно — лоток, а и тот-то лоток полон сусла натека.
- А и малыньки ребята бегут сусла испить,
 Девушки идут и молодушки идут,
 А и сусло пьют, оне похваляют.
 50 А два старика шли из Астрахани,
 Пришли к пиздишке, позавтракали,
 Почела пизда мигать, на дорогу им давать.
 На полатях баба лежит, чудеса баба творит:
 Поднимя ногу пердит, тем хуям грозит.
- 55 А на месяце на полне хуй ростет, пизда лоскнет,
 И мудам легко, животу добро.
 А ебал я поповну под лесницею,
 А за то меня кормила еишницею,
 Самое-та попадьё еб под мостом,
 60 И за то мене кормила хворостом.
 А и тот хоробер, да иной хоробер,
 Толко нет хоробрёя хуевы головы,
 Он из пизды в жопу татар загнал,
 А все он, ебея мать, от сабак забежал.
- 65 А в гузне татары, в пизде калмыки,
 Под секелях бухарцы с товарами стоят.
 — А каки у них товары?
 — Эдаки товары, да голыя пизды!
 — Почему пизда болша?
- 70 — Пизда — решето овса, нетолоченова, немолоченова.
 — А и малинька пиздушка?
 — Пригоршни ржи.
 — А и сивинка?
 — За ту гривинка.
- 75 — Чернауса, макрауса, нетыканая
 И неебеная, а и целочка непроломленная?
 — А за ту пизду пятьдесят рублей!
 Нихто пизды не купит, нихто не гледит.
 А и вышел из лавки Гостиной сын,
 80 Только цену спросил, да и денги бросил,
 На хуек положил и в нее вколотил.
 Он сам говорил:
 — Спасибо те, душа Устиньюшка,
 Воротилася моя пятьдесят рублей,

- 85 Свое сердце утешил, себе звеселил, душу оболжил.
 А за кустичком, за березничком,
 А четыре попа да кобылу ебут,
 А и пятой поп поскакивает:
- 90 — А, братцы, попы, доброхоты мои,
 Дайте мне хотя плешь обмакнуть!
 — Сукин сын, поп ты, блядин сын, поп,
 У те хуй короток, возми топорок, побеги на борок,
 А ссеки дубину, запехай в глубину, там тощо
 подвигай.
- Ещо забилася пиздишша в осиново дугошшша,
 95 Ее вилами кололи — не выколали,
 Калачами манили — не выманили,
 Иизде хуй показали, пизда выскочила.
 А токо бы де пиздушке крылошка,
 А злетела бы пиздушка на мудушки.
- 100 А придумали бояра, пригодали стрелцы —
 Обрить пизда, опалить пизда,
 Ус пизде оставить, да в попы ее поставить,
 Йосадить ее на камень, на сининкой.
 А на пизде татарин касимовской.
- 105 А и девушка шла, в пизду хуй нашла,
 Молодица шла, два нашла,
 А стара баба шла, она желвак в пизду нашла,
 Села-де на печь, расплакалася:
 — Не мой-та-де щаски, что мне найти хуя в три
 локтя,
- 110 Только я де нашла желвак в пизду,
 Гомозит везде, поети нелзя.
 А и та де старушка да от промыслу отстала,
 с голоду умрет.
 Под мостом, замани хвостом, а лежит пизда
 без покаянья,
- А и поп пришел, покаил, полхуя втакарил,
 115 Пономарь поновил, до мудей хуй забил,
 А дьячок записал и весь запихал.
 А и хуе в жопе, муде в пизде.
 Обе дыры захламощены у дьяконицы:
 В пизде ящерицы, чернилица в гузне, перо
 в пизде.
- ☐ Д в а на печи, оба наги лежат.
 А третьей на полатех, ни нитки на нем.
 Первой говорит:
 — Станем бабу ети.

- А другой говорит:
 " — Засрана пизда.
 А третьей говорит:
 — Оскребем, да ебем, в редову поведем.
 Из-за Волги реки пизда волком плывет,
 Хуя во рте несет, перевертывает.
- И А хуя-т плывет, будто палочка,
 А пизда-та пловет, будто галочка.
 Где-ка хуе-т стал, туда остров стал,
 Где пизда-та стала, тут болото стало.
 Учела пизда мигать, а рыкотины метать,
¹³⁵ С руки персни бросать.
 Понамарь подбирать, попадьям проебать.
 А сведали попы свои промыслы добры,
 Зачели попы оне в себя в жопу ети, ошевертовати.
 А и поп попа уеб, да в Новой-город пошел,
¹⁴⁰ А нам, веселым, попадю приказал:
 — Вы, дети, не мрите, попадю мою ебите.
 А мы ети неделю, мы ети другую,
 А выебли детину, чертову пучину,
 Без палца рука, без мезинца нога, без ума
- голова.
- us мать своей дочери говаривала, наказывала:
 — Дочушка, Устинюшка, пряди, дочи, куделю,
 смышляй, красна.
 А и выди на улицу, ты раком стань — то красенной
 стан,
- Жопа — набелки, да секель — уток,
 Хуй — челначок, пиздочок, зевочок.
- ИМ Тки, притыкай, ты к мудам придвигай.
 А ебал я кобылу, коневу жену,
 Она лутче, кобыла, поповой жены,
 Она денег не просит, в глаза не глядит, целовать
 не велит.
- А и девку — в целку, молодку — в середку,
 " А стару бабу — раком под задним окном.
 А у нашея невески не как у людей,
 А у нашея невески двенадцать пизд:
 Назади пизда, спереди пизда,
 На коленях пизда, под коленем пизда,
 " Пизда в пизде, в прикалитках две.
 А и малинка пиздушка наверх ползет,
 А и губки жмет, хуя в рот ждет.
 А и теща про зятя блины пекла,
 Свиной пиздой подмазывала.

- 165 А зять ест, похваливает:
— А и то-то блины добре хороши,
Блины, блины масленые.
А и теща про зятя чинен чинила,
Три годЫ в гузне говно гноила и пирог испекла.
- 170 А мужик меня бивал, ростака-де мать, бивал.
За што мене бивал? То за то меня бивал,
То за то меня бивал — жену ево ебал.
Мужева Орина лежит на перине.
Она стеганы роскиня, пизду выворотя.
- 175 Иришел с Москвы, хуй забил с тоски,
Хуй втрески, пизда вдребезги.
А князей и бояр пизда родила,
Дьяконы, попы, оне с подсекеля сползли,
Иравославныя крестьяна подле гузна,
- 180 Пиздой веселыя молодцы бочком выскочили.
А князи ебут, будто олово лют,
А бояра ебут, будто медь волокут,
Крестьяна ебут, будто землю орут.
Иопадья-де на попа распечалилася, разгузынилася,
- 185 А схватила де скуфью, подтерла пизду:
— А и вот те, попишка, мои масленой блин,
А из печушки-молодичушки.
А сметь ли у вас пошутить, потворить,
По избе походить, поети попросать.
- 190 А и нет ли у вас десятилничков,
И не возмут ли с нас десети рублей.
А и у попа, попа, а у Лошкина попа,
Уеблась попадья из полутора блина,
А и дьяконица — из полудейца,
- 195 Просвирня злодейка — из свиново ребра.
Хто ее уеб, Потанкой зовут,
Под лавкой лежит, он тремя хуя грозит, вся семья
дрожит,
Во гневе лежит и до малова ребенка без выдочи.
— Ох где, матушка свекры, ты не спорайся всевды,
- 200 х_{то твоя} пизда велика, моя болше твоей:
Твоя пизда с лукошка, а моя с решето.
Семера телят под секелем стоят,
А сама сема свинья в пизде гнездо свила,
А веть бык третьяк по колени вбрел.

2. СВИНЬИ ХРЮ, ПОРОСЯТА ХРЮ

Свиньи хрю, поросята гиги, гуси гого.
Встани, затопляй, перекисла, мешай.

Чья была кручина — нещопана лучина,
А великая печаль — на пече детей кочать.
Плачет дитя, возрыдает дитя — пособити нельзя.
Бачка сердит, так мачка пердит.
Пиво-то в шубе, вино в зипуне, брага в шебуре.
Прошелыга вода и нога и боса, она без пояса.
Кто напьется воды — не боится беды,
Никакой крамолы и не дьявольшены.
Когда Москва женилась, Казань понела,
Понизовные города в приданья взяла:
Иркутска, Якутска, Енисейской городок,
А и Нов-город был тысяцкой,
А Уфа-та срака, сваха была,
Кострома-город хохочет,
В поезду ехать не хочет.
А вздумали-взгодали по Куракина послали.
А Куракин говорит:
- Изопьем-ка вина, то прибудет ума!
Испили маленько, шумит в голове,
Испить боло побольше — побольше шумит,
Изопьем, посидим, пошлем по жены, по свои госпожи.
А жены наши идут, будто утачки плывут,
А и матери идут, будто свиньи бредут.
А и ел чеснок, отрыгается,
Целовал молоду, то забыть нельзя.
А капуста в масле — не ества ли то?
А грибы с чесноком — не волога ли то?
Молодица в шапке — не девка ли то?
Веселой молодец — не утеха ли то?
Мать дочери своей говаривала и наказывала,
Не велела молоденьки с мужем спать,
Под одежду бздеть.
А и я молода с глупа разума-ума
Потихоньку набздеда и всего мужа засрала.
- А спи ты, мой муж, не раскатывайся,
Что сизой голубок на гнездушке.
А и мужу-то жена свету видети дала:
Петлю на шею сама взложила,
Ана милому в окошко конец подала:
- Мил, потени! Мой годубчик, потени! —
Милой потянул, ее муж-ат захрипел,
Будто спать захотел.
А и я мужа не била, не бранивала,
А и только, бледину сыну, говаривала:
Ешь, муж, нож, ты гложи ножны,

А и сохни с боку, боли с хребту,
Со всего животу! —
А и ела баба сметану, да брюхо болит,
А гледела бы на милова, да муж не велит,
Под лавкой лежит, он собакой ворчит,
Кобелем визжит.
Баба бздит, хочет баню сбить, потолок своротить,
Двери выставити, баню выстудити.
Ваня — в баню, жена ево — за баню,
Василей — на сенях.
Бог дал сына, сына Екима,
А затем будет Иван, добро будет-и нам.
А щука-де — не рыба, лень — не еда,
А чужа жена — ожога,
Ожгла молодца поперек животца.
А щучины не ем, коросей-та не ем,
А и ем треску, припру к шестку.
А жена мужу насрала на истопке,
Привела ево смотреть:
— Вот, муженек, голубей гнездо
Тебе киевских, мохноногиньких. —
Попадья на попа разгузынилася-распечалилася,
А кобылу-ту колом и корову-ту колом,
Она мелкова скота ослопиною с двора,
Он видит, поп, неминучую свою,
Ухватил он книгу, сам бегом из избы.

3. СЕРГЕЙ ХОРОШ

Аи уж ли вы, миряня,
Государевы дворяне,
Благословите-тка вы, дворяня,
Про Сергея-та сказать,
Про Сергея Боркова,
Сына Федоровича,
А не сергеевской Сергей,
Не володимерской Сергей,
А живал все Сергей
На Уфе на реке,
В Ямской слободе,
У попа во дворе,
В приворотней избе.
Спознала про Сергея
С гостинова двора

Гостиная жена,
Гостиная жена,
Крестиною зовут.
Она пива наварила
И ведро вина купила,
Позвала ево, Сергея,
На пирушечку.
Приходил Сергей
Всех прежде людей.
А для-ради Сергей
И суседей позвала.
А и тот с борку,
Иной с борку,
Уже полна изба
Принабуркалася.
А и день к вечеру
Вечеряется,
Сергей-молодец
Напивается,
Изволил он, Сергей,
Ко двору своему ийти,
Ко подворью своему.
А в доме Сергей
Он опаслив был,
Он опаслив был
И не верил жене
И не верил жене
И ревнив добре.
Заглянет Сергей
В огороде-хмельнике,
В огороде-хмельнике,
На повети в сеннике,
На перине на боку,
В шитом-браном пологу,
А и тут Сергей
Не видал никово.
Заглянет Сергей
Во свином котухе,
А увидел он, Сергей,
Чужова мужика,
А чужова мужика
На жене-то своей,
А мужик бабу ебет,
Сергееву жену.
Сергей заревел,

Мужика испужал,
А мужик побежал,
На повесть скакнул,
На повесть скакнул,
Он повесть обломил
Да скотину задовал,
Овцу яловицу,
Овцу яловицу,
Семерых поросят.
А стала у Сергея
Три беды во дому:
Первая беда —
Мужик повесть обломил,
А другая беда —
То скотину задал,
А третья беда —
То жену его уеб.
А сел Сергей,
Сам расплатится:
«А не жаль мне повести
И скотины своей,
Жаль мне того,
Кто жену мою уеб,
Не наебши ушел,—
С тоски пропадет.
А кабы-де он доеб,
Спасибо бы сказал,
А спасибо бы сказал,
Могорец заплатил.
А повесть-та бы цела
И скотина-та жива,
И скотина-та жива,
И жена бы весела,
А столь бы весела,
Будто ни в чем не была».

4. ОХ, ГОРЮНА! ОХ, ГОРЮ ХМЕЛИНА!

Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Гуляли девушки подле реки
По круту по красну бережку.
Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Сажали девушки хмель в огород.
Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Сами оне приговаривали:

«Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Рости, хмелюшка, корнем глубок,
Корнем глубок да ты листом широк!
Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Шишки велики, белы, что снег.
Ох, горюна! Ох, горю хмелина!
Без тебе, хмелюшка,
Пива не варят и вина не курят,
Добрыя молодцы не женятся,
Красны девицы замуж не идут.
Ох, горюна! Ох, горю хмелина!»
Теща к зятю боса пришла,
Она в полог к зятю нага легла,
Поутру встала, сама мокра:
— Зять-злокоман, не ты ли пошутил?
Не **ты** ли пошутил, подол намочил?»
— **А** и тешшинька ты, ты тешша ласковая!
Ко греху пришло, до еиц дошло».
Теща к зятю закаялася:
«**Да** не дай Бог бывать ко зятю **в** дом,
Да не дай Бог бывать у зятя в доме,
Завали, Боже, дорогу пеньем-колодьем,
Пеньем-колодьем **и** выскорью!»

5. ТЕЩА, ТЫ ТЕЩА МОЯ

«**А** и теща, ты теща моя,
А ты чертова перешница!
Ты поди, погости, у мене!»
А и ей выехать не на чем,
Пешком она **к** зятю пришла,
А в полог отдыхать легла
Она в жары петровския.
А зять на пиру пировал,
А увидел **за** женой **за** своей,
За ее-та **за** дочерью
На повет чужова мужика,
Он худья-та шутки шутил.
Осердяся он домой-та ушел,
Ему тут поталанелось,
Изошел свою тешшенку
У себя в пологу, на мосту,
Смех отсмехивает,
Он и трублю оттрубливает.

6. ВО ЗЕЛЕНОМ САДОЧКУ

Во хорошем во зеленом садочку
Гуляла душа красна девица.
Завидел удалой доброй молодец:
«Не моя ли-та земчуженка катается?
Не моя ли-та алмазная катается?
А сам бы-та я тое земчуженку проалмазил,
Посадил бы я на золотой свой спеченик,
Ко яхантам, двум камушкам, придвинул».
А и девушка у девушки спрашивала:
— А с кем ночесь, сестрица, ты ночевала?
— Одна-де ночесь я ночевала,
В полночь лишь приходил ко мне докука,
Засыкал белу рубашку до пупа.—
А девушка-та девушке припеняла:
— Зачем ты мне, сестрица, не сказала?
А я бы-де докуке досадила,
Всю ночь бы с себя я не спустила.

7

Что по травке, по муравке,
По лазуревым цветам,
По ^московской по дорожке,
По калинову мосточку,
Тут стояла нова квартира,
При квартире солдат Яшка;
Что хозяин-от — Ивашка.
У Ивашка дочь Наташка;
Баско-шепетко ходила:
По три мыла **измывала**,
По три мушки налепляла,
По три юпочки носила,
По четвертой телогреечке.
Что ложилася Наташка
Что под кутнее окошко;
Солдат Яшка — под передне.
^растягался-разметался,
^разметал свои белы руки
На Натальины белы груди.
Пробуждалася Наталья,
Зычным голосом скрычала:
— Ах ты, матушка родная,
Добывай огня скоряе!

Солдат Яшка догадался,
Вдоль по лавке подвигался,
За окошечко спускался,
На Натальюшку грозился:
— Я каков, Яшка, ни буду,—
Я тебя, курву, добуду!
Я каков, Яшка, ни стану,—
Я тебя, курву, достану!

8

Во Московском Г(о)с(у)д(а)р(с)тве, за Яузой-рекой
Шпиканер девку лечил от великой немочи.
Вылечя красну девицу, стал спрашивать:
— Ты скажи, скажи, девица, чьево дому красота?
Уж мне стала по тебе великая сухота.
Объявляла красна девка о отечестве своем:
— Живу, сударь во Мещанской, блис квартирушки
твоей,

Имя мое Парасковья, хорошево оца дочь.
Отиди от меня прочь, пристигает темна ночь.—
Догадался молодец, к чему девка говорит.
К чему девка говорит, обогреть себя велит.
Молодец красну девицу начевать унимал:
— Ты начуй, начуй, д(е)в(и)ца, ты начуй, красота.
Ты начуешь у меня, подарю я друг тебя:
Золоты в уши серешки с подвесочками,
Со которыми домой придешь с весточками.—
Оставалась красна девка у молодца ночевать,
Во уборе всем ложилась на тисовую кровать.
Она первой сон соснула, не слышала ничево.
Она другой сон соснула, пробужался молодец.
Еще стал молодец над ней шуточку шутить,
Соболино одеяло да он в ноги вотоптал,
На ней тоненку рубашечку на пуп взоскал,
Дорогоет сам подарок ис штанов вынимал.
Ис штанов вынимал, промеж ношки клал.
— Протягайся, не лягайся, вот подарок дорогой.

9

Ах, по мосту, мосту,
По калинову мосту,
Аи шел тут молодец,
На нем аленькой кафтан,

А за ним идет девица,
На ней желтой балахон,
На ней желтой балахон,
Юбка радужная,
Юбка радужная,
Шапка бархатная,
Шиты алые чулки,
С позументом башмаки.
Он брал красну девицу
За правую **за** руку,
Он повел красну девицу
Во высокой во терем,
Он сажал красну девицу
За дубовой стол,
Подносил красной девице
Зелену чару вина.
Девка чару принимала,
Мила друга обнимала,
Девка чару выпивала
Молодца поцеловала.
Ах, стал тут молодец,
Уговаривать ее:
— Ах, девушка, ночуй,
Ты, сударушка, ночуй;
Ты ночуешь у меня,
Подарю, радость, тебя:
Золоты в уши сережки,
С подвесочками!
Ты с которыми домой
Придешь с весточками.—
Оставалася девица
У молодца ночевать,
Во всем платье спать ложилась
На тесовую кровать.

10

- Матушка-лапушка, головка болит.
- Дитятко-овденка, платком завяжи.
- Матушка-лапушка, платок короток.
- Дитятко-овденка, другой привяжи.
- Матушка-лапушка, сердечко болит.
- Дитятко-овденка, на печку полясь.
- Матушка-лапушка, на печке дитя.
- Сука-блядь, страдница, с кем ты нажила?

- Матушка-лапушка, скажи на сестру.
- Сука-блядь, страдница, сестра-та мала.
- Матушка-лапушка, скажи на снаху.
- Сука-блядь, страдница, сноха без брюха.
- Матушка-лапушка, сходи по попа.
- Сука-блядь, страдница, где деньги возму.

11

Пришла ко мне радость, пришла дорогая,
 Зошла на крылечко, брякнула в колечко.
 Вышел на крылечко, как ее встречаю.
 Как ея встречаю, за ручки примаю.
 Привел во светлицу, посадил за столик.
 Налил вина чарку и сам с нею выпил.
 Вздумалось мне потешиться с нею.
 Бросил на кровать, учал целовати.
 Она меня носит, чуть здолой не сбросит.
 Чуть я удержался, за косу схватался.
 Н(ы)нь згибли утехи с кем я веселился.
 С кем я веселился, того вовсе лишился.

12

Ах ты, душечка, молотчик молоденькой,
 Ах, биленькой, кудреватенькой,
 Возле двор, душа, живешь, со мной не знаешься,
 Ко мне в гости не гостишь, к себе да не зовешь.
 Я сама млада осмелюсь, друга в гости позову,
 Угошу, улещу, на кровать спать положу.
 — Ах ты, душечка молотчик, ночной, друг, у меня,
 Веселись, не ленись, полюбила я тебя,
 Заряжай, друг, поскорая свою булатную пищаль,
 Булатную пищаль промеж ноги, душа, пушай,
 Ты натягвай стрелу на шелкову тетиву.
 Теперь миленькой стает, друг, подымается,
 Что на стрелочке тетивка напрягается,
 Его стрелочка востра, к ретиву сердцу дошла,
 Хоть ранила не больно, только кровь пошла.
 Тут девица молотца стала спрашивати:
 — Ты скажи, скажи, надежа, скажи, миленько(й)
дружек,
 От чего сердце трепешет, от чего пылает кровь,
 От чего пылает кровь*, принуждает во любовь,
 От чего малы ребята зарождаются?
 — От д(о)бра живота, от ч<(е)рна хохла.

13

Ах, **на** горе, горе, на высокой на горе,
^роспахана пашенка, (роспахана пашенка),
^роспахана пашенка, посияна пшенонка.
 Во ту ли во пшеночку повадилась курочка,
 Повадилась курочка, курка черной хохолок.
 Негде взялся петушек, серебряной гребешек
 Серебряно(**й**) гребешек, да золотое перышко.
 Схватил курку **за** хохол, повел курку во терем,
 Бросил курку на кровать, учал курочку топтать,
 Учал курочку топтать, под ним курка хохотать:
 — Ха-ха, ха-ха, петушек, серебряной гребешек,
 Серебряно(**й**) гребешек, золотое перышко.

14

Ах ты, душечка, красная девица,
 Позабыла добра молотца меня, да эхе,
 Когда я к тебе почасту ходил, да эхе,
 Много кра(с)ново золота носил, да эхе,
Да без ро(с)чету чистым серебром дарил, да эхе,
 Ах, как ноне прискудалось молотцу, да эхе,
Ты не пустишь на широкой меня двор, да эхе,
 Меня при людях надежей не зовеж, да эхе,
 Без людей да меня — душечкою, да эхе,
 Ах ты, брашка, **та** брашка, моя, да эхе,
 Молода, брашка, подсыченая, да эхе,
 Сверху медом подмоложенная, да эхе,
 Ах, нет на тя, на брашку, питухов, да эхе,
 Со тиха Дону донских казаков, да эхе,
 Архангелшьских мужиков, да эхе,
Да м(о)сковских добрых молотцов, да эхе,
 Питербурхских молодьпс молодиц, да эхе,
Да вологжаночек красных девиц, да эхе,
Я веч(о)р млада в честном пиру была, да эхе,
 Со боярами вино, пиво пила, да эхе,
 Со боярынями слаткой мед, да эхе,
 Уж пьяна ли, не пьина ли была, да эхе,
Я не помню, как домой пришла, да эхе,
 Очутилась во высоком терему, да эхе,
 Пробудилась в шитом-браном пологу, да эхе,
 Ах, вечер ко мне невежа прихотил, да эхе,
 Ах, не(ве)жа, да не отецкой сын, да эхе,
О(н) у терема дверей не затворил, да эхе,

Он у полога полы не опустил, да эхе,
У меня, млады, подол открыл, да эхе,
Черна соболя сберошил, да ушел, да эхе,
Да токо был о(н) отецкой сын, да эхе,
Он у терема бы двери затворил, да эхе,
Он полога бы полы опустил, да эхе,
У меня млады подол бы закрыл, да эхе,
Черна соболя б пригладил, да ушел, да эхе.

15

Ах, Ванька юла, настоящий он сула!
Он звал душу Авдотью с собой погулять.
Авдотьюшка собралась, у Смоленска дождалась.
Как схватилися, упали, ровно три часа лежали.
Ах, полно нам лежать, не пора ли нам бежать?
Схвачу в руки башмачки, балахончик на плеча!

Я пойду, млада, по жердочке, по тоненькой,
По тоненькой, по еловенькой.
Ах, жердочка гнется, не ломится,
С милым другом водиться, не каяться.
Ах, жить, не тужить, тоску-печаль отложить!

Грустливое сердечко тужит-ноет завсегда,
Я имею в том болезнь нестерпимую весьма.
Которая печаль иссушила молодца,
Иссушила-сокрушила весь живот мой до конца,
Живот мой до конца и румянец из лица...
Душа ли моя, радость, красная девица,
Чистая, златокрылая моя голубица!
Еще помнишь ли, ты клялася меня не оставить,
А теперь, моя сударка, клятву престапаешь,
Клятву, клятву престапаешь, меня оставляешь...

16

Белая у меня курочка, черный хохолок,
Ох, ох, ходя, охти мне!
Черной хохолок, частой гребешок.
Как повадилася курка к офицеру в огород!
Афицерские ребята злы-догадливые,
Злы-догадливые и напрасливые.
Мою курку поймали, крылья-перья абламали,
Крылья-перья абламали и хохол ей встолочили,
И хахол встолочили, гребешок ей росщепили.

Как пошла ли моя курка на улицу гулять,
Как на улицу гулять, извет подавать,
Извет подавать, челобитенку писать.
Челобитенку писать, воеводе подавать.
— Воевода, воевода Сила Осипович,
Ассесорь, ассесорь Борис Никонович!
А вы дайте мне управу на фицерских ребят.
Афицерские ребята злы-догадливые,
Злы-догадливые и нахалчивые,
Мою курку поймали, крылье-перье абламали,
Крылье-перье абламали и хохол ей встолочили,
И хохол встолочили, гребешок ей росщепили! —
Воевода рассудил, ассесорь приказал
Курке банюшку топить, курку в банюшку водить,
Курку в банюшку водить, на полок е положить,
На полок е положить, обе ножки разложить,
Обе ножки разложить да и клюпик запустить,
Да и клюпик запустить, да пластырь приложить.

Публикация В. Л. Кляуга

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ П. В. КИРЕЕВСКИМ

Петр Васильевич Киреевский (1808—1856), археограф, историк и фольклорист, первым начал систематически собирать народные песни, задумав, по инициативе и при поддержке А. С. Пушкина, создать национальный свод народной лирики и показать тем самым богатство устной поэтической культуры народа, терпящего многовековое унижение крепостным правом. Недопустимость пренебрежительного отношения к народному слову осознавалась в образованном обществе с самого начала века. В 1817 году В. А. Жуковский писал матери Киреевского Авдотье Петровне (Елагиной — по второму браку): «...национальная поэзия у нас пропадает, потому что никто не обращает на нее внимания». Будучи дядей братьев Киреевских, поэт принимал самое горячее участие в их воспитании (они остались без отца в 1812 г.). В имении Киреевских поощрялись народные праздники с играми и хороводами, под влиянием романтически настроенного Жуковского зародился интерес к сказкам и преданиям. В 1820-х годах стал пользоваться известностью их дом в Москве, названный «привольной республикой у Красных ворот», где собиралась вся литературная Москва, а для домашнего образования детей приглашались профессора Московского университета. В салоне Елагиной бывали Пушкин и Мицкевич, Веневитинов и Баратынский, Гоголь и Аксаковы. Близким другом семьи был декабрист Г. С. Батеньков. В доме господствовали литературные и общественные интересы, все знали иностранные языки, занимались переводами, перепиской литературных шедевров, любили юмор. Петр звал брата, увлекавшегося философией и политэкономией, «Юсупов политический», «Политический эконот», П. И. Бартенева прозвали кратко «Пивныч» (от сокращенного «П. Ив-ныч»), сводные братья

Елагины имели свои семейные имена: Василий — «Сундук», «Василеос», Николай — «Мяколушка» (утрировали орловский говор).

В 1829 году оба брата продолжили образование в германских университетах, слушали в Мюнхенском Шеллинга, Лоренца Окена, Иосифа Герреса — автора работ о немецких народных книгах. В 20-летнем возрасте Петр Киреевский перевел и издал повесть Байрона «Вампир» и сопроводил ее обстоятельными примечаниями о фольклорных источниках. Когда ему было 15 лет, он помогал в работе известному этнографу Адаму Чарноцкому, известному как Зориан Доленга Ходаковский (1784—1825), собирателю украинских песен и материалов для «Словаря названий городищ и урочищ» (четыре тома его так и остались в рукописи), и шутил в письме к отчиму: «Я нахожусь теперь под ужасным спудом городищ, которые мучают меня с утра до вечера (...) городища нас не оставляют и все еще продолжают частые свои визиты. Уверен, что я буду скоро все их знать наизусть на хуже Ходаковского». Этот ранний опыт пригодился нашему собирателю впоследствии при комментировании эпической и обрядовой поэзии и проявился во внимании к топонимике и древностям в песнях. Немалую роль в формировании будущего фольклориста сыграли профессора — А. Ф. Мерзляков, поэт, чьи песни стали народными: «Среди долины ровныя», «Чернобровый, черноглазый молодец удалый» (преподавал Киреевским русскую словесность), и И. М. Снегирев, знаток римских древностей и признанный авторитет в области археологии, этнографии и фольклора. С юношеских лет у Киреевского формировались представления об огромном историческом и художественном значении устного слова.

В литературе о Петре Васильевиче обычно подчеркивается его исключительная роль в организации дела собирания песен. Он сумел привлечь к участию выдающихся писателей и поэтов, своих современников и друзей, членов их семей, грамотных деревенских старост и заинтересовал записью песен множество лиц из преподавательской и студенческой среды. А. С. Пушкин первым передал ему свою тетрадь с нижегородскими и псковскими песнями. В формировании коллекции Ки-

¹ РГБ, фонд 99 — Елагиных, п. 8, № 9, письмо первое, л. 1—2.

реевского принимали участие поэт Н. М. Языков, его братья Александр и Петр и их жены, Н. В. Гоголь, В. И. Даль, А. В. Кольцов, А. Ф. Вельтман, М. А. Стахович, поэт Д. П. Ознобишин, Д. К. и К. Д. Кавелины, отец и сын, Якушкин и Н. А. Костров, пришедшие к Киреевскому еще студентами, как и П. М. Перевлесский, художник А. Д. Хрипков, поэтесса Ю. В. Жадовская, молодежи П. И. Мельшков-Печерский и А. Ф. Писемский, преподаватели училищ И. А. Юренский, Н. Карнаухов, любители-краеведы — топограф А. Харитонов и Н. П. Борисов из Шенкурска и многие, многие другие. Организация собирательства сочеталась с заботой о просвещении. Была создана школа, «долбинский университет», где детей обучали грамоте. В 1827 году Иван Киреевский считал, что быть литератором — значит содействовать просвещению народа: «Я не бесполезно провел свою молодость и уже теперь могу с пользой делиться своими сведениями»¹.

Огромное познавательное и воспитательное значение деятельности П. В. Киреевского заключалось в самом факте обращения к устному творчеству народа. Каждый вновь записанный и вновь поступивший в его собрание текст расширял представления о богатстве народно-поэтического наследия, вызывал уважение к нему, а у крестьян пробуждал интерес к собственной истории. В собрании имеется немало полуграмотных записей песен, сделанных крепостными крестьянами. Однако значение деятельности Петра Васильевича гораздо больше. Он заложил основы для научной записи, провозгласив как непреложный принцип фиксацию песен «с голоса», то есть в процессе пения², объявив самоценность народного художественного слова, которое нельзя исправлять на свой вкус, как это было принято И. П. Сахаровым. Киреевскому принадлежит идея поисков эпоса на землях Великого Новгорода, оправдавшая себя с успехом после смерти собирателя. Он же призывал записывать и изучать духовные стихи. Он первым начал собирать антикрепостнические песни с сатирическим изображением барства, рекрутские, скомороши,

---

¹ Калугин В. «Своенародности подвижник просвещенный...». — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Предисловие, сост. и коммент. В. Калугина. Тула, 1986, с. 420.

² Соймонов А. Д. «Песенная прокламация» П. В. Киреевского. — Сов. Этнография, 1960, № 4, с. 147 — 150.

разбойничьи, то есть фиксировал почти все жанры современного ему песенного репертуара и сохранил для науки ценнейшие тексты, составившие золотой фонд русского фольклора. Создание национального песенного свода стало фактом огромного общественного значения. Начало записей относится к 1831 году, в начале 1850-х годов у Киреевского было более 20 000 текстов. Однако мы до сих пор не представляем в полной мере личного вклада Петра Васильевича в его собрание. Им записано более 500 песен в шести губерниях. В печати появилось около трехсот, остальные еще ждут своей публикации, и приводимые ниже тексты — доказательство тому. Киреевский давно заслужил право на отдельное издание своих записей. При жизни он и не помышлял об этом. Присущие ему скромность, совесть, высокие нравственные принципы и осознание огромной ответственности за принятое на себя дело не позволяли помышлять о собственной славе и выгодах. Он постоянно готовил к изданию все имеющиеся у него песни: сначала в четырех томах, затем часть их в виде свода свадебной лирики, затем принялся за эпическую поэзию: былины, исторические песни и духовные стихи. Издание всего песенного свода требовало громадных средств, и Киреевский подступался к делу с разных сторон. Однако и личные обстоятельства вынуждали неоднократно прекращать работу. В 1833 году тяжелая болезнь печени (от которой он позднее и умер) уложила его на несколько месяцев в постель; затем раздел имущества между братьями и начало самостоятельной жизни в Киреевской слободке. Во время эпидемии холеры у него «сгорела вся деревня. Все-все, его флигелек, житницы, скот, двор и из 30-ти крестьянских дворов — 28. К тому, там холера, и мужики, больные, ничего не успели спасти»¹. Киреевскому, поселившемуся в уцелевшей крестьянской избе, пришлось начинать жизнь заново и помогать крестьянам. Он выстроил небольшой двухэтажный домик, но сам так и прожил всю жизнь в нижнем этаже, так как в верхнем временно и бесплатно поселился его бывший управляющий с многодетной семьей, которого Петр Васильевич, по своей деликатности, так и не смог выселить, что сделали только после его смерти наследники.

---

¹ РГАЛИ, фонд 450 — С. А. Соболевского, оп. 1, ед. хр. 14. (Письмо А. П. Елагиной к С. А. Соболевскому от 17 августа, без года.)

Собрание И. В. Киреевского, уникальное по составу, объему и содержанию, стало научной базой для развития русской науки о фольклоре. Самому собирателю удалось издать лишь небольшую часть духовных стихов, но при этом, в процессе подготовки комментариев к ним, он сумел показать значение вариантов при изучении отдельно взятого текста. К сожалению, печатание было прекращено из-за вмешательства цензуры, а после смерти Киреевского часть материалов его собрания разошлась по рукам, исчезла и тетрадь с комментариями. Уже в начале 1860-х годов были изданы некоторые фрагменты собрания за счет Общества любителей российской словесности¹ и по подписке — духовные стихи². В XX веке издание материалов было продолжено: опубликовано около 300 записей самого Киреевского и отдельные коллекции его корреспондентов: П. М. Перевлесского, А. С. Хомякова и др. Отдельными изданиями вышли наиболее значительные по объему коллекции записей Языковых и П. И. Якушкина³.

Записанные И. В. Киреевским народные песни эротического содержания названы «нехорошими» — возможно, термин П. И. Якушкина, заглавие на папке написано его рукой. Сие не означает наличие у собирателя какого-либо специфического интереса к этому роду народной поэзии. Старуха из дер. Болотники, от которой записано сразу пять песен, видимо, немало позабавилась в душе смущением молодого барина. Но ханжество не поощрялось в просвещенной семье Киреевских. Некоторые из «нехороших» песен переписаны с большой аккуратностью рукой сестры Киреевского, религиозной Марии Васильевны. Собиратель считал своим долгом фиксировать со всей возможной полнотой песенный репертуар.

Некоторые из эротических песен в записи Киреевского сохраняют отчетливую печать скороморшней тра-

---

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1874, ч. 1-3, вып. 1 — 10.

² Бессонов П. А. Калики переходные. М., 1861—1864, ч. 1—2, вып. 1 — 6.

³ Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911 — 1929, вып. 1 — 2; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. Подготовка текстов, статья и коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977, т. 1; Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Подготовка текстов, статья и коммент. З. И. Власовой. Л., 1983—1986, т. 1-2.

диции с ее безмерным гиперболизмом. Какие-то из песен могли исполняться на свадьбе в доме жениха, когда разгул, нескромность слов и жестов, различные соленые шутки и прочие вольности должны были как бы ободрить молодую женщину, вчерашнюю невесту, показать ей закономерность сокровенных сторон жизни в их естественной и первозданной грубости. Вероятно, некоторые из заключенных в песнях образов дошли из глубины веков и родились в условиях языческой обрядности. Грубость терминологии в песнях, непристойная в наше время для людей воспитанных, была естественной в народной среде, ведь народ не знал латинских терминов, которыми обозначались некоторые понятия.

В записях Киреевского и Якушкина, публикуемых в настоящем издании, зафиксирована песенная эротика Орловской губернии. Характерна близость вариантов у песен «Игумен и телочка», «Доны, доны молоде!» , «Брала девка лен, лен». Эти песни есть лишь случайно закрепленная письмом часть того, что «ходило» в народе. Она позволяет судить о народном юморе, а иногда «усмешке сатира» (О. Э. Озаровская), которыми отмечал народ некоторые сокровенные стороны жизни.

3. И. Власова

1

А дуду, дуду, дуду, да дудушечки!
Не учила меня мать ни ткать, ни прясть,
А дуду, дуду, дуду, да дудушечки!
Только выучила мать, как под молодцем лежать,
Как под молодцем лежать, да **за** белый хуй держать,
Как **за** белый хуй держать, потолочинки считать.
Кабы сорок потолочин с потолочинкою!
Потолочинка упала, посеред пизды попала.
Как на улице мороз весьма холоден,
У старой у бабушки заиндевила,
У молодой молодушечки жар в пизде.
Оглянулася назад, ажио семеро стоят.
И всем семерым понемножку дала,
Со всех семерых я не дорого взяла.
А старая старушка на печке лежит,
На печке лежит, тыи речи говорит:
— Свет ты, мой молодец, возьми с меня мугарец!
Поскреби меня, старушку, ради спасенья!
— **Ой**, старая старушка, стопи банюшку,
Стопи банюшку, ты распарь пизду,
И я стану тя скребать, будто пашеньку пахать,
Шахнул, махнул, по муде впихнул.

2

Чиманиха, чиманиха, чемоданиха моя!
Как и дочка-то с маткою спорилася,
Чиманиха, чиманиха, чемоданиха моя!
^маткина пизда широка, у дочки шире ея:
Скрозь маткиной пизды да и барочки прошли,
Скрозь дочкиной пизды корабли прошли,
Корабли прошли и со парусами.
^мужик пашенку пахал и туды, в пизду, попал,
И с сохой, и с бороной, и с кобылкой вороной.
Чиманиха, чиманиха, чемоданиха моя!

3

А тыльды, будьльды, караалки!
А тыльды, будьшьды, пизда лапти плела,
А тыльды, будьльды, караалки!
А хуище-дурачище веретена точил.
Хуй хуйку городил гумно,
Городил гумно, по три жерди клал,

Ио три жерди клал, по три бабы ебал.
Одна баба еблива, да три хуя сломила!
А тыльды, будыльды, каракалки!

4

Ой, был я молодец,
Ой, был я удалец!
Как было у молодца
Четыре лошадушки.
Одна лошадь в иноходь —
Да не на ком выехать!
А другая чала —
Далеко замчала.
А третья пегга —
Далеко забегла.
Четвертая сера —
На жопе-то села.
Ох, я ли молодец,
Ох, я ли удалец!
Я сошенку на плечо,
Хомутики на муде,
Ремешики на хуе.
Как пошел я молодец,
Как пошел я удалец
Долинушку наглядать,
Долинушку назирать.
Долинушка кругла
На четыре угла!
Посею я репку
Ни часту, ни редку.
Уродилась репка
Корнем корениста
Листом лапушиста.
Повадилась в репку,
Ебена мать, теща —
Ввечеру с мешечком,
Поутру с горшечком!
И я тещу подстерег,
Поставил я раком.
Рак^пом настоялась,
Козой наблеялась,
Пиздой намигалась.
— Погляжу я к свету,
А секеля нету!

Погляжу я к зоре —
На пизде музоли!
Ждут меня детушки!
— Идет наша матушка,
Несет нам по репинке,
Несет нам по красненькой,
Несет по подласенькой!
— Ядрена мать, детки!
ЗУЕаже не до репки,
раком настоялась,
Козой наблеялась,
Пиздой намигалась!

5

Ох, и я шиндеря да шиндеришенька моя!
Ох, я, девка красна, мне доля бесчастна!
Ох, и я шиндеря да шиндеришечька моя!
Ох, я девка хороша, три дни хату не мела,
И я вымела разок, и я вывезла возок.
Швецы были, шубу шили, лускат уронили.
Я изобушку мела, лускаточик подняла,
Лускаточик подняла, промеж ног воткнула.
— Что ж у тебя, девка, промеж ног черненько?
— Швецы были, шубу пиши, лускат позабыли!
— Что ж у тебя, девка, промеж ног красненько?
— Мыши были, гнезды вили, нору проточили,
Нору проточили, язык позабыли.
Наряжусь я в мешок, выйду я на улицу:
— Поглядитя-тко, ребята, не ваша ль я девка?
Не ваша ль я девка, не ваша ль княгиня?

6

Я у дядюшки бывал,
меня дядюшка бивал.
А за что про что бивал?
Что я с тетушкой спал.
И мы сделали ребеночка,
Ни мал, ни велик,
Во всю лавку лежит.

Переулком шла,
Закоулком шла,
Тошнота меня взяла.

Мяснику я дала,
Я не даром дала,
Часть говядины взяла.
Я не знала молоденька,
Что в среду праздник.
Одна была рубашенка,
И ту замарала,
Под мужа попала.
Повесила на колок,
И тое халуи сволок.

7

Брала девка лен, лен,
Брала-выбирала,
Землю убивала;
Боялася девка
Да сераго волка.
Не того волка боялась,
Что по полю рыщет,
Красных девок ищет.
У Поповых у ворот
Стоял девок хоровод,
Молодушек табунок.
Где не взялся паренек,
Схватил девку поперек
За шелковый поясок,
Повел ее во лесок,
За пень за колоду,
За белу березу.
Стал парень девку валять,
Она его умолять:
— Постой, парень, не валяй,
Сарафан мой не марай!
Сарафан мой белый,
Недавно надела,
Девята неделя.
Сарафан я скину,
Под себя подкину,
Ноженьки раздвину,
Дороженьку укажу.
Дороженька торна,
Моя пизда черна.
Черная цыганка,
Ряблячья приманка.

Вот я ее, плеху,
Мыла, щелочила,
На реку носила,
За край полоскала,
За волос таскала.

8

Девка у лесу жнет, нагибается,
А над девкой гайдучек
Изгибается в лучек.
Гайдук шуточку сшутил,
Девке на ногу ступил,
Девка шутку приняла
И другу ногу дала.

Девка у лесу жнет, нагибается,
А над девкой гайдучек
Изгибается в лучек.
Гайдук шуточку сшутил,
Девку **за** руку схватил,
Девка шутку приняла
И другу руку дала.

Девка у лесу жнет, нагибается,
А над девкой гайдучек
Изгибается в лучек.
Гайдук шуточку сшутил,
Девку **за** титьку схватил,
Девка шутку приняла
И другую подала.

Девка у лесу жнет, нагибается,
А над девкой гайдучек
Изгибается в лучек.
Гайдук шуточку сшутил,
Девку **за** пизду схватил,
Девка шутку приняла
И все ему дала.

9

Доны, доны молодья!
Пошли девушки купаться
На реченьку на Изотку.

Все рубашки поскидали.
Где ни взялся вор Ивашка,
Унес девичьи рубашки.
Василиса посмелее,
За Ивашкой побежала.
— Ах ты, вор, ты вор, Ивашка!
Иодай девичьи рубашки!
— Василиса, постыдися!
Ты закрой свою миронью
Своей белою ладонью! —
Пощиплю шерстку маленько,
Отпряду шерстку тоненько,
Я свежу куму перчатки,
Я пошлю куму подарок.
— **Уж** и что это **за** подарок?
— С куминой пизды поярок!

10

По мху я, девушка, ходила,
Во мху я, красная, гуляла,
Во мху я, во мху я,
Во мху я, во мху я, во мху я!
Ольху я, девушка, скоблила,
Ольху я, красная, скоблила,
Ольху я, ольху я,
Ольху я, ольху я, ольху я!
Сетку я, млада, красила,
Сетку я, млада, красила,
Сетку я, сетку я,
Сетку я, сетку я, сетку я!
Рыбку я, млада ловила,
Рыбку я, млада ловила,
Рыбку я, рыбку я,
Рыбку я, рыбку я, рыбку я!
Уху я, девушка, варила,
Уху я, девушка, варила,
Уху я, уху я,
Уху я, уху я, уху я!
Гостей я дорогих звала,
Гостей я дорогих звала,
Гостей я, гостей я,
Гостей я, гостей я, гостей я!
Уху я, девушка, хлебала,
Уху я, девушка, хлебала,

Уху я, уху я,
Уху я, уху я, уху я!
Драгих гостей ухой потчивала,
Драгих гостей ухой потчивала,
Ухой я, ухой я,
Ухой я, ухой я, ухой я!

11

Вот как нынече мужья были
До жен очень добры,
Ой диди, калина моя,
В саду ягода малина моя!
Покупали они соболи и бобры.
А как мой-то мужиченочка,
Он и весь-то с кулаченочка!
Он купил-то мне коровушку!
Погубил мою головушку!
А и встану я ранешенько,
Разчешу пизду гладешенько,
Погоню ли коровку на росу.
Попадетса мне мальчишка во лесу,
Ухватил меня за русую косу,
Положил меня головкой под кусток.
Я не много лежала, минут пять,
Соскочила, погнала коров опять,
Закричала я к милому во след:
— В деревне подмахивать лучше меня нет!

12

Ах, корун ты, корун!
Кабы эту коруну
Козловы сапоги
И высоки каблуки!
Как пошел мой корун
Вдоль по улице гулять,
Во жилеечку играть,
Красных девок забавлять.
Ах вы, девушки суки,
Вы не крадьте муки,
Не пеките пирогов,
Не кормите мозгалев!
Как и воры мозгали
Накормили попа
Все яичницею.

Ах ты, поп, ты поп(ок)
В сарафане без порток!
Ах, было под мельницею —
Комар муху ебет,
Муха корчится,
Иизда коршится,
Устал, муху ебучи.
Ах ты, тетушка возлюбленная!
Топором она разрубленная,
Косарями разворачивана,
Как один-то сустав
С топориче он стал.

13

Во поле березынька стояла,
Во поле кудрява стояла,
Ширин, бырин,
Истрофор, фор, фор,
Иоди яр, яр, цы,
Шинда, миндара,
Тра, ра, ра, ра, ра!
Сам я был, пил
Зелено вино с хохлом!

Под той под березкой
Кроватка стояла,

На той на кроватке
Девчонка лежала,

Девчонка лежала,
Вверх ногам торчала,

Шван в руках держала,
В мошню наставляла,

В мошню наставляла,
С низу подмахала.

14

Матушка!
Годная!
Я — чернец,

Я — молодец,
Я — Святогор,
Я — Богомол,
Я с першечки,
Я с мершечки,
Я с ^москвы,
Я с Вологды!

^матушка!
Я пощупал, да ушел.
Я чернец и т. д.

^матушка!
Просил, да не дала!
Я чернец и т. д.

^матушка!
Выпросил, да ведь дала!
Я не чернец,
Не молодец,
Не Святогор,
Не Богомол,
Не с першечки,
Не с мершечки,
Не с ^москвы,
Не с Вологды!

15

Во чистом во поле девка просо поле.
— Аи, девица, не поли, белы руки не коли!
За речушкой, за рекой драгун траву коей,
Драгун-то у девушки целоваться проси:
— Давай, давай, девица, давай поцелуемся!
Давай, давай, красная, давай поцелуемся!
Что у тебя, девица, губушки сладеньки?
— Пцолы были, мед носили, а я принимала.
— Что у тебя, девица, в пазушке мякенько?
— Гуси были, пух носили, а я принимала.
— Что у тебя, девица, промеж ног черненько?
— Швецы были, шубу шили, лоскут позабыли.
— Что у тебя, девица, промеж ног красненько?
— ^мыши были, гнездь! вили, нору проточили.

Во лугах, лугах, лугах, во зеленых лугах,
 Там ходила, там гуляла телка беленькая,
 Телка беленькая, вымя черненькое.
 Как увидел эту телочку игумен из окна,
 Посылает, снаряжает свою рыжигу дьячка:
 — Ты поди, моя слуга, приведи телку сюда,
 Не хватай за бока, не попорть молока,
 К молоку телка добра, к маслу выгодна,
 Ухвати за рога, приведи телку сюда.—
 Эта телочка по келейке похаживает,
 А игумен-ат на телочку поглядывает.
 Посажу телку — сидит, положу телку — лежит,
 Положу телку — лежит, у ней вымечко дрожит,
 Ножки корчатся, глазки морщатся.
 Скину, скину клабучек, подвалюся под бочек.

Залетная пташечка
 Примахала крылушки,
 По полю летаючи,
 Сокола искаючи.
 Душа красна девушка
 Приглядела глазушки,
 Приглядела, присмотрела,
 На улицы стояючи,
 На молодца гляжучи.
 Молодец казанец, душа астраханец.
 Как из улицы — девица,
 Из проулка — молодец.
 Они об землю упали,
 Ровно три часа лежали,
 Покатились под гору,
 К прокуриному двору.
 Прокурин баню топил,
 Иван банюшку хвалил:
 — То-та баня, то-та банюшка нова! —
 В той банюшке новой
 Потолочик дубовой.
 Уж Палашка раскурвяшка на полочке лежит.
 Узе сходилися к Палашке три бабушки.
 Одна руска, друга пруска, третья волженска.
 Одна паря, друга правя, третья спрашивает:

— **Ты** скажи, скажи, Иалаша,
Не утай сваво греха.
Со котораго числа
Милу чаду понесла?
— **Я** со перваго числа,
Со Христова ^рождества.
Со другова-то числа, с мясоеду.
Я со третьяго-то числа,
С честной маслиницы,
С честной маслиницы-рукомылинницы.

18. НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА

Ході Мишенька
По улочке, плаче.
Услышала Настя,
Настасья Петровна,
У Миши спросила:
— Об чем, Миша, плачешь, плачешь?
Чего, Миша, хочешь, хочешь?
— Хочу я, хочу,
Я на белый двор хочу! —
Настя Мишу утешала,
На белый двор выпущала:
— Подь, Мишенька!
Подь, душенька!
Подь, поди!

Ходи Мшенька
По дворику, плаче.
Услышала Настя,
Настасья Петровна,
У Миши спросила:
— Чего, Миша, плачешь, плачешь?
Чего, Миша, хочешь, хочешь?
— Хочу я, хочу,
В новы сенечки хочу! —
Настя Мишу утешала,
В новы сенечки пушала:
— Подь, Мишенька!
Подь, душенька!
Подь, поди!

Ході Мишенька
По сенечкам, плаче.

Услышала Настя,
Настасья Петровна,
У Миши спросила:
— О чем, Миша, плачешь, плачешь?
Чего, Миша, хочешь, хочешь?
— Хочу я, хочу,
Во спальенку хочу.—
Настя Мишу утешала,
В нову спальенку пушала:
— Подь, Мишенька!
Подь, душенька!
Подь, поди!

Ході Мишенька
По спальенке, плачѣ.
Услышала Настя,
Настасья Петровна,
У Миши спросила:
— О чем, Миша, плачешь, плачешь?
Чего, Миша, хочешь, хочешь?
— Хочу я, хочу,
На кроватушку хочу.—
Настя Мишу утешала,
На кроватушку пушала:
— Подь, Мишенька!
Подь, душенька!
Подь, поди!

Лежі на кроватке
Мишенька, плаче.
Услышала Настя,
Настасья Петровна,
У Миши спросила:
— О чем, Миша, плачешь, плачешь?¹
Чего, Миша, хочешь, хочешь?
— Хочу я, хочу,
На тебя, Настинька, хочу! —
Настя Мишу утешала,
На себя его впушала:
— Подь, Мишенька!
Подь, душенька!
Подь, поди!

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ П. И. ЯКУШКИНЫМ

Павел Иванович Якушкин (1822 — 1872) известен как писатель-демократ, очеркист и собиратель народного творчества. Он продолжил дело П. В. Киреевского, став его первым помощником, углубил и расширил масштабы собирательства, еще более демократизировал этот процесс. Конечно, и Киреевский не записывал песни от помещичьих хоров, как полагал М. Горький, а получал их от людей из народа. Якушкин же совершил то, что по условиям времени было настоящим подвигом: один, без средств, с небольшим узелком или коробом офени, зимой и летом, ходил пешком из деревни в деревню, из губернии в губернию и записывал фольклор по крестьянским избам, в ремесленных артелях, у плотников и швцов, у бурлаков и рыболовов. Он одевался по-крестьянски, спал на голых лавках и полатях, кормился тем, что ел народ, подхватил оспу и стал рябым, провалился под лед и едва спасся, отравился в трактире — и его выходила незнакомая крестьянская женщина. Он многократно арестовывался, вызывая своим видом подозрение начальства, некоторое время учительствовал, не оставляя при этом собирательства и вызывая тем замечания и выговоры со стороны педагогического руководства. Крепостная Россия «с ее монастырями, чайными, кабаками, черными избами становится его отчим домом, предметом его постоянных размышлений, главной темой его творчества»¹.

Якушкин познакомился с П. В. Киреевским, когда был уже на четвертом курсе математического факультета; учась в Московском университете (а учеба давалась ему легко), он из любознательности посещал лекции

---

¹ Базанов В. Г. Павел Иванович Якушкин. Орел, 1950, с. 24.

известного тогда историка М. П. Погодина и узнал о предприятии Киреевского. Летом 1843 года Павел Иванович пустился в пешеходную экспедицию за песнями и вместе с Н. А. Костровым обошел несколько уездов Орловской и Ярославской губерний. Сначала он записывал песни, в 1844 году — легенды и предания, в 1845 году отправился в Рязанскую, а в 1846-м в Тульскую губернию. Якушкин передавал весь собранный материал вместе с путевыми дневниками Киреевскому, который стал для Павла Ивановича идеалом человека и высшим авторитетом, чьи взгляды на народное поэтическое наследие, принципы его собирания и издания полностью разделял. Киреевский высоко ценил экспедиционную опытность Якушкина, труды его считал важнейшей частью своего собрания и перед смертью завещал именно Якушкину подготовить песни к печати, что не было исполнено наследниками. После смерти Киреевского Павел Иванович издал сборник песен, не взяв из собрания, на которое положил несколько лет жизни, ни одного текста. Он продолжал пешеходные путешествия как корреспондент различных журналов и стал писателем-очеркистом. Современники называли его первым народником¹. Служение народу, закрепощенному, бесправному, потом обманутому крестьянской реформой, он сделал целью своей жизни.

Якушкин был сослан сначала в Астраханскую область, затем переведен в Самару, так и не узнав, за что его подвергли высылке. Он и умер в ссылке и был похоронен на общественный счет, но с музыкой — единственный случай в Самаре той поры, от которой мало что сохранилось. На месте Всесвятского кладбища возник новый район города.

Записи публикуемых песен относятся к первой, счастливой для Павла Ивановича эпохе его сотрудничества с Киреевским. Совпадение некоторых сюжетов в их записях не случайно, оно свидетельствует скорее всего о совместных беседах, обмене опытом собирательства, поисках наиболее интересных и полных вариантов. Предлюсценные в настоящее издание песни были исключены по цензурным соображениям редколлегией «Памятников русского фольклора» из первого тома «Записей Якушкина».

---

¹ Шелгунов Н. В. Народник Якушкин. — Дело, 1883, № 12, с. 20-30.

1

Вот сел я, задремал я,
Стал я засышати,
Иечаль забывати,
Вышел на крылечко,
Звякнул во колечко,
Йок мое сердечко!
Знать, моя милая,
Радость дорогая,
Шашенька милая.
Идет моя милая,
Радость дорогая,
Шашенька милая.
Узшел на крылечко,
Звякнул во колечко,
Йок мое сердечко!
Она меня носит,
Только что не сбросит,
А я догадался,
За белы груди хватался,
Тпру, стой — не брыкайся!
Пошло целованье,
Пошли разговоры,
Поднявши подолы.
Пошло целованье,
между ног сованье.
Она меня носит,
Чуть ли что не сбросит.
А я здогадался,
За белы груди хватался.
Тпру, стой — не брыкайся,
На тебя ли, молодую,
Куплю плетку шелковую,
Почну погоняти.

2

Пошла Дуня под тачок,
Нашла Дуня питачок.
Пашла Дуня пад авин,
Нашла Дуня пять алтын.
Стал чумак варажить,
Где Дуняшку палаясить:
На пороги узка —
Ни уляжится гужка.

На лавки булавки —
Баюсь, накалюсь!
На пичи кирпичи
Разгарелись горячи,
На стале грешно,
Пад сталом смешно,
На палу ширако —
Раскатишься далико.

3

Зарадился травин сын
У матушки адин,
Адин, адин, адин,
Адинёхунёк-адин.
Паехал травин сын
На васьмёрычке адин,
Адин, адин, адин,
Адинёхунёк-адин.
Заехал съш
Ва царев кабак адин,
Адин, адин, адин,
Адинёхунёк-адин.
Как и взял жа травин сын
Палведра вина адин,
Адин, адин, адин,
Адинёхунёк-адин.

4

Девки ягады сбирали, каледа,
Купорос выбирали, каледа,
Ани барину насили, каледа,
Голожопому насили, каледа.
Барин ягад не примайть, каледа,
К ваеводи атсылаить, каледа.
Ваевода рассуждать, каледа,
«Што бывать — не бывать, каледа,
Сучку кобелю ебать, каледа,
Паймал пизду за хохол, каледа,
Пасажу ее на кол, каледа.
Я ударю кулаком, каледа,—
Ана станить с малаком, каледа.
Я ударю пальцем, каледа,
Ана станить с сальцем, каледа,

Выдерну я волос, каледа,
Сплету себе пояс, каледа,
Выйду на улицу, каледа,
Все люди дивуются, каледа:
— Што у тибя за пояс, каледа?
С черной пиздь! волос, каледа».

5

Как сын с атцом, каледа,
Живатину стерег, каледа.
Как сын атца, каледа,
На казе застал, каледа.
Палкой хер дастал, каледа.
— Ах ты батюшка-баток, каледа,
Ты нашто козу ебешь, каледа?
— Ах ты, сын ли, сынок, каледа,
Ты с мае паживешь, каледа,
Парасёнка заебешь, каледа.

6

Утачка дикая, каледа,
Па бирежку пикала, каледа,
Гордеюшку кликала, каледа:
«Гордеюшка-силизень, каледа,
Тапчи утку каждой день, каледа,
А не хочишь каждой день, каледа,
Тапчи утку чириз день, каледа!»

7

Па дугам ли, па балотам
Кулик с чапелькай летал,
Он ей в глазки зазирал:
— Зачем же ты, чапелька,
Все гуляишь па ваде?
— С чего у тибя, кулик,
Синие муде?
— Сударыня чапелька,
Я всегда на воде,
Оттого у куличка
Синие муде.
Сударыня чапелька,
Дай хоть раз поебчи,

Авось мои медушки
Иокраснеют ебучи.

8

Синица, синичинька!..
Как синица в тростничку,
Ебет журавель синичку,
Синичинька плачить.
Не чорт тебе винават —
Журавелюшки давать!
Журавель поры не знать —
Петатурычка играить!
Петатурачка играить —
За мазурку исполнять.
Чернолысый хуй
Куда хочешь суй!

9. ТЕЛКА И ИГУМЕН

ВОТ ПО лугу-лугу, лугу зеленому
Там хадила, там гуляла телка белинькая.
Телка белинькая, пизда чернинькая.
Как увидел эту телку сам игумен из окна,
Иасылаить, снаряжаить сваво вернава дьячка:
«**Вы** подите, приведите телку белую сюда,
Не хватайте пад бака, не попортьте молока.
К молоку телка добра, к мясу выгодна».
Тельчка по келейке пахаживаит,
А игумин на тельчку паглядьшаит.
Палажил телку — лежит, у ней хвостичик дражит.
Сам лег к телки пад бачок, засучил телке сучок.

10

Транды, травды, трандушки,
Любють девки ядрушки,
олодушки — медушка,
Старые бабы — яицы.
Как и баба стара,
Эх, **за** калинкой спала.
Прилетела сова —
Пизду выклевала,
Прилетели воробьи —
Понемножку поебли,

Прилетел орел —
Все по-старому повел.
Прилетели галки —
Забили палки.

11

Как на горке, на пригорке,
Как на горке, на пригорке,
Доны, доны молодые, на пригорке¹
Собиралися девчонки,
Собирались чернопизды,
Собиралися купаться,
Как поскинули рубашки —
Подокрался вор Игнашка,
Да покрал усе рубашки.
Тут все девки застыдились,
Одна девка не стыдлива
За Игнашкою бежала.
— Василиса, постыдися!
Ты закрой свою миронью
Своей белою ладонью,—
Не ладонью, так заслонью,
Остриги ее поглаже,
Ты отбей ее помягче,
Отпряди ее потоньше,
Да ты вывяжи перчатки,
Подари куму в подарок:
— Вот, кум, тебе подарок,
Со черной пизды поярок!

12

Брали девки лен, лен,
Брали выбирали,
Земли не (о)бивали.
Боялися девки
Да серого волка.
Не таво волка боялись,
Што по лесу ходить,
Што по лесу ходить,
Серых овец ловить.
А тово волка боялись,

---

¹ Припев повторяется после каждого двустишия.

Што по полю рыщить,
Красных девок ищить.
Где ни взялся паренек,
Схватил девку поперек,
Схватил девку поперек
За шелковый поясок,
Повел девку во лесок
За пень, за колоду,
За белу березу.
— Постой, парень, не валяй,
Сарафана не марай —
Сарафан кумашный,
работы домашней.
Постой, парень, скину,
Под себя подкину,
Ручки, ножки разложу,
Дороженьку покажу.
Дороженька торна,
Черна пизда, черна,
Черна, как цыганка,
ребятам поманка.

13

Ишла Феня с кабака,
Несла скляницу вина.
Ой, Феня, моя Феня,
Феня, ягода моя!
Она за кляп зацепилась,
За муде заплелась;
Она скляницу разбила
И вино-то пролила;
Половину вина
В сыру землю влила,
А другую половину
Да во черную пизду.
Загорелся вино
Да во черной пизде.
Как на той ли на пожар
Собиралися купцы.
Они с диву дивовались:
Ну да что ж за пожар!
Что ни жарко горить,
Только дым с пизды валит.

Ну, тут Фенюшка с Дуняшею
Иоссорилися:
У Дуняшки широка,
У Фени шири ея:
«В твою кочет не проскочит,
В мою гусь пролетел,
А я мою гусь пролетел
И крылом не задел.
Гарнизонный капитан
В пизде роту обучал.
Он на сикеле стоял,
Из пистолика стрелял,
Из пистолика стрелял
Да перчатки потерял,
За перчатками пошел —
В пизде дна не нашел.
Иоперек пизды дегло
Трехсаженное бревно.
Как турецкий посол
В пизду армию провел!
Мужик пашеньку пахал
Да и сам в пизду попал
И с сохою, с бороною,
И с кобылой вороною.
Полтора ста утят
В пизде воду мутят,
Как и семьдесят телят
В пизде травку едят,
Полтора ста гусят
Там под сикелем висят,
Как и семьдесят волчат,
Глаза выпуча, ворчат.

Публикация З. И. Власовой

ИЗ АРХИВА Б. М. и Ю. М. СОКОЛОВЫХ

Борис Матвеевич (1889—1930) и Юрий Матвеевич (1889 — 1941) Соколовы принадлежали к блестящей плеяде русских филологов, чье становление и развитие пришлось на начало XX века и завершилось в трудные 30-е и 40-е годы. Они, как и их современники Д. К. Зеленин, Н. С. Трубецкой, ^{р.} О. Якобсон, П. Г. Богатырев, М. К. Азадовский и другие, каждый по-своему и в разных условиях и даже географических широтах, создавали единую фольклористическую науку, пытаясь протянуть нити преемственности из дореволюционной к постреволюционной науке, приспособить ее к новым условиям существования и развития. Их по праву называют ведущими и одними из самых значительных фольклористов своего времени.

В истории гуманитарной науки нет другого примера редкого единения, влюбленности в одно дело двух братьев-близнецов, каковыми были не только по рождению, но и по духу братья Соколовы.

В жизни Соколовых многое предопределило их раннее созревание как филологов. Отец, Матвей Иванович Соколов, был известным славистом, знатоком болгарской письменности и литературы, человеком широкой эрудиции, умным и тонким педагогом. В 1905 году, за несколько месяцев до безвременной кончины, он занял пост декана историко-филологического факультета Московского университета.

От отца братья унаследовали интерес к проблемам взаимодействия устной и письменной литературы, который проявился во многих исследованиях и сохранился до конца их научной деятельности.

Можно с уверенностью утверждать, что тема фольклоризма в литературе разных времен и разных писате-

лей была впервые столь широко и разнообразно заявлена братьями Соколовыми.

Борис Матвеевич при жизни не раз пытался издать единой книгой свои многолетние исследования по русскому эпосу. Монография под названием «Эпос русского средневековья» мыслилась как попытка предложить в едином исследовании разные методологические подходы к теме: историко-сравнительный (соотношение русского эпоса с немецким), историко-генетический (эпос и история), как опыт обзора исторической жизни эпоса в его прошлом, настоящим и будущем, как попытки представить соотношение эпоса с региональной легендой, местным бытом и литературой. Книга, к сожалению, не увидела свет ни при жизни автора, ни после его смерти.

Делом всей своей жизни и жизни брата Ю. М. Соколов считал подготовленный им на основе ранее написанных с Б. М. Соколовым курсов для заочного обучения¹ первый отечественный учебник по русскому фольклору².

Учебник не только стал крупным событием в филологической науке, но на долгие годы сделался настольной книгой не одного поколения филологов, к нему и поныне обращаются исследователи.

Братьям Соколовым принадлежит инициатива объединения разрозненных сил фольклористов и этнографов при помощи выпуска периодических журналов «Этнография» и «Художественный фольклор»³. По отбору и направленности представленных в них материалов они органично дополняли друг друга, представляя фольклор в его связях с обрядами и верованиями, с одной стороны, а с другой — как явление художественное и эстетически значимое.

В одном из номеров журнала «Художественный фольклор» была опубликована статья А. И. Никифоро-

---

¹ Соколов Б. Русский фольклор, вып. I. Былины М., 1929; изд. 2-е — М., 1932; Соколов Б. Русский фольклор, вып. II, Сказки. М., 1930; Соколов Ю. Русский фольклор, вып. III. Пословицы, гадания, загадки и заговоры. Обрядовая поэзия и народная драма. М., 1931; Соколов Ю. Русский фольклор, вып. IV. Частушки, мешанские и блатные песни. Фабрично-заводской и колхозный фольклор. М., 1932.

² Соколов Ю. М. Русский фольклор. М., 1941.

³ «Художественный фольклор», вып. I, 1926; вып. II—III, 1927; вып. IV—V, 1929; журнал «Этнография» выходил с 1926 по 1929 г.

ва «Эротика в великорусской народной сказке» — первое специальное исследование этой темы на русском материале. В ней А. И. Никифоров, в частности, писал: «...почти все сказки построены на сексуальной основе, поскольку во всех них имеется налицо брак и брачные отношения как основной двигатель динамики сказочного сюжета¹. Брачные отношения составляют основу целого ряда обрядов и жанров фольклора, тем самым предопределяя наличие в них эротических мотивов, нередко весьма откровенных.

Поистине научным открытием новгородского фольклора и собранием уникальных текстов явился первый совместный сборник братьев Соколовых «Сказки и песни Белозерского края», составленный ими на основании собственных записей в Кирилловском и Белозерском уездах Новгородской губернии².

В сборник вошли остатки былин и исторических песен, оригинальные сказки и разнообразные в жанровом отношении (в том числе литературного происхождения) песни.

К текстам были приложены статьи: «Белозерская деревня и ее быт», «Сказочники и их сказки», содержащие множество наблюдений над живым бытованием фольклора в его связи с природными, хозяйственными циклами жизни крестьянина и с особенностями индивидуальной манеры сказывания. Сборник, подготовленный недавними студентами, только входившими в науку, получил более тринадцати хвалебных рецензий, авторами которых выступили: П. Н. Сакулин, Вл. Гордлевский, С. Ф. Ольденбург, Е. Н. Елеонская, Н. К. Пиксанов, Е. Ф. Карский, Н. Мендельсон, ^p О. Якобсон, П. Г. Богатырев, А. П. Скафтымов, И. Поливка. П. Г. Богатырев в письме-отклике на смерть Б. М. Соколова писал Юрию Матвеевичу: «Теперь определено можно сказать, что студенческая Ваша и Бориса ^mатвеевича работа оказала большое влияние не только на русскую науку, но и за границей»³.

Братья не сомневались в том, что фольклорные записи на местах следует вести с максимальной полнотой. В 1924 году в совместной брошюре, посвященной

---

¹ Никифоров А. И. Эротика в великорусской народной сказке. — Художественный фольклор, №4—5. М., 1929.

² Соколовы Б. и Ю. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915.

³ ГЛМ, ф. 50, оп. 1, Ед. хр. 47, л. 20-20 об.

принципам собирания и систематизации материала, они сформулировали эту мысль в качестве основного и принципиально важного подхода: «Нам кажется, что эти требования науки могут быть выражены всего-навсего в трех простых словах: от научной записи фольклора требуется соблюдение полноты, точности и объективности»¹.

Следуя этим установкам, братья Соколовы включили в свой сборник все записанные ими тексты, в том числе нескромные эротические сказки и песни, в своем большинстве антипоповского содержания. В статье «Сказочники и их сказки» наши собиратели отмечали не только резкий тон сказок, но и значительный элемент, даже обилие в них «скромных» мотивов и подробностей. К числу таких сказок относятся: «Поп, дякон и дячок» (№ 84), «Девушка попа пристыдила» (№ 85), «Как мужик серги у попады доставал» (№ 125), «Поп и казак» (№ 147), «Свекор и сноха» (№ 148) и др.

То обстоятельство, что в фольклоре многих народов непристойные эротические сказки являются одновременно и антиклерикальными, Б. А. Успенский склонен объяснять тем, «что тексты того и другого рода принадлежат к сфере антиповедения, то есть обратного поведения, поведения наоборот, сознательно нарушающего принятые социальные нормы»². А такое поведение на Руси всегда играло большую роль, имело ритуальный магический характер, было связано с верованиями и в конечном итоге способствовало «сохранению традиционных языческих обрядов»³.

Несколько по-иному объясняли непристойные тексты братья Соколовы. По их мнению, грубость многих текстов в крестьянской культуре «является результатом не развращенности или испорченности, а лишь простоты, неприхотливости и непосредственности»⁴.

Простота и естественность — приметы народной жизни — не могли не сказаться на особенностях эстетики, одной из которых Ж^м. Бахтин считал откровен-

---

¹ Соколовы Борис и Юрий. Поэзия деревни. М., 1926, с. 46.

² Успенский Б. А. Заветные сказки А.Н.Афанасьева.— От мифа к литературе. М., 1993, с. 119.

³ Там же. См. также: Успенский Б. А. Антиповедение в Древней Руси.— Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985.

⁴ Соколовы Борис и Юрий. Белозерская деревня и ее быт.— Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, с. XXXVIII.

ность и натуралистичность в показе телесного низа. Некая незавершенность, как бы открытость народной эстетики связана с тем, что бытие любого человека во всех его проявлениях — от рождения до смерти — протекает коллективно, на виду у всех. По М. М. Бахтину, эта эстетика не «животного, биологического», а именно в такой форме проявляемого общественного социального бытия¹. Вот почему и отношение к подобным вещам, и восприятие их в народной среде коренным образом отличаются от нравственных критериев современного человека.

Но вернемся к сборнику «Сказки и песни Белозерского края». Судьба его, несмотря на положительную прессу, оказалась не совсем благополучной. Вскоре после выхода в свет он был запрещен по решению Академии наук, которая осуществляла его субсидирование. 12 мая 1915 года продажа была прекращена². В тот же день Ю. Соколов сообщил Б. Соколову из Петербурга о результатах заседания Отделения русского языка и словесности Академии наук, на котором было принято решение перепечатать страницы с текстами непристойного содержания (предложение А. И. Соболевского и В. С. Иконникова). Мнение А. А. Шахматова и С. Ф. Ольденбурга — оставить издание в неприкосновенности — не было поддержано³.

Двадцатого мая 1915 года А. А. Шахматов писал Соколовым: «Советую только еще раз формально обязать магазины прекратить продажу. Один из академиков только что сообщил, что сборник в Москве продается. Не нажить бы беды!»⁴. Через неделю — 26 мая — А. А. Шахматов просил братьев «не тревожиться», уверяя, что академия все сделала, что «никакого дела не поднимется, а если поднимется, то принятые меры будут вполне достаточны для прекращения обвинения»⁵.

---

¹ Об этих идеях М. М. Бахтина см. в кн.: Кожин В. Статьи о современной литературе. М., 1990, с. 15.

² Число стоит на квитанции книжного магазина В. С. Спиридонова и А. М. Михайлова (ул. Моховая, угол Тверской) — РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 372, л. 1.

³ Иванова Т. Г. Русская фольклористика в биографических очерках. Л., 1993, с. 73.

⁴ ГЛМ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 231, л. 8.

⁵ Письмо А. А. Шахматова Б. Соколову от 26/IV 1915 г.— Там же, л. 9.

Осенью 2 ноября 1915 года А. А. Шахматов вновь напомнил о реакции на сборник членов академии: «...некоторые поворчали на включение Вами сказок нецензурного содержания». Выразив опасение, как бы не вмешалось Главное управление по делам печати, он предложил все же перепечатать некоторые страницы¹ (что так и не было сделано). Тем не менее братья получили за свой сборник от академии престижную премию М. Н. Ахматова (денежное вознаграждение в размере 500 рублей)². Спустя два года Соколовы обратились в Отделение русского языка и словесности Академии наук с официальной просьбой разрешить продажу оставшейся у них части тиража. Ответ был компромиссным: со своей стороны академия «не считала себя вправе препятствовать продаже», но если начнется преследование издания со стороны прокурорской власти, именно Соколовым предстоит бить «законными ответчиками»³. 25 мая 1917 года Соколовы уведомили Отделение, что «не сочли себя нравственно вправе пустить книгу в продажу»*.

История с распространением книги показательна как свидетельство неравнозначного и слюзкого отношения к фольклорным текстам непристойного характера и непонимания их истинного смысла даже в том случае, когда они публикуются в одиом издании с текстами иного, вполне пристойного, содержания.

В 1926—1928 годах Б. М. и Ю. ^н. Сколовы замыслили грандиозную по масштабам и целям поездку на Русский Север, в «Исландию русского эпоса». Они намеревались пройти по следам известных собирателей фольклора XIX века И. Н. ^рыбникова (записи начала 60-х годов) и А. Ф. Гильфердинга (70-е годы), работавших в районе Онежского озера.

Экспедиция братьев Соколовых, предпринятая через полстолетие, получила в науке название «Ю следам Рыбникова и Гильфердинга».

Основная цель ее — проследить за эволюцией бы-

---

¹ Письмо А. А. Шахматова Б. Соколову от 26/IV 1915 г.— ГЛМ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 231, л. 11.

² РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 33, л. 10.

³ Письмо от 17 мая 1917 г.— ГЛМ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 231, л. 15.

⁴ Архив АН, ф. 134, оп. 1, ед. хр. 1433, л. 267. В 1933 году Ю. М. Соколов писал, вспоминая эту историю, что книга была изъята из продажи «по настоянию реакционной части Академии и новременских борзописцев и липы, после революции вновь появилась в продаже».— Правда, 1933, 14 декабря.

линного искусства, исследовать закономерности и тенденции угасания традиции. Для этого предпологалось вести записи от членов семей известных в прошлом былинщиков, их учеников и последователей, собирать сведения о репертуаре тех исполнителей, с которыми работали Рыбников и Гильфердинг. И хотя экспедиция носила целевой характер, ограничивающий область поиска одним жанром — былинами, попутно были зафиксированы и исторические песни, баллады, пародии, духовные стихи, а также приговоры свадебных дружек. Однако по разным причинам в сборник «Онежские былины» (М., 1948) вошли лишь эпические произведения. Среди неопубликованных материалов встречаются тексты эротического характера, часть которых приводится в настоящем издании.

Мы включили произведения разных жанров, объединенные сексуально-эротической тематикой, смеховым характером, а также прямой или косвенной соотносительностью со свадебным обрядом (тексты №3—6). Это пародия на духовный стих, скоморошина (или небылица), шуточные песни, приговор свадебного дружки и свадебные частушки. Пародии на духовный стих — достаточно редкое явление в собирательской практике. Во всяком случае, среди опубликованного фольклора разных регионов России они отсутствуют. Предлагаемый вниманию читателей текст не содержит никаких прямых намеков на духовные стихи. Напротив, он являет прямую противоположность их возвышенному стилю и содержанию, повествуя о телесном низе, но не в пародийно-раешном, а в спокойном эпическом тоне. Пародийность создается за счет нарочитого внимания к фаллу как независимому самостоятельному существу.

В мотиве «тележка с хуйками» юмористически подана ностальгия по старым добрым временам: старушки осуждают девушек за легкомыслие, они бы в молодые годы «добро» подобрали, не дали бы ему пропасть.

Пародийность усиливается из-за полного несоответствия низменно-игривого содержания манере исполнения. По свидетельству С. П. Бородина, одного из участников экспедиции, исполнитель Н. С. Абрамов, «когда стал петь стих о Корнелии, то сел около печки, как это делают старики с Купецкого озера, поющие духовные стихи. Пел, в точности копируя манеру петь духовные стихи — гнусавый голос, поза и т. д.». По мнению С. П. Бородина, «стих о Корнелии» — пародия не только

на стихи вообще, но преимущественно на старину-стих «О Василии и Софье», очень популярную в крае¹.

Сюжет повествует о великом грехе, зародившемся в благочестивой богомольной семье вдовушки, у которой все девять дочерей и «одинакай» сын были воспитаны в нормах христианской морали. Неожиданная любовь одной из дочерей к брату, проявившаяся в стенах храма, вынудила вдовушку прибегнуть к крайнему средству. Желая избавиться от возможного греха с помощью «зелья лютого», приобретенного для Софеи (Солфеи, Солфеюшки), мать, не желая того, губит и своего сына. Над могилами дочери и сына выросли верба и кипарис, сросшиеся вершинами. Стих содержит некоторые сюжетные мотивы, характерные для баллад: грешная любовь, отравы как средство избавления от нее, любовь, побеждающая смерть.

Другой представленный жанр — небылица — бывает прозаической или стихотворной формы, может присутствовать в качестве зачинов или концовок волшебных сказок, но функционирует и самостоятельно.

В рукописи Соколовых «Небылица» фигурирует как название произведения. Однако текст имеет все признаки, позволяющие выделить его в специальный жанр. Как убедительно показала Л. М. Ивлева, небылицы относятся к типу шуточных скомороший. Основные приметы их поэтики — создание нереального перевернутого мира, деформация нормальных связей. «Художественный мир небылицы — это мир невоплощенного и неосуществимого», — пишет Л. М. Ивлева².

В сборник «Онежские былины» Б. и Ю. Соколовы включили всего восемь небылиц, что, конечно, не дает представления о широте их распространения и специфике в данном регионе, поскольку небылицы вообще записывались крайне редко. Публикуемый нами сюжет

---

¹ Место хранения: РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, л. 156-157. Сюжет «Василий и Софья» неоднократно записан участниками экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Часть вариантов опубликована в сборнике «Онежские былины». (См. варианты Г. А. Якушева (№ 29), Н. С. Богдановой (№ 154), А. Т. Артемьевой (№ 225). Указания на другие варианты см. в приложении к сборнику: «Былины-баллады и исторические песни, записанные экспедицией 1926—1928 гг. (не вошедшие в сборник)». Там же приводятся сведения о 36 вариантах текста, записанных в Пудогге, в Кижях, на Волдозере, на Рагнозере, на Кенозере (с. 906—907)).

² Ивлева Л. М. Скоморошины. (Общие проблемы изучения). — Славянский фольклор. М., 1972, с. 123.

отсутствует в перечне известных русской науке сюжетов скомороший и небылиц, который приводит в своей статье Л.^м. Ивлева.

Юмористическая песня «Баран», использующая излюбленный в народной лирике композиционный прием — «ступенчатое сужение образов» (термин Б. М. Соколова), умело сочетает его с «эффектом неожиданности». Юмор основывается на противопоставлении наивности и неопытности дочери и хитрости матери, до последнего момента скрывающей от дочери истинную цель поступков барана.

«Барынька» — типичное песенное произведение юмористического содержания, комическая направленность которого усиливается из-за полной неразборчивости «барыньки» в выборе полового партнера. Среди опубликованных текстов русского песенного фольклора подобный сюжет не встречается.

Приговоры свадебных дружек, как правило, представляли пеструю смесь из поэтических образов книжного происхождения, народного балаганного искусства, скоморошских присказок. Это было искусство импровизации. Нередко дружки прибегали и к небылицам — игре несообразностями, изображению событий и их последовательности в заведомо нереальном и даже абсурдном ключе¹.

Частушки, завершающие публикацию, обозначены в бумагах Ю.^м- Соколова как «соболь».

Соболь, как и горностай, в восточнославянских поэтических текстах выступал в качестве мужской пары (жениха) невесты-куницы. А. В. Гура приводит сведения, что в Ельнинском уезде Смоленской губернии на свадьбе пели песню, в которой был применен типичный для народной лирики прием параллелизма: «...куница просит соболя вывести ее из бора, молодая просит жениха забрать ее из родительского дома². Подобные мотивы обнаруживаются в фольклоре Центральной России и Сибири. Они характерны для восточнославянской традиции. Ни западным, ни южным славянам соболь

---

¹ О приговорах свадебного дружки см.: Мореева А. К. Традиционные формы в приговорах свадебных дружек. — Художественный фольклор, вып. II—III. М., 1927; Поздеев В. А. Приговоры дружки в структуре севернорусского свадебного обряда. — Жанровая специфика фольклора. М., 1984, с. 60—74.

² Гура А. В. Ласка (*Mustela nivalis*) в славянских народных представлениях. Славянский и балканский фольклор. М., 1981, с. 131.

как символ жениха не известен. Как считают В. В. Иванов и В. Н. Топоров, подобные пары — результат позднего образования¹.

«Собольи частушки», исполняющиеся в первую брачную ночь, после укладышания молодых, как бы создавали соответствующий фон и настрой этому центральному событию свадебного обряда.

---

¹ Иванов В. В., Топоров В. Н. К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале). *Sign. Language. Culture*. Paris, Mouton, 1970, p. 387.

1. КОРНЕЛИЙ

Иоехал Корнелий на канаву,
С мелким товаром со хуйками.
У Корнелушки несчастье случилось:
Тележка со хуйками развалилась.
Красные девицы да усмеялись,
^молодь№^м молодушки шли да удивились,
Старые старушки шли да прослезились:
«Ах, как было бы нам прежнее время,—
Обрали бы все хуйки себе в беремья».

2. НЕБЬЛИЦА

А по лугам вода да разливаитси,
Да на войну пизда да снаряжаитси.
Черны волосы шли пехотою,
Сама пизда воеводою,
Востер сикей да губернатором,
Жопия курва — барабанщицей.
Большой-то хуище поднимайтси,
Енеральска плешь раздуваитси.
К воротам пришел, с пиздой в бой пошел.
Всю пехотушку в ноги притоптал,
Губернатора ко стене прижал,
Воеводу напирати стал,
А барабанщицю шолонами¹ захлестал.

3. БАРАН

«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам (и),
По улице ходит».
«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взимай-ко, дочй,
Благо дело, дбчй, к нбчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам (и),
В подворотню лезет».
«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взимай-ко, дочй,

---

¹ Шолоны — яйца.

Благо дело, дѣчи, к нѣчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам(и),
По ступенькам лезет».
«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взымай-ко, дочй,
Благо дело, дѣчи, к нѣчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам(и),
Двери попирает».
«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взымай-ко, дочй,
Благо дело, дѣчи, к нѣчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам (и),
По квартире йдет».
«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взымай-ко, дочй,
Благо дело, дѣчи, к нѣчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам(и),
На кроватку лезет».
«**Не** крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взымай-ко, дочй,
Благо дело, дѣчи, к нѣчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам(и),
Под окутку лезет».
«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взымай-ко, дочй,
Благо дело, дѣчи, к нѣчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам (и),
На верѣх ставаѣт».

«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взымай-ко, дочй,
Благо дело, дбчи, к нбчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам(и),
Губашку отстегаёт».
«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взымай-ко, дочй,
Благо дело, дбчи, к нбчи,
Пусть баран ночует».
«Ах ты, маменька, баран,
Государыня, с рогам (и),
Пизду закладает».
«Не крычи-тко, дочй,
Не пугай-ко, дочй,
Не взымай-ко, дочй,
Благо дело, дбчи, к нбчи,
Пусть баран ночует».

4. БАРЫНЬКА

Барынька крупу драла,
Барынька попу дала,
Барынька дякону,
Барынька всякому:
Барынька приборчику,
Барынька полембнчику[?]¹.
Я под гбру катилась,
Семь раз ложилась,
Нечто дала ббльшу,
Закрепи мою душу.
Барынька, буки бу,
Будто я тебя ебу.
Барынька, буки-веди,
Будто я те для комеди.
Барынька, буки бал,
Будто я тебя ебал.

---

¹ полемойщику?

5. [ИЗ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА]

[После обеда у жениха свадебный поезд направляется к дому невесты. Между старостой (представителем рода невесты) и дружкой (вершником) жениха происходит словесное состязание, конечная цель которого заполучить невесту. Фрагмент из этого диалога-импровизации приводится ниже.]

Д р у ж к а : У нашего князя молодого
По этому поводу случаев много,—
Есть свои магазины,
Все продаёт, кроме корзины.
Ведь одни дураки
Продают бураки,
Но они продавают,
Что в корзинки полагают.
Это только примеры —
Есть разные кашемеры,
Материи дорогие
Да ведь и тонкие.
Одно слово —
Для княгини все готово.
Особые швейки,
К работе затейки,
А как есть портные,
Так затейные такие.
Шьют без нитки,
А иголка с плешинкой,
С кончика уши,
Слышно до души.
Другой конец с волосами —
Догадайтесь сами.

Староста: У вашего князя молодого
Чего-нибудь дома
Говорят про вас многи,
Что коровы безроги,
Глиняны мосты,
Да кони бесхвосты,
Окны кривые,
Сами леньё,
Ничего не умеют,
Говорить уж не смеют,
Ничего не толкуют,
На готово их суют.

Дружка: Нані князь молодой,
                   На всё умён удалой,
                   Из себя такой он видный,
                   В среднем возрасте, солидный.
                   Остроумен и речист
                   И всегда бывает чист.
                   Никакой не лопоух,
                   Не имеет много мух,
                   Собой вести всегда умеет,
                   Млого прочего имеет:
                   Свое хозяйство и притом
                   Свой обширный новый дом.
                   Дом с паркетными полами,
                   Кони с пышными хвостами,
                   И коровы все рогаты,—
                   Одним словом, что богаты.
                   В доме всякие излишки,
                   Сам он ходит при манишки,
                   И веселый, не угрюмый,
                   В [пропуск.— В. Б.] костюме
                   Брюки полосами,
                   Есть в брюках с волосами.
                   Имеется здоровый
                   И немножко багровый.
                   Князь — дамский кавалер
                   На особенный манер —
                   Сначала он ее погладит,
                   А потом уже направит.
                   Начинает, извинясь,
                   Он всегда не торопясь.
                   Чтобы не было хоть больно,
                   А княгине молодой будет довольно.

Староста: Теперь вспомнить мне пришлось,
                   Что дело с вами так велось,
                   Князь с княгиней приводились,
                   Вчетвером Богу помолились,
                   Чтобы вместе им жить,
                   Ни о чем не тужить.
                   Да вы как точно отманили,
                   Долго к нам не приходили,
                   А известий — не бывало,—
                   Вот княгиня захворала.
                   Если дело не бросать,
                   Надо доктора достать.

- Дружка: **Вы** болезней не бойтесь.
У князя молодого
 Лекарствов есть много,
 Для вашего человека
 Собственная аптека.
 Есть такой порошок,
 Что боль достанет до самых кишок.
 Свое натиранье — ночное старанье.
ЗКивот на живот —
 Все заживет.
- Староста: Ну, пожалуйста, пожалуйста,
 Нашему хозяину рабочие нужны.
У нас по праву руку бревен навозка,
 По левую руку навозка метка.
 Есть куча ржи не молочана,
 Бочка пива не почата,
 Сорок амбаров
 Сухих тараканов,
 Сорок кадушек
 Соленых лягушек.
 Чево желаете кушать,
 Ежли не хотите больше слушать.
- Дружка: **У** нашего князя молодого
 Так угошшенья есть тоже много,
 Хотите, послушайте,
 Какие есть у нас кушанья:
 Каша из крупы,
 Есть разные супы,
 Ни горьки, ни сладки,
Из разной прихладки.
 Все в них вдельное,
 Есть пиво хмельное,
На закуску стручѣчки —
 Молодью хуѣчки.
Да не про всё говорѣно.
 Пирожки есть варѣны,
 Напитки-налитѣшки,
 Только нет одной пиздушки.
 Вот поэтому нам
 Пришлось явиться к вам —
У вас есть красавица,
 Князю очень нравится,
 Он ее откупит
И ночью ей залупит.

6. «СОБОЛЬИ ЧАСТУШКИ»

1. Аи, капут, капут, капут.
У нас по-новому ебут.
Ноги кверху, пизда вниз,
И выходит гармонист.
2. Первый номер — батька помер
И полез на небеса.
Сперва яйца упали,
А потом и колбаса.
3. Сидела на мосту,
Обувалася,
Промеж ног у меня
раздувалось.
4. Топочу я топочу,
А к вечеру захочу.
Нету мово милово —
У него бы вынула.
5. У мого у тятеньки¹
Две курочки рябеньки.
Одну курку на зарез,
На другую сам полез.
6. Садилася **барыня**
На коня буланова.
Садилася без узды,
Приехала без пизды.
7. Как старухе-то сто лет,
Старику-то двести.
Помогите старику
На старуху влезтьи.
8. А старуха, Божий дар,
Покажи-ка свой товар.
Дай по разика четыре,
Будет дьфочка пошире.

---

¹ Слышал у мальчика.

9. У моей у милочки
Зашипело в дырочке.
Зашипела в пизде пена,
Завтра будет перемена.
10. Стояла у стенки,
Говорила Сеньке:
«С уговором, Сенька,
Еби хорошенько».
11. Баба сеяла муку,
Посулила старику.
Старик с печи соскочил,
Свою сику наточил.
(И прибавила: «Чтоб вострее было».)
12. Как у нашей молодой
Прибавилось на ладонь,
А мы не поверили —
Взяли да померяли.
13. Положили молодую
На голые доски,
А у нашей молодой
Покатились слёзки.
14. Просватали меня,
Молодую Польку,
Навалили на меня
Здорового Кольку.
15. Лед трещит —
Вода сбчится,
Я не знаю, как тебе,
А мне хочется.

(Далее, очевидно, сымпровизировали:

И мне хочется,
И тебе хочется,
И товарищу твоему,
Тоже хочется ему.)

16. Я у матушки жила
И на знала кокушки¹,

---

¹ Кокушки — яйца.

А теперя кокушки
Возле моей жопушки.

17. **Аи**, барыня топ-нет,
Сударыня топ-нет,
Я бы рада топнула —
Пизда моя лопнула¹.
18. **На** речке на мели
Девки еблю завели,
Две ебуться, две смеются,
Пять небанных стоят.
19. **Я** милашечку не еб,
Пизду на шапочку берег.
Еб товарищ **за** меня,
Пропала шапочка моя.
20. Отец кузницу поставил
И сказал сыночку: («Куй!»)
На помин души оставил
Трехвершковый толстый хуй.
21. **У** милашки у моей
Под рубашкой соловей.
Как милашку стану еть —
Соловья заставлю петь.
22. **Мы** ебать того хотели,
Кто нас пьяницей зовет.
Мы на свои деньги гуляем,
Нам никто их не дает.
23. **В** огороде, в лебеде
Нашла бабушка (муде?)
Приставляла, примеряла
К своей старенькой пизде.
24. Посмотрите на поветь²,
Как пизда пошла говеть.
Посмотрите в вышку:
Пизда ебет мышку.

---

¹ Записано у мальчишек той же деревни.

² Поветь — навес.

Посмотрите в сторону:
Пизда везет борону.
Посмотрите на небеса:
Пизда тащит волоса.

25. Светит месяц над Варшавой --
Девки любят хуй шаршавый.
Светит месяц над быком —
Девки любят хуй штыком.
26. Ах ты, еб твою мать!
Как **ты** смела ему дать?
Не твое, мамаша, дело,
Не твоя пизда терпела.
27. Как **на** горке, на притычке
Зайчик просит у лисички.
А лисичка не дает,
Зайчик лапкой достает.
28. Как **на** елке на макушке
Засадил дятел кукушке.
А кукушка не стерпела,
Полетела — заревела.
«Ты не плачь, моя кукушка, --
Заживет твоя пиздушка».
29. Как на мельнице,
На ебельнице,
Мужик бабу ебет,
А другая идет:
«Бог помочь тебе,
Оловянной муде.
Чугунный хуй
Подальше суй,
Еще на вершок,
Доставай до кишок».
30. Через тын, через пень,
Через загородку
Целовали девки хуй,
Самую маковку.
31. Под печкою, со свечкою
Мужик бабу ерыкал,
Всю соломку разорыкал.

32. Ах, еб вашу мать
С вашими делами.
Если жалко дочь отдать,
То ебите сами.
33. Иод горкою —
Со Ягоркою.
Под осинкою —
Со Максимкою.
34. Как на печке на краю
Ебут милую мою.
Я кругом бегаю
И ничего не делаю.
35. Татарин татарочку
Положил на лавочку:
«Татарочка, легонько
Сделай жеребенка».
36. Семь раз я еблась —
Душа моя чиста.
Врешь, еб твою мать,
Любишь трубочиста.
37. Старик старую старуху
Положил на лавку еть,
За манду ее седую
Ухватился.
38. Я не буду тебя еть,
У тебя в пизде медведь.
39. На горе стоит точило —
Пизда на хуй наскочила.
40. Старуха, старый хрыч,
Пора тебе пизду стричь.
41. На горе стоит дуб,
Под горою липа.
Дед на бабушке сидит,
Делает Филиппа.

ПЕСНИ В ЗАПИСЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX-XX ВВ.

---

1. КАБАЦКИЙ ДЕТИНА

От чего хмелек
Зарождается сперва?
От матушки, от сырой земли,
От гнилой соломины.
Кто поводится с хмелечком,
Тот и будет человек!
Как повадился **детинка**
Во кабак ходить гулять,
Во кабак идет детинка —
^ровно маков цвет цветет;
С кабака идет детинка —
^ровно липенька гола,
Что гола, гола, гола,
В чем матушка родила,
В чем бабушка повила!
Он и улицей прошел,
Он к народу подошел;
Он к народу подошел,
Во весь голос закричал:
«**А** у нас вчера, робята,
Филимон ночевал,
На полатях спал,
Семь бед сбедовал:
Семь девушек украл,
В кошельнице поклат,
На плечище подиял,
На льдище снес,
По льдищу растрес;
Да и все эти девченки
^располозилися,
^разъелозилися.

А как старая девчища
Васильевища
Залезла в дуплище,
В осиновище.
Калачом-то манили,
Да не выманили;
Топором-то рубили,
Да не вырубил.
Как и стара старика,
Его чорт догадал —
Девке кукиш показал.
Девка выскочила,
Глаза вытращила;
Девка дура, девка дура —
Пошла к старосте на думу:
— Уж ты, дядя-староста,
Рассуди, пожалуйста! —
Староста умен,
Праву рученьку отвел,
Девку по уху оплел».

2. ТЕНЬ-ТЕНЬ, ПОТЕТЕНЬ

Тень-тень, потетень,
Залетела кунка в пень,
Топором ее рубили,
Не вырубил,
Калачом ее манили,
Не выманили.
Пришел дедушка-матрос,
Своей пырочкой потрес.
Кунка выскочила,
Шары выпучила...

3. ПАРАХОД БЕГАТ ПАРАМИ

Параход бегат парами,
Две Наташи рядом с нами.
Одной имя Катерина —
Настоящая картина.
Ну ж Наташа лучше всех
Поднимается на смех.
Один выискался парень-хват,
Схватил ее под халат,
Бросил ее на кровать.

Долго время не вела,
Сразу ноги подняла.
Уперлась в стену ногами,
Ротик стиснула зубами...
Мы на поле не робели,
И на печке не дрожим!

4. БОГУЧАНЫ ПРИ УГОРЕ

Богучаны при угоре,
Красны девки при уборе:
Груди выставят вперед,
На них зарится народ.
Ярки стоит в яме —
Изукрашена бл(ядя)ми.
Пинчуга стоит в горе —
По три б(ля)ди на дворе.

5. УЖ ТЫ, ВАНЮШКА

Уж ты, Ванюшка,
Вор-канальюшка!
Ты не стой передо мной,
Не мотай головой,
Мне не быть **за** тобой.
Я буду, буду **за** Иваном,
За белым, за румяным.
Ваня ночку не спал,
С Маши юбку снял,
Он поутру встал,
Похваляться стал:
— Уж я нонче, ребятушки,
На мягком спал:
На шубке, на юбке, на войлочке,
На перине пуховой,
На подушке парчевой,
На подушечке, возле душечки.

6. РВАЛИ ДЕВКИ ЛЕН-ЛЕН

1. Рвали девки лен-лен,
Рвали девки лен-лен,
Рвали-спорывали,
Снопы не вязали,
2. Рвали-спорывали,
Снопы не вязали,

- За межу бросали,
Боялися волка,
3. За межу бросали,
Боялися волка,
Боялися волка,
Боялися серого.
4. Боялися волка,
Боялися серого.
Волк-от серый рыщет,
Красных девок ищет.
5. Волк-от серый рыщет,
Красных девок ищет.
Не вдержался паренек,
Схватил девку за бочок,
6. Не вдержался паренек,
Схватил девку за бочок.
Схватил девку за бочок,
Поташил ее в лесок,
7. Схватил девку за бочок,
Поташил ее в лесок,
За пень, за колоду,
За белу березу.
8. За пень, за колоду,
За белу березу.
Стал парень девку валить,
Стала девка говорить.
9. Стал парень девку валить,
Стала девка говорить:
«Ты уж, парень, не валяй,
Сарафан мой не марай!
10. Ты уж, парень, не валяй,
Сарафан мой не марай!
Сарафан мой синий
Сама, девка, скину,
11. Сарафан мой синий
Сама, девка, скину,
Сама, девка, скину,
Под себя подкину,
12. Сама, девка, скину,
Под себя подкину,
Под себя подкину,
Сама, девка, лягу,
13. Под себя подкину,
Сама, девка, лягу,

- Сама, девка, лягу,
Ноженьки протяну,
14. Сама, девка, лягу,
Ноженьки протяну,
Ноженьки протяну,
По брюшку поглажу,
15. Ноженьки протяну,
По брюшку поглажу,
По брюшку поглажу,
Дорожку укажу.
16. По брюшку поглажу,
Дорожку укажу.
Дороженька торна,
Девица моторна,
17. Дороженька торна,
Девица моторна,
Девица моторна
У ей пизда черна,
18. Девица моторна,
У ей пизда черна,
Черная чернавка —
м^олодцу приманка.
19. Черная чернавка —
м^олодцу приманка.
Собирались девки,
Собирались красны,
20. Собирались девки,
Собирались красны,
Щелок щелочили,
Черну пизду мыли,
21. Щелок щелочили,
Черну пизду мыли,
Мыли, полоскали,
За уши таскали,
22. м^ыли, полоскали,
За уши таскали,
За уши таскали,
Больно колотили.
23. За уши таскали,
Больно колотили.
Валек отбивался,
Во пизде катался,
24. Валек отбивался,
Во пизде катался,

- Валек обломился,
В пизду провалился.
25. **Валек** обломился,
В пизду провалился.
Собирались девки,
Собирались красны,
26. Собирались девки,
Собирались красны,
Тоненько пряли,
Неводы вязали,
27. Тоненько пряли,
Неводы вязали,
Неводы вязали,
Во пизду метали,
28. Неводы вязали,
Во пизду метали,
Во пизду метали,
Сикель надорвали,
29. Во пизду метали,
Сикель надорвали.
Подзывали Сидора
Принаправить сикеля:
30. Подзывали Сидора
Принаправить сикеля:
«Ох ты, Сидор-Сидорок,
Принаправь-ка сикелек».

7. ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

1. Посеяли девки лен,
Посеяли девки лен,
Девки лен,
Девки лен.
Чики-брики, так и быти,
Молодых парней любити.
Кабы девок не забыта,
Не забуду, скоро буду,
Очень, право, хорошо!
2. Посеяли под горой,
Посеяли под горой,
Под горой,
Под горой.
Ох, вилки-носилки,
Топор, молоток,

- Попросил бы у девки,
Да он короток.
3. Пойду уж я во ленок,
Ко девушкам во ленок,
Во ленок,
Во ленок.
Ох, вилки-носилки,
Троечанки-подавалки.
Просил у троечанки
Конец помочить.
Она не дала,
Сама в лес удрала,
Села на кочку.
Оскалила зубочки.
Прилетели кулики:
— **Да** как бы, девка, поети?
— Беспутный тя кулик,
Да без тебя она болит.
4. Со льну цветы сорывал,
Со льну цветы сорывал,
Сорывал,
Сорывал.
Ходи, вина, ходи, краля,
Ходи, козырь, наперед.
5. **В** Дунай-речку побросал,
В Дунай-речку побросал,
Побросал,
Побросал.
Ох, вилки-носилки,
Топор, молоток,
Попросил бы у девки,
Да он короток.
6. Дунай-речка, не примай,
Дунай-речка, не примай,
Не примай,
Не примай.
Ох, вилки-носилки,
Топор, молоток,
Попросил бы у девки,
Да он короток.
7. Ко бережку прибивай,
Ко бережку прибивай,
Прибивай,
Прибивай.

- Чики-брики, так и быти,
Молодых парней любить.
 Кабы девок не забыть,
 Не забуду, скоро буду,
 Очень, право, хорошо!
8. Ко бережку, ко верху,
 Ко крутому бережку,
 Ко синему камешку.
В синем камне ядра нет,
В своей жене правды нет,
В чужой жене правда есть.
 Своей жене — лапотцы.
 Своей жене — лапотцы,
 Лапотцы,
 Лапотцы.
 Чики браво, ходи прямо,
 Говорят, что лапотцы.
9. Чужой **жене** башмачки.
 Своя жена пойдет — шур!
 Чужа жена пойдет — чок!

8. ДУНЯ БЕЛА, РУМЯНА

1. «Дуня бела, румяна,
За что любишь Ивана?»
 «**Я за** то люблю Ивана —
 Голова его кудрява,
2. **Я за** то люблю Ивана —
 Голова его кудрява».
 Ванька чист и речист,
 Ванька речи говорит,
3. Ванька чист и речист,
 Ванька речи говорит,
 Уговаривал Дуняшу
 Одну ночь ночевать,
4. Уговаривал Дуняшу
 Одну ночь ночевать:
 «**Ты** ночуй, ночуй, Дуняша,
 Одну ночь у меня.
5. **Ты** ночуй, ночуй, Дуняша,
 Одну ночь у меня.
Я куплю тебе сережечки
 Серебряные,
6. **Я** куплю тебе сережечки
 Серебряные,

- А вторые золотые,
Сами звездочками.
7. А вторые золотые,
Сами звездочками».
На то Дуня согласилась,
Ночевать с Ваней осталась,
8. На то Дуня согласилась,
Ночевать с Ваней осталась,
Повалилась Дуня спать
На тесовую кровать.
9. Повалилась Дуня спать
На тесовую кровать.
А Иванушка по горенке
Похаживает,
10. А Иванушка по горенке
Похаживает,
Он сапог об сапог
Поколачивает,
11. Он сапог об сапог
Поколачивает,
Ко Дуняше на кровать
Приворачивает,
12. Ко Дуняше на кровать
Приворачивает.
У Дуняши сарафан
Заворачивает,
13. Вынимает для нее
Свое белое перо.
Начал Ванюша писать,
Начала Дуня кричать.
14. Начал Ванюша писать,
Начала Дуня кричать.
«Ой ты, Дуня, не кричи,
Хоть немножко помолчи!
15. Когда серьги продевают,
Завсегда уши болят,
Когда целочку ломают,
Завсегда края болят.
16. Когда целочку ломают,
Завсегда края болят».
Пошла Дуня во лесок,
Она села на пенек,
17. Пошла Дуня во лесок,
Она села на пенек,

- Она села на пенек,
Заглянула промеж ног,
18. Она села на пенек,
Заглянула промеж ног:
«Экой Ванька! Экой пес!
Эку ранищу нанес.
19. Экой Ванька! Экой пес!
Эку ранищу нанес:
Рукавицей не затыкать,
Черной шляпой не закрыть!
20. **Рукавицей** не затыкать,
Черной шляпой не закрыть!
Рукавицей не затыкать,
Черной шляпой не закрыть!»

9. У НАЗАРА НА САРАЕ

1. У Назара на сарае
Ходит пиво в сарафане,
Ну да, ну да, ну да, ну да,
Ходит пиво в сарафане.
2. Ходит пиво в сарафане,
Ходит в беленькой рубашке,
Ну да, ну да, ну да, ну да,
Ходит в беленькой рубашке,
3. Ходит в беленькой рубашке,
Ходит без поясу.
Ну да, ну да, ну да, ну да,
Ходит без поясу¹.
4. У ворот пиво стояло,
Пиво глазиком мигало,
5. Пиво глазиком мигало,
Ночевать Ваню стювало:
6. «Ты ночуй, ночуй, Ванюша,
Ночуй ночь у меня,
7. Ночуй ночь у меня,
Пойдем рожь дожинать:
8. У нас рожь густа,
Рожь нажиниста,
9. ^рожь нажиниста
Да обмолотиста,
10. Обмолотиста
Да околотиста».

---

¹ Далее приводится основной текст. Он распевается по образцу первых трех строк с припевом: «Ну да, ну да, ну да, ну да».

11. Первый снопичек нажала,
Завязала, покачала,
12. Второй снопичек нажала
Да оглянулася назад,
13. Оглянулася назад —
Да по меже идет солдат,
14. Во руке несет чулки,
Да во другой башмаки,
15. «Ты садися-ко, Варвара,
На высокую межу,
16. Да обувай чулки,
Да надевай башмаки».
17. Перву ногу обувала —
Да высоко ногу взяла,
18. А другую обувала —
Еще выше подняла.
19. «Айно что у тя, Варвара,
Меж ногами черно,
20. Меж ногами черно,
Да словно ожегом снено,
21. Словно ожегом снено,
Да словно выгорело,
22. Да словно выгорело,
Да словно выболело?»
23. «Ох ты, глупый ты, Иван,
Да бестолковый ты, Иван!
24. Разве в лесе не бывал
Да ты зверей не видал?
25. Айно этот же зверек
Да из Сибири привезен,
26. Да из Сибири привезен,
На семи парах везен,
27. На семи парах везен,
Промеж ног посажен.
28. Айно этот же зверек
Да не кусается,
29. Да не кусается,
Да не лягается,
30. Да не лягается,
Да улыбается,
31. Да улыбается,
Не наебається».

10. ТЫ СКАЖИ ЖЕ, МОЯ МАРУСЕНЬКА

1. **«Ты скажи** же, моя ^марусенька,
Не утай лее ты, моя душенька,
Ну кто ж без меня гости были у тебя,
Ну кто ж без меня гости были у тебя?»
2. «Как майор-то был да Успенский,
Генерал-то был Преображенский,
А поручик-голубчик был из Райского полка,
А поручик-голубчик был из Райского полка».
3. **«Ты скажи** лее, моя Марусенька,
Не утай же ты, моя душенька,
Ну что без меня гости ели у тебя,
Ну что без меня гости ели у тебя?»
4. «Как майор-то ел утицу,
Генерал-то ел курицу,
А поручик-голубчик кушал рябчика со мной,
А поручик-голубчик кушал рябчика со мной».
5. **«Ты скажи** же, моя Марусенька,
Не утай лее ты, моя душенька,
Ну что ж без меня гости пили у тебя,
Ну что ж без меня гости пили у тебя?»
6. «Как майор-то пил рябину,
Генерал-то пил малину,
А поручик-голубчик кушал водочку со мной,
А поручик-голубчик кушал водочку со мной».
7. **«Ты скажи** же, моя Марусенька,
Не утай же ты, моя душенька,
Ну где ж без меня гости спали у тебя,
Ну где ж без меня гости спали у тебя?»
8. «Как майор-то спал во горнице,
Генерал-то спал в светлице,
А поручик-голубчик спал во горенке со мной,
А поручик-голубчик спал во горенке со мной».
9. **«Ты скажи** лее, моя Марусенька,
Не утай же ты, моя душенька,
Ну кто ж без меня гости выебли тебя,
Ну кто ж без меня гости выебли тебя?»
10. **«Я** то майору не давала,
Генераду отказала,
А поручик-голубчик пришел, выеб да ушел,
А поручик-голубчик пришел, выеб да ушел».

11. ДЕЛО БЫЛО ВО СУББОТУ

1. Дело было во субботу,
Дело было во субботу,
Во субботу, кума, во субботу,
Во субботу, кума, во субботу,
2. Пошли девки на работу,
Пошли девки на работу,
На работу, кума, на работу,
На работу, кума, на работу,
3. На работе приспотели,
На работе приспотели,
Приспотели, кума, приспотели,
Приспотели, кума, приспотели¹.
4. Покупаться захотели,
Захотели, кума, захотели.
5. Сами к речке побежали,
Побежали, кума, побежали.
6. Губашонки поскидали,
Поскидали, кума, поскидали,
7. Сами в воду поскакали,
Поскакали, кума, поскакали.
8. Где ни взялся вор Игнашка,
Вор Игнашка, кума, вор Игнашка,
9. Украл девичьи рубашки,
Б^башки, кума, рубашонки.
10. Одна девка посмеляе,
Посмеляе, кума, посмеляе
11. За Игнашкой погналася,
Погналася, кума, погналася:
12. «Ох ты, вор, ты, вор, Игнашка,
Вор Игнашка, кума, вор, Игнашка,
13. Отдай девичьи рубашки,
Губашки, кума, рубашонки».
14. «Василиса, постыдися,
Постыдися, кума, постыдися,
15. Призакрой свою миронью,
Все миронью, кума, все миронью
16. Своей правою ладонью,
Все ладонью, кума, все ладонью».
17. «Шерстка в горстку не улазит,
Не улазит, кума, не улазит,

---

¹ Далее приводится основной текст. Он распевается по образцу первых трех строк: каждая строка повторяется дважды.

18. Промеж пальчиков пролазит,
Все пролазит, кума, все пролазит.
19. Остригу я эту шерстку,
Эту шерстку, кума, эту шерстку,
20. Понесу я шерстобиту,
Шерстобиту, кума, шерстобиту,
21. **Разобьет** ее бастенько,
Все бастенько, кума, все бастенько,
22. Опряду ее тоненько,
Все тоненько, кума, все тоненько,
23. Свяжу милому перчатки,
Все перчатки, кума, все перчатки,
24. **Из** остатков на хуй шляпку,
На хуй шляпку, кума, на хуй шляпку».
25. Хуй во шляпку снарядился,
Снарядился, кума, снарядился,
26. Вдоль по рынку прокатился,
Прокатился, кума, прокатился.
27. Хуй по рыночку гуляет,
Все гуляет, кума, все гуляет,
28. Свою стрижену смекает,
Все смекает, кума, все смекает.
29. Вот сошлись у прилавка,
У прилавка, кума, у прилавка,
30. Хуй пизде купил подарок,
Все подарок, кума, все подарок.
31. «Вот, пизда, тебе подарок,
Все подарок, кума, все подарок,
32. **За** остриженный подъярок,
Все подъярок, кума, все подъярок».

12. У СЫЧА БЫЛА СВАДЬБА

1. У сыча была свадьба,
Диво лилю, лада моя,
2. У сычихи — рукобитье»
Диво лилю, лада моя,
3. **На** печи пиво варили,
Диво лилю, лада моя¹.
4. **На** полатях плясали.
5. **Да** полати упали
6. **Да** сыча задавили.

---

¹ Далее приводится основной текст. Он распевается по образцу первых трех строф с припевом: «Диво лилю, лада моя».

7. Да сычиха-то плачет:
8. «Да сычиха пропала,
9. Да она-то осталась.
10. Да куда ей деваться?»
11. Да пошла наниматься,
12. Да пошла она в лето
13. За полтину с алтыном.
14. Да куда ей деваться?
15. Да пошла она в город,
16. Она в город на рынок
17. Да купила беляну,
18. Да беляну комолу.
19. Да на чем ее вести-то?
20. Да остригла пиздище
21. Да свила науздище,
22. Обратала беляну,
23. Увела на поляну,
24. Отвела да устала,
25. Подвязала за кустик,
26. Да сама-то уснула.
27. Да подкрался ворешко,
28. Да ворешко-хуешко
29. Да украл он беляну.
30. Да она-то проснулась
31. Да беляны хватилась,
32. Побежала вдогонку
33. Да достигла ворешку
34. Да на худеньком мостешке.
35. Давай с хуем драться
36. Да ему не поддаться.
37. «Ох ты, сикель, ты, сикель,
38. Айно что плохо свищешь?»
39. «Я бы рад посвистати,
40. Меня сбоку прижали
41. Да мудями придавили,
42. Про беляну забыли».

13. ПО ДОРОЖКЕ ШЕЛ ПЕШКОМ

1. По дорожке шел пешком,
По дорожке шел пешком,
Чик-мак, шел пешком,
Чик-мак, шел пешком,
2. Подпирался батожком,
Подпирался батожком,

- Чик-мак, батожком.
Чик-мак, батожком.
3. Стала ноша тяжела,
Стала ноша тяжела,
Чик-мак, тяжела,
Чик-мак, тяжела:¹
  4. Хуй аршина полтора,
Чик-мак, полтора.
  5. Он и шел и уморился,
Чик-мак, уморился,
  6. Иод березу спать ложился,
Чик-мак, спать ложился,
  7. Хуй повесил на березу,
Чик-мак, на березу.
  8. Девки грибы они брали,
Чик-мак, грибы брали,
  9. Да с березы хуй украли,
Чик-мак, хуй украли.
  10. Он проснулся, пробудился,
Чик-мак, пробудился,
  11. Своего хуя хватился,
Чик-мак, вот хватился.
  12. Он пошел да во деревню,
Чик-мак, во деревню.
  13. Стоит девок табунок,
Чик-мак, табунок,
  14. Молодушек-то другой,
Чик-мак, вот другой.
  15. Он-то думал — пиво пьют,
Чик-мак, пиво пьют,
  16. Моего-то хуя бьют,
Чик-мак, хуя бьют.
  17. Его били-колотили,
Чик-мак, колотили,
  18. В печку набок воротили,
Чик-мак, воротили,
  19. Волочили по песку,
Чик-мак, по песку,
  20. Да разделили по куску,
Чик-мак, по куску.
  21. Одной девке не досталось,
Чик-мак, не досталось,

---

¹ Далее приводится основной текст. Он распевается по образцу первых трех строк: каждая строка повторяется дважды.

22. Девка по миру пошла,
Чик-мак, вот пошла,
23. С топориче хуй нашла,
Чик-мак, вот нашла.

14. ВО КУ... ВО КУЗНИЦЕ

1. Во ку... во кузнице,
Во ку... во кузнице,
Во кузнице молодые кузнецы.
Во кузнице молодые кузнецы.
2. Они куют, куют,
Они куют, куют,
Они куют, принаваривают,
Они куют, принаваривают,
3. К себе, к себе Дуню,
К себе, к себе Дуню,
К себе Дуню приговаривают,
К себе Дуню приговаривают:¹
4. «Иойдем, пойдем, Дуня,
Иойдем, Дуня, в огород, в огород,
5. Сорвем, сорвем, Дуня,
Сорвем, Дуня, лопушок, лопушок
6. Иод са... под самую,
Под самую корешок, корешок,
7. Сошьем, сошьем Дуне,
Сошьем Дуне сарафан, сарафан.
8. Носи, носи, Дуня,
Носи, Дуня, не марай, не марай.
9. По пра... по праздничкам,
По праздничкам надевай, надевай,
10. Под ла... под лавочку,
Под лавочку не кидай, не кидай:
11. Под ла... под лавочкой,
Под лавочкой таракан, таракан.
12. Проест, проест Дуне,
Проест Дуне сарафан, сарафан
13. Над са... над самую,
Над самую над дыпзой, над дырой,
14. По-ру... по-русскому,
По-русскому, над пиздой, над пиздой.
15. Тебе, тебе, Дуня,
Тебе, Дуня, будет стыдно надевать,

---

¹ Далее приводится основной текст. Он распевается по образцу первых трех строк: каждая строка повторяется дважды.

16. У тя, у тя, Дуня,
У тя, Дуня, хохолок будет видать,
17. К тебе, к тебе, Дуня,
К тебе, Дуня, будут парни набегать.

15. ДЕТИНУШКА БЕЛ, КУДРЯВ

1. Детинушка бел, кудряв
Да по чисту полю гулял,
Да ой, да ой,
Да ох ты мне!
2. Он привыдернул тынинку,
Зашел в огород.
Да ой, да ой,
Да ох ты мне!
3. В огороде-то девонюшка
Капустку садит.
Да ой, да ой,
Да ох ты мне!¹
4. «Я капустки не купил
Да красну девку полюбил.
5. Да девонюшка-девушка,
Да ближняя соседушка,
6. Да ближняя соседушка,
Да верная лебедушка,
7. Да верная лебедушка,
Да скажи, любишь ли меня?
8. Я тебя бы не любил бы,
За тобой бы не ходил,
9. За тобою не ходил,
Я следа бы не следил.
10. Износил я сапоги,
Да ко девчонке ходючи,
11. Синь кафтанчик изорвал,
Да по заплотам лазучи,
12. Черну шляпу изгноил,
Да по желобьям стоячи,
13. Да с рук перчатки изорвал
Да к девке в терем попадал,
14. Да к девке в терем попадал,
А девку глазом не видал».

---

¹ Далее приводится основной текст. Он распевается по образцу первых трех стрóf с припевом: «Да ой, да ой, да ох ты мне!»

15. Вышла старая старушка,
Стала **спрашивать**: -
16. «Детинушка бел, кудряв,
Да где ты спал-ночешал?»
17. «Ох ты, старая старушка,
Я у тя же в терему,
18. **Я** у тя же в терему,
На кровати на тесу,
19. **На** кровати на тесу,
На перине на пуху,
20. **На** перине на пуху,
На подушке на чижу,
21. **На** подушке на чижу,
В шитом браном пологу,
22. **В** шитом браном пологу
Со твоей же дочерью».
23. «Ох ты, бестия, каналья,
На что сказываешь?»
24. «Ох ты, старая старушка,
На что спрашиваешь?
25. Ты бы, ты бы не спросила,
Я бы, я бы не сказал,
26. **Я** бы, я бы не сказал,
На своем сердце прощал,
27. **На** своем сердце прощал
Да на ретивом притомил».

16. У ПАЛАШКИ ДОЧЬ НАТАШКА

1. У Палашки дочь Наташка
Вольно шепетно ходила, раз ой,
2. Больно шепетно ходила,
По три бани в день топила, раз ой,
3. Умывалася беленько,
Снаряжалася бастенько, раз ой,
4. Ложилася спать **к** окошку,
Ко другому солдат Яшка, раз ой!
5. Солдат Яшка подвигался,
До **Наташи** добирался, раз ой:
6. «Ох ты, тетушка Арина,
У нас в доме-то несчастье, раз ой,
7. **У** нас в доме-то несчастье:
Есть и кошечка блудниста, раз ой,
8. Есть и кошечка блудниста,
Котешок-от вороват, раз ой.

9. Котешок-от вороват,
Он и **криночки** валяет, раз ой,
10. Он и криночки валяет,
Он сметаночку хлебает, раз ой,
11. Он сметаночку х^лебает,
Простоквашу оставляет, раз ой!»

17. ПИВЦА-ВИНЦА ПРОПЬЕМ

1. Пивца-винца пропьем
Да все дельшка разберем, е-ха-ха,
2. Мы не сами про себя,
Да про московского купца, е-ха-ха.
3. У московского купца
Да была дочь хороша, е-ха-ха,
4. Была дочь хороша,
Все ли Аннушка-душа, е-ха-ха.
5. Все ли Аннушка-душа
Все заводы завела, е-ха-ха,
6. Все заводь! завела
Да себе дружка нашла, е-ха-ха,
7. Себе дружка завела —
Да Иванушка-сокола, е-ха-ха.
8. «Ты, Иванушка-сокол,
Да побывай ко мне в покой, е-ха-ха,
9. Побывай ко мне в покой,
Да во горенку во нову, е-ха-ха.
10. Во горенке во новой,
На кровати тесовой, е-ха-ха,
11. На кровати тесовой,
Да на перине пуховой, е-ха-ха,
12. Да на перине пуховой
Да лежит девка лежинцом, е-ха-ха,
13. Лежит девка лежинцом,
Да разгорается лицо, е-ха-ха,
14. Разгорается лицо —
Да захочается чего, е-ха-ха».
15. «Не хочу я сахару
Да ни сладкого пряничка, е-ха-ха,
16. Ни сладкого пряничка,
Да чебачка из кабачка, е-ха-ха,
17. Да чебачка из кабачка,
Да целовальничка, е-ха-ха.
18. Целовальник молодой,
Да ты напой меня вином, е-ха-ха,

19. **Ты** напой меня вином
Да проводи меня домой, е-ха-ха,
20. Проводи меня домой
Да ни дорогой, ни путем, е-ха-ха,
21. **Да** по загуменью тропой
Да по-за лесу стороной, е-ха-ха».
22. **На** базар девка ходила,
Новы ведерцы взяла, е-ха-ха,
23. Новы ведерцы взяла,
Да перевила, навила, е-ха-ха:
24. Перевесло шелково,
Коромысло дубово, е-ха-ха,
25. Коромысло дубово,
Да сама по воду пошла, е-ха-ха,
26. Сама по воду пошла,
Да на Дунай, на реку, е-ха-ха.
27. **На** Дунае, на реке,
Распахнула широко, е-ха-ха,
28. Распахнула широко
Да зачерпнула скалину, е-ха-ха,
29. Зачерпнула скалину,
На круты плеча взняла, е-ха-ха,
30. **На** круты плеча взняла,
Да сама в гору побрела, е-ха-ха.
31. До полугоры дошла
Да оглянулася назад, е-ха-ха,
32. Оглянулася назад,
Да отстоялась ли вода, е-ха-ха,
33. Отстоялась ли вода,
Да у царева кабака, е-ха-ха.

18. ЗЕМЦОВОЧКИ

1. Земцовочки.
Они в лодочке бойки,
Подъебать были ловки.
Лебедин мой, лебедин,
Лебедушка белая.
2. Кротовочки.
Они по Шельмуше ходили,
У быков хуи дрочили.
Лебедин мой, лебедин,
Лебедушка белая.

3. Лохновочки.
Как Лохново место низко,
У девчонок в пизде склизко.
Лебедин мой, лебедин,
Лебедушка белая¹.
4. Шельяночки.
В жарких баенках помыться,
По подворью волочиться.
5. Смоляночки.
А смоленские девицы
Проебли Бога с божницы.
Стали ужинать садиться —
Нету Бога помолиться.
6. Щербаковочки.
Щербаковски девки баски,
Проебли с голов повязки.
7. Агафоночки.
Агафонки — девки модны,
Завсегда хуем голодны.
8. Хидгоряночки.
Как на Хидгоре на сопке
Ебут девок наособку.
9. Жабоконочки.
Жабоконки — девки мелки,
На хую сидят, как белки.
10. Красногорочки.
Красногорки покрупней,
На хую сидят плотней.
11. Кобелевочки.
Кобелевки — староверки,
Выбирают хуй по мерке.
Они выбрали с аршин
И наделали брюшин.

---

¹ Далее приводится основной текст. ОР распевается по образцу первых строф с припевом: «Лебедин мой, лебедин, лебедушка белая».

12. Усть-Покшеночки.
Они сено-то гребут,
Их за кучами ебут.
13. Марьегорочки.
У часовенки сидели,
Промеж ног себе глядели,
Пизды усы расправляли.
14. Шотогорочки.
Они с лесом-то плывут,
Их на плотиках ебут.
15. Карпогорочки.
Поутру рано вставали,
Самовары поставляли,
Господам пизды давали.
16. Ваймушоночки.
Непряхи, неткахи,
Оголя ходят кутяхи.
17. Да еще за лесом, за лесом,
Ублися девки с бесом.
18. Айногорочки.
Как по Айновой пройду —
По три бляди на дому.
19. Церегорочки.
Взад-вперед еще пройти,
Дак по пять можно найти.
20. Шардоменочки.
Шардоменочки девушки —
Красносемужьи пиздюшки.
21. Кушкопаночки.
В пизде палочки.
22. Веркольски монахи
Проебли портки, рубахи,
Наебли брюхо молоки.

19. ПОСАДИЛ ДЕД РЕПКУ

Иосадил дед репку,
Не густу, не редку.
Тупа-лупа,
Хуй-залупа,
Не густу, не редку.

Стала репка подрастать,
Стали воры воровать.
Тупа-лупа,
Хуй-залупа,
Стали воры воровать.

Вот поймал дед тещу,
За пиздень — и в рощу.
Тупа-лупа[^]
Хуй-залупа,
За пиздень — и в рощу.

К дубу стал ее вертеть
Через жопу тещу еть.
Тупа-лупа,
Хуй-залупа,
Через жопу тещу еть.

Теща с хуя сорвалась
Да по роще понеслась.
Тупа-лупа,
Хуй-залупа,
Да по роще понеслась.

20. ПОСАДИЛ ДЕД РЕПКУ

1. Посадил дед репку
Не густу, не редку.
Калинуша моя,
Размалинуша моя,
Ой, калина, ой, малина,
Горька ягода моя.
2. Стала репка подрастать,
Стали люди воровать.
Калинуша моя,
Размалинуша моя,
Ой, калина, ой, малина,
Горька ягода моя.

3. Воры не чужие —
 Все родная теща.
     Калинуша моя,
     Размалинуша моя,
     Ой, калина, ой, малина,
     Горька ягода моя¹.
4. Вот повел зять тещу
     В зеленую рошу,
5. Позвал зять тещу
     В зеленую рошу,
6. Головой на пенье,
     Мандой на коренье.
7. Стал зять тещу заголять,
     Стала теща умолять:
8. — Зять ли, мой зять,
     Грех тебе будет!
9. — Я греха-то не боюсь,
     Я на тещу заберусь.
10. — Детки мои, детки,
     Собирайте щепки,
11. Вытопим байнюшку,
     Выпарим мандюшку.

21. ПОД МЕЛЬНИЦЕЙ, ПОД ЕБЕЛЬНИЦЕЙ

1. Под мельницей, под ебельницей
     Мужик бабу ебет, там другая идет:
2. «Бог помощь тебе! Поеби меня.
     У меня лучше пизда: с колокольчиками,
     С переборчиками,
3. Под жопой товар, под пиздой самовар.
     Кто хочет пить? Самовар кипит!»

22. РАЗ ПОЛОСКУ МАША ЖАЛА

1. Раз полоску Маша жала,
     Золоты снопы вязала,
     Молодая, эй,
     Молодая.
2. Притомилась, приспотела —
     Это наиие бабье дело,

---

¹ Далее приводится основной текст. Он распевается по образцу первых трех строф с припевом: «Калинуша моя, размалинуша моя, ой, калина, ой, малина, горька ягода моя».

- Доля злая, ох,
Доля злая.
3. **В** эту пору из похода
Шел солдат, слуга народа,
Из Китая, ой,
Из Китая.
4. **На** пути он притомился,
Возле бабы становился:
«**Дай** напиток, ох,
Дай напиток».
5. «**Я** б дала тебе напиток,
Но тепла моя водица:
Не годится, ох,
Не годится».
6. «Нет ни хлеба, ни водицы?
Делать нечего, сестрица,
До свиданья, ой,
До свиданья».
7. Парень видит — баба **дышит**,
Губашонка грудь колышет,
Молодая, ох,
Молодая.
8. «**Ты** постой, постой, служивый,
Пойди сядь под этой ивой,
Солнце жжется, ой,
Солнце жжется,
9. Солнце жжется и печется,
^ожет быть, для угошенья
Что найдется, ох,
Что найдется».
10. ^раззеленая накрыла,
И там что происходило —
Это тайна, ох,
Это тайна.
11. Только слышны были вздохи,
Точно их кусали блохи
Чрезвычайно, ох,
Чрезвычайно.

23. РАЗ ПОЛОСКУ МАША ЖАЛА

1. ^раз полосу Маша жала,
Золоты снопы вязала.
Молодая, эх,
Молодая.

2. Она жала, приустала,
На снопочке прилежала
Близ дорожки, эх,
Близ широкой.
3. Шел солдатик из похода
Девятьсот второго года
Из Китая, эх,
Из Китая.
4. Шел он, шел он, притомился,
Возле Маши становился:
— Дай напиток, эх,
Дай напиток.
5. — Я б дала тебе напиток,
Но тепла моя водица,
Не годится, эх,
Не годится.
6. — Нет ли хлебушка кусочек?
— Нет, мой миленький дружок,
Нет ни крошки, эх,
Нет ни крошки.
7. Я полоску жать спешила,
Мало хлеба захватила,
Лишь кусочек, эх,
Лишь кусочек.
8. — Нет ни хлеба, ни водицы,
Делать нечего, сестрица,
До свиданья, эх,
До свиданья.
9. А девчонке стало жалко,
У него в штанах как палка,
Черноокий, эх,
Черноокий.
10. — Ты постой, постой, служивый,
Посидим под этой ивой,
Солнце жжется, эх,
Солнце жжется.
11. Солдат видит, дело ладно.
Ухватил ее где надо,
Приседая, эх,
Приседая.
12. — Ты, солдатик, не имайся,
Где не надо, не хватайся.—
И упала, эх,
И упала.

13. Рожь густая их прикрыла,
Что у них происходило,
Это тайна, эх,
Это тайна.
14. Лишь на иве сухопарой
Сыч облизывался старый,
На них глядя, эх,
На них глядя.
15. **Муж** с свекровью поджидают,
Домой Машу поджидают,
Маша **выжнет**, эх,
Маша выжнет.
16. Вот идет, идет бабенка,
Точно с поля коровенка,
Приустала, эх,
Приустала.
17. Вот растет, растет ребенок.
— Точно весь **в** меня, гаденок.—
"уж хвалится, эх,
Муле хвалится.

24. ТАМ ЗА ЛУЖКОМ ЗЕЛЕНЕНЬКИМ

1. Там **за** лужком зелененьким
Солдат сено косит,
2. А такою стороною
Девка воду носит,
3. Она носит, Бога просит
На солдата сено.
4. Схватил девку **за** фуфайку,
Положил на травку.
5. «А чего в тебе, дивчина,
На груди мягчина?»
6. «Гуси были, гнездо вили,
Пуха наносили».
7. «А чего в тебе, дивчина,
На губах сладенько?»
8. «Пчелы были, гнезда вили,
Меду наносили».
9. «А чего тебе, дивчина,
Лоскуток пришили?»
10. «Портные были, шубу шили,
Лоскуток пришили».
11. «А чего тебе, дивчина,
Пузо надулось?»

12. «В поле была, горох ела,
Воды напилася».
13. «Брешешь, девка, брешешь, красна,
Вот ты так-то сделала».

25. УДОВУШКА-УДОВА

1. Удовушка-удова
Поехала по дрова,
Зацепилася **за** пень,
Постояла полный день.
2. Бежит-бежит **зайка**:
«Удовушка, дай-ка!»
«А кого тебе дать-то?»
«Своей благодати».

26. УЖ ТЫ, ХОНЬКА-МАХОНЬКА МОЯ

(Песни №26—28 пели под круговую пляску:)

1. Уж ты, хонька-махонька моя,
Полюбила потихоньку меня,
2. Неученого, неграмотного,
Беспомощного, беспамятного.
3. Это все это **махонька** моя,
Это все это возлюбленная,
4. У тебя пизда рубленая,
5. Топорищем подвороченная,
Красной лентой отороченная.

27. УХ ТЫ, МАЛЕНЬКА ГОЛЬ-ГОЛЬ-ГОЛЬ

Ух ты, маленька голь-голь-голь,
^раззадорил меня парень молодой,
Среди пути-дороженьки
^раскорячил мои **ноженьки**.
Я сама ему потачку дала —
Среди поля стоячку дала.

28. ПОЛЮБИЛ МЕНЯ НИКИТКА-ВОДОВОЗ

Полюбил меня Никитка-водовоз
Да повалил меня на кучу, на навоз.
По навозу я каталася,
А Никитке не давалася.

Затолкал он мне такую сатану,
Что три года не давала никому.
Задирает он клетчатый сарафан,
Вынимает кукареку с волосам.
Волосина-то попискивает,
Где-то дырочку поискивает.
Волосина-то тупа дак и тупа,
^разодрала мне до самого пупа.

29. ВОДОВОЗ

Я кака была молоденька,
Я кака была хорошенька.
Вот повез меня Иркутский водовоз,
Завалил меня на кучу, на навоз.
На навозу я валялася,
Но Никите не давалася,
Тут он поднял мой бордовый сарафан,
Затолкал тут кочеружку с волосам,
Затолкал туда такую сатану,
Три я года не давала никому.
Разорвись она у мня напополам,
Никакому я татарину не дам.
У татарина железная муде,
Намозолил три мозоли на пизде.

30. ПОЛЮБИЛ МЕНЯ МАКАРКА-ВОДОВОЗ

Полюбил меня Макарка-водовоз,
Да повалил меня Макарка на навоз.
Аи люли, **аи** люли, да **аи** люли,
Да повалил меня Макарка на навоз.
Я сначала не давалася,
<Да> По навозу все каталася,
Аи люли, **аи** люли, да **аи** люли,
<Да> По навозу все каталася.
А потом я согласилася
Да под Макарку подкатилася,
Ай люли, **аи** люли, да **аи** люли,
Да под Макарку подкатилася,
Он засунул мне такую дребедень,
Что я ходила и плевалась целый день,
Аи люли, **аи** люли, да **аи** люли,
Что я ходила и плевалась целый день.

31. ДЕВЧОНОЧКИ, ОЙ, ОЙ, ОЙ

Девчоночки, ой, ой, ой,
Поймал меня парень молодой,
Посреди пути-дороженьки,
Расшарашил мои ноженьки,
Поднимает дыроватый сарафан,
Вынимает кукареку с волосам,
Очутилось четыре ноги,
Еще пятая коротенькая,
Девчонка молоденькая.

32. РАСТАТУРИХА ПИРОГ ПЕКЛА

1. Растатуриха пирог пекла,
Уронила, под порог легла,
2. Осердилася, телегу продала,
На те деньги балалайку завела,
3. Балалайку Николайке отдала.
Николаюшка наигрывает,
4. Растатуриха наплясывает,
Толстой жопой наворачивает.

33. НИКОЛА КОЗУЛИНСКОЙ

1. Никола Козулинской
Под окошечком колотится:
2. «Эй, кто бы меня ночевать пустил,
У того бы я штаны спустил,
3. У того бы самовар скипятил
И того бы я до пупа заголил».

34. ШУТИХА-МАРШУТИХА МОЯ

1. Шутиха-Маршутиха моя
Полну избу молодежи навела.
2. Молодежь-недоросточки
Поломали в пизде косточки,
3. Положили на лавочку,
Запихали булавочку.
4. Булавочка гнется,
Барыня ебется.
5. «Ты еби, еби, казачик молодой,
Не ходила бы казачка за водой».

35. НЕ ХОДИЛА НИ В СОХЕ, НИ В БОРОНЕ

1. Не ходила ни в сохе, ни в бороне,
Не давала ни сзади, ни спереди.
2. **Я** одинова дала сбочку,
Поломала середочку.
3. Хороша моя середочка —
Настоящая селедочка.

36. НЕ ХОДИЛА НИ В СОХЕ, НИ В БОРОНЕ

1. Не ходила ни в сохе, ни в бороне,
Подъебла под самые муди.
2. «Ох вы, мудишки, мудишки,
Вы овсяные зернышки,
3. Вы куда пошли-поехали?»
«Черну пизду свататься».
4. Посадили ее в саночки,
Сами сели на запяточки.
5. ^рассмехнулась пизда:
«Оха-ха, оха-ха».

37. ШЕЛ Я ЛЕСОМ-БОРИКОМ

1. Шел я лесом-бориком,
Сидит пизда с топориком,
2. Хочет душу погубить,
У хуя голову срубить.
3. Хуй-то испугался,
На дерево взобрался,
4. Хуй упал на манду
Да и поплыл по воде.
5. Хуй догнал пизду
На косом мосту.
6. Он недолго толковал,
Пизде в зубы надавал.
7. Пизда губочки надула,
Во свидетели подула.
8. А свидетель присудил:
Пизду на хуй посадил.

38. БАБУШКА СИДОРОВНА

1. Бабушка Сидоровна
Высоко ноги выпинавала,

2. Высоко ноги выпинывала,
Потолочину выпинывала,
3. Потолочину выпинывала,
Потолочина выпадьтала,
4. Пизда кончиком угадывала.
Баба думала — мужик дак и мужик,
А потолочина лежит дак и лежит.

39. УЖ Я ЯШКУ, Я ЯШКУ ЛЮБЛЮ

1. Уж я Яшку, я Яшку люблю,
Да уж я сурову рубашку сошью,
2. Уж я сурову, не катанную.
Уж как сяду я на крутый бережок,
3. Подпояшу я широк ремешок.
Ремешок-от не сходится:
4. Видно, брюшенько заводится.
Принесу я дитьку маленьку,
5. Посажу я к зыбке мамоньку.
Уж ты, мамонька, качай дак и качай,
Заработаешь на сушку и на чай.

40. НА ГОРЕ ГУСЛИ ВДАРИЛИ

1. На горе гусли вдарили,
На горе гусли вдарили,
Вдарили, вдарили,
Вдарили, вдарили¹.
2. Про меня, молоду, баяли,
Баяли, баяли, баяли,
3. У меня, младой, муж гнедой,
Муж; гнедой, муж гнедой.
4. А детушки пегие,
Пегие, пегие,
5. По улице бегали,
Бегали, бегали,
6. Диковинку видели,
Видели, видели.
7. Диковинка серая,
Серая, серая.
8. На хвостике белая,
Белая, белая.

---

¹ Далее приводится основной текст. Он распевается по образцу первой строфы: каждая строка повторяется дважды.

9. Пошел козел по воду,
По воду, по воду,
10. ^Разгладивши бороду,
Бороду, бороду,
11. Он ножкою топанул,
Топанул, топанул,
12. **На** козыньку морганул,
Морганул, морганул.
13. Коза сено хрупаёт,
Хрупаёт, хрупаёт,
14. **А** козел козу щупаёт,
Щупаёт, щупаёт.

41. КАК У БАБУШКИ КОЗЕЛ, ХЫ ДА ПЫ

1. Как у бабушки козел, **хы** да пы.
У Мосеевны седой, хы да пы.
2. Он во стойле стоял, хы да пы,
Да он мякину жевал, хы да пы,
3. Он не сеяну, хы да пы.
Да он не веяну, хы да пы,
4. Не колоченую, хы да пы.
Да не молоченую, хы да пы.
5. Манда по лесу ходила, **хы** да пы,
Манда голосом вопила, хы да пы,
6. Манда лыки драла, хы да пы,
Хую лапти плела, **хы да** пы.
7. «Не ходи, хуй, бос, хы да пы,
Не роняй в манду слез, хы да пы».
8. Хуй к обедне ходил, хы да пы,
За манду Бога молил, хы да пы.
9. Манда палочку взяла, хы да пы,
Хую по лбу дала, **хы** да пы.
10. Хую стало горячо, **хы** да пы,
Он валился на плечо, **хы** да пы.

42. НА БРУСУ

Я сидела на брису,
Мыла кунку в туюсу,
Мыла, мыла, полоскала,
За усы ее таскала.
Кунка эдак, кунка так,
Не проси большой кусак.

43. ЕБ ПОП ПОПАДЬЮ НА КУРЯТНИЧКЕ

Еб поп попадью на курятничке,
Разорвали всю пизду на запятнички,
Де потолше — там подошвы,
Де потоньше — передок,
Из хуища — голянища,
Вышло оба сапога.

44. ГДЕ ТЫ БЫЛ, МОЙ САВУШКА?

- Где ты был, мой Савушка?
- **На** базаре, бабушка.
- Что там делал, Савушка?
- Девок портил, бабушка,
- Сколько спортил?
- Двадцать восемь.
- Что так мало, Савушка?
- Хуй сломался, бабушка.
- Почему не заклеил?
- Клею нету, бабушка.
- Почему же не купил?
- Денег нету, бабушка.
- Почему у меня не попросил?
- Пошла ты на хуй, бабушка!

45. СЕДНЯ МЫ ПОПЬЕМ, ДА

Седня мы попьем, да,
Завтра погуляем.
Бай, говори, моя головка,
Завтра погуляем.
Завтра погуляем,
Мужа дома нету,
Гроза его дома,
Плеточка шелкова,
На стене висела,
На стену поспела,
На белое тело.
Девушки-молодки,
Не пейте горилки,
Горилка безумна,
Уведет **за** гумна,
За гумна, **за** гумна,
За больши сараи,

В сараях мякина,
В мякине детина,
Белый кудреватый,
Холост, неженатый,
За девчонкой ходит,
У девчонки просит,
Не посмела дати,
Смела отказати,
Мамоньку спросилась,
С парнем согласилась.

46. ОВЕЧУШКИ, КОСМАТУШКИ

Овечушки, косматушки,
Кто ж вас пасет, мои матушки?
Кто **ж** вас пасет, мои матушки?
Мамака стара, дочка мала,
А я молоденька кроены ткала,
Кроены ткутся, нитки рвутся,
Вкруг меня младеньки солдатики вьются,
Уж вы не вейтеся, **вы** не вейтеся,
На меня молоду не надейтеся,
Челнок свищет, дьгрку ищет,
То вниз, то вверх, то по бердочку,
Я припекала, я прижимала,
По веничку, по березничку,
^расположилась душа Настенька,
Пришел к Насте Афанасьюшко,
Что же ты лежишь, душа Настенька?
Сходи в торжок, купи рожок,
Полечи животок,
С этого рожка что не легче мне,
Не легче мне, да не тяжельше мне,
Пришел паренек, принес корешок,
Потер по мне, стало легче мне,
Потер по мне, стало легче мне.

47. ДУНЯ, ДУНЯ, ДУНЯ Я

Дуня, Дуня, Дуня я,
Дуня алы румяна,
Дуня алы румяна,
Зачем любишь Ивана.
Дуня алы румяна,
Зачем любишь Ивана,

Я за то люблю Ивана,
Голова больно кудрява,
Ваня чист-перечист,
Ваня речи говорит,
Уговаривал Дуняшу
Одну ночку ночевать,
Ты ночуй, ночуй, Дуняша,
Одну ночку в терему,
В шитом браном пологу,
Мне не много спалось,
Бного виделось,
Куролесилося,
Будто Ванюшка
По горнице похаживает,
На Дуняшину кроваточку
Поглядывает,
Свои черны шаровары
Стал расстегивете,
Начал Ванюша плясать,
Начала Дуня кричать,
Постой, Дуня, не кричи,
Голубушка, помолчи.
Ты не сказывай, Дуняша,
Что я лазил на тебя,
Ты скажи, скажи, Дуняша,
Что я козу доила,
Она рогом пробила.
Никогда его местечко
Коза рогом не будет,
Оботрется, обомнется,
Все по-старому пойдет,
Ена мохом зарастет.

48. ВДОЛЬ ДА ПО РЕЧКЕ

Вдоль да по речке,
Вдоль по Казанке
Сизой селезень плывет.
Вдоль да по бережку,
Вдоль по крутому
Доброй молодец идет.
Три деревни, два села,
Восемь девок, один я,
Куда девки, туды я.

Девки в лес по малину,
Я полез на Катерину
И давай ее щипать,
То **за** брюхо, то **за** спину,
То засуну, то задвину,
То повыдерну назад.

Сам со кудрями,
Сам со русыми
^разговаривает.

Кому эти кудри,
Кому эти русы,
Достаются расчесать.

Три деревни, два села,
Восемь девок, один я,
Куды девки, туды я.
Девки в лес по малину,
Я полез на Катерину
И давай ее щипать,
То **за** брюхо, то **за** спину,
То засуну, то задвину,
То повыдерну назад.

Доставались кудри,
Доставались русы
Старой бабушке чесать.

Она их не чешет,
Она их не гладит,
Только волосы дерет.

Доставались кудри,
Доставались русы
Красной девице чесать,

Она их и чешет,
Она их и гладит,
Волос к волосу кладет.

Две деревни, два села,
Восемь девок, один я.
Куда девки, туды я.
Девки в баню париться,
Я по кункам шариться.
Девки в баню на поллок,
А я щупать хохолок.

49. У ВОРОТ ДЕВКА СТОИТ

У ворот девка стоит, да,
Бело личико горит, да.

Вот калина, да,
Вот малина.
Бело личико горит, да,
Сама плачет, говорит, да,
До чего милой сердит, да,
Он не в гости не гостит, да,
Стлать постелю не велит, да,
Во садок Сашу манит, да,
Пойдем, **Сашенька**, в садок, да,
Сорвем с травоньки цветок, да,
Мы завяжем узелок, да,
В итальянский во платок, да,
Бросим на печь в уголок, да,
Где-ка узел-от лежит, да,
Тут и угол-от дрожит, да,
Хочет печь проломить, да,
Двери выставити, да,
Избу выстудити, да,
Я немножко погожу, да,
По горенке похожу, да,
Узелочек развяжу, да,
На цветочек погляжу, да
Ишо вянет ли не вянет
Мой лазоревый цветок, да,
Ишо тужит ли не тужит,
Мой-от миленький дружок, да,
Иванушка-соколок, да,
На чужой стороне, да,
Во матушке, во Москве, да,
В королевской улочке, да,
Едет поп на курочке, да,
Попадья идет пешком, да,
Упирается бадожком, да,
Чешет кунку гребешком, да,
Начешу я волосков, да,
Наплету я поясков, да,
Выставлю на улицу, да,
Все люди дивуются, да,
Это что **за** пояски, да,
То от кунки волоски.

50. КАК-ТО ЛИЗА В ЛЕС ПОШЛА

Как-то Лиза в лес пошла
Да жука черного нашла,

Жук с руками, неук с ногами,
Жук с кудрявой головой —
Настоящий милый мой.
Подняла его в платочек,
Принесла его домой,
Дала сахару кусочек —
Жучок сахару не ест.
Жучок сахару не ест, да,
На кровать со мной полез.
Жучок ползает по мне,
Ищет дыфочку во мне.
Жучок дырочку нашел,
Закандыбривать пошел.
Вот вам, девушки, наука:
Не ходите в лес гулять,
Там найдете черна жука,
Не ложите с собой спать.
Жук наделает хлопот,
Не сойдется ваш капот.

51. НА МОРОМСКОМ МОСТУ

На Моромском мосту
Догонял мужик пизду.
Он на крылья наступил,
С пизды бороду слупил.
Он нарвался на таку,
Он согнул свой ... в дугу.
У начальницы самой
Обросла она травой.
Траву выкосили,
Ее выбросили.
Коршун крякал над углом,
ужик плакал над яй...
Всяка бяка ...
Напряла,
Его поклепала.
Он побожился,
К ней приложился ...
Ой, хватит!

ТРУДОВЫЕ АРТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Трудовые артельные песни — древнейший поэтический жанр, пока еще мало изученный. Он возник на заре человечества, когда требовалось совместно сделать какую-нибудь тяжелую работу — что-то сдвинуть, подтащить, поднять, то есть для координации усилий работающих возникала необходимость в словесной команде. Она состояла, как правило, из двух частей: первой — подготовительной (собраться с силой, перевести дух, удобнее приладиться, напрячься) и второй — собственно трудовой команды (рывок, движение).

Вначале первая часть могла складываться из отдельных звуков, а вторая — из одного слова: «Взяли!», «Берем!», «Возьмем!». Эти и подобные им комавды, пришедшие из глубокой древности, встречаются и по сию пору. Мы, например, записали их с помощью магнитофона в Карелии от людей, помнивших то время, когда техника еще не вошла в жизнь человека: «О-о-о! Ло-ло! Бло-бло-бло! Взяли! (Берем, возьмем и т.д.)» или «Э-ге-ге-ге-ге! Взяли!». С этих нечленораздельных возгласов с единственным значимым словом, по-видимому, и начались музыка и поэзия, по природе своей подчиненные определенному ритму — основе всякого искусства.

Постепенно бессмысленные звуки вытеснялись словами. Так складывалась трудовая припевка. Помимо своей основной функции — организации трудового процесса, — она играла еще и дополнительную роль: способствовала поднятию настроения, созданию благоприятной психологической атмосферы.

Содержание трудовой припевки в большинстве случаев — юмористическое. Она несет в себе элементы народной смеховой культуры, в которой значительное

место принадлежит человеческому «низу», отсюда — обыгрывание всевозможных эротических ситуаций, использование обеденной лексики.

Сто пятьдесят — двести лет назад трудовые песни и припевки можно было услышать на российских реках в артелях бурлаков, гребцов, грузчиков. Они встречаются уже в сборниках, изданных в XVIII веке. Дошедшие до нас старинные образцы состоят из парных рифмованных двустушии — возможных предшественников современной русской частушки. Впоследствии, когда частушка стала одним из ведущих жанров русского фольклора, она нередко сама использовалась в качестве припевки, что легко увидеть на некоторых из приводимых нами примерах.

С появлением пароходов отпала необходимость в бурлаках и, естественно, смолкли их песни. Припевки продолжали звучать на речных сплавах во время перетаскивания тяжелых бревен, разборки заломов, когда несколько бревен, став поперек движения, создавали затор. Механизация сплавных работ привела к тому, что и здесь трудовые припевки остались лишь в памяти людей старшего поколения, которым нынче не менее 60 лет. К ним-то и обращались мы, собирая этот материал на территории Карелии, Удмуртии и Пермской области в составе специальных экспедиций, организованных в 1990—1992 годах Государственным республиканским центром русского фольклора. Из-за «скромного» характера песен большинство певцов просило не упоминать при публикации их имен. Этим объясняется отсутствие фамилий в паспортных данных. Трудовые припевки обладают особой художественностью — они «крепко сделаны», «хорошо организованы», многие из них прошли многовековую «шлифовку», как и всякое произведение фольклора. В большинстве случаев команда и припевка тесно связаны между собой, иногда эта связь выражается в рифме, порою рифма в конце строки дополняется еще и внутренней:

Берем с маху!
Ебем сваху!

Связь рифмованных частей может быть и смысловой, когда слова воспринимаются как продолжение сюжета припевки:

Я давала бычку сено,
Бык ебнул, а я присела!
Ой, раз, да еще!
Ой, раз, да еще!

Трудовые артельные припевки, несомненно, являются произведениями музыкального и словесного искусства. Музыковеды уже давно обратили внимание на их эстетическую ценность¹, филологам это еще предстоит сделать.

Наши экспедиции проходили в местах, где сплащиками работали переселенцы, в прошлом раскулаченные как «враги народа». Люди были вырваны из родных мест и сосланы в верховья Камы. Из когда-то многочисленных семей в живых остались один-два человека, в основном женщины. Именно они и оказались нашими главными исполнителями. Рассказывая о событиях пятидесятилетней давности, многие из них плакали: осужденных привезли зимой в необжитую местность, заставили одновременно строиться и работать, кругом царили голод, холод, нечистоты и паразиты. Месяцами нельзя было помыться и переменить одежду. Ели павших лошадей, облитых керосином и опаленных таким образом. Работа требовала пребывания по грудь в воде несколько часов кряду независимо от времени года: ранней ли весной, поздней ли осенью. Вот в таких условиях и жили люди, исполнившие для нас трудовые артельные припевки, которые мы предлагаем ниже вниманию читателей.

---

¹ См.: Банин А.А. Трудовые артельные песни и припевки. М., 1971; Истомина И.А. Трудовые припевки плотогонов. М., 1979.

1

^мы десятника уважим,
Ио губам мандой помажем!
Взяли!
Эй, ухнем!
Еще раз ухнем!

2

Юбка красна с полосами,
Иизда рыжа с волосами!
Взяли!

3

Давай раз!
Да еще!
Ой, еще — тянем!
Бабку с дедкою помянем!
Ой, раз, да еще!
Тянем, раз-дья!

4

Я давала бычку сена,
Бык ебнул, а я присела!
Ой, раз, да еще!
Ой, раз, да еще!
Уцепилась за хребет,
Хорошо бычок ебет!
Ой, раз, да еще!
Да еще, еще разок!

5

Не хотела, да пошла,
Не хотела, да дала!
Эх, раз, да еще!

6

Ой, ух, давай, ух!
Сел на курицу петух!

Ой, ух, давай, ух!
У старушки секель вспух!

7

Ой, ух, давай, ух!
На трубе сидел петух!
Ой, ух, давай, ух!
К едрене бабушке старух!

8

Подходите-ка, ребята!
Взяли раз, да еще!
Ой, раз, раз еще!
Взяли раз, да еще!
Подходите, дуροхлебы!
Взяли раз, да еще!
Нахаебы, подходите!
Взяли раз, да' еще!
Дернем дружно!
Раз, два, еще!
Дружно, молодцы, еще!
Ой, други, други наши,
Други, ебнемте еще!
Ой, други, да еще!
Дружно, молодцы, еще!

9

Ой, ухнем!
Сама пойдет!
Сама пойдет!
Таракан баню топил,
Муха парилася,
С полки вдарилася!
Ой, ухнем!
Сама пойдет!

10

Не хочу я чаю пить,
Не хочу заваривать,
Не хочу тебя любить,
Далее разговаривать!

Ой, ухнем!
Пошло бревно!

11

Эй, раз еще!
Давай раз еще!
На Усть-Язвю я пришел,
Хорошей девки не нашел!
Ой, раз еще!
Давайте дружно все!
Мы нашли ее в овсе!
Тянем-потянем,
Вытянуть не можем!
Ой, раз, да еще!

12

Ой, раз, ухнем!
Ой, два, ухнем!
Ой, я отчаянной родилась
И отчаянной живу,
Я отчаянной девчоночкой
На сплаве не помру!

13

Как на девке платье красно!
Эй-ой, да эй-ой, да раз еще!
Эй, ебли ее напрасно!
Эй-ой, да раз еще!

14

Берем с маху,
Ебем сваху!

15

Наш мастер сплава — добрый дядя,
Не обидит никого:
Ночью Машку пощекочет
И с собой даст кой-чего,
Эх, раз, да еще раз!
Еще много, много раз!

16

Едет Степка на кобыле
И помахиват кнутом,
А кобыла хвост подымет
И обрызгает говном!
Эх, раз, эх, раз!
Еще много, много раз!

17

У Гусанова на кухне
Все кухарки перепухли!
Ох, дубинушка, ухнем!
Ох, зеленая, сама идет!
Идет!

18

Тетка, беленький платочек,
Обоймемся раз пяточек!
Ох, дубинушка, ухнем!
Ох, зеленая, сама идет!
Идет!

19

Тетка, белы рукава,
Дай пощупать, какова!
Ох, дубинушка, ухнем!
Ох, зеленая, сама идет!
Идет!

20

Стукай, брякай, колоти
И на бок хуй вороти!
Ох, дубинушка, ухнем!
Ох, зеленая, сама идет!
Идет!

21

Солнце село на закате, да!
Попроси пизду у Кати!

Ой, разок взяли!
Идет!

22

Мы начальника похвалим, да!
На толсту пизду посадим!
Ой, разок взяли!
Идет!

23

Солнце скрылось за вершины,
За горой ебут Максима!
Разок взяли!

24

За рекой рябина вянет,
Ни хуя бурлак не тянет!
Рябинушка, ухни!
Кудрявая, ухни!

25

Раз, два, еще берем!
Старую каргу дерем,
Новую в запас кладем!

26

Чайник синий, чай горячий,
Кипяченая вода,
Девки хрена захотели,
Как парного молока!
Эх! Ух!

27

Мы начальника уважим —
Через жопу хрен покажем!
Взяли раз, да еще!

28

Наш начальник не глуп,
Завернул меня в тулуп,
К стеночке приваливал,
На еблю уговаривал!
Взяли раз, да еще!

29

Как начальнику не дать,
Помощнику — тоже,
А легавый на бону
Кричит: тоже ебану!
Взяли раз, да еще!

30

Милый, пей вино и брагу,
Только ум не пропивай,
Люби девок и солдаток,
Но меня не забывай!
Взяли раз, да еще!

31

Моему миленочку
Ходить далеко одному,
Заросли тропинки леса,
Нет товарища ему!
О-о-о, еще!

32

Некрасивою родилась,
Красоту не покупать,
Некрасива, но счастлива —
Буду с миленьким гулять!
Взяли раз, да еще!

33

По дорожке столбовой
Едет миленький домой,
Я все ночи не спала,

Все миленочка ждала!
Взяли раз, да еще!

34

Я пою, пою, пою,
Легко сердцу моему,
На сердечке ретивом —
Вода холодная со льдом!
Взяли раз, да еще!

35

Милый, милый, милый, милый,
Милый, милый, восемь раз!
Дорогая ягодиночка,
Люблю я очень вас!
Взяли раз, да еще!

Публикация В. Г. Смолицкого

Обряды и обрядобыи фольклор

•
Свадьба
•

СЕКСУАЛЬНОЕ В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ

Дошедшие до нас описания русской свадьбы¹, а также имеющиеся в нашем распоряжении научные разыскания позволяют говорить о том, что свадебный обряд представляет собой очень непростой предмет для исследования.

Поскольку свадебный ритуал является органической частью многовековой истории человечества и за время своего существования вобрал в себя несколько культурных слоев, серьезное исследование этого явления не представляется возможным вне его хронологического и культурного контекстов.

Сохранив в себе архаическую суть языческих верований земледельца, а также элементы христианского мировоззрения, свадебный обряд являет собой феномен двоеверия — отражения той религиозной модели мира земледельца-язычника-христианина, которая обнаружила

---

¹ Наблюдения, изложенные в данной статье, основываются лишь на анализе того реконструированного типа свадебного обряда, который сложился до XX века, так как современный свадебный обряд, пережив языческую, языческо-христианскую, «социалистическую» реальности, утратил все свои прежние смыслы, оставив лишь юридическую санкцию (регистрация в ЗАГСе) да атмосферу праздника (свадебный стол).

себя **и в** других ритуалах восточных славян, указывая тем самым на их смысловую общность.

Хотя реконструкции семантики и структуры свадебного обряда посвящены работы многих исследователей, до монографического научного описания обряда еще далеко, так как слишком много белых пятен остается на его «географической» карте. Одно из таких белых пятен — вопрос о сексуальных ритуалах и текстах свадьбы.

Прежде всего надлежит констатировать, что мы располагаем весьма незначительным числом таких ритуалов и текстов. Как правило, в описаниях свадебных обрядов указывается множество мельчайших этнографических подробностей (действия, одежда, еда, свадебные чины и т. д.), но информацию о первой брачной ночи обычно обходят молчанием, сразу переходя к описанию так называемых «утренних» обрядов.

О причинах такого замалчивания можно высказать несколько предположений. Вероятно, изначально, в языческой среде, эта область жизни (половые отношения) была сакральной, а следовательно, табуированной, тем более в свадьбе, где *coitus* — первопричина продолжения рода; информация эта не подлежала оглашению вне обряда.

С введением на Руси христианства все проявления языческих верований стали осуждаться, подвергаться гонениям и запрету, сексуальные же — в особенности. **В** результате формирования нового (неязыческого) сознания сексуальные тексты были маркированы как антикультурные (бесовские, сквернословные, неприличные, непристойные, срамные, постыдные, грубые и т.п.). **К** тому же за давностью лет стал забываться и самый смысл архаических языческих ритуалов и текстов, и старинные обряды, превратившись в «предрассудки вековые», были изгнаны из употребления. Такое «тройное табу» (языческо-сакральное, христианское и современное) закрыло для исследователей целый пласт свадебной народной культуры (чего, к счастью, не случилось с другими фольклорными жанрами: сказками, поговорками, частушками, загадками¹).

Следует заметить, что и в настоящее время запись текстов с сексуальной семантикой затруднена. Лишь после длительного знакомства, после установления до-

---

¹ См. об этом: Успенский Б. А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии. — В кн.: Успенский Б. А. Избранные труды в 2-х томах, т. 2. М., 1994.

верительных отношений, после продолжительных уговоров исполнители решались на то, чтобы сообщить подобную информацию, да и то с оговорками: «Это страшно, суковато тут, дак говорить лё?» А многие и вовсе отказывались, ссылаясь на неприличность текстов. Но если тексты все же удавалось записать, их невозможно было опубликовать — вступало в силу табу печатной цензуры: все «матюкальное» оставалось лежать в архивах. Так, известная исследовательница свадебного фольклора Н. П. Колпакова в своей статье 1928 года отмечала, что за столом на свадебном пиру наряду с величальными песнями поется «известное количество» «совершенно невозможных для опубликования песен» — «невозможных» ввиду их «крайней рискованности»¹. Это «известное количество» текстов, записанных Н. И. Колпаковой, не опубликовано до сих пор, как и многие другие тексты подобного рода.

В силу вышеозначенных причин реконструирование той части обряда, которая связана с сексуальной семантикой, представляет определенные трудности, что, естественно, не может не влиять на результаты исследования.

Итак, рассматривая свадебный обряд в контексте языческой семантики, мы прежде всего должны заметить, что все основные мировоззренческие установки язычника-земледедца проецируются и на брачный ритуал. Сексуальное начало как неперемное условие воспроизводства жизни занимало в сознании земледедца значительное место, что и нашло свое отражение в многочисленных ритуалах.

Свадебный обряд, предназначенный для соединения двух особей с целью продолжения рода, осмыслялся язычником в общем мифологическом контексте: жизнь есть бесконечное движение по кругу с процессами смерти — возрождения.

Мать сыра Земля была одной из главных богинь языческого славянского пантеона². Земля рождала жизнь: умершее в земле зерно должно было возродиться и дать новый плод, языческие ритуалы должны были

---

¹ Колпакова Н. П. Свадебный обряд на р. Пинеге.— В кн.: Крестьянское искусство СССР. Искусство Севера, вып. 2. Л., 1928, с. 157.

² См.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология.— Мифы народов мира, т. 2. М., 1982, с. 450—456.

сакрально способствовать этому процессу. Поклонение Земле и ее плодам нашло свое прямое и отчетливое выражение в календарных ритуалах¹, свадебный же ритуал оперировал земледельческими аналогами, «учитывая» социальное устройство человеческого общества: человек отличается от растения и животного, но механизмы воспроизводства жизни у них общие.

Именно социальное начало послужило причиной создания такого явления, как обряды перехода (инициации, посвящения), и свадьба, несомненно, принадлежит к ритуалам такого рода, ибо она одновременно была и возрастным переходом (на Руси женили парня и девушку сразу после наступления половой зрелости), и переходом из группы *нерождающих* в группу *рождающих*. Переход в новый статус был возможен только через сакральный свадебный ритуал, в основе которого лежало общее мировоззренческое правило: рождение в новом статусе невозможно без уничтожения старого статуса.

В свадебном обряде посредством ряда символических действий девственность (нерождающее) должна была быть подвергнута ритуальной смерти, и только после этого возможно было возрождение невесты в качестве женщины (рождающей)². Coitus имел целью одновременно и дефлорацию, и зачатие-оплодотворение; но хотя основной смысл обряда сводился именно к этому, его ритуальное оформление было очень сложным. Обряд этот представлял многодневное действо («игру», «спектакль», «оперу», со своим сценарием, регламентированным набором амплуа, песнями, причитаниями, приговорками, плясками, обрядовой едой и т.п.) и происходил в праздничной атмосфере: новое зачатие было торжеством для всего рода.

Свадьба существовала как бы в двух пространствах: реальном, мирском, и священном, символическом. В сознании земледельца сакральный смысл ритуала был неотделим от реального, одно без другого просто не

---

¹ См.: Пропп В. Я. Исторические основы некоторых русских религиозных празднеств.— Ежегодник Музея истории религии и атеизма, вып. 5. М.—Л., 1961; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

² См.: Варганова В. В. Плач и смех в жанровой системе пинежского свадебного обряда.— Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979, с. 3 — 11.

могло существовать¹. Соответственно сексуальные тексты и ритуалы свадьбы включали в свою семантику все эти смыслы.

Тексты и ритуалы с сексуальной семантикой делятся на два типа: одни из них описывают происходящее только через символические аналоги, другие сочетают символы с прямыми названиями *coitus'a* и гениталий². Сразу следует сказать, что тексты с символическим описанием преобладают в обряде, доля же текстов с прямым названием, с прямыми сексуальными лексемами невелика. Иервое объяснение такого соотношения лежит на поверхности: сексуальные тексты с прямым названием запрещались, считались «антиповедением», в силу чего их сохранилось мало. В этом суждении есть свои резоны. Но скорее всего соотношение иносказания и прямого обозначения было таким изначально. Показательно, что тексты с прямыми сексуальными лексемами имеют место только *во время совершения coitus'a* или *после него*. Причиной тому могла быть сакральность происходящего: тайное, сокровенное, сущностное кодировалось преимущественно через иносказания, что, вероятно, служило магическим оберегом.

Табуированные тексты исполнялись, видимо, до *coitus'a*. Песня «По полу кила да катается...», иносказательно описывающая совокупление, оперирует растительными символами: *penis* — *кила* (опухоль, шишка на дереве, выплав);³ *vagina* — *шакшá* (рогожный шалаш на лодке; ягели на пнях деревьев, мшистые космы)⁴. Действие: кила катается по полу, прикатывается к тысяцкому, потом к молодому князю (жениху) — те от килы «отпираются». Наконец кила прикатывается к молодой княгине (невесте): «Княгиня за килу да в обе руци захватилась, да во черну шакшу <нрзб.>, эта кила да как тут и была».

В песне «Что же ты, тысяцкой, невесел сидишь?..»

---

¹ См.: Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. Об архаической семантике свадебного обряда в контексте других обрядов жизненного цикла восточных славян см.: Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993, с. 65–89.

² Мы не можем здесь пользоваться понятием *mat*, ибо в современном словоупотреблении оно имеет смысл ругательства, оскорбления, непристойности, а в свадебном обряде слова, обозначающие *coitus* и гениталии, никогда не имели бранного смысла.

³ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка, т. 2. М., 1980, с. 108.

⁴ Там же, т. 4, с. 619.

coitus оформлен через земледельческие атрибуты: «надо керни ковать, надо пашню пахать». Символ *renis'a* здесь традиционен: «Уж и есть у меня бурушко не езживан, не езживан и не обуздышан, и хомут не бывал...»¹

Табу на прямое название *coitus'a* и гениталий предопределило и другой ряд аналогов-символов, представленных бытовыми повседневными реалиями. Любопытно соотношение *мужского — женского*. С мужской стороны совокупление брачующихся оформляется так: мужчина, управляя конем, пашет плугом (боронит бороной) землю, а с женской стороны половой акт соотносится с сугубо женскими занятиями: толочь зерно в ступе, мешать кашу мутовкой, плести решето, прясть шерсть, подметать сор (перья, черепки) веником, бить горшки. Глаголы иносказательно обозначают *coitus*, имена существительные — мужские и женские гениталии: конь, борона, пест, мутовка, игла, веник, веретено — аналоги *renis'a*; земля, зерно, ступа, каша, рукавица, горшок, короб — символы *vagin'bi*. Все означенные символические ряды являются характерными не только для свадьбы, что подтверждает, например, сравнение текстов свадьбы с загадками и сказками.

Для характеристики текстов второго типа, в которых *coitus* и гениталии не только табуированы, но и обозначены сексуальными лексемами с прямым названием, можно привести песню «Тысяцкого жена да на ступе сидит...» и рифмованный приговор «Крюк».

Песня про жену тысяцкого сопровождала ритуальное действие, происходившее во *время coitus'a* жениха и невесты. Жену тысяцкого (сватью) сажали на ступу, давали ей в руки иголку с ниткой и рукавицы, потом начинали крутить ее на ступе, хором припевая песню. В этом тексте тройной код *coitus'a* (мелет на ступе, плетет решето и шьет рукавицы) соседствует с его прямым названием: «редко плетет, да редко мужик женку ебет. Почаще плети, да почаще мужик женку еби». Сакральный глагол в повелительном наклонении магически заклинает то, что происходит в это время на брачном ложе, и представляет собой прямое наставление жениху со стороны женатого и замужнего социума. Иносказание *рукавица* также «взрывается» в песне прямой сексуальной лексемой: «Рукавицы шьет из семи

---

¹ Рукописный отдел. Сектор фольклора, р. V, к. 12, п. 3, № 3, л. 10.

пиздиц». Ритуальное действие, *содействие реально происходящему* символически мыслится как шитье «усемерённой» рукавицы. Действие это производит *женщина*, сватья, и семантика его заключается, вероятно, в перенесении девичьих гениталий в женские (напомним, обряд происходит во время *coitus'a*), тем более что конец текста символизирует аналог *coitus'a*: «Седьма-то пизда да на иголочке». К тому же число семь сакрально, а в подобной гипертрофированности гениталий ум древнего земледельца видел залог человеческого «плодородия», недаром *vagina* самой сватьи в одной из корильных песен уподоблена озеру, где «бояре купались, за края хватались», где «мужик боронил да борону потопил», где «судно шло да и дна не нашло». Семантика этого ритуала и песни прозрачна: сватья — женский аналог невесты, она переводит ее во взрослый статус *рождающих*, так же как тысяцкий переводит жениха. Есть свидетельства, что «матюкальные» песни пелись и тысяцкому, но нам они неизвестны.

Быть может, появление в текстах прямых названий обусловлено и функцией магического заклинания (прямые названия — сакральны), и тем, что жених и невеста уже переведены в статус взрослых, рождающих: для посвященных в тайное действие табу на тайные слова отменялось.

Это предположение подтверждается и анализом другого свадебного текста — это известный в пинежской свадьбе «крюк». *Крюк* — диалектное название кочерги и одновременно народное жанровое обозначение рифмованного текста — свадебного наставления о правилах поведения всем присутствующим на пиру, и прежде всего молодым. Ритуал этот мог иметь место *только после совершившегося coitus'a*, о чем прежде всего спрашивал мужик с крюком: «Был ли у вас Фома с красной шляпочкой?» Ему отвечали: «Был». После этого мужик начинал свой «крюк» такими словами: «Скок через порог, едва хуй переволок...» Прямое название *repis'a* и гипертрофированность образа заставляют вспомнить и рукавицу из семи пиздиц, и сватью с ее бездонным «озером». И сам мужик с крюком — это как бы олицетворение фачлоса (пинежский Приап), детали его одежды и поведение прямо демонстрируют это: на голове надет *алый* повойник (женский повседневный головной убор), в руках крюк (кочерга) с нанизанными на нем кольцами; произнося текст, он постоянно пово-

рачивается и стучит крюком об пол. Законы ритуала позволяют олицетворенному фаллосу давать посвященному молодому мужу прямые наставления: «Ты, молодой князь, свою молоду жену береги, на улицу не спускай! У нас ребята бравы, у них хуи упрямы, где сгребут, там и ебут»¹.

К сексуальным обрядам следует отнести и обряд с бороной, совершавшийся после брачной ночи: молодых тащили на бороны по земле. Ритуал этот сопровождался песней, но текст ее нам неизвестен. Весьма вероятно, что и в этой песне были прямые названия, ибо целью действия было магическое заклинание плодородия.

*

Итак, сексуальное в свадебном языческом ритуале мыслилось как сакральное. Тексты с сексуальной тематикой могли иметь место только во второй части обряда (после венчания, в доме жениха), причем тексты с табуированным, символическим обозначением *coitus'a* и гениталий могли «освящать» обряд до ухода жениха и невесты на брачное ложе. *Во время же* свершения *coitus'a* и после него социум замужних женщин и женатых мужчин, посвящая своих новых членов, совершивших возрастной переход в брачное таинство, снимал запрет на сакральную лексику, о чем свидетельствует появление текстов с прямым названием *coitus'a* и гениталий.

Вера ВАРГАНОВА

---

¹ Ср. с вариантом «крюка», где прямые названия сознательно пропущены исполнителем: Обрядовая поэзия Пинежья. М., 1980, с. 82.

ЭРОТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ВЯТСКОЙ СВАДЬБЫ

Исполнение скромных песен и приговоров в Подосиновском и Котельничском районах Кировской области ограничивалось в основном двумя днями свадьбы. Но такие тексты исполнялись иногда и ранее — во время последних предсвадебных обрядов, когда девушка окончательно прощалась с «дивьей красотой» и со своей девичьей жизнью. За неделю до свадьбы (по некоторым сведениям — накануне) проходил девичник. Среди песен, исполняемых на девичнике, встречались и такие:

Не ходите, девки, замуж,
Тяжело на первый раз,
Все подушки затрясутся,
И задрыгает матрас. (1)¹

Накануне свадьбы для невесты топили баню, куда она ходила или вместе с подружками, или вместе с матерью. Когда невесту мыли, то приговаривали:

Мойся, усок,
Промывайся, усок,
Скоро, усок,
Тебе дадут мяса кусок. (2)

Собственно свадьба делилась на два дня. Первый день, в свою очередь, состоял из двух частей: до венца в доме невесты, или так называемая «печальная» часть свадьбы, центральным событием которой являлось про-

---

¹ Цифрами отмечены тексты, которые паспортизированы в примечаниях.

щание невесты с родным домом, с подругами и девичеством. В этот период также преобладали песни с символическим изображением перехода и брака, и невеста еще осмыслялась принадлежащей к группе «девиц». Примером обычая, символизировавшего грядущий переход невесты в новый статус, мог служить следующий.

Когда жених с невестой выходили из-за стола, говорилось:

«Камешки нельзя ли за ушки?

Трое по трое

Десятого покроем,—

невесту обнимаешь и врасос целуешь, они считают». (3)

Во второй части первого дня свадьбы (после венца, в доме жениха) наступало время «веселой» свадьбы, и начинали звучать эротические или скоромные тексты. Во время праздничного пира молодые обязательно должны были целоваться. Считалось, что это способствовало крепости любовных уз и плодородию, изобилию в доме и в хозяйстве.

За столом гости загадывали, сколько раз молодым целоваться. Иногда приговаривал отец жениха:

Без Троицы дом не строится — значит, 3 раза.

У стола 4 ноги (или у избы 4 угла) — 4 раза.

У руки пять пальцев — 5 раз.

В неделе дак 7 дней — 7 раз.

Трою по трою, десятым покрою — 10 раз. (4)

Вечером дружка или сваха уводили молодых на подклеть спать. Вставая из-за стола, дружка говорил:

Кладу рукавичи на поличу,

А девичу забираю. (5)

Затем он выводил молодых из-за стола, тоже с приговором:

Отец да мати,

Благословите детей спати,

На подклет веди,

За хохол трясти. (6)

Или:

Невесту надо на подклет вести,
За хохол трясти, (7)

и они уходили. Вдогонку молодым пели скоромные ча-
стушки типа:

Молодые спать пошли,
Богу помолилися,
Чтобы пуще в одеяле
Ноги шевелилися. (8)

Существовали особые плясовые песни, исполняв-
шиеся только во время свадеб.

Маниа в рощице гуляла
Да земляничку брала,
Не слыхала да не видала,
Когда мил подкрался.
Да он подкрался да подобрался,
За рученьку взялся,
Да за правую да за рученьку,
Да повел во лесочек,
Они сели под кусточек,
Легли, полежали,
Да они часу да не лежали,
Да оба задрожали.
Да вот и мать ее, мамаша
Да стала замечати:
«Да ох ты, дочка моя, дочка,
Да чем ты нездорова?»
«В поле была, да горох ела,
Да червоточка съела».
Да уродился червоточек
С руками, с ногами.
Да со руками, со ногами,
Да с серыми глазами. (9)

Утром молодых будили дружка и сваха. Сваха про-
веряла, честная ли невеста. Свекровь смотрела просты-
ню. В некоторых деревнях свекровь сама подкладывала
простыню, на которой спали молодые, чтобы проверить
невесту. Если честная, то жениху повязывали красную
ленточку на рукав, флажок или платок и на стол стави-

ли целую посуду, если нечестная — то битую. В других случаях посуду били и по посуде смотрели, «целая или нет невеста». У жениха спрашивали, какую посуду приносить. «Если невеста честная — крепкую посуду били, а если нечестная — худую посуду приносили». В некоторых местах, если невеста нечестная, «к дуге вместо колокольца лапоть привязывали».

^молодых «парили», т. е. натаскивали в избу соломы, на нее валили сначала невесту, а сверху жениха и засыпали соломой. Невеста должна была всех гостей-мужчин перецеловать.

Теща подносила блины жениху. На них клали рубашу. Зять должен был сложить блин и укусить в середине двумя зубами. Какая дыра — такая и невеста. Это называлось «распечатать блины». «Если жених с центра блин откусит — честная невеста, нет — нет».

Также с утра пелись песни «похабные», частушки «матюжные»¹ и при этом драли полотенца, из них плели кукол и подавали их молодым. «Горшок с кашей ставили в печь. Назывался «перва ночка». Веребочку привяжут и горшок тащат. И ту песню поют, пока тащат. Как всю споют, горшок вытащат». Или: «На стол ставят горшок на один конец, тащат его ко всем гостям. Показывают, какова невеста». В некоторых местах так описывался этот обряд: «Сладкое из печи тащили с криком: «Это перва ноцка! Перва ноцка!» — и пели матюжные частушки. Тогда же женщины рвали повешенные через грядку полотенца и делали куклы, обычно две: мальчика и девочку. Их на лопате подносили невесте, чтобы у нее были дети».

Когда полотенца драли, говорили:

Пресвятая Божья мати,
Помоги платок разорвати, (10)

а потом пели песни:

Вы, ребятушки, восставайте,
Да за работушку принимайтесь.

---

¹ Эти песни исполнители часто называли частушками, видимо, из-за их краткости и неограниченного количества при исполнении. Однако они не являлись абсолютно самостоятельными и объединялись в цикл под названием «Дубинушка». Объединяющим началом служил припев, повторявшийся после каждых двух строчек, начинавшийся со слов «Ой, дубинушка» и давший название всему циклу.

Припев:

Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая сама пойдет.
Ура, ура, ура! (11)

Ирешвятая Божья мать,
Да подсоби пупом подати.

Припев. (12)

Ты баран — крутые рожки,
Да протори в манду дорожку.

Припев. (13)

На пригорочке сидела
Да промеж ноги все глядела.

Припев. (14)

Марина долго дивовалась,
Да куда целка девалась.

Припев. (15)

У Марины целка пропала,
Она на солдатский хуй попала.

Припев. (16)

Марина мыло положила,
Манда мыло проглотила.

Припев. (17)

У Марины платье длинно,
Из-под платья сикель видно.

Припев. (18)

У Марины платье красно,
Да ее выебли напрасно.

Припев. (19)

Да у Марины платье бело,
Да ее выебли за дело.

Припев. (20)

Марина ниточки сучила,
Да сатана в манду вскочила.

Припев. (21)

Марина, глянь-ка на полицы,
Манда гложет рукавицы.

Припев. (22)

Коля косит десятину,
Хуй повесил на осину.

Припев. (23)

Девки встали и достали,
Колю хуем нахвостали.

Припев. (24)

Что у Колюшки хуйринка
Да суковата, как осинка.

Припев. (25)

Что у старого Емели
Да не проходит хуй во двери.

Припев. (26)

Что у старого солдата
Да на хую сидит заплата.

Припев. (27)

У нас Коля благочинный,
Да он прогреб кафтан овчинный.

Припев. (28)

Все Марина работает,
Николай все прогребает.

Припев. (29)

из-под дубу, дубу, дубу
Тянет хуй пизду за губу.

Припев. (30)

Что ведь Коля чисто ходит,
По-за баням девок водит.

Припев. (31)

Вы, ребята, не робейте,
Наши силы не жалейте.

Ура! (32)

Пресвятая Божья мать,
Подсоби мою подняти,

Эй, дубинушка, ухнем,—
Ой, зеленая сама пойдет. (33)

Да что Сережа многочинный,
Да он прогреб кафтан овчинный. (34)

Чтё баран, крутые рожки,
Не нашел в манду дорожку. (35)

Ох, дубинушка, ухнем!
Потянем, потянем,
Дернем, подернем.
Ура! Ура!

На Маруське платье красное,
Ее выгребли напрасно

Посмотри-ка на сучок,
Хуй курит табачок.

Посмотри на елку,
Две манды куют тарелку.

Как у наших у ворот
Хуй городит огород,
Манда в красеньких сапожках
Ему колья подает.

По деревне напролет
Хуй летит, как самолет,
Манда в красеньких сапожках
Улепetyват вперед. (36)

Ты, Тамара, не вертись,
Дай-ка Васе нагретись. (37)

Вася мерзнется, дрожится,
Где бы гребничком разжиться. (38)

Мы с миленочком гуляли
Ельничком, березничком,
Четыре раза поднимала
Юбочку с передничком. (39)

Полюбила лейтенанта
И майора хочется,

Говорят, что у майора
По земле волочится. (40)

Задушевная подруженька,
Любить-то радостно
У которого в середке
Висит порядочно. (41)

Голубая в клетку шаль,
Милый, титечки пошарь,
Если титечки не в честь,
То пониже штучка есть. (42)

Что вы, девочки, не любите
Ивана Кузина?
У Ивана Кузина
Большая кукурузина. (43)

Не ругай меня, мамаша,
Что я шоферу дала.
Ты сама же говорила:
Надо вывезти дрова. (44)

Не ходите, девки, замуж,
Замужем не берегут,
Вас на бабу переделают
И спасибо не дадут. (45)

Задушевный мой товарищ
С табуреточки упал,
Хотел на целочке жениться,
На готовую попал. (46)

«Тещу поднимают. Она садится на стул и с передни-
ке держит водку. Ее начинают поднимать на стуле до
потолка. Сначала она плохо поднимается. Теща угощает
всех водкой понемногу. Потом, когда она достанет голо-
вой потолка, она угощает всех водкой (тех, кто ее ка-
чал). Поднимают тещу со словами:

У нас сватья-то хорошая,
Да на ебёну мать похожая». (47)

Публикация Т. Г. Гуржий

ФРАГМЕНТЫ ПИНЕЖСКОЙ СВАДЬБЫ

Иосле венца молодые и гости ехали в дом жениха, куда на свадебный пир непременно приходил старик с крюком (кочергой) и говорил:

1

«Скок через порог, едва хуй переволок. Стук-юк, позвольте крюк. Позволили крюк, позвольте сказку сказать. Позвольте голос смазать, рюмочка винца да стаканчик пивца, тогда я буду говорить от сердца. Буду говорить и поговаривать, прошу меня не перебивать. Кто будет перебивать, тому пропашу кобылу ебать. Кобыла да корова, баба не здорова. Ехали бояре темными лесами, напали на куньи следы. Приехали они к боярскому дому, к молодому князю. Ты, молодой князь, свою молодую жену береги, на улицу не спускай: у нас ребята бравы, у них хуи упрямы, где сгребут, тут и ебут. А вы, молодцы, ходите, своими хуями углов не подпирайте. А вы, девицы, пирожны мастерицы, сметанны пакостницы, клетны выгрузки! Вам кросна наводить да ребят приманивать. А вы, вдовушки, вдовейте, пизды ребятам не жалеите. А тебе, стряпуха, горшок да полотуха. Стряпка стряпала блины с заплатками, пироги с надставками: снизу подгорело, по краям заплело, в середине тесто, тут тебе, ебена мать, и место».

На пиру у жениха пелось много «стыдных» песен. Вот только некоторые из них:

2. ПОВОЗНИЧЕК-ПИЗДОВОЗНИЧЕК

(повозникал)

Повозничек-пиздовозничек,
Целу ли привезли,

Вы не ломану ли,
Не целовану,
Не **миловану**,
Не ебенову?
Заручитесь-ка!
Побожитесь-ка!
Они не божаются,
Они не ручаются:
Наверно, ломана,
И целована,
И милована,
И ебенова.

3. СВАТЬЮШКА, ТЫ КАК КУКОЛКА (сватье)

Сватьюшка, ты как куколка,
Головушка как маковка,
Личушко как яичушко,
Манда у тебя как озеро.
В том озере бояре купались,
За края хватались,
Края порвались —
И бояра оборвались.
Цела армия шла,
Манде края не нашла,
Черный ворон летел,
Манду крыльями задел,
Мужик боронил,
В манду лошадь уронил
Со всей бороной
И кобылой вороной.

4. СТЯПУХА КАШУ ВАРИЛА, ВАРИЛА

Стяпуха кашу варила, варила,
Да мутовкою шевелила, шевелила,
Да мутовку изломала, изломала.
Да она кашу на стол **выносила, выносила.**
Каша пошла в колупанье, **в** колупанье,
Ой да Марья пошла в целованье, в целованье.
Да Василий Марью целует, целует,
Да Иванович Петровну милует, милует
Да через пуговки золотые, золотые,
Да через петелки шелковые, шелковые.

Да уж ты, Марьюшка, не стыдися, не стыдися.
Да еще мы молоды бывали, молоды бывали,
Да и нас, молодых, целовали, целовали,
Да у нас подол загибали, загибали,
Да у нас коробью отмыкали, отмыкали.

5. ПО ПОЛУ КИЛА, ПО ПОЛУ КИЛА

Ио полу кила, по полу кила
Да катается, да катается,
Ио-под лавицу черна, по-под лавицу черна
Иривляется, привляется.
Ирикатилася кила, прикатилася кила
Да ко тысяцкому, да ко тысяцкому.
Тысяцкой от килы, тысяцкой от килы
Отпирается, отпирается.
Ирикатилася кила, прикатилася кила
Да к молодому князю, да к молодому князю.
Князь от килы, князь от килы
Отпирается, отпирается.
Прикатилася кила, прикатилася кила
Да к молодой княгине, да к молодой княгине.
Княгиня от килы, княгиня от килы
Не отпирается, не отпирается,
Берет она килу, берет она килу
Во белы ручки, во белы ручки,
Клала килу, клала килу
Во черну манду, во черну манду.
Эта кила, эта кила,
Она тут и была, она тут и была.

6. НЕ ЗНАЛА НЕВЕСТКА, НЕ ЗНАЛА НЕВЕСТКА

Не знала невестка, не знала невестка,
Как свекра звать, как свекра звать:
Свекоринушко, свекоринушко,
Хер да херинушко, хер да херинушко.
Не знала невестка, не знала невестка,
Как свекровку звать, как свекровку звать:
Пизда-пиздюшечка, пизда-пиздюшечка.
Не знала невестка, не знала невестка,
Как деверя звать, как деверя звать.
Деверчок-херчок
Да острый кончок.

7. ЕХАЛИ БОЯРЕ, ЕХАЛИ БОЯРЕ

Ехали бояре, ехали бояре
По дороге, по дороге
Да увидели манду, **да** увидели манду
На зароде, на зароде.
Да уж как будя, да уж **как** будя
Ей доставати, **ей** доставати?
И давай мы манду, и давай мы манду
Всю расколем, всю расколем.
Да граблями манду, да граблями манду
Расчарапаем, расчарапаем.
Да Василий был у нас, да Василий был у нас
Догадлив, догадлив:
Он ведь праву полу, он ведь праву полу
Пригибав, пригибав,
Из портов он хуй, из портов он хуй
Вынимает, вынимает.
Да сама манда, да сама манда
На хуй вскочила, **на** хуй вскочила.

8. ЕХАЛИ ДРУЖКИ ПО ДОРОЖКЕ

Ехали дружки по дорожке,
Нашли манду в туюсочке.
Они думали — солонинка,
А то черной манды половинка.

9. ТЫСЯЦКОГО ЖЕНА НА СТУПЕ СИДИТ

Тысяцкого жена на ступе сидит,
На ступе сидит да решето плете,
^{редко}редко плете, да редко мужик женку ебе.
Почаше плети, почаше, мужик, женку *еби.
Тысяцкого жена на ступе сидит,
На ступе сидит — рукавицы шьет.
Рукавицы шьет из семи пиздец (или сортов).
Перва-то пизда — на накроички.
Втора-то пизда — да на зажылочки,
Третья-то пизда — на долоночки,
Четверта пизда — на напалочки,
Пятая пизда — на темлячки.

Публикация А. А. Ивановой и В. Л. Кляуса

«ДУБИНУШКА» НА СВАДЬБЕ

Свадебный обряд бассейна реки Унжи (левого притока Волги в среднем течении) на территории Костромской области был весьма разнообразен. После венца в первый день свадьбы молодые сначала приезжали в дом невесты, где продолжались прощальные обряды («Черный стол»). Потом все, кроме подруг невесты, направлялись в дом жениха («Красный стол»). Здесь командовали дружка и поварушка¹. Они были одеты особым образом, «посмешнее», часто в лохмотья, с явно выраженными половыми атрибутами. У поварушки был сильно увеличен размер груди (с помощью подложенной одежды), на юбке в определенном месте прикреплена баранка или розочка из бумаги, губы ярко накрашены, брови поды-едены углем. Дружка также в этот момент был переодет в шутовской наряд, спереди ниже пояса прикреплялись две луковицы и морковка, выглядывавшая из-под рубахи или «проглядывавшая» через ширинку.

Поварушка готовила для свадебного стола традиционное для этих мест горячее блюдо — лапшу с курицей, которое дождалось своего часа в большом чугуне в печи. Поэтому часто этот обряд назывался здесь «тянуть лапшу». Когда гости прилично угощались, то начинали требовать горячее. К печной заслонке привязывался канат и перекидывался через переборку (балку, перегородку); на его конец, как правило раздвоенный, привязывали также баранку, розочку, деревянный фаллос или морковку. Молодым давали в руки канат (невесте — «мужской» конец, а жениху — «женский») и заставляли его тянуть. Те, естественно, стеснялись, упира-

---

¹ Поварушка — одна из самых бойких родственниц жениха.

лись, но подгулявшие гости оказывались неумолимы и начинали помогать им с пением припевок «Дубинушки».

Сначала делали вид, что заслонка никак не открывается, в конце каждой припевки при этом кричали: «Нейдет! Нейдет!» — потом: «Пошла! Пошла!» — сопровождая все это всевозможными пояснениями, советами, шутками, телодвижениями. Особенно старались дружка и поварушка, которые в конце концов бросали заслонку об пол, и все дружно кричали: «Ох, крепкая какая!» В различных районах существовали свои версии этого обряда. Например, в Чухломском дружку и поварушку привозили в корыте. В Кологривском после «Дубинушки» молодые качали на лавке с озорными «свадебными» припевками. А в Кадыйском р-не качают на лавке во дворе только на второй день свадьбы под пение «Дубинушки»: сначала молодых, потом парами всех семейных гостей. В северных районах Костромской области после этого обряда молодых провожали на постель, которую стелили на подклети. Постель жених должен был сначала выкупить.

1. УЖ ТЫ, БАТЮШКА ЕГОРИЙ! («ДУБИНУШКА»)

Уж ты, батюшка Егорий!
Помоги нашему горю.
Ох, дубинушка, ухни!
Ох, зеленая сама пойдет, пойдет, пойдет!

Наша печка заперлася,
Поварушка уеблася.
Ох, дубинушка, ухни!
Ох, зеленая сама пойдет, нейдет, нейдет!

У поварушки платья длинна,
Из-под платья пизду видно.
Ох, дубинушка, ухни!
Ох, зеленая сама пойдет, нейдет, нейдет!

Поварушка сидит в яме,
Вся обложена херами.
Ох, дубинушка, ухни!
Ох, зеленая сама пойдет, нейдет, нейдет!

Поварушка платья мыла,
Пизда мыло проглотила.
Ох, дубинушка, ухни!
Ох, зеленая сама пойдет, нейдет, нейдет!

Золотая наша рота
Тащит черта из болота.
Ох, дубинушка, ухни!
Ох, зеленая сама пойдет, пошла, пошла!

2. ОХ ТЫ, ТЕТУШКА НАСТАСЬЯ! («ДУБИНУШКА»)

Ох ты, тетушка Настасья!
Раскачай-ка нас на счастье!
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет.
Идет, идет!

Костромской-то благочинный
Он проеб тулуп овчинный.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет.
Идет, идет!

Наша Маша невеличка,
Любит хер и два яичка.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет.
Идет, идет!

На завалинке сидела,
Промеж ног себе глядела.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет.
Идет, идет!

Все глядела, дивовалась —
Куда целочка девалась?
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет.
Идет, идет!

Как у нашей поварушки
Утонула пизда в кружке.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет.
Идет, идет!

Как у нашей у высокой
Заросла пизда осокой.
Ой, дубинушка, ухнем!
Ой, зеленая сама пойдет.
Идет, идет!

Публикация Т. В. Кирюшиной

ЭПИЗОДЫ ЧУХЛОМСКОЙ СВАДЬБЫ

В ДОМЕ ЖЕНИХА В 1-й ДЕНЬ, ВЕЧЕР

Молодью и гости, как напляшутся, садились за столы. Выходила поварушка: «Печка заперта, не ждите ужина!» Вот и тянули дубину (как бурлаки) — толстую веревку, которая держала заслонку у печи. Мужики тянули и пели песни нехорошие:

Как у нашей поварушки
Потонула пизда в кружке.
Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая, сама пойдет!
Потянем, потянем да ухнем!

Как у нашего капрала
Повернулся хер направо.
Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая, сама пойдет!
Потянем, потянем да ухнем!

Поварушка-невеличка,
Любит хрен да два яичка.
Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая, сама пойдет!
Потянем, потянем да ухнем!

Из-под печки ветер веет,
Поварушка манду греет.
Ой, дубинушка, ухнем,
Ой, зеленая, сама пойдет!
Потянем, потянем да ухнем!

Открывался заслон, поварушка говорила: «Теперь я вас накормлю». Вытаскивала, подавала первое — мясной суп. Потом подавала черевник из ячневой крупы, варили с кишками (или мудник). Когда его ставили на стол, дружка спрашивал: «Что, поварушка, принесла?» Поварушка отвечала: «Мудник». Кто-нибудь из гостей

сомневался: «Послушай, поварушка, на мудник не похоже. Вкусно ли?» Поварушка: «Две кунки-драгунки, двое муде в холодной воде, даа яичка толкнуть да морковку воткнуть, тогда уж вкусно!» Потом была лапша мясная: «Перед лапшой по большой». Это уже ужин. Еще попляшут — и домой.

2-й ДЕНЬ

На второй день свадьбы ходили ряженные «телушку искать» — пастух с барабанкой и хозяйка (или завфермы, или председатель колхоза). В пастуха рядилась женщина, надевали что смешней: шапку набок, рваные брюки, все худое. На ширинку пришивали шубный лоскуток (кусочек меха) и сверху навешивали морковку (потолще, подлиннее, иногда, для смеху,— кривую) и справа и слева от нее по луковиче. Через морковку пропускали веревочку, концы ее «пастух» держал незаметно в руках: руками разведешь — морковка вскакивает. «Я любила пошутить, иногда вместо морковки вешала спринцовку с водой: нажму — всех перемочу. Говорю: «Природа, стар стал, не держится...» И поливаю... Одна всех развеселю».

Когда приходили ряженные, невесту прятали. «Хозяйка» телки (или «завфермой») говорила: «Вот, доверила свою телочку пастуху, а он простерег, ваш бычок ее увел!» Ей отвечали: «Чем можете доказать, что телочка ваша? Какие приметы?» — «Лысина под хвостом, рога в стороны». — «А какой бычок увел, какой масти?» — «Серовато-буро-малиновый, ноги копытами назад». — «У нас есть телушка, только на вашу не похожа». (Приводили невесту.) «Наша, забираем (разглядывали ее со всех сторон). Нет, нам такая не нужна. Он ее испортил: под хвостом проколол. Платите за это!» Те не хотели платить. «Хозяйка» сердито спрашивала «пастуха»: «Как же ты простерег ее?» — «Сел переобуться, гляжу: два зайца ебутся, на зайцев загляделся — телушка и убежала за вашим бычком. Пришлось искать ее». Стучит на барабанке: «Телонька, телонька!» (Молотят что хотят друг другу.) В конце концов «хозяйка» и «пастух» получают выкуп за испорченную телушку — бутылку. Только ее спрячут, им говорят: «А вы за ночьг заплатите, ваша телушка у нас ночьг нечевала!» Те достанут бутылку, тут же все вместе ее распивают — в расчете.

Публикация А. В. Кулагиной

КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1. ТЫСЯЦКОМУ

Тысяцкий, тысяцкий растеряха,
Потерял портки на дороге, на дороге.
А тут шли дружки по тропинке, по тропинке
Да увидели черневинку, черневинку.
Они думали, черневинка,
А само край пизды половинка.
Они надвое не ломали,
А целиком ее забирали,
Ее тысяцкому подавали,
Уж ты, тысяцкий, не ломайся,
А за целую принимайся.

2. СВАТЬЕ

Сватья, сватья на свадьбу спешила,
Она в кринке рубаху мочила,
А на пороге рубаху стирала.
У сватьюшки три рубахи.
Одна-то рубаха дубовая,
А друга-то рубаха смоляная,
А третья рубаха крапивная.
Дубова-то рубаха пяты била,
Смоляная-то рубаха к телу льнула,
А крапивная-то рубаха ее пизду жгнула.

3. СВАТЬЕ

Ищо наша-то сватонька
Да сидит-то как куколка,
Голова-то как пуговка,
А глаза-то как луковки,

Ищо спина-то — лавица,
Да ищо жопа-то — хлебница,
А брюшина — болотина.
Под брюшиной — озеро:
Поезжане купалися,
За края-те хваталися,
Все края обрывалися,
Все на Русь выбиралися!

Публикация А. В. Кулагиной

СВЯТКИ

ЭРОТИЧЕСКИЕ ИГРЫ РЯЖЕНЫХ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

(По дореволюционным публикациям
и современным записям)

По всей вероятности, обычай рядиться на святки (в период между праздниками Рождества Христова и Крещения Господня) уходит корнями в языческое прошлое народа. По описаниям XIX—XX веков, ряженье предстает сложным обрядово-игровым действием, сохранившим многие архаические черты, не утратившим до конца связи с древним мифологическим содержанием и магическим назначением.

Святочное ряженье неоднократно описывалось в этнографической литературе и не является для науки новым предметом. Игрищам ряженных посвящены статьи, разделы в книгах о календарной обрядности и народном театре¹, недавно появилось специальное моно-

---

¹ См., напр.: Всеволодский-Гернгросс В. Н. Русская устная народная драма. М., 1959; Гусев В. Е. От обряда к народному театру. (Эволюция святочных игр в покойника.) — Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор. Л., 1974, с. 49—59; Он же. Истоки русского народного театра. Учеб. пособие. Л., 1977; Ивлева Л. М. Обряд. Игра. Театр (К проблеме типологии игровых явлений.) — Народный театр (сборн. науч. статей). Л., 1974, с. 20—35; Пропп В. Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. Л., 1963; Савушкина Н. И. Театральные элементы на-

графическое исследование¹. Многие описания святочного ряженья позволяют убедиться в особой актуальности для обряда эротического компонента. Это проявляется и в откровенной непристойности большого числа игр, и в насыщенности всего обряда сексуальной символикой, соответствующей жестикуляцией и обеденной лексикой. Это обнаруживаете я и в общей для многих игр ориентированности на контакт ряженных с присутствующими девушками (последний носит нередко принудительный характер и отличается скабрёзностью и жестокостью), и в самой атмосфере эротической раскрепощённости на святочном гулянье.

Исследователи святочной обрядности, отмечавшие эротические и скатологические элементы в ряженье, как правило, объясняли эту особенность языческими корнями новогоднего игрища. Так, В. И. Чичеров утверждал, что «обрадовые магические традиционные элементы <...> сохранились лишь в пережиточных формах отдельных действий и в общем эротическом ко., рите обряда»². До последнего времени авторы работ о святках словно стеснялись этой стороны новогоднего праздника, не решались акцентировать на ней свое внимание. Подобного рода «застенчивость» обычно мешала публикаторам и популяризаторам этнографического материала отражать в нем непристойные реплики ряженных, включать в его состав те игры, которые, по словам С. В. Максимова, представляли собой «остаток варварства, поражающий стороннего наблюдателя своим цинизмом»³. Кроме того, лишь в последние годы отпали цензурные ограничения, которые препятствовали публикации «непристойного» материала. Естественно, что до сих пор эротическое в ряженье не получало достаточного научного освещения, а на первый план

родных календарных обрядовых игр.— Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976, с. 48—57; Она же. Особенности театрального пространства в представлениях русских ряженных. — Театральное пространство. Материалы науч. конф. (1978). М., 1979, с. 327 — 334; Чичеров В. И. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX веков. М., 1957.

¹Ивлева Л. М. Ряженье в русской традиционной культуре. СПб., 1994.

²Чичеров В. И. Указ. соч., с. 211.

³Максимов С. В. Неведомая, нечистая и крестная сила. СПб., 1994, с. 246.

выставлялось «бытовое юмористическое толкование»¹ святочных скабрёзностей.

После снятия запретов появилась, в частности, статья, посвященная локальной традиции ряженья, в которой в полной мере отражен эротический характер многих игрищ, — читатель получил подборку описаний святочных игр в Камско-Вишерском междуречье². В настоящей главе мы предложим такие описания святочного обряда, которые помогут расширить сложившееся представление об эротическом пласте святочного ряженья.

В этом ключе представляется вполне оправданной идея переиздания двух труднодоступных источников по ряженью, что и составит первую часть настоящей публикации. Первый из них — очерк Н. С. Преображенского «Баня, игрище, слушанье и шестое января», напечатанный в некрасовском «Современнике» в 1864 году. Несмотря на то, что не все игры ряженных, описанные Преображенским, имеют ярко выраженную эротическую или скатологическую направленность, мы публикуем целиком главу об игрище (включающую также сведения об устройстве вечеринки и нормах поведения на ней местной и пришедшей молодежи, описание молодежных посиделочных игр): в этом случае у читателя сложится более верное и целостное представление о ходе святочного гулянья, специфическом настрое его участников, поведении ряженных.

Мы также воспроизведем главу о святочном ряженье из известного специалистам очерка К. Завойко «В Костромских лесах по Ветдуге-реке», вышедшего в 1917 году.

Вторую часть публикации составит ранее не издававшаяся подборка описаний игр ряженных в Горопецком районе Тверской области, записанных от бывших участников и свидетелей святочных игрищ в ходе экспедиций кафедры русской литературы РГПУ им. А. И. Герцена в 1987 — 1989 годах (руководитель — О. Г. Николаев). Здесь будут представлены не только рассказы об играх эротического и скатологического содержания, но и описания, дающие представление об атмосфере святочного гулянья, стремлении внести эротический

---

¹ Савушкина Н. Н. Народные драматические и театральные традиции в современной деревне. (На материале Горьковской области.) — Народный театр (сборн. науч. статей), с. 163.

² Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья. — Русский фольклор, вып. XXVI. Проблемы текстологии фольклора. Л., 1991, с. 171 — 188.

элемент в наибольшее количество игр. Отметим, что для торопецкой традиции ряженья эротическая тематика являлась доминантной. С ней связаны более двух третей от общего числа игр торопецкого репертуара, что создает и соответствующий облик всего обряда.

Воспоминания торопецких крестьян относятся к 1930—1950 годам. Таким образом, промежуток между описанными ими святочными гуляньями и тем, что наблюдал Преображенский, составляет почти сто лет, что делает особенно интересным сравнение материалов из трех предлагаемых источников, являя при этом много общего и сходного, так же как и много исключительно регионального, свойственного каждой локальной традиции.

В эротической направленности некоторых игр ряженных следует видеть не только рудимент архаического ритуала. Пожалуй, она сохраняла обрядовую актуальность в той же степени, в какой само ряжение сохраняет ритуальный характер.

Действо ряженных (особенно в посиделочном его варианте, когда все происходило в специально нанмававшемся помещении) было не только зрелищем, но имело еще и очевидную нацеленность на взаимодействие «исполнителей» со «зрителями». Объектом действий ряженных (и прежде всего действий эротического характера) становились в основном присутствующие девушки. Активность ряженных, направленная на «зрителей» и нередко переходящая в агрессию, заключала в себе не только идею воздействия на людей сил потустороннего мира¹, но и идею сексуальную. Наряду с противопоставлением «того» и «этого» света в ряжение актуализировалась оппозиция «мужское — женское». Очевидно стремление придать действиям максимального количества персоналей ряженья эротическую окраску: «гусь» щиплет и клюет в основном девушек (№ 5,6), «расчепиха» — фантастический персонаж — их «тискает» (№ 4), «медведь» изображает, как «парень с девушкой спит» (№ 7).

В последних случаях действия ряженных были направлены как бы на всех присутствующих (по выраже-

---

¹ Напомним, что святки считались периодом активизации в мире людей враждебной деятельности нечистой силы, ряженные напрямую ассоциировались с «недобриками», а само ряжение считалось серьезным грехом, смыть который можно было только искупавшись в освященной крещенской проруби. О связи ряженья с оборотничеством, нечистью см.: Ивлева Л. М. Ряжение в русской традиционной культуре, с 45-57, 65-77.

нию одного из информантов, «по народу»), а не на кого-либо избирательно. В собственно же эротических играх девушки включались в действие по одной (их «подводили»), и каждая из них должна была индивидуально подвергнуться контакту с ряжеными, что составляло основу такого рода игр. Можно выделить основные виды этого контакта: удар, поцелуй, обыгрывание фаллического символа, вербальное действие (однаправленное или диалог).

Если в излюбленном ряжеными стегании «зрителей» кнутами и «жгутами» в целом не усматривается какой-либо сексуальной идеи, то в этом состоял смысл аналогичных ударов в играх типа торопецких «блинов» (№ 10—14), где били, как правило, только девушек: их подводили по одной и при этом били обязательно ниже спины, что нередко сопровождалось обценными комментариями.

Более распространенным видом эротического контакта в ряженье являлся поцелуй. Кстати, он часто наделялся животворной силой: целуя ряженных, девушка «чинила мельницу» (№ 22), «оживляла коня» (№ 23), «воскрешала покойника» (№ 39). Скорее всего, для ряженья поцелуй был важен не столько сам по себе, сколько как знак контакта между девушкой и ряженым, олицетворявшим мужское начало. Не случайно девушки так неохотно шли на это: целовать ряженных было страшно, противно и, наконец, стыдно, что явствует из многих рассказов бывших участников игрищ. В некоторых случаях поцелуй мог прямо символизировать половое сближение. Например, в игре в «стульчики» (№ 41) реплики ряженных подростков «Поцеловать теперь!» и «Поебать с голоду!» воспринимались как равнозначные — и в одной, и в другой ситуации выбранной девушке предстояло целовать «стульчика».

Встречались случаи, когда контакт носил иной характер: девушка должна была подержаться за половой член персонажа (натуральный либо изображавшийся каким-либо предметом) или за то, что его эвфемистически представляло в игре (это мог быть «межевой столб» (№ 32), «кран квасника» (№ 30) и т. д.). В некоторых случаях девушек заставляли целовать фаллос (см. игру в покойника в очерке К. Завоёв), а иногда — наблюдать за имитируемой эрекцией (№ 25—27). При этом каждая из названных форм «приобщения» к фаллосу была функционально эквивалентна поцелую, поскольку

тоже обеспечивала оживание «покойника» (в конкретном варианте последний эпизод мог отсутствовать, но в принципе он предполагался игрой), починку или имитацию действия какого-либо предмета, механизма («межа», «квасник», «аршин, отмеряющий ситец»).

Исконная ритуальность действия ряженных, направленного на контакт с присутствующими, подтверждается следующими обстоятельствами. Это, к примеру, обязательность участия в каждой из подобных игр всех девушек. В описаниях этнографов, в рассказах самих крестьян нередко отмечается, что в большинстве случаев девушек силой подводили к ряженным и заставляли выполнять их требования. На гулянье специальные люди («придверники») становились в дверях, чтобы ни у кого не было возможности уйти от участия в игрище, другие (тоже, как правило, неряженные) вытаскивали сопротивляющихся девушек из толпы и подводили их к месту действия. Если девушка отказывалась от навязываемой ей «роли», то ряженные вместе с помощниками били ее плетками или скрученными из полотенец «жгутами» до тех пор, пока та не исполняла всего, что от нее требовали (№ 10, 22, 27, 39, 55, 56). Конечно же, насильственное включение в игру не укладывается в рамки обычного игрового поведения.

Бросается в глаза и чрезвычайная жестокость ряженных по отношению к тем, кого они вовлекали в игру. Наиболее яркие в этом смысле материалы представлены у Преображенского. Можно прийти к выводу, что некоторые игры сводились именно к истязанию присутствующих.

Вообще в процессе игрища девушки должны были пережить ряд конкретных ощущений. Одной из задач ряженных было вызвать у них определенные эмоциональные переживания и физические состояния. Не только поведенческая, но и эмоциональная парадигма была запрограммирована для тех, кто включался в игру, в общей атмосфере раскрепощенности, возбуждения, веселья девушки должны были обязательно испытать неподдельные страх, стыд, отвращение и физическую боль. В отмеченных особенностях ряженья можно видеть не только признаки его архаического происхождения, но и не утраченное им ритуальное начало. Хотя мифологическое содержание тех или иных персонажей забывалось, исчезала мифологическая обусловленность их действий и костюмов, утрачивалась

магическая мотивировка различных элементов обряда, но, несмотря на это, все же сохранялся ритуальный подтекст. По сути дела, весь комплекс эротических игр представлял для девушек серию испытаний. Пройдя через них, каждая участница должна была обрести (или доказать) свою сексуальную зрелость, готовность к взрослой жизни. Отсюда особый цинизм этих игр и всей обстановки на гулянье. Напомним, что именно брачная тематика была характерна для большинства святочных молодежных посиделочных игр, а святки и следующий за ними мясоед традиционно считались лучшим временем для сватовства и свадеб. И то, что сексуально-игровая инициация молодежи (в первую очередь — девушек) происходила именно в святки, представляется достаточно закономерным.

Особую роль в эротических играх ряженных играло слово. (К сожалению, именно этому элементу обряда собиратели уделяли мало внимания, интересуясь в основном костюмом и действиями персонажей.) С одной стороны, реплики ряженных позволяли привнести эротический смысл в игру, содержание которой напрямую этого не предполагало. Так, именно словесный текст чаще всего придавал непристойно-эротический характер играм в «покойника» (№37—40), «масло мешать» (№ 15—17) и «волки и овцы» (№ 18—20). С другой стороны, реплики эротического свойства приводили в необходимое соответствие действия ряженных, реально направленные на девушек, с собственно игровой их интерпретацией. В этом случае обычно использовалось иносказание. Так, в торопецкой игре «лес клеймить» (№ 43—44) ряженные, осматривая и ощупывая девушек, производили своего рода идентификацию их невинности под видом сортировки деревьев на «хорошие» и «дуплянки»¹.

Кроме того, существовал тип игр, центральным моментом которых являлось именно вербальное действие. В них ряженные «обвиняли» девушку или «дружаших» парня с девушкой в нецеломудренном, распутном поведении — «судили» их (№ 45—72). Причем иногда ряженные сами «охуливали» (очерняли) «подсудимых», иногда заставляли последних признаваться в своих «преступ-

---

¹ Описание сходной игры см.: Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья, № 56—57.

лениях»¹. Часто (как и в других играх) такие монологи и диалоги носили иносказательный характер, использовались различные эвфемизмы. В сущности, взрослая молодежь проходила в этих играх ту же сексуальную инициацию, только на словесном уровне. Коитальная ситуация проигрывалась здесь на словах, подобно тому как в других играх — в условных действиях. Таким образом, на ритуально-игровом уровне обеспечивалась и удостоверялась готовность молодежи к брачным отношениям. Это иногда прямо манифестировалось в игре: «Можно рассудить-порядить и их оженить» (№ 70). Игровое венчание парня и девушки происходило непосредственно после «суда» над ними (№ 70—72), являясь как бы его результатом, так что эти две игры были часто просто неразделимы. Игры же, где инициация такого рода проходили одни девушки, часто начинались со «сватовства» ряженого.

Наконец, словесный текст играл большую роль в эротизации обряда в целом. В игры нередко включались obscene тексты, необязательные для конкретного действия, избыточные по своему характеру; в основном они служили для перенасыщения атмосферы святочного гулянья эротической тематикой (№ 29, 38, 39, 67). Частые упоминания о непристойных монологах ряженных мы встречаем в очерке К. Завойко. Н. Преображенский подчеркивает обилие на вечерке «громоносной» и «броненосной» брани. Таким образом, обстановка свободы и эротической разнузданности на гулянье с участием ряженных усугублялась речевым поведением присутствующих, прежде всего, конечно, самих ряженных. Кроме того, скабрезное вербальное сопровождение игры, предполагавшей некий контакт ряженных с девушками из числа «зрителей», воздействовало на эмоциональное состояние последних, делало для них этот контакт психологически особенно тяжелым и неприятным.

---

¹ Описание игр этого типа см.: Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья, № 52—55; Бойцова Л. Л., Бондарь Н. К. «Сидор и Дзюд» — святочное представление ряженных. — Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л. 1990, с. 192-195.

Я. С. Преображенский
БАНЯ, ИГРИЩЕ, СЛУШАНЬЕ
И ШЕСТОЕ ЯНВАРЯ

II

Праздник Рождества проводится очень обыкновенно. Характерного в нем только то, что на другой день праздника, по возможности, приходят в церковь все замужние женщины и не идет ни одна девица. На это у них есть свои причины: женщины очень серьезно думают, что через это они будут плодороднее, и потому идут в церковь, и девицы очень серьезно убеждены в этом и потому не идут, ибо срам, когда девушка полную избу ребят народит. Между тем нет никакого естественного повода к таким убеждениям, а все дело основано на одном поверий...

Святки всюду проводятся в разных беснованиях. Это общо всей Европе и известно ей. Но сколь много различных уголков на материке Европы и сколь своеобразны обычаи людей, населяющих эти уголки, столь же различны и своеобразны святочные беснования: каждый уголок непременно имеет свою особенность, что-нибудь такое, чего нет в других уголках. В силу такого обстоятельства и наше село Никольское имеет много оригинального в своих святочных увеселениях, и притом столько оригинального и своеобразного, чего уже больше нигде нельзя встретить, даже в ближайших окрестностях. Конечно, можно найти что-нибудь хуже или лучше, но никак не то, что есть там.

Эту особенность можно видеть на святочных вечерах. Вечера эти носят название игрищ, в отличие от обыкновенных вечеринок или посиделок. На посиделки девицы и ребята собираются в длинные, зимние вечера поболтать, побалагурить, попеть песен; но собираются непременно с работой, приличной для того и другого пола. Девушки в это время исключительно прядут лен и только в это время приготавливают его на весь год и даже более. Ребята, как люди, проведшие весь день

в тяжелой работе, на посиделках занимаются бездельем: вяжут чулки, чинят хомуты и проч. В праздники и воскресенья, когда девушки занимаются работой, ребята играют в карты *в носки*¹ или в дураки, каждый* раз заставляя дурака пить большой ковш воды. На игрища никто не ходит с работой: это не простые, домашние посиделки, а парадные и торжественные балы, светлее и торжественнее которых не бывает уже ничего...

Игрища обыкновенно начинаются со второго дня Рождества и продолжаются, смотря по количеству девиц и расположению всего люда, до Нового года или до Крещения. Если игрища продолжаются только до Нового года, то они бывают два раза в сутки — днем и вечером. Дневные игрища не отличаются ничем от обыкновенных гуляний; там пляшут, пьют, играют на гармонике — и больше ничего. Не то вечерние игрища... но прежде несколько слов о приготовлениях.

Перед праздником Рождества молодые ребята того села, где предполагается игрище, собирают деньги. Собравши их достаточное количество, выбирают самую большую избу в селе, если можно, то летнюю, чтобы игрищем не стеснять хозяев. Эту избу берут в аренду на целые святки. Так как летняя изба зимою обыкновенно стоит нетопленная, то ребята привозят дров, а девушки обязываются протапливать ее ежедневно. На деньги, оставшиеся от найма избы, покупают сальных свеч. Надобно заметить, что в селе Никольском и его окрестностях избы всегда освещаются лучиною — употребление свеч составляет редкость и исключение в экстренных случаях... На общем совете ребят решается, что с чужих посетителей надобно брать за вход плату, и определяется количество этой платы. Эта плата обыкновенно простирается от двух до четырех копеек и ограничивается одним мужеским полом; прекрасный пол, как и везде в подобных случаях, имеет бесплатный вход... Перед самым же праздником привозят в гости девиц из других деревень, где игрищ, по малочисленности населения вообще и девиц в особенности, не бывает.

Наконец после хлопот, поту, ругани и разных других приятностей в том же роде, неизбежных при общественном устройстве чего бы то ни было, настает давно желанный вечер, веселый вечер игрища. Все готово; все

---

¹ Здесь и далее курсив Н. С. Преображенского.

одеты в лучшие наряды, т. е. парни в красные кумачные рубашки, в синие поддевки, в сапоги с медными скобками; девушки в белые рубашки с пышными широкими рукавами, в ситцевые сарафаны ярких цветов, исключая чисто красного: почему-то девушки не носят прославленного, классического, русского, красного сарафана,— его можно встретить только на старухах, как археологическую древность, под именем *шушпана*. ЗКдут начала.

Ио совету дяди, человека опытного, в молодости бывшего не последним щеголем и плясуном, не раз вступавшего с крестьянскими ребятами в упорную борьбу за обладание сердцем какой-нибудь жирной, краснощекой Марины или Матрены, я направил свои стопы к месту игрища.

Без всякого указания сразу можно было найти дом, где было игрище. Изба была освещена более других, и сквозь тусклые стекла из ее окон больше падало света на серую дорогу. Из нее по всему селу разносился шум, гам, звуки песен, стуки пляски. Народ кучками толпился около дома, шумел, смеялся, входил в избу и выходил из нее.

Заплативши за вход обычные три копейки, я вступил в избу. Моим взорам представилась довольно смелая картина: передний угол занимали играющие; девицы отдирали во всю голову песню:

Как на нашей на сторонке
Хороша угода,
Что хорошая угода,
Хорош хмель родился,
Что хороший хмель родился,
По колышкам вился,
Вился, вилося, извивался
Серебряным листом,
Золотыми кистями...

Ребята во весь опор отхватывали трепака просто в стоячем положении, вприсядку и даже в лежачем. Многие девушки хоть не ходили вприсядку, а все-таки довольно бойко подплясывали. Место перед печкой занимали бабы и щекотали, как сороки над петушьей головой. Под полатами помещались мужики и лупили в азартную игру — *в носки*, немилосердно нахлестывая друг друга носы, отчего сии последние сделались очень румя-

ными, а губы бормотали отрывочные броненосные выражения. На полатах и на печке была всякая смесь: мальчишки, девчонки, старушки и разный недоросший и переросший люд, обломки прошедшего и всходы будущего человечества... Дым от махорки и пар из открытых дверей клубились. Духота была невыносимая. Тусклые, отопившиеся сальные свечи тускло освещали комнату.

Молодые пары играли по обыкновению «Чижика», «Груню, ягоду мою», «Как у наших у ворот» с разными ухарскими и залихватскими ухватками, с уханьем и пристукиваньем каблуков... Игрище разгоралось... В углу начиналась *столбушка*.

Эта вещь состоит в том, что один из ребят встает в угол и поет:

Я горю, горю, горю,
На калиновом мосту,
Кто меня полюбит,
Тот и выкупит.

Другие помогают, и это пение продолжается до тех пор, пока какая-нибудь сострадательная девушка не пойдет и не выкупит...

Как скоро начнется это пенье, девушки начинают прятаться одна за другую, группируются в кучку, закрываются широкими рукавами и стараются вытолкнуть которую-нибудь девушку на середину. Не то чтобы девушкам не хотелось выкупать горевшего на калиновом мосту — им этого очень хотелось, да было как-то стыдно поначалу. Наконец одна из девушек, которая была посмелее других, выходила из середины, краснея подходила к певцу, кланялась ему, целовала его, становилась на его место, опять целовала и просила прислать ей какого-нибудь другого парня. В свою очередь, вызванный парень подходил к девушке, стоявшей в углу, кланялся ей, целовал, становился на ее место, опять целовал и просил прислать другую девушку... Это пере-хаживанье и непрерывные поцелуи продолжались целый вечер. Приглашали к столбушке и меня. Первый поцелуй прошел благополучно; зато в другой раз здоровенная девчина так лизнула меня взасос, что я принужден был немедленно плюнуть: такая мерзость...

Столбушка еще продолжалась; пляска прекратилась; затеялась женитьба. Все девушки сели рядом на лавку. Одна из них каждой назначила парня, который

должен быть ее женихом и которого она должна принять к себе. Это назначение делалось секретно от ребят, и они должны были наугад попадать к той девушке, которой были назначены. Как скоро девушки сели на места, один парень выходил из группы, подходил к девушке. Если он попадал к той, которой был назначен,— она вставала, кланялась и приглашала его сесть к себе на колени. Парень садился. Если же парень не попадал по назначению, то девушка, которой он поклонился, в ответ на поклон вставала, поворачивалась к нему задом и снова садилась на лавку. Это значило, что парню отказывают, потому что он не нашел своей суженой-ряженой. Парень должен был идти далее и получать такие ответы на свои низкие поклоны до тех пор, пока не находил той, которой был назначен. Та уже в утешение садила его к себе на колени. Когда все ребята сели к девушкам на колени, был сделан залпом всеобщий звонкий поцелуй. Вслед за поцелуем ребята сходили с девичьих колен и сами садились на их места, а девушки должны были, в свою очередь, подходить к женихам, которые на поклоны красавиц отплачивали им тою же монетою. Когда все девушки сели к ребятам на колени, снова раздался поцелуй, и женитьба кончилась. Весь интерес этой игры заключался в получении отказов...

Лишь только после женитьбы начались пляски, раздался страшный крик: «Держи двери!.. Запирай!..» Как нечаянный гром, этот крик поразил все собрание. Девушки стремглав бросились в задний угол. Ребята из чужих деревень старались поспрятаться на печку, в задний угол, в подполье, под лавки за ноги девушек, и, я уверен, многие в эти минуты согласились бы спрятаться туда, куда некогда, по сказанию, прятался Григорий Отрепьев; но так как ребята не имеют доступа в те места, куда имел Отрепьев к «арине» «нишек», и так как девушки не носят ни кринолинов, ни юбок, то ребята и не пользовались этим убежищем; ибо девчата, почувствовав постороннее тело там, где ему не следует быть, подняли бы страшный крик, а сарафан, под который спрятался бы кто-нибудь, слишком бы оттопырился: в том и в другом случае укрывающийся должен быть открыт. Ребятишки дрогнули и запищали. Все и всё давало заметить, что поднималось что-то недоброе. Что же это такое? Какая гроза поднималась над мирным игрищем? Это начиналась самая суть святочного игри-

ща — начинали *выводить кудеса*. В это интересное время очень многие от души пожелали бы вырваться из избы каким бы то ни было путем; но двери были закрыты и, кроме того, тщательно охранялись здоровыми гайдуками, окна были малы и высоки, да если бы кто не смутился подобным неудобством — его удержали бы за ноги.

Суматоха продолжалась. В избу с криком, кривляньями, с корзинами снегу, перемешанного с сажею, вбежали *кикиморы* и принялись завывать, хлестать и парить вениками во все стороны, стараясь получше угостить грязным веником чужих ребят. Эти кикиморы были не кто иной, как туземные ребята, одетые по-старушечьи во всевозможные лохмотья и тряпки, с горшком, накрытым тряпицею и заменявшим кокошник на голове, чтобы как можно более походить на кикимор, т. е. ведьм. Эта припарка кикимор иногда недешево обходится им самим. Если случится одной из кикимор в отмщение ли за невнимание и безответность на выражения любви, или по чему другому, запачкать цветной сарафан или блестящую белизною рубашку девушки, то кикимору немедленно разваливают на пол и начинают парить не вениками, а кулаками, и так взбутенят бока, что бедная кикимора не забудет припарки до свежих веников и, верно, в будущее время не покусится на чистоту девичьих нарядов.

Иосле кикимор приехали *торгованы*, т. е. купцы с сукнами, нанкою, китайкою, кумачом и вообще с красным товаром; этих купцов было четверо, и были они самые здоровые мужики. При них еще находился приказчик-мальчишка. Его обязанность была прикатить в избу пустой бочонок... У многих не на шутку дрогнуло ретивое... Купцы по одежде несколько отличались друг от друга: двое имели на себе панталоны, кнуты в руках, и больше ничего, даже рубашек не имели; другие же двое не имели на себе решительно никакого белья, а одеты были только в одни короткие полушубки нараспашку и шерстью вверх.

Бочка помещена среди избы. Торгованы обошли все углы избы с приглашением:

— Добрые молодцы, красные девицы, молодые молодки, белые лебедки, милости просим купить, продать, пошить, покропать, пожалуйста — кому что угодно?

На это приглашение волей-неволей должны были выходить все ребята и непременно покупать что-нибудь.

Выходившего спрашивали: что ему угодно?

На ответ его: «сукна» или чего другого, торгованы вскрикивали:

— Так ему сукна! Отдирай ему, ребята, двадцать аршин!

Покупателя немедленно берут двое из купцов — один за голову, другой за ноги — и кладут на бочку, вниз брюшком и вверх спинкой, а двое других примутся иногда так усердно отдирать аршин за аршином кнутами по спине покупателя, что у того кости трещат и он ревет благим матом, то есть во всю силу своих легких. От этих-то обновок и прячутся некоторые из ребят, особенно те, которые почему-либо чувствуют, что им будет дрань. ^пазумеется, не всем отдирают хорошего сукна. Зато кому отдерут, лучшего заморского, тот, на-верное, долго проносит его.

Когда таким образом наделили сукном и разными другими товарами всех, кто находился на виду, или, говоря обыкновенным языком, когда вздули кнутами всех ребят неспрятавшихся, пошли искать тех, кто укрылся. Шарили под лавками, на печке, на полатах, в подполье, заглядывали даже в трубу, и действительно, после тщательного обыска всех этих мест, вытащили парня из подполья и парня из-под лавки, который был весь в поту, в грязи, сильно упирался ногами и ругался. Однако же, с толчками в спину, его подвели к бочке, развалили и, как он ни ругался, ни барахтался ногами и руками, так отодрали шкуру, как еще не отдирали никому. Спрятавшийся был в глазах торгованов виноват одним тем, что спрятался; единственно за это будто бы его и драли; между тем была другая, секретная, вина, о чем можно легко догадаться из того, что за одно укрывательство его бы не отдули так жестоко и что он сам не стал бы так далеко и позорно скрываться, если бы не чувствовал за собою какой-нибудь вины.

Жалкий, убитый вид найденного не пробуждает в публике чувства сострадания, напротив, как только покажется такой господин, все разразится самым диким, громким хохотом... И действительно, смешно, когда вытаскают из-под лавки здоровеннейшего детину в грязи, в поту, в тенетах, испуганного и растерявшегося.

Отодравши всех законным образом, торгованы вышли из избы... Все затихло... Думали было начать пляску... но вдруг с визгом стремглав врывается в избу стрелок, у которого должность ружья исправляет длин-

ная оглобля, запачканная самой скверной грязью. Стрелок быстро подскакивает к кому-нибудь с пронзительным криком: «Застрелю!», рассчитывая на испуг сидящего, и подставляет или, вернее, тычет оглоблей чуть не в самое "лицо". Если человек, сидящий на лавке, не струсит и не отпихнет от себя оглобли руками, то стрелок оставит его и с тем же криком подскакивает к другому. Нетрусливым и знающим, в чем дело, здесь не бывает никакого вреда; потому что они ни за что не будут защищаться и отпихивать оглобли, без чего стрелок не смеет коснуться их. Кто же не знает дела и в испуге отпихнется, неминуемо касаясь при этом оглобли, тот запачкается невыразимо.

За стрелком следовали кузнецы.

В избу втащили скамью, на которой лежало что-то закрытое простыней. За скамьей тащили кузов, т. е. корзину, сплетенную из сосновых драниц, громаднейшей величины. Корзину поставили вверх дном. За корзиной шли сами кузнецы... Что касается до костюма кузнецов, то он был таков, чтобы не скрывал ничего из организма. За кузнецами следовали музыканты, т. е. целая процессия ребятишек, стучавших в сковороды, заслонки, ухваты, кочерги и тому подобные вещи, издающие самые раздражающие звуки. Все это шумело, стучало, звенело и выло... Когда музыка, кузнецы и всё заняло свои места, один из шумной компании встал у края скамьи. Простыня открылась — и что же, вы думаете, там было? Человек, совершенно нагой, с закрытым лицом. Этого неизвестного господина кузнец взял за ноги и начал поднимать и опускать их одну за другой: ноги представляли кузнечные мехи... Корзина представляла наковальню...

К кузнецам тоже, как к торгованам, должны были выходить все ребята. Кузнецы не били их кнутами, а драли за волоса, давали в голову кулаком тумака, более или менее горячего. Это значило, что кузнецы куют разные железные и стальные вещи. Во все это время музыка не смолкала — сковороды стучали, заслонки визжали, ухваты кряхтели, ребятишки завывали...

Кому хотели сделать вещь получше и покрепче, того обыкновенно сильнее драли и сильнее колотили.

Когда всем наковали железных и стальных вещей с закалом и без закала, изба в воображении зрителей должна был* превратиться в озеро. Приехали рыбаки.

Рыоу ловили они не неводами и не удочкой, а острой лучиной при свете лучины.

В натуре это обыкновенно делается так: там, где есть неглубокая река, рыбак заранее приготовляет лучину или достаточное количество бересты, потом, дождавшись темной ночи, он идет на реку. На плечи надевает пестерь (сумку, **сплетенную из березовых лык**), в него кладет лучину или бересту; входит в реку, держа в левой руке пук зажженной лучины, а в правой острогу — семизубец железный на древке, похожий на тот, с каким ездил Нептун,— и высматривает спящую рыбу. Как скоро заметит рыбу, останавливается, метит и бьет ее острой лучиной, после чего идет искать других рыб. Этот образ ловли называется *«ходить с лучом»*.

Чтобы все это представить на игрище, нужно было приготовить луч для освещения воды и рыбы: для этого ставят кого-нибудь на четвереньки, почти совершенно нагого, в руку дают ему длинную палку, которую он должен держать так, чтобы конец ее выходил назад между ногами; на конце палки зажигают бересту, и луч самый блистательный готов. Рыбаки ходят без рубашки в одних панталонах; место остроги им заменяет метла. Они стараются поворотить луч в ту сторону, где сидят и стоят девушки, и бьют метлою по полу, представляя, что ловят разного рода рыбу.

Рыбы наловили. Нужно уху варить. Рыбаки поискали у себя в карманах, оказалось, что огня нет; луч погашен. Где взять огня? Решили, что посредством огня и кремня можно было высечь огня к целу. Целом, или челом, к печке называется место выше устья, на котором всегда бывает очень много сажи и с которого действительно достают огонь, когда нет труту: искры, выбиваемые огнивом, зажигают сажу... Хотя было несколько ненатурально, однако же, несмотря на это, среди чистого поля, на берегу реки явилась и печка, к общему удовольствию и восторгу зрителей. Еще с начала рыбной ловли в стороне стояло что-то на санках. Это и была печка. Когда решили присечь огня к целу, покрывало сдернули, и пред ясные очи почтеннейшей публики предстал во всей наготе человек, вымазанный сажей для большего сходства с печкой. Дикий хохот был знаком одобрения и похвалы изобретателю.

После того как артисты показали зрителям весьма поучительное и полезное ремесло, как можно рыбу ловить и уху из нее варить, если не найдется труту или

спичек в кармане и, по-видимому, негде взять огня, вздумали прокатить молодцов на кобылах. Это тоже один из мотивов отдиранья сукна и кованья разных стальных и железных вещей. На спину здорового мужика сажат парня, мужик берет [его] за руки и приподнимает так, чтобы тот не мог соскочить и чтобы ноги повешенного таким образом не касались земли, а сколько угодно болтались на воздухе. Двое других мужиков драли повешенного по спине, спрашивая: «Кого любишь?», продолжали свою работу до тех пор, пока парень не называл какой-нибудь из сидящих девушек. Тогда его отпускали. Но беда с этим не совсем проходит: девушка, имя которой названо, вооружается и начинает ругать: «Ах ты, пес пучеглазый, кобель ты эдакий, чтобы тебе язык отсох, право, отсох, кулику поганому...»

После этого побиения явилась нужда съездить за огурцами на верблюде. Действительно, в избу влезло что-то похожее на это весьма полезное животное и сильно стучало чем-то, представляя, что стучит копытами. Сзади шли два погонщика с кнутами. Приведа такое чудо в избу, погонщики приглашали желающего прокатиться за огурцами. Один из мужиков, по секретному условию с погонщиками, сел. Животное заскакало и давай возить седока по избе. Такая прогулка понравилась очень многим, и, когда кончил свое путешествие первый всадник, нашлось очень много охотников следовать его примеру. Сел мужик, не знакомый с обычаями села Никольского. Животное заскакало снова; мужик захохотал; но погонщики вдруг вздумали усмирять животное, чтобы оно не скакало, и начали бить кнутами не животное, а всадника. Тот было думал соскочить, попробовавши кнутов, но проклятый верблюд оказался с двумя крепкими руками, которые так сильно вцепились в ноги всадника, что ему не осталась никакой возможности оставить спину верблюда и сойти на землю. Погонщики усмиряли животное до тех пор, пока не устали руки, и всадник между тем орал во все горло, ругался ужаснейшим образом и проклинал все — и верблюда, и огурцы, и погонщиков, и самое игрище... Увидевши, чем может окончиться поездка за огурцами, все желавшие прокатиться на верблюде отказались от этого удовольствия.

Для сооружения такого верблюда обыкновенно ставят двух мужиков спиною друг к другу, крепко связывают их в таком положении кушаком так, впрочем,

чтобы они могли наклониться в разные стороны. В руки им дают по дуге, крестьяне должны заменять верблюжий ноги. Сверху все прикрывается большим овчинным одеялом вверх шерстью...

Чем дальше шел вечер, тем шумнее становилась опьяневшая от зрелища толпа; чем сильнее разгоралось игрище, тем большею дикостью дыпали картины и грязнее становились кудеса.

Теперь вся беда обратилась на ребятишек, которые, как известно, чрезвычайно любят всякого рода церемонии и зрелища. Обратилась на них эта беда не потому, что хотели от них скрыть безобразие многих картин, какие выдумывало опьяневшее воображение, а потому, что ребятишки обыкновенно мешают на игрищах, как и во многих других случаях, и еще больше — так, из любви к искусству, чтобы чем-нибудь позабавить почтеннейшую публику.

Первое испытание, которое обрушилось на бедных ребятишек, был рекрутский набор. Потаскавши их с печки, с полатей, из-за девушек, собрали среди избы, всех до одного раздевали, и доктор осматривал, способен ли представленный к военной службе. Кого доктор находил способным, тому давали щелчка в лоб и ставили в сторону; кто же оказывался неспособным, тому давали подзатыльника так, что он летел к дверям, однако же был очень рад, что ему дали затылок, а не выбрали лоб. Рекрутов поставили в ряды, провели их в ногу по избе раза два-три и наконец всех потаскали за волосы на полати. Ругань и самая энергичная ругань посыпались от ребятишек; они отлично умеют ругаться.

Ругань ребятишек навлекла на них новую невзгоду, какой они уже вовсе не ожидали. Стали солить снетки, и роль снетков должны были представить ребятишки.

В избе явился кузов или огромная корзина, сплетенная из сосновых драниц. В эту корзину посажали всех ребятишек одного на другого, когда они еще не успели одеться. Потом на них высыпали такую же корзину снегу. Это значит — их посолили. Ребятишки запищали, а выскочить было нельзя. В заключение для рассолу на них вылили ушат холодной воды. С визгом и неимоверной быстротой выпрыгнули ребятишки из кузова и ударились на печку и на полати одеваться и отогреваться. Там поднялась драка, потому что рубашки перемешались; ругань из броненосной превратилась в громоносную...

На время затихло волнение, остановились. Девушки и парни, битые больно и не больно, выступили на середину, и опять начались пляски.

Ребятишки, несмотря на приключения, не уходили с игрища и, кажется, твердо решили до конца стоять, что бы ни было, что бы ни делали с ними.

Между тем один мужик, не участвовавший в солении снетков, как-то подделался к ребятишкам. Мало-помалу они доверились ему. Мужик стал уговаривать их идти с ним ловить лисицу, представляя при этом, что они отколют такую штуку, что все животики надорвут. Такой блистательный успех разохотил мальчишек стать на этот раз не орудием и не вещами, с которыми распоряджались, как было угодно распорядителям; они должны были представлять роли охотничьих собак. Согласились. По условию, они должны были, увидевши на полатах связку соломы, лаять на нее; когда же эта солома от выстрела упадет на пол, всем броситься на нее и зубами разорвать в клочки.

Дверь отворилась. В избу вошел мужик, представлявший охотника, с палкой в руке. За ним следовали десятка два кобелей, т. е. мальчишек на четвереньках, лающих и воющих по-собачьи. Как скоро мальчишки увидели на полатах связку соломы, подняли головы и давай лаять. Охотник подошел, ударил палкою о полаты, подстрелил лисицу, т. е. солому. Солома повалилась. Еще не успела упасть она на пол, как ребятишки с собачьей яростью бросились на нее и действительно в одно мгновение растерзали на части. Публика смеялась, ребятишки радовались успеху... Но можете представить их обиду и оскорбление, когда они самыми неопровержимыми доказательствами убедились, что они терзали не простую солому, а солому, перемешанную с самою отвратительною грязью...

После такого промаха ребятишки подобру-поздорову убрались по домам: нужно же было как-нибудь вычистить рыло.

Но игрище не кончилось. Еще много было впереди. И так как почти все знали, что теперь бить уже никого не будут, то с удовольствием оставались все до конца.

Дверь снова отворилась, и вдруг чинным порядком пошли какие-то личности. Они были одеты в одни полушубки, сделанные наподобие фрака. Под этим фраком не было никакой одежды. Передняя личность, ревизор, важно несла в руках швабру в виде посоха, следую-

шая — горшок с сажей, разведенной в воде, и с палкою; это писарь нес чернильницу с пером; затем третья личность несла несколько бересты — это секретарь нес бумаги. Ревизор сел в передний угол, держа в руках швабру как знак его ревизорского достоинства. Секретарь с писарем сели у стола, поставили на него чернильницу и разложили бумаги. Прочие более мелкие чиновники стояли в почтительном отдалении и ожидали приказаний. Это значило, что хотят произвести ревизию. Ревизор помахал шваброй, что значило, что пора начинать ревизию. Два мелкие чиновника отправились к девушкам, схватили одну из них и подвели к столу. Секретарь сделал ей несколько допросов: кто она, сколько ей лет и проч. Писарь смарал палкой бересту, что значило, что он записывает.

На игрище много бывает мужиков из довольно дальних волостей: в селе есть волостное правление, куда по делам являются мужики и живут иногда довольно долго. На этот раз нашелся мужик даже пьяный, не знавший кудес села Никольского, потому что они составляют почти исключительную принадлежность только этой местности. Мужика уговорили за стакан водки выйти на сцену быком, ибо намерены вывести такие кудеса, каких никто видом не видал и слухом не слышал. Мужик, желая узнать, что это были за кудеса такие, и, кроме того, из угрождения почтеннейшей публике, согласился. Ведут мужика на четвереньках на веревочке; мужик мычит: публика хохочет так, что вся изба дрожит, мужик в полной уверенности, что его искусство заставило публику хохотать, ревет сильнее... Но в это время мужика шлепнули в лоб чем-то мягким. Мужик вскочил, как обваренный кипятком, и показал лицо и пушистую бороду, которую, я думаю, ему пришлось долго промывать, потому что они были похожи на физиономии коров после пивного праздника, потому что коровы имеют дурную привычку становиться рогами под те отверстия, в которые валят всякий сор, хотя очень хорошо понимают, что после чрезмерного употребления пива, во время праздника, желудки у хозяев и гостей бывают не в нормальном положении.

Эта выходка с мужиком означала, что убили быка.

Наконец затеяли потешить публику звоном. Выбрали человек пятнадцать мужиков, посадили их на полати и полавошники (полки, простирающиеся через всю избу над лавками). Каждого привязали веревочкой за ногу.

Каждый привязанный должен был издавать звук, подобный звуку того или другого колокола. Концы веревок были проведены на середину избы. Явился звонарь и давай подергивать за ту и другую веревку. Кто ощущал, что его тянули, издавал звук, и раздался такой звон, такой всеобщий бешеный хохот, выражавший восторг зрителей и слушателей, что изба дрожала в буквальном смысле, и все это прикрывали порой броненосные выражения, которые извергал тот колокол, который сильнее тянули.

Игрище кончилось. Синий утренний свет пробивался в окна и двоился с красноватым светом сальных свеч. Иетухи пели, телята мычали, овцы блеяли. Ночь прошла, наступило зимнее морозное утро.

Девушки и ребята запели песню и пошли по домам. За ними повалила вся толпа с шумом и криком. Долго неслась эта звонкая песня по утренней холодной заре, долго раздавался шум на улице. Ироснувшиеся старухи смотрели в окна, почесывались и крестились, или молясь за грехи молодежи, или вспоминая грешки своей давно прошедшей молодости...

Надобно заметить, что не на каждом игрище выводятся все те кудеса, которые мне случалось видеть и которые я описал. Иногда их бывает меньше, иногда больше. Бывают такие кудеса, каких и описать невозможно...

К. Завойко
В КОСТРОМСКИХ ЛЕСАХ
ПО ВЕТЛУГЕ-РЕКЕ

СВЯТОЧНОЕ РЯЖЕНЬЕ

В ряженье принимает участие как молодежь обоего пола, так и пожилые мужики, и даже старики; только бабы мало принимают участия, их не принимают за их «длинные языки». Особых ролей в организации игр не замечается: рядутся обыкновенно кто как вздумает, кто на что горазд. Из более выдающихся масок можно отметить следующие:

Смерть, покойник, мертвец¹. Мужчина одевает рубашку белую, штаны белые, онучи белые, лапти новые с веревками, перевитыми, как у живого, поясок домотканый; лицо покрывают платком или одевают личину (маску), деревянную дол б лену (или из бересты), страшную, неприглядную.

«Мертвеца» кладут или на салазки, которые двое ребят везут в беседку, в избу к девкам, или на доску, которую несут несколько человек, с воем и плачем провожающих родителей, братьев и сестер. В избе мнимые родственники покойника зовут девок или просто волокут прикладываться к покойнику — в рыло целовать или даже в «шишку» (Ветлуж. у. Костр. губ.).

Мельник, мельница. Мужчина вдоль скамейки лягот², пологом накинута; под скамейку подставляют черепенью (горшок) с камушками. Лежащий рукой водит в черепени, а камушки брякают. Рядом становится другой парень с лукошком со снегом; он берет рукой снег из лукошка и кидает на девок — это мука пылит, распыливает (Ветлуж. у. Костр. губ.).

Кулашник, накулашник. Парень накидывает на себя с головой полог как саван и оставляет свободной только одну руку. В один из верхних углов полога «в кулак» навязывает ошметков (старых лаптей), тряпиц

---

¹ Здесь и далее курсив К. Завойко.

² Автор очерка иногда употребляет диалектные формы слов, а также диалектную и просторечную лексику (рыло, рожа, кут и т. п.).

и даже камушков. Другой парень (не ряженный) подводит по одаой девке, каждую задом к накулашнику, а этот последний «рукой смотрит, где куна (зад)» и бьет по заду с довольно большой силой. Когда побьет всех девок — уходит (Ветлуж. у. Костр. губ.).

Говядина. Вносят в избу совершенно нагого мужчину на стяге (шесте), пропущенном через связанные руки и ноги, наподобие говяжьей туши. К туше зовут девок или если которая прячется, то силом вытаскивают и предлагают кусочки говядины, по большей части срамные (Ветлуж. у. Костр. губ.).

Барышня, девка. Парни одеваются в сарафаны или в женские платья, причем юбки одевают таким образом, чтобы из-под каждой верхней юбки видна была следующая нижняя и т.д. Некоторые наряжаются при-этом беременными, и тут же во время пляски «роженицы» выпускают¹ из своего «брюха» ребеночка — куклу (Ветлуж. у. Костр. губ.).

Солдат. В солдатскую форму часто одеваются девушки.

Кроме того, ряжутся *стариками* — горбы делают страшные, *коновалами*, *шестиперами* (шерстобитами), *Петрушкой*, разными *пугалами* в виде стариков и *чертом*, — навязывая на голову кудели, чтобы быть хохлатым, косматым, и вычернив рожу (без рогов).

Лошадь. Два парня кладут на плечи две палки, связывают их (чтобы не разъезжались) и накрываются пологом. В передний угол полога набивают соломы и делают лошадиную голову, на которой рисуют углем глаза и нос; сюда же продевают ухват, который образует уши («где ухват — уши живут»). Лошади узду одевают, ширкунчики (звонки и бубенцы) навязывают на шею («где шея живет»), и верхом на нее садится человек. Так въезжают в избу на беседу, причем лошадь двое ведут, т. к. она благует (скачет) шибко. Первый парень под пологом держит ухват и фыркает к девкам по-лошадиному. Свободные парни ловят девок и пихают под одной под полог — «девками кормят лошадь». Затем подходит покупатель: «Отдай, дядя, лошадь!» — «Купи!» Седок слезает, и новый хозяин берет лошадь за повод; слезший торгуется с тем, который за повод лошадь взял; лошадь в это время повалится. Купец к седоку: «Надо,

---

¹ В тексте «выпуская»; вероятно, пропущено слово или допущена опечатка.

бать, вылечить ее; ты, бать¹, знаешь молитвы, — вылечи!» Седок читает «молитву» (неприличнейшие стихи). Лошадь встает, и новый хозяин уводит (Ветлуж: у. Костр. губ.). Иногда лошадь делают из соломы при помощи одного коромысла, и парень выезжает на ней верхом как на палочке.

Подобным образом рялятся коровой, и также ряженые сопровождаются нескромными выражениями.

Бык. Парень с горшком на ухвате накидывает полог. В таком виде вводят его в избу; здесь он помычит около девок, махая головой, как бык. Находится покупатель и торгует быка. Когда сторгуются, то кто-нибудь из толпы бьет по горшку и он разбивается, а «бык» быстро срывает с себя свой наряд и убегает, по возможности незамеченным. Гуляющие в избе парни вынимают тогда заранее приготовленные соломенные жгуты и бьют девок со словами: «С кем быка ела?» Девки визжат, прячутся, а когда парни всех побьют, покупатель берет полог с ухватом и уходит домой со словами: «Надо хоть шкуру взять да идти домой — быка съели...» (Ветлуж. у. Костр. губ.).

Курица. Парень берет две вывороченных шубы, причем одну одевает ногами в рукава и перевязывается поперек, а другую накидывает так, чтобы укрыть голову, и продевает в рукав длинный крюк. Ходит в таком виде, подражая курице, и клюет девок по ногам (Ветлуж. у. Костр. губ.).

Подобным образом рялятся *гусем* и, кроме того, *ледведем*.

Святочная игра «*Межовка*». Один из парней идет в кут, берет веник и ставит на пол, а на веник кладет палку, которой целится (визирует), подражая землемеру, в противоположный кут, где собираются девушки и с ними один из парней. Остальные парни становятся между кутами в две шеренги с жгутами. «*ежевой*», направляя свою палку на какую-нибудь девушку, говорит: «Василий (парень в куте с девушками), сруби ту сосну (если девушка рыжего цвета)» или: «ту березу (если девушка белокурая)» — и так далее. Парень берет указанную девушку и посылает ее в противоположный кут между двух шеренг парней, которые бьют бегущую девушку жгутами (Ветлуж. у. Костр. губ.).

В день Крещения Господня те парни, которые маски одевали, купаются в реке — им велено (БДордвин. вол. Горох, у. Влад. губ.).

---

¹ В тексте в обоих случаях «бат», но, вероятно, это опечатка.

ИГРЫ РЯЖЕННЫХ ТОРОПЕЦКОГО РАЙОНА ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

1. БОРОВОК

— Поросенком? Ну, вот одеют меня, примерно, в такую — в кафтан такой вот — одёжину поплоче. **Я** захожу на четверёнках.

— Как поросенок идет, согнувши.

— Хру-хру-хру-хру-хру — это, как поросенок. А тут другой с соломой — пук соломы связан. (...) Так вот, с соломы сделана. **И** вот одного так сделали (он и шас еще жив), боровком нарядили. «Боровок, боровок, покажи рыльце!» — «У-у, у-у». **Во**. **А** в солому взяли и завернули, да...

— Кал просто. Кто-то там навалил в солому.

— **Да**. **В** солому эту вот завярунули и пучок связали вот такой. «Боровок, боровок, покажи рыльце!» — «У-у, у-у». **Да**. Он его как вдарил этим, как ее, пучком, только дрыжки по сторонам. **И** вот он, слушай, как вскочил и пошел. **И** больше не пришел.

— Где ж там — таким угостили!

2. СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ

Подкупили, наверное, как-то раз, могли заплатить, что ли. (...) Посадили яво на печку и заставили кальсоны снять, чтобы задница была одна только [голая]. Ну вот: «Шас,— говорят,— и солнце взойдет». Ну, когда это открылоси, занавеска — **а** у него задница-то голая! Потом: «Шас солнце спрячется». Хлоп яво ремнем по этой — поняvole спрячешься. Вот такие глупости были.

3. СОЛОМОН

Соломона, бывало, принясу́т в корзинке. Посодю́т мужчину и подводят девок — кидай ему в задницу

(опять здыка́лися). Вот тамо-тко посодяты горбушкой, задницу покажут и девок и подводят: кидай ему в задницу горохом **аи** чим тамо-тко. От, ето Соломон был.

4. РАСЩЕПИХА

Расщапйхой наряжались. Тоже оденуть белую рубашу большую и бегают: «Иойдем-ка девок тискать».

5. ГУСЬ

Придётся. Ходить, клюёт. Всё девок мучали. Гусь, да. Всё девок. Особенно если какая ня нравится. Или нравится, **а** он ей ня нравится. Вот тогда он начинает наряжаться. Иойдет по девкам.

6

Гусем делались. Идет гусь. Шубу вывернут кверху шерстью. Сделают с палки нос такой. Ну, допустим, такая длинная палка. Сюда привяжут нос, чтоб был — маленькую палочку, заострят её. **И** приходит согнувши. **А** рука в рукав [просунута], чтоб клевать. Ну вот, **и** ходит, девки визжат. Он: долбых, долбых. (...)

7. МЕДВЕДЬ

Я так, допустим, мядведем любил наряжаться. Ну от, бярешь большую шубу. (°аньше в мужиках шубы, тулупы были, ездили в извоз, вот до Торопца на санях ездили.) Вот эта, выворачиваешь вверх шерстью, понимаешь? Ну и вот, залезаешь туда, в рукава, эта, руки, понятно? Ну, и ноги там завязываешь, маску такую делаешь. (...) **Из** картона там придумываешь, потом обтягиваешь тоже шкуринкой такой, ну и получается мядведь. Один, значит, мядведем, **а** другой на веревочке его водит. Ну, и приходят. Вот выбирали дома, где гулять — избы, короче говоря, деревенские, какие-то покрупнее чтобы были, кругом, значит, скамейки поставят. Народ это, сидит на скамейке — ну вот, наряженник этот выходит на круг. Ну это, значит, тут люди просят: «Миша, как вот этот парень к девушке ходил?» Понял?» Ну вот, он показывает, как. (...) Ну вот, идет тихонечко так, пробирается, значит. «Ну, как проводил?» От, забирает, это, какую-нибудь девушку так, под

лапу, и ходит с ней по кругу. Ну, и до того доходило: «Как парень с девушкой спит?» (Знаешь, у нас в деревнях раньше было так это принято: ну, молодежь до двадцати лет, до службы, ходили вот, дружили, там, парень с девушкой, ну, и вот даже спали на одной койке, понимаешь? Ну, плохого они ничего не делали, просто вот такой обычай был.) Ну, даже до того доходило, что девушку возьмет этот мядведь и на пол, и ложится с ней, обнимает ее, понял? Вот до какого дела доходило.

8. САПОГИ ШИТЬ

Сапожником [наряжались]. «Ну-ко подойди, давай твою ногу сюда». Ногу **ты** подашь, он мерит, потом возьмет — и платье подымет. Вот это гляди **за** ним. Ну вот, и скажет: «Сошью тебе сапоги».

9. БЫКА БИТЬ

Быка били. Парень станет на колени и на руки, подбирает горшок дырявый, держит горшок на палке, (...) бык накрыт шубой. С ним мужик, ведет быка **за** веревку: «Надо быка резать». Ударит по горшку. Бык убегает **за** порог, кожа осталась. Мужик кожу трет — выделяется. Сажает девок на скамейку, мерку снимает с ноги веревочкой: «Докуда тебе — досюда, досюда аль выше?» Которая рассердится — побежит, фыркнет.

10. БЛИНЫ ПЕЧЬ

Блины пекли, это было точно, помню. Мальцы принимают, значить, с улицы снега, в ступку такую деревянную положуть — это как бы масло, что ли. Лопату такую возьмут и этой лопатой девкам под жойу. Девки визжать, убегают от их, **а** мальцы **за** ними да **за** ними. Это было, да.

11

Ну от... блины пякут. Блины. Щас сняжку ведро [принесут]. Раныне от лен тряпали, тряпалкой, да. От девушек подводят и [трепалкой со снегом] (...) — под задницу — оп-ля! Ай-яй-яй! Готово... Мушшина косил. Косил. **И** потом косу точить и кричить: «Баб, косу точку...» [Бабка] — тоже мушшина, нарядивши в жен-

скую одежду. {...) • А он говорит: «Косу точу, косу точу... Баб, блинов хочу!» Вот она и появляется с этой лопаткой. Таперь блины.

12

Там черт знает чего рядились, они делали. И там они и в бабы с дедом, блины пякли. От, бывало, придет дед, сюда сделает такой горб большой, такую большую одежду оденет и вот идет: кочерга в руке — это он косить еще будет сено. Косит, всюду косит, а потом и приходит ета вот «баба» (так поэтому называлась). (...) [У нее в руке] лопатка такая большая — ну, раньше она была тряпалка, вот как лен тряпали-го, вот. И вот начинает этот дед... (Там, которые еще так, ну такие хорошие девчаты, так их еще это, помилуют. Ну а такие — есть же всякие, были и раньше, такие, вот эта, ну, как сказать, неавторитетные, короче говоря.) Вот он сейчас начинает этот дед: эту девушку подводит, а эта баба носится кругом с этой лопаткой, Боже ты мой, думаешь, ну шас убьет. Так по заднице — раз лопаткой. Если только хорошая попадетса девчонка, то она тихо-нечко ударит, а если уж такая, то она так хлопнет, только держись! Искорки с глаз!

13

Блины пекли. Снегу зачерпают плоской и девку по заду бьют: «Эта горячие любит блины, ей одного мало, надо еще добавить».

14

[Приговаривали при игре в блины.]

Вот тебе пляшка сала,
Чтоб пизда на место встала.

15. МАСЛО МЕШАТЬ

Масло мяшали. Придеть баба с вядром, снегу в вядре намяла и будить девок: «Пришла к той тетке, говорю: «Дай смятанки». А она говорит: «Да вот, сосед ходит, всю смятану съел». Она [ряженная] говорит: «Я и пошла, и пошла, пошла к другой соседке. Прихожу к соседке: «Дай смятанки!» — «А вот ходит тут такой Сашка, всю

смятану съел, и нету тебе дать». Вот такие были. Женщина наряжалась, ведро со снегом [приносила]. Потом пякли блины. Ну, это надоть тропалка [т. е. трепалка] такая большая у женщины, у ней снег в ведре. И приносили девушке, парень или мушшина подносил. Подносят к этой женщине, а она нарядившись, та женщина, которая снег в ведре [мешала]. Она этой тропалкой померит тут так, покрутить сняжку и по заднице лопатой. Женщина наряжалась, а мужчина девок подымал — их так же не приведешь. Ну, ведь все сразу убягают. Дверь на крючок, один стоит на двери, чтоб все были.

16

А масло мешаешь: садится, накрывается женщина, вот и там возьмешь эту, чаво-нибудь, рогатку, каку кастрюльку — и мешаешь и приговариваешь: «Вот пойду я — начинает прежде с краю дярвени — пойду я к той... женщина, хорошая женщина, дасть мне маслица... Ну вот... Зашла я там, говорить, вот то-то, то-то у ей, маслица нету — ну не, пойду к другой». Ну, там еще с прибауньками: кто дал, кто не дал, кто что ответил. Вот такие, так и дальше, и всех проидеть, всех тогда. Потом спляшет, эта Васиха. Васихой называли, бывало. Васиха. [А кот у нее не было? — Соб.] А-а-а, бывал, точно-точно, и кот рядом. Точно, ага. [Васиха говорит:] «А я поляжу-поляжу», — а ён ей в масло вбярется. Точно-точно. «Вот я поляжу,— это Васиха,— не, ой, уморилася, поляжу». Она это масло поставит, а кот в масло вбярется.

17

[Приговаривали, «мешая масло».]

Маслице мешаю
Из пизды вошей тягаю,
В масло бросаю...

Пошла в деревню, вот пришла я к Маньке: «Дай мне, Манечка, масельца, хоть чуть-чуть». Она говорит: «Не могу я тебе дать. Я б дала, да приходил кот Ваньки Кузнецова, все масло осадил».

18. ВОЛКИ И ОВЦЫ

Волком [рядятся] — шубу вывернут из овчины. Сперва приходит пастушка, как бы овец пасет. Тут вбегаёт [волк]. Схватит девку. [Пастушка говорит:] «**Ой**, бать, овцу волк украл. Хорошая овца, породистая. С тем-то бараном гуляла, покрывши была». Здесь и «суд судили».

19

А потом Васи́ха пасеть коров. Мушшина сделавши на бабу [т. е. наряженный в женщину]. Надета бабья худая какая-нибудь [одежда], где-нибудь у старухи делается. Юбочку долгую такую, какую-нибудь кофту, и рваную даже, подпояшутся тутя вярёвкой, и потом и вярёвку нясёт. Вот где-нибудь привесить эту вярёвку, прибил что-нибудь к матице. Сделають, чтоб он качался, качельку такую с вярёвки. Вот эта пастушка платок подвяжет, там ня знаешь, хто даже накрывши. **И** качается, а мы коровы, наверное, будем, а мальцы, сделавши волкам, обязательно будут свою хватать, с какой гуляет, какую любит больше. Три мальца сделаются или два когда, шубы выворочут чисто-гладко, подпояшутся тут вот рямнем и стоять в снях. А Васи́ха в избе: «Тось, тось, тось, коровки ходють, ну, слава Богу, поляжу, подрямлю». Дяржится за вярёвку и дремлет эта Васи́ха (называется Васи́ха). А в тот момент, когда она притихнет так, мальцы — бяжать. Тут скорей сядишься, чтобы мальцы ко мне другие сели [т. е. чтобы на колени сел неряженный парень] — ня хочется убягать. Нет, выдернуть, кого захочешь, с-под низу выдернуть. (...) **Да**, и в сени. Ну тут, конечно, ня страшно, только так ня хочется — свой малец, только выворотивши шубу. Ну вот, там поговоришь, постоишь и поцалуешься. (...) А эта Васи́ха спить, потом она и проснётся. Нет, только уволокуть мальцы, так она сразу, так она сразу считает [коров] — ня все. Вот потом и манить. «Это раненая, — говорить, — пришла, ох, тпрусенька моя. Ну, а эта ничаво».

20

[«Пастушка» кричит «батьке», когда «волки» унесут «овец»:] «**Ой**, батек, такую хорошую овечку уве-

ли, **за** ней такой-то баран ходит. Ну, чёрт с ей, батек, она не покрывается! (...) Батек, барана унесли! **Да** ладно, батек, чёрт с ним. Он лазает по колодам, не видит яслей, курносый». [Потом «батька» уходит, «пастушка кричит»:]

«Все мои лета
Волка дома нету.
Пестрый хуй,
Вострый хуй —
Сюда, сюда, сюда!»

[Снова прибегают волки, и все повторяется.]

21. МЕЛЬНИЦУ ЧИНИТЬ

А потом наряжались этим, мельницей. Мельницей. Тоже человека привязывают к этый, к скамейке, к заднице веник привязывают, ну и вот он хлобышшет там, так-то привяжут... **А** потом: «Стала мельница!» **И** от ребята нас ловють и **в** задницу [«мельнице»] этот, клин, вбивают. Головой туда. Чтоб опять молола мельница.

22

Мельницу строили. Принесут человека (кто там, не знаю). Скамейка стоит посреди избы, его положат, накрыто [т. е. «мельницу» накрывают тряпкой]. Палочка взята — он поххывает. **На** печке мельник, шуба вывернута. Ну, он [«мельница»] заххает — что-то стяралось. **Подходит** [другой ряженный]: «Дед! Лезь долой с печки! Дед! Лезь! Мельница стяралась!» — «О, её! Что тут такое? Надо чинить!» Ну вот, берут девушек и подводят целовать. Вот. Ну, девушки прячутся: знают, что стебают [если не захочешь целовать]. **И** вот его целуй — туда, под эту тряпку. **А** если ему не понравится, то он возьмёт плюнет. Некрасивое дело было.

23. КОНЬ

Ну, вот там конём наряжались, понимаешь? Лошадью. Ну, мол, «конём» у нас называлось. (...) Да, под конём два человека, скамейку такую ставили тоже [как спину коня]. Голову у лошади делали, потом накрывали это одеялом. Ну, и получалось как лошадь. Вот покатать возьмут девушку какую-нибудь, посадят туда и катают её

В это время, когда катают, конь сломается, сейчас рухнет. Ну, и пойдй: «Чини коня!» Вот туда ее сажают под это одеяло, она целует этих парней, которые там.

24. ВЕРЕТЕНА ТОЧИТЬ

От стоять мушшина **на** этый, **на** скамеечке, и веретена точить. Такая сделана палка круглая [висит у ширинки]. Сюды такая нитка натянута, и от он (...) стоять:

«Верятена не точёна,
Только пятка золочёна,
Я точу, точу, точу,
Подкузьмить тебе хочу».

Потом: «Хули, пятка прочь!» — и полятить эта, верятена. [Девушке говорят:] «Ну, подьпии!» Подьши — **а** куда вешать верятено? Тоже, палец **в** ширинку вставлено [у ряженого] — на этот палец. Ну от, девки не идуть, все это, знаешь, неудобно... Все равно вядуть. Повесють, опять начинают точить. Все время так... [Это он рукой палец ставит? — **Соб.**] Гукой. **Да.** Гуну. Вот верятена как точили.

25. СИТЕЦ МЕРИТЬ

Да, рядился обязательно парень. (...) Не очень хорошо одетым почему-то. Смешно чтоб. Вывернуто что или пиджак какой-то. (...) Перемазан сажей или краской. (...) Красное и черное нарисовано. Ну вот, ставят его посередке. (...) Палка между ног: в ширинку вставлена и на веревочке в рукава протянута. Он как руками махнет, палка и подыметя. [**И** кто-то еще с ним был? — **Соб.**] **Да**, кто-то еще с ним. [Как наряжен? — **Соб.**] Посмешному. **И** начинают подводить девушку. **И** говорит: «Вот ей в этом году замуж ийти, парень вот хороший (или плохой), ей нужно побольше ситца отмерять». [Это говорит тот, что рядом стоит? — **Соб.**] **Да.** **А** это девушке ведь неудобно. Ведь такую палку сделают красивую. Разукрасят, как надобно ей быть. Где **на** кончике красно, где белым, где рубечком, так это... Небольшая такая палка, и отмеряют.

Баба одна на стулу (на святках тоже). И вот, подводят невесту с женихом, которые гуляют, а у ней привязан такой-то поршень, [а] то лапоть. ^растягивает [веревки], а этот поршень вот сюда [по животу] бьёт. Вот она тесёмки эти отмеряла, замуж кто идет, как фату на свадьбу делала, вот так сама себе по пузу бьет и бьет этим лаптем.

Стоит человек на лавке во весь рост. Вот, а на гулянке народ. На двери уже стоят, чтоб девки не убежали, чтоб все видели: «Судить» будут. Одет он во всё белое. Морковина выбрана побольше, красная вся до крови... Привязана у мужика сюда [между ног] морковина, и в рукавы [веревки протянуты]. Вот подводят девок. Примерно, меня поймали, ну вот скажут: «Зина Логинова, сколько тебе метров тесёмки надо?» Ну, если побоевей, скажу: «15 метров отмеряй!» Ну, этот раз махнет, морковина вот сюда [поднимается] — и 15 раз. Ну, они 15 раз отмерять не будут. А если кто такая, что может правда морковку эту видела, стоит согнувши. «Сколько?» — «Нисколько». Так могут и 20 отмерить.

[Приговаривают, «меряя ситец»:]

Ну чего тебе —
Атласу,
Канифасу,
Мужичьего припасу?

Ситец, бывало, продает. Станет на лавку — за пояс шматы засованы. Подводят девок: «Выбирай, какой тебе?» И подымают этот:

«Раз — еби вас!
Два — хуй нá!
Три — ладонью пизду подотри!
Четыре — тебя выебут в сортире!
Пять — поебут опять!

Шесть — на пизде шерсть!
Семь — заебут совсем!
Восемь — выебут и бросят!»

30. КВАСНИК

Квасник еще был. Ну, это очень странный игра была. **Я** так хорошо-то ня помню. Ну, как? Сидит квасник, ну, там, малец или мужик, **а** девок подводят будто квас цедить, ну, и они должны тогда **за** явó «руль» браться, ну это как бы значить цедить в шутку. Вот такая игра.

31

Квасник — небось, небось, водой лили. **В** кваснике, например, сделают что-нибудь, что он сикаить, что-нибудь пристраивают, так что. (...) **Ну** вот, например, хоть эту возьмут, во что воды наберут. Ну, и будут, будут наливать квасу: и в глаз, и везде, чтоб смешно было, и в глаза прыснуть. (...) [**А** что говорят? — **Соб.**] Что причитывают? Причитывают. Все причитывают. Раз что делают, то и говорить. «Кваску,— да, там приходиться, вот,— кваску не желаете, кваску?» Ну, и наливают, наливают: и в гла́зы, и всё, **и** везде.

32. МЕЖИ НАВОДИТЬ

Игра «межи наводить» заключается в том, что ряженого парня или мужика кладут **на** спину с закрытым лицом и вынимают его половой член, изображающий межевой столб. После чего объявляют, что межа «упала», и силой заставляют девушек ее «поправлять», «ставить».

33. [СЛУЧАЙ РЯЖЕНИЯ.]

У Явгении Михаловны от мачеха была. Она нарядилась. Ну, ня помню, кем же нарядивши... **Ты** понимаешь? **И** она сделала с этого, с гандона, вот как хер красный. **И** от, ты понимаешь, она **за** это чуть под суд не пошла тада́. Ну, мы яшшо рябятими были, **а** она уже взрослая была, Михаловна... Нарядилась... Такой с Полибина [название деревни] Колька — не пондравилось

ему́, что она так, страмошщину такую нарядилась. **И** подал **на** яё. **И** от она ходила — молилась, просилась...

34. ПОКОЙНИК

Скамейку поставят, лягеть ма́лец. Накроють простыней белой, чтоб не видать, кто под лавкой [там еще один человек] (...). Подводят девку — целуй этого покойника. **А** тот, что из-под лавки,— **хват** под юбку.

35

Покойника делали. Возьмут, положуть, зубы с картошины делали, и сюда высоко так зубы торчат. **Аи**, страшно, някрасиво. Прбстыню накрыто, ящё толкушка поставлена, шевелится, чтобы «хуй стоял». **Вот** эта толкушка там шевелится, **а** яё вядут целовать (хоть меня, хоть кого, девку другую какую). **На** гулянке ведь девок было, Господи, сколько! **Вядуть** яё целовать. «**Ты ж** подяржися вот!» **А** он там шавелится на прбстыне. **И** целовать эту картошину. Возьмут лапоть (лапти ж носили раньше), в лапоть уголек положить, чтобы он там дымился, как кадило. Молитвы читали: «Господи, Господи...» Дымок идет. Только девкам делали, чтобы они **за** толкушку **за** эту подержались, чтоб у зубы целовали. **А** зубы ж с картошины страшные, большие такие.

36

Это страмшина. **У** нас в Манушкине покойником брат брата наряжал. Ну, к скамейке привязал явб этим, вообще, вярвкой. **Чтоб** он ня ушел. Приняли яво на этой скамейке сюда на гулянку. **А** мы, дявчонки, что ж мы... Нам тоже стыдно было... Вытянули хярённо явбный оттудова. **А** женщина... **Мы** ж ня пойдём шшупать, **а** женщина, та, которая старая, подошла, пошшупала, она говорит: «**И** правда, хер!» Ну, от так. Этот-то рвется, понимаешь, от скамейки долой, **а** яму ня оторваться ж. **И** все. Посмеялись, посмеялись, **а** что ж — мы дявчущки были, кóло нявó. Посмяялися. **А** он так и убёг сразу, как вярёвку отвязали, ну и больше на гулянку ня пришёл. Ну... от как покойником наряжались.

Иокойник лежит и каток, которым чугуны закрывают, держит. Он смеётся, а каток торкается. Приходят дае женщины и голосом плачут по покойнику. По покойнику-то плачут у головы, а они у ширинки:

«Дорогие мои подруженьки,
Возьмите меня под рученьки,
Подведите меня к ёлочке,
Накопайте живой смолочки.
Залепите тую дырочку,
Куда лазили с дубиночкой».

Тут покойник захохочет, а девки говорят: «Подружка, погляди, он уже дышает!» А другая: «Подружка, погляди, он уже пихает!»

Покойник ляжить в белом, а поп сделается как-нибудь. ^риза какая цветная, шапку вывернет, не такую, чтоб ушанку, а другую. Потом возьмёт, ну хоть рукомойник, с глины такие были. Набросаешь туда уголья, ходишь, кадишь и поёшь:

«Сидела на мяжи, копала коренья.
^раскололася пизда, вылилось варенье.
Садилася барышня на коня буланого,
Не боялася езды, боялася тряски,
Расщепилася пизда на две плашки.
Приехала к ёлке,
Накопала смолки,
Приехала домой,
Залила пизду смолой.
Удивительно, усмяшительно.
Помяни, Бог,
Трех ^матрех,
Лисицу-девицу, Зайца-младенца,
Покойного Тихона.
Которые со свету [вариант: «с пизды»] спиханы». [Плакальщицы, плача над покойником, поют:]
«Кил-был — шевялил,
И помер — не забыл».

В покойника, помню, играли, да. Ну, накроют явб чем-нибудь белым, зубы из картошки вставить. Покойником любой мог быть: малец или мужик даже жанатый. Ну и подводят девок к яму целовать. Они не хотят, конечно, ведь страшно. Так их мальцы силком подводили, **а** он, покойник этот, на них бросается, на девок-то. **А** лицо все вымазано, рубаха на нем длинная такая, на ногах вроде как лапти с вярёвкойю. **А** вокруг няво поп ходить с кадилом и приговариваеть всякое там страмное:

«Аллилуйя, аллилуйя,
 Кому спросить, тому хуя.
 Погляжу под кровать,
 Пизда едет воевать.
 Погляжу под рукомойник,
 Пизда едет, как разбойник».

Вот так хóдить поп и поёт, **а** сам во всё чёрное одет, как всё равно монашка, голова покрыта. **А** потом, бывало, этот покойник переоденется, приходит уже обыкновенным на гулянку.

[Отпевали покойника:]

Помёр Максим,
И хуй с ним.
 Положили в гроб,
 Мать его ёб.
 Крышкой закрывали —
 Хуем забивали.
 Стали хоронить,
А у Максима хуй стойть.
 Жил-был — шевелил,
И помер — не забыл.

41. СТУЛЬЧИКИ

И стульчиками наряжались. (...) От собярут ребятишек, которые постарше, поумнее парни, собярут ребятишек. Ребятишки эти выворотят шубу, лягут. Ну,

и потому он приходит, этот дед-то ихний, который приносит их. Иринесет, от так в ряд уложит, потому палкой торкает их в задницу и говорит: «Где ты был?» А ён и говорит: «У попа». — «А кого сделал?» — «Овец пас». — «За что?» — «За чашку конопель. Иоцеловать тяперь!» [Вариант: «За чашку солоду. Поябать с голоду!»] — «Кого?» — «Вот тую-то». Вот дявчаты выходят, и цалуют их еты ребяташки, так вот.

42. «ЧЕЙ ХЕРОК?»

Иринесут солому. Туда ребяташек посадят и водой поливают, чтобы говорили. «Сынок, а сынок, чей у тебя херок?» Он и скажет имя девупси.

43. ЛЕС КЛЕЙМИТЬ

Лес клеймили. Ну, щас прихóдить. Что у нявó — ну, от такая толкушка: кляймо, кляймить, да. Ну, он прихóдить. Подводят девушку к няму. И вот он ходит и шшупает всё, ну: «Эта пойдёт на экспорт...» Ну, яшшо приходит туда-сюда: «Эта пойдёт на дрова. Нягожа. На дрова только». Всё. Третью (девушку подводят). Подхóдить. Постукает: «О-ой! Там дупло! Эта только пойдёт на колоды, на пчёл». Дупло, значить. Для пчёл хорошая колода будет. Пчёлы будут жить в ей. [А как он клеймил? — Соб.] А вот, по заднице.

44

От был тоже судья. Это лес клеймили. Ну, от ходить мушшина, это, с этим, с ружьём. Повесить ружьё на бок. (...) Я думаю, что с палки [ружье было сделано]. Ну, и приводят девок судить. (...) От он на эту, на сярёдку, привóдить... Если девка хорошая, аккуратная, то, мол, это бревно тоже, хорошее это пошло, ня будут смяться. А если уж девка такая, неаккуратная, или живот большой — говорят: «Там шершни». Послушает, к животу ухом, говорить: «У, там пустое бревно. Шершни жужжут!» Это — прочь, в отставку. Вот так наряжались этим. Слушал этот, лясник. Мож, и судья слушал? Нет, по-моему, лясник.

45. ХУЛИНКИ НАКЛАДАТЬ

Еще так, помню, было. Такой Марчин суд. Марчин — это судья, что ли, такой (ну, в шутку). Ну, и па-

рень какую девку [выбирает] и приговаривает так, а сам ее ведет: «Марчйн, я высватал». А Марчин и отвечает: «Девка добрая, добрая, только хулинка одна есть: ишла, да обоссалась». Ну, или другое что. Например, в одежде хулинка какая есть: одета, значить, плохо. Ну, все помяются, и всё.

46

Потом ещё какие-нибудь шутки. Вот два человека накрывши в одеяле и качаются, а кругом него ездят на кочерге и глядят какую девку. «Вот какую девку я сосракал». — «Ой, она на избу пахала — соломина туда попала», — там гомонят, которые, значит, качают. Вот он опять ездит кругом, ездит и оглядывает, кому ещё сказать: «Я девочку сосракал». Чудили, бывало, с Рождества и до самого Нового года.

47

Женились. Два мужика сядут на скамейку, накроются. Третий мужик ходит, жениться хочет. Накрытые говорят: «Девка хорошая, да одна хулинка есть:

«Стояла на плоту,
Обмывала еботу.
За чашку круп
Засадил по пуп.
За копейку меди
Ебли волки и медведи».

48-52. Х&ГСИНКИ

Сидела на тыну,
Давала петуну́.

Катка спит,
А на пизде кошка сидит.

Чашки-ложки мыла,
Гостей поджидала.
Гости — в избу,
Ложки — в пизду.

В трубу лазала,
Пизду сажай мазала.

Давала быку сено,
Бык как боднул — она и села.

53. СУД

В ряд мужчины становятся, выбирают судью. Парень подходит к мужчинам, жениться хочет. Они говорят про девку:

«За водой пойдёт — обольётся,
За хлебом пойдёт — обожрётся,
Солому понесёт — волокётся.

Куда ж ты её берешь? Она — потаскуха, растаскуха». Или: «Девушка хорошая, девушка скромная».

54

Суд судили. Привели [девушку]: «Сколько время ты гуляешь, а всё не покрываешься?» — «Капуста моя посередке сгнивши».

55

Суд судили. Девку подводят: «К тебе парень ходил?» — молчит. Судья и поп её бьют. «Говори правду!» Она: «Ходил». «Яишное мясо в руках и портках носил?» — «Носил». [Объявляют приговор:] «Сто раз поцеловаться, один раз поебаться».

56

Плетка в руках, стоять [судья]. На стулике стоять, а помощник стоит кбло него, рядом, на полу. Ну, подводят девушку с парнем: «Ходил он к тебе?» — «Ходил». — «ТКивое мясо носил?» Как сказать — это страшное слово. Ну, сейчас её начинают плеткой стябать: «Говори!» А она и так и сяк — всё равно припирают: «Куда дявала?» Ну, кто отчаянный, смелости хватает, скажи: «В пизду ткала!» Тогда тые отстают. А до того всё плеткой её стегают, если не признается, долго мучают.

57

[Судья]: «А что он ей носил? А живое мясо, говорят, носил? Ну, а она, говорит, тебе киселек парила?» — «Парила!» — «А ты ей что-нибудь правил аи не правил?»

Он [ряженный] подводит, которые они знакомы, барышня с кавалером. И подводят, а он судья, судьи там на лавках стоять, нарядивша в шубах, и говорят: «Он к тебе ходил?» — «Ходил». — «А мясо носил?» — «Носил». — «А куда ты девала?» — «В пячурку клала». И начнут её стягать, плетки такие у их в руках.

Суд судили. Сидит мужик, а к нему подводят, что вместе гуляют. А он их спрашивает. Кто отпирается, не хочет отвечать — тех плеткой. А судья на стуле стоит. А может, двое судей было, сейчас не помню. Так вот, тот на стуле спрашивает: «Дружишь?» — «Дружу». — «Гуляешь?» — «Гуляю». — «Ходишь?» — «Хожу». — «Конфеты носишь?» — «Носил!» — «А ты брала?» — «Брала!» — «А куда клала?»

На святки суд судили. Судью наряжали, сядет повыше. Первого парня вызовут, а потом девушку: «Ты ходил к ней?» — «Ходил». — «А ты принимала его?» — «Принимала». — «А что он тебе давал?» — «Хуй он мне давал». — «А ты брала?» — «Не брала».

Суд судили. [Судья спрашивает:] «Ходил к тебе?» — «Ходил». — «Что ты делала?» — «Ши варила и вас, дураков, кормила». [Судья говорит:] «На трясле[?] была, потрясли там тебя. На пробыле [?] была, там попробывали тебя». (...)

Это «судили», вы знаете, что? У нас такой парень был, он такой, знаешь, ну он ни похабно, ни что не стыдился все играть такую ерунду. Да, вот возьмёт знаете что — лапыть, вот сюда привяжить [к ширинке], вот так. Ну вот, веревочку... Ну вот, девку подводишь: «Ну, ты любишь этого парня?» — «Люблю». — «А ты любишь?» — «Люблю». — «А что ей носишь?» — «Мясо ношу». А сам вот этим лаптем дёрг. Девчатам-то стыдно, правда? А етот всё вот этим лаптем трясеть от туто.

Судья наряжался. С бородой. У его [парня] спрашивает: «Ты к ей ходил?» — «Ходил!» У меня спрашивает. «Нет, не люблю, нет. Он только за мной гоняется, не буду с ним целоваться». Отворачиваюсь. А меня плёткой: «Стой ровней! Говори смелей!»

Да, вот суд и суд тоже так же, тоже так. Судья наденется, ну, что-нибудь худое: тоже либо шубу выворотить, либо что, ну, и бороду в рот возьмет, чтобы ня знали хто. (...) Да и на голову какую-нибудь шапку худую. Не такой, какой пришедше. На шутку сделавши, наряженец. Опоясавши, так пузо сделано (побольше наткано), тут какая-нибудь тряпка, сидить так судья. (...) А в руках так, какая-нибудь книжка. Он в нее и не глядит. Ну вот, и вызывают. И тоже есть хозяин. [А у судьи есть подручные? — Соб.] Есть, да, сядять с одного боку и с другого. Сразу расходится народ. ^паньше не было клуба, тесно было, а дают им место, ну лавку очищают. Как раз так коло двери садятся, как молодые, вот и судють. [А сподручные без пуза? — Соб.] Нет, это ровные. А этот судья, ён должен быть толше всех. Ну и вот, вызовут больше тех, которые с кем знакомы больше. (Ну, гуляем мы с тобой, нас с тобой и вызовут. ...) Чтоб стыдней было.) Ну, и спрашивают у парня. Хочет, скажет и не горазд страмно, а то и страмно скажет. (...) Ну, вот такое. Ну, вот спрашивают: «Зачем на суд подал? Что получилось?» — «Да, вот, — говорит, — я принес лык в пучню, чтобы дала в ручью, а ёна и не дала». Ну и вот, возьмут мени нямножко. (...) Парень так говорить. Парень всегда прав, потому что девке не сказать. Некоторая может ответить (...), это я б сейчас ответила, а тогда не могла. Вот, к судье приклонишься, ён так возьмет [и назначает наказание], а ето сколько там раз [ударят]: 5 лозунгов или 3 лозунга. Вот так ремашком, это, об сапог, чтобы хлопнуло.

Подводят девку к парню, с которым [она] дружит. И говорит [парень судье]: «Что ж ты судишь?» — «А Расскажи, как ты ходил да что принес?» — «Горшок

масла поставил в печку, а он и лопнул. Горшок хлоп, а я её — ёб».

66

Иару приведут к судье. Он и спрашивает «жениха»: «Ты к ней ходил? Коней пускал? А ей запускал? А замуж не хочешь брать?»

67

Я-то наряжался. (...) Мальчик Петрушка и барин-пьянчужка. (...) Барин — пузатый, шуба тоже выворочена, пузатый. (...) Он одевается так: значит, отсюда — подушку [на живот под шубу]. Ну вот, сидит на стуле, значит, выносят его, сажают вперед. А мальчик Петрушка — этот наряжается в другое. Ну, пацана какого-нибудь, поменьше такого, нарядят, но тоже чтоб не признал народ. Ну вот, барин сидит, значит, на стуле, на стуле этом и кричит: «Мальчик Петрушка!» Тот подбегает: «Что, барин-пьянчужка?» — «Ты чего от меня убежал?» — «Да я твою барыню за пизду подержал». — «Как тебе довелось, сукин сын?» — «А ты сидишь на хуерошше[?], не видишь своей рошши». — «Секелю — маланец, пизде — конец». — «Нет, не конец, я тебе докажу». [Выводят парня и девушку.] «Он к тебе ходил?» — «Ходил». — «Живое мясо в руках и портках носил?» — «Носил». — «Просил?» — «Ну, просил». — «А тебя за что просил?» — «За пятак, а я дала так». Это к одиому к молодьш [обращается барин], [потом] к другим, к другой паре. Так вот и просмеивают их. (...) [Барин]: «Барину чаю!» Ложка была деревянная, здоровая [у мальчика]. Вот он подбежит, как его по пузу туда бабахнет — а что, у него тут подушка, бей ты его сколько хошь.

68

Вот, например, я дружу с парнем. (...) Тогда приходит воевода, стоит. Становится на лавку, ну, тогда мальцев, значит, приводят. (...) «Воевода, воевода, хуева порода...» — так начинают сперва. А потом приводят, значит, девку. Ну, тоже страмщину такую. (...) Ну, вам так говорить стышно:

«Лежали в яме,
Обтёркались хуями».

Ну, вот так:
«Нынче народ вольный,
Ебется больно».

Вот такое говорили.

69

Суды судили. Судють [тех, которые] девка с мальцем гуляют. Знают, как девку зовут, станут мальцы на лавку и приведут другие мальцы девку с мальцем, которые гуляют. «Ну, ты что, как ты гуляешь с ним, ты пузо сделала, а рябёнка закинула куда-то, тебя судить будем. Вот так посудим, что вы тут стоите, и за рябёнка посудим». Ну так, знаешь, чтоб смеялись. А это нарочно так, нарочно. Спрашивали все матерно: «А вы гуляете, вы на бане были, что вы там делали на бане?! Ебались, что ли? — спрашивали их.— Что ж вы будете по баням лазить, мы вас не только судить будем, мы вас посадим в тюрьму». Ну, страмят, понимаешь, чтоб им стыдно было стоять перед им, перед судьей.

70

Приходит к воеводе жанить. Едет [другой ряженный] от порога на кочарге, все гогочат от крыльца. [Подъезжающий говорит:]

«Здравствуй, воевода,
Херова порода.
Что ты спишь-гуляешь,
Ничего не знаешь?
Я шел мимо бани
[вариант: «Я ехал коло бани»],
Лежало две пары.
Катилась бочка,
Они вприскочку.
Катилась хорошо —
Было хорошо.
Можно рассудить-порядить
И их ожанить.

Вот такого-то и такого-то». [Подводят к воеводе пару.] «Ты к ей ходил?» (Молчание. Хлобысь ремнём!) — «Ходил». — «Ты мясо носил?» — «Носил». — «Ты его примала?» — «Примала». «Ты его кормила? А туда совала? Поцалуйтесь».

71. ВЕНЧАНИЕ

Попом обдeldывались, рядилися. В деревне все знают, кто с кем дружить. Подъезжает [поп] — ряженные подводят [пару]:

«Что спишь-гуляешь,
Ни хуя не знаешь?
Я ехал на гумна́,
Нашел три кучи говна...»

Поп начинает венчать. У попа горб. Подвядут девку, страмять плохую девку. Кого-то хвалить, кого-то хулять.

72

Свадьба бывала, в шутку тоже. Вянчали, значить. Ну, вызовут девку и парня, с которым она гуляеть, ну и вянчают их. Там же в дяревне все всё друг про друга знали, это теперь в Торопце я мало кого знаю и меня мало кто знает. А в дяревне, знаете ли, не так. Ну и, значить, кто-нибудь их вянчает. Говорить, например: «Ярушка Ванькина со бараном ходилась, а ча-во ж не ягнится?» Ну и всякое другое в таком же роде, я уж ня помню, тоже еще небольшая тогда была.

73

Попом [рядились]. Обернётся одеялом. Соломой шляпу делают и крест из соломы. Поставят ступу посе-рэд избы. Кругом ходят. Дьякон с попом стоят. Обведет парня с девкой раза три. И велит поцеловаться. И приговаривает о любви какой-то стишок.

74

Попами наряжались. Волосы отпушены, со льна сделаны. А ето, гуляеть [девушка] с парнем, шас вызовут парня и девушку, и их, ето, вянчают. Поп говорит срамные слова... По кругу водить. Все равно это, потом скажут: «Обьяснитесь в любви». Ну, и парень этот девку цалуеть, цалуеть. Готово, у двери уже [другая пара] — эти уходят, другие приходят.

СВЯТОЧНЫЕ ИГРЫ КАМСКО-ВИШЕРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

---

1. МОРЯКИ

Моряков выряжали... Выредятся, какие-нибудь ремни белые наденут наискось на себя, мичманки какие были, у ково бескозырки. И начинают. Приводят к им девушку и парня. «Ты с им спала?» — «Нет!» Ну, это непристойно делали все. Совьют из соломы «курицу», конец красным платком наверху, а там белым к себе привяжут, ну всяко творили. Моряки, значит, спрашивают девушку: «Ты с им ить гуляешь?» — «Гуляла!» — «Ты ему давала?» Если котора не сказыват, што давала, дак дуют из этима... свиты такие из соломы, с кулак толщины, плети. Пока не сознается. Ну и сознается: «Было?» — «Было!» Ну, тогда все, уходит.

2. «ПЕСТ»

У нас пест налажали. Деревянный. Который парень умеет сквернословить, он и надевает, привязывает пест между ног, на лямках, на шее. Приведут к ему девку... Другие парни под полом сидят, в голбце, их не видно. Они и спрашивают у него: «Какую девку привел?» Он подводит девку к западне: «Блядь!» — «Кто ие ебет?» — «Тако-то (назовет имя).» — «Где-ко ебет?» — «На вечерке...» А мы хохочем все. Может, и совсем девка невинная, а злость имеют на него (ее кавалера)... напрямую скажут! Хоть стой, хоть падай!.. На игрище ить што хошь говорят, не чураются!

3. СБОРЩИК

Был сборщик! И водили на «корабель». Это бесстыдно все говорят. Водили девок. «Была на корабле?» — «Была!» Этот средится, как сборщик. И этима тоже хлестали, из соломы, как веревочки. «С кем-ни-

будь ебалась?» — «Ебалась!» — «Пенка шла?» — «Пенка шла!» — «Пизду сонцем грело?» — «Сонцем грело!» — «В пизде салышко кипело?» — «Кипело!» Если не скажешь это, хлещут плеткой. Каку-то шубу шерстью кверху вывернет, шапку оденет. Как увидят, что сборщик пришел, убежали.

4. ПОПЫ

Вот попы ишшо срежались. Девка распустит волосы, накинуг, как ризу, **на** лавку или стол, упрутся руками-ногами взад, как взягивают, и поют это: «Наш поп благочинной, пропил тулуп овчинной и ножик перочинной. Усмешительно! Усмешительно, усмешительно, усмешительно!» Начнут собирать: «**У** их попа попадью пердела на бадью, руки-ноги отрубил, в пизду пороху набил. Удивительно! Удивительно, удивительно, удивительно! Игуменья Федора, надравшись ликера, рыгает у забора. Отвратительно! Отвратительно, отвратительно, отвратительно!» Девки мирские и староверки — все ходили. Не считалось **за** грех.

5. СВАДЬБА

Парень невестой, **а** девка — женихом, как в свадьбу играют. Были и родители — мать и отец. Наладят ково-то-ся. **И** подружка — все из парней, все выражаются. Присказывали каки-то песни свадебны — раз кака-то-ся свадьба! **В** шутку! Хорошо, снаряднехонько оденут. **А** невеста — ленточки, **цветы** оденет. **У** ково есть — солдатское ипппо накинуг жениху-ту! ^молодых венчали. Поп венчал. Каку-ко-ся клеенку или чо накинуг. «Это хороша,— грит,— риза!» **На** голову каку-ту шапку худую. **В** лапоть наладят, нажгут.., кадило. Поп и напеваает: «^радуйся, сорока! ^радуйся, ворона, и ты, воробей-животворец! Поглядите под окошком, там пизда сидит с лукошком! Братцы, радуйся! Поглядите на телегу — там пизда пизду теребит! Братцы, радуйся!»

6. НЕКРУТА

В бане приставлялися под гармошку, как пьяные. Пили воду как угошшенье, как водку. Там спрашивают «некрута»: «Сколько нам **ишшо** гулять?» — «**Да**

гуляй ишшо. Ты ишшо мертвую старуху не ебал!
Гуляй!»

7. СИРОТИНУШКА

Сиротинушка — это девкой средится парень. «Она» лежится. А тот придет с соломенным... А мать-то где-ко она тут где-то-ся. «Мати-барони, мать-сударыни, прикажи сиротинушке ножку отпехнуть!» — «Отпехни, отпехни, сиротинушка! Отпехни, отпехни, балагуренька! Отпехни, отпехни, баламутенька!» Мать-то бадожком отбрасывает у девки-то одну ногу, потом другую и приговаривает: «Мать-барыня, мать-сударыня, прикажите сиротинушке плешку добыть».

8. СИРОТИНКА

Сиротинку сряжали. У его как соломенный хуй налажен. В баню полизет. Подойдет к бане и говорит: «Разрешите сиротинке в баню полись!» Девки поют: «Шагни, шагни, сиротинка, шагни, мироумненька, шагни, малодурненька!» — «Разрешите сиротинке шаг шагнуть!» — «Шагни, шагни, сиротинка, шагни, мироумненька, шагни, малодурненька!» Заходит он в баню. Лежит у порога на полу парень, от шубы рукав держит кверху. Опять сиротинка: «Разрешите на колики стать!» А девки опять поют: «Стань, стань, сиротинка, стань, мироумненька, стань, малодурненька!» Опять сиротинка: «Разрешите сиротинке засунуть!» Девки: «Сунь-сунь, сиротинка, сунь, мироумненька, сунь, малодурненька!» Засунул. «Разрешите сиротинке добыть!» Девки поют: «Добудь, добудь, сиротинка, добудь, мироумненька, добудь, малодурненька!» — «Разрешите сиротинке на ноги стать!» — «Ставай, ставай, сиротинка, ставай, мироумненька, ставай, малодурненька!» Стает и уходит.

Публикация В. А. Альбинского и К. Э. Шумова

ЕРШ ЕРШОВИЧ ИВАН ПЕТРОВИЧ

В эту игру обыкновенно играли на святочных игрищах. Иод песню один из парней — Ерш Ершович Иван Петрович — бегал вдоль лавок:

По-за гуменью тропинка лежит,
По тропинке детинка бежит,
По-за гуменью Ерш ползет.
«Ты куда, куда, Ерш, ползешь?
Ты куда, корявый, корчишься?»
«Я качусь, качусь на барский дом
К Акулине ко Денисовне,
Ко Настасье ^родионовне».

Остановившись у группы девушек, Ерш вступал с ними в такой диалог:

- Тук-тук!
- Кто там?
- Ерш Ершович Иван Петрович!
- Зачем пришел?
- Попить-погулять, красных девушек повидать.
- Деньги есть?
- Есть!
- Сколько?
- Пятачок!
- Хер не ебачок.

Получив неласковый отказ, Ерш бросался прочь от девушек под припев:

Запропала тут Ершова голова,
Запропала тут молодчикова:
Стары бабы те поеть не дают,
МЪлоды жены мужьям берегут,

Стары девы те спасаются,
В монастырь иди собираются.
Ещё во поле рябинуша стоит,
По тропинке детинка бежит...

Запев песни, начало диалога и припев повторялся несколько раз. При этом Ерш подходил к разным группам девушек и получал от них такие ответы:

- Рубль!
- Хер туп...
- Рубль с полтиной!
- Хер с горбиной...
- Рубль восемь!
- Милости просим!

Получив приглашение, Ерш целовал всех девушек подряд.

Публикация А. А. Ивановой

ПЕСНИ И ЗАГАДКИ РЯЖЕНЫХ («НАРЯЖЕНОК») НА СВЯТОЧНЫХ ИГРИЩАХ

---

1. ПРЕПОДОБНЫЙ МОНАХ

Преподобный монах, **нах**, нах!
Чево роешь во штанах, нах, нах?

«А я золото ишу, шу, шу,
Никово не подпушу, шу, шу!»

А я золото нашёл, шёл, шёл,
Продавать его пошёл, шёл, шёл.

А я золото продал, дал, дал,
На баранки девкам дал, дал, дал.

На мосту стоит кровать, вать, вать.
Можно девушек помять, мять, мять!

С уговором только теть, теть, теть,
Подо мною не пердеть, деть, деть!»

А монашка не стерпела, пела, пела,
Под монахом запердела, дела, дела. *

А монах-то подскочил, чил, чил,
Три с полтиной получил, чил, чил.

2. У НАШЕГО ЗАИЧА

У нашего заича
Золотые я..., я...
Яблочки в саду растут.

Мыла девка избу,
Разорвала пи..., пи...,
Писану бумажку.

Старые-то люди
Чешут свои му..., му~,
Мудрые головушки.

Поп поехал в Киев,
Свою дочку вы..., вы...,
Выучил по нотам петь.

3. ЗАГАДКИ «С КАРТИНКАМИ»

1. Ниже пупа, выше колена. Суют да суют. А как это зовут?

(Карманы)

2. Перед употреблением сухой и твердый.
После употребления сырой и мягкий.

(Чай)

3. Пихнешь — так вспыхнет, а выпихнешь — осклизнет.

(Тесто в квашне)

4. Дедушка-пыхтун бабушке пихнул.
Бабушка зажала, всю ночь прoderжала.

(Крючок на двери)

5. Красненькая пиздюшка, беленький хуёк.

(Малина)

6. Бык в корову тык. Корова: «Мык! Спасибо, бык!»

(Ключ и замок)

7. Много мяса, мало дров.

(Заноза в заднице)

Публикация Т. В. Кирюшиной

ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ ВЯТСКОГО КРАЯ

Подблюдные гадания представляют собой разновидность гаданий по жребиям, иногда их называают гаданием на вещах. Каждый участник обряда кладет свой предмет-жребий в общее блюдо. Какое предсказание получит жребий — такова будет судьба гадающего. В качестве предсказаний в подблюдных гаданиях используются короткие песни, которые поют над блюдом или чашкой, где находятся жребии. Ведущая гадание вынимает не глядя один предмет, и песня, поюшаяся при этом, становится предсказанием¹.

В основе подблюдной песни-предсказания лежит прием иносказательной речи. Песня является своеобразной загадкой, которую надо отгадать, чтобы узнать свою судьбу. В целом песни-предсказания распадаются на две большие группы, которые сами исполнители называают «плохими» и «хорошими». Песни предсказываают здоровье и долголетие, болезнь или смерть, замужество или девичество, плохое или хорошее замужество. Иносказательные образы подблюдных песен близки образам загадок и по происхождению являються заменами, которые были необходимы в связи с запретом на называние тех или иных явлений, например, смерти и т. п. С другой стороны, иносказательный образ мог

---

¹ В ходе работы фольклорных экспедиций 1989—1994 годов кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ в Кировскую область был записан один из самых интересных видов святочных гаданий — подблюдные гадания. Эти материалы были частично опубликованы и проанализированы нами в статьях: «Гадания в Котельничском районе» (Проселки. Литературно-краеведческий альманах. Котельнич, 1991, № 5, с. 16—27) и «Подблюдные гадания как обрядово-художественная система» («Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология», 1992, № 1, с. 12 — 21). В настоящей публикации представлены тексты, которые не были включены в наши статьи.

использоваться как магическое средство (вербальная магия), обеспечивавшее благополучие и успех в рамках того или иного ритуала. С течением времени основной смысл и назначение иносказательных образов ушли в прошлое. Образы песен-предсказаний стали восприниматься исключительно как художественное обобщение.

В некоторых случаях подблюдные песни потеряли свое древнее исконное толкование, и произошло это во многом благодаря разрушению единства обрядово-магической системы подблюдных гаданий.

Тексты песен-предсказаний в большинстве своем используют традиционные образы обрядового и необрядового фольклора. Эти образы отличаются многозначностью и выразительностью.

Среди подблюдных песен существует несколько текстов (их, как правило, удается записать немного), образы которых характеризуются исполнителями как «неприличные». Дополнительный смысл эти песни получили уже в новое время, они стали восприниматься как шутка, грубая в своей откровенности. Ио происхождения образы этих песен связаны с архаическими представлениями и являются обязательными обережно-магическими элементами древнего ритуала.

Эти песни неоднородны в своем составе, и их можно разделить на несколько групп. Иервая группа песен отличается тем, что поют их, как правило, в самом конце обряда. Эти песни являются предсказанием тому участнику гадания, чей жребий выпал последним. Такой жребий называют Завальнем. Эти песни — однозначно «плохие» и предвещают неудачу в делах. Например:

Ленива ленивица
На пече сидит,
^жопой снег таяла,
^мужу ши варила. (1)¹

Ленива ленивица
На пече сидела,
Жопой снег таяла. (2)

На пече сидеть,
Задом снег таять. (3)

---

¹ Цифрами отмечены тексты, паспорт на которые дан в примечаниях.

Другая песня, еще более «откровенного» свойства, не имеет строго закрепленного места в обряде. Она предвещает замужество:

Вот Макарьевский мужик
Безо штанов бежит. (4)

Из Макарья мужик
Заголя муди бежит. (5)

В этих текстах нашло отражение имевшее место в некоторых обрядах обнажение тела, магически связанное с символикой плодородия¹. В наше время исполнители лишь смеются, когда их спрашивают, что значит эта песня, некоторые, правда, признают, что раньше она предсказывала свадьбу и приплод:

Лежит мужик на лавке,
Свесил его под лавку. (6)

Сидит мужичина на лавище,
Свесил полы под лавищу. (7)

Образ мужика мог заменяться в песнях этого типа образом кота, поскольку «кот» — традиционное воплощение любви, семьи и плодовитости в подблюдных песнях:

Лежит котище на лавице,
Свесил мудище под лавицу. (8)

К этой же группе песен можно отнести и следующую:

Идет мужик по утину,
Несет ее с хомутину. (9)

Еще одна подблюдная песня представлена в новейших записях большим количеством вариантов. Иносказательный смысл этих песен прямо противоположен приведенным выше. В следующей песне предсказывается, по свидетельству исполнителей, девичество:

---

¹ Ср. обнажение при посеве: Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — нач. XX в. Л., 1988, с. 136.

Ходит старушка по середи,
Носит пиздушку на черепе. (10)

Ходит старушка по середи,
Носит мандушку на черепе. (11)

Ходит старушка по середи,
Носит задницу на черепе. (12)

Ходит старушка по середи,
Носит подарок на черепе. (13)

Ходит старушка по середи,
У старушки сарафан порван спереди. (14)

Следующую группу иносказательных подблюдных можно назвать песнями-загадками. По своему происхождению они и являются загадками.

При переходе из одного жанра в другой (загадка — подблюдная) текст претерпевает различные изменения. Так, например, подблюдной песней стала загадка про огурец: «Полно корыто людей намыто» (15). В подблюдных гаданиях этот текст фигурирует уже в другом виде. Жанровый переход сопровождается фонетической «ошибкой», что влечет за собой изменение общего смысла «загадочного» текста:

Полно корыто мудей намыто. (16)

Загадка, то есть зашифрованный текст, остается, меняется лишь образная реализация, и в соответствии с новым образом по-новому толкуется текст. Песня относится к числу тех, которые предсказывают изобилие и плодородие.

Очень распространена на Вятке другая подблюдная песня, которая произошла от загадки про матицу: «Вдоль шостка протянена кишка» (17). Эта загадка дала начало целому ряду подблюдных песен:

На кухне у шостка
^Расстелена кишка. (18)

Вдоль шостка
Растянулась кишка. (19)

Лежит кишка
Поперек шостка,
Концы свесилися,
Кошки радуются. (20)

Исполнители, комментируя эти песни, говорят: «...для смеху, молодым», явно соотнося эти тексты с теми песнями и частушками, которые пелись на свадьбе жениху и невесте и содержали откровенные мотивы.

Магический смысл подобного рода текстов забывается, стирается в памяти назначение замен и иносказаний, остается слово в буквальном значении. Параллельно с разрушением магической роли текста разрушается и сам ритуал, по традиции остаются лишь «условия игры».

Публикация А. С. Сатыренко

ПОДБЛЮДНЫЕ ГАДАНИЯ ДЕРЕВНИ ВОЙЛОВО КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В деревне Войлово Людиновского района Калужской области пожилые женщины до сих пор ходят «закидывать кольца» под Васильев вечер (14 января). Подблюдные гадания здесь называют «загадками», а сам обряд — «загадывать загадки». В наши дни он воспринимается участниками скорее как забава, нежели как сакральное действие: вместо традиционного «блюда» используется железная миска; если нет кольца, в нее кладут монету или булавку, но непосредственно к предсказаниям исполнители относятся с неподдельным интересом. Гадают не столько на себя, сколько на своих родственников: выйдет ли внучка в этом году замуж и т. п.

Зимой 1991 года обряд подблюдных гаданий в деревне Войлово был отснят на видеопленку и вошел в качестве одного из эпизодов в учебный видеофильм «Фольклорные жанры Калужской области»¹.

---

¹ Съемка осуществлялась во время третьего сезона работы с данным коллективом. (См. комментарии; предыдущие экспедиции состоялись зимой и летом 1990 г.) Непосредственно 14 января исполнительницы собирались «закидывать кольца», обряд был зафиксирован аудиосредствами. Публикуемый вариант — повторная запись обряда, произведенная 19 января и отснятая на видеопленку. Коренное отличие двух вариантов состояло в созданной исполнителями атмосфере. В первый раз (14 января) женщины были настроены очень серьезно, почти мистически. После каждого гадания в избе наступала небольшая пауза. На протяжении всего обряда в случаях, когда очередное гадание «отвечало чаяниям» гадающих, женщины крестились и поминали Христа.

Во время гаданий произошел характерный эпизод — одна из исполнительниц уронила кольцо на пол. Все испуганно заохали, начали креститься, шептать: «Господи, помилуй нас!» Через некоторое время кольцо нашли, женщины облегченно вздохнули, но еще долго не могли усгшокоиться, им никак не удавалось избавиться от ощущения, что падение кольца — дурной знак. Второй раз во время гаданий

Непременным условием сохранения народных праздников является наличие лидера, инициатива и авторитет которого как бы изнутри поддерживает бытовые обрядовой традиции (например, «роль» М. Ф. Линьковой в праздновании обряда Духова дня — см. в наст. изд. «Обряд Духова дня в селе Троицком Калужской области»). В деревне Войлово таковой является Прасковья Ивановна Гришачева¹. Именно в ее избе собираются женщины по праздникам, сюда же они заходят передохнуть и «поболтать», возвращаясь с буханками хлеба из сельского магазина, приходят с радостями и бедами, и не было еще такого, чтобы Прасковья Ивановна кому-либо отказала в участии, совете или помощи. И сколько бы ни было гостей в ее доме, всем хватает и места, и закуски, и выпивки.

«Закидывать кольца» собрались вместе подружки Прасковьи Ивановны. Все они примерно одного возраста или, как здесь говорят, «одного слоя» — в юности вместе гуляли по беседам, в одно время выходили замуж и т. д. И по сей день жизнь каждой созвучна судьбам остальных, тем более что почти все женщины находят друг с другом в той или иной степени родства: у кого дети между собой поженились, у кого племянники, почти каждая крестила детей своих подруг.

Обряд начинается с того, что все участники его чинно рассаживаются вокруг стола. Прасковья Ивановна зажигает четыре свечи и втыкает их в буханку хлеба.

установилась «игровая» атмосфера. Возможно, причинами тому были исполнение обряда в обычный день (а не в ритуально приуроченный) и зажженный по необходимости свет — шла видеозапись (14 января действие происходило исключительно при свете четырех свечек). Наши опасения, что певицы откажутся «закидывать кольца» во второй раз к счастью, не оправдались. Женщины с не меньшим интересом отнеслись к гаданиям, более того, наличие видеокамеры еще больше стимулировало их «игровое» поведение. Исполнители чувствовали себя достаточно свободно перед объективом, шутили над собой и над съемочной группой, часто с юмором трактовали содержание текстов подблюдных гаданий.

¹ Гришачева ПИ — наследственная выдающаяся песельница, владеющая уникальным репертуаром (около 200 песен), пользуется в деревне огромным уважением вследствие открытого, очень доброжелательного характера и прекрасного знания фольклорной традиции. Последние годы ее начали активно приглашать «читать по покойникам». Читает она по-старославянски, отчетливо произнося каждое слово, в то же время с плавными, очень при! л ш ш интонациями, что называется — «с чувством». Местные ж^Г,п_пчонь хвалят ее манеру чтения и почитают за большую честь ее ш jna отчитывает их родственников на похоронах или поминках.

Святой вечер в избе Прасковьи Ивановны
С лева направо М Н Симоненкова, М Г Гришачева, Е Л Симоненкова
А С Коростелева, В Г Куприкова, Т С Медведева, П И Гришачева,
Т С Орехова
Кадр из видеофильма «Фольклорные жанры Калужской области»
(1991 г) Фото М Ахматова

По народным представлениям, доставать кольца из воды могут только рожденные в семье первыми или последними Татьяна Семеновна Орехова — первая дочь матери. Именно она наливает в миску воду, женщины кладут в нее кольца, у кого нет кольца — серьгу, монету, булавку и т. п.¹ Миску накрывают вышитым рушником. Татьяна Семеновна встает из-за стола и, отчетливо проговаривая каждое слово, читает заговор-молитву.

— Во имя Отца и Сына и Святому Духу! Слава тебе, Господи, что в нонешнем у девяносто первом году мы и святки загадаем по загадке! И нам не болеть, не хворать ни в косточках, ни в мосоликах², ни в буйной кровя, ни в горячей крови. Помогни нам, Господь, подай нам, Господь, Господи Иисусе Христе!

И сразу запеваает:

1 Святки, вы, святки
Вы, святые вечера,
Загадайте нам, святки,
Да всем по загадке,

¹ Все участники съемочной группы, не устояв перед искушением, по-прежнему свое будущее, также положили кольца в «блюдо»

² Мосолики (от «мослы») — здесь суставы

Слава тебе!¹
Чье вынется, правда сбудется,
Слава тебе!

Во время пения Татьяна Семеновна непрерывно во-
рошит кольца в воде, далее поют все:

2. Катилося зернышко по току²,
Прикатилось зернышко к вороху!³

Мелодия гаданий протяжная, «загадки» поются не-
спешно, «с растяжкой» последаей гласной **в** каждой
строке. Когда затихает последний звук гадания, Татьяна
Семеновна также неспешно достает из воды кольцо
указательным пальцем:

— Чье колечко? Чье колечко?
г— Мое, наверно...
— Ну то ж, твое вынули?
— Да...
— Твое?
— Хорошо...
— Прикотится к ворошку...
— **К** прибыли!
— Хлебушка поедишься!
— **К** прибыли, Герасимовна!
— Да!

3. Висят венчики, пошумельнички,
Еще повисят, еще пошумят!⁴

Снова достает кольцо.

— Чье колечко? Чье колечко? Женино⁵, наверно...
— Нет, Сережино...⁶
— Нет, Женино...
— Еще пошумит!
— Ага, Женя еще...
— Вот так! Повеселится!

---

¹ Последние три строки повторяются после каждого текста гада-
ния.

² Ток — гладкая площадка для молотьбы.

³ Ворох — гора обмолоченного зерна.

⁴ Гадания 3, 4, 9, 12, 13 запекает Т. С. Орехова.

⁵ Кольцо оператора фильма Е. Гаскевича.

⁶ Кольцо режиссера фильма С. А. Миненка.

- Ездеш по селам — другую найдеш!¹
- Иогуляеш, да...
- Еще, погуляеш, говорить не надо...

4. Сидит медведь за ступою,
Кричит медведь: «Пощупаю!»

— Чье колечко?.. Ленино?² О, еще будет! Пощупает не один раз!

- Пощупает, пощупает тебя!
- Еще молодые, говорить не надо! Пощупает!
- Только начинается!
- Да, вот и говорить даже нечего!

Все смеются.

- Ох, это годы медовые!
- Ох, это ж надо!
- Давайте следующую!
- Так, ну, давай еще!

5. На горке мужики богатые,
Гребут деньги лопатами!³

Татьяна Семеновна достает пятнадцатикопеечную монету:

- Пятнадцать копеек!
- Твои!
- Мои?
- Вот это нагребешь!
- О, чье то колечко! Вот это колечко! Еще погребусь, еще лопатками! Говорить не надо — деньжонок надо приготовить на тот свет — там кабаков нет!⁴ Так, дале, еще...

6. Ой, свился клен со березою,
Да он сѡвьется, не разѡвьется.

- Чье колечко? Чье колечко?
- Это что там?
- Ага, это як Серезино!

¹ Е. Гаскевич женат.

² Кольцо фольклориста Е. В. Миненок.

³ Гадания 5—8, 10, 11 запекает П. И. Гришачева.

⁴ Т. С. Орехова — по характеру непревзойденный балагур, на любую бытовую ситуацию у нее существуют десятки присловий, при- сказок, поговорок.

— Совьется клен со березой и не совьется, не разбьется!

— Он еще холостой — для¹ его не стой! Как приедет жена да как четыре пацана! Во будет беды! (Все смеются.) А то говоришь, что — будет кольца не носить! Видал! — Татьяна Семеновна продолжает усердно перемешивать кольца.

— Так, давайте еще какую...

Одна из участниц предлагает:

— Бег зайчик по метели, у его яйца запотели...

— Эту не надо, — смеются женщины.

7. Бегла кошка по горочке,

А (е)ё котяточки хватали за пяточки!

Татьяна Семеновна достает кольцо и стучит им по миске:

— Мяу! Мяу! Мяу!

— Ага!

— Ох, котяточек — много будет ребяточек!

— Ага, одну — пощупаю, а другой — котята будут!

Женщины хохочут:

— Дураки! Ирямо дураки!

— Чего дураки? — не соглашается Татьяна Семеновна и нарочито серьезно замечает: — Мы ж такой народ простой, и говорить не надо!

8. На горке Егорка

Крупы дерет!²

— Чье колечко? Сва-ах!.. На горке! — Татьяна Семеновна протягивает вынутое из воды колечко своей свахе — Татьяне Семеновне Медведевой (их дети женаты).

— Ох, ето Егорка крупы будет драть? Ну'и хорошо, порядок!

— Кашу будешь есть гречишную!

— Да!

9. Сижу на лохани³,

Обсыпан блохами.

---

¹ Для (диал.) — около.

² Крупы драть — очищать зерно от кожуры.

³ Лохань — мелкая, круглая или долгая посуда с обручами, продолговатый таз.

- Чье колечко?
- Мое!
- Ага! Вот его порядок!
- Во! Эта тоже обсыпана хорошо деньгами будет,
а блохи ж, как увидишь у во сне...
- Да, воши — это гроши ж!
- Да.
- Вот так-то!
- Очень хорошо!
- Это и говорить не надо!

10. Бык-дристун
Далеко свистнул!

- Чье колечко?
- Мое!
- У тебя все внучки замужем?
- У меня правнучки ж — невесты!
- Ну, далеко свистнет — в Москву замуж увойдёт!
- Это старые тогда так-то говорили: девка далеко
замуж увойдёт.

11. Эх, ягодка да и к яголке покатила!'
И ягодка да и с яголкой породнилась!'

- Чье колечко?
- Мое!
- О! Хорошо дело!
- Вот его хорошо!
- С яголкой породнишься!

12. Бег кобель —
Мудями в дверь!²

- Чье колечко? Чье?
- Мое колечко!
- О, во, еще будешь бегать!
- О, еще побегаешь, еще не отбегалась!

13. Бегла сучечка по ельничку,
Ой, не угадала сучечка, а где выссаться!

---

¹ Гадание предсказывает свадьбу.

² Гадание предсказывает незамужнюю (холостую) жизнь.

- Чье колечко? Чье колечко?
— Мое!
— Ну, еще побегаешь, подрищешь и посикаешь!
— Поссёкаешь!
— Поссёкаешь не один раз — сик, сик, сик!
3 Женщины опять с трудом сдерживают смех.

14. Бег зайчик по метели¹
его яйца запотели!²

- Это уже, Лена,— с картинками!
— Чье колечко? Чье колечко?
— Мое!
— О, еще побегаешь!
— О, еще поссёкаю!
Одна из женщин предлагает загадку:

15. Лежит корыто,
Другим накрыто!³

- Это не надо, не надо!
— Ну, не надо, кому попадет — не надо!

Все кольца были разобраны, и женщины стали расходиться по домам. Раньше вода из-под колец доставалась той девушке, в избе которой собирались «загадывать загадки». Сразу после обряда она выходила с «блюдом» на перекресток, становилась лицом на восток и выливала содержимое «блюда», так как воду из-под колец оставлять в избе не полагалось.

Татьяна Семеновна Орехова взяла миску со стола и вышла на улицу. Дойдя до перекрестка, она повернулась к нам лицом и, смеясь, проговорила:

— А где вода зажурчит — туда мне замуж идти!
А где собака гавкнет — там мой жених! — и вылила воду на снег.

Публикация Е. В. Миненок

---

¹ Гадание 14 запевает Т. С. Медведева.

² Гадания 13 и 14 предсказывают веселую, беззаботную жизнь.

³ Гадание предсказывает смерть.

ПОДБОРКА ПОДБЛЮДНЫХ ПЕСЕН ИЗ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

1

Под поветьем мужик обосравшись сидит.
Ляу, ляу, ляу, ляу, ляу, ляу!
Кому придется, тому сгодится!
Ляу, ляу, ляу, ляу, ляу, ляу!

(К богатой жизни)

2

Што ж ты ситочка, мука сеется, ой люли!
А ты сей муку и не бзди в руку, ой люли!
Ой кому пяём, ой тому добро, ой люли!
Кому выйдется, тому й справдится, ой люли!

*(Это гитоб на других
мужик не заглядал)*

3

Ой ишла коза по завалинке, ой лёли!
Она ссыть, пярдить и хвостом вяртить, ой лёли!
Кому выдастца, тому справдитца, ой лёли!

(К плохой жизни)

4

Ой сидить Хвилип да за ступою, ой лёли!
Он с большей-большей дай залупою, ой лёли!
Кому выдастца, тому справдитца, ой лёли!

(Ну, к богатству)

5

В перяклёти коза, она ссыт и пярдёт, свет вячор!
А кому ета песня вынется, свет вячор!
Кому прійдзеця, тому сыйдзеця, свет вячор!
*(Эта песня нехорошая,
она к болезни)*

6

А в хлявце-хлявце дай баран на овце.
Кому сбудеця — тому и справдитца!
*(Замуж пайдешь,
парня найдешь сабе)*

7

Под поветьем *мужик* обосравшись сидит, леу-ляу-лэ!
На него свинья скосарившись глядит. Леу-ляу-лэ!
А кому поём, а тому с добром, леу-ляу-лэ!
Кому прійдзеця, тому сбудеця. Леу-ляу-лэ!
(К богатству)

8

Я на печке сижу, под саяны гляжу, леу-ляу-лэ!
Я яшшо посижу, я яшшо погляжу. Леу-ляу-лэ!
А кому поём, а тому с добром, леу-ляу-лэ!
Кому прійдзеця, тому сбудеця. Леу-ляу-лэ!
(К распутству)

9

За рекой медведь гузяёй трясеть, святой вечор!
Мы кому поём, пусть тому с добром, святой вечор!
Кому прійдзеця, тому сбудеця, святой вечор!
(К мужу-пьянице)

Публикация Е. А. Дороховой

Весенне-летний период

ЭРОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТРОИЦКО-КУПАЛЬСКОЙ ОБРЯДНОСТИ

Человек, мало-мальски знакомый с современными работами по восточнославянской мифологии и фольклору, да и просто любитель «русской старины», прочитавший известные книги **И. М. Снегирева** и **А. В. Терещенко** и тем более трехтомник **А. Н. Афанасьева**, почти наверняка имеет ясное представление о купальских игрищах, масленичном разгуле и разнузданных обрядах, посвященных Яриле. Вместе с тем исследователь — этнограф, фольклорист или мифолог, однажды столкнувшийся с этой проблемой, чувствует себя не столь сведущим, ибо свидетельства об эротике в весенне-летней обрядности и фольклоре на самом деле весьма немногочисленны и не всегда достоверны. Задача, таким образом, состоит прежде всего в том, чтобы собрать воедино эти крайне скудные данные. Не претендуя, разумеется, на полноту, попытаемся изложить известные нам сведения и факты и прежде всего те из них, что проливают свет на эротические троицкие обряды и песни, впервые публикуемые в настоящем сборнике.

При знакомстве — пусть даже самом беглом — с большинством изданных древнерусских поучений и исповедальных вопросов, так или иначе касающихся

празднеств языческого толка¹, бросаются в глаза две их особенности. Во-первых, значительная их часть обращена против «игрищ» как таковых («блудных», «бесовских» и т. д.), однако, как правило, эти игрища не имеют точной календарной привязки к тому или иному празднику. Когда же в поучениях появляются указания на конкретный христианский праздник, к которому были приурочены игрища, то выясняется, что особенно разнужданный характер принимали они дважды в году: на святках (от Рождества до Крещения), а также в период троико-купальских празднеств (что в целом, как мы увидим ниже, соответствует этнографической картине XIX — начала XX в.; вопрос об эротизме масленичной обрядности здесь не рассматривается). Вот что об этом сообщал в 1551 году Стоглав: «Русалии о Иоаннове дни и навечерии рожьства Христова и богоявления сходятся мужие и жены и девицы на ночное плещевание и на бесчинный говор, и на бесовские песни, и на плясание и на скакание, и на богомерзкие дела, и то бывает отрокам осквернение и девам растление². Таким образом, есть все основания полагать, что эротические обряды совершались в течение двух — наиболее значимых и насыщенных — праздничных периодов традиционного восточнославянского календаря.

В специальной литературе утвердилось мнение, согласно которому эротические обряды и фольклорные тексты являются принадлежностью сферы анти-поведения, магического по сути и связанного по происхождению с языческими представлениями о потустороннем мире. Анти-поведение «соотносилось с календарным циклом и, соответственно, в определенные временные периоды (например, на святки, на масленицу, в купальские дни) (...) признавалось уместным и даже оправданным (или практически неизбежным)³. По мнению Б. А. Успенского, эротика в этих народных обрядах кор-

---

¹ См. хотя бы: Алмазов А. И. Тайная исповедь в православной Восточной церкви. Опыт внешней истории. Исследование преимущественно по рукописям. Одесса, 1894, т. 3; Азбукин М. Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе (XI—XIV века).— Русский филологический вестник, 1897, т. 37, № 1-2, с. 229—273 и нек. др.

² Царские вопросы и соборные ответы в многообразных церковных чинах. Стоглав. М., 1890, вопрос 24.

³ Успенский Б. А. «Заветные сказки» А.Н.Афанасьева.— От мифа к литературе. М., 1993, с. 119.

релировала с иными формами анти-поведения, в частности, с ритуальным рязанием и глумлением над христианским культом.

В троицко-купальском цикле (в отличие от святок не столь тесно связанном по происхождению с культом предков) эротический элемент, как мы увидим в дальнейшем, обнаруживал себя прежде всего в проводных ритуалах, состоящих в изготвлении и последующем уничтожении обрядового чучела. Иными словами, сквернословие и вольное поведение и здесь зачастую соотносились именно с областью смерти, пусть даже символической. Что лее касается специально купальской обрядности, то в ней эротический элемент органично вплетался в общую вседозволенность праздничного времени, когда люди, природа и потусторонние силы как бы объединялись в своем стремлении нарушить принятые нормы, воплотить невозможное и реализовать несбыточное (ср. в этом смысле бесчинные забавы молодежи, поверья о разгуле нечистой силы, цветении папоротника, разговорах домашних животных и т. п.).

И еще на одно обстоятельство обратим внимание. Эротические забавы и непристойное поведение практически всегда были связаны (во всяком случае — во временном плане) с ритуалами, посвященными матриониальной тематике, с любовной магией и гаданиями о супружестве. Таким образом, эротический «сюжет» обряда или обрядовой песни как бы на деле (пусть даже в самых крайних формах) реализовывал желаемое и вместе с тем создавал прецедент, следование которому (в отличие от самого анти-поведения) полностью отвечало норме.

Одно из наиболее старых и вместе с тем достаточно полных описаний купальских игрищ, сопровождаемых свободой сексуального общения, содержится в известном послании игумена Елеazarова монастыря Панфила наместнику Пскова кн. Дмитрию Ростовскому, датированном 1505 годом: «Егда бо приидеть самый праздник Рожество Предотечево, тогда во святую ту ночь мало не весь град возмятется, и в селах возбесятца в бубны и в сопели и гудении струнным, и всякими неподобными игранми сотонинскими, плесканием и плясанием, женам же и девам и главами киванием и устнами их неприязнен клич, вся скверные бесовские песни, и хрептом их вихляния, и ногам их скакание и топтания; ту лее есть мужем и отроком великое падение, ту же есть на

женское и девичье шетание блудное им возрение, тако же есть и женам мужатым осквернение и девам растлена»¹. Немногочисленные указания на то, что в купальскую ночь допускалась наибольшая свобода в общении полов и прежде всего — в среде молодежи, встречаются и в этнографической литературе XIX—XX веков, правда, обычно они имеют весьма обобщенный характер. Так, М. А. Дикарев в своих материалах, посвященных молодежному досугу на Черниговщине, отмечал, что если у девушки есть жених, то в купальскую ночь он не имеет права ревновать ее к другим парням, ибо в это время девушка может свободно общаться со многими из них, и причем весьма вольно². Немало сведений о вольностях в общении молодежи в период летних полевых работ, а также во время зимних посиделок, приводит в своей монографии Т. А. Бернштам³.

Эротические мотивы весьма характерны и для купальских песен, впрочем, преимущественно не русских, а белорусских и украинских (как известно, в России праздник Ивана Купалы не получил столь широкого развития, как на Украине и в особенности в Белоруссии; основные купальские обряды и верования оказались приурочены в России к троичским праздникам). Купальские песни соответствующего содержания встречаются лишь в западнорусских областях, непосредственно примыкающих к Белоруссии. Позволим себе процитировать две таких песни. Первая, записанная В. Н. Добровольским на Смоленщине, разрабатывает эротическую тему в рамках традиционного сюжета одной из белорусских купальских песен:

А Иван Марью
Звал на Купальню,
Купала на Ивана!⁴
«Где, Купала,
Ночь ночевала?»
«Под осинкою
С Максимкою,
Под орешкою
С Терешкою».

---

¹ Псковские летописи. М., 1941, т. 1, с. 90.

² Дикарев М. Збїрки сївських молодїй на Україні.— Матеріали до українсько-руської етнології. Львів, 1918, т. 18, с. 138—139.

³ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Л., 1988, с. 236—237.

⁴ Припев повторяется после каждого стиха.

«Что, Купала,
Вечеряла?»
«А варенички
С цибулею,
Кулажищу —
Неуважища!»¹

Иючти дословно совпадающие с этим текстом белорусские песни представлены несколькими вариантами².

Вторая песня записана П. В. Киреевским в Новгороде:

Еще что кому до нас,
Когда праздничек у нас!
Завтра праздничек у нас —
Иванов день!
Уж как все люди капустку
Заламывали.
Уж как я ли, молода,
В огороде не была.
Уж как я ли за кочан,
А кочан закричал,
Уж как я кочан ломить,
А кочан в борозду валить:
«Хоть бороздушка узенька —
Уляжемся!
Хоть и ночушка маленька —
Понабаемся!»³

Примечательно, что аналогичных песен из других областей России нам не известно.

Несравненно богаче в этом смысле белорусская купальская поэзия. Изданный в 1985 году в серии «Белорусская народная творчасць» специальный том, посвященный купальским и петровским песням, хотя и не

---

¹ Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник, ч. 4. — Записки Русского географического общества по отделению этнографии. СПб., 1903, т. 27, с. 216.

² Купальскі і пятроўная песьні: Мінск, 1985, №186—188, 231.

³ Цит. по: Поэзия крестьянских праздников. Сост. И. И. Земцовского. Л., 1970, с. 480—481. Здесь же приводится еще одна купальская песня с эротическим подтекстом, записанная также на западе России — на Псковщине. Обратим еще раз внимание на то, что купальский обряд, описанный в послании Панфила, также относится к Пскову.

содержит песен откровенно непристойных (сеем предположить, что не в силу их отсутствия, а сугубо по цензурным соображениям), однако широко представляет эротическую тематику купальских песен. Не имея возможности их цитировать в рамках небольшой вступительной заметки, назовем лишь наиболее характерные мотивы: потеря девушкой «венка» в купальскую ночь (№ 222), сексуальное насилие и коитус (№ 266, 402—404), скотоложество (№ 507 — 509), совокупление с волком (№ 570)¹, а также весьма откровенное сопоставление коитуса со стариком и коитуса с молодым (№ 529). К названным сюжетам примыкают и купальские баллады об инцесте брата и сестры (№ 598—608), известные и по нескольким русским вариантам². Купальские песни, намекающие на сексуальные вольности, можно встретить и в украинском обрядовом фольклоре:

На Купайла, на Ивана
Вишла диўка гарно убрана,
Уси люди дивуюца,
С ким она любуеца.
Один хлопец одызваўся,
А на ней постараўся³.

Эротизм, как можно предположить, был некогда присущ и белорусской купальской обрядности. На Могилевщине, например, на Купалу принято было наряжать «деда» и «бабу», которые вели себя весьма свободно: целовались, обнимались, а «дед» преследовал девушек и пытался целовать их всех без разбору⁴. Там лее был записан Г. В. Тавлай шугливый обычай подбрасывать на Купалу в чужие дома куколок с запиской «подарок от Ивана Купалы»⁵. Эротический аспект купальских обрядов находит продолжение и в весьма развитой системе ритуалов и магических практик, посвященных

---

¹ Ср. варианты № 1, 1а в публикации Л. М. Винарчик и № 10 в публикации Е. В. Миненок.

² См.: Поэзия крестьянских праздников, № 677, 678.

³ Полесский архив Института славяноведения и балканистики РАН. Зап. М. Р. Павловой в с. Червоная Волока Луганского р-на Житомирской обл. в 1985 году.

⁴ Тавлай Г. В. Белорусское купалье. Обряд, песня. Минск, 1986, с. 158.

⁵ Там же, с. 20.

любовной и матримониальной тематике: это ритуальное осуждение неженатой молодежи, чествование молодоженов, обычай приходить к купальскому костру парами (жених и невеста), запрет прыгать через купальский костер тем, кто не женат или вдов, обычай перепрыгивать через костер парами, что — в случае успеха — должно было способствовать удачному браку, любовная магия и, наконец, девичьи гадания о суженом¹.

Собственно нее в России обряды, включающие элементы эротики, были обычно приурочены к троицким праздникам и Петровскому заговенью, о чем сообщал еще Стоглав. Многословное описание такого игрища в день Вознесения находим в челобитной нижегородских священников 1636 года: «В шестый четверток по Пасце на праздник Вознесения Христова тако не противляются празднику Христова Вознесения. В Печерской монастырь ходят (...) из града мужи и жены, из сел и из деревен съезжаются, а корчмиты (...) с кабаками и со всякими пьяными пит [и] и, а игрецы и медведчики и скомороси з бесовскими орудии, и собравси (...) к тому Печерскому монастырю, и мнятся празновати сицевым образом: медьетчики с медведи и плясовыми псицами, а скомороси и игрецы с личинами и с позорными блудными орудии, з бубнами и с сурнами и со всякими сатанинскими блудными прелесми, и злыя (...) прелести бесовския деюще, пьянъетвующе, пляшуще и в бубны бьюще и в сурны ревуще и в личинах ходяще, и срамныя в руках носяще, и ина неподобная деюще, их нее как сатана научил противитись празднику Вознесению Христову»².

Некоторые свидетельства об эротических обрядах троицкого цикла можно найти и в более поздних публикациях. Значительная их часть так или иначе связана с Ярилой — мифологическим персонажем, празднование в честь которого происходило в России (а также, вероятно, и кое-где на Украине) в первый понедельник

---

¹ Тавлай Г. В. Белорусское купалье. Обряд, песня, с. 19—21.

² Рождественский Н. В. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. (Челобитная нижегородских священников 1636 года в связи с первоначальной деятельностью Ивана Неронова).— Чтения в Обществе истории и древностей российских. М., 1902, кн. 2, отд. IV, смесь, с. 26-27.

Иетровского поста, через неделю после Троицы¹. О Яриле и воронежском празднике в честь него упоминается в послании св. Тихона Задонского от 1765 года. В этот день в городе всем миром избирался на роль Ярилы человек, которого украшали цветами и лентами, обвешивали колокольчиками и надевали на голову колпак. «В таком наряде под именем Ярилы ходил он, пляшучи, по площади в соупутствовании народа обоого пола»². Особое возмущение вызывало у Тихона Задонского сопрождавшее это гуляние «плясание жен пьяных с скверными песнями». В 1838 году И. М. Снегирев опубликовал описание костромского гуляния, посвященного Яриле, на котором «совершали погребение Ярилы, (...) старик в лохмотьях нес в небольшом гробике куклу, представлявшую мужчину с естественными его принадлежностями. Пьяные бабы провожали гробик до могилы, где закапывали его с разными причетами»³. Празднование в честь Ярилы было, по сведениям, собранным И. М. Снегиревым, известно и в других губерниях Верхнего и Среднего Поволжья, а также в Тамбовской и Воронежской; однако, в отличие от костромского праздника, остальные гуляния были лишены эротических черт и проходили в пении, вождении хороводов, танцах, кулачных боях и т. д. Примечательно, впрочем, что во время подобных гуляний матери нередко отпускали своих взрослых дочерей «поневеститься»⁴.

А. В. Терещенко привел описание праздника Ярилы по своим юношеским впечатлениям от пребывания на Украине в среде казачества. И хотя сведения, в нем содержащиеся, не подтверждаются позднейшими материалами, а само это описание в некоторых его частях напоминает материалы И. М. Снегирева, оно все же заслуживает внимания. В понедельник после Петровского заговенья «женщины и казаки сходились по полудни, чтобы погулять у шинка. Там (...) по захождении солнца выносили на улицу мужское соломенное чучело со всеми его естественными частями и клали во гроб. (...) Женщины подходили к нему и рыдали: „Помер он!

¹ О культе Ярилы см.: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, с. 180—191.

² Соболевский А. И. Ярило.— Сборник Отделения русского языка и словесности АН, 1910, т. 88, № 3, с. 267.

³ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды, вып. 4. М., 1838, с. 55.

⁴ Там же, с. 56-61.

помер!"¹ Мужчины сходились на этот вопль, поднимали чучело, трясли и произносили: „Эге, баба не бреше! Вона знае, що їй солодче меду". Женщины продолжали вопить: „Якїш же вин був хороїї да якїш услужливый". Смотрели на него любово-страстно и говорили: „Не встане вин больше! О як же нам расставатися с тобою! и що за жизнь, коли нема тебе. Приподнимись хоть на часочек! но вин не встае и не встане". После (...) уносили чучело и хоронили»¹.

В 1895 году в журнале «Киевская старина» появилась статья С. Венгрженовского «Языческий обычай в Брацлавщине „гоньты шуляка"». Обряд, зафиксированный автором на Подолье, хоть и не походил ничем на празднования в честь Ярилы, но относился к той же календарной дате (первому понедельнику Петровского поста) и вобрал в себя немало эротических элементов. Сам по себе обычай был посвящен охране домашней птицы от летних нападений на нее «шуляка», т. е. коршуна; центральным его эпизодом было изготовление чучела «шуляка» из платков, а затем «изгнание шуляка» с шумом, криком и визгами. На разных этапах обряда, названного автором статьи «самым бесчинным праздником» из всех ему известных, женщины — основные его участницы — устраивают выпивки и гуляния, во время которых «поют срамные песни, рассказывают сальные анекдоты, откальваются самые бесстыдные шутки (...) В этом случае стараются пересолить в подобных выходках, что, по убеждению народа, при гонении шуляка требуется самою идеею празднования, ибо в этот день женщинам все позволяет. Если попойка проходит в корчме, то мужикам вход туда заказан, но тем не менее женщины ждут их, так как иначе праздник не достигнет цели». Когда кто-нибудь из мужчин — отчаянный смельчак или просто любитель острых ощущений — все же решается войти в кабак, начинается настоящая оргия. К нему «пристают пьяные бабы с сальными шуточками, тормозат его со всех сторон, рвут на нем платье и стараются обнажить его донага»².

Еще одно свидетельство о праздновании дня Ярилы относится к Зарайскому у. ^рязанской губ. В своей небольшой публикации на эту тему Н. М. Мендельсон ука-

¹ Терещенко А. В. Быт русского народа. СПб., 1848, ч. 5, с. 101.

² Венгрженовский С. Языческий обычай в Брацлавщине «гоньты шуляка». — Киевская старина, 1895, т. 50, с. 296.

зал на то, что в данной местности в Петровское заговенье молодежь отправлялась на лодках к месту Ярилиной плешь, где устраивала гуляние, называвшееся «справлять ярилки» и имевшее «разнузданный» характер¹. Никаких дополнительных деталей автор не сообщал. Значительно позже Э. В. Померанцева обнаружила материалы Н. М. Мендельсона в архиве Государственного музея этнографии народов СССР (ныне — Российский этнографический музей) и частично опубликовала их. Интерес вызывает, в частности, замечание одного из участников обряда о том, что Ярила «любовь очень одобрял»². В той же статье Э. В. Померанцева привела аналогичные архивные свидетельства из Даниловского у. Ярославской губ., где еще в начале XX в. сохранялся обычай «погребать ярилинину плешь». Его участники делали из глины куклы Ярили («в рост человека с подчеркнутыми признаками мужской силы») и Ярилки, а после гуляния разбивали их и кидали в воду³.

Новые архивные материалы, относящиеся к петровским праздникам и специально к Ярилин дню, были не так давно введены в научный оборот Т. А. Бернштам. Исследовательница обратила внимание на календарное и терминологическое сближение Ярилин дня и Купалы («Ярила по-другому называется Иван Купальный» и т. п.), подтверждающиеся и параллелизмом эротических обрядов Петровского заговенья и Купалы. Кроме того, она опубликовала любопытное архивное описание обряда «караулить солнце», относящееся к Орловской губернии (обряд совершался в Петровское заговенье): «Один из актов этого обряда назывался *колесня*: на тайно добытые два колеса сажали бабу и парня, изображавших невесту и жениха, и начинали играть „свадьбу“, причем исполнялись все свадебные этапы, от сватовства до венчания. Чуть всходило солнце, бабы снимали сарафаны, распускали волосы и бегали в таком виде по деревне, преследуемые парнями; у не снявших одежду разрывали ворот рубахи или сдергивали пояса; девушки в это время свистели, плясали, пели»⁴.

---

¹ Мендельсон Н. Из наблюдений в Зарайском уезде Рязанской губернии.— Этнографическое обозрение, 1899, № 1—2, с. 385.

² Померанцева Э. В. Ярилки.— Советская этнография, 1975, № 3, с. 128.

³ Там же, с. 128.

⁴ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX - начала XX в., с. 178-179.

К изложенным здесь обрядам откровенно эротического толка примыкают немногочисленные свидетельства о травестизме в обычаях Петровского заговенья (ср., например, владимирский обычай «проводить весну», изгоняя в рожь девушку, переодетую парнем, и парня, переодетого девушкой)¹, а также обычаи любовной магии, практиковавшиеся в этот день на Русском Севере².

Среди троицких обрядов, предшествующих Петровскому заговенью, эротические элементы встречались — судя по имеющимся публикациям — значительно реже. **На** Верхней Волге был известен обычай делать в Семика (четверг, предшествующий Троице) два чучела: Семика и Семичиху, относить их в поле и оставлять на ночь под деревом. Наутро, вернувшись на прежнее место, у них спрашивали: «**Как** вы ночку провели, молодца с молодцом?», после чего чучела разоряли³. В архивных материалах, относящихся к Нижегородской и Владимирской губерниям, есть указания на травестийное переряживание молодежи в Семика и Семичиху⁴.

В архиве кафедры фольклора филологического факультета **МГУ** имеются небольшие описания духовского обряда из Куйбышевского р-на Калужской области, т. е. из тех же мест, откуда и публикуемые ниже материалы **Е. В. Миненок**. Согласно этим свидетельствам, здесь на Духов день (вероятно, в троицкое воскресенье) из березы делали чучело, одевали его в мужскую одежду, украшали венками и, отнеся к реке, топили или купали. Куклу эту звали Халимон (искаженное Филимон). Во время потопления куклы участники обряда пели песни откровенно эротического содержания:

Во ржи на межи
Халимон ночевал,
Халимон ночевал,
Три беды сбедовал,

---

¹ Добрынкин Н. Народные обычаи в Меленковском уезде.— Владимирские губернские ведомости. Часть неофициальная, 1896, № 6, с. 6.

² См.: Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. М., 1979, с. 254.

³ Зеленин Д. К. Описание рукописей Ученого архива Императорского Русского географического общества. СПб., 1915, т. 2, с. 102.

⁴ Бернштам Т. А. Указ. соч., с. 177.

Три беды сбедовал,
Трех баб пое...¹.

В одной из соседних деревень в тот же год был записан обряд, коррелирующий в некоторых деталях с похоронами Костромы или Кострубоньки. **В** Духов день люди собирались **на** главной площади села, образовывали круг, в середину которого ложился человек, изображавший покойника. Вокруг него стояли «родственники» и причитающая по умершему «вдова». По истечении некоторого времени «покойник» неожиданно вскакивал и начинал целоваться со всеми подряд, **а** люди, стоявшие вокруг, приговаривали или припевали:

Милой устал,
Из мертвых устал,
Из мертвых устал,
Целоваться стал².

В архиве лаборатории народной музыки [Российской академии музыки им. Гнесиных среди материалов, записанных **на** Смоленщине, нам встретилось указание на духовское гуляние женщин, совершаемое ежегодно **в** роще под березками и сопровождаемое обязательным кумлением, яичницей и исполнением «срамных» песен, **в** частности, такой:

Пошли девочки в лужочку,
Нашли хуй **в** бороздочку...
Поделили по кусочку,
Однa одну **за** косу:
Давай мою колбасу!

По замечанию собирателя, мужчины не принимали непосредственного участия в этом обряде, однако, как часто и бывает, находились где-нибудь поблизости, подслушивали, подсматривали, смеялись и отпускали **в** адрес женщин малопрстойные шутки³.

¹ МГУ. Материалы фольклорной практики, 1977, т. 13, № 269; т. 14, № 306. Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Проходы. Описание обряда очень краткое, а песня, по-видимому, не закончена. Ср. описание Е. В. Миненок и песню № 10 в публикации Л. М. Винарчик.

² Там же, 1977. Материалы фольклорной практики, т. 18, № 3. Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Селилово.

³ РАМ. Экспедиция 1988 г. Смоленская обл., Кардымовский р-н, д. Коншино. Ф — 2716.

Таков основной корпус известных нам к настоящему времени материалов, касающихся «эротического» пласта календарной обрядности троицко-петровско-купальского цикла. Среди них наиболее заметное место занимают эротические элементы в традиционном ряжении (ср. выше в тексте XVII в.) и поведении ряженных, изготовление ритуальных чучел с ярко выраженными половыми признаками, мотивы коитуса (как в обряде, так и в фольклоре), оргиастические элементы, полное или частичное обнажение, а также — травестизм, мотивы брака, любовная магия и гадания. При ближайшем рассмотрении оказывается также, что среди приведенных здесь этнографических материалов достаточно четко выделяются две группы. Сведения, заимствованные нами из источников XIX — начала XX в., практически всегда не столь информативны, как хотелось бы. По тем или иным причинам собиратели и публикаторы обычно воздерживались от изложения наиболее «пикантных» подробностей того или иного обряда; избегали они и обнародования откровенно «порнографических» (по выражению С. Венгрженовского) фольклорных текстов. И лишь публикации последних 20—30 лет (материалы Э. В. Померанцевой, В. К. Соколовой, Г. В. Тавлай, Т. А. Бернштам), опирающиеся на архивные и современные полевые материалы, конкретизировали многие общие положения, касающиеся «разнужданности» весенних языческих праздников, превратив домыслы, намеки и догадки в подлинно научные факты. И все же на общем фоне предлагаемые ниже вниманию читателей материалы Е. В. ЗМБинж и Л. М. Винарчик, посвященные троицким обрядам западнорусского региона, представляются уникальными, поскольку действительно впервые вводят в научный оборот полные (без купюр), очень подробные и совершенно оригинальные описания «эротических» обрядов и сопровождающие их фольклорные тексты, тем самым предоставляя исследователям возможность сопоставить их с известными до сих пор, а кроме того, создавая прецедент, которому, хочется надеяться, последуют другие собиратели и издатели.

Татьяна АГАПКИНА

«СРАМНЫЕ» ПЕСНИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В Смоленской области песни эротического содержания были строго приурочены к обрядам троицкой недели (восьмой после Иасхи)¹, когда девушки и женщины кумились и гадали по завитым на березах венкам. В Духов день после полудня участницы обряда шли к березам, растущим неподалеку от житного поля, и делали венки, предназначенный для кумления. Он представлял собой «воротца» из двух молодых берез, которым переплетали макушки, или связанные дугой две большие березовые ветки. Кумящиеся по двое проходили под венком навстречу друг другу или переступали через венок, который держала в руках «бабушка Куприяновна» — так называли пожилую женщину или вдову, выполнявшую специальную роль в обряде кумления. Затем они целовались через подвешенный к венку крестик и менялись какими-либо личными вещами: украшениями, одеждой,— после чего считались кумами. Иерекумившись, женщины завивали венки для гадания — закручивали, не ломая, березовые ветки и примечали свои венки, а потом здесь нее, «под березами», готовили и поедали яичницу — обязательную ритуальную пищу.

В следующее воскресенье — Иетровское заговенье — снова шли к березам раскумиться и развить венки. Вновь совершались те же действия, что и при кумлении, причем вещи, которыми обменивались в Духов день, возвращались их владелицам, перестававшим с этого

---

¹ В отличие от церковного календаря здесь, как и в других западнорусских традициях, в восьмое от Пасхи воскресенье празднуется день Святого Духа, а Троица — в следующий за ним понедельник. В соответствии с этим и неделя, и обрядовые песни, исполняемые в это время, называются духовскими.

момента быть кумами. О судьбе лее самих гадающих или их близких родственников, на которых также можно было завивать отдельные венки, узнавали по состоянию венков. «Невеселый», засохший или развившийся раньше времени веночек предвещал болезнь или смерть.

Духовские обряды всегда сопровождались исполнением специальных песен: в каждом населенном пункте они были представлены несколькими (от двух до четырех) напевами, координирующимися с группой поэтических текстов. Для обозначения этих напевов использовался ряд традиционных терминов: «духовские», «майские», «весновские», «венковские», «траецкие».

Духовские песни эротической тематики бытуют в Смоленской области не повсеместно. Они сосредоточены в юго-восточной ее части — в верховьях Десны, на смоленско-калужском пограничье. Это ^рославльский, Починковский, Ельнинский и Угранский районы; имеются отдельные сообщения об этих песнях и из центральных районов области.

По отношению к таким песням исполнители употребляют другую лексику. Их называют «срамными» (наиболее частотный термин), «страмнучими», «страшными», «грешными». Нередко специальный народный термин для них отсутствует, в таком случае информанты описывают эффект, производившийся пением подобных песен: «Знаете, на Духа пели такие песни, что уши вяли. Пойдут в лес, бывало, и там такие песни поют...» (с. Савеево Рославльского р-на), «...Тока ж аны дужа неудобные бабы играли эти песни» (с. Богданово Рославльского р-на).

В сообщениях особенно подчеркивается то обстоятельство, что «срамные» песни дозволялось петь только в рамках духовского ритуала: «Страмшину только на Духа пели, когда в венки ходили. Всё было это прошшено! Это как положено было. Никакой страмшины нет. Бывало, и мужики, и ребята женихи, и дети были. И усё пели. Это как положено» (с. Жарынь Рославльского р-на). «Только раз в году вот это самый Троица. Да, когда шли в рожь. Там вот такое веселье! Шли все в таком настроении! И разрешалось раз в год петь вот такие грешные песни» (с. Выходы Угранского р-на).

Такое строго обрядовое закрепление отличало «срамные» песни от собственно духовских напевов, часть которых имела сезонную приуроченность и звучала в течение всего послепасхального весеннего периода.

Более того, на обозначенной территории исполнение «срамных» песен, как правило, фиксировалось и в самом ритуале, они сопровождали шествие жителей деревни с «куклой», которое совершалось в Йетровское заговенье.

«Куклу» — антропоморфное чучело — делали из двух берез, наряжали в женскую одежду, придавали ему подчеркнuto женские формы: «Кукла — две березки — голова, плаття, платок, хвартук, сиськи, как у женщины. И трясли её» (с. Крапивна ^рославльского р-на). После раскумливания и развивания венков «куклу» несли «заливать»; проходили с ней через всю деревню, затем направлялись к реке, где «кукду» разряжали и бросали в воду. Потопление «куклы» означало окончание духовских праздников и всего весеннего сезона (по словам исполнителей, возвращаясь в деревню, духовские песни уже не пели, так как с этого момента начинали петь «летние» песни).

Во время шествия с «куклой» участники обряда трясли ее и при этом плясали сами. Этим объясняется то, что «срамные» песни по своей музыкальной стилистике являлись в большинстве случаев плясовыми и редко входили в число собственно календарных напевов.

Вероятно, эротическая тематика части духовских песен была обусловлена женским характером праздника. В этот календарный отрезок особенно актуальным становилось разделение деревенской общины по половому признаку, причем в сложившейся структуре женщины (чаще всего замужние) занимали главенствующее положение, иногда откровенно демонстрируя свою власть: «ужиков не брали. Токо женщины. Который мужичок пойдёт, так яму штанки спустют. Нельзя было» (с. Остёр ^рославльского р-на). «Мушыны под гародой сидят... Ховаюца, песни наши слухают. Мы срамные поём, а яны хохочут» (с. Шокино Кардымовского р-на).

Интересно, что аналогичные описываемым действия в данной традиции могли быть приурочены к празднику Жён-Мироносиц, отмечаемому в третье воскресенье после Пасхи (его народные названия — «жемараностя», «жимаростя», «мараностя»). «Гуляльня. Женшыны складаюца. Пяют такія... Если мушына вдеть, дак у-хадди! Мушын ловюць, аны утикаюць. Жимаростя — мушыны все ховались от женшын. Песни похабные пели. В лес пойдём. Яешню жарим» (с. Мурыгино Починковского р-на).

1. БРАЛА ДЕВКА ЛЁН-ЛЁН

Брала девка лён-лён,
Брала, выбирала,
Брала, выбирала,
Камнями бивала.

Боялася девка
Да серого волка.
Боялася девка
Да серого волка.

Йна таго серова,
Своего милова.
Йна таго Серова,
Своего милова¹,

Что по полю рыщет,
Красных девок ищет.

Схватил девку поперёк,
Ионес ее во лесок.

За пень, за колоду,
За белу берёзу.

Постой, парень, не валяй,
Сарахвана не марай.

Сарахван мой синий,
Сама, девка, скину.

Сама, девка, скину,
Под себя подкину.

Руки-ноги разложу,
Дороженьку покажу.

Дороженька торна,
Моя манда черна.

Черная цыганка,
Ребьячья сподманка.

---

¹ Здесь и далее форма песенной строфы показывается в трех первых строфах.

Ребятушки дураки
Взяли её в кулаки.

Ребятушки черти
Стали её терти.

Терти-потирати,
На хуй надевати.

1а. БРАЛА ДЕВКА ЛЁН-ЛЁН

Брала девка лён-лён,
Брала, выбирала.
Брала девка лён-лён,
Брала, выбирала.

Боялася девка
Да серого волка.
Боялася девка
Да серого волка.

Не того волка боялась,
Что по полю рыщет.
Не того волка боялась,
Что по полю рыщет.

А того волка боялась,
Что по лесу свищет.

Откуль взялся паренёк,
Схватил девку поперёк.

Постой, парень, не валяй,
Сарахван мой не марай.

Сарахван мой синий,
Сама, девка, скину.

Руки-ноги разложу,
Дороженьку покажу.

Дороженька торна-торна,
Моя эта чёрна-чёрна.

За парнёвы деньги
Куплю я ей серьги.

Куплю колокольчик
На самый хохольчик.

Кто её затронет —
Колокол зазвонит.

16. БРАЛА ДЕВКА ЛЁН-ЛЁН

Брала девка лён-лён,
Брала, выбирала,
Брала, выбирала,
Землю выбивала.

Брала, выбирала,
Землю выбивала.
С откуль взялся паренёк,
Узял девку поперёк.

С откуль взялся паренёк,
Узял девку поперёк,
Узял девку поперёк,
Понёс её во лесок.

Понёс девку у лесок,
За пень, **за** колоду.

За пень, **за** колоду,
За белу берёзу.

Постой, парень, не валяй,
Сарахвана не марай.

Сарахван мой синий,
Сама, девка, скину.

Сама, девка, скину,
Под себя подкину.

Ручки-ножки разложу,
Дороженьку покажу.

Дороженька торна,
Моя пизда черна.

Черна, как цыганка,
Ребьячья подманка.

А я её блядю
На речку носила.

На речку носила,
Вальком колотила.

Суконками тёрла,
Чтобы была черна.

Черна, как цыганка,
Ребьячья подманка.

На самый **хохольчик**
Куплю колокольчик.

Кто пизду потронить —
Колокол зазвонить.

Кто её нарушить —
Колокол оглушить.

2. Я ПОЕДУ, Я ПОЕДУ...

Я поеду, я поеду, я **за** речку пахать,
Я поеду, я поеду, я **за** речку пахать,

Я надену, я надену хомуток **на** хуёк,
Я надену, я надену хомуток **на** хуёк,

А лямчики да на яйчики,
А лямчики да на яйчики,

Сядёлочку на пиздёлочку,
Сядёлочку на пиздёлочку.

3. КАК ПОЙДУ Я К ТАНЕ...

Как пойду я к Тане,
Попрошу я бани.
Кума моя, кумушка,
Душа голубушка.

Ой ты, кума Таня,
А ты дай мне бани.
Кума моя, кумушка,
Душа голубушка.

А ты дай мне бани
Иолечить мне раны.
Кума моя, кумушка,
Душа голубушка.

А я мьюсь, мьюсь,
Я на хуй подвинусь.

А я парюсь, парюсь,
Я на хуй пускаюсь.

Гляну у порожек —
Три пизды вожжат.

Гляну у святые —
Три пизды слепые.

Гляну у пячурку —
Лежит хуй в скатёрке.

4. А В БОРУ, В БОРУ...»

А в бору, в бору
Иод осинкою,
Ой люли люли,
Под осинкою.

Там сидит пизда
С хворостинкою,
Ой люли люли,
С хворостинкою.

Йна не так сидить —
За пизду дяржить,
Ой люли люли,
За пизду дяржить.

А ребятушки,
Хуй вашей матушки.

Ти ня видели
Вы кобылушку.

А у кобылушки
Две предметушки.

А на лбу звезда,
Под хвостом пизда.

5. ПОДГОВАРИВАЛ ВАНЮША...

Подговаривал Ванюша к себе Дуню ночевать,
Эй Дуня ты Дуня, Дуня дочка моя.

Поночуй-ка, Дунюшка, поночуй, голубушка,
Эй Дуня ты Дуня, Дуня дочка моя.

Я куплю тебе серёжки серебряные,
Эй Дуня ты Дуня, Дуня дочка моя.

А другие — золотые с поднавесочками.
А за еты за слова соглашалася сама.
Словно Ванюшка по горенке похаживает.
И сапожек об сапожек и пощелкивает.
Лебядиное пярo вынимает наголо.
А стал Ванюшка писать — стала Дунюшка кричать.
Ах ты Ванька, ах ты пёс, широку рану разнёс.
Сараханом не закрыю, дярюгою не заткнёшь.
Девяти аршин брявно — тоя поперек лягло.
Пахарь пашенку пахал — он и то туда попал.
Пастух лапти плёл — он и то туды забрёл.
Жерябёночек-прыгун — он и то туды впрыгнул.
Пастухова пуга затянула туго.

6. У НАШЕГО БАРИНА...

У нашего барина,
В нашего государя
Так стоит, так стоит у него,
Так стоит, так стоит у него.

И туда-сюда стоит,
Во все стороны глядит
Вороной конь на дворе,
Вороной конь на дворе.

У нашей у барыни,
В нашей государыни
И космата и лохмата у неё,
И космата и лохмата у неё.

И туда-сюда лохмата,
Во все стороны космата
Чёрная ярка на дворе.

У нашего барина,
В нашего государя
Так скрипит, так скрипит у него.

И туда-сюда скрипит,
Во все стороны скрипит
Сафьян сапог на ноге.

У нашей у барыни,
В нашей государыни
И широка и глубока у неё.

И туда-сюда широка,
Во все стороны глубока
Копаница у саду.

У нашей у барыни,
В нашей государыни
Так шамтить, так шамтить у неё.

И туда-сюда шамтить,
Во все стороны шамтить
Чёрный фартук на груди.

7. УЖ ТЫ ХИМА-ХИМА...

Уж ты Хима-Хима,
Ой Хима по полю ходила,
Ой лёли лёли,
Ой Хима по полю ходила.

Хима по полю ходила,
Ой Хима белый лён полола,
Ой лёли лёли,
Ой Хима белый лён полола.

Наполовши припотела,
Ой йна купаться захотела,
Ой лёли лёли,
Ой йна купаться захотела.

А йна скинула рубашку,
Ой положила на краёчек.

Положила на краёчек,
Ой на крутенькии беряжочек.

С откуль взялся ой Игнашка,
Ой он украл её рубашку.

Он украл её рубашку
Со тонкими рукувами.

Со тонкими рукувами,
С кумашными поляками.

Хима была не стыдлива,
Ой со речушки выходила.

Со речушки выходила,
Ой йна Игнашке говорила:

Ты рассукин сын Игнашка,
Ой ты отдай мою рубашку.

Со тонкими рукувами,
С кумашными поляками.

Тут Игнашка побожился,
Он к Николе приложился.

Подыми меня Никола
Выше города Нового.

Выше города Нового,
Ты ударь-ка об лужишко.

7а. ПО КАНАВКЕ РОСЛА ТРАВКА...

По канавке росла травка,
По канавке росла травка.

Барыня ты моя,
Сударыня ты моя,
Росла травка.

Мужуки сено косили,
Мужуки сено косили,
Барыня ты моя,
Сударыня- ты моя,
Всё косили.

Девки сено ворошили,
Девки сено ворошили.
Барыня ты моя,
Сударыня ты моя,
Ворошили.

Ворошомши сопотели,
Ворошомши сопотели.

Йны купаться захотели,
Йны купаться захотели.

Йны поскидали рубашки,
Йны поскидали рубашки.

Ещё сини сарахваны,
Ещё сини сарахваны.

С откуль взялся воровашка,
С откуль взялся воровашка.

Покрав девичьи рубашки,
Покрав девичьи рубашки.

Ещё сини сарахваны,
Ещё сини сарахваны.

Одна девка посмелел,
Одна девка посмелел.

За ворашкой побежала,
За ворашкой побежала.

Куманёчком называла,
Куманёчком называла.

Ой ты кум мой, куманёчек,
Ой ты кум мой, куманёчек.

Отдай девичьи рубашки,
Отдай девичьи рубашки.

Ещё сини сараханы,
Ещё сини сараханы.

8. ПАЛАГЕЯ

Как пришла Палагея
У чисто поле гулять,
Эх ох ха ха,
Ох ти мне.

Пашаницу зажинала,
Она снова начинала,
Эх ох ха ха,
Ох ти мне.

Не видя кто,
Не нясеть ли чего,
Эх ох ха ха,
Ох ти мне.

Да раз Ванюшенька идёть,
Башмаки-чулки нясеть.

Башмаки-чулки нясеть.
И с подвязочками.

И чулки надевала,
И ногу задирала.

Как увидел Иван —
Он и к земле припал.

А и что Палагея
Промеж ног черна?

Хоть ивлел[?], ти шалел,
Аи за ухо узяло?

Ты ты в лесе не бывал,
И зварёв не видал?

Я в лесе бывал,
И зварёв видал.

А зварёв я видал,
Но такого не видал.

А етыт зверь
Издаlechе привезён.

Издаlechе привезён,
Промеж ног посажён.

Промеж ног посажён,
Пиздь! имя наложен.

9. БЕЗ МОРКОВКИ ЖИТЬ НЕЛОВКО ..

Без морковки жить неловко,
Без морковки жить нельзя,
Э-э ох ха ха,
Без морковки жить нельзя.

Морковочки захотела,
Я на рыночек пошла,
Э-э ох ха ха,
Я на рыночек пошла.

На рыночек пошла,
Морковочки не нашла,
Э-э ох ха ха,
Морковочки не нашла.

Морковочки не нашла,
Я до квартала пошла.

Откуль взялся солдат Яшка,
Ён изволил под бок сесть.

Ён изволил под бок сесть,
Говорит: морковка есть.

Говорит: морковка есть,
Иол-аршина, вершков шесть.

10. У НАС СЁДНИ...

У нас сёдни Филимон ночевал,
Ой лёли лёли, Филимон ночевал.

Филимон ночевал, три беды1 сбедовал,
Ой лёли лёли, три беды1 сбедовал.

Три беды сбедовал, три пизды украл,
Ой лёли лёли, три пизды украл.

Первая пизда — пись, пись, пись, пись, пись.

Другая пизда — вись, вись, вись, вись, вись.

Третья пизда — Филимон убрал.

Филимон убрал и в кошель поклал.

И в кошель поклал, и с собой понёс.

И с кишочками, с требушочками.

Публикация Л. М. Винарчик

ОБРЯД ДУХОВА ДНЯ В СЕЛЕ ТРОИЦКОМ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Из года в год накануне Духова дня, в Духовскую субботу, идут жители села на кладбище «навестить» умерших родственников. Ради этого события собираются всей семьей, включая грудных детей.

И в этот раз, чем ближе мы подходили к березовой роше, скрывающей кладбище, тем явственнее слышался странный монотонный гул. Звук производил жутковатое впечатление, казалось, что от какого-то непонятного напряжения гудят сами березы. Время от времени раздавались резкие вскрики. Уже на кладбище стало понятно, что ощущение непрерывно ноющего гула создавала разноголосица поминальных плачей. Каждая семья расстелила на могиле своего родственника скатерть и выложила нехитрое поминальное угощение — яйца, печенье, конфеты. Это был приснопамятный 1986 год, время «борьбы с алкоголизмом». Люди, увидев кинокамеры, снимающие поминальную трапезу, прятали стаканы и бутылки с самогонкой. Но одна женщина не постеснялась и демонстративно перед камерой налила себе полную стопочку. Принесенную с собой поминальную еду (блины, конфеты, печенье) частью съедали, а больше раздавали всем проходящим мимо могил, особенно детям. Нерозданное оставляли здесь же — «пусть птички поминают душеньку». Три старушки ходили мимо могил, кадили угольком из консервной баночки (вместо ладана и кадила) и тихонько тянули: «Святый Боже, Святый крепкий, Святый бессмертный, помилуй нас...»

Пожилые женщины голосили у родных крестов, выплакивая в причетах всю скорбь от постигшей их утраты, молодые лишь прикладывали платочки к глазам, и кто со слезами, а кто и без поминали усопшую

родню. Удивительно будет завтра встретить тех же людей, которые в порыве всеобщего веселья станут петь «срамные» «духовские» песни. Те же лица, сейчас заплаканные, завтра будут светиться неподдельной радостью. А сегодня до самого вечера всё шли и шли к березовой роще люди с узелками и букетами.

Глубокая печаль, какая-то бесконечная внутренняя сосредоточенность Духовской субботы поразительно контрастировала с безудержным разгулом наступавшего воскресенья — Духова дня¹.

Обычно сам праздник начинается после полудня. В Духов день 1986 года с самого утра зарядил дождь, и мы боялись, что никто не выйдет на улицу и Духов день не придет, как не пришел он в прошлом, 1985 году, когда из-за дождя никто не решился идти в лес за духовской куклой.

После полудня дождь стал утихать и три старушки пошли к дому Марии Федоровны Линьковой, «главной распорядительницы Духова дня»². Именно она «командует» молодежью в процессе изготовления ритуальной куклы и запекает почти все «духовские» песни. Изба ее — настоящий расписной терем, изукрашенный резьбой, — дело рук ее мужа, талантливого плотника Виктора Федоровича Линькова³. Старушки взойшли на крыльцо, открыли дверь и скрылись в сенях. Некоторое время они пробыли в доме — должно быть, собирали все необходимое: топор, веревки, уголек, наряд для куклы. И вот они вышли, «первые на празднике», в синих сарафанах, белых кофтах, повязанные цветастыми подшальниками. Мария Федоровна со своей ближайшей подругой, Зинаидой Васильевной Ефременковой⁴, впе-

---

¹ В отличие от церковной традиции, Троица в данной местности отмечается в понедельник, а Духов день — в воскресенье.

² М. Ф. Линькова (1926 г. р., уроженка д. Козловка) — одна из лучших исполнительниц села, репертуар — более 150 песен. Вышла замуж в пос. Погуляй (1 км от Троицкого), сейчас это один из «концов» села. Про Погуляй рассказывают, что в незапамятные времена барин проиграл (а по местному выражению «прогулял») в карты их жителей, отсюда и слава о погуляевцах как о народе чрезвычайно веселом, песельном. М. Ф. Линькова — в полном смысле слова душа Погуляев. Очень энергична, обладает сильным и независимым характером.

³ В. Ф. Линьков (1928 г. р.) — к тому же один из лучших гармонистов села, прекрасный мастер по дереву и пчеловод.

⁴ З. В. Ефременкова (1926 г. р.) — библиотекарка, также владеет обширным песенным репертуаром, ближайшая подружка М. Ф. Линьковой, в противоположность последней обладает мягким и уступчивым характером.

реди всех. Пройдя метров десять, запели первую «духовскую» — «Посеяли девки лен» (№ 1), потом — «Приглашал Ваня Дуняшу» (№ 9). Кое-кто из пожилых возражал против подобной вольности, «скромные песни до куклы петь не положено», но певцы не обращали внимания на замечания: главное — начать Духов день. И правда, стали отворяться двери на крылечках, из калиток выбегали ребяташки и собаки. И те и другие пристраивались к поющим сбоку. Постепенно народу становилось больше. Кто только вслушивался в слова песни и, уловив их запретный смысл, от души смеялся, а кто уже и подхватывал:

— Наша Дуня соглашалась, ночевать с Ваней осталась!

Пожилые исполнительницы распевали матерные слова нарочито громко, с вызовом, другие женщины подхивали, «гукали», тем самым стремясь заглушить «срамоту». Самые пожилые объясняли, что «срамные» песни испокон веков пели на Духов день, чтобы лен хорошо рос, и что матерных слов в духовских песнях стыдиться не надо: «И дети идут, и старики идут — никого не стеснялись»¹.

Каждый участник все больше и больше втягивался в атмосферу праздника. От все усиливавшегося дождя уже никто не пытался укрыться. Люди выходили на крылечки изб, удивленно смотрели на странное шествие и, не удержавшись, вступали в диалог с проходящими мимо:

— Ишь, сарафаны к ногам прилипли, на головы льет, а всё поют! Нас возьмете?!

— А где же «барышня»² ваша? Водой смыло?

— Идем только делать!

— Возьмите хоть меня барышней!

— Ты тяжелая, не дотащим!

Многие не могли устоять перед искушением присоединиться к поющим и выходили на улицу в тапочках, в домашней одежде, с непокрытой головой. Одна песня сменяла другую: «Осенние ночи» (№ 12), «Вспомни, вздумай, мой любезный друг» (№ 15), «Ходила б я по лужку»

---

¹ Характерно, что во время записи тех же песен не в обрядовой ситуации исполнительницы часто стеснялись употреблять нецензурную лексику и старались заменить ее эвфемизмами (см. комментарии к № ю, 11, 14).

² То есть кукла.

(№ 3), «Брали девки лён, лён, брали, выбирали» (№ 10).

К лесу подошла уже толпа человек в двадцать — двадцать пять. У опушки Мария Федоровна принялась гнуть то одну березку, то другую. Всё не то... Итог — вот та, что надо! Последовала команда: «Губите!» Березку срубила молодая дородная женщина, с косой ниже пояса. Она же подрубила и вторую березку¹. Верхушки деревьев женщины крепко связали веревкой, и основания берез стали подобием «ног» будущей куклы. Перпендикулярно стволам привязали принесенную палку, концы ее — «руки» «барышни».

— А голову из чего сделаем?

— Мою голову возьмите! — предлагает одна из старушек.

— Просто заламывай, заламывай, где голова! — командует Мария Федоровна.

Вокруг куклы поднялась суматоха. Многие зрители — городские родственники жителей села Троицкого — впервые попали на Духов день. Изготовление куклы вызвало у них бурный восторг.

Тем временем «голову» куклы набили травой и обернули белой материей:

— А уголь-то есть?

Оказывается, что от воды уголек размок и не чертит на белом полотне.

— Чем же лицо рисовать?

— А пусть она слепая будет! — Остроумная реплика вызывает еще больший смех.

— Слепой плохо!

— !?учка есть у кого?

Наконец нашлась авторучка и «барышне» «открыли» глаза на свет, подвели брови, нос и рот. «Барышня» взлетела над толпой.

— Вот поглядите, в Москве не увидели бы такую чуду!

К предполагаемым «бедам» куклы старушки привязали пышные березовые ветки:

— Кукле нашей выгода, чтоб ночью замуж вышла!

— Ей и свадьба, и зеленый сад в речке будут!

Женщины захотели поправить «голову», но кукла получилась высокой; и они не дотянулись до нее:

---

¹ Раньше в рошу ходили вместе и мужчины и женщины. Мужчины рубили березки, а женщины непосредственно изготовляли из деревьев куклу.

— Ложись!!!

Им никак не удавалось наклонить «барышню»:

— Не хочешь???

^мария Федоровна Линькова запела «Чеботуху» (№11). Женщины прервали ее:

— Погоди — нарядим, тогда будем «Чеботуху»!

Одновременно несколько женщин ломали тонкие березовые ветки и ловко, одним движением, заплетали пышные венки. Повесив на руку пять, шесть венков, они надевали их всем подряд: и зрителям, и тем, кто непосредственно был занят куклой. Постепенно не осталось никого без пышного, мокрого, дивно пахнувшего венка.

Тем временем «барышню» начали одевать. Это оказалось делом нелегким: дождь не переставал ни на минуту, и женщинам никак не удавалось натянуть мокрую юбку на куклу. Кто-то предложил пойти в крайнюю избу и уже там ее одеть. Так и сделали. Толпа зрителей также направилась в дом:

— Эй, все не влезем, хата не резиновая!

— Кукла поместится, проходи!

И обращаясь к самой «барышне»:

— Летний дождик — ничего, вырастешь побольше!

Здесь, под крышей, женщины заботливо поправляли «туловище» куклы, перегovarиваясь при этом:

— Большая, красивая — хороша, хороша!

— Теперь давайте руки, груди!

^маленький мальчик с неподдельным интересом спросил:

— А что у ей внутри?

— Кишки!

Все смеются:

— Ветки у ей, ветки!

Стали решать, кому нести куклу. Обычно выбирают тех, кто не умеет петь, так как на песельниках лежит большая ответственность: «духовские» песни должны звучать одна за одной, громко, на всю округу. Куклу, как правило, несут за «ноги» две женщины. Решили, что первой будет Анна Яковлевна Евсеенкова¹, старушка небольшого росточка. Та, критически осмотрев «барышню», заметила:

— Что-то высокая слишком!

— Ничего, донесешь!

— Ну да, я маленькая, а куклу большую понесу?!

---

¹ А. Я. Евсеенкова - 1923 г. р.

— Смотри-ка: она на саму Евсеиху похожа!
— Ну да! Ей только первый год, а Евсеихе — шесть-десять три года!
— Что ж, чем Евсеиха плоха? — замечает сама Анна Яковлевна. — Хороша я, хороша, да плохо одета!
— А еще кто ж понесет?
— По ходу разберемся, давайте доделывайте!
Женщины вновь принялись подправлять «барышню».

— А те что ничего не делают? Глазуют? Руки давай, руки!

— Еще нету сисек и пизды, как у людей...

— Как у женщин!

— Надо на задницу еще палку, чтоб юбка была широкая! Держи ее, сейчас палку принесу!

— Ну, давайте понянчу ее!

— Сено сухое я скомкала — на задницу!

На «задницу» привязывают палку, параллельно «рукам».

— Руки повыше, еще, еще! Вот, где плечи, а не где груди! Смотри, у тебя откуда руки растут!

— Шея длинная!

— И хрен с ней!

— Неровно голова! — замечают зрители.

— Вы только командуете, а сами что не делаете?

Наконец наступает самый ответственный момент — одевание «барышни», но мокрая юбка по-прежнему не лезет на куклу. Мария Федоровна Линькова командует:

— Через голову уже не пройдет, между ног проташите!

Кто-то подхватывает:

— А старуха старику

Отрубила ноги,

Чтоб не лазил на старуху,

Не делал тревоги!

Но как назло — ни кофта, ни юбка не лезли на «барышню». Анна Яковлевна Евсеенкова принесла халат. Его надели на куклу, сверху натянули юбку:

— И в халате хороша, платью б не надели!

— Вот это баба!

«Груди» и «бедра» куклы набили сеном. На «плечи» «барышни» накинута черная с цветами платок, концы его топорщились:

— Пусть, как цыганка, торчит у нее!

Кто-то подвязал кукле белый фартук. Марии Федоровне он явно не понравился:

- Какой фартук ей привязали, вы что?!
- Она поваром будет!
- Сто грамм ей надо!
- Постой, мы галстук ей повесим!
- Красный галстук! — подсмеивались зрители.
- И зеленый ничего!

Женщины сняли с «плеч» куклы черный платок и накинули зеленую с красными цветами пиа ль:

- Какая красота!
- Эх ты, моя залетка! — Анна Яковлевна обняла «барышню», потом слегка ее помяла, как бы подправляя «фигуру».

На старушку прикрикнули:

- Зачем ты бьешь ее?
- Не приминая!
- Ладно, чем чуднее, тем лучше!
- Шляпу давайте!
- Что ж, рядим бабу, а будет мужик? Платок надо!
- Ну, замучили ее совсем!
- Сиськи надо, сиськи теперь модно!

Под халат кукле вновь подложили приличные пучки соломы. Зрители жалели «барышню»:

- Пристали к ей, бедной!
- Она ж будет длинная, как бабка старая!
- Илая старушечка, как птушечка!
- Правильно: бабки делают, бабка и выходит!
- Она цыганка — ребячья обманка!¹
- Не надо ее дергать, раздергаете!

Хозяйка, приютившая всю компанию, беспокоилась:

- Я свой платок дала, вы ж его не закиньте в речку! И халат мой. Тут моего половина всего, на кукле!

Все засмеялись:

- Зальём² всё!

Хозяйка погрозила полушутя-полусерьезно:

- Я тогда вас залью!
- Не бойсь, не зальем!
- А я вот боюсь, давайте-ка я ее с Евсеихой понесу!
- Во, и вторая нашлась!

---

¹ «Ребячья обманка» — слова из песни «Брали девки лён, лён, брали, выбирали» (№ 10).

² Зальём (*диал.* от «залить») — утопим.

Женщины примеряли «барышне» платки один за другим. Мэри Федоровне не нравились темные шали:

— Она ж не старуха, что ты ей платок по-старушечьи повязываешь?

— Надо посимпатичнее, нашей девке ходить не в чем попало!

— Это ж и не девка, это баба!

Наконец нашли светлый платок с алыми цветами, он понравился всем, подвязали его «барышне», а сверху надели березовый веноч.

Раньше, рассказывала Мария Федоровна, было еще чудней. Кукле под подол привязывали черную овчинку, навроде женского «сраму», а рядили ее по-старинному — в рубаху вышивную, сарафан и фартук-занавеску: «И вот идут по деревне, пляшут с ней, клок черный привяжут, потом подолом трепят и показывают его. Ох, весело было! Грудь пошла трепыхать, этот лоскут, овчинка, мотается, подол отворачивают туда-сюда, и мужики рядом идут, другой любопытный подойдет, себе посмотрит... Что там стбит подол поднять!»

Последние разы «овчинку» перестали делать: «Отходит всё,— вздыхает Мария Федоровна.— Все песни перепеты, пляски переплясаны. Теперь бабка Маша лычком подпоясана»¹.

Готовая «барышня» стояла на крыльце, дождь стал утихать, Мария Федоровна Линькова запела «Посеяли девки лен» (№ 1), и толпа во главе с куклой, которую несли две женщины, направилась по большаку к другому концу деревни². Народ все присоединялся. Позади всех ехала легковая машина — гостям из города хотелось и посмотреть, и не намочнуть. Не успевала закончиться одна «духовская» песня, как сразу подхватывали следующую: «Ой вы, девки-молодки, полно горе горевати» (№ 2), «По улице мимо кузницы» (№ 4), «Ходила б я по лужку» (№ 3), «У канавки росла травка» (№ 6), «Да что ж ты, рябина» (№ 7), «Чеботуха» (№ 11), «Поедемте в Мбскву, купим колокольчик» (№ 13), «Во ржи, на межи, под (и)згородкою» (К 14), «Тута нам попети, тута погуляти» (№ 8).

---

¹ Место хранения — личный архив Е В Миненок,— 1989, т 1, № 58 На Духов день 11 июня 1995 года кукле вновь привязывали «овчинку» — черную синтетическую мочалку (См Комментарии)

² Раньше из березовой роши куклу несли в поле, ставили в рожь, чтобы урожай был хорошим

Готовая «барышня» стояла на крыльце, дождь начал утихать (Слева от куклы — М Ф Линькова)
Кадр из фильма «Духов день» (1986 г)

«На горшке роца березовая»
Кадр из фильма «Духов день» (1986 г)

Случалось, что запевалы — две лучшие песельницы села — Мария Федоровна Линькова и Елизавета Николаевна Тимохина¹ — перебивали друг друга, спеша запеть *свою* «духовскую». Обе вошли в азарт и ни за что не хотели уступать друг другу. Елизавета Николаевна — «коренная, троицкая»: здесь родилась, здесь всю жизнь прожила, а Мария Федоровна — «погуляевская», с другого конца села, вроде как нездешняя, пришлая. Хоть и стояли Погуляй всего в одном километре от Троицкого, а все равно песни погуляевцы играли на свой манер. Сколько горячих споров, а то и ссор было между Марией Федоровной и Елизаветой Николаевной из-за этого. Сперва сладят песню, а потом как заспорят из-за одаого-единственного слова — мол: «ты не так-то! — нет, ты не так-то! — не надо тянуть! — да как же ты не устанумши выведешь! — а вот так и выведу! — ну, выведи, а я послушаю! — вот и послухай!» И правда, «выведет», только другой все равно не угодит — «не так играешь, и все!». И разругаются, разобидятся друг на друга до первой новой песни. Нет больше Елизаветы Николаевны. В тот дождливый Духов день она простудилась, потом долго болела и осенью умерла, не с кем теперь спорить Марии Федоровне...

В продолжение всех плясовых песен «барышню» поворачивали во все стороны, «трясли» мелкими, весьма характерными движениями — поднимали и опускали: «Раз люди пляшут, значит, и она плясала»².

По деревне шли около часа, к шествию с куклой присоединялись всё новые и новые участники, пока процессия не подошла к мосту над небольшой речкой под названием Шуйца. Здесь все остановились, поставили «барышню» на землю. Многие протискивались поближе к кукле, чтобы лучше ее рассмотреть. Елизавета Николаевна Тимохина повела вокруг «барышни» хоровод³. Первой хороводной на Духов день по традиции считается «На горушке роша» (№ 16). Елизавета Николаевна встала внутри хоровода за «девушку», и само

---

¹ Е. Н. Тимохина (1913 — 1986) — уникально одаренная (и в музыкальном отношении, и артистически) песельница.

² Местные названия обрядового действия с куклой: «трепать», «тутахать». В продолжение всего обрядового действия женщины, несшие куклу, менялись, так как «барышня» оказалась не такой уж легкой.

³ В старину хороводы на Духов день водили по несколько часов (см. хороводные песни № 19, 20, 21, 22).

разыгрывание хороводной песни вызвало не меньше восторга, чем «трепание» куклы. Мария Федоровна запела «Селезня» (№ 17). В хороводе шло человек пятнадцать, преимущественно пожилые женщины, зато вокруг хоровода собралась большая толпа зрителей. Мария Федоровна начала их укорять:

— Эх вы, молодье, стоят, только смотрят! Спасибо, что старухи спели!

С ответом не замедлили:

— Сами же пели: «Как старухи скачут, пляшут!»¹
Вот и пляшите!

Словно боясь паузы, Елизавета Николаевна запела «Из-за лесуку, лесу темного» (№ 18). За «девушку» в центр круга вышла Антонина Григорьевна Балабанова². Мария Федоровна и Елизавета Николаевна за «молодцев» вытолкнули двух мужчин из числа зрителей. Поначалу те ужасно стеснялись, пытались выйти из хоровода, но их не выпускали, и они, почувствовав плавный ритм песни, вошли в «роль». Еще допевались последние слова хороводной, как Мария Федоровна начала новую песню — «Как на горке, на крутой стоял цыган молодой» (№ 5). Раньше хороводные песни пели из березовой роще, там же, где делали куклу (№ 19—22), но теперь из-за дождя решили водить круг у моста, да и народу здесь собралось гораздо большее. На этот раз хороводных песен пели мало (№ 16, 17, 18) — все замерзли. Медленное кружение в хороводе не давало возможности согреться. И тогда стали сетовать, что нет гармонии.

В старину на Духов день собиралось до пяти гармонистов, молодежь брала с собой водку, драчены³, отмечала праздник. На гулянье вместе сходились две-три деревни. «Мужики разопьют бутылку в выходной — песен полно, а пьяных никого не было!»⁴

А сейчас не оказалось ни одного гармониста. Решили немедленно привезти. Поскольку кто-то из зрителей

---

¹ «Как старухи скачут, пляшут!» — строка из песни «Селезень мой» (№ 17).

² А. Г. Балабанова (1930 г. р.) — одна из лучших частушечниц села.

³ Драчены — яичница с мукой и молоком, ритуальная еда на праздниках Троицкого цикла.

⁴ Место хранения: МГУ, 1986 (зима), т. 3, № 236. Зап. Е. В. Миненок (Андросовой) в д. Ильяковка Калужской обл., Куйбышевского р-на от М. В. Романенковой, 1910 г. р.

наблюдал за праздником из «ЗКигулей», его-то и отправили за гармонистом. Минут через десять такового доставили. С первыми аккордами в круг выскочили женщины самых разных возрастов, пошла пляска под частушки (№ 24—43).

Неожиданно для всех гармонист заиграл вальс, закружилась несколько пар, а в центре вальсировала Анна Яковлевна Евсеенкова со своей березовой «барышней», крепко прижимая ее к себе...

В хорошую погоду на Духов день гуляют до полуночи, но сегодня все, мокрые до нитки, решили разойтись до вечера. С песней «Смирёная беседушка, где батюшка пьет» (№ 23) толпа направилась к мосту. Невыразимо печальная мелодия песни удивительно соответствовала происходящему: с куклы сняли фартук, халат, платок с алыми цветами, а две березки, связанные друг с другом, с палкой поперек стволов, которая только что была «руками» «барышни», с белым куском материи — «лицом» барышни, бросили в Шуйцу.

«Туловище» медленно поплыло по течению, Затем каждый кинул в воду свой венок и остался стоять на мосту, наблюдая, как он плывет. Если венок потонул — к скорой смерти, плывет под водой — к болезни, приблизился к берегу — к отъезду из села, а если неспешно влечется течением по поверхности воды — к долгой, спокойной жизни. У одной старушки березовый венок кружился на одном месте, а потом пошел ко дну:

— Ох, не доживу до следующего Духова дня, последний раз плясала!

И она еще долго стояла на мосту, надеясь, что ее венок вынырнет из темной воды.

Рано утром на следующий день, в понедельник, ходят на Монахов колодец — «грехи замаливать». С этим местом, расположенным в двух километрах от села, в глухой лесной чаще, связана следующая легенда.

Когда-то здесь жил монах-отшельник, молился в глуши за грехи рода человеческого, постился и стал почти святым. Как-то раз пришли к нему разбойники, стали требовать, чтобы он указал им, где клад зарыл. А у него и не было никакого клада, но не поверили ему разбойники. Раскололи они пень да в расщелину заложили бороду святого старца, а сами ушли. Стал отшельник по волоску бороду выдергивать, а когда вырвал

последний волосок, то в ту же минуту отдал Богу душу. В память о нем и выкопали люди Монахов колодец, который до наших дней почитается за святое место¹. Каждый раз после Духова дня полагается прийти сюда, помолиться от всей души, чтобы Бог простил «страм», какой творили день назад, бросить мелкие монеты на дно и взять воду на случай болезни, оставив рядом с колодцем поминальную еду.

Сейчас мало кто соблюдает этот обычай, но все лее, несмотря на бесконечно морозящий дождь, на траве лежало несколько кулечков с печеньем и конфетами. Теперь далеко не все знают дорогу к Монахову колодцу, да и сам он, давно не чищенный, зарастает тиной².

В следующее воскресенье, через неделю после Духова дня, все, кто «завивал» венки, ходят их «развивать». Старые люди говорят, что, если не «развить» венка, на нем будут качаться русалки и у того человека весь год будет болеть голова.

А в старину через неделю после Духова дня, помимо «развивания» венков, снова делали куклу, но рядили ее уже мужиком и проделывали с ним то же самое, что и с куклой-«барышней». «В кармане бутылка у него. Как несут, так и надо с бутылкой кинуть!»³

Только после «зеленых святок» разрешалось ломать банные веники: до Духова дая березовый лист считался «неполноценным», не набравшим силы⁴. Именно после троицких гуляний наступала пора настоящего расцвета природы.

Публикация Е. В. Миненок

---

¹ Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 62-а, М. Ф. Линькова, 1926 г. р.

² Это наблюдение относится исключительно к 1986 году. В 1995 году на Монаховом колодце в понедельник после Духова дня — 12 июня — священник пос. Бетлица служил молебен перед многочисленной паствой и совершил обряд крещения. (См. Комментарии.)

³ Место хранения: МГУ, 1986 (зима), т. 17, № 13. Зап. А. Г. Гачевой в с. Троицкое Калужской обл. Куйбышевского р-на от Т. Е. Орловой, 1916 г. р. В настоящее время (в частности, в 1995 году) жители села через неделю после Духова дня снова делают куклу-«барышню». Обряд целиком повторяется, но в речку уже бросают не «туловище» куклы, а отдельные ветки — «туловище» разламывают на части. (См. Комментарии.)

⁴ Там же.

ПЕСНИ ОБРЯДА ДУХОВА ДНЯ

I. ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

1. Посеяли девки лен,
Посеяли девки лен,
Роза, роза, девки лен,
Роза, роза, девки лен,
2. Посеямши, пололи,
Посеямши, пололи,
Роза, роза, пололи,
Роза, роза, пололи,
3. Белы́ руки кололи,
Белы́ руки кололи,
Роза, роза, кололи,
Роза, роза, кололи¹,
4. Златы́ перстни ломали,
Роза, роза, ломали,
5. У этот же, у ленок,
Роза, роза, у ленок
6. Увадился паренек,
Роза, роза, паренек,
7. Увесь ленок притолок²,
Роза, роза притолок,
8. Притолокши, подымал,
Роза, роза, подымал,
9. В Дунай-речку поносил,
Роза, роза, поносил,
10. Дунай-речка, не прима́й,
Роза, роза, не прима́й,
- II. Ко бережку прибивай,
Роза, роза, прибивай,
12. Ко бережку, к бережку,
Роза, роза, к бережку,

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строк (каждая строка повторяется дважды).

² Притолок (от «притолочь») — притоптал.

13. Ко зеленому, ко лужку,
^Роза, роза, ко лужку,
14. **К** боярскому, ко двору,
^Роза, роза, ко двору,
15. **На** боярском лее на дворе,
Роза, роза, на дворе,
16. Развеселился сивый конь,
Роза, роза, сивый конь,
17. Секёт землю копытом,
Роза, роза, копытом,
18. До жёлтого до песка,
Роза, роза, до песка,
19. До белого камня,
Роза, роза, камня,
20. У том камню огню нет,
Роза, роза, огню нет,
21. **В** моем муже правды нет,
Роза, роза, правды нет,
22. Чужой жене — башмачки,
Роза, роза, башмачки,
23. Своей жене — осьмётки,
Роза, роза, осьмётки!

2. ОЙ ВЫ, ДЕУКИ-МОЛОДКИ, ПОЛНО ГОРЕ ГОРЕВАТИ

1. **Ой** вы, деўки-молодки,
Полно горе горевати,
Ах-ы, лёли, лёли,
Полно горе горевати!
2. Полно горе горевати,
Идёмте на улицу гуляти,
Ох-ы, лёли, лёли,
Идёмте на улицу гуляти.
3. Там(ы) дудки, сопелки,
Молодые скоморохи,
Ох-ы, лёли, лёли,
Молодые скоморохи¹,
4. Пелагеюшкин дружочек
Разогнал весь кружочек,
5. У меня дома несчастье —
Свекр с печки свалился,

---

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех стрóf на четыре строки (с припевом «Ох-ы, лёли, лёли»).

6. Свекр с печки свалился,
За корыто завалился,
7. За корыто завалился,
Мяжиною подавился,
8. Кабы я была Устинья,
Еще б выше подмостила,
9. Еще б выше подмостила —
Свекру б голову сломила,
10. Свекру б голову сломила,
А свекровье угодила,
11. Я б свекровье угодила —
Мягкою постелю постелила,
12. Чтобы спать было мягко,
Отдыхать было сладко,
13. Голова б не болела
Меня б мать пожалела,
14. Меня б мать пожалела
Да на улицу пустила,
15. А гулять я любила,
Танцевать умирала,
16. Танцевать умирала,
За что ж мне и попадало!

3. ХОДИЛА Б Я ПО ЛУЖКУ

1. Ходила б я по лужку,
Ходила б я по лужку,
Роза, роза, по лужку,
Роза, роза, по лужку,
2. Кусил комарь за ножку,
Кусил комарь за ножку,
Роза, роза, за ножку,
Роза, роза, за ножку,
3. А я, млада, кричала,
А я, млада, кричала,
Роза, роза, кричала,
Роза, роза, кричала:¹
4. — Подай, мати, косаря,
Роза, роза, косаря,
5. Срублю комарию голову,
Роза, роза, голову,
6. По самую бороду,
Роза, роза, бороду,

---

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строк (каждая строка повторяется дважды).

7. Покатилася голова,
^роза, роза, голова,
8. **За** новые ворота,
^роза, роза, ворота,
9. **За** воротами гремота¹,
^роза, роза, гремота,
10. **Жена** мужа продала,
Роза, роза, продала,
11. Недорого узяла,
Роза, роза, узяла,
12. **За** торговый **за** калач,
Роза, роза, **за** калач,
13. А после (о)на схватилась,
Роза, роза, схватилась,
14. Побыть бы мне в трех торгах,
Роза, роза, в трех торгах,
15. **В** первом торгу рубь дают,
^роза, роза, рубь дают,
16. **В** другом торгу — два рубля,
^роза, роза, два рубля,
17. **В** третьем торгу — троячок,
^роза, роза, троячок,
18. Убей его праличок²,
^роза, роза, праличок,
19. Чужой жене шубу шил,
^роза, роза, шубу шил,
20. Своей жене — зипунок,
^роза, роза, зипунок,
21. Чужой жене — башмачки,
^роза, роза, башмачки,
22. Свой жене — осьметки,
^роза, роза, осьметки,
23. Чужа жена идёт — чок, чок,
^роза, роза, чок, чок, чок,
24. Своя жена — шлеп, шлеп, шлеп,
^роза, роза, шлеп, шлеп, шлеп.

4. ПО УЛИЦЕ МИМО КУЗНИЦЫ

1. По улице мимо кузницы,
По улице мимо кузницы,

¹ Гремота (иногда произносится «дремота») — шум.

² Праличок (от «пралик») — черт, леший. Крайне распространено: «Пралик тебя возьми!»

- Ой, люли, ой, лелёшуньки,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
2. Проезжали молодью торгаши,
 Проезжали молодье торгаши,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
3. Провозили (о)ны белый лен,
 Провозили <о)ны белый лен,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,¹
 Ой, люли, ой, лелёшуньки ,
4. Жена мужа уговаривала,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки:
5. — Аи ты, муж, муженечек мой,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
6. Ты купи-ка мне белый лен,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
7. А я прясть была (о)хотница,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
8. Я б у день — да по ниточке,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
9. А в неделю — по катушечке,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки!
10. По улице мимо кузницы,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
11. Проезжали молодые торгаши,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
12. Провозили (о)ны сладкий мед,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
13. Жена мужа уговаривала,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки:
14. — Ой ты, муж, муженечек мой,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
15. Ты купи-ка мне сладкий мед,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
16. А я есть была (о)хотница,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
17. Я б у день — да по ложечке,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки,
18. А в неделю — по катушечке,
 Ой, люли, ой, лелёшуньки!

---

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строф (каждая строка повторяется дважды).

5. КАК НА ГОРКЕ, НА КРУТОЙ СТОЯЛ ЦЫГАН МОЛОДОЙ

1. Как на горке, на крутой
Стоял цыган молодой.
Долина ты, долина,
Ты, долинушка моя,
Долина ты, долина,
Ты, долинушка моя,
2. Стоял **цыган** молодой,
Говорил речи со мной,
Долина ты, долина,
Ты, долинушка моя,
Долина ты, долина,
Ты, долинушка моя:
3. — **А** ты любишь ты меня,
Пойдешь ли замуж **за** меня?
Долина ты, долина,
Ты, долинушка моя,
Долина ты, долина,
Ты, долинушка моя¹.
4. — **А** я цыгана не люблю
И за цыгана не пойду:
- [5. Цыган будет бормотать,
Я не буду понимать.]²
6. **Как** на горке, на крутой
Стоял солдат молодой.
7. **А** у девицы пытается:
— **Да** ты любишь ты меня?
8. **Ох**, ты любишь **ты** меня,
А ты пойдешь ты **за** меня?
9. — **Я** солдата хоть люблю,
Но **за** солдата не пойду:
10. Солдат будет воевать,
Мне придется горевать.
11. Как на горке, на крутой
Стоял купчик молодой.
12. Он у девицы пытается:
— **Да** ты любишь ты меня?

---

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строк на четыре строки (с припевом «Долина ты, долина, ты, долинушка моя»).

² Строфа 5 восстановлена по другому варианту, записанному от жителей того же села.

13. А ти любишь ты меня,
Пойдешь ли замуж за меня?
14. — А я купчика люблю,
А я за купчика пойду:
15. Купец будет торговать,
Я буду денежки считать.

6. У КАНАВКИ РОСЛА ТРАВКА

1. У канавки росла травка, ай!
У канавки росла травка, эх!
Барыня ты моя, сударыня ты моя,
Росла травка!
2. Зеленáя, муравая, э!
Зеленая, муравая, эх!
Барыня ты моя, сударыня ты моя,
Муравая!
3. Мужики траву косили, э!
Мужики траву косили, эх!
Барыня ты моя, сударыня ты моя,
Косили!¹
4. Девки сено ворошили, эх!
Девки сено ворошили, эх!
5. Ворошёмши привпотели, эх!
Ворошёмши привпотели, эх!
6. ^Смы купаться захотели, эй!
(О)ны купаться захотели, эх!
7. Рубашонки поскидали, эй!
Рубашонки поскидали, эх!
8. Сами в воду побежали, эх!
Сами в воду побежали, эх!
9. Сотколь взялся вор Ивашка, эх!
Сотколь взялся вор Ивашка, эх!
10. Покрал девичьи рубашки, э!
Покрал девичьи рубашки, эх!
11. Одна девка посмелее, эй!
Одна девка посмелее, ах!
12. За воришкой побежала, эй!
За воришкой побежала, эх!
13. Куманёчком называла, эх!
Куманёчком называла, эх!

---

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех стрóf на четыре строки (с припевом «Барыня ты моя, сударыня ты моя»).

14. —А ты, кум мой, куманёчек!
Ах ты, кум мой, куманёчек, эх!
15. Отдай девичьи рубашки, эй!
Отдай девичьи рубашки, эх!
16. — А ты, девка Василиса, эй!
Аи ты, девка Василиса, эх!
17. Хоть немножко постыдися, эх!
Хоть немножко постыдися, эх!
18. Ты прикрой свою хавронью, аи!
Ты прикрой свою хавронью, ох!
19. Хотя правую ладонью, аи!
Хотя правую ладонью, эх!

7. ДА ЧТО Ж ТЫ, РЯБИНА, РЯБИНА КУДРЯВА

1. Да что ж ты, рябина,
рябина кудрява,
И-вой, лёли, лёли,
рябина кудрява,
2. рябина кудрява,
Засохла, завяла,
И-вой, лёли, лёли,
Засохла, завяла?
3. Грозою убило,
Ветром засушило,
И-вой, лёли, лёли,
Ветром засушило¹.
4. Да что ж ты, молодка,
Невесело ходишь,
5. Невесело ходишь,
Помалень ступаешь,
6. Помалень ступаешь,
Сапог не ломаешь?
7. Пановские² ребята
Были вороваты,
8. Украли (о)ны Дуньку
И снесли у пуньку³,
9. Положили к сторонке,
К яровой сололке,

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строк на четыре строки (с припевом «И-вой, лёли, лёли»).

² Пановские — ребята из дер. Пановка, в 3 км от с. Троицкое.

³ Пунька (от «пуня») — сеновал, сарай, поветь.

10. Соломкой накрыли,
Сенцом притрусили,
11. Проснулася к свету,
Рубашонки нету,
12. По дорожке — пыльно,
По деревне — стыдно,
13. А мать Ирасковья,
Дуй огонь скорее!

8. ТУТА НАМ ПОПЕТИ, ТУТА ПОГУЛЯТИ

1. Тута нам попети,
Тута погуляти,
И-ой, лёли, лёли,
Тута погуляти,
2. Мужа дома нету —
Гроза его дома,
И-ой, лёли, лёли,
Гроза его дома,
3. Гроза его дома
У сенцах на стенке,
И-ой, лёли, лёли,
У сенцах **на** стенке¹,
4. У сенцах на стенке
Да ремённая плетка,
5. Ремённая плетка
Всю ночь прожужжала,
6. Всю ночь прожужжала,
По моем телу белом,
7. По моем телу белом,
По лицу румяном!
8. За что меня били,
За что колотили?
9. За этого свекра,
За старого черта,
10. За эту свекровью,
За стару чертовью,
11. За тую золовку,
Худую носовку².

---

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строк на четыре строки (с припевом «И-ой, лёли, лёли»).

² Носовка — носатая (с большим носом).

9. ПРИГЛАШАЛ ВАНЯ ДУНЯШУ С СОБОЙ НОЧКУ НОЧЕВАТЬ

1. Ириглашал Ваня Дуняшу с собой ночку ночевать:
— Ионочуй-ка, Дунюшка, поночуй, голубушка!
2. Ионочуй-ка, Дунюшка, поночуй, голубушка,
Я куплю тебе сережечки серебряные,
3. Я куплю тебе сережечки серебряные, эх!
А другие золотые, подзолоченные,
4. А другие золотые, подзолоченные!
Наша Дуня соглашалась, ночевать с Ваней осталась,
5. Наша Дуня соглашалась, ночевать с Ваней осталась,
Ваня с горенки у горенку похаживает,
6. Ваня с горенки у горенку **похаживает**,
Сам в окошечко, в окошечко поглядывает,
7. Сам в окошечко, в окошечко поглядывает,
Свои плисовы штанёночки растягивает,
8. Свои плисовы штанёночки растягивает,
Свое белое перо вынимает наголо,
9. Свое белое перо вынимает наголо,
Сам у Дуниной чернилочки помакивает,
10. Сам у Дуниной чернилочки помакивает,
Как начал Ваня писать — стала Дунюшка кричать,
11. Как начал Ваня писать — стала Дунюшка кричать.
— Не кричи-ка, Дунюшка, помолчи, голубушка,
12. Не кричи-ка, Дунюшка, помолчи, голубушка,
Когда целочку ломают — усега больно бывает,
13. Когда целочку ломают — усега больно бывает!¹
— А ты, Ваня, Ваня-пес, широку дьфу разнес,
14. А ты, Ваня, Ваня-пес, широку дыру разнес,
Широку дьфу разнес — рукавицей не зашьешь,
15. Широку дьфу разнес — рукавицей не зашьешь,
Рукавицей не зашьешь, копной сена не заткнешь!

10. БРАЛИ ДЕВКИ ЛЕН, ЛЕН, БРАЛИ, ВЫБИРАЛИ

1. Брали девки лен, лен, брали, выбирали,
Брали, выбирали, землю оббивали,

---

¹ Во время обряда в 1986 году те же исполнители вместо этой строки пели: «Целину как поднимают — трудно пахарю бывает!» Место хранения: МГУ, 1986 (лето), т. 8, № 6, собиратель Е. В. Миненок (Андросова).

2. Брали, выбирали, землю оббивали, эх!
Боялись девки да серого волка,
3. Боялись девки да серого волка, а!
Не того волка боялись, что по лесу рыщет,
4. Не того волка боялись, что по лесу рыщет,
Что по лесу рыщет, скотинушку ищет,
5. Что по лесу рыщет, скотинушку ищет,
А того волка боялись, что по полю свищет,
6. А того волка боялись, что по полю свищет,
Что по полю свищет, красных девок ищет,
7. Что по полю свищет, красных девок ищет,
Схватил девку поперек, понес ее у лесок,
8. Схватил девку поперек, понес ее у лесок,
За пень, за колоду, за белу березу!
9. За пень, за колоду, за белу березу!
— Стой ты, парень, не валяй, сарафана не марай,
10. Стой ты, парень, не валяй, сарафана не марай,
Сарафан мой синий сама, девка, скину,
11. Сарафан мой синий сама, девка, скину,
Сама, девка, скину, под себя подкину,
12. Сама, девка, скину, под себя подкину,
руки, ноги разложу, дороженьку покажу,
13. Б^ки, ноги разложу, дороженьку покажу, аи!
Дороженька торна — моя пизда черна,
14. Дороженька торна — моя пизда черна, ох!
Черная цыганка, ребячья обманка,
15. Черная цыганка, ребячья обманка, ах!
ебятушки, дураки, взяли пизду² в кулаки,
16. ебятушки, дураки, взяли пизду³ в кулаки,
ебятушки, черти, стали ее терти,
17. ебятушки, черти, стали ее терти,
Терти, потирати, на речку носить,
18. Терти, потирати, на речку носить,
На речку носить, вальком колотити,
19. На речку носить, вальком колотити,
Валек обломился, в пизду увалился,
20. Валек обломился, в пизду⁴ увалился,
Стали горе горевать, как валечек вынимать,

¹ В вариантах, записанных не во время обряда, те же исполнители употребляют эвфемизмы: «галка», «что-то ў меня».

² Не в обрядовом исполнении употребляют эвфемизмы: «ее», «галку».

³ См. предыдущую сноску.

⁴ Не в обрядовом исполнении употребляют эвфемизм: «туда».

21. Стали горе горевать, как валечек вынимать,
Хуй¹ на хуй поставим — оттуда хуй достанем,
22. Хуй на хуй поставим — оттуда достанем!

11. ЧЕБОТУХА

1. Говорила **а** мне мать и приказывала,
Чтоб никому не давала, не показывала,
Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя,
Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя!
2. —Хорошо, дочка, ходи, ее² в решете носи,
Горшком закрывай, на замок замыкай,
Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя,
Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя!
3. Полетела голубища³ под ореховый кустыше,
Она села под кустом и накрылася листом,
Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя,
Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя!⁴
4. Чтобы солнце не пекло, **а** с ней сало не текло,
А как солнце припечет — так и сало потечет,
5. Вот и солнце припекло — оттуда сало потекло,
Купцы едут, и глядят, и мыкают, и едят,
6. Купцы едут, и глядят, и мыкают, и едят:
А что это **за** добро, пятьдесят рублей ведро?

12. ОСЕННИЕ НОЧИ

1. Осенние ночи, осенние ночи,
2. Осенние ночи — не спал до полночи,
Я весь измочился, я весь измочился,
3. **Я** весь измочился, **на** берег селился,
Я стал засновати, я стал засновати,
4. **Я** стал засновати, горе забывати,
Пришла ко мне радость, пришла ко мне радость!
5. Пришла ко мне радость, радость дорогая —
Сашенька милая, Сашенька милая,
6. **Я** взял свою Сашу **за** правую ручку,
Повел у светличку, повел у светличку,

---

¹ Не в обрядовом исполнении употребляют эвфемизм: «раз».

² Употреблен эвфемизм.

³ Употреблен эвфемизм.

⁴ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строф (с припевом: «Чеботуха, чеботуха, чеботурица моя!»).

7. Налил вина чару и сам выпил пару,
Стал ей подносить, стал ей подносить,
8. Стал ей подносить, милости просити,
Она не примаёт¹, она не примаёт,
9. Она не примаёт, назад отсылает,
Хмелю захотела, хмелю захотела,
10. Иошли разговоры, поднямши подолы,
Пошло целованье, пошло целованье,
11. Пошло целованье, промеж ног сованье,
Она его носит, она его носит,
12. Она его носит, чуть с себя не сбросит,
Но он догадался, но он догадался,
13. А он догадался, за пизду схватался:
— Тпру, стой, не брыкайся, тпру, стой,
не брыкайся,
14. На свою милую куплю шелковую,
Ее замуздаю², ее замуздаю,
15. Ее замуздаю, его забратаю³ —
Сяду да й поеду, сяду да й поеду,
16. Сяду да й поеду, за море заеду,
Там я окунуся, там я окунуся!

13. ПОЕДЕМТЕ В МОСКВУ, КУПИМ КОЛОКОЛЬЧИК

1. Поедемте в Мбскву, купим колокольчик, эх!
Купим колокольчик — пизде на хохольчик,
2. Купим колокольчик — пизде на хохольчик:
А кто ее тронет — колокол зазвонит,
3. А кто ее тронет — колокол зазвонит,
А кто ее подъебет — колокол заревет,
4. А кто ее подъебет — колокол заревет,
А кто ее тронет — она усами дернет, эх!
5. А кто ж ее тронет — она усами дернет,
А кто ж ее тыкнет — на того (о^на сикнет,
6. А кто ж ее тыкнет — на того (о)на сикнет,
А кто ее приласкает — ^о^на пожалости спускает,
7. А кто ее приласкает — \о)на пожалости спускает,
Поехали в Мбскву, купили колокольчик,

---

¹ Примаёт — принимает.

² Замуздать — надеть на голову лошади узду, часть конской сбруи, состоящей из ремней.

³ Забрата́ть — надеть на лошадь недоуздок, обротъ — конскую узду без уди́л и с одним поводом.

8. Поехали в Москву, купили колокольчик,
И повесили его прямо на хохольчик,
9. И повесили его прямо на хохольчик!

14. ВО РЖИ, НА МЕЖИ, ПОД (И)ЗГОРОДКОЮ

1. Во ржи, на межи,
Под (и)згородкою,
Ой, лёли, лёли,
Под (и)згородкою,
2. Там лежит пизда
Сковородкою,
Ой, лёли, лёли,
Сковородкою,
3. Во ржи, на межи,
Под осинкою.
Ой, лёли, лёли,
Под осинкою¹,
4. **Там** лежит пизда²
С хворостинкою,
5. Во ржи, на межи,
Под Алешкою,
6. Там лежит пизда
С кочережкой.

15. ВСПОМНИ, ВЗДУМАЙ, МОЙ ЛЮБЕЗНЫЙ ДРУГ

1. Вспомни, вздумай, мой любезный друг,
Э-ой, лёли, лёли, любезный друг,
2. Как мы с тобой раньше гуляли,
Э-ой, лёли, лёли, мы гуляли,
3. Как сизой голубь с голубкою,
Э-ой, лёли, лёли, с голубкою,
4. Молодой парень с девчонкою,
Э-ой, лёли, лёли, с девчонкою.
5. **Я** пойду, молода, в тихи дуга,
Э-ой, лёли, лёли, **в** тихи дуга,
6. **У** тихие дуга, в зеленый сад,
Э-ой, лёли, лёли, в зеленый сад,
7. **Я** нарву хмелю ярового,
Э-ой, лёли, лёли, ярового,

---

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех стрóf на четыре строки (с припевом «Ой, лёли, лёли»).

² Не в обрядовом исполнении употребляются эвфемизмы: «тоже», «барыня».

8. Наварю я вина зеленого,
Э-ой, лёли, лёли, зеленого,
9. Позову я дружка к себе в гости,
Э-ой, лёли, лёли, к себе в гости,
10. Посажу я дружка за дубовый стол,
Э-ой, лёли, лёли, дубовый стол,
11. Сама сяду я на скамеечку,
Э-ой, лёли, лёли, скамеечку,
12. Напою я дружка пьянешенько,
Э-ой, лёли, лёли, пьянешенько,
13. ^расспрошу я ^ў дружка смиреншенько,
Э-ой, лёли, лёли, смиреншенько:
14. — Ты скажи-ка мне все правду,
Э-ой, лёли, лёли, все правду,
15. А ти есть у тебе дЫ милей мене,
Э-ой, лёли, лёли, милей мене,
16. Что милее мене и лучшейше,
Э-ой, лёли, лёли, и лучшейше?

16. НА ГОРУШКЕ РОЩА БЕРЕЗОВАЯ

1. На горушке роща березовая,
На горушке роща березовая,
2. Березовая, рассоженная,
Березовая, рассоженная,
3. Как по этой роще девка гуляла,
Как по этой роще девка гуляла¹,
4. Девка гуляла, пела, играла,
5. Пела, играла, цветочки рвала,
6. Цветочки рвала, ды, веночек плела,
7. Веночек плела, на головку клала,
8. Свалился веночек с буйной головы,
9. С буйной головы, со русой косы!
10. Ой, горе мое, гореваньице,
11. Все тяжелое уздыханьице:
12. — Батюшка, пойдём, пойдём, походим,
13. Пойдём, походим, веночек пойщим!
14. Батюшка пошел — венка не нашёл!²
15. — Матушка, пойдём, пойдём, походим,
16. Пойдём, походим, веночек пойщим!

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строф (каждая строка повторяется дважды)."

² Далее текст песни повторяется сначала до слов «Все тяжелое уздыханьице».

17. Матушка пошла — венка не нашла!¹
18. — Милый мой, пойдем, пойдем, походим,
19. Пойдем, походим, веночек пойдем!
20. Милый мой пришел — веночек нашел!

17. СЕЛЕЗЕНЬ МОЙ

1. Селезень мой,
Селезень мой,
Селезень мой, сизкосастый²,
Селезень мой, сизкосастый,
2. Молоденький,
Молоденький,
Молоденький, кудреватый,
Молоденький, кудреватый,
3. Поплывешь ты,
Поплывешь ты,
Поплывешь ты, вдоль Дуная,
Поплывешь ты, вдоль Дуная³,
4. Вдоль Дуная,
Вдоль Дуная, погуляю,
5. Погуляю,
Погуляю, повесёлом,
- 6.* Повесёлом,
Повесёлом сядь под рощей,
7. Сядь под рощей,
Сядь под рощей да й послушай,
8. Как старухи,
Как старухи пляшут, скачут:
9. Ссутулимшись,
Ссутулимшись, сгорбатимшись!⁴
10. Как молодки,
Как молодки скачут, пляшут:
11. Белы груди,
Белы груди выставляют,
12. Тонки губы,
Тонки губы поджимают!

---

¹ Далее текст песни повторяется сначала до слов «Все тяжелое уздыханье».

² Сизкосастый — сизокрылый.

³ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строф (каждая строка повторяется дважды).

⁴ Далее текст песни повторяется сначала до слов «Сядь под рощей да й послушай».

18. ИЗ-ЗА ЛЕСИКУ, ЛЕСУ ТЕМНОГО

1. Из-за лесику, лесу темного,
Ой, лёли, лёли, лесу темного,
2. Вылетало там да два голуба,
Ох, ляли, ляли, да два голуба,
3. **Ды** дьа голуба, оба сизые,
Ой, ляли, ляли, оба сизые,
4. Оба сизые, сизокрылые,
Ох, ляли, ляли, сизокрылые,
5. Из-за садику, **за** зеленого,
Ох, ляли, ляли, **за** зеленого,
6. Выходило там да дьа молодца,
Ох, ляли, ляли, да дьа молодца,
7. Ды дьа молодца, оба бравые,
Ох, ляли, ляли, оба бравые,
8. Оба молоды, **неженатые**,
Ой, ляли, ляли, неженатые,
9. Неженатые, кудреватые,
Ой, ляли, ляли, кудреватые,
10. Оны шли-прошли, становилися,
Ой, ляли, ляли, становилися,
11. Становёмши (о)ны, порукалися¹,
Ой, ляли, ляли, порукалися,
12. Порукамши (о)ны, поругалися,
Ой, ляли, ляли, поругалися,
13. Выходила к им душечка Катюшечка,
Ой, ляли, ляли, душечка Катюшечка:
14. — **Вы** не ссорьтеса, да вы не бранитеса,
Ой, ляли, ляли, да вы не бранитеса,
15. **Вы** по совести разоидитеса,
Ой, ляли, ляли, разоидитеса,
16. **Вы** возьмите-ка, да вы поконайтеса²,
Ой, ляли, ляли, да вы поконайтеса,
17. Ой, кому из вас я достануса,
Ой, ляли, ляли, я достануса?
18. Доставаласа душечка Катюшечка,
Ой, ляли, ляли, душечка Катюшечка
19. Иарню бравому, ды все неженатому,
Ой, ляли, ляли, ды все неженатому.

---

¹ Порукаться — пожать друг другу руки.

² Поконаться — посчитаться, бросить жребий.

19. ХОРОВОД МАЛЁШЕНЕК, НАРОД ВЕСЕЛЁШЕНЕК

1. Хоровод малёшенек, народ веселёшенек,
Ой-ли, ой, люли, народ веселёшенек:
2. Кому хоровод водить, кому песни запевать,
Ой-ли, ой, люли, кому песни запевать?
3. Тебе хоровод водить, тебе песни запевать,
Ой-ли, ой, люли, тебе песни запевать,
4. Иесни запевать, **красных** девок выбирать,
Ой-ли, ой, люли, красных девок выбирать,
5. Выбрал себе девицу, выбрал себе красную,
Ой-ли, ой, люли, выбрал себе красную,
6. Выбрал себе красную — белую, румяную,
Ой-ли, ой, люли, белую, румяную,
7. Белую, румяную, тонкую, высокую,
Ой-ли, ой, люли, тонкую, высокую,
8. Тонкую, высокую, душечку Катюшечку,
Ой-ли, ой, люли, душечку Катюшечку,
9. Она ж, моя милая, живот-сердце вынула,
Ой-ли, ой, люли, живот-сердце вынула,
10. Своею ухваткою да походкой гладкою,
Ой-ли, ой, люли, ды́ походкой гладкою,
11. Своими узорами, ды́ все с переборами¹,
Ой-ли, ой, люли, ды́ все с переборами.

20. ВАРИЛ ЧЕРНЕЦ ПИВО, ВАРИЛ ЗЕЛЕНОЕ

1. Варил чернец пиво, варил зеленое,
Чернечик ты мой, горюн² молодой,
2. Чернецово пиво хмельно джеже было,
Чернечик ты мой, горюн молодой,
3. Хмельно джеже было — в ноженьки вступило,
Чернечик ты мой, горюн молодой³,
4. Нельзя проступитья⁴, нельзя дрогонутья!⁵
5. Варил чернец пиво, варил зеленое,
6. Чернецово пиво хмельно джеже было,
7. Хмельно джеже было — в головку вступило,
8. Нельзя повернуться, нельзя вздрогнуться !

---

¹ Перебор — проход, прием в пляске.

² Горюн — тот, кто горюет.

³ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех стрóf (с припевом «Чернечик ты мой, горюн молодой»).

⁴ Проступитья — свободно наступить, пройтись.

⁵ Дрогонутья — пошевелить какой-либо частью тела.

9. Варил чернец пиво, варил зеленёе,
10. Чернецово пиво хмельно дюже было,
11. **Ох**, как это пиво в спинушку вступило,
12. Нельзя повернуться, нельзя вздрогнуться!

21. ВДОЛЬ ПО МОРЮ

1. Вдоль по морю,
Вдоль по морю,
Вдоль по морю, морю синему,
Вдоль по морю, морю синему
2. Плыло стадо,
Плыло стадо,
Плыло стадо лебединое,
Плыло стадо лебединое,
3. А другое,
А другое,
А другое всё гусиное,¹
А другое всё гусиное¹,
4. Отколь взялся,
Отколь взялся, да сизой орел,
5. ^разбил стадо,
^разбил стадо лебединое,
6. Гуду² пустил,
Фузу пустил по синё морю,
7. А перушки,
А перушки — вдоль дубровушки,
8. А белый пух,
А белый пух — .по подземелью.

22. У НАС ПОД БЕЛОЮ, ПОД БЕРЕЗОЮ

1. У нас под белою, под березою,
Ой, люли, люли, под березою,
2. Что стучит, грючит — а муж жену учит,
Ой, люлю, люли, муж жену учит,
3. Муж жену учит неворимую³,
Ой, люли, люли, неворимую,
4. Неворимую, Машу гримую⁴,
Ой, люли, люли, Машу гримую,

---

¹ Далее приводится основной текст, он распевается по образцу первых трех строф (каждая строка повторяется дважды).

² Руда — кровь.

³ Неворимая — непокорная.

⁴ Гримая (иногда «грюмая») — угрюмая.

5. Что жена мужу да не вкори́лася¹,
Ой, люли, люли, не вкори́лася,
6. А свекру-батюшке поклонилася,
Ой, люли, люли, поклонилася:
7. — А, свекр-батюшка, отними меня,
Ой, люлю, люли, отними меня,
8. Отними меня от лих́а муж́а,
Ой, люли, люли, от лих́а муж́а,
9. От лих́а муж́а, от разбойника,
Ой, люли, люли, от разбойника!
10. Свекр говорит: «Надо больше бить,
Ой, люли, люли, ды, надо больше бить,
11. Надо больше бить — шкуру до пят спустить,
Ой, люли, люли, шкуру до пят спустить!»
12. Шкура по пятушкам — хочу к ребятушкам,
Ой, люли, люли, хочу к ребятушкам,
13. Шкура волочится — мне гулять хочется,
Ой, люли, люли, гулять хочется.

23. СМИРЁНАЯ БЕСЕДУШКА, ГДЕ БАТЮШКА ПЬЕТ

1. Смирёная бесе́душка, где ба́тюшка пьёт,
2. Э-ой, где ба́тюшка пьёт, ох,
Он пьёт, не пьёт, голубчик мой, **за мной**, молодой,
шлет,
3. Э-ой, **за мной**, молодой, шлет, ой,
Что я, млада, младёшенька, замешкалася,
4. Э-ой, замешкалася, ой,
За гусями, **за** утями, **за** лебедями,
5. Э-ой, **за** лебедями, ой,
За малою, **за** пташкою, **за** зорюшкою,
6. Э-ой, **за** зорюшкою, ой,
Что зорюшка по бережку похаживала,
7. Э-ой, похаживала, ой,
Шелко́вую (о)на травушку сощипывала,
8. Э-ой, сощипывала, ой,
Холодною водицею прихлебывала,
9. Э-ой, прихлебывала, ой,
На том боку, **за** речкою крутая гора,
10. Э-ой, крутая гора, ой,
На той горе, на горушке четыре двора,

---

¹ Вкориться — покориться, подчиниться.

11. Э-ой, четыре дьора, ой,
У тех дворах, у двориках четыре кумы,
12. Э-ой, четыре кумы, ой,
Вы, кумушки, голубушки, сестрицы мои,
13. Э-ой, сестрицы мои, ой,
Кумитесь, любитесь — любите меня,
14. Э-ой, любите меня, ой,
Иойдете вы в зеленый сад — возьмите меня,
15. Э-ой, возьмите меня, ой,
Сорвете вы по цветику — сорвите и мне,
16. Э-ой, сорвите и мне, ой,
Совьете вы по венчику — завейте и мне,
17. Э-ой, завейте и мне, ой,
Иойдете вы на Дунай-речку — возьмите меня,
18. Э-ой, возьмите меня, ой,
Убросите свои венки — убросьте и мой,
19. Э-ой, убросьте и мой, ох,
Усе венки поверх воды — а мой потонул,
20. Э-ох, а мой утонул, ой,
Усе дружки с МЬсквы пришли — мойво дружка нет,
21. Э-ой, мойво дружка нет, ой,
Он сам нейдёт, писем не шлет, видно, водку пьет.

24

Начал Ванька свою скуку —
Сердце чувствует разлуку!

25

Сыграй, Витя, дорогой,
Попросила тебя я,
Неужели не станцуем
С тобой на гуляниях?!

26

Заиграл «цыганочку» —
Позабыла мамочку,
Каши я не кушаю,
А «цыганку» слушаю!

27

Раныпе я была танцорка
И теперя не сижу:

Отрубите руки-ноги,
Я на жопе докажу!

28

Ах, ты жопа моя,
Как мне надоела!
Хоть и сяду на плиту,
Чтоб она сгорела!

29

Ой, и где моя залетка?
Ой, и где мой дорогой?
При такой веселой публике
Гуляю сиротой!

30

У меня залетка был,
Увалился он в овин,
Я поахала, поахала,
Сиди ж ты там один!

31

А-чу-чу-чу-чу-чу-чу,
За что хочу, **за** то схвачу!

32

Полюбила б я залетку,
Только неохота,
Вместо носа — огурец,
"ежду ног — ворота!

33

Вышла бабка плясать,
Ей давно **за** дьадцать пять,
Что же **за** старушечка?
Что это **за** душечка?

34

Ой, дед, ты, мой дед,
Ты не знаешь моих бед,
Захотелся морковки,
В огороде какой нет!

35

Ириходи ко мне, милой,
Ириходи у середу,
На гостинец приноси —
Свою палку спереду!

36

На березе пизда бьет,
Под березой хуй орет,
Пизда рубель потеряла,
Хуй нашел, не отдает!

37

Говорила холую:
Не строй баню на хую!
Пизда пойдет париться —
Баня с хуя свалится!

38

Все вы, девочки, красивы,
Все вы, девочки, **н**а ять!
Если б вам бы припать,
И у вас будет стоять!

39

Ой, теща моя,
Хочу разводиться:
Твоя дочка подо мной
Плохо шевелится!

40

По деревне я и шел —
И набрался страху:

Пизда яблоки сбивала
Со всего размаху!

41

Девки в озере купались –
Я на камушке сидел,
Девки юбки поскидали –
Я и с камушка слетел!

42

Я на камушке сижу,
Слезы мои капаят,
Меня замуж не берут,
Только усе лапают!

43

Когда дождик моросил,
Я у милочки просил,
Когда дождик перестал,
Она давала — я не стал!

Публикация Е. В. Миненок

ДВЕ МАСЛЕНИЧНЫЕ ПЕСНИ

---

1. КУРВА МАСЛЕНИЦА

Жгли Масленицу. Ставят жердь, обложат дровами кругом, соберут корзины старые туда лее. Пели срамные песни:

Курва Масленица
Блядь ^растасканица,
С хуя кожу сдернула,
В проулок завела,
Заголила да дала.
Выебли немца
Во три коленца.
Ходит под окном,
Кормит толокном.
Ешь, хуй, слаще,
Еби девок чаще,
Еби девок, еби баб,
Делай маленьких ребят!

2. МАСЛЕНАЯ-ГОЛОЛЕТЬЕ

Пелась в последний день масленицы:

Масленая-гололетье,
Гололетье, люли, гололетье.
Остались наши девки да на летья,
Да на летья, люли, да на летья.
Масленая-уплетушка,
Уплетушка, люли, уплетушка,
Остались наши девки вековушки,
Вековушки, люли, вековушки.
Масленая, это я иду,
Это я иду, люли, это я иду.

Ирошел мясоед, никак не дойду,
Ой, никак не дойду, люли, никак не дойду.
Масленая у кулёчку,
Ой, у кулёчку, люли, у кулёчку,
Ударила теща зятя по хуёчку,
Ио хуёчку, люли, по хуёчку.

Публикация А. А. Ивановой и А. В. Кулагиной

ПЕСНИ И ЗАКЛИЧКИ БАСЕЙНА УНЖИ (КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

---

1. НАУЧИТЬ ТЕБЯ, ВЬЮНИЦА

Научить тебя, вьюница,
Как в чужих людях жить?
Вьюнец-молодец,
Вьюница-мо лодица.

Как в чужих людях жить,
Свёкру-батюшку служить.
Вьюнец-молодец,
Вьюница-мо лодица.

А свекрови послужи —
Чаще мамонькой зови.
Вьюнец-молодец,
Вьюница-молодица.

А деверям послужи —
Пару коней запряги.
Вьюнец-молодец,
Вьюница-молодица.

А золовкам послужи —
Русу косу заплети
Вьюнец-молодец,
Вьюница-молодица.

А уж мужу послужи —
Чаще банюшку топи.
Вьюнец-молодец,
Вьюница-молодица.

Чаще банюшку топи,
С собой париться зови.

Вьюнец-молодец,
Вьюница-молодица.

Веник мяконькой,
Кутик гладенькой.
Вьюнец-молодец,
Вьюница-молодица.

2. ОЙ, ВЬЮНИЦА

Ой, вьюница!
Подавай наши кулицы!
А то тычку сшибём,
Ворота прошибём,
Жениха уведём,
В хлев запрём,
Помелом припрём,
Крюком вытащим
Да не выпустим!
Стружек настрогаем,
В манду напихаем!

3. РЕДЬКУ ПОЛОЛА («РЕДЬКА»)

Редьку полола,
Манду-то ополола.

Через три пожара
Манду-то оказала.

Через три овина
Манду-то опалила.

Сколь в поле камнёв —
Столь тебе парнёв!

Сколь в поле кочёк —
Столь тебе дочек!

4. КРЕСТ ВОСКРЕС

Крест воскрес,
Подавай наш крест!
Половина-та говенья
Останется.
До Христова дня
Протянется.
Красныя сапожки
С неба упадут.
Старья старушки
По кресту дадут!
А молодье молодушки
Водю обольют.
Подавай креста,
Не отказывай!
Кто не даст креста —
Заболит пизда!

Публикация Т. В. Кирюгиной

ЖАТВЕННЫЕ ПЕСНИ И ОБРЯДЫ

---

1. РЖАНЫЕ ОБЖИНКИ

Когда кончали **жать**, то справляли облатки. Для скорейшего завершения работы приглашали на помощь соседей. Иосле того как почти весь хлеб был убран, на поле «закручивали бороду» — оставляли «клок» несжато-го жита, в его «серёдку» сажали женщину с водкой и закуской (яичницей и салом) — «в бороде тей сидить». Остальные жницы стояли вокруг и пели специальные обжиночные песни:

Глядит моё воко, что край недалёко!
А Танька не жала, у мяжи лежала.
Видит моё воко, что край недалёко!
У мяжи лежала, в руках пизду держала.
Видит моё воко, что край недалёко!

Потом одна из них, обычно незамужняя девушка, обжинала «бороду» по кругу, складывая «пястки» (количество житных стеблей, срезаемое серпом за один раз) крест-накрест. Если получалось парное число «пясток», это означало, что девушка скоро выйдет замуж. **Из** колосьев сжатой «бороды» связывали последний сноп, **на** который сажали беременную женщину с целью определить пол будущего ребенка: если под сноп «поползеть паук — то сына рдишь, козявочка — девочку рдишь». Затем на поле устраивали пир — «гулянку», после чего расходились по домам.

2. ОВСЯНАЯ «БОРОДА»

Как обжинают овес по осени, говорят: «Приходи ко мне сегодня на бороду!» или «**На** бороду собирайтесь!» «Обжинки — это у одного сегодня дожинають, к другому завтра идуть. Собяруть женщин штук десять». «Кинут»

(то есть оставят несжатым) круг овса, выжнут в его середине, туда поставят сковороду с яичницей — это «борода». Незамужняя девушка должна обжать «бороду» по кругу, считая «пястки». Если «пясток» парное количество, то она вскоре выйдет замуж. Другие жнеи в это время пели:

Ты Пречистая мать, ходи бороду 'бжинать
Своей правою рукой, золотым своим серпом!

Потом из сжатой «бороды» связывали сноп, который также называли «бородой» или «спорыньей». Из него делали антропоморфное чучело, нарядив «как бабу»: «кофту, передник наденем, платок обвяжем, венок на голову́ сделаем из цветов». Когда наряжали сноп, то пели:

Ишел кóзел по межй,
Дивовался, что ў козы́.
Дивовáлыся козá,
Что болтается ў козла.

«А тогда гавóрють, матом гавóрють: «До краю дожали, нам ни хуя не дали!» По-прямому. Нецензурно. Бабы это поют тогда нецензурные песни всякие». Затем одна из женщин несла на плече эту «бороду» к дому хозяина в сопровождении других работниц, «играющих» «обжинские» песни:

Наш хозяин-госпыдар, шурокыя бырыда!
Он бородкой потрясеть, нам горелки принясеть!
Мы робили з года в год, а хозяину хуй в рот,
А хозяйке мать в пизду, что ня 'ткрыла нам избу!

Хозяин должен был приготовить угощение (яичницу, кашу, овсяный кисель и др.) для ясней в своем доме. Во время ужина «спорынья» стояла в красном углу («в куте») рядом с хозяином, которому полагалось сидеть под образами. После трапезы начиналось веселье с песнями и плясками, причем женщины «скакали» с наряженным снопом в руках. На другой день «спорынью» либо отдавали курам, либо относили в овин, где был сложен весь хлеб.

Публикация О. А. Пагиной

Народный театр

ТЕАТР ПЕТРУШКИ

В России прошлого века комедия с Петрушкой была самым распространенным видом кукольного театра. Над приключениями этого героя смеялись жители столичных и уездных городов, крупных сел и небольших деревень, казачьих станиц и поселений каторжников Сахалина. Особой популярностью пользовались выступления петрушечников на ярмарках и народных гуляниях, где можно было встретить сразу нескольких кукольников, каждый из которых проигрывал комедию восемь — десять раз в день и не ощущал недостатка в зрителях.

Петрушечный театр отличался портативностью: все имущество кукольника сводилось к легкой складной ширме, ящику с одним-двумя десятками кукол и шарманке.

Куклы были перчаточными, с головками из дерева или папье-маше, кроме лошади, — ее вырезали из картона или фанеры. Декораций этот театр не знал, из бутафорских принадлежностей употреблялась лишь палка или дубинка-трещотка, которой Петрушка колотил своих недругов и которая заменяла самые различные предметы: ружье, метлу, скрипку и проч.

Разыгрывали комедию два человека: кукольник и музыкант. Одновременно на сцене присутствовало только два персонажа (по кукле на каждой руке актера), причем одним из них обязательно был Петрушка. Музыкант с шарманкой располагался рядом с ширмой, зачастую он вступал в разговор с действующими лицами комедии.

Состав персоналсей комедии был достаточно широк и пестр: невеста, барин, солдат, квартальный, немец, цыган, арап, доктор... Внешнему виду их придавали типовые черты, так что «герой» легко узнавался — его национальность, профессия, социальное положение и т. п. Особняком стоял сам Петрушка, который не имел прототипа в реальном быту. Его внешний облик — огромный нос, горб, выступающий подбородок, яркий рот с улыбкой «до ушей», красные щеки, а также своеобразный наряд: красная рубаша, дурацкий колпак на голове, брюки, заправленные в шегольские сапожки (иногда Петрушку наряжали на манер арлекина в одежду из цветных лоскутков или клоуна — воротник с бу-бенчиками, разноцветные штанины) — все это сближало героя русской уличной комедии с европейскими фольклорными шутами типа Полишинеля, Панча, Гансвурста, Пульчинеля.

Петрушка отличался от других кукол и своим высоким, дребезжащим голосом, для чего кукольник использовал специальное приспособление — пищик, говорок.

Представление, как правило, состояло из цепочки сенок, в которых Петрушка встречался с разными персонажами. Не связанные друг с другом сюжетно или логически, сценки могли идти в любом порядке, хотя традиция этих представлений выработала определенную последовательность основных сцен.

Заканчивалась комедия в подавляющем большинстве дошедших до нас вариантов гибелью Петрушки: собака, домовый, черт уносят главного героя вниз (под ширму), ставя тем самым точку в представлении. Такой чисто формальный, композиционный прием обычно обставлялся как веселая смерть, ведь неунывающий Петрушка «воскресал» в начале следующего представления, буквально через полчаса, или в другом дворе.

Естественно, каждый кукольник создавал свой, индивидуальный вариант, на основе сложившейся, традиционной схемы, импровизировал, расширяя или сокращая текст, вводя новых героев или наполняя сценки

особым содержанием и смыслом. У некоторых петрушечников комедия принимала вид злой сатиры на определенные лица или события, у других воспринималась как веселое зубоскальство, у третьих звучала совершенно «неприлично», у четвертых оказывалась рассчитанной на сугубо детскую аудиторию.

Чрезвычайно важной частью спектакля, во многом определявшей его успех, было общение со зрителем. Кукольники импровизировали, исходя из того, перед кем им приходилось выступать. В начале представления и по ходу действия Иетрушка обязательно вступал в разговор с собравшимся вокруг ширмы народом, благодаря чему выступление приобретало ярко выраженный эмоциональный характер, когда зрители не только активно реагировали на все, что происходило на сцене, но и вмешивались в действие.

Из имеющихся на сегодня почти пяти десятков текстов и описаний народного «Театра Петрушки» непристойным в полном смысле может быть признан только один текст (первый из приведенных ниже), хотя в реальности подобных представлений и сенок было гораздо больше. Зафиксировать, перенести их на бумагу было чрезвычайно трудно, поскольку петрушечники с их богатым опытом столкновений с властями, «вычислив» наметанным глазом в толпе зрителей «не своего брата», разыгрывали вполне пристойный вариант комедии. При «легальной» записи от самих петрушечников, даже в приватной беседе, кукольники очень редко отваживались передать бранный, насыщенный скабрёзностями и дерзкой эротикой текст комедии. Объяснялось это и сугубо народным уважением к писаным словесам, и присущим крестьянину, мастеровому, «низовому» актеру недоверием к «барину», любому незнакомому грамотному человеку. Надо учитывать и тот факт, что нецензурные сценки во многом строились на импровизации и непристойность их выражалась отнюдь не только произносимым текстом, но, может быть, в большей степени — жестами, пантомимой, соответствующим звуковым оформлением, бессловесным обыгрыванием предметов. К последним в первую очередь следует отнести главное орудие Петрушки — знаменитую палку, дубинку-трещотку, эротический смысл которой используется площадным театром многих народов в разного рода обрядах, а в русском языке закреплён в хорошо известных выражениях типа «бросать палку».

Описывать словами невербальный план выражения вообще довольно сложно, тем более фиксировать не просто действие как таковое, но и разные его смыслы, особенно когда переносное значение (в нашем случае отсылающее в область эротического) оказывается переносным, «заветным» смыслом. Делать этого собиратели-любители прошлого и начала нашего века не умели.

Откровенно циничный, грубо непристойный характер уличных кукольных представлений отмечал еще Адам Олеарий, посетивший Московию в 30-е годы XVII столетия в составе голштинского посольства. Наблюдая выступления скоморохов, он был поражен перенасыщенностью ругательствами и всевозможными непристойностями. «Подобные срамные дела,— писал он,— уличные скрипачи воспевают всенародно на улицах, другие же комедианты показывают их в своих кукольных представлениях за деньги простонародной молодежи и даже детям»¹.

К середине — концу XIX века (времени серьезного интереса ученых и бытописателей к народному театру и появления основного корпуса подробных записей и описаний петрушечной комедии) откровенно эротические представления «Петрушки» или отдельные сцены из него исполнялись часто, но далеко не всегда и не везде.

А. Бенуа вспоминал, что двусмысленностями и неприличием обычно отличались дворовые представления, рассчитанные на самую «грубую» публику: «...текст был здесь приноврвлен для более низменных вкусов. Иногда обступавшая ширму толпа покатывалась от хохота специфического характера, того хохота, который вызывают «свинства», и в таких случаях братья мои заговорщически переглядывались, а мама — тревожилась, не услышал бы «de ces choses indécentes» Шуренька»².

Особенно легко насыщались всякого рода эротическими вольностями, разыгрывались в эротическом ключе сценки с невестой и с доктором. Запись представле-

---

¹ Олеарий А. Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 годах. М., 1870, с. 178.

² Бенуа Александр. Мои воспоминания. М., 1990, кн. 2, с. 285; «de ces choses indécentes» — каких-нибудь непристойностей (*фр.*).

ния от Вениамина Зидка (см. примечания; начало ее приводится в наст. изд.) включает в качестве дополнения к основному тексту три вставных сценки, которые игрались лишь при определенных условиях. Любопытно, что две из них (с китайцем и чертом) воспроизведены дословно, третья яге удостоилась только одной, но выразительной фразы: «Иногда в холостой компании, и преимущественно в среде офицеров, проделываются различные виды Петрушки с его невестой, причем эта последняя ставится в разные позы (на разные манеры)» (л. 74 об.).

Эротический вариант сенок с невестой был очень популярен. Это засвидетельствовано даже Большой энциклопедией под ред. С. Н. Южакова: «Шутки Петрушки часто бывают грубо уличные; особенно отличается этим так называемая «свадьба Петрушки», исполняемая после обычного представления за особую плату». О том же писал и Д. А. Ровинский: «Если зрителей много и Петрушкину свату, т. е. главному комедианту, дадут на водку, то вслед за тем представляется особая интермедия под названием Петрушкиной свадьбы. Сюжета в ней нет никакого, зато много действия. Петрушке приводят невесту Варюшку; он осматривает ее на манер лошади. Варюшка сильно понравилась Петрушке, и ждаты свадьбы ему невтерпех, почему и начинает он ее упрашивать: «Пожертвуй собой, Варюшка!» Затем происходит заключительная сцена, при которой прекрасный пол присутствовать не может. Это уже настоящий и «самый последний конец» представления»².

Непристойный характер сцене лечения придавали действия доктора, обычно слишком целенаправленно ищущего у Петрушки ушибленное место. Как сообщает тот же Д. А. Ровинский, «когда доктор доходит до нежного места, Петрушка вскакивает и цап его по уху; доктор дает сдачи, начинается потасовка»³.

Прежасно поддавались эротическому трактованию, веселому срамному обыгрыванию эпизоды с лошадьо: часто использовался популярный мотив поиска головы кобылы под ее хвостом; определение возраста лошади производилось тоже заглядыванием в рот и под хвост.

---

¹ Большая энциклопедия под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1903, т. 11, с. 641.

² Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881, кн. 5, с. 226-227

³ Там же, с. 225.

Кукольная комедия о Иетрушке сформировалась и бытовала в контексте фольклорной праздничной культуры, в условиях ярмарочного, площадного веселья, замешанного на крепком соленом слове, на грубой буффонаде, на не знающей социальных, возрастных и прочих границ фамильярности, на здоровом и мудром ощущении единства высокого и низкого, духовного и телесного, серьезного и смешного; в конечном счете на идее сопряжения и взаимообусловленности жизни и смерти. Фольклорный оптимизм и «заветная» народная правда о мире проявлялись в особом смехе, одновременно возвышающем и сокрушающем, выворачивающем наизнанку; смехе стихийном и свободном, не знающем запретов и не подвластных ему сфер; смехе, который утверждает и очищает через издевку, путем погружения и проведения сквозь телесный низ, сквозь смачную, веселую, озорную народную эротику.

А. Ф. НЕКРЫЛОВА

ВЫХОД ПЕТРУШКИ

Петрушка. Здравствуйте, господа, почтеннейшая публика! Я сегодня приехал сюда господ повеселить, детей позабавить, с будущим праздником поздравить. Здравствуй, музыкант!

Музыкант. Здоров, здоров, Иван Петров. Что нам скажешь?

Петрушка. Вот что, я тебе новость расскажу.

Музыкант. Какие новости? Ну-ка расскажи!

Петрушка. Я бросил волочиться, задумал жениться, не хочет ложиться.

Музыкант. Не худое дело. Надо знать, на ком.

Петрушка. Разве ты не знаешь?

Музыкант. На ком?

Петрушка. На Прасковье Михайловне, на купеческой дочери. Красавица!

Музыкант. Похвались, покажи.

Петрушка. Сейчас придет: калоши одевает, рубаху подымает, идет, спотыкается, на хуй натывается. Ванька увидал, весь задрожал, вынял хуй и показал. Она засрамилась, в сторону отворотилась. Музыкант! Посмотри, какая красавица!

Музыкант. Ведь она слепая.

Петрушка. Нет, сам ты слепой. Довольно болтать, начинай играть. Сыграй «русского».

Музыкант играет. Петрушка во время танцев поддевает головою под рубашку.

Петрушка (*кричит*). Музыкант! Постой, постой! Красавица заморилась!

Музыкант. Как она заморилась?

Петрушка. У ней сердце заколотилось.

Музыкант. Как сердце?
Иетрушка. Как дамские часы.
Музыкант. Как дамские часы ход имеют?
Петрушка. Верхние тыки, так нижние чмак, чмак.
Музыкант. Все, все, хорошо. Одначе, сколько приданого берешь?
Петрушка. С пизды поцелуй, на придачу рубль, икону и хуй в жопу придано.
Музыкант. Хорошо.

Ванька берет [невесту. — А. Н.] под ручки и уходит.

Музыкант (*кричит*). Ваня, Ваня! Воротись, Ваня! Ваня, что ж она, золото, серебро имеет?

Воротились [Петрушка и невеста.— А. Н.].

Ванька. Есть.
Музыкант. Покажи.

Ваня на ципки указывает, что это серебро, а на пизду — золото. Поднимает рубашку и ударяет рукой по пизде и убегает.

Петрушка (*выходит и говорит*). Слава Богу, оженился и за ночь сильно ужарился. Теперь же я зажурился.

Музыкант. О чем зажурился?

Петрушка. Я теперь задумал на новое хозяйство собраться.

Музыкант. На какое?

Петрушка. Надо лошадку купить, молодую женку возить.

Музыкант. Куда?

Петрушка. В кровать, чтобы юбку задирать.

Музыкант. Я знаю, у кого.

Петрушка. У кого?

Музыкант. У цыгана Гаврилы Шаковского, барышника.

Петрушка. Где он живет?

Музыкант. Налево вправо. На левой стороне в трактире водку пьет.

Петрушка. Ступай, его позови.

Музыкант. Ступай ты.

Петрушка. А я не хочу.

Музыкант. Нет, ступай сам.

Петрушка (*поворачивается влево и кричит*). Гаврило, Гаврило, собачье твое рыло! Ступай сюда!

Цыган (*выходит и песню поет*).

Яко дако романо,

Яко дако чувано.

Я сегодня мингу нехаво.

Здоров, Петрушка!

Петрушка. Здоров, здоров, чтоб тебе черт кожу распоров! Чего ты пришел?

Цыган. А я, паньчу, слышал, что ты оженился и молодую женку взял. Она ленива пешком ходить. А у меня есть лошадь...

Петрушка. Какая у тебя лошадка?

Цыган. Есть чалый, который головой не качает; есть пегий, который никогда со двора не бегал, [есть] гривочка густа, головка пуста, как спотыкнется — через голову воды напьется, когда бежит, то весь дрожит, а когда ляжет, так лежит.

Петрушка. Вот это она самая моя лошадка. А дорого она стоит?

Цыган. Ни много ни мало — полтора ста рублей.

Петрушка. Что? Полтора ста гвоздей?

Цыган. Не гвоздей, а рублей.

Петрушка. Ох ты, цыганская твоя рожа! (*Ударяет его.*)

Цыган (*трясет головой*). Купил не купил, а влупил добре.

Петрушка. Что ж так дорого просишь?

Цыган. Сколько пан будет давать?

Петрушка. Вот тебе три сраки табаки, пучку бзда, на придачу рубль три гривенника.

Цыган. Мало.

Петрушка. Чтоб тебя разорвало!

Цыган. ^разорвало, да трохи маловато. Давай, пан, на прибавку.

Петрушка. Вот тебе на прибавку руб, три шаги, пирожок с криками.

Цыган. Давай, пан, задатку.

Петрушка. Приведи лошадку.

Цыган. Давай, пан, задатку. Не дашь задатку — не приведу лошадку. Прощай, пойду. (*Уходит.*)

Петрушка (*нагоняет, хватает за волоса, бросает его, кричит*). Постой, принесу задатку.

Цыган (*спрашивает у Шузыканта*). Он не обманет?

Музыкант. Нет, нет, он не обманет, он еще прибавит.

Цыган (*кричит*). Эй, давай, пане, задатку на дельную лошадку. Будешь ездить, днем друзей катать, ночью жёнку ебать и Цыгана вспоминать, почаще магарыч покупать.

Иетрушка (*выходит с палкой и говорит*). Считай! Вот тебе раз, вот тебе два, вот тебе три, жопу носом три, вот тебе четыре, вот тебе чертовы...

Цыган удирает, Петрушка лошадь вызывает. Лошадка выходит.

Иетрушка (*кричит*). Музыкант, посмотри, какая лошадка!

Музыкант. Да ничего, красивая, так что гадко посмотреть и страшно плюнуть.

Петрушка (*берет лошадь за хвост и поднимает. Спрашивает*). Сколько ей лет?

Музыкант. Неграмотный? Посмотри сам.

Петрушка (*смотрит в жопу и говорит*). Четыре года на третей. (*Садится на лошадь и говорит.*) До свидания, господа! Уезжаю!

Музыкант. Ваня, куда едешь?

Петрушка. Поеду в Варшаву за капустою.

Музыкант. Ваня, а мне привезешь?

Петрушка. Сколько тебе?

Музыкант. Штуки три.

Петрушка. Хорошо, хорошо. До свидания, господа! (*Едет. Лошадь испугалась, Петрушка падает, кричит.*) Караул! Караул! Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Позови дохлова.

Музыкант. У нас дохлых нет, а все живы.

Петрушка. Ну давай кого-нибудь, дохлого, живого, все равно.

Доктор (*выходит*). Я доктор-лекарь, с-под Каменного моста аптекарь. Вставают мертвые, будем живых в жопу перти.

Петрушка (*кричит*). Ой, ой, ой!

Доктор. Что с тобой?

Петрушка. Я больной.

Доктор. Стань покажи.

Петрушка. Не могу.

Доктор. Встань, покажи. (*Берет за ногу.*)

Петрушка. Что ты делаешь? Не бери за ногу, а бери за хуй.

Доктор. Где достал?

Петрушка. Жену намахал — и шанкера достал.

Доктор. Плохо, плохо, пойдем за мной.

Петрушка. Куда? Я слечу. Нет, не здесь.

Доктор. Ну покажи.

Петрушка. Не могу, сам посмотри.

Доктор (*берет за хуй, смотрит, спрашивает Петру гику*). Деньги есть?

Петрушка. Сколько?

Доктор. Три рубля.

Петрушка. Три копейки.

Доктор. Дурак.

Петрушка. Какой рак?

Доктор. Не рак, а болван.

Петрушка. Да, да, Иван, Иван.

Доктор. Позвольте за визит.

Петрушка. Сейчас. (*Уходит.*)

Доктор. "узыкант!

Музыкант. Что?

Доктор. Он не обманет?

Музыкант. Нет, нет.

Доктор. Поскорее денежки получить, лошади не стоят, надо отсюда уехать.

Петрушка (*выходит*). ^пассчитывай. (*Бьет и приговаривает.*) Вот тебе за руку, вот тебе за ногу, вот тебе за пизду черноброву, а про хуй не толкуй. (*Убивает его.*)

Музыкант. Что сделал?

Петрушка. Заплатил.

Музыкант. Ты ж его убил.

Петрушка. Купил?

Музыкант. Не купил, а убил. Он помер.

Петрушка. Что? Повар?

Музыкант. Покойник.

Петрушка. Полковник? Вашевысоконеперелезу.

Музыкант. Надо схоронить.

Петрушка. Что? Сварить?

Музыкант. Заховать.

Петрушка. Что? Поебать?

Музыкант. Спрячь!

Петрушка. Куда? С кем?

Музыкант. Ступай позови.

Петрушка. Попизди, кому?

Выходит Священник, прислушивается ухом [к Доктору? — А. Н.]. Вышел. Говорит Петрушке на ухо, делает знаки. Уходит. Вносят гроб, снимают крышку. В это время Петрушка берет крышку, прикрывает Священнику голову, он бросается [Доктором]. Вложили в гроб убитого, начинают нести. Выходит Городовой.

Городовой. Это что?

Петрушка. Ты кто?

Городовой. Я Городовой.

Петрушка. Хуй с тобой.

Уходят все. Выходит Еврей.

Еврей. Слухай, Музыкант!

Музыкант. Что?

Еврей. Ту-ту-тут не проходил пани Петру Иванцю?

Музыкант. На что?

Еврей. Надо деньги получить.

Музыкант. Сейчас придет.

Петрушка (*поет*).

Ишла девка с того свету —

Половина пизды нету.

Ишла девка от машины —

Нашли хуя три аршина.

Одна каже — режьте,

Друга каже — ешьте.

Третья каже — не псуйте,

Возьмите мене всего всуньте.

Ох, дубинушка, охни.

Здоров, Хаим Беркович!

Еврей. Здоров, здоров!

Петрушка. Что тебе надо?

Еврей. Хиба вы не знаете? Мене требе грошей.

Петрушка. За что?

Еврей. Хиба вы не знаете?

Петрушка. За что?

Еврей. А-а-а! Хиба вы не знаете, як в нашей хате и водку пил, шоколад, и мармелад, и фрукты, цукерники, бублики...

Петрушка. Пошел вон!

Еврей. За что? Вор!

Петрушка. Не вор, а пошел прочь. Хиба можно — подскочь.

Еврей. Слушайте (нрзб.). Годи крутить вам за Яцу, давайте мне гроши.

Петрушка. Сколько тебе надо?

Еврей. Четыре гроши и две воши, две подскоки, два хуя в боки.

Петрушка Еврея ударяет в морду.

Еврей. Квуйт, квуйт... Давай мени гроши, а не дашь гроши — ходим за мировой судью. *(Берет Петрушку за руку и тянет.)*

Петрушка вырвался и ударяет его в морду. Подняли скандал. Петрушка убивает [Еврея.— А. Я.], сам прячется.

Музыкант. Иетрушка, Иетрушка!

Петрушка *(вышел)*. Что тебе надо?

Музыкант. Убери его.

Петрушка. Сейчас. *(Спрятался, выносит мешок, бросает [Еврея] головой в мешок, берет на плечи, идет, кричит.)* Картошки с мандой!

Выходит Капрал.

Капрал. Ты что шумишь, кричишь, грубиянишь? Весь народ разбиваешь? Мне приказано задержать. Ты что несешь?

Петрушка. Картошку.

Капрал. Покажи.

Петрушка. Некогда. Надо на базар поспешать.

Капрал хватает сзади Еврея за ноги и тянет с мешка. Петрушка не дает. Капрал вырывает и смотрит.

Капрал *(говорит)*. Что это?

Петрушка. Картошка.

Капрал. Разве такая бывает картошка?

Петрушка. А что?

Капрал. Еврей. Забирай!

Петрушка и Капрал уходят.

Петрушка *(поет)*.

Через речку брила

На кладочку сила.

Пий, пий, пизда, воду,

Бо колбаски йила.

Меня никто не спрашивал?

Музыкант. Спрашивал.
Петрушка. Кто?
Музыкант. Французский капрал.
Петрушка. Который курицу украл?
Музыкант. Нет, который в солдаты забирает.
Петрушка. Что? Который в собаки берет? Я не умею гавкать.
Капрал. А, ты здесь? Попался! Вот теперь я тебя в солдаты сдам.
Петрушка. А я не гожусь.
Капрал. Почему?
Петрушка. Я не годеи: горбатый. (*Гнется и говорит.*) Пошупай — горб.
Капрал (*ищет*). Нет. Где ты потерял?
Петрушка. На печке оставил.
Капрал. Полно болтать. Сейчас принесу ружье, буду учить военную службу.
Петрушка. Что? Я буду жить у ружью?
Капрал. Военну команду.
Петрушка. Что? Пизду заgrabну?
Капрал. Молчать!
Петрушка. Спать?
Капрал. Замолчи! Вот тебе ружье.
Петрушка. Это палка.
Капрал. Первый раз дураков обучают палкой, а потом ружьем. Бери.
Петрушка. Давай.
Капрал. Слушай, команду!
Петрушка. Пойду покушаю.
Капрал. Не кушать, а слушать!
Петрушка. Слушаю.
Капрал. Налево кругом.
Петрушка. По затылку вдруг!
Капрал. Ты что, мерзавец, сделал?
Петрушка. Виноват, шел да спотыкнулся.
Капрал. Смеешь ли ты спотыкаться?
Петрушка. Следующий раз буду стараться.
Капрал. Пали!
Петрушка. Держись! Зарежу! (*Убивает [Капрала]. — А. Н., садится верхом, пердит.*)

Выходит Старик, плачет.

Старик. О, Возке мой, Боже мой! Где мой сын Максим? Двадцать пять лет прослужил, отставку поду-

чил, тут свою головочку положил! Вставай, мой сынок!
Вставай, мой дружок!

Петрушка (*убивает Старика, берет за волосы, кричит*). Вставай, старый пердун! Подымайся! (*Пердит, уходит.*)

Петрушка (*поет*).

На припичку, на краю
Ебут милую мою.
А я кругом бегаю,
Ни хуя не сделаю.

Филимошка (*выходит, поет*).

Ой на дубе на вершечку
Висит пизда у горшечку.
Сидит девка на стерни,
Спидницу мотае,
Стерня ей в пизду колет,
Она стерню лает.

Здорово, Петруха Иванович!

Петрушка. А ты кто?

Филимошка. ^разве ты не знаешь? Как мы с тобой
в ^москве в Марьиной роще распивали.

Петрушка. Что воровали?

Филимошка. Нет, не воровали, распивали.

Петрушка. Кого ебали?

Филимошка. Разве ты забыл, как мы с тобой
раскатывались на тройке удалой?

Петрушка. Кто нее ты?

Филимошка. Я Филимошка Барбоська.

Петрушка. А-а-а, знаю, знаю. Это друг мой. Где нее
ты был? Сколько же я тебя не видал?

Обнимаются. Петрушка бросает его [Филимошку.— А. Н.]
на землю.

Филимошка (*поднимается, говорит*). Чем нее ты
меня, дружок, угощать будешь?

Петрушка. Сейчас выпьем, пойдем и закусим.
(*Уходит, берет палку, убивает [Филимошку.— А. Н.],
приговаривает.*) Вот тебе, выпивай, выпивай, а в зубы
закусывай, закусывай! (*Относит его [Филимошку.—
А. Я.]. Выходит.*) Музыкант! А теперь никого не боюсь.

Музыкант. Нет, побойся.

Петрушка. Кого?

Музыкант. Придет Серый Барбос, откусит твой
длинный нос. Или нее Домовой за твоей головой.

Петрушка. Не боюсь. У меня есть ружье покойного дяденьки, я его застрелю.

Выходит Барбос.

Барбос. Гав, гав, гав!
Петрушка. Пошел вон.

Барбос хватает его за длинный нос и тянет.

Ой, ой, ой! Барбос, Барбос! Пропал мой длинный нос.
Скандибобером!

Конец

ПЕТРУШКА

Петрушка (*выходит из-за ширмы со смехом и потом, кланяясь публике, говорит*). Здравствуйте, господа, поздравляю вас с праздничком.

Музыкант. А какой нынче у нас праздник, Ваня?

Петрушка. С Пасхой поздравляю, со Святой неделей (или какой случится в той местности, где бывает или где идет представление комедий). Музыкант! А знаешь что?

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Я задумал жениться.

Музыкант. Это неплохое дело, жениться. На ком ты думаешь жениться?

Петрушка. На Марье Петровне, купеческой дочери.

Музыкант. А приданого за нею много ли берешь?

Петрушка. Сорок четыре тысячи и белую бутылку на водку, картошки на закуску и поросенка для хозяйства. Вот будет хорошо так хорошо... Отличное будет хозяйство!

Музыкант. А похвались, Ваня, своею невестой, какова она?

Петрушка. Красавица моя невеста, первая красавица в мире.

Музыкант. Похвались, Ваня, покажи ее, позови невесту сюда, да скорей-поскорей.

Петрушка (*зовет, обращаясь внутрь ширмы*). Матренушка, голубочек мой, голубочек, сердце мое, выходи сюда!

Невеста выходит.

Вот она, вот она (*хохочет*), красавица моя (*опять хохочет*). Музыкант! Смотри, какая красавица. Попоч-

ка, посмотри — какие цыцунки, ай-ай, какие хорошие.
(*Трогает невесту за груди.*)

Музыкант. Ваня, а покажи, где у нее золото и где серебро.

Петрушка (*хлопает невесту по груди*). Вот тут и есть серебро. (*Затем, быстро опуская голову под подол и поднимая юбки Матрены Петровны, кричит.*) А тут самое золото...

Музыкант начинает играть, а Петрушка танцует, обняв невесту, причем во время танца телодвижения обоих бывают крайне неприличные, рассчитанные на произведение эффекта в грубой толпе. Наконец Петрушка кладет руки на грудь невесты, кричит голосом участия.

Ох, ты моя голубушка — заморилась, заморилась; ах, заморилась ты, моя пупочка. Пойдем, я тебя провожу домой.

Невеста качает головой в знак отрицания, что не желает-де уходить.

Иди, говорю, домой!

Невеста опять отрицательно качает головой, показывая тем, что не желала бы расставаться со своим возлюбленным.

Петрушка (*сердито*). Ступай домой, ступай домой, ступай домой, домо-о-ой...

Невеста стоит не двигаясь. Тогда Петрушка начинает толкать ее головою в спину и прогоняет ее со сцены, приговаривая.

Домой ступай, домой, домо-о-ой, ишь какая капризная, вот я тебе дам, я тебе дам...

Музыкант. Ну, брат Ваня, какая у тебя жена капризная: достал ты себе подругу! Ваня!

Петрушка. Что такое?

Музыкант. А почему жена у тебя такая капризная?

Петрушка. А потому, что я стар, а она молода, и вот с первой ночи она невзлюбила меня. Музыкант, нет ли у тебя какого средства заставить ее полюбить меня?

Музыкант. Почему нет? Возьми бутылку карасина и три бутылки соли и выпей все это сразу, так непременно Матрена Петровна полюбит тебя... А вот что, Ваня, я слышал, что ты своей женушке лошадку хочешь купить, и я бы сказал тебе, у кого купить.

Петрушка. У кого?

Музыкант. У Гаврилы Петровича, цыгана из Борисова. У него есть персидский жеребец, ох да и жеребец же: два дня бежит, а три дня лежит, а водою напьется — под горою остается...

Петрушка. Вот-вот, спасибо: вот такого коня мне и надо. Где живет цыган?

Музыкант. На Могилевской улице.

Петрушка. Позови его, пожалуйста!

Музыкант (*кричит*). Эй, Гаврила!

Цыган выходит.

Петрушка. Ну, Таврило, собачье твоё рыло.

Цыган. Ой ду мардү-мардү лавэ сы, лавэ сы. Доброй здоров.

При этом Петрушка и Цыган стучаются головами.

Петрушка. Здоров, ром, здоров, ром. А зачем ты пришел сюда?

Цыган. Я слышал, барин, что вам нужна лошадка, а у меня есть отличный персидский жеребец: два дня бежит, три дня лежит.

Петрушка. А сколько ты просишь за него?

Цыган. Пятьсот карбованцев.

Петрушка. Ого-го-го-го-го... Дорого, дорого, барин-хозяин. (*Бьет его палкой по лицу.*)

Цыган. Ого-го: купить-то не купил, а по морде вже лупил. Прощай. (*Хочет уйти.*)

Петрушка (*берет его*). Постой, постой, цыганское твоё рыло: вот тебе за коня сто рублей.

Бьют друг друга по руке.

Цыган. Мало, барин.

Петрушка. Ну, вот, бери полтораста.

Цыган. Ну, хорошо, давай, барин, задатку.

Петрушка. А ты давай лошадку.

Цыган уходит за лошадьё, а Петрушка за деньгами для задатка. Оба затем показываются из-за ширмы, причем у Цыгана лошадь, а у Петрушки в руках палка.

Петрушка. Ну, давай лошадку!

Цыган. Давай, барин, задатку.

Петрушка (*бьет Цыгана палкой по затылку*). Вот тебе задаток, вот тебе задаток...

Цыган. Ой-ой-ой, мало задатку...

Петрушка (*продолжает бить*). Вот тебе задаток, еще, еще, еще. (*Бьет по чем ни попало: по спине, ниже спины и проч.*)

Цыган наконец скрывается. Затем Петрушка начинает осматривать лошадь, гладит коня, который в это время брыкается.

Петрушка (*обращается к Музыканту*). Музыкант, Музыкант! Вот какое мне несчастье, вот цыган-то одурил меня, одури-и-ил. (*Садится верхом на лошадь и бьет ее по морде.*) Но!

Конь стоит.

Но!!!

Лошадь не двигается.

Но!!!

Лошадь тронулась, но во время езды бьет задом, отчего Петрушка сваливается. Он лежит и кричит.

Ой-ой-ой, Боже мой, Боже мой! Вот несчастье какое! За свои гроши себе хворобы купил... Музыкант!

Музыкант. Что такое?

Петрушка. Со мной случилось большое несчастье: Цыган-то одурил меня. Я чуть не убится до смерти. Ох, ох! При ком останется моя жена, с кем она будет по ночам проводить время...

Музыкант. Это всё он, Цыган, сделал тебе подлую штуку.

Петрушка. Ой, Боже мой, Боже "мой... Поскорее доктора, доктора...

Музыкант. Какого тебе, Ваня, доктора: русского или французского?

Петрушка. Французского доктора, французского...

Доктор (*выходит*). Я доктор-лекарь, с-под Каменного моста аптекарь, я живых принимаю, а мертвых на тот свет отправляю.

Петрушка. Ой, Боже мой, Боже мой!.. Ратуйте

мене, ратуйте мене. За ничто пропала моя красавица: чтобы Цыган пользовался моей женой...

Доктор. Где в тебе болит?

Петрушка (*показывая на ушибленное место*). Вот здесь.

Доктор. Здесь?

Петрушка. Нет, выше.

Доктор. Здесь?

Петрушка. Нет, немножко пониже.

Доктор. Да черт тебя разберет: то повыше, то пониже. Встань да растолкуй. (*Берет Петрушку за голову и поднимает его.*)

Петрушка. Ой, Боже мой, Боже мой! (*Поднимается и становится на ноги.*) Спасибо, Доктор.

Доктор. Мне спасибо не надо, мне надо получить за визит.

Петрушка. Хорошо, господин Доктор. А сколько вам за визит?

Доктор. Три карбованцы.

Петрушка (*поспешно*). Сейчас принесу. (*Уходит и потом является с палкой.*) Несу, несу, деньги несу и Доктора угощу. (*Бьет Доктора палкой и убивает его до смерти.*)

Для погребения Доктора входит (является) ксендз и молится над телом убитого. Приносят покрывало на покойника, кладут Доктора в гроб и проч., и, наконец, составляется целая процессия из разных лиц, являющихся проводить тело; словом, продельвается целый обряд по ритуалу католическому, причем некоторые действия, конечно, не могут не вызвать смеха, что входит в программу представления.

Проводив тело, Петрушка выходит на сцену один.

Ха-ха-ха-ха... Музыкант! Пропал Доктор! (...)

Публикация А. Ф. Некрыловой

ЕЗДОК И КОНЁВАЛ, ИЛИ КОНЬ

Святочное представление «Ездок и Конёвал, или Конь» в деревне Падмозеро в Заонежье разыгрывали «хухляки» (ряженные), которые начиная с Васильева дня ходили по избам и «пришаливали». Как записал Н. Е. Ончуков, «двое участвовавших изображают ездока и коновала, третий, в шубе навыворот, — коня; коня ведет «на вязи» ездок. Приходят в избу и разыгрывают комедию, вся суть которой, по-видимому, и состоит в том, чтобы очень скоро и без заминки отбарабанить реплики. Зрители покатываются со смеху, слушая остроумную комедию; и хозяин угощает артистов вином; вероятно, собираются и деньги, конечно, копейки. П. М. Калинин (см. Комментарии), бывало, сам участвовал в «пришаливаниях» хухляков»¹.

Калинин охотно, по традиции — скороговоркой, рассказал собирателю своего «Коня», которого он «понял [перенял.— А. Н.] от падмозерского сторожа Ефима Андреева»². От Калинина Ончуков записал также «несколько сказок и песен исключительно скабрзного содержания»³.

---

¹ Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова.— Записки Русского географического общества. Отделение этнографии, 1908, т. 32, с. 470-471.

² Там же, с. 475.

³ Там же, с. 470.

ЕЗДОК И КОНЁВАЛ, ИЛИ КОНЬ

- Конева л. Скок, скок через порог,
Еле ноги переволок,
Не с большой батагой,
Сам с собакой;
Знаешь ли, я, Конёвал,
За морем бывал,
Поташ-корень добывал.
Поташ-корень
С собачью голень,
Потерть, направить,
На путь наставить;
В байну на ногах,
А из байны на дровнях,
Из зелья в зелье
К утру в землю,
От того человека-каналы
Век отрыжки не будет.
Здравствуйте, девицы-перепелицы!
Удалые добры молодцы!
Что ж вы скоса смотрите на нас,
на коневалов?
- Голова ль у вас болит,
Але между ног у вас сверлит?
Не надо ле кинуть крови-руды
Из подподольной дыры?
Но не нужно ни крови, ни руды,
Только сделать в порядке пена у дыры.
(Обращается к ездоку.)
Здравствуй! барин!
Здравствуй, господин!
Не можь ле моей лошади излечить?
- Конёвал. Ты чей?
Ездок. Я с п(изды) казначей,
С п(изд)ь<я) усья,
С-под ...ловой горы,
С города Потатую,
А кто спросит —
Тому тридцать три (хуя).
Однако с каких яге ты мест?
Ездок. А откуль и ты лез.
Конёвал. Где ж ты живешь?
Ездок. Я живу по ту сторону ^ростова,
По сю сторону ^рожества Христова,

За две недели от Нова-города.
 Конёвал. Где же твой дом?
 Ездок. Мой дом на колу дном,
 Дверямы в воду,
 Не откуль нет ходу.
 Поправь мою лошадь.
 Конёвал. Надо средиться.
 Что ты можешь пожертвовать мне за труды?
 Ездок. Я дам тебе сорок анбаров
 Мороженных тараканов.
 Конёвал. Мне это не треба.
 Ездок. Дам сорок пуд
 Собачьих м(у)д.
 Конёвал. И это не годится.
 Ездок. Сорок кошелей
 Кониных плешей.
 Конёвал. Не надо.
 Ездок. Сорок аршин
 П(изд)ь(и)х морщин.
 Конёвал. Вот это ладно.
 Только надо мне пашпорт либо вид.
 Ездок. У меня есть вид,
 Трубкой свит,
 Низко прибит:
 Была тетушка Апросенья у меня в гостях,
 Подмочила тресту;
 Когда подсушу,
 Тогда и покажу.
 Конёвал. Если ты не покажешь мне пашпорту или
 виду, я не буду поправлять твоей лошади.
 Ездок. *(Вынимает бумагу и отдает ее Конёвалу,
 последний берет и хочет читать, а перед
 тем вынимает табакерку, делает вид,
 что хочет нюхать табак, и говорит):*
 Биднинькой ратничок,
 Садился на клочок,
 Нюхал Божью травку табачок;
 Бога хвалит, царя звеличает,
 Богатую богатину крепко проклиняет;
 Богатой богатины,
 Три (ебе)ных матери,
 Пива и меду
 И мать его (ебену).
(Нюхает табак, чихает и читает даль-
ше.)

Выехал кульер из аду,
Вывез страшный газет:
Вси наши городские начальники
Ушли на тот свет.
Явился старик седой
С долгой бородой.
Сатана в дále увидал:
«Ну что, старик с долгой бородой,
Не являешься сюда долго?»
— Я ладил стольки денег накопить,
Чтобы весь ваш ад с дьяволами откупить.
Есть для тебя местечко давно откуплено,
Взять его пристану, (так)
Дать по толчку в спину.
Лёв-лев бережской,
Епишка загорской
Исавка карпинской,
Вычерпали ему теста
С пуд места;
Вычерпали в лоток,
Ему пришлось один глоток.
Тут дядюшка Егорка
Ходил по горкам,
Забирал заборки,
Стрелял тетёрки;
А тетушка Хавронья
Выстала с подворья,
Приздынула подол,
Показала хохол:
— Вот те, дядюшка Егорка,
Черна тетёрка,
Поёт и не улетит.
Тут наварили ему киселя с маслом,
А он и на стол насрал;
Наварили крупницы,
Стал срать, как с трубницы;
Дали на дорогу
Большу кадушку творóгу.
Прибежал я к матушке Бровичной.
У матушки у Бровичной
Не случилось хлеба печеного,
Чесноку толченого.
Заняла мучки
С несчастливой махонькой ручки;
День не пекет и два не пекет;

Спекла коврыжки,
На горшки покрышки:
Кусишь — гребёнка, волоса чесать,
Режешь — оселко, ножик точить.
— На-ко, Федор Еремеев, кушай,
На, Ахонька, гашники рушай,
А Федор Еремеев проходьг очишай.
Ну вот, муж мой возлюбленный,
Говорят, у тебя к(онец) отрубленной,
Если это правда да былица,
Я, родна жена, с тобой не жилица.
Я живу, барыня, барствую,
Скота убавила, двора прибавила,
На серёд двора байну поставила;
Выкормила борова,
Убить этого борова,
Купить хорошего ёбора.
Пошел я к барину с оброком,
Взял я утку,
Взял я курку,
Кадушку масла,
Коробку яиц,
Охапку творогу
Господину своему.
Выбежал баринище:
— Что ж ты за мужище?
— Вашей милости крестьянин,
К вам с оброком:
Вот вам утка,
Вот вам курка,
Кадушка масла,
Коробка яиц,
Охапка творогу,
Господину своему.—
Это барину прилюбилось.
Дал он лошадь,
Впрёг и в сани,
Дал долгую кнутину;
День я ехал, другой я ехал,
Прямо господского дома приехал;
Так ю мать — не потянула.
Вышел с саней,
Подтяну и сани,
Приворочу хвосты,
Посмотрю на восьмой номер.

Выбежал лакеишко,
Начал меня бить,
Начал колотить:
— Не веди кобылы,
Не тяни саней,
Не заворачивай хвоста,
Не смотри на восьмой номер,
Мать твою (ебену),
Не срами господского дому.

(Понял от падмозерского старика Ефима Андреева.)

Публикация А. Ф. Некрыловой

Заговоры

ЗАГОВОРЫ И МАГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

При регулировании межполовых отношений в сексуальной сфере в традиционной крестьянской культуре значительная роль отводилась заговорам и разнообразным магическим средствам. Существовали особые группы заговоров: на девичью красоту, на привлечение жениха, присушки и отсушки, от любовной тоски, чтобы стоял половой член или, наоборот, не действовал, обереги жениха и невесты и др.

Имеются документальные свидетельства о том, что любовная магия была распространена еще в эпоху Древней Руси. Наиболее ранний фрагмент русского любовного заговора донесла до нас берестяная грамота второй половины XIV века из Новгорода: «...так ся розгори сердце твое и тело твое и душа твоя до мене и до тела до моего и до виду до моего»¹. Многочисленные любовные заговоры зафиксированы в рукописных и печатных сборниках XVII—XVIII веков.

Если другие материалы, представленные в настоящем издании, так или иначе связаны с миром смеховой культуры, то отношение к заговорам и магическим

---

¹ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 г.). М., 1978, с. 120.

средствам было весьма серьезным. Церковь решительно осуждала «чародейные» способы «приворожения» супруга. Как отмечает Н. Л. Пушкарева, «в исповедных вопросах перечислялись женское молоко, мед, «любовное коренье», пот и проч., как средства, которыми женщины потчевали мужей, чтобы обрести их привязанность и расположение»¹.

Особое место в русской заговорной традиции занимали «присушки» — заговоры, с помощью которых пытались влюбить в себя или в кого-то другого юношу или девушку. Относились к ним в народе неоднозначно. С одной стороны, они квалифицировались как «черные», вредоносные и их использование осуждалось. С другой стороны, они были и остаются очень популярными, а потому широко распространенными. Основная цель «присушек» — возбудить сексуальное влечение у представителя противоположного пола. Поэтому описание частей тела, куда «раб Божий» или «рабица Божия» просили какое-нибудь мифологическое существо («ветер», «Огненного змея», Сатану и проч.) вложить «тоску-сухоту», часто заканчивается прямым или косвенным упоминанием мужских или женских половых органов, в зависимости от объекта, на кого направлен заговор. Характерно, что «присушки» на девиц, то есть те, которые произносили парни, более откровенны.

Ирисушки, отсушки, заговоры от тоски представляют собой своеобразный прообраз любовной лирики в литературе XIX—XX веков. Они отличаются высокими художественными достоинствами и экспрессивностью образов. Любовная страсть, насылаемая с помощью заговора, осмысливается как болезнь и иссушающая тоска. Она захватывает все естество человека, обрекая его на страдания и мучения.

---

¹ Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989, с. 95.

1. ЗАГОВОР НА ЛЮБОВЬ

Есть облако синее, под синим облаком есть море синее, на море на синем есть остров золот, на золоте острове есть камень золот. **И** поднимется золот камень, и выйдут из-под камня тридевять братьев: одну обувь топчут, одним поясом опоясаны, под одним колпаком, вынесут тридевять топоров и тридевять секир; пойдут по острову ступать и найдут тридевять дубов золотых: коренья у дубов золоты, и верхи у дубов золоты, и ветви золоты, и все те дубы золоты; и начнут сечь тридевять братьев тридевятью топорами, тридевятые секирами с тридевяти сторон тридевять дубов. **И** выйдет из моря стар-матер человек и спросит у тридевяти братьев, **на** что те дубы сечете? **И** ответ держат тридевять братьев: надобно кузницу золотую сооружать, и надобно горн золотой сооружать, и надобно в сем горне золотом уголье дубовое разжигать, надобно, чтобы сливались и слипались медь и железо во единое место: так бы сливалось и слипалось сердце у сей рабы (имя) с тем рабом (имя) во единое место, юность и ярость, и похоть, межручные и ножные в прелюбодейном деле у рабы (имя), и надобно ковать в сем горне золотом замки и ключи, надобно замыпсать у рабы (имя) сердце с тем рабом (имя) во единое место, юность и ярость, похоть, межручные и ножные кости, и суставы, и кровь в прелюбодейном деле. Сколь жарко в сем горне золотом уголье дубовое, столь бы жарко таяло сердце у рабы (имя) по мне, рабу (имя) юность, и ярость, и похоть, межручные и ножные кости, и суставы, и кровь; замыкали сердце тридевять братьев тридевятью замками, тридевятью ключами у рабы (имя) во единое место с тем рабом (имя), юностью, и яростью, и похотью, межручными и ножными костями, и суставами, и кровью. При месяце молодом и старом, и на перекройных днях, и по всякий час, и замкнули сердце у рабы (имя) с тем. рабом (имя) во единое место. **И** поднялись тридевять братьев на воздух и полетели **за** тридевять гор, и нельзя тех тридевять братьев добыть ни старому старцу, ни молодому молодцу во веки веков. Аминь.

2. НА ПРИСУШЕНИЕ [ДЕВИЦЫ]

На русской и на немецкой землѣи есть огнянной царь, высушил реки и езера и мелкия источины,— и как

в нынешних ветрах (высушил), так бы сохла раба Б(о-
жия) N по мне, рабу Б(ожию) N двадцати четырех
часу денных и ношных, на новце месяце, и на ветхе
месяце, и на перекрое месяце, и во вся меженны дни,
и не могла бы не жить и не быть, ни исть раба Б (о-
жия) N без меня, р(аба) Б (о-жия) N: в семидесяти суставах
и в семидесяти жилах, в подплатное жилие, и в подколен-
ном жилие, и во пространной жилы в ... [пизде — ?]
и визде бы сохло и болело, по мне, р(абу) Б(ожию) N.
Еще есть в чистом поле стоит Феоклист, да все высохло;
днем при солнце, а ночью при и при частых звездах,
и при частых дождиках, в семидесяти суставах и в семи-
десяти жилах, и в подколенном жилие, и в пространной
жиле в ... [пизде — ?] и везде бы сохло у рабы Б(ожией) N
дватцет четыре часу денных и ношных, на утренней
зоре, на вечерной зоре, на новце месяце, и на ветхи
месяце, и на перекрое месяце, во вся меженны дни, не
могла бы она, р(аба) Б(о-жия) N, без меня, раба Б(о-
жия) N, не жить и не быть. Еще есть в чистом поле печь
медная, накладена дров дубовых, как от тех дров дубо-
вых сколь жарко разгоряится, и так бы разгорялась
раба Б(о-жия) N по мне, рабу Б(ожию) N, 24 часу
денных и ношных, на нове месяце, и на ветху месяце,
и на перекрое месяце, во вся меженны дни, на утрен-
ней зори, во вся меженны дни, не могла бы она, р(аба)
Б (о-жия) N, без меня, р(аба) Б(ожего) N, не жить и не
быть. Всем моим словам ключь и замок, аминь, аминь,
аминь.

Трижды плюнь, а говорить на соль или на пиво, или
на пряник, или в вино.

3. ПРИСУШКА [НА ДЕВИЦУ]

На землях ^русской и Французской есть царь огнен-
ный,— высушил моря и реки и мелкия источники, так
бы сохла раба Божия (такая-то) по рабе Божию (таком-
то), на молоду и перекрое, чтобы не могла она не жить,
не быть без меня, раба Божия (имя), в 77 суставах, в 77
жилах и в половой жиле. В чистом поле белая лунь.
 Попрошу я ее слетать в чистое поле, в синее море,
в крутые горы, в темные леса, в зыбучия топи и попро-
сила бы она черта, чтобы дал он ему помощи сходить
к рабице, девице в терем, сесть на белую грудь, на
ретивое сердце, на горячую печень и вложил бы рабице

девице (такой-то) из своих окоянных уст, чтобы она не могла без раба (такого-то) не жить, не пить, не есть. Аминь, аминь, аминь.

4. [ПРИСУШКА НА ДЕВИЦУ]

Лягу я (имя) не благословясь, встану не перекрестясь, пойду я из избы не во дверь, со двора не в ворота, а под западну сторону, в чисто поле. Там стоит шатер, в том шатре двенадцать дверей. Пойду я к шатру, пну я в перья двери — откроются все двенадцать дверей. Захожу я в шатер, сидит Сатанаил Сатанаилович со своими с малыми детьми. Пошлю я Сатану: «Пооди ты, Сатана, зайди ты, Сатана, в крытый дом и некрытый дом, возьми лее ты из того дому (имя девицы), распали ее, разожги ее на все на четыре части, вложи ты ее тоски-тоскушей, плакоты-плакотушей в ретивое сердце, в белое легко, в черную печть, в под...ю [подъебную — ?] кость». Казался бы я (имя говорящего) ей (имя дев(и)цы) днем при беседе. Где бы она (ее имя) ни ходила, где бы она (ее имя) ни гуляла, все бы меня (имя говорящего) на уме держала.

Произносят на соль и стараются, чтобы соль была съедена той девицей, которую присушивают.

5. [ПРИСУШКА НА ДЕВИЦУ]

Стану я раб (такой-то) не благословясь, пойду не перекрестясь из дверей в двери, из ворот в ворота, в чистое поле на дьявольское море. На дьявольском море стоит каменная баня, в этой каменной бане стоит мост, под этим мостом стоят мраморные диваны, на этих диванах сидят тридевять чертей, из них три мои старшие братья. Подойду я к ним поближе и поклонюсь пониже: «Старшие вы мои братья, сослужите мне великую сдужбу, засушите и закрутите девицу (имя), чтобы она ходила — не захаживала, ела — не заедала, пила — не запивала, любила — не забывала, чтобы сохли у ней обо мне все 12 жил, 12 поджилков, 12 суставов, 12 подсуставников и соединяющая кость. Аминь».

Этот наговор читают на соль, которую после этого носят за пазухо^, чтобы она пропиталась потом, а затем ее стараются дать съесть девице.

6. [ПРИСУШКА НА ДЕВИЦУ]

Господи Боже, благослови Христос! Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, со двора в ворота, в чистое поле. **В** чистом поле, **в** зеленых кустах, в поморье стоит вертеп, в том вертепе сидит матерая жена на золотом стуле между троих дверей. Молюся я, раб Божий (имярек), до ней: «Ты, старая матерая жена, тебе дано от Господа **и** от Пресвятыя Богородицы ведати меня, раба Божия (имярек), Адамов закон, Еввину любовь, вложи желанное сердце рабе Божией (имярек) по мне, по рабе Божию (имярек). **И** тут старая матерая жена милостивая, милосердая, золота ступа покидает, [берет — ?] шолковой кужелек, веретенце серебряное, молится Христу Царю Небесному, Богородице, Матери Царице, вкладывает желанное сердце рабе Божией (имярек). Как кипит под землею летом безпрестанно белой ключ, так бы кипело, горело сердце и душа у рабы Божией (имярек) по мне, по рабе Божию (имярек). Коль всякой человек не может жить без хлеба, без соли, без платья, без ежи, так бы не можно жить рабе Божией (имярек) без меня, раба Божия (имярек). Коль тошно рыбе жить на сухом берегу, без воды студеныя, так бы тошно было рабе Божией (имярек) без меня, раба Божия (имярек). Коль тошно младенцу без матери своей, **а** матери без дитяти, толь тошно рабе Божией (имярек) без меня, раба Божия (имярек). Как быки скачут на корову или как корова в Петровки голову закинет, хвост залупя, так бы раба Божия (имярек) бегала и искала меня, раба Божия (имярек), Бога бы не боялась, людей бы не стыдилась, во уста бы целовала, руками обнимала, блуд сотворила. **И** как хмель вьется около вола по солнцу, так бы вилась, обнималась около меня, раба Божия (имярек). Как цвела утренняя роса, дожидаясь Краснова солнца из-за гор из-за высоких, так бы дожидалась раба Божия (имярек) меня, раба Божия (имярек), на всякий день и на всякий час, всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь».

7. НА РАЗЖЕНИЕ СЕРДЦА У ДЕВИЦЫ

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, из избы **не** дверями, из двора не воротами **в** чистое поле.

В том поле есть океан-море, в том море есть латырь камень, на том камне стоит столб, от земли до неба огненный, под тем столбом лежит змея жгуча, опалюча. **Я** той змее поклонюсь и покорюсь: «**Ой**, еси ты, змея! Не жги, не пали меня, полетай под восточную сторону, в высок терем, в новы п(о)кой, пухову перину, шелкову подушку, к девице **N**, **разожги** и распали у той девицы белое тело, ретивое сердце, черную печень, горячую кровь, все подпятные и занокотныя жилы, чтобы она девица **N** не могла ни жить ни быть, часу часовать и минуты миновать, поутру вставала — обо мне бы вздыхала, пошла — на мне **N** величала, ни с кем бы она думы не думала, мысел не мыслила, плоду не плодила, плодовых речей не говорила, ни с отцом бы, ни с матерью, ни с родом, ни с племенем, кроме меня р(аб)а Б(ожьего) **N**. Все бы она девица **N** со мной, р(абом) **Б** (ожьим) **N**, думу думала, мысли мыслила, плод плодила, плодовые речи говорила, на ветху и на нову месяцу и на перекрое месяцу. Будьте те мои слова недоговорены, переговорены, все сполна говорены. Ключ сим словам **в** зубы, замок **в** рот».

8. МОЛИТВА ДЛЯ ПРИВОРАЖИВАНИЯ [НА ПАРНЯ]

Мильтй мой, родимый мой, раб Божий (имярек), тоскую я, горюю я, горюю я, раба Божия. Поди тоска-кручинушка в буйную головушку, в русы волосы, в черны брови, в ясны очи, в красны губы, в белы зубы, **в** легку, в печень, в горячую кровь, в ретивое сердце, поди в стальну кость, чтобы тосковал, горевал бы, *ел* — не заедал, пил — не запивал бы на всяку минуту, на всяку секунду, во веки веков, отныне и до века.

Говорится на питье.

9. ЖЕНСКАЯ ИЗДЕВКА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Ой, еси, месяц, и вы, чистые звезды, и буйные ветры, вода и земля, и лес и трава, синее море и огненная река, снесите и спроводите из меня, раба Божия (имярек), тоску, сухоту и кручину велику, мысль немалую, печаль необычную в рабу (имярек), чтобы той тоской тосковала и сухотой сохнула, **и** кручиной великой; не

могла бы в мыльне венником спариться, ни водою смыться и обдаваться, ни отец, ни мать не могли бы ни пособить, ни помочь, ни колдун, ни колдуница, ни сама себе, рабе Божьей (имярек), покамест меня, раба (имярек), не увидит, и не осмотрит, и не обозрит, и со мною вместе не пребудет, по то место бы ей невместимо было ни есть, ни пить, ни спать, ни лежать, ни думать, ни с отцом, ни с матерю, ни с гостями, ни с иными людьми, ни с какими.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

(Говорить на плат чистый тридевять раз при встрече, платом после бани махнуть на лавку.)

10. ЖЕНСКАЯ ИЗДЕВКА НА ПОХОТЬ

Стану не благословясь, по<й>ду не перекрестясь, из избы не дверьми, из двора не воротами, и пойду на широкую улицу и посмотрю я, раб (имярек), по всему белому свету, посмотрю по земле и под **вышними** небесами, и под черными облаками. Иод высокими небесами и под черными облаками узрю я, раб (имярек), змия огненного с огненным пламенем и с огненной колесницею. **И** закричу я, раб (имярек), и спрошу я, раб (имярек), у тебя: «Куда, еси, ты полетел, полетел с огненною колесницею и с огненным пламенем?» **И** говорит змий огненный: «Полетел я **за** тридевять морей и **за** тридевять озер и в Вавилонское царство, моря, озера и реки сушить и в Вавилонском царстве лес, пни, колоды зажигать!» **И** послужи ты мне, нехристиянину, от мира отреченнику, **а** к себе возьми в приреченники, и твою волю буду творить, по средам и по пятницам поганым ходити, **а** в родительские дни блуд творити. **И** возьми я, раб (имярек), своей похоти и плоти, юности и ярости и положу на хрустальное зеркало. Сквозь мою похоть и плоть и мою юность и ярость в кой день, или в кой час, или в которую четверть посмотрится в то зеркало — **в** тот день, и в тот час, и в ту четверть отсуши у сей рабы (имярек) тело румяное и лицо белое и зажги в ней ретивое сердце, горячую кровь, хоть, и плоть, и мочь, юность, и ярость, и все семьдесят жил, и семьдесят суставов, и три, и две, и едину жилу и единый сустав. **А** чья тень в зеркале — то вам, **а** она, раба (имярек) — ко мне телом и сердцем, умом и разумом, плотью, **и** похотью, и всеми жилами. **И** чтобы она, раба (имярек), по

мне, рабу (имярек), думала да сохла, горевала, тосковала и плакала по всякий день, и по всякий час, и по всякую четверть часа.

И выйду я, раб (имярек), далече в чистое поле, стану на запад лицом, на восток хребтом. **И** как утренняя заря Мария не может на сестру свою Ульянею ни насмотреться, ни наглядеться, и вечерняя заря Ульянея не мозкет на сестру свою Марию ни насмотреться, ни наглядеться, и тако бы та моя сия раба (имярек) не могла бы на меня, раба (имярек), ни насмотреться, ни наглядеться по всякий день, **и** по всякий час, и во всякую четверть часа.

И выйду далече в чистое поле, к поганому морю. **И** есть на поганом море доска, **а** на той доске сидит сама тоска: без рук, без ног, без глаз, **а** сама плачет, тоскует и горюет по ясным очам и по белому свету. **И** поди, та тоска и сухота, в ту мою рабу (имярек), и чтоб ей по мне, рабу (имярек), тосковать, и горевать, и плакать век по веку, отныне и до веку. **А** коль тошно и горько той тоске на той доске, как она не видит белого света, столь бы было тошно и горько той рабе (имярек), как она меня, раба (имярек), не увидит на который день, и **на** который час, и в которую четверть, она бы тосковала да горевала, сохла и плакала, в день при солнце, **а** в ночь при месяце, при частых звездах и при буйных ветрах, на зорях на утренней и на вечерне<й>, не могла бы ни пить, ни есть, ни с кем слова говорить, все бы она одно думала, да мыслила, да сохла, тосковала по мне, рабу (имярек).

И еще я выйду и выступлю далече в чистое поле, из чистого поля пойду к поганому морю, сидит наш царь, сам Сатана со своим зятем Ерзоулом. **О**, еси ты, царь, юноша, бес Сатана со своим зятем! Как ты мне дашь и пошлешь своих послуживцев только разжечь и распалить и мне послужить сию рабу (имярек) тридцать три и един Ерзоул, Ерохмид, Марвс-бес, Крив, Ток да Маток, Котыга да Матыга, Смушало, Зажигало, ^разжигало, Иотыкало, Тял да Матял, Такуса да Маруса, Лук, Мирулей, Мираха, Прочаха и еще Проданя, Тихия, Сахия, и Елизуда, и Дагруд, и Ширих, и все ваше обладательство. Призываю я вас к себе и посылаю я вас к сей рабе (имярек), подите вы и послужите и своего царя, отца Сатану, посудушайте, **а** моими думами, **а** своими стрельными крепкими луками и крепкими вострыми огненными палашами, и зажгите, и пострелите, смутите

и подкните, искусите сию рабу (имярек), где вы застанете: в ночи на месте, а в день при беседе, в пути, или на дороге, или в хрустальном зеркале, у которой вынута ее тень, отдана вашему отцу Сатане, а чья тень — то вам, а она — ко мне, рабу (имярек), телом, душою, и сердцем, и мыслями своими. И мы станем вашу волю творити, по средам и по пятницам поганы ходити, а в родительские дни блуд творити.

И тем моим крепким словам замок в шуке в рыбе, у ней в зубах в Доне-реке, а ключ у самого Сатаны в коленях. Во веки веков.

11. ЕГДА ЖЕНИЛСЯ ЧЕЛОВЕК И У ЖЕНЫ ПОТЕРЯЕТ НИФЦУ

Говорить на чистую воду трижды и окати десту.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Како Христос, царь небесный под землю кроmeshной ад словом крепок и плотен, и неизбежен и словом своим святым разверзив его; тако развязки, Господи, словом моим у сей рабы Божией (имярек) от жил 3, 2, единую »силу становую и проходную и отвори у ней водяной проход, (°izdu), как прежде сего, чтоб шла из нея мочь и кровь и женская немочь от сих моих слов в нове и ветхе, и по всякой день отныне и до века, и во веки веков. Аминь.

12. МОЛИТВА КАК ОБОРОНЯТЬ ЕСТЕСТВО

Во имя Отца, Сына и Святаго Духа.

Стану я, раб Божий имярек, благословясь и пойду перекрестясь на утренней зоре или на вечерней, выду на широкий двор. Как стоят столбы дубовые верей, ясеновые, и так бы стояли у сего раба Божия имярек семьдесят жил, семьдесят составов и становая жила, белые муди, румяные и ярые яйца, шли бы всякое в полое место, в жену или девку, в парня, в гузно и в пизду, во всякой день и во всякой час, в денех и ношных, поутру и вечерью. Во веки веком. Аминь.

А говорить по три зори утряних, по три вечерних, выти на дво(р), съчати на верю, на котору ворота отворяютце.

13. [ЛЕЧИТЬ НЕВСТАНИХУ]

На утренней заре сходить за водою на колодезь самому больному и на возвратном пути не оглядываться и не останавливаться, что бы ни почудилось. Потом эту воду выливают в складни и больной переливает воду через тележную ось из одного складня в другой. Между тем колдун читает три раза: «Как стоит стержень, так стой у раба N сором на рабу N отныне до веку. Аминь».

После этого воду должно вылить на восточную сторону какого-нибудь строения, и болезнь должна непременно пройти.

14. ОТ НЕВСТАНИХИ

Наговорить на 3 куска сала, тем салом потереть хуй и выпасться в старую ось — дыру:

У раба Божия (имярек) 77 жил и 77 суставов; все бы они действовали и все бы они владели, и впрямь бы хуй стоял. Аминь, аминь, аминь!

Можно наговорить еще на голик или на отпертый замок. Тот голик или замок окатить водою 3 раза и дать воду испить; или потереть с наговором хуй об дышло или об осиновый сучок. Еще берут улий матошник, кладут его в вино и наговаривают, тем вином поят.

15. [ЛЕЧИТЬ НЕВСТАНИХУ]

Аще у которого человека михир не встанет и ты вазми аленья мозгу ис кости, изот(р)и (в) ваде и дай человеку пити. От того будет михир стояти.

О том же указ:

Поймай тритцать воробев, и в гаршек склади, и испарь без вады под гаршам или под крышаю, и дай их съясти таму человеку, и будет у него михирь стояти.

16. [ОТ НЕСТОИХИ]

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь. Господи, благослови, Господи, прости, Господи, помози. Как у стоячей бутылки горлышко завсегда стоит прямо и бодро, так бы и у раба Божия (имярек) завсегда х<у>ек стоял на свою жену рабу Божию (имярек) и во всякое время для любви и для похоти телесныя. Аминь. Аминь. Аминь.

17. О ЛКОЯПИИ ЖУЯ

Есть гора костяна. На той горе есть стул костян. На том столе костяном седит царь костян, подпершись своим костылем костяным: шляпа на главе костяна, рукавицы на руках костяны и сапоги на ногах костяны. И весь тот царь костян и все семьдесят три жилы костяны, и станова ж жила кость. Так бы и у меня, раба Божия (имярек), все семьдесят три жилы и вси семьдесят три жилы-суставы были бы костяны, и вся и станова ж жила была бы костяна, и стояла б она на жуе сто раз и тысячу на пострекание, на малое место на женскую нифцу и девичью: на черную, на русую, на красную, на белую и на всякую — месяца молода и ветха и на перекройных днях.

18. ИГРАЛА БЫ ЮНОСТЬ

Господи, Иисусе Христе, Боже! Помилуй мя, раба Божия (имярек). Стану я, раб Божий, поутру, благословясь, умоюсь, перекрестясь; пойду я, раб Божий, в чистое поле под восточную сторону ко святому морю-окияну. Среди синяго моря-окияна лежит бел горюч камень; на белом горючем камне стоит крепкое дерево дуб; как в крепком древе дубе стоит сук на восточную сторону; и с восточной стороны идут 12-ть братьев и 13-й вихорь и расшатывают в крепком древе дубе сук; и я, зашедши, раб Божий (имярек), поближе и поклонюся пониже. Гой, еси вы, 12 братьев ветров и 13-й вихорь! И у меня, раба Божия (имярек), играла бы юность, и ярость, и плоть телесная-похотение, и горячая кровь; и как в крепком дубе сук стоит, и так бы у сего раба Божия (имярек) стоял бы в день при солнце, в ночь при месяце, при частых звездах, при высоте облака; как горяча сера на огне кипит, так бы и у меня, раба Божия (имярек), играла бы юность и ярость, и плоть похотение, и горячая кровь. Уста мои замок. Язык мой ключ.

19. [ОТ ИМПОТЕНЦИИ]

Стану я, раб Божий (имярек), благословясь, и пойду, перекрестясь. Выйду я на улицу, посмотрю начало утренней зари Марии, вечерней Маремьяны; не ложите тоску и кручину на раба и рабыню, на красную девицу. ... прижали ретивое сердце и черную печень, семьдесят

семь **жил** и семьдесят семь суставов, единую становую жилу и подь...ную [подъебную] кость. **И** казался бы я, раб Божий, краснее красного солнца и светлее месяца и чистых звезд ночных и полуночных, денных и полуденных. Будьте мои слова крепки и лепки; крепче китова клею, острее острой сабли и булатного ножа.

Замкну и закину свои слова.

20. [ОТ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ]

На море-Кияне стоит дуб широколист, у того дуба **100** веток и едина ветка не гнутся от ветра, не ломаются от дождя. Так пусть у раба Божьего (имя) **100** жил и едина жила не гнутся от бабьего взгляда, от девьего тела, от злого умысла, от дотошного домысла. Аминь.

21. [ОТ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ]

Как твой-то мужик слабеть станет, ты его пошли в баню и вели мочиться через венчалное кольцо в ведерко. Потом пусть выльет на себя и скажет: «Пусть на дубу ствол и **100** веток стоят, как железо, как камень. Так пусть у раба Божьего Сергея все жилы и едина жила стоят, как камень, как кремень. Отныне и присно и во веки веков. Аминь».

А после этого пусть попарится да и к тебе идет.

22. [ЧТОБ ПАРЕНЬ ДЕЙСТВОВАЛ]

Из гребня [петуха] берут кровь, чтобы парень действовал: «Как гребешок у петуха стоит, так бы и у (имя) член стоял».

23. [ОТ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ]

Чтобы назад поставить [вылечить от мужского бессилия, возьми ножницы и], с конца ножниц, с острия, наговори: «Как эти ножницы не гнутся, не ломаются, так и у раба Божьего (имя) чтобы член стоял».

24. [СДЕЛАТЬ НЕВСТАНИХУ]

1. Берут нитку из покрывала мертвеца, влагают ее в иглу, которую и вдевают в подол рубашки известной женщины: пока эта игла не вынута, то мужчине ничего

нельзя с нею сделать; ежели же ее найдут, то не вынимают, а раздирают рубашку, а лоскутья жгут.

2. При восходе солнечном отрезывают от церковного колокола конец веревки, берут часть этого конца, завязывают три узла при следующем заговоре: «Как висит колокол, так виси у раба N сором на рабу N отныне до веку. Аминь».

После этого заклинания кладут эту веревку под порог или на то место, где должен пройти тот раб, которому это делают.

3. Вместо веревки лучше брать часть мохра от церковного паникадила, на одной нитке которой завязывают 3 узла при следующем заговоре: «Как висит мохор, так виси у раба N сором на рабу N отныне до веку. Аминь».

Нитку эту кладут под порог.

25. ЧТОБЫ ХУЙ НЕ СТОЯЛ

Взять суровую нитку и завязать ею тенето в три узла и на каждом узле говорить: «У раба Божия (имярек) 77 жил и 77 суставов — все бы они на рабу Божию (имярек) не действовали и все бы они не владели, и впрямь бы хуй не стоял. Аминь, аминь, аминь! Будь у него как нитка, а у ней как тенето!»

После того бросить тенето на такое место, чтобы он мог его перешагнуть.

Тот же заговор читают 3 раза на игду, и за каждым разом надо игду погнуть, а потом бросить ее в такое место, где бы имярек перешагнул через нее.

26. [ЧТОБЫ МУЖИК ОБЕССИЛЕЛ]

На море-Кияне, на острове Буяне стоит бел-горюч камень Латырь. На том камне стоит дуб широколист, а у дуба того ветки гнутся, кривятся и ломаются, никогда не выпрямляются. Так пусть и у раба Божьего (имя) все жилы и одина жила гнутся, ломаются и никогда не выпрямляются. Аминь.

27. [ИСПОРТИТЬ ПАРНЯ]

Живого петуха поймают, проколют ему бороду иголкой и 3 капли в воду возьмут. А потом какому-нибудь парню или мужику выпоят. Если девке изменит парень,

она его напоит и ему другую бесполезно иметь: у него не будет стоять, потому что оно [борода] у петуха вялое, нестойчее: «**Как** борода у петуха болтается, так бы хуй у (имя) болтался».

28. [ЧТОБЫ МУЖИК ОБЕССИЛЕЛ]

У петуха косы болтаются. 3 пера вырвут, сожгут. Или в пищу положат золу. Или насыпят, чтобы пере-шагнул мужчина: «Как эти перья болтаются, так бы и у раба Божьего Ефима все болталось. Аминь. (3 раза)».

29. [ПАРНЕЙ ПОРТИТЬ]

Парней портят. В Великий четверг приговорят на ножницы, на сольцу: «Как эти ножницы кольцом, так у раба Божьего (имя) ч<ле>н бы кольцом».

Три раза на заре до солнышка на воду наговаривать.

30. [НАГОВОР ДЛЯ НАДЕВАНИЯ «ХОМУТЦА»]

Стану я не благословясь, пойду не перекрестясь, не в двери, не в ворота — волчей норой, медвежьей тропой, в чистое поле, в широкое раздолье, из чистаго поля в дремучие леса, из дремучих лесов к проклятому морю. На проклятом море стоит золотая баня. В этой бане 24 дщери царя Ирода, двадцать пятая секла голову Иоанна Крестителя. Гей вы, еси дщери Иродовы — Огния, Ледниха, Желтая, Глухая, Юрия, Корчя, Грудня, Проклятая, Ломея, Глядея, Огнистра, Женихала, Перемежающая, Безумная, Переходиха, Скорбия, Пухолия, Тайна, Белла, Противна, Причудница, ^разслабея, Смертная, Алчная Секира! Заступите вы, закрутите у раба (такого-то) все тело белое, всю кровь горячую. Снимите вы с своих глаз повязки булатныя и наденьте рабу (имя), (при этом называют ту часть, на которую хотят надеть). А ты, матушка Алчная Секира, возьми клинья железныя, заклинь половой член туго-натуго, чтобы моча не могла пройти, а член багровеша и толстеша! Замкну я всем губы и зубы — девкам-русалкам, колдовкам-простоволоскам, колдунам, рыжим, красным, черным и вешему ворону крепко-накрепко. Триноды, трижды, трижды.

31. [СРЕДСТВО НАДЕТЬ «ХОМУТЕЦ»]

Чтобы надеть хомутец на половой член, для этого чертят кружок на том месте, где помочился тот, кому хотят надеть «хомутец». В центр кружка втыкают иглу.

32. [НАГОВОР ДЛЯ СНЯТИЯ «ХОМУТЦА»]

Воистину ты еси Бог наш и Спаситель мира Иисус Христос. И ты преподобная, Преблагословенная Наша Богородица, присно Дева ^мария! Ты воспитывала любезного сына своего Господа нашего Иисуса Христа. Он не знал у тебя никакой боли и ни опухоли половых мест, так бы раб Божий (имя) не знал никакой боли, ни опухоли половых мест. Ты, Батюшка Иисус Христос, пошли Григория Победоносца, чтобы все напущенные девками чернявками, колдунами, колдовками болезни сожег бы их. Ссадил на острое свое копье и бросил в печь раскаленную. От ныне и до века.

Заговор читается на масло или на белок яйца, которым и мажут больное место.

33. СЛОВО ГРИЖА НАПУЩАТЬ

Стану не благословясь, пойду не перекрестясь из избы не дверми, из двора не воротми, из сеней не сенми, из избы дымом и огнем, паром, из двора ветром, выду в чистое поле, стану на запад лицом, на восток хрепть-том, згляну на небо, посмотрю на землю. Разыньсе земля, расступисе на триста лактей и оттоль выдет злая лютая тяжелая болезнь напущенная красна грыжа. И скрычю я, раб имярек: «Злую лютую змию тяжелую напущенную болезнь красную грыжу, куды еси ты полетела?» И говорит мне грыжа: «Полетела я за тридевять морь, за тридевять рек, за тридевять озер — рек, озер сушити, морь пити». И поклонюсе я, раб имярек, и помолюсе: «Ой еси ты, злая змия напущенная тяжелая болезнь красна грыжа, не лети ты за тридевять морь, за тридевять рек, за тридевять озер — рек, озер сушити, моря пити. Поди ты, полети ты в сию или в сего раба имярек в белое тело, в ретивое сердце, в черную печень, во все 70 жил, 70 составов, в три и в две и в единую жиду, в белые муди, румяные в <я>рые яйца — тела его ясти, костей его грысти, мозгов его <ку>сати, в день без умолку, в ночь бес покою, во все двадцать четыре

часа, в четверти и в минуты». **И** еще поклонюсе, и еще помолюсе: «**Ой** еси ты злая лютая змия тяжелая болезнь красная грыжа! Не лети ты в высокие горы и в глубокие пещеры, в Вавилонское царство пенья, колодыа зажигати, каменья разваляти. Лети ты, злая лютая тяжелая болезнь красная грыжа, в сего раба имярек, в его белое тело, в его кости и мозги, тела его рввати, кости грысти, кровь его пити в день без умолку, а в ночь без покою и во все **20** четыре часа, в четверти и в минуты». Еще я, раб имярек, выду и выступлю далече в чистое поле к поганому морю, к поганому острову. **На** том острове есть красной кровавой камень, на том камени седит лютая тяжелая болезнь красная грыжа. **И** говорю я, раб имярек: «**О** еси ты лютая тяжелая болезнь красная грыжа, не грызти ты красного камени, грызи ты сего раба имярек, его белое тело, ретивое сердце, кости и мозги. Отныне и до века. Тем моим словам замок у тебя грыжа гризет, а ключь у самого Сатаны в коленех. Во веки веком».

34. МОЛИТВА ОТ ПРИЗОРУ И ОТ ГРЫЖИ

Во имя **Оца** и Сына и Святаго Духа.

Святый чесныш бес<с>ребряники Козма и Дамиян, приставете к моему доброму делу и к моим добрым словам. Господи Боже, от сего света белаго до света будущаго есть стоит святое и сладкое Окиян-море, и на том море белой остров, и на том острове живет царь со царицею, поит и кормит триста волков черных, триста белых со всяким травяным корением. **И** говорит царь со царицею: «**О** еси вы, триста волков черных, триста белых со всяким травяным корением! Стекаитее вы в единое место к сему рабу Божию имярек от печеней и от ядра и от сердца и сорывате вы у сего раба Божия имярек от костяных жил станowych, от стоячих и лежачих и от жилы стано<во>й всякую грыжу и злую обвялку, щипоту и лому, прикосы и уроки, урщи и порцы и лихих человек помышление. **Ой** еси вы, триста волков черных, триста белых со всяким травяным корением! Теките **вы** в едино место к сему рабу Божию имярек от печеней, от ядра, от сердца, ото всяких жил станowych, от стоячих жил и от лежачих, от семидесять жил, от семидесять суставов и от его жилы становой, всякую грыжу и злую обвя<л>ку, щипоту и лому, от чего ему доспелосе, от воды, или от ветра,

или от камня, или от Божьей милости, или от многого предспания, или от человеческого помышления, от ведуна или от ведунье или от колдунье, от чернеца или от чернице, или от отрока или от отроковице, от леных волосов, или от зеленых от зубов, от помыл траве, от слова кости. Подай, Боже, дабы ему, рабу Божию имярек, кротость Воробьева, ярость жерепцова, завидость петухова. **И** како не (вы)водитце и(з) земли всякое травяное корение, дух ему чесноку, и тако б не выво(ди)-ласе и сего раба Божия имярек унос(ть) и ярость, в сей день и в сей час, всегда, ныне и присно и во веки веком. Аминь.

[Леные волосы — выпавшие волосы, они употреблялись как одно из средств порчи; для того чтобы ими нельзя было воспользоваться повсеместно, был распространен и до сих пор бытует обычай выпавшие или отрезанные волосы прятать от посторонних.]

35. [СРЕДСТВО, ЧТОБЫ МУЖ ОТ ЖЕНЫ НЕ БЕГАЛ]

Каторои муж от жены блядует, и маж его медвежий салом, и от того не будет ему похоти на иную кроме своея.

36. [СРЕДСТВО УВЕДАТЬ ЖЕНУ ИЛИ ДЕВИЦУ НА ЧИСТОТУ]

Аще хоцеши уведать жену или девицу, чиста ли будет от бдуда или не чиста, и ты возми зерна пшеничное и потри им на телу ея, и положи то зерно на воду, буде зерно потонет в воде, то чиста, а буде не потонет, поверх воды поплывет, то нечиста.

37. ОТ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ

Аще хоцеши быти с женою часто, помажи срам свой: курье сердце смеси с оленьим салом и с девяностолывым листьем, и несть сытости.

Публикация В. Л. Кляуса

ЗАГОВОРЫ ИЗ РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ XVIII ВЕКА

Магия (чародейство, волшебство, колдовство), мантика (ворожба, гадание), календарные обряды и обычаи сохраняли важное место в религиозной жизни православных подданных Российской империи XVIII века. Уходя корнями в глубокую древность, многие дохристианские верования к этому времени давно тесно переплелись с православием и порой стали частью христианства в народном его понимании. Однако в официальной идеологии значительная часть магических верований рассматривалась как враждебные церкви «суеверия» и, декларируя в век Просвещения борьбу с ними, и светские, и церковные власти Российского государства возбуждали в центре и на местах сотни следственных дел, тяжелыми карами утверждая чистоту православия в его «синодальном варианте»¹.

Нередко тяжелые пытки, суровые наказания постигали тех, кто пользовался приемами любовной магии, переписывал и нашептывал присушки и отсушки, пытался волшебным способом повлиять на человеческий организм, насылая половую немощ или, напротив, «укрепляя естество», использовал магические приемы для успешного разрешения при родах или лечения женских болезней. Сохранившиеся в некоторых следственных делах «вещественные доказательства» — списки заговоров и заклинаний, а также расспросные речи обвинявшихся в «суеверных деяниях» россиян XVIII века — важнейший источник наших знаний о магиче-

---

¹ Термин «синодальный вариант православия» в отличие от «народного варианта» введен и последовательно употребляется Н. Н. Покровским.

ской практике той эпохи¹. Из этого источника в основном и почерпнуты материалы для настоящего издания.

Круг устремлений лиц, пользовавшихся в XVIII веке любовной магией, весьма разнообразен, но безусловное первенство принадлежит попыткам склонить к «блуду», «приворожить бабу» или «девку» через наговор на различные предметы (контактная магия). Веру в необходимость магических действий в подобных случаях хорошо выразили слова ротмистра Андрея Новокщенова: «Разве питьем (вином.— *Е. С.*) женку возьмешь?! Нужна сводня с заговором!»²

Гадание или магическое действие для достижения брачного союза было более характерно для женщин. Видимо, не последнюю роль играла магия и в семейной жизни. Судя по чину исповеди, ворожба была распространена в период беременности³. В источниках сохранились сведения о попытках вернуть посредством волшебства привязанность мужа к жене или отвратить супруга от блуда⁴. Саранский подьячий Федор Соколов, по его собственному заявлению, собрал в тетрадь заговоры ради укрепления семьи («чтоб жить с женою в совете»)⁵.

В частной жизни еще большее значение сохраняла лечебная магия, знахарство. Знахарь воспринимался в обществе не только как знаток лечебных приемов, но и, согласно наблюдениям М. М. Громыко, как хранитель традиции общины⁶. Недаром за заговорами о благополучном разрешении от родов, за средствами, чтоб муж любил и не бил⁷, за отсушкой⁸ и прочим обращались православные россияне к коновалам. Знахарь обеспечивал и охранные меры против вредоносного воздействия колдунов, т. е. всевозможной «порчи», провоцирующей болезни и немощь как людей, так и скота.

---

¹ Об этом подробнее см.: Смилянская Е. Б. Следственные дела «о суевериях» в России первой половины XVIII в. в свете проблем истории общественного сознания.— *Rossica*, 1995, № 1 (Журнал издается в Праге, Чехия).

² РГАДА, ф. 371, оп. 1, ч. 3, д. 14762, л. 11.

³ См.: Требник. М., 1720, л. 52об.

⁴ См., например, документы следственных дел в РГАДА: ф. 1183, оп. 1, д. 18 (1736 г.); ф. 7, оп. 1, д. 546; в РГИА: ф. 796, оп. 12, д. 163 и др.

⁵ РГИА, ф. 796, оп. 9, д. 115.

⁶ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII—перв. пол. XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 334.

⁷ РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 432.

⁸ Там же, ф. 372, оп. 1, д. 293.

Анализ судебнo-следственнoх материалов, так лее как данные этнографии и фольклористики, приводят к выводу, что в отношении к недугу в интимной жизни магическое начало оказывало заметное влияние на поведение и мировоззренческие установки православных, принадлежавших к различным социальным группам России XVIII века, причем магические приемы этого времени претерпели уже значительную трансформацию под натиском христианства и эмпирических знаний.

ЛЮБОВНЫЕ ЗАГОВОРЫ-ПРИСУШКИ

1. Приворотный стих

[крестьянина Андрея Тимофеева Иердуна]

Есть у тебя, отец Сатана, мал рыж бес полуденной, есть у тебя, отец Сатана, черен бес вечерен, еще есть у тебя светлой бес утренной; пошли, отец Сатана, этих бесей, привороти рабу или рабыню имярек к блудодеянию.

2. Заговор, ежели сжелаешь слюбиться с девкою или **бабою** [солдата Иетра Шестакова]

Коя мне любя девица и (ли баба), и она где будет спать, и того места отрезать щепину и ту щепину, (щепку.— *Е. С.*) снести на большой камен, и жечь огнем. **И** каку и та шешепина на огне горела, и такы бы она обо мне, рабе Божье Иетре, горела по тот час и по то время и во веки веков аминь.

3. «Черный» заговор, нужный ко блюду

[попа Макария Иванова]

Стал не благословясь, пошел не перекрестясь, из ызбы не дверми, **из** двора не воротам(и) в чистое поле в зеленое море к самому царю Сатане, к самой царице Садонице идут тритцать три беса (три диявола). **И аз** раб Божий **N** [имярек] отрицаюсь веры Христовы и отца своего и матери и прикаясь (?) вам сатанам: **аз** емь, примите меня раба Божия **N** [имярек], и я рад вам служить и работать и закон ваш исполнять, и вы послужите мне и поработайте, как вы служите своему царю Садоне и своей царице Сатонице, подите к рабе Божий **N** девице

или **Н**, разлейте ей, царице, и душу в белом теле, черную печень и горячую кровь и семдесят три состава и един состав и все подколенный подхиски (?), чтоб она лежала и тосковала в денном часу, в ношном и во утренном, как бел петух по земле трепещет, так бы она раба Божия **Н** трепетала и тосковала по мне рабе Божий **Н** в денных часах, в ношных и во утренних, и как бел камень Алатыр лежит во окияне-море, и как она меня не завидит и гласу моего не заслышит, таком бе лежала и тосковала в денных часах, в ношных и во утренних на молоду, на перекрое и во исходе месяца, а сему делу ключь. Есть море-окиян, в окияне-море есть камень Алатырь, не хаживат, песка морского не притенивам [притягивает?], а на небесном яблока и ухаживат меня Божия **Н** никому не развести ни аминь крест. **А:Д:К:Н:1:Р** А сей наговор наговаривать на пот свои и давать в пиве или в вине.

4. Присушка

[из тетради попа ^накария Иванова]

Стоит море-окиян, в окияне-море остров Буян, на том острове Буяне есть гора Горова, на той горе Горове есть древо Барово, около тово древа Горова (!) вьется хмель. **И** в том море есть Алатырь камень и вышла ис того моря красная девица и выходила на тот камень Алатырь, и выносила та девица три девять замков и три девять кдучев, и замыскала, и окладывала та девица меня Божия (раба) **Н** с рабою Божиюю **Н**, не то б меня, раба Божия **Н**, никому не розвести и не случить (?), а тому делу ключ ныне и присно и во веки веков аминь.

5. Блудный заговор

[из тетради попа Макария Иванова]

Как след горит, тако бе горела девица и тело, и сердце, и кровь, и печань у той рабе Божий **Н**, а [вероятно, ошибка: нужно — ко мне] мне, рабе Божий **Н**, и како огонь в печи горит и пылит и не можно удушити, но кроме воды, тако бе та раба **Н** без меня раба Божия **Н** тасковала, горевала, в воду ся бросалась и во огня металась, в петлеса давилась в денных, на молоду и в перекрое

---

¹ А тому делу ключ ныне и присно и во веки веков аминь. — Так расшифровано это сокращение.

месяца, а тому делу ключь ныне и присно и во веки веков аминь.

6. Приговор, присушка

[из тетради Федора Соколова]

На море, на акияне, на острове Быяне и тута ходил, и тута гулял, и тута буял, и тута искал раб Божий Федор, зговорит раба Божия имярек, и ты море-акияна или бы где видала, или слыхала либо ходил тут, либо гулял тут раб Божий имярек, мне была надобна ево жарка. А море-акиана зговорит раба Божия имярек. И ты раб Божий имярек море-акиана где тут быти, где ходити, где гуляти либо видал, либо слыхала гуляти, либо где буял, либа гулял тут. Мне была раб Божий имяреке сие надобно, жарко зговорил море-акиане о рабе Божий имяреке и ты раба Божия имярека, где тут быти, где ходити, где гуляти, где буюти. Тут раб Божий имярек черные вороны костей не занесет, зговорит раба Божия имярека. У меня рабы Божий имярека одна душечка и та по рабе Божиим имяреке высохла, что щепочка, и как на церкви крест повершен, мир крещеной, народ Божия к ней приклонились и так бы раба Божия имярека ко мне, рабу Божию имяреку, прислонилась бы, раба Божия имярека всем сердцем, всем животом своим, и верует своей правдою и душой и телом своим, и по всяк день, и по всяк час, и во дне, и в полудне, и в ноше, и в полуноше, и в часу, и в получасе, молоду и полумолоду, ветху и полуветху, и под полные оба сходы моему стиху приговор во присно во веки веков аминь, что задумало, замыслено, то мое.

Проговорить трижды.

7. Заговор, дабы разжечь... в белотеле душу и ретивое сердце [из тетради Федора Соколова]

На море, на кияне, киян лавер посылает людей в чистое поле и в темные леса сухих дров брать охапков и захребетков, и бел горячъ камень не зворотить, роскласть огнек у рабы Божия имярек промежду титяк на грудях, и розжечь у нее в белом теле душу и ретивое сердце, и как с огнем сухое дерево от сердца своего и от своих коренев, и так бы согла (сохла) раба Божия

имярека обо мне, рабе Божиим имяреке, в день и в ночь, и по днем, и по ночам, и по часам, и полуденным часам, и полуночным часам. Замыкает нее раб Божий имярек у рабы Божий имяреки в белом теле душу и ретивое сердце в тридевят немецкими замками, относит ключи на синее море, кладет под бел белуч камень и колдунам, и ведунам на море не бывать и синее море не пересушать, и от рабы Божий имяреки тоски и кручины не отводить и во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь, аминь, аминь.

Проговорить трижды на вине, на соли и на орехах.

8. Любовный заговор

[из тетради Федора Соколова]

Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас, аминь. **Ой** еси, заря Марья, заря Меремьяна, подите вы в окиян-море. Есть в окияне-море лежит медная доска, на той медной доске лежит медная тоска, вьется, изви-ваецца, к медной доске прижимаетца. **И** вы две доски, заря Марья, заря Маремьяна, возьмите тою доску и понесите через море, и через реки, и через потоки, и через пучины, и через горы, и через доли, и через темные леса, нигде ее не уроните и донесите до рабы Божий Анны и зажгите у нее **70** жил и **70** суставов, хоть и похотят на меня раба Божия Федора, а потому слову ключь да замок сам Христос, аминь, аминь, аминь.

Проговорить трижды на соли или на чем-нибудь, хотя на поле.

9. Молитва-заговор, чтоб жить с женою в совете

[из тетради Федора Соколова]

Пресвятая Богородица Знамение Христово Матерь Божия, знаменовала Ты Господа нашего истинного Христа, знаменуй ты нас рабов своих имярек, також де и как мы рабыне Божие в любве и совете сходились и также мы, рабы, под одним венцом стояли у Христа и Закон Божий принимали и одну чару перепивали, и нам також рабыням своим Божиим имярек жити в любве и в совете отныне и до века ныне и присно и во веки веков, аминь. Слава Отцу и Сыну и Святому Духу отныне и до века.

Проговорить трижды на соли.

ЗАГОВОРЫ «МУЖСКОГО ЕСТЕСТВА»

10. «Черный» заговор «мужского естества»

[из столбцов попа Алексея Иванова]

Стану я [м? — раб имярек-?] не благословясь и не перекрестясь, из ызбы пойду не дверьми, з двора не вороты, умьюсь ни водою, ни росою, утрюсь ни тканым, ни пряденым, утрюсь кобыльим хвостом, выду в чистое поле в туманную сторону под толстый оболочка. Есть туманной стороне под толстыми оболочками глубок омут, в том глубоком омуту вял муж черт, у вяла мужа черта вяли руки, вяли ноги, вяло тело, вяло тридесять жил и суставов, вяла блудная жила белой хуй, и я, р. м., [раб имярек-?] наговариваю на тово р. м. [раба имярек-?], чтобы у нево вяли руки и ноги и белое тело, вяла блудная жила и белой хуй, не было бы ему хотения на блудное дело на баб и на молодых молодниц и на красных девиц, и я наговариваю на колцо, и он, м., [раб имярек-?] в кой поры ступит и перешагнет — в те же бы поры тяло и налотут мудры слова ключь замок, а поставил тело в тело, и будет ево тело, раба Б(ожия ?), м. [имярек?] белохуй крепче и твержае всякого железа каленого простаго и меди и серебра и всякаго камени морскаго и земнаго и подземнаго, и буди мое слово острее меча и сабли игл булатные, язык мой ключ.

ЗАГОВОРЫ ОТ ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЕЙ И ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ РОДОВ

11. Молитва, аще жену спортят,
а напустят грыжу солоткую или костяную
или кровью мочится или белью

Благодарю тя, Господи, пресвятая Троице, за Твое милосердие и долготерпение. Аще бо не Твоя благодать покрыла бы меня, грешную рби, [рабу Божию имярек] от всякия притчи и от кровоточивыя болезни, от вражия напущения и от его угодников. Иречистому образу поклоняюся грешная, прошу у ея исцеления от кровотоечения. О, Пречистая Дево Мати Божия, умиловствися на мя, грешную и недостойную р(абу) Б(ожию) и(мярек), великая Христова мученица Екатерина, и Варвара, и Евдокия, и Фекла, и Феодора, помолитесь о мне, грешной и недостойной р(абе) Б(ожией) и(мярек)

Пресвятой Богородицы: «О, Пресвятая Дево Мати Божия, ты веси сердца наша разумеешь сердца наша (!), и исцели меня, р(абу) с(вою) и(мярек). О, велицныи апостоли Петре и Павле, призрите на р(абу) свою и(мярек). Пойди от меня, порча, прочь на темные леса, на лешаго жену и на дочери его молитвами Пречистая Богородицы и всех святых Богу угодивших».

Добудь узол у заvertки и говори на узол:

«Как ты, узол, крепко связан, крепко связан, так бы крепко завязалось во утробе моей вся моя удь и чрево и проходная моя жила. Как ис тобя, узол, ни вода, ни кровь не течет, и так бы из меня, р(абы) Б(ожию) и(мярек), не текла ни кровь, ни бель, ни вода и не канула. Поди, болезнь, (на) Медведеву жену, и медведица па лесу розносит, поди, болезнь, на черную куницу и куницу, и куница по деревью розносит, поиди, болезнь, на боброву жену, и она по рекам розносит, водами розносит и размоет, поиди, болезнь, на синее море под бел камень: как ис камени не течет, не канет ни кровь, ни вода, ни бело, ни красно, так бы и из сея жены не шла кровь, ни вода, поди, грыжа, прочь, солоткая и костяная и напущенная от мужика и от женки, в питание и в естве, в молоке, и в пироге, и в хлебе. О святая и великая Мария Египетская, избави меня, р(абу) Б(ожию) и(мярек), от болезни сея. Ты, веси немощи наша, буди ходатаице ко Господу Богу и Пречистой Богородицы и исцели немощь мою кровоточивую, грыжу нутряную и солоткую и напущенную. Как море в себе не держит в себе никакого имения, так бы не держалось во утробе жены сея ни грыжи, ни порчи. Во веки веком, аминь.

И тот узол да сожги на пепел. Говори 3-ж, и по зорям да испить на дшее (?) сердце.

12. Молитва к жене родителнице, аще не может родить

Говорить на свежую воду. А к воде итти не оглядыватце. Трижды.

Господи Боже наш Иисусе Христе, ходивый со учеником своим Иоанном Богословом и обрели жену болящую сердцем и не может. И рече Иисус Христос Иоанну Богослову: «Иоанне, возвратися вспять и рцы жены во ухо правое — Христос тя зовет, изыди из чрева матере своея младенче».

Сия глаголи во ухо: «Истошайте, истошайте до основания его. Ныне и присно и во веки веком. Аминь».

13. Ина молитва говорить к жене, хотящей родити

Взять ключ, кой всегда носишь при себе муж или жена, да в боротку в трубку налить воды и говорить, а будет трубка мала или рсша — и тот положить в воду в свежую также в сосуд; и говорить трижды: «Есть поле Иерусалим, и на том святом ноле едет Елисаветь, Предтечева мати, и за ней едет Елена-царица и везет ключи и отмыкает теми ключами горы каменные и костяные, горы железные, и також отмыкай и у сей р(абы) Б(о)жия) и(мярек) костяные и жильные сему младенцу изыти из материя чрева. Истошайте в не (?) до основания земли, а та жена буди здрава сими молитвами во веки веком. Аминь.

Публикация Е. Б. Смилянской

Загадки

• РУССКАЯ ЭРОТИЧЕСКАЯ ЗАГАДКА

ОДИН ИЗ самых поэтичных жанров фольклора — русская загадка — в древности не была простой забавой и развлечением. Ритуальное, магическое назначение загадки хорошо видно из того факта, что у наших предков существовало неписаное правило — загадывать загадки в строго определенные моменты времени — глубокой осенью, на Рождество, на свадьбу. Загадка, это нехитрое логическое упражнение, как бы мобилизовывала интеллектуальные силы человека и в конечном счете укрепляла его, давала ощущение власти над тем миром, который его окружал.

Очень смелый, «эросный» контакт человека и мира демонстрируют народные загадки, где обыденные предметы и повседневные действия показаны в нарочито сексуализованном, условном виде. Нет сомнения в том, что эротическая загадка берет начало в известном всем древним народам мистическом отношении к сексу, в своеобразном его обожествлении. Воображение наших предков настолько захватывал феномен половой энергии, рождающейся как бы ниоткуда и приводящей к своеобразному катарсису, что эросу было приписано универсальное свойство всеобщей жизнедающей силы.

Вспомним «аграрный блуд», когда для повышения плодородия поля проводилось ритуальное совокупление на меже, когда молодоженов укладыгаали на постель со снопами, зерно из которых впоследствии использовалось для засева. Магическими свойствами, как считалось, обладали и самые интимные части тела: известно, например, что демонстрирование обнаженных гениталий «отводило» градовую тучу, делало бессильным колдуна (часто, впрочем, можно было обойтись более банальным средством, например, показать колдуну, хотя бы и в кармане, так называемую фигу — эту имитацию коитуса; прикоснуться к детородному органу; хорошо «помогало» и само произнесение названия какой-либо эротической детали, т. е. неприличная брань).

Понятно, что магическая сила загадки вдвое возрастала, если в ней использовалась смелая эротическая ассоциация. Любопытно, что собственно сексуальная практика редко становилась темой загадок: абсолютное большинство загадок эротического плана обозначали совершенно невинные предметы — прорубь, квашню, замок, ягоду и проч. Тем не менее загадки такого рода встречались, ср.:

Баня кожана, двери силенны,
Один парится, двое набиваются.

Обращает на себя внимание, конечно, комичность аналогии («набиваться» в народной речи значит — стучаться, добиваясь, чтобы пустили). Возможны и более развернутые представления того, что бывает между мужчиной и женщиной:

Человека адамова рода
тащили пятеро до гроба.
Во гроб шел — веселился,
во гробе прослезился,
из гроба умертвился.

Мистический, похоронный ореол загадки здесь, безусловно, не случаен: загадка как бы утверждает всем своим строем саму жизнь, ее плоскость и чувственность как нечто противостоящее смерти.

Публикуемые ниже загадки на первый взгляд циничны, неприличны, вульгарны. Не будем, однако, забывать, что отгадки-то в них вполне целомудренны;

заметим также, насколько талантливо оформлена каждая из загадок. Здесь и прекрасная рифма, и утонченная звукопись («по локоть лохмато, по локоть голо, по локоть под холку ушло»). Но самое главное — подразумеваемые текстом загадки непристойности есть не что иное, как наивная вера в то, что эротическое действо между мужчиной и женщиной способно привести в движение высшие космические силы, увеличить счастье здесь, сейчас, а не там и тогда, когда нас не будет.

Иван ПОДЮКОВ

ЗАГАДКИ ИЗ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА МГУ¹

Автобус

Баба любит — когда стоит,
Мужик — когда захочет,
Так и вскочит. (120)²

Баба на кобыле едет

Шесть ног,
Четыре уха,
Две пизды
И два брюха. (77)

Балалайка

По брюху — дорога,
Между ног — тревога,
Посередине — дыра,
И пойдет игра,
Не будет дыры —
Не будет игры. (234)

Безмен

Сам худ, худ,
А яйца с пуд, с пуд. (213)

Сидит дьячок,

Под жопой мячок. (264)

Береза

Стоит древо,
Высоко и кудряво,

---

¹ Выражаем сердечную благодарность профессору В. П. Аникину, заведующему кафедрой фольклора филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, и А. В. Кулагиной, заведующей архивом кафедры, за предоставленную возможность работать с материалами фольклорного архива.

² Цифра в скобках обозначает порядковый номер паспортных данных в примечаниях.

С этого древа — сусло-масло,
На жопе — лекарство,
Всему миру светло,
И ногам тепло.
*(Береза, березовый сок, березовый веник,
лучинка от березы, лапти.) (204)*

Беременная женщина

Баенный порог
Выше каменки. (243)

Блины пекут
Трещит, верещит,
На чернушку лезет. (286)

Капнешь на плешь,
Сунешь — согреешь,
Вывернешь, повернешь
И плешь оголишь. (236)

Капнешь на плешь,
Сунешь — опалишь,
Вынешь — опять оголишь. (119)

На плешь капнешь,
О плешь хлопнешь,
Сунешь — попаришь,
Вытянешь — оголишь. (240)

Суну по паре,
Выдерну, ударю,
Плешь оголю.
*(Вынешь блин со сковородки и ударишь
его, а сковородка гола будет.) (265)*

Брюква

Стар да матёр,
Колена дотёр. (358)

Vagina

Птушка-мымра —
Ни хвоста, ни крылья,
На аршин от земли летает,
По четверти колосу глотает. (29)

Ступа бездонная,
Печь безоконная —
Толкай, толкай. (318)

Идет — жует,
Нагнется — смеется,
На лбу щетинка,
Чертова скотинка.
(«Бабий струмент».) (140)

Идет — жует,
А станет — взглянет,
А нагнется — улыбнется.
(«Накупельница, сичушка» *станет —
не жуёт — это знайшь кому загадывать?
Ухажеру! Ладно уж, век прожила —
совесть потеряла.*) (114)

Валенок
Дедка бабке загнул лапки,
Под серёдышем стучит
Да клин в семь аршин,
Чтобы не было морщин.
(*Валенки делают.*) (274)

Засунул голу́
В мохнату дьгру.
(*Нога и валенок.*) (308)

Веки, глаза, **нос**, ресницы
Два яичка в моху́,
А палка наверху. (195)

Два яичка в моху́,
А морковинка наверху. (309)

Мох на мох,
Тело на тело —
И пошло ночное дело. (4)

Шерсть на шерсть,
Тело на тело —
Начинается ночное дело. (84)

Волос на волос,
Тело на тело —
Начинается ночное дело. (90)

Волос к волосу,
Тело к телу:
Чем крепче зажмешь —
Тем крепче заснешь. (282)

Шерстка с шерсткой слипаются,
Ночной сладости дожидаются. (283)

Шерсточка с шерсточкой сходятся,
На ночную сладость хочется. (284)

Шерстка с шерсткой сойдется,
Мяско с мяской слепится. (173)

Кругом богато,
Около мохнато. (280)

Круглое, горбатое,
Кругом мохнатое:
Время придет —
Вода потечет. (281)

По краям волоса,
В середине чуда:
Как случится беда —
Потечет вода. (96)

Не знаю, какое место
Все шерстью поросло:
Придет беда —
Потечет вода. (134)

Веник (банный)
Наехали миряне
На поле сохами,
Стали пырмовать-ширмовать,
Промежду ноги совать —
Всё ярко, всё сладко,
Всё хочется! (269)

Приехали, наехали,
Стали гусовать да шумовать
И всё промеж ноги совать —
Всё горько, всё сладко,
И всё хочется! (310)

Пришел мяготель,
Хватил за бочень,
Я ему дала:
Кверху ножки подняла,
Сладко, мягко — так и хочется! (314)

Пришла спехотá,
Схватила за бока́,
Я ему дала,
Ноги вверх подняла:
Он меня раком,
Он меня всяко! (245)

Прибежал к девке Омеля,
Захватил девку в беремá:
Девку стоя, девку лежá,
Девку пбваля, девку бголя. (315)

Парень девушку во бáне
Еперйл да еперйл,
На девушке вспотел,
На молодку захотел. (61)

Парничек-деву́льничек
Завел девку в заулочек:
— Девушка, дай, дай! —
Девушка и холку подняла. (313)

Парень девку ерепенил,
Казанёчком прижимал,
И она ему дала:
Кверху ноги подняла. (276)

Хаяла тепла —
Еще я ему дала:
Кверху ноги подняла —
Как сладко, как мягко,
Еще хочется! (278)

И босую видал,
И нагую видал,

И с тобой хаживал,
И на тебе ляживал. (312)

По сараю хожу,
Ярохала ищу,
Ярохала ищу,
Ярохаться хочу. (178)

По сараю хожу
И рыкало ищу —
Завтра суббота
И рыкаться охота.
Суббота пришла,
И рыкаться пошла. (279)

Вспомни, Ваня, дорогой,
Как меня наяживал:
И в стоячку, и в лежачку
Промеж ног давал горячку. (31)

Милый мой Иван Зеленый
Уговаривал меня:
И в стоячку, и в лежачку
Между ног дает горячку. (46)

Пришел зеленецкой,
Просил по-немецки,
Я ему дала,
Кверху ноги подняла:
И в стоячку, и в лежачку,
И меж: ног, и в раскорячку. (113)

Подходила ко мне зеленыя,
Попросила у меня маленя.
Я зеленоюшке дала,
Ножки кверху подняла:
Я и лежа, я и раком,
Я и сидя, я и всяком! (271)

Маленький зеленыя
Хватил девку в беремея:
Девку стоя, девку лежа,
Девку по́ земи катком. (270)

Ти зелена, зелена
Захватил девку в беремя:
Девку стоя, девку лежа,
Девку вповолочку. (277)

Вспомни, вспомни, друг зеленый,
Как меня наяривал:
Стоя, лежа, промеж ног —
Всяко отоваривал. (174)

В субботу вечеренько
Сватался зелененько.
Я ему дала:
Ножи кверху подняла.
*(В бане форщиться — париться
веником.)* (311)

Веник

По полу елозится,
Попкой не занозится. (89)

Дедушка Сидор
Гнет бабушку сидя:
Как **бы** лежа,
Так бы гоже.
*(Веник, когда в избе ленивый
метет.)* (316)

Веретено
Маленький Кирилл
Ерил, ерил,
Себе брюшко наерил. (171)

Девка Опрошка
Скакала-скакала
И брюшко наскакала.
*(Брюшко — простень наматывается,
вот и брюшко.)* (285)

Воз сена

Брат сестру
Прижимал к костру,
Возле сена, возле воз
Подшетепивай, небось!
*(Подшетепивай — шевелись! Мужик сено
накладывает: приехал мужик на лошади*

к стогу сена, наложил сена на сани, воз сена наложил, а потом начал завязывать — бастрыка у нас называется. Перекидывается через воз веревка: одна — у передка вяжется, другая — сзади привязана к одному полозу. Мужик веревку то круг задницы обернул и садится. Меж полозьев — вязи, как костер, накладки. Так вот, бастрык сено прижимал к саям — а дальше все понятно.) (67)

Воронец

(заслонка в трубнице курной избы)

Брат сестру

Ирижал к костру:

— Даст — потешу

Не даст — повешу.

(Когда топили по-черному, то воронец то подпирали, то опускали.) (263)

Вымя, молоко доят

В одну лунку

Четыре братца сикают. (127)

Четыре сестрицы

В одну луночку ссат. (40)

Через муньку — струйка.

(Ведро.) (129)

Не солено, не варено —

Промеж ног завтрак.

(Коровье молоко.) (131)

В поле, в рове —

Восемь сосен,

В рыкале — четыре,

Во ржаве — две.

(Вымя у свиньи, коровы, лошади.) (288)

Под подпольницу иду,
Ширихальца ищу,
Ширихаться хочу.
*(Идет за подойником доить
корову.-)* (287)

Купил мне-ко батюшка
Чихало и мигало,
В обе рúки — по фигуре,
Меж ногами — стоячок.
(Подойник.) (293)

Дай-ка мне, батюшка,
Под жопу — жопень,
Под ноги — рожень,
В руки — желоватик. (191)

Села баба на жопень,
Клала мене ноги бубень,
В обе руки — колотушки,
Начала в бубен бубнить. (229)

Села баба на дубень,
Взяла меж ноги бубень,
В обе руки — черны буки
И давай в бубень играть. (289)

Галоша
Сверху черно —
Внизу красно.
Как засунешь —
Так прекрасно. (107)

Дед Федóр
Загнал бабке до ребер,
Стал назад тащить —
Вся пизда трещит. (36)

Гвоздь
Стоит Матрешка,
^расширила ножки.
Прибежал Филька:
— Что у тебе, Матрешка,
Дырка больно мала?

— Что у тя, Филька,
[Палка] больно толста?
*(Гвоздь в дыре — на ушате раньше пиво
у нас варили, так дыру повертят
и гвоздь запихают.)* (317)

Головешка

Суну, посуну
В серебряну посуду,
С края поколочу —
Всю обзолочу. (262)

Горшок в печи

Старец в осеку
Удристался со смеху. (164)

Стоит мужик на берегу
Переселся со смеху —
Его бы наказал:
К жопе палку привязал.
(Чугунок в печи на ухвате.) (292)

Бока черны,
В середине красно,
СамБ вкусно.
(Горшок и масло в нем.) (239)

Гребень для волос
Кругло, мохнато,
Дерет порато. (290)

Грузовик

Спереди — по блату,
Сзади — кому хошь,
Молодому — когда захочет,
Старому — когда стоит.
*(Спереди — кабина, сзади — кузов.
Молодому взобраться легко, старому —
только, когда машина стоит.)* (203)

Старому — пока стоит, не зевай!
Молодому — когда хошь,
Спереди — по блату,
А сзади — сколько хошь. (226)

Девичья коса

Чем потолще и длинней,
Тем для девушек милей. (295)

Дырка в ухе для серьги

Хочется, и колется,
И дырка болит,
И кровь идет,
И мама не велит. (83)

Житница

Стоит Соня
Иосреди поля.
Идет бык —
В дырку тык.

(Житница. А «бык» — мужик с большущим ключом, открывает ее, а в житницу обычно сыпают зерно.) (247)

Задница

Днем — клубком,
А ночью — барынькой.
(«На чем сидят».) (294)

Засов

Иван-мельник
Засунул в понедельник,
А вынул во вторник. (254)

С вечера задел,
Всю ночь висел,
Иослышал звон —
Поташил вон.

(«Завалка», задвижка, с помощью которой запираются ворота; звон — колокольчик, пастуха, собирающего стадо).

(34)

Делать нечего,
Заклал с вечера.
Услышишь звон —
И вынешь вон.

(Заложка ворот.) (272)

Земля, нива, поле, соха — пахота
На пригорке, горке, горке
Мужик бабу ёркал-ёркал:
Вытащит, стяхнёт,
Снова запихнёт. (297)

Кабы не татина рогатина,
То заросла бы материна мохнатина.
*(Мужик землю пашет плугом-рогатинной.
Если мужик-то не пашет-то землю, то и
зарастет.)* (298)

Татина рогатина,
Мамина мохнатина.
Кабы не папина рогатина,
Заросла бы мамина мохнатина. (222)

Стоит баба в поле,
^расширила ноги.
^мужик идет:
— Господи, благослови!
*(Это сейчас вам всё смешно, а раньше стоит
соха в поле, а мужик подойдет, перекрестит-
ся и возьмет ее. Это теперь ведь не кре-
стятся.)* (296)

Стоит баба в поле,
^расширила ноги,
Пришел мужик:
— Господи, благослови! (181)

Посередь дорожки
Лежит Благрешка,
^расширила ножки.
Пришел Филька,
Заткнул дырку.
Пришел мужик:
— Господи, благослови!
*(Лошадь пойдет кататься, ноги расширит,
мужик не дает кататься, а Филька — при-
сказка.)* (183)

Стоит баба на дороге,
^растеперила ноги.

Пришел матрос:
— Благослови, Христос! (221)

Стоит баба на дороге:
Расширены ноги.
Пришел копитило,
Задул — с локотило:
— Ах, тошненько,
Подпихни ешенько! (323)

Тая-то, тая —
Меж ногам-то играя,
И как это зовут,
Что в руки-то берут?
(Присох у сохи.) (273)

Тое да тое —
Меж ногами-то двое,
А в руке-то берут,
Дак как его зовут?
*(Соха и два ральника: ручки, рассоха,
болозна.)* (319)

Тоё, тоё —
Меж ногами трёт,
А в руки не даёт. (320)

Что это такое:
Промеж штанами трое?
Как это зовут,
Что в руки-то берут?
Как называют —
На егдак надевают?
(Присошник, соха.) (321)

Что идёт,
Меж: ногами несёт,
— А земля на ём перебирается?
(Соха, присох меж ральниками.) (322)

Иголка и нитка
Девушка маленька,
Дырочка узенька,
Пятеро держат,

Да пятеро пихают,
Да двое гадают:
Верно или нет? (154)

Девочка тоненька,
Дырочка маленька,
Иять пихают,
Иять тянут. (22)

Девка худенька,
Дырка узенька. (205)

Девушка нагишок
И маленький пирожок. (162)

Лежит Матрешка
Иосреди дорожки.
Ирипел Филька,
Тыкнул в дырку:
— Что у тебя, Матрешка,
Дырка мала?
— Что у тебя, Филька,
Палка толста? (275)

Лежит Матрешка
Среди дорожки.
Пришел Филька,
Потыкал дырки:
— Что у тебя, Матрёшка,
Узка дырка?
— А что у тебя, Филька,
Тонка жилка? (71)

— Зоя, Зоя,
Дай стоя!
— Нет, Филипп,
У тебя велик. (306)

У бабки не та куделя у прялки:
Девка тянет,
Дырку прикрывает,
Пятеро держат,
А пятеро пихают. (303)

Капуста

Вышла вдова
У заднего двора,
Вынесла сорок рубашек,
А жопа гола. (359)

Карман

Что находится ниже ребер
и выше коленки? (2)

Повыше коленка,
Пониже пупенка,
Тут мужики суют,
То как зовут? (200)

Повыше коленца,
Пониже пупенца,
Как то место называется,
Куда живое тело пихается?
(Карман и рука.) (224)

Картошка

Катился коток
С баькиных порток —
Попал у мамину ступку.
(Тололуй — картошка в ступе.) (211)

Квасница, бочка

Молода была — всем давала,
А стара стала — и давать не стала:
Стали на полу таскать
Да за дырочку хватать.
*(Квасница — это кадочка такая. Два дна —
наверху и понизу. На салом дне — дырочка.
Ее гвоздиком затыкали.)* (58)

Смолоду, бывало,

Всякому давала.
На карачки стала
Да еще раз дала.

(Лагун — сосуд для пива.) (176)

Молода была — давала,

А вот стара стала — не стала:

Стали по полу катать
Да и за дырочку хватать.
*(Соберутся мужики, кругом смех да
шутка, кому бы что сказать или
спеть.)* (55)

Сидит баба на берегу,
[Ссыт] через реку.
*(Бочка с квасом, таки бочки делали
с гвоздем, гвоздь вынимают —
квас и течет.)* (82)

Стоит баба на току,
Ссыт **за** реку.
*(Лагуна, в которой варят пиво и сли-
вают через дыру.)* (51)

Пришел — до пупа,
Пёхнул — до пупа:
— Ох-ти, тошнёшечко,
Одёрни тихошечко,
Отдохни и еще запихни.
(Бочка с квасом.) (324)

Кино

В темной комнате
На белой скатерти —
Удовольствие. **(331)**

Ключ и замок

Стоит корова,
Дыра готова,
Пришел бык,
Корову — тык.
— Спасибо, бык,
Тебе **за** тык! **(1)**

Стоит корова,
Дыра готова,
Прибегает бык,
Корове — тык,
Корова — мык:
— Спасибо, бык! **(60)**

Висит корова,
Дыра готова,
Идет бык,
Корове — тык,
Корова: «Мык!» (86)

Стоит Оля,
Пришел Коля:
— Дай, Оля!
Коля — свой парень,
Почему не дать?
Оля ножку подняла. (72)

Стоит Коля
Середы поля,
Пришел кулик —
Колю тык. (302)

Фур фурчит,
Из порток торчит,
Если бы не фурчало,
То бы не торчало. (301)

С вечера вдел,
Всю ночь мудел,
Назавтра вынул, поглядел —
Опять вдел. (19)

Суну, посу́ну, поверну —
И выдернуть не могу. (300)

Сую, посу́ю в золоту́ посуду,
Там тощó — подвигай ещѐ. (121)

Сую, посу́ю
В Марью косую. (332)

Брат сестру
Прижал к костру,
А сестра клычет,
А брат дальше тычет. (124)

У дедушки висит,
У бабушки ошерилась.
*(Вот какие мои загадки — и не мудро
и не страгино.)* (137)

Стоит баба на яру,
^растопырила дыгру.
Шел Хвилька —
Пырь в дырку. (209)

Летел кулик
Наслед Соне:
— Соня, Соня!
Давай потычемся!
— Ишо тык, кулик?
С вечор дыра болит! (150)

Летит кулик с поля:
— Дай, ^марфа, стоя!
— Нет, кулик,
Дыра болит! (325)

Летит кулик,
Просит дыры долбить,
Не дам дыры долбить —
Дыра болит. (196)

Старик старушку
Щелканул в ракушку:
— Что у тебя, старушка,
Холодно в ракушке?
(Замок зимой.) (202)

Пришел Филька,
Просит дырки. (299)

Хвилька-шпилька,
Хороша твоя дырка:
Постою немножко,
Вертану немножко. (214)

Вывернул вернушку,
Кулаком в пиздушку. (220)

На повети, против клети
Парень девку ерепетил,
Ерепетил, прижимал,
В черну дыфку попадал. (307)

На коленки припадала,
В черну дырку попадала,
На коленочко припала,
В черну дыгрочку попала.

(Замок и ключ от сундука. Раньше в пост песен не пели, все загадывали. Сядем, бывало: то загадки, то скороговорки. Так по сто штук в вечер назагадываел. Их много, загадок-то. Раньше, про борону были загадки, про соху, про сани.) (260)

Что у клети, против клети,
Парень девку пёприл:
Ко колену прижимал,
В шёрлупину припадал. (326)

Ети-эти на повети
Парень девку ерепетит:
Девка-то, хохочет,
А парень еще чего-то хочет. (327)

^маленький желудочек,
Загони девку за улочку.
Девушка дала, так и дала —
Кверху ножку подняла. (328)

Тычу-потычу —
Ночью не вижу,
Дай-ка, девица,
Днем попытать! (329)

Туды суну — там шелканёт,
Оттуль вытяну — лопонёт,
А на конце сидит Офоня,
Ермечинин сын. (267)

Ковш

Утка в море, яйцо в жопе. (184)

У нашего дедушки
Кундик в портках.
(Ковшик в кадке с водой.) (228)

Что в портках колыблется? (333)

Хая-вая — вот такая,
Свинти-бринти — вот такой,
Сзади хвостик завитой. (334)

Гая-гая — вот такая,
Куржи-муржи — вот такой,
Куржавиночек — такой.

(Стары, неграмотны были, а придумывали.)
(50)

Хая-мая — круглая такая,
Вынтик-пынтик — вот с крючок. (62)

Колесная втулка и помазок

Загадаю загаду —
Выну из задницы ягоду,
Иолижу, полижу
И опять положу.

(Мажут колесную втулку помазком.) (255)

Колодец

Висится, болтается,
Всяк за него хватается. (59)

Коли бы не дедушкино ремесло,
У бабушки бы все заросло. (138)

У дедушки весится,
У бабушки светится —
Как сойдется, так и шлепнется.

(Бадья и вода в колодце.) (78)

У бабушки светится,
У дедушки мотается. (143)

А что в портках шебутається?
(Черпало в колодце болтается.) (190)

Кольцо

Сидит девица на горе,
Любуется своей дыре:

— Ах, дыра, моя дыра,
Золотая ты была! (218)

Иалочка мясна,
Дырочка тесна.
(Палец и кольцо.) (304)

Комар

Летела птица-Урпица,
Говорила птица-Урпица:
— Едала купца, и боярина,
И всякого хрисьянина,
Только не едала утки в море
Да яйца в жопе.
(Загадывали на «беседах».) (305)

Конверт

Сзади не полижешь,
Спереди не потрешь. (145)

Конопля

Ткнешь — прямо,
Вытащишь — вяло,
С кончика чурит.
(Чурит — капает, течет.)
[Коноплю мнут мялкой.] (115)

Суха манда кость грызет.

(Мельница старинная, когда коноплю Ляли.)
(148)

Конфета

Черные штаны,
Белая окладка —
Что в штанах,
То и сладко. (57)

Коня запрягают

Расстегнула мать стегнище
Да запихнула толстяка. (237)

Кинул полено,
Кинул другое,
А в середке — живое.
(*Конь в оглоблях.*) (335)

Кормление **ребенка**
^миловал — пути нет,
А целовал — пути нет,
Повалил да забил —
Оно и в путь пошло.
(*Грудь подаешь — ребенок не ревет.*) (187)

Коромысло
Без рук, без ног —
На бабу скок. (409)

Горбатый бес
На бабу залез,
На бабе пропотел
Да на девку захотел. (130)

Дырка против дырки,
Сунул да пошел.
(*Коромысло сунут в дырки ушата и несут.*)
(180)

А у Спирки — две дырки,
Третья — пихальце.
(*Ушат и коромысло.*) (336)

Трепехи, трепехи,
В дырочку — пехи, пехи.
(*Ведро на коромысле.*) (291)

Корыто
Под полком, полком
Лежит баба вверх лобком. (241)

Коса и точило
Вышел мужик **в** поле,
Вытащил свое горе:
Чувик-чувик! —
Опять **в** портки тык. (25)

Выйду в поле,
Вытащу свое горе:
Чки-чки! —
Опять в портки. (20)

Шел мужик из-под горы,
Вынул четверти полторы:
Иомахал, помахал
И опять запихал. (338)

Шел прохожий,
Нес под кожей,
Вынул из-под полы
Четверти полторы:
Шёр-шерки! —
Опять в портки.
(Лопатка, правилка для косы.) (159)

Шор да бор —
Опять в портки. (339)

Кошелек
Богу помолясь,
Суну не боясь.
Выну, стяхну —
Подальше пихну. (233)

Кошка

Идет баба на печь —
Коромысло в заднице.
*(Про коту у нас глупа деревенски загадка:
кошка — и хвост сзади уней. Когда молодые
были, соберемся на посиделки: вот тут —
мы, тут — девчата. И вот друг дружке...)*
(68)

Бежит Арина
Из-за овина —
Торчит сзади
Холдовина. (207)

Крюк для запирания
Дедушка-капустник
Бабушке запустит:
Бабушка зажала,
Всю ночь продержала. (340)

День висит,
А в ночь в дыгре торчит. (5)

Днем спит,
А ночью дыфы просит. (235)

Днем качается, качается,
Ночью в дыфочку спускается. (197)

Днем качается,
Ночью поднимается. (217)

Весь день болтается,
А ночью в дыгрочку втыкается.
(Они, видишь, как вроде плохие, а отгадка хорошая.) (45)

Кая-мая — вот такая!
[Показывает, что большая.]

Шундер-вундер — вот такой!
[Показывает меньше.]

Кундеречек — вот такой!
[Показывает еще меньше.]
(Крюк, петля и крючок на самом конце.) (47)

Утром болтыхается,
Ночью в дыгрочку утыкается.
(Болт.) (108)

Шултыхается, бултыхается,
На ночь в дырочку затыкается. (112)

Кукуруза

^рос, рос, вырос,
Из ширинки вылез:
По бокам — волоса,
Посередке — колбаса.
(Она как будто матерна, а получается хорошая. Это мне моя свекровь загадала. Я думаю: «Господи, совсем бабка сдурела!» А она говорит: — Кукуруза. Я вот и мужу загадала:

— Сась, — говорю, — отгадай!
Он смеется. Я говорю:
— Чего гогочешь? Это кукуруза!) (39)

Курица

У нашей невестки
Семьдесят рубашек.
Вышла на улочку,
А жопа худа. (49)

У нашей сестрицы.
Семьдесят семь рубах.
Вышла на улицу —
Дыра-то гола. (85)

Как у нашей Маши
Сто сорок рубашек.
На улицу выйдет —
Вся жопа гола. (99)

Шла вдова со двора —
Сто рубашек,
А жопа гола. (219)

Лампа

У царицы — с рукавицу,
А у барина — бастрык
Всю ночь острит. (98)

Лен, кудель, **прялка** — прядение

Парень девку яперил,
Яперил да яперил,
Да яперильце потерял.

*(Это раньше лен-от трепали эдак: треп-
лют, треплют, бросят это трепло — да
и пошли.) (56)*

В сенцах на поленцах
Парень девку ербезил,
Ербезил, ербезил
Да ербезилочку сломил. (201)

В сенцах на коленцах
Свекр сноху-то

Всяко да всяко —
Вот сколько смеху-то!
(Женка треплет лен.) (381)

Диво-то смеху —
Деверь-то сноху:
В сенях — на коленях,
Только косточки трещат. (75)

На задворках, задворках
Мужик бабу ёркат. (408)

Твоя ступа,
Мой толкач —
Как засуну,
Тоды плачь.
(Ступа, толкли куделю.) (104)

Сухая манда
Суши кости грызет.
(Мялка. А ведь куделя-то, она жесткая,
вот её мялкой и мнут.) (111)

Петька-целовальник
Привел жену в предбанник:
Она ему дала
И ногу подняла.
(Женщина лен ломает; мялка.) (7)

С локоть — лохмато,
С локоть — голо,
С локоть — под гузно ушло.
(Донце мялки.) (354)

С локоть — голого,
С локоть — лохматого,
С локоть — под жопою. (158)

Что за загадка:
— Под задницей гладко? (18)

Не хитёр,
Не мудёр,
А девке жопу натер. (102)

Лицо

Баенка костяна,
Дверцы волосяны,
Двое моются,
А третий колотится.

[Человек умывается: рот, усы и борода,
руки, носик умывальника.] (341)

Лук

Сидит баба на грядке —
Вся задница в заплатках,
Кто на нее взглянет —
Заплачет. (128)

Лучина

Ест бело, а серет черно.
(*Лучина и уголье.*) (155)

Дядюшка Бмеля по жердочке едет,
Черным говном серет.
(*Лучина горит и обугливается.*) (261)

Малина

Ехал гонец —
Мимо бабий дворец:
Бабу надул,
Подол развернул,
Что было послаще —
То повыщельнул. (268)

Красненька пиздёнка,
Да беленький хуёк. (118)

Красная молушка,
Белый стебелек. (251)

Красненька манда,
Беленький хуёк. (92)

Сидит дедушка в траве,
У него яйца в крове. (144)

Мельница

На печь в тепличь
Дедка бабуку лечит —
Только палка бренчит.

(Жернов. Лет десять тому назад за печкою-то жернова муку мололи.) (343)

Дедушка на бабушке —
Яры-пояры,
Только платице дери. (76)

Дедушка на бабушке
Реви — не реви,
А платице дери.

(Мельница, два жернова друг о друга трутся, шелуху с зерен сдирают.) (81)

Сидит баба на тору,
Расшеперила дыру:
Весь мир кормит,
Сама голодна. (160)

Черный кот
Феклу трет,
Фекла дурит,
Прибавить велит.

(Всяко думать будете!) (73)

Дедка да бабка — тыр-ты-ры-ры,
А белая пена идет из дыры. (169)

Три-потри —
И пена из дыры,
Около, кругом —
И в дырку кулаком.
(Ручные жернова.) (345)

Старик старика
Всю ночь рыкал. (342)

Кутька встала,
Манда заиграла.
(Жернова и ворот.) (156)

Мужик мужика
Во всю ночь ерыкал,
А утром встал —
И никуля устал. (344)

Старик старику
Всадил в жопу руку:
Один ревет,
Что жопу дерет,
А другой выёт,
Что руку не вынет.
[Колеса жернова.] (208)

Через лес — дорога,
На пупке — тревога,
А в заднице — яропка. (346)

Трах-тар-ра-рах,
Стоит дом на горах:
Вода брызжется,
Борода трясется,
Брат брата трет,
Белая вода течет.
(Мукомольный завод.) (347)

Метла
— Кум-куманек,
Дай шишечки на денек!
— Нет, кумушка-кума,
Небрежно бережешь
Да всю повыдернешь. (348)

Молотьба
Парень молодой,
Праздник годовой,
Бело в черно пихает,
Тяжело вздыхает.
(Молотят снопы, пихают в овин.) (349)

Морошка
Росло-повыросло,
Из штанов повылезло,
Красна плешка появилась,
Красным девкам приглянулась. (216)

Красненько залупилось
Женкам, девкам полюбилось,
А мужикам — нет.

(Морошка в болотах растет, мокро, мужики не любят ходить.) (405)

^росло-повыросло,
С портков повылезло,
В конце залупилось,
Красным девкам полюбилось.

(Когда старушка загадала нам эту загадку, мы, изумленные, подняли головы, тогда старушка затряслась хриплым, почти беззвучным смехом и, положив руки на наши головы и слегка пригибая их к столу, проговорила сквозь смех: — Похабна смысла тут нету — морошка это!) (406)

Иока было в коже —
Не было гоже,
Вылезло из кожи —
Стало всем гоже. **(404)**

Муж и жена
Сами каменны,
Двери шерстяны:
Двое парятся,
Третий пихается. **(350)**

Мужики сцат в одно ведро
Баба с бабой — никак,
^мужик с бабой — кое-как,
^мужик с мужиком — свободно. **(353)**

Наперсток
Ходила девка по горе,
Плакала о своей дьчре:
— Дыра моя, дырочка,
Некуда тебя мне деть,
На живое мясо вдеть!
(Наперсток и палец.) (250)

Нож

Втыкают ясные,
Вынимают красные.

(Нож в свинье, когда режут.) (356)

Носовой платок

Шел прохожий,
Нес за кожей,
Вынул из-под полы
Четверти полторы,
Раз шагнул
И опять пихнул.

(Вынимал носовой платок.) (355)

От досуга — я засуну,
От безделья — волоку,
Возле холки да в дьфу. (357)

Овес

Гур гурчит,
С порток торчит.

*(Висит он на корне, а в шелушинке там
зернышко выглядывает.*

*Собиратель:— А почему «Гур гурчит»?
— А он же шумит, овес, ежели ветерок,
он так звонко шумит.)* (23)

Овин

Сидит баба на току,
Иолна жопа табаку.

*(В него насадят хлеба, топят — дым идет,
да сушить начнут, а там золы полно —
вот и табак. Копна. Топят снизу,
из ямы — табак, а это она, баба,— сидит
она на току.)* (109)

Огурец

^БУР бурчит,
С порток торчит. (12)

Орех

^Росли, росли, выросли,
Из пеленок вылезли,

Как залупились,
Девкам полюбились. (14)

^рос, рос, вырос,
Из порток вылез,
Кончик залупился,
В девок влюбился. (24)

^рос, рос, вырос,
С порток вылез,
С кончика залупился,
Для всех пригодился. (210)

Маленький, лохматенький,
Из штанов вылез,
Залупился,
Девкам пригодился. (95)

Висит виса:
Сверху лохмата,
Изнутри лыса.
*(Это орех на граночке, он висит, вроде как
лохматый, а внутри — голое зернышко.)* (35)

Влезь на меня,
Полазь по мне,
Найдешь косматку —
В косматке сладко. (15)

Что ты смотришь на мене:
Или хочется тебе?
Если хочется тебе —
Полезай на мене:
У меня есть мохнатка,
А в мохнатке — сладко.
*(Орешина — дерево, ну и гранка мохнатая,
в ней орех сладкий висит.)* (38)

Гни меня,
Ломи меня,
Полезай на меня:
Есть у меня мохнушко,
А в мохнушке — гладко,
А в гладком — сладко.
*(Прежде чем сорвать орех, часто прихо-
дится нагибать для этого ветви орешни-
ка, лезть на него. В отличие от грецких*

орехов, орехи лесные растут сразу семейством, группкой, их обрамляют мохнатые листочки, в гладкой твердой кожуре находится сладкое ядрышко ореха.) (246)

Горшочек маленький,
И опарка **сладенька**,
А горшочек не сломить —
И опарки не съесть. (363)

Отражение в воде

Иеред нами — вверх ногами,
Перед тобой — вверх головой. (242)

Penis

Город пуст,
Во середке — куст,
Пятеро слепого в тюрьму волокут:
Туда идет — весел,
Обратно — голову повесил. (351)

Воеводу на суд
Пятерья несут:
Пошел с суда невесел,
Головушку повесил.

(«А уж это про то самое и есть!») (352)

Пестерь (плетеная корзинка)

Скрипит, рокочет —
На бабу хочет.

(Корзина, которую носили на спине.) (223)

Печка

Шел мой до мене,
Пощупал мене,
Взлез на мене,
Взбил охоту до поту
И слез с мене.

*(Как намерзнешься, к печке же идешь,
руки прикладываешь, а то и сам залезешь.)*

(30)

Взлезь на мене,
Поелозь по мне,

Сбей охоту
До самого поту. (21)

Что глядишь на меня,
Аль тебе охота?
Так ложись ты на меня
И лежи до пота.
(Печка говорит человеку.) (367)

По полу хожу,
Притычину ношу:
Притычина долга —
Готова ли дыра?
Притыкаться пора!
*(Помело и печка: когда печка протоплена,
метлой выметают золу.)* (364)

Уж по полу хожу
И притыкою верчу:
Притыка мохната и продолговата.
Готова дыра?
Протыкать пора! (366)

Вышел Ярилко
Из задней избушки,
Стал бабу ярить:
По шерсти, по персти,
Поперек шерсти.
Ярил да ярил,
Да наярил добро.
(Печку метут помелом.) (365)

Та кабы не дедушкино ремесло,
То все бы у бабушки заросло.
*(Помело — в печи запахивать. Дед запа-
хивал, а бабушка — печка.
Помело-то дедушкой ложено.)* (368)

Что за бабье ремесло:
Кругом черным обнесло,
Посередине красное,
Для людей опасное?
(Печь и огонь.) (370)

Шупу, шупу по ребрам;
Дошупался до правды:
Правда-то мохната,
А на правде-то — дыгра. (369)

Сую-посую (в) старую посуду,
Помочу и еще раз закачу.
*(Помело: печь метут,
чтоб хлебы сажать.)* (94)

Сую-посую
В Оганю косую,
Там тощо,
Ну-ка еще!
*(Оганя — имя такое, то печка «голланд-
ка», «косая» у нас называется.)* (146)

Встану рано,
Первая работка —
Кувьрк в порках.
*(Порки — углубление в русской печи с пра-
вой стороны, где кладутся спички, тряп-
ки и проч. Кувьрк в порках — пошарить
руками.)* (186)

Напился, наелся, натрескался,
На бабу свалился — надергался,
На бабе вспотел,
На девку захотел.
*(Перелечь с печи на рундук [в рундуке де-
вушки хранили приданое].)* (244)

Плетение лаптей
Парень девку епесил, епесил,
Потом на полати положил
И еще поепесил.
*(Эту загадку загадывала еще мать моя
[В. Н. Ведашева]. Плетение лаптей назы-
валось епесением. Лапти плели из березо-
вого лыка.)* (52)

Поварешка

Шая-вая — вот такая!
Сикель-викель — вот такой! (372)

Шанда-манда — эдака!
Шандык-мандык — эдакой! (373)

Повойник
Красен, ясен,
По бабам лазил,
На бабах запотел,
На девок захотел. (26)

Полотенце
Висит, мотается,
За него все хватаются. (126)

Помидор
Лежит мужик в траве,
Все яйца в крове. (135)

Сидит дедушка в траве,
У него яйца в крове. (144)

Порог
Как лежит загадчик,
Всем в задницу заглядчик? (256)

^маленький Филимончик —
Каждому под подольчик. (374)

Прорубь
Хай да махай —
Да в середку пихай,
Тычь да мочи —
Да на край волочи.
(*Белье в проруби полощут.*) (193)

Хай да махай — в дьгрку пихай,
Хай да мочи — на край волочи. (73)

Сидит баба на яру,
^расщеперила дьфу. (132)

Дедушка бабушку шандил-мандил,
Не стал шандить-мандить —
Вся дыра заросла.
[Прорубь делали мужчины.] (175)

Пчела
Через лес — дорога,
На пупу — тревога,
В жопе — ярмарка.
(Летит пчела через лес в улей, а в нем там кипит — «ярмарка».) (258)

Кругленько, мохнатенько,
На середке — дыра,
Пихается туда.
(Пчела залетает в улей.) (74)

Река
— Криво-лукаво, куда бежишь?
— Бритая жопа, какое твое дело?
(Река и скошенная трава.) (10)

Долга́-долгу́ша, куда пошла?
Стриженная жопа, тебе что надо? (151)

Репа
Стар да матер,
До коренья затер,
До того засадил,
До осени солодил,
В середке — сладко,
По краям — гадко,
Внизу — мошок,
А наверху — петушок. (360)

Меж углами,
Мене стенами
Парень девку солодит.
(В печку репу ставят парить: куб — это парень, а девка — репка.) (361)

Сидит мужик за печью,
Грызет мошну человечью.
(Старик ест репу.) (362)

Рубашка

Хочешь — не хочешь,
А лезь на мене. (253)

Рукавица и рука

Мохнато ширится,
Голо пихается. (161)

Разверну космачку,
Суну голяка. (27)

Растеперили мохнатку,
Запихали голыша. (64)

Разложу — мохнатка,
Запихают — голышка. (80)

Когда б не бабова космушка,
Замерзла б дедова толкушка. (13)

Как бы не бабушкина теплушка,
Отпала бы у дедушки толкушка. (122)

Голый голят
Ирыг в лохмат. (33)

Суй голову —
В мохнату дьфу. (9)

Отгани загадку:

— Суну голыша в мохнатку.

(Она загадывается-то — плоха, а отгадка — хорошая.) (232)

Шарил-пошарил,
До правды дошарил:
На дьгрке хохол —
Сунул да пошел. (117)

Рукомойник

Висится, болтается —
Всяк притыкается. (65)

Самовар
Старый старик через курью счит,
Только хуй свистит. (152)

Стоит поп на мосту,
Кричит: «Всех обоссуй!» (44)

Молод был — всем давал,
А стар стал — наклоняться стал. (66)

У девицы-сиротки
Загорелось в середке,
А у парня-молодца
Закапало с конца. (125)

В середке — огонек,
Кругом — вода. (142)

Сапоги

Суну-посуну
В черную посуду.
(Ноги — в сапоги.) (257)

Суну, суну, недосуну,
Отдохну да подпихну.
(Сапог надевают.) (375)

Праздник годовой,
Парень молодой,
Охает, вздыхает,
Тяжело пихает:
— Ох, тесно
Тяжело вошло! (91)

Сахар

Синие штаны,
Белая подкладка,
Что в штанах —
Сладко.
*(Раньше так сахар продавали — головками
в синей обертке.)* (141)

Сини портки,
Бела подкладка,

А что в портках —
То и сладко. (266)

Сковорода
Черная манда
По печи айда. (259)

Не мазано — сухое,
А помазано — сырое. (376)

Батрак батрачку
Хвать за срачку. (16)

Что это за загадка:
— Под яйцами гладко? (42)

Черный кот
Марью трет,
Марья хохочет,
Еще хочет.
(Сковорода и масло.) (101)

У меня — востро,
У тебя — пестро,
Пойдем к шестку потычемся!
(Сковорода и сковородник.) (371)

Сон
Пришел мил-перемил,
Середь полу повалил:
Хоть стыд, хоть срам,
А больше хочется! (8)

Мил, мил, перемил
Середь поля повалил:
Хоть грех, хоть даа —
Миновать нельзя. (87)

Мил-перемил
Принародно пристыдил —
При всем мире повалил. (133)

Лягу на кровать, буду яровать:
Хоть стыд, хоть срам —
Больше хочется. (170)

На печи горячо,
На полати скрипуче,
На кровати хорошо. (167)

Дедушка Сидор
Гнет бабушку сидя:
Эдак-то негоже,
Давай-ка лежа.

(Сон «гнет» бабушку, которая сидит за работой (и без работы), естественно, что спать сидя «негоже», а гораздо удобнее «лежа».) (249)

Спички

По полу хожу,
Ширыхаленки ищу,
Ширыхаться хочу. (225)

Ставни
Брат сестру
Прижимат к костру:
— Стой, сестра,
Не ломай костра!

(Ставень прижимают к окошку, чтобы стекло не сломать.) (377)

Брат сестру
Припирал к костру:
— Дашь — потешу,
Не дашь — повешу!
(Ставень и палка.) (378)

Стирка белья
Склизко да мокрб,
Тыкаться добрб.

(Белье стирают в большой деревянной ступке, вырубленной из целого дерева, по-колачивая скалкообразной палкой.) (182)

Ступа и пест
Как бы не дедушкина
Шеньки-пеньки,

Заросла бы бабушкина
Шенький-пенький. (123)

Шундра-мундра -
Вот такая!
Шундрик-мундрик —
Вот какой! (147)

Среди поля
Стоит шоря.
Летит кулик:
— Шоря, шоря,
Дай мне стоя!
— **А** нет, кулик,
У тебя велик,
А у меня дыра болит. (168)

На повети,
Прямо в клетки
Парень девку пятерит,
Только палка говорит.
(Ячмень в ступе толкут пестом.) (192)

Таракан
Кто над нами вверх ногами? (106)

Ткацкий станок, ткачество
Пришла уваль,
Встала в угол:
— Дайте девку или бабу,
То вон не пойду! (380)

Пришло чудо,
Село в угол,
Просит женку
Или девку. (177)

Пришло чудо
В передний угол:
— Давай девку,
А нет — так бабу,
А то из угла не вон!
*(Ставины — ткацкий стан. Когда холст
ткут, ставины для прядения не убирают
до тех пор, пока холст не выткут.)* (188)

Меж клеткой,
Меж поветкой,
Парень девку репетит:
Ногами скёт,
Реками вьёт
И расширит — запихнёт. (166)

Пузом тру,
Ногами упру,
Разинется — уткну.

*(Ткацкий станок: перекладина, проножки,
набелки, челнок.) (11)*

Пупком трёт
Ногами прёт
А где разинь —
Тут и тинет.

(Станок: подножки, обнова, основа, челнок.)

(88)

Ногами прёт,
Пучиной трёт,
Выдернется — шелкнет. (79)

Брюхом трёт,
Ногами прёт,
А де дырка —
Туда ткнёт.

*(Старинный ткацкий стан, брюхом-то
ить трешься, а зёв-то, челнок, ходил,
вот де дырка, туда ткнешь.) (103)*

Брюхом трёт,
Ногами мнёт,
Как растопырится —
Так ткнёт.

*(Вот ткут: ногами вот так, порожки
были, а брюхом-то ведь трешься, к ста-
ну прижимаешься. Ногами нажмешь —
растопырится, туда челноком ткнешь.
Вот такой стан был.) (105)*

Брюхом мнёт,
Ногами гудёт,

Вытащит, отряхнёт
И опять запихнёт.

*(Холст ткали руками-то, челнок ходит
и в брюхо пихается; ногами-то все время
водили — вот и гудет. А материал все
время опять туда идет.)* (379)

Ногами сучишь,
Пупом трешь,
Поповыздынешь —
Воткнешь.

(Ткут на стане портяное.) (212)

В овраге, на будораге¹
Лежит мужик на бабе:
Пупом трё, ногами мне,
Как разинется — так и ткнё. (149)

Ногами машет,
Гуками трё,
А расчеперит и пихнёт. (185)

Трамвай

Длинный и красный,
Для жизни опасный,
Мужчина захочет —
Всегда заскочит,
А женщина любит —
Когда стоит. (382)

Сзади — нельзя,
Спереди — нельзя,
А сбоку — можно. (383)

Трубка

Из штанова,
Из карманова
Вынимается честь,
Котора вершков шесть,
Прикладывается к той чести,
Которая вся в шерсти. (136)

---

¹ Холм, небольшая сухая возвышенность; иногда — коряга. *(Примеч. составителей.)*

Из кармана, изо штанного
Вынимается вершь вершков шести,
Прикладывается к той дыре,
Которая вся в шерсти. (238)

Ухват
Стоит Матрешка
На дорожке,
^расширила ножки. (157)

На колено припаду,
В черну дырку попаду. (384)

Ушат
Дыра против дыры,
На середке вода,
Надо вложить и положить,
Надо вынуть не забыть. (337)

Хлеб и хлебопечение
С вечера — яры́, яры́, яры́,
Со полуночи — хоры́, хоры́, хоры́,
Утром встал —
Конецок пристал.
Отцего пристал?
Наеркался, натеркался.
(Мутовка и квашня.) (153)

С вечера - шурú-шурú,
С полуночи — юрú-юрú,
К утру-свету — конца нету,
Тем и стало, что ночесь пристало.
(Квашня скисла.) (388)

Вечер, вечер, вечерится —
Под подолом шевелится,
Утро, утро, утрится —
Под подолом пудрится. (93)

С вечера — гуторила, гуторила,
С полуночи — пошишкалась,
Стала переставать,

Как свет настал.
Иочему перестал?
Что ночесь устал. (206)

С вечера — потяпкаться,
А с середи ночи — пошишкаться,
Утром встал —
И хохол устал.
(*Квагиня; пекли хлеб.*) (199)

С вечера — похуркает,
Среди ночи — потуркает,
С утра встал — весь запихал. (390).

С вечера — затопать,
Вечером — заторкать,
А утром встанешь —
Еще хочет.
(*Пирог.*) (116)

Утро утрится —
Хохол мудрится,
Вечер вечерится —
Хохол шевелится. (227)

Сидит баба на печи,
На девятом кирпичи,
Не могла стерпеть,
Начала пердеть. (48)

Государь мой батюшка
Против печки, на лавочке
Развалил свою матушку,
Запихал суковатую палочку.
(*Квагиня и мутовка.*) (386)

Кабы не батюшков телепень,
Заросла бы у матушки канта-манда,
Сантя-понтя и до пупа. (391)

Дедушка бабушку
Против печки, на лавочке

Хандил-мандил,
Хандил-мандил,
Не стал хандить-мандить —
Вышла хандя-мандя.

*(Рогаткой месят тесто какое-то время.
Как перестанут — квашня и получает-
ся.) (385)*

Стар да матёр,
До коренья дотёр,
До мошны засадил,
Всю ночь заводил.

(Квашня целу ночь кисла.) (387)

Стоит ступа на окошечке:
Не пронеблена, не вынеблена.
Пришел пронебес —
Пронебес пронебил и проневынебил,
На окошечко поставил
И вынедобил. (392)

Ни косточки, ни жилки —
Один сустав и тот встал.
(Хлеб в деже.) (6)

Из подполья вставаџ,
Одеяло вздымат. (330)

Без кости вставаџ,
А одеяло вздымат. (389)

Потербаю, поербаю,
Благословлю и спать положу. (393)

Ох, тошнџ-малџшонько —
Выдерни немножонько!
Ох, тошнџ —
Да запихни еще!
(Хлеб в печи.) (394)

Черно да мокро —
Потыкать добро!
(Хлеб в масло макают.) (395)

Хомут

Соломы тючок,
Да шерски клочок,
Да кожи липичок,
Да березовый сучок —
И подтяни ногой: шелчок!
*(«Шёлчок» получается, когда ногой
затягивают на лошади.) (396)*

Шерсть о шерсть трется,
Живое тело в дырку прётся.
(Хомут одевают на лошадь.) (397)

Церковь

Утка крикнет,
Да на море звякнет:
— Собирайтесь, детки,
К каменной матке,
А у каменной матки
Есть медные титьки.
*(«Каменная матка» — собственно церковь,
«медные титьки» — колокола.) (252)*

Часы с гирями
Что висело —
То осело,
Что болталось —
То так осталось. (198)

По брюху — дорога,
Под низом — дьфа,
Наверху — тревога,
А в дыгре — игра.
(Часы с боем и игрой.) (248)

Черемуха

Иванушко-Кудреванушко,
Не гни меня,
Не ломи меня,
Если хочешь меня,
Залезай на меня,
Начечкайся да наречкайся,

Охотку соймешь —
Да и сам сойдешь. (179)

Шел молодец —
Мимо бабий дворец:
Вы не »идите меня,
Не ломите меня,
Лучше взлезь на меня,
Нашмакайся, набашмакайся,
Охотку соймешь —
Да и сам сойдешь. (401)

Что ты стоишь,
На меня-то глядишь?
Если хочешь меня,
Полезай на меня,
Ты напецкайся да наецкайся,
А охоту сымешь —
Дак и сам сойдешь. (400)

Зайди на меня:
Наецкайся, нарецкайся,
Охоту соймешь —
С меня сойдешь. (399)

Не гни меня,
Не ломай меня,
Залезь на меня
Да тетенькайся. (100)

Шапка
Дорога мошна,
Чтобы плешь вошла. (402)

Шоркают скамейку
Олово-олово,
Медь-медь-медь,
Повалили на лавочку:
Едь-едь-едь. (403)

Штаны надевают
Раскарачки взлезли на пердячки. (17)

Шел мужик по дороге,
Пришло две дороги,
Он и в обе пошел. (231)

Вилогато, росоховато,
На Пердень-город заходит. (163)

Яблоня
Ветер веет,
Жопа млеет,
Яйца колышутся.
(Яблоки с яблони падают.) (32)

Ягоды

Сидит баба на кочке,
Развесила сосочки,
Пришел баран,
Бабу ткнул рогам,
И баба кверху ногам.
(Это старая загадка, на вечерках зимой загадывали.) (54)

Язык

Загану я загаду —
Выну с жопы ягоду.
Полижу, полижу
И опять положу.
(«Ягода» — язык.) (97)

Ступа боброва,

Пест без окова,
Толкёт и пихает,
Никого не слышает.
(Рот и язык.) (407)

Яйцо

Из жопы — в рот. (189)

Мы сидели коло ели,
Ели то, что не имели,
Если б имели то, что ели,
Не были б такими в самом деле.
(Под елью сидели девки и ели яйца, а если бы сами имели яйца, то были бы не девками, а ребятами.) (37)

Яма

Чем больше делаешь,
Тем больше она становится. (43)

Занимательные вопросы

Что у Адама впереди,
А у Евы сзади?
(Буква «А».) (69)

На небе — есть,
На земле — нету,
У бабы — две,
У девки — нету,

У Бориски — впереди,
У кобылы — в середине.
(Буква «Б».) (139)

На небе — есть,
На земле — нету,
У бабы — две,
У девки — ни одной,
У барана — спереди,
У араба — сзади.
(Буква «Б».) (3)

Между ног болтается
На букву «х» называется,
Как увидит букву «п» —
Сразу поднимается.
*(Хобот у слона и пицца. Как загадали ее
деду Кузьме, так он ушел, сказал: «Что вы,
бабы, глупость всяку порете!» А в ней-то
ничего плохого нет!)* (41)

Шел мужик, попукивал,
Чем мужик попукивал?
*([Головой] — попукивал. Теперь чего,
голова-то у нас — для платка!)* (110)

Шла баба с тестом,
Упала мягким местом,
Чем, думаешь?
(Головой — чем думаешь.) (53)

Женщина пошла на базар,
А мужик пошел к воде —
И покупать одно и то же.
*(Яйца.) [Покупать — от «купить»,
покупать — от «купать».] (215)*

Какая разница между кораблем и женщиной?
*(На корабле сперва мачту вставляют,
а потом парус поднимают, а с женщи-
ной — сперва парус поднимают, а потом
мачту вставляют.) (63)*

Есть город:
Иервому слогу — рада половина света,
Второму слогу — рад весь свет.
(Херсон.) (410)

Что делает мужчина один раз в жизни,
А женщина каждый день?
(Из-под платья выходит.) (230)

До употребления —
Сухой и твердый.
Иосле употребления —
Мокрый и мягкий.
(Чай.) (398)

Ири возбуждении — поднимается,
Членом называется,
С буквы «х» начинается.
*(Член Государственной Думы Хомяков.
С «Х» начинается — Хомяков, членом на-
зывается — ом член Государственной
Думы, при возбуждении поднимается — ом
поднимается на трибуну для выступления
в Государственной Думе.) (70)*

Публикация Е. В. Миненок,
При участии Ф. С. Капицы

ПЕРМСКИЕ ЗАГАДКИ

Баня

Игогоница поспела —
Ерохвоститься пора.

Блины **пекут и едят**
Плешь — на плешь, на плешь капнешь,
Потом возьмешь да и в дырку пихнешь.

Бочка, в бочке ковш с ручкой

Шая-мая вот такая,
Шунтик-мунтик вот такой,
Чинчик-винчик — едакой.

Буква «а»

У бабы две,
У девки одна.
У мужика ни одной.
У бабы в середке;
У девки сзади.

Варежка

На лавке хохол лежит,
На хохле дыра — пихать пора.

Вдевают **нитку** в иголку

Девушка худенька,
Дырочка маленька,
Пятеро держат,
Пятеро пихают,
Двое соглядают.

Веник в бане

Милый мой зеленый Ваня,
Как меня нашваривал —

Олежачки, остоячки
Меж ног заяривал.

Веник, подметающий пол
Как бы не шунтик-пантик,
Заросла бы шунтя-пантя.

Веретено на прялке
Кончик потыркат-потыркат,
Да вперед уйдет.

Водяная мельница
Сидит баба на юру,
^расщеперила дыру.
Весь мир кормит —
Сама голодна.

Глаз
Серенький да маленький,
Круг его лохматенько.

Глаза
Есть такой вопрос,
Весь мохом оброс.
Иридет беда —
Иобежит вода.

Глаза и нос
Два яблочка во мху,
Морковка наверху.

Дверная скоба
Стару бабу всяк — за пуп да за пуп.

Дверной крючок
Маленький, горбатенький,
Весь день болтается,
К ночи в дырочку спускается.

Замок
Посередь поля
Стоит корова —
Дыра готова.

Иришел бык,
Корову тык
Корова — мык,
Спасибо, бык.

Замок (когда открывают)

Проти клетки на повети
Иарень девку чивиял.
Чивиял, чивиял,
Чивиялку потерял.

Замок ключом открывают
Дедушко-Максим,
Бабушка-Варвара,
Дедушко спустил,
Бабушка зажала.

Замок с ключом
Над повитью против клити
Парень девку ергозил.
Ергозил-ергозил,
Ергозилку засадил.

Замочная скважина и ключ
Студёнька дырочка,
Горяченька пьфочка.

Калоши
Сверху черно, снизу красно,
Как засунешь, так прекрасно.

Карман
Ниже пупенка, выше коленка,
Куда суют — дак как зовут?

Качели

Туда-сюда обратно —
Обоим приятно.

Колодец и колодезное ведро
У дедушки свесится,
У бабушки светится.
Как сойдутся —
Так и сошлепнутся.

Коромысло; **принесли** воду,
положили **на** лавку
Бес-перевес
На бабу полез.
На бабе-то вспотел —
На девку захотел.

Коса

Чем потолще да длинней,
Тем для девушки милей.

Кроснами ткут

Брюхом трешь,
Ногами прешь,
^разинешь — пихнешь,
Выдернешь, шелкнешь.

Льномялка

Он и трет, он и мнет,
А она хохочет да еще хочет.

Мутовкой в квашне мешают

Дедушко на бабушке —
Шир да шир.
Соскочит да поточит —
Да опять шир да шир.

Носок и нога

Бабье ремесло
Кругом шерстью обросло.
Посередине — дыгра,
Туда засунуть пора —
Голое да кривое.

Пешня и прорубь

Кабы у дедушки не шинтик-пынстик,
У баушки заросла бы шантя-пантя.

Помелом в печи подметают

Дедушко на бабушке —
Ярык да ярык.
Не в ту дырку попал,
В голбец упал.

Прокальвают уши для сережек
И хочется, и колется,
И кровь текет.
^Молодая девка
Первый раз дает.

Прядут куделю
Хвать за хохолок —
Да и поволок.

Прялка с куделей
Бабье ремесло все мохом заросло.

Ребенок грудь берет
Целовал-миловал —
Нет пути.
Повалил, запихал —
В путь пошло.

Самовар
Стоит поп на мосту,
Кричит — всех обостю!

Как у деушки-молодки
Загорелось в середке,
А у парня-молодца
Побежало из конца.

Сидя **на** дереве, рвать **и** есть черемуху
Стоит ^Марья под горой,
Пришел к ей парень молодой.
«Парень, лезь на меня.
Ты начупкашься,
Ты нахрупкашься».

Сидят **на** прялке
С локоть лохмато,
С локоть голо,
С локоть по холку ушло.

Сон
Шерстка к шерстке,
Тело к телу,
Начинается ночное дело.

Спичка и спичечный коробок
Брат сестру
Прижал к шестку:
Давай, сестра, пошабаркамся!

Тесто в квашне поднимается
С вечеру заеркалось,
С полночи задергалось,
К утру конец устал
И ходить перестал.

Умывальник
Встану я рано,
Пойду к ^роману,
К большой голове,
К седой бороде;
За конец его хватъ —
Из его бежать да бежать.

Весится, болтается,
Всяк за его хватается.

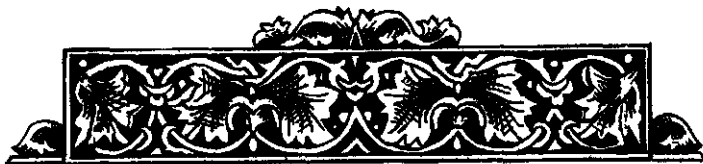
Ухват и сковородка на огне
Брат сестру
Прижал к костру.
Сестра хохочет —
Еще хочет.

Ягода клюква
Росло-росло-сповыросло,
Из штанов повылезло,
Красной девке повыказалось.

Ягода малина
Сама красненька,
А в ней беленький.
Время придет — опадет.

Публикация И. А. Подюкова

Частушки

ЭРОТИКА В РУССКОЙ ЧАСТУШКЕ

Первые упоминания о частушках относятся ко второй половине XIX века. По свидетельству собирателей, частушки исполнялись молодыми парнями во время пляски, в тесном кругу слушателей мужского пола. В конце века частушки зазвучали во всех уголках России. Тематика их была разнообразна, но подавляющее большинство оказалось связано с любовными переживаниями молодежи: от ожидания любви и первых знаков внимания до радости любви и создания семьи.

Уже в начале нашего века исследователи обратили внимание на «нескромные» (как называл их В. И. Симанков), или «озорные» (по В. В. Князеву), или «похабные» (по П. А. Флоренскому) частушки, которые собиратели не печатали «по внешним», как выразился П. А. Флоренский, причинам, хотя они «весьма живо напоминают эпиграммы Марциала»¹. Говоря о чертах, сближающих частушку с новой литературной поэзией, П. А. Флорен-

---

¹ Здесь и далее цитируем статью П. А. Флоренского «Несколько замечаний к собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда», являющуюся предисловием к «Собранию частушек Костромской губернии Нерехтского уезда». Кострома, 1909.

ский прежде всего отмечал утонченность эротики, рафинированность любовного чувства, многообразие его проявлений и подчеркивал, что вопрос об эротике в среде сельского люда весьма достоин внимательного изучения. С другой стороны, П. А. Флоренский соотносил «похабные» частушки с фаллическими песнями греческих дионисии.

В. И. Симаков записывал «нескромные» частушки, но никогда их не публиковал (его коллекция хранится в ^РГАЛИ).

Первые публикации подобного рода появились за границей: Неподцензурная русская частушка. Сост. В. Кабронский. Нью-Йорк, 1978; Новая неподцензурная частушка. Сост. В. Козловский. Нью-Йорк, 1982. В некоторых российских сборники последних лет включались многие тексты из этих изданий (в одних случаях со ссылкой, а чаще — без). Так, например, петербургский публикатор озорных частушек В. Кавторин вообще не счел нужным указывать на источники сборника (хотя все следы явно ведут к заокеанским...)¹. Любопытно, что, несмотря на это, составитель предусмотрительно поставит авторское клеймо. В предисловии под названием «Нем «картинки» хороши» В. Кавторин сопоставляет свои варианты с «картинками» с вариантами из сборника В. С. Бахтина «1000 частушек» и безуспешно, на наш взгляд, пытается доказать, что в 99 случаях из ста это сравнение в пользу частушки с «картинкой». «На бескартиночной же частушке, — заявляет В. Кавторин, — всегда лежит неприятная печать некой заданности,² сделанности, натуги, а то и просто неискренности...»²

Текстологический анализ показывает, что не менее трети «частушек» в этих сборниках таковыми не являются. Это безвкусные поделки, никакого отношения к фольклору не имеющие:

Жду я Маню возле фермы,
Очень нравлюсь Мане я.
Подарю ей много спермы
И чуть-чуть внимания.

СВ. Кавторин)

Жил в деревне старый дед,
Делал сам себе минет.

---

¹ См.: Озорные частушки (с «картинками»). СПб., 1992.

² Там же, с. 8.

Возле каждого куста
Сам имел себя в уста.
(Он же)

Заметим, что подобных книжек появилось великое множество, не найдется областного или районного центра (не говоря уже о столице), где бы не вышло несколько наскоро слепленных сборников подобных «частушек», в которых запретные ранее эротика и политика намешаны в самом «картинном беспорядке», какой только можно вообразить. Ириходится констатировать, что ни один квалифицированный специалист, не говоря уже о профессиональных фольклористах, в этих изданиях участия не принял. И поэтому никакой научной ценности они не имеют, тем более что публикуемые тексты не паспортизованы и надлежащим образом не прокомментированы (как, впрочем, не паспортизованы и вышеназванные зарубежные издания).

Из этого потока можно выделить два выпуска частушек «^разрешите вас потешить» и сборник «Ой, Семеновна!» (частично дублирующий предшествующие), составленные Н. Старшиновым и опубликованные в 1992 году. Они неуязвимы с точки зрения традиционности формы, соотношение в них текстов «с картинками» и без (которых гораздо больше) отражает современную ситуацию. Ири самом внимательном текстологическом «просвечивании» каждой частушки нельзя упрекнуть автора в использовании псевдонародных стихов, или в безвкусице, или в бесконечном нанизывании похабщины, когда утрачивается «порог чувствительности». Ириходится сожалеть о том, что сборники Н. Старшинова не паспортизованы и потому не могут быть использованы для научных целей, хотя составитель лукаво обосновывает публикацию «картинок» тем, что издание якобы «предназначено для углубленно изучающих русский фольклор». Оказывается, таковых на Гуси немало: 75 тысяч — первый выпуск, 50 тысяч — второй да 100 тысяч — «Ой, Семеновна!» (правда, здесь составитель уже признается, что частушки с вкраплением мата — для массового читателя). Подобные публикации нарушают морально-этические нормы нашего народа, связанные с древними традициями табуирования ряда слов (означающих телесный низ и физиологические отправления). Они допустимы только в научных изданиях; истоки этих традиций специалистам надо знать и изучать, но нарушать их нельзя.

Анализ традиционных частушек «с картинками» показывает, что важное место в них занимает фаллическая символика и система иносказаний, которые основаны на архетипических символах, связывающих соитие и акты вспахивания и засева поля, косьбы, копания картошки или канавы. Частушки продолжают традиции эротических иносказаний обрядовой поэзии, заговоров и других жанров фольклора. Сексуальная направленность мата в фольклорной эротике ассоциируется с древней идеей оплодотворения матери-земли. Поэтому запрет на них снимается на время ритуалов, связанных с Колядой, ^масленицей, Купалой, началом сева, жатвы, наутро после брачной ночи и в некоторые другие моменты свадебной обрядности. Во время зимней экспедиции 1994 года в Костромскую область знаменитый на всю округу дружка Николай Викторович Николаев, прошедший около ста свадеб в Чухломском районе, в своем рассказе о свадьбе отметил, что, если подвыпившие гости пытаются петь озорные частушки в первый день свадьбы, он останавливает их, помня наставления своей матери, известной поварушки (один из «чинов» в традиционной свадьбе), разрешавшей это делать лишь на второй день. Деревенские жители и в наши дни не хотят употреблять мат при собирателях фольклора — студентках и соглашаются поделиться песнями или частушками «с картинками» лишь с руководителем группы, и то лишь после просьбы: «Для науки».

Сопоставление эротических и иных частушек показывает, что иногда эротика органично вплетается в частушки с традиционной символикой (береза, ель — символы девушки, дуб — парня):

Я на белую березу
Сяду покачаюся.
Котору девушку люблю,
С той и повенчаюся.

Или:

Елка сухая,
Топор не берет,
Милка скупая,
Никак не дает.

Или:

Сколько леса испилила —
Крепче дуба не нашла...

Наш анализ частушечных метафор по сборникам В. И. Симакова, Е. Н. Елеонской и З. И. Власовой — А. А. Горелова показал, что центральным, наиболее часто встречающимся в них образом является сердце, в метонимиях — глаза. В эротических частушках основное место занимает фаллическая символика (с одной стороны: батожок, булабочка, буравчик, забобаха, иглолка, игрушка, инструмент, кол, колбаса, корешок, кукурузина, петушок, молоток, морковка, орудие, поле-но, погребушка, свекла, хрен, шишка и т. д., и с другой — бука, воронка, голубка, лунка, канарейка, киска, кунка, курица, корзина, корытце, кадочка с медком, окошечко, ракушечка, чернильница, ямочка и т. д.). Они могут быть в паре: корытце и боровок, клетка и попугай, воронка и соловей, чернильница и перо, ракушка и батожок.

Иносказательное замещение может быть развернутым: «Угодная земля — ниже пупа через поле черноземна полоса» или персонифицированным: «Тимоха (*вар.*: Васюта) с бородой». Самым распространенным поэтическим приемом в эротических частушках является метафорическое олицетворение. «Он» — растянулся на нарах, как порядочный мужик, прикуривает, идет сторбатившись, танцует на дороге, идет в атаку, подошел к лунке попить, но ему не разрешили, мутить воду... «Она» — топит баню, ловит рыбу, отворяет двери, объелась колбасы...

Эротическое сравнение обычно входит в гиперболу или литоту, преувеличивая или преуменьшая размеры с целью создания комического эффекта: «Он» — с топориче, с оглоблю, как тарантас, больше сковородника, как дубина, трехпудовый, девятиметровый; стоит стрелой, хоть картошку им толки и т. д. Или с иголку, с булабочку, как у чайника рожок. «Она» — с решето, шире шапочки моей, шире колеса, от колодца до избы, в нее влезут две буханки и кусочек маленький; ее шапкой не покроешь, долгой ниткой не зашьешь, рукавицей не заткнешь; из нее выйдут брюки, хомут, седелко и узда. С другой стороны, она как изюмный пирожок, как корзиночка хороша, и т. д.

Частушки, будучи по времени возникновения самым поздним жанром фольклора, представляют «крайний предел» (по выражению П. А. Флоренского) народной песни, но тем не менее сохраняют связь с самыми

древними языческими ритуалами. Наши наблюдения над частушками во многом соотносятся с наблюдениями Б. А. Успенского над «заветными сказками» А. Н. Афанасьева¹.

В частушках, как и в «заветных сказках», выделяется тематическая группа о священнослужителях («Как у нашего попа...» № 475—489) с не просто непристойными, но иногда даже кощунственными частушками (см., например, № 262 или 487). Видимо, к ним, как и к «заветным сказкам», применимы размышления Б. А. Успенского об анти-поведении (с. 119—121).

Б. А. Успенский говорит об архаичности символической образности эротических сказок и как пример приводит сказку № XXXII (фаллос, вырастающий до неба, в котором просматривается архаический образ мирового дерева). Примеры такого рода есть и в частушках: фаллос торчит из могилы (№ 534), им разгоняют в небе облака (№ 198).

Набор пищи в эротических частушках символичен: «сосиски», «горох» и «на яйцах пирог» (№ 385). Так же, как и в «заветных сказках», в эротических частушках прослеживается ассоциация фаллоса с богатством:

Я на тракторе работал,
Деньги заколачивал,
Рулевое колесо
Хуем поворачивал. (№ 200)

Как и в сказках, в частушках сохраняются мифологические представления о coitus'e, что также отражается в параллели женский половой орган — золото (№ 284, 285) или золотое кольцо:

Я иду, она стирает,
Я давай ее просить.
Не подумайте плохого:
«Дай колечко поносить». (№5)

По Б. А. Успенскому, «гребень провоцирует плодородие, и это объясняет его соотношение о фаллосом» (с. 125). В нашем материале также встречаются уподобления фаллоса гребню, и один из самых убедительных

---

¹ См.: Успенский Б. А. «Заветные сказки» А. Н. Афанасьева— От мифа к литературе. М., 1993, с. 117—138. Ссылки на статью Б. А. Успенского далее даются в тексте с указанием страницы.

примеров — частушка № 320, где дается параллель: дерутся «девки за гребеночки, ребята — за пизденочки». Архаическую природу «заветной сказки» Б. А. Успенский видит и в ее соотносении с загадкой, в которой половой акт «иносказательно представлен как заключение вора в тюрьму» («вор» — *repis*, «тюрьма» — *vulva*) (с. 125). Цепь соотношений может быть дополнена частушкой:

Из тюремного окошка
Хуй просунул голову:
— Подавай, пизда, лепешки,
Помираю с голоду.

В сказке № XIII обыгрывается мотив «*vulva dentata*» (дурак, девка, которой он домогается, и щучья голова). В частушке № 435 щука и девка даны в параллели:

Щука ищет рыбака,
Девка ищет ебака.

Сказочное уподобление женщины сохе (сказка № XIV) также есть в частушках («хуй не ходит во сохе» № 369).

Практически по всем позициям, свидетельствующим об архаических связях заветных сказок, обрядов, загадок, обнаруживаются аналогии в частушках, вплоть до двусмысленности глагола «дать» (частушки № 3, 8, 9) и сексуального осмысления «решета» (№ 421) или представления о женском органе-как источнике утоления жажды (№ 350).

Список архаических связей частушки и мифа, сказки можно продолжить. В группе эротических частушек о животных («По деревне шел медведь...» № 418—441) можно усмотреть тотемную сущность медведя (№ 418—421), провести аналогию между Юркой («Сам — на печке, хер — под печкой, яйца — в печурке» № 319, см. также № 320) и бабой-ягой, указать на обрядовую функцию курицы и петуха (№ 267, 310, 454) и т. д.

Рассмотрев все эти связи и аналогии, мы могли бы вслед за Б. А. Успенским заявить: «Все сказанное говорит о большой архаичности русских частушек» (у Б. А. Успенского — «заветных сказок», с. 129). А если так, то, быть может, частушки возникли не во второй половине XIX века, как полагает большинство ученых, а в глубокой древности (как, впрочем, считали А. И. Со-

болеватский, П. А. Флоренский, Е. Н. Елеонская и некоторые другие ученые)? Заметим также, что некоторые частушки очень похожи на рифмованные двух- или четырехстрочные загадки. Есть переключки у частушек и с корильными песнями (ср., например, частушки № 371 или № 41 из собрания В. И. Симакова и корильную песню «Ишо наша-то сватонька» — здесь происходит гротесковое уподобление vulva — озеро (в вариантах болото, яма), где едва не тонут поезжане (или персонажи частушки). Некоторые соотнесения могут быть сделаны со скomorошьими песнями из сборника Кириши Данилова (ср. частушку № 505 и строки 26—27 из песни «Стать почитать, стать сказывать» или частушки о теще и зяте со скomorошинами «Ой, горюна ! Ой, горю хмелина» или «Теща, ты теща моя»).

Несмотря на вышесказанное, такой вывод об архаичности частушек был бы слишком упрощенным. Частушки, несомненно, продолжают традиции эротических иносказаний обрядовой поэзии, заговоров, загадок, сказок, скomorоший, но вместе с тем они используют и современные образы и явления. Окончательные выводы делать пока рано. Нужны исследования на более обширном материале, а также изучение эротических иносказаний и символики, характерных для других жанров фольклора. Интересно сопоставить подобные наблюдения с наблюдениями над иноязычным материалом.

Думается, предлагаемый ученому миру сборник эротических жанров, впервые объединивший «под одной крышей» богатейшие, ранее не публиковавшиеся материалы, даст счастливую возможность исследования самой неизученной области фольклористики. Хочется надеяться, что публикуемые частушки внесут свою скромную лепту в этот общий труд.

Алла КУЛАГИНА

ЧАСТУШКИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ

ЗАПЕВАЙ, ТОВАРИЩ, ПЕСНЮ...

1. Запевай, товарищ, песню
Всю из голых матюков.
Вот хуй **за́** хуй, под хуй **на́** хуй,
Из-под хуя на вот хуй.
2. Начинаем представленьё,
Начинаем песни петь.
Для начала разрешите
На хуй валенок надеть.

НЕ ПОДУМАЙТЕ ПЛОХОГО...

3. Гармонисту надо, надо,
Гармонисту надо дать...
На коленочки платочек,
Чтобы штаники не рвать.
4. А мне милый говорит:
— **У** меня давно стоит.
А что стоит и где стоит —
Ничего не говорит.
5. **Я** иду, она стирает,
Я давай ее просить...
Не подумайте плохого:
— **Дай** колечко поносить.
6. **Я** пришёл, она стирает,
Я давай ее просить...
Не подумайте плохого,
А то нечего носить.
7. **Я** пришел, она стирает,
Я **вынаю** из порток...

Не подумай что такое:
— На-ка, выстирай платок.

8. **Я** пришел, она спала,
Иопросил, она дала...
Два соленых огурца
И поллитровочку винца.
9. **Я, бывало**, всем давала,
Сидя на скамеечке...
Не подумай что такое:
Из кармана семечки.

ТЯТЯ С МАМОЙ ЗА ОВИНОМ...

10. **На** горе стоит осина,
Под горою липа.
Тятя с мамой на полатях
Делают Филиппа.
11. Тятя с мамой **за** овином,
Я, мальчишка, на гумне,
Тятка мамке запупырил —
Захотелось и мне.
12. У нас тятенька смешной,
Выб мамку **за** квашней.
Я не буду хлеба исть:
За квашней вчера еблись.
13. **На** высокую рябинушку
Залез папаша мой.
Подломилася рябинушка,
Хуякнулся родной.

ПО ДЕРЕВНЕ МЫ ПРОЙДЕМ...

14. По деревне мы пройдем,
Пройдем **и** поухаем.
Если девок не найдем,
Бабке забубушаем.
15. Шли ребята из Шарьи,
По окошкам шарили.
Девки, дайте поети,
Все хуи заржавели.

16. Девки, пизды берегите:
Идет Ванька вас ебать.
На высоких каблуках,
Держит хер **в** обеих руках.
17. По деревне мы идем,
Спите, спите, тетушки.
Всех мы девок перьебем,
Спите без заботушки.
18. — Мальчики-соколики,
Где же ваши колики?
— Девочки-беляночки,
Где же ваши ямочки?
19. По деревне я иду,
Спите себе, тетушки.
Дочерей ваших ебут,
Спите без заботушки.
20. Девки в озере купались,
Я на камушке сидел.
Девки жопы показали,
Я и с камушка слетел.
21. Шел я лесом, камышом,
Видел девок нагишом:
Девки басенькие,
Кунки красенькие.
22. Девки брали на кургане
Красную малинушку,
А я вышел **за** ворота,
Вывалил хуинушку.
23. Базар большой,
Я по ём гуляю,
Привяжите, девки, хуй,
А то потеряю.
24. **В** воскресенье девки пляшут,
Титечки болтаются.
Удивительная штука:
Как не отрываются?

25. Я иду, а мне навстречу
Воробышки прыгают.
Я люблю, как девки пляшут,
Только сиськи дрыгают.
26. Я люблю, как голубята
Ио канавам прыгают,
Я люблю, как девки пляшут,
Даже сиськи дрыгают.
27. Вы девчоночки-бабеночки,
Народец гулевой,
Заросли ваши манденочки
Зеленою травой.
28. Девки наши, дайте Яше,
Яша маленький такой,
Ничего Яша не сделает,
Пощупает рукой.
29. Гармонистов у нас много,
Балалаечник один,
Давайте, девки, соберемся
По разочку все дадим.
30. Мы тарусские девчата,
Наше слово олово,
Не боимся никого,
Даже хуя голого.
31. На московском на мосту
Девки мерили пизду,
Натягали на аршин,
Чтобы не было морщин.
32. Через кол, через тын,
Через колотушку
Целовали девки хуй,
Самую макушку.
33. Не ходите, девки, в лес:
Комары кусаются.
Самый маленький комар
За пизду хватается.

34. Хоп-хоп огурцы,
Помидоры-овощи,
Нам бы, девки, закусить,
Что на яйцах висит.
35. Юбку новую купили
И сказали: «Береги!»
А ребята-хулиганы
Разорвали спереди.
36. Девки чудо сотворили:
Сургучом пизду залили,
А ребятам нипочем,
Что залита сургучом.
37. По Мазунской по деревне
Прокатился тарантас.
Что мазунским-то девчонкам
Жеребьячий хуй как раз.
38. Я косила и гребла
От среды до пятницы.
Не одни доярки бляди,
Бляди и телятницы.
39. Мы в лесу дрова пилили,
Меня мальчики тащили.
Тот тащит, другой тащит,
Только юбочка трещит.
40. Девки в озере купались
И попали на линял,
Себе целочки сломали
И свалили на ребят.
41. Девки в озере купались
И попали на ивняк.
Себе пизды разорвали
И сказали на ребят.
42. Глазки серы, глазки серы,
Серы-сероватые.
Девки сами на хрен лезут,
Мы ли виноватые?

43. Тетка божится, клянется:
— Моя дочка не ебется.
Уж ты, тетушка, не ври:
Мы вчера в углу ебли.
44. **Мы ебали** галицких,
Ббём мы солигалицких,
А теперя по пути
Будем чухломских яти.

ГОВОРЯТ, ЧТО ХУЛИГАН Я...

45. Говорят, что хулиган я,
Говорят, я живорез:
Когда мать меня рожала,
Из пизды с наганом лез.
46. **Мы** с товарищем вдвоем
Много накудесили:
Поймали муху **за** сикуху,
К потолку подвесили.
47. Ах, еб вашу мать,
Не ходи капусту рвать,
На капусте захвачу,
Всю пизду разворочу.
48. **Я** гуляю, как собака,
Только без ошейника.
Не бросайтесь под меня,
Девки, под мошенника.
49. По деревне я хожу
И ничем не дорожу,
Если яйца отрежут,
Я бараньи привяжу.
50. **Я** по улице иду,
Сам собой не дорожу.
Девки яйца оторвали,
Я картошку привяжу.
51. А у нас в Гавнилояме
Мужики дрались хуями.
До чего они хлестались —
Только яйца там остались.

52. Самогонку я варила
На огороде в лебеде,
Аппарат **лежал** на пузе,
Самогонка на пизде.
53. По деревне шла и пела
Шайка пьяных мужиков:
Шишкин, Мышкин, Подъебышкин,
Сковородин, Гвоздин, Пиздин.
54. Выхожу и наливаю,
А меня не веселит:
Не у каждого колхозника
С похмелья хуй стоит.
55. ^Разъедрит твою, в пальто
Пуговики не сходятся.
Не давайте, девки, пьяным:
Долго не заходятся.
56. У мово у пьяницы
^Раскололись яицы.
Я не буду спориться,
Пусть до **жопы** колются.
57. Атаману вашему
Здорово попало:
Он не ходит, не кричит,
Не разеват ебало.
58. **Мы** ебали, вышибали
Из окошек косяки.
Неужели нас посодют
За такие пустяки?
59. **Мы** ебали — не пропали
И ебем — не пропадем.
Мы в милицию попали —
И милицию ебем.

ЕСЛИ Б МНЕ, ДЕВЧОНОЧКЕ...

60. Говорила мене мать
Да приказывала,
Чтоб ребятам не давала,
Не показывала.

61. Я на бочке сижу,
Бочка капает,
Никто замуж не берет,
Только лапает.
62. Ничего я не боюсь,
Ни ножа, ни финки,
А я шофера боюсь:
Выебет в кабинке.
63. Если б мне, девчоночке,
Примазали яичночки,
Я б горяшка не мыкала,
Сама себя потыкала.
64. И дать жалко,
И не дать жалко,
И завидки берут,
И боюсь, что разорвут.
65. Ох, дать жалко,
И не дать жалко,
Или дать проломить,
Три недели проболит.
66. Была на покосе,
Никто не попросит,
А тепере скажу вам:
Кто попросит, тому дам.
67. Я раскрою белу грудь,
Приголубит кто-нибудь.
68. Эх, подруга дорогая,
Ох, как трудно первый раз:
Затрясутся руки-ноги,
Затрясется весь матрас.
69. Хоть бы хуй рубаха пó хуй
И короче — хоть бы хуй.
Хоть бы хуй — ребята любят
И не любят — хоть бы хуй.
70. Моя дроля на гулянье
Потеряла ридикюль.

Для нее — большое горе,
Для меня — так хоть бы хуй.

71. Как за ету за Кулину
Бьется сердце о штанину.

72. У болоте, у моху
Там грачи пасутся.
А ты вышла танцевать,
А сиськи трясутся.

73. Мою милочку ебнули
На семнадцатом году,
Всю пизденку изорвали,
Как корзиночку худу.

74. Хуй ли охуй, хуй ли хуй,
Хуй ли, милая моя?
Хуй ли кофта голубая,
Хуй ли все ебут тебя?

75. Хули **на́** хуль изогнулась,
Хули, милочка моя,
Хули **в** белом сарафане,
Хули все ебли тебя?

СИДИТ ВАНЬКА НА ПЕЧИ...

76. Я у тятеньки, у маменьки
Родименький **сынок**,
Я на печечке полеживал,
Иодрачивал хуёк.

77. Сидит Ванька на **печи**,
Хуем долбит кирпичи,
Кирпичи ломаются,
Ванька удивляется.

78. Расскажу я вам, ребята,
Как хреново без жены:
Утром встанешь, сердце бьется
Иотихоньку о штаны.

79. Я миленочку сказала,
Чтобы он сбрил бороду,

А он сбрил себе мудю
Ни к селу, ни к городу.

80. У милого у мово
Имеется двадцать семь.
Так и делай, так и надо:
Ведь охота бабам всем.
81. А мне милый подарил
Четыре мандавошечки.
Как же буду их кормить:
Они такие крошечки.
82. Был я толстый, был я гладкий,
Истаскался по солдаткам,
Истаскался, извалялся,
Только хуй большой остался.
83. Поети наворотило
Молодого паренька,
Ничего его не держит,
Ни болота, ни река.
84. Как я вспомню про милашку,
Сердце бьется об рубашку.
85. Я влюбился у Полину,
Сердце бьется о штанину.
86. А ты, сорока-белобока,
Научи меня летать,
Недалеко, невысоко,
Прямо к милке на кровать.
87. Меня мама научила,
Как у девушек просить:
— Ангелочек, дай разочек,
На руках буду носить.
88. Ну как ему не дать,
Он так усердно прося,
Портки скинул до колен
И стоит голося.
89. Пойду выйду на равнину,
Портки скину, яйца сдвину.

90. Через спину хуй закину,
Яйца выкачу назад.
Иоглядите-ка, девчоночки,
Хорошо ль они лежат.
91. Шел я лесом-лесиком,
Нашел пизду с колесиком,
Колесико вертелось,
А мне ебать хотелось.
92. Ириходи, ^маруся, с гусем,
Поебемся и закусим.
93. Тихий дождик моросил,
Я у милочки просил,
Тихий дождик перестал,
Она давала — я не стал.
94. Уговаривал залетка
И все спрашивал про «ц».
Если «ц», то на соломе,
А не «ц», то на крыльце.
95. Гармонист, гармонист,
Иоложи меня под низ.
А я встану погляжу,
Хорошо ли я лежу.
96. Ты не стой у ворот,
Не пори горячку,
Подойди ко мне поближе,
Выебу в стоячку.
97. По деревне я ишел,
Дворики тянулись.
Я к милашке подошел —
Штаны расстегнулись.
98. У моей милашки ляжки,
Как запляшет, запоет —
Сразу шишечка встает.
99. Ты ко мне передом,
А я к тебе грудию,
^расстегай свою ширинку,
Покажи орудию.

100. Я плясала, я плясала,
Я сняла калоши с ног. .
Ну и пень же мой залетка,
Остальное снять не мог.
101. Я у Шурочки на чурочке
Просился ночевать:
— Дорогая моя Шурочка,
Никто не будет знать.
102. Меня мама посылала
Наломать на помело.
А ну какое помело —
Меня на еблю повело.
103. А у мово милого
Глаза как у идола,
Брови черны, как смола,
Ему стоя бы дала!
104. Я не лягу под машину,
Под большое колесо,
Пойду лягу под шофера —
Там тепло и хорошо.
105. Меня милый уговаривал
У каменной стены,
До чего доуговаривал —
Свалилися штаны.
106. Ох ты сват, ты мой сват,
Не бери меня за зад,
А бери за перед,
Тебя лучше разберет.
107. На горе стоит баран,
Ревет, сена просит.
Подожди, баран, орать,
Дай цыганку отодрать.
108. Лежит баба за трубой,
Поминает гуся.
Я сегодня как-нибудь,
А завтра набуся.

109. Эх-ма, была бы денег тьма —
Купил бы баб деревеньку
Да и еб помаленьку.

НИКОГДА Я НЕ ВИДАЛА...

110. Макароны, макароны,
Макароны-рожки,
Никогда я не видала
Хуя у Сережки.
111. От крутого бережка
Лодочка отчалилась.
Пошли милке хер на вилке,
Чтобы не печалилась.
112. Меня сватали за Мишку,
Я сказала: погожу,
Пусть покажет Мишка шишку,
Я тогда ему скажу.
113. Девки-бляди меня звали,
Я, мальчишка, не пошел:
Пиджачишко у меня рваный
И хуишко небольшой.
114. Я под меру становился,
Вышел в меру аккурат:
Тело бело, грудь широка,
Только хуй коротковат.
115. У меня залетка есть,
Что цветочек аленький,
Сам большой, гармонь большая,
А хуишко маленький.
116. У меня милый красивый,
Как цветочек аленький:
У него муде большие,
А хуечек маленький.
117. **Аи** да я, **аи** да я,
За кого я вышла:
За большого мужика,
Маленькая шишка.

118. Светит месяц над поляной,
Девки любят хуй каляный.
119. Светит месяц над пролубкой,
Девки любят хер с залупкой.
120. Светит месяц над Варшавой,
Девки любят хуй шершавый.
121. Елки-палки,
Лес густой,
Девки любят хуй шершавый
И особенно — толстой.
122. Светит месяц над коровой,
Девки любят хер здоровый.
123. На окошке два цветочка,
Голубой да аленький,
Ни за что не поменяю
Хуй большой на маленький.
124. Акулина, Акулина,
молись Богу за меня,
Когда вырастет хуина,
Акулина, для тебя.
125. Заявленье написали
Земскому начальнику,
Чтобы вырос хуй в оглоблю,
Яйца по чайнику.
126. Наши девки заказали
Земскому начальнику,
Чтобы выдал хуй с оглоблю,
Кутыли — по чайнику.
127. Астраханская селедка,
Все бы ерзал по тебе,
Если б хуй с оглоблю вырос,
Тосковала бы по мне.
128. Уж ты хуй, ты мой хуй,
Отчего ты похудал?
Раныне был ты с топориче,
А теперь с оглоблю стал.

129. Шел я лесом, видел беса
На высоких каблуках,
И херина, как дубина,
С папироскою в зубах.
130. Как на печке за трубой
Сидели два разбойника,
У одного разбойника
Больше сковородника.
131. Девки наши, дайте Яше,
У Яши чудный корешок:
Восемнадцать фунтов яйца,
Хуй с муравлений горшок.
132. Я на горку шла,
Видела Тараса.
У Тараса хуй большой,
Не меньше тарантаса.
133. По реке плывет баржа
Под названием «Мазут».
Берегите, девки, целки,
Трехпудовый хер везут.
134. Аи ты, милая моя,
Без портянок хожу я,
Без портянок, без порток,
Только видно молоток.
135. Вася-Васенька, браток,
У тя хуй как молоток,
Я пойду в поле косить,
Приходи косу отбить.
136. Отец кузницу построил
И сказал: «Сыночек, куй!»
И на кузницу повесил
Трехдюймовый большой хуй.
137. У начальника жила
И полы там терла.
Девятиметровый хуй
Со стола уперла.

138. И в полосочку рубаха,
И в полосочку портки,
А в портках такая штука,
Хоть картошечку толки.
139. Полюбила лейтенанта
И майора хочется.
Говорят, что у майора
По земле волочится.
140. Задушевный мой товарищ,
Ты кулик, и я кулик,
Со мной девки не гуляют,
Говорят, что хуй велик.
141. Ой, залетка дорогой,
Приходи у среду,
Ничего не приноси,
Только палку спереду.
142. Ухажерик дорогой,
Приходи ты в среду,
Ничего не приноси,
Только шишку спереду.
143. На окошке два цветочка:
Синенький да аленький,
Лучше маленький стоячий,
Чем большой да вяленький.
144. Нам бы чаю, нам бы чаю,
Чаю бы горячего,
Нам бы хуя, нам бы хуя,
Хуя — да стоячего.
145. Чайник медный, чай горячий,
Кипяченая вода.
Девки любят хуй стоячий,
Волга-матушка река.
146. Мне не нужны «Жигули»
И не нужно «Волгу»,
Был бы тоненький хуек,
Но стоял подолгу.

147. Я не Алла Пугачева,
Я не Ольга Воронец,
Запою, так закачается
У милого конец.
148. Как у нашего Мирона
На хую сидит ворона.
Как ворона запоет,
У Мирона хуй встает.
149. Как у нашего Семена
На хую сидит ворона.
Как ворона улетит,
У Семена хуй стоит.
150. Как у нашего Петрухи
На хую сидели мухи.
Муха к мухе пристаёт,
У Петрухи хуй встает.
151. Дайте, девки, на копейку
Семя огуречного,
Хуй стоит, как сороковка,
У меня, у грешного.
152. Пришел домой, сел разуться,
Хуй стоит, нельзя нагнуться.
153. Пришел домой, щи прокисли,
Хуй стоит, муде повисли.
154. Раньше были времена,
А теперь мгновения,
Раньше хуй стоял стрелой,
А теперь — давление.
155. Милка моя,
Шевелилка моя,
Шевелись, пока работает
Машинка моя.
156. У мого-то крестного
Была рубаха пестрая,
Не рубаха пестрая,
Была бы шишка вострая.

157. Не ходите, девки, в баню,
В бане моется еврей,
У еврея батарея
От стены и до дверей.
158. Не заходите, девки, в баню,
В бане моется еврей,
На нем красная рубаха,
Хуй до самых до дверей.
159. По деревне девки шли,
Шишку мерзлую нашли.
Отогрели у чела —
Шишка прыгать начала.
160. По деревне девки шли,
Пырку стылую нашли,
Разогрели у чела,
Пырка прыгать начала.
161. У нашего свекра
Болтается свекла.
Думали — отпарится,
Она все болтается.
162. У мово у свекра
Мотаается свекла.
Думала — отвалится,
Она все мотаается.
163. Не ходите, девки, замуж
За Егора Кузина,
У Егора Кузина
Большая кукурузина.
164. Не ходите, девки, замуж
За Ивана Кучина,
У Ивана Кучина
Вот такая штучина.
165. Я на мельнице была,
Видела Егорку,
Я хотела ему дать,
У него — с иголку.

166. Милый мой, милый мой,
Не ложись ко мне спиной,
А ложися грудью,
Вынимай орудию.
167. Пей, подруга, молоко,
Слизывай сметану,
Если хочешь колбасы —
Из штанов достану.
168. Я купила колбасы
И в карман положила.
Неужели колбаса
Меня так растревожила?
169. Бабы шли, бабы шли,
Мужика нашли,
Он разутый и босой,
Вот с такой колбасой.
170. Дорогой товарищ мой,
У тебя портки с дьхрой,
Из портков твоих выглядывают
Васюта с бородой.
171. А галифе мои худыге
И подштанники с дырой,
Из подштанников выглядывают
Тимоха с бородой.
172. Гармонист, гармонист,
Как тебе не стыдно,
На тебе штаны худые,
Погремушку видно.
173. Я себе купил штаны,
Но они не сходятся,
Половину соловья
Отрубать приходится.
174. Шила милому штаны
И ширинка на боку,
Петух голову высовывает,
Кричит кукареку.

175. Стал морщинист хуй у тяти —
Туповато долото.
Хуевата ваша вата:
Не годится под пальто.
176. — Маменька, чего варила?
— Сынушка, грибки, грибки.
— Маменька, грибки не мясо,
Хуй не встанет на дыбки.
177. Капуста, капуста,
Капустится.
Поднимется, поднимется,
Опустится.
178. Проводила я миленочка
На мельницу зимой,
Приморозил хуй к оглобле,
Отколачивал дугой.
179. Я на речке платье мыла,
Над порточкам плакала.
Куда делась та игрушка,
Что в порточках брякала?
180. У Натахи за двором
Стоит Мигалкин с топором,
Он хочет душу погубить,
У хуя маковку срубить.
181. По деревне ехал с луком,
Об колеса хуем стучал.
Покупайте, бабы, лук,
Об колеса хуем стук!
182. Хуй на нарах, хуй на нарах,
Хуй на нарах мой лежит,
^Растянулся хуй на нарах,
Как порядочный мужик.
183. Как из нашего селенья
Везут хер на поселенье,
Бабы плачут и режут:
— Куда старателя везут?

184. Девки „бляди, девки бляди,
Оторвали хуй у дяди,
Дядя ходит без хуя,
Как машина без руля.
185. Девки суки, девки бляди,
Оторвали хуй у дяди,
Дядька плачет и ревет,
А хуй по Пинеге плывет.
186. Я иду, а мне навстречу
Из кустов тарашится.
Это хуй в военной форме
На рыбалку тащится.
187. Шел хуй-перехуй
По хуевой дорожке,
Нашел хуй-перехуй
Хуевы сапожки.
188. Отчего галош не стало
В славном городе Бую?
Потому что все галоши
Износили на хую.
189. На горе стоит машина,
Вся машина без колес.
Всю резину растащила
На гондоны молодежь.
190. Почему галош не стало,
Их не стали продавать?
Потому что всю резину
Стали на хуй надевать.
191. Я на свадьбе была,
Ела пельмени.
Пельмени были по муде,
Были и помене.
192. Деревенька близко к лесу,
Комары зажалили.
Три недели не ебался,
Яйца заржавели.

193. Я не знаю, как у вас,
А у нас в Саратове
Куры яйца несут,
Яйца все лохматые.
194. Я к миленочке ходил
По лесной тропиночке,
Свои яичики носил
В берестяной корзиночке.
195. Птицеферма есть в колхозе
И другая строится,
А колхозник видит яйца,
Когда в бане моется.
196. Из Америки приехал
Представительный купец,
Два яичка золотые
И серебряный конец.
197. Говорила холую:
— Не строй баню на хую,
Придут девки париться,
Баня с хуя свалится.
198. Мы не сеем, мы не пашем,
Мы валяем дурака,
Мы по небу хуем машем,
Разгоняем облака.
199. — Разнесу деревню хуем
До последнего крыльца!
— Не пой, сынок, военных песен
И не расстраивай отца.
200. Я на тракторе работал,
Деньги заколачивал,
Рулевое колесо
Хуем поворачивал.
201. Полюбила Яшку я,
У Яшки мельница своя.
А потом узнала я,
Что у Яшки нет хуя.

202. Полюбила Яшку я,
Оказался без хуя.
На хуя нам без хуя,
Когда с хуем до хуя.
203. Сколько леса испилила —
Крепче дуба не нашла,
Сколько сахара приела —
Слаще хрена не нашла.
204. Платье белое купила —
Ленинградское шитье.
Я теперича узнала,
Что без хуя — не житье.

У МАТАНЕЧКИ МОЕЙ...

205. У матанечки моей
Двои губы у одной.
Одни губы целовать,
Другие на хуй надевать.
206. У моей у любушки,
У ей четыре губушки.
Одни губы целовать,
Другие на хуй надевать.
207. Милка с горки сорвалась,
У ней юбка задралась,
Из-под юбки видны губки,
Куда лазают залупки.
208. У моей у милочки
На груди две чирочки,
Спереди — водопровод,
Сзади — фабрика-завод.
209. У моей милашечки
Четыре пуда ляшечки,
Восемь центнеров хохол,
Давай напишем протокол.
210. Сахар белый, сахар белый,
Сахар белый комковой.
Что у Тоньки нету целки,
Я ручаюсь головой.

211. Иойте все, пойте все,
Я нашел пизду в овсе,
Она рыжа, без волос,
Сидит, хрумкает овес.
212. Еду, еду на машине,
А машина без колес.
На такую я нарвался,
А у ней растет овес.
213. Шел я лесом, видел чудо
Под зеленой елочкой:
Девка целку зашивала
Тоненькой иголочкой.
214. Шел я лесом, просеком,
Нашел пизду с колесиком,
Колесико вертелось,
А мне чего хотелось.
215. Девки в озере купались,
Я на камушке сидел.
Девки кунку показали —
Я и с камушка слетел.
216. За овином роясь растет,
Густая, колосистая.
С киселя пизда растет,
Мягкая, волосистая.
217. Моя милка не кобылка,
Не поводишь на узде;
Накопила много жиру
На кудрявой на пизде.
218. Ты, махоня, ты, махоня,
Лешая корявая,
У тебя пизда нагая,
Левая и правая.
219. У моей у милочки
Груди как бутылочки,
А пониже-то грудей
Есть игрушка для мудей.

220. Мы с залеточкой сидели
У сухого дерева.
Не ищи пизду у титек,
А ищи у серева.
221. Шила мамка штаны
Из крапивного листа,
Чтобы тело не свербело,
Не заржавела пизда.
222. Ох, еб твою мать
С твоей красотой.
Сиськи мохом заросли,
Пизда — лебедой.
223. Ох, девки, беда,
Потеряла сумку,
А в сумке ключи —
Запирала кунку.
224. Из колхоза убежала,
Перешла на станцию.
По дороге потеряла
От пизды квитанцию.
225. Я не буду тебя есть,
Не буду канителиться:
У тебя в пизде медведь
Из берданки целится.
226. Я не стану тебя есть,
Не стану канителиться,
У тебя в пизде медведь
Из пистолета целится.
227. Я тебя не стану есть,
Не стану канителиться,
Из твоей пизды медведь
Из дьустволки целится.
228. Я не буду тебя есть,
Елена Николаевна,
У тебя в пизде собака
На меня залаяла.

229. Не хочу тебя ебать,
Таня Караваева,
Из твоей пизды собака
На меня залаяла.
230. Я не буду тебя есть,
Сатана проклятая:
У тебя, как у лисицы,
Вся пизда лохматая.
231. Я вчера была пьяна,
А сегодня трезва,
На завалинке уснула —
Мышь в пизду залезла.
232. А-ха-ха, а-ха-ха,
Чем я, девочка, плоха?
Есть и сися, и пупок,
И пониже лоскуток.
233. Ох, юбка моя,
Ох, огненная,
А под юбкой сидит
Окаянная.
234. Ох, юбка моя,
Юбка льняная,
А под юбкой сидит
Окаянная.
235. Баба сеяла-бусила,
Муха кунку укусила.
236. Я пришел — она месила
Белые ватрушечки,
А сметану доставала
Из своей пиздушечки.
237. Я плясала, приустала,
Села на скамеечку
И нечаяно прищемила
Свою канареечку.
238. Стара барыня напилась,
На ней юбка закатилась.

А ворона из куста
Кричит: «Рыжая пизда!»

239. Не ходи, милый, в деревне,
Ходи улицею.
Пойду лягу на кровать
Кверху курицею.
240. Ванька с Питеру приехал,
Заебулину привез.
На забор ее повесил,
А какой-то хуй унес.
241. Гармонист, гармонист,
Тебе никак не угодишь;
То велика, то мала,
То лохмата, то гола.
242. Я милашку за рубашку,
Она ножку подняла.
У милашки под рубашкой
Птичка гнездышко свила.
243. У милашки под рубашкой
Птичка гнездышко свила,
А другая прилетела —
Два яичка принесла.
244. У матани под подолом
Неостриженный баран.
Подними, матаня, ногу,
Я барану сена дам.
245. У милашечки моей
Под рубашкой соловей,
Не чирикат, не поет,
Дотронуться не дает.
246. У милашки под рубашкой
Облигацию нашел.
Расстегнул свою ширинку —
Сразу номер подошел.
247. У моей у бестолковой
Между ног висит целковый.

- Что ж ты, дура бешена,
Туда рубль вешала?
248. У моёй-то, у моёй —
Колокольчик над дыщей,
Она бежит-семенит
Да колокольчиком звенит.
249. Сапоги, сапоги,
Носы лаковые.
Что у девок, что у баб —
Одинаковые.
250. Забанная деревня,
Забанное село,
Не хватило девке хуя,
Затолкала помело.
251. Панталоны, панталоны,
Панталоны-трусики,
Разорвались панталоны,
Показались усики.
252. Костромские-то девчонки
Носят сини трусики.
На пизде три волосинки,
Как у немца усики.
253. Как на Киевском вокзале
Тридцать три пизды связали,
Положили на весы —
Во все стороны усы.
254. Мой муж: — коновал,
Никто ему не давал.
Одна дурочка дала —
И то — дьфочка мала.
255. Как на Конышевом вокзале
С решето пизду казали.
Я, не видевши нигде,
Низко кланялся пизде.
256. Топ, топ, я за ней,
Думал, целочка у ей,

Оказалось, что у ей
Шире шапочки моей.

257. Моя милка так красива,
Как цветочек аленький,
В пизду влезут две буханки
И кусочек маленький.
258. Шел я лесом с интересом,
Видел чудо-чудеса:
Сидит баба на телеге,
Пизда шире колеса.
259. Шел я лесом, шел я полем,
Видел чудо-чудеса,
Под березой лежит баба,
Пизда шире колеса.
260. Девяносто лет старуха,
Пятьдесят пудов пизда.
Из этой штуки выйдут брюки,
Хомут, седелко и узда.
Вот какая у старухи
Замечательна пизда.
261. Ах, теща моя,
Теща ласковая,
От колодца до избы
Пизда лаковая.
262. Меня выдали за целку
Подлецы-родители.
В эту целку влезет церковь
И попы-грабители.
263. Мне залетка подарил
Любовь свою верную,
А я ему подарила
Свою безразмерную.
264. У миляшки на куняшке
Сорок восемь десятин,
Без порток и без рубашки
Обрабатывал один.

265. Жерелевские мешане
Ирожили хомут с клещами,
И седелки, и узду
За лохматую пизду.
266. Я пришел — она стирает,
На ней трусики блестят,
В жопе музыка играет,
В пизде суслики свистят.
267. У мово свата
Две курочки хохлаты,
Одну курочку зарез,
На другую сам залез.
268. Вот она и заиграла
Двадцать шесть на двадцать шесть,
Вот она и полетела —
Из пизды кудрява шерсть.
269. Семь верст до небес,
Всё идти полями,
На пиздюшке шерсти нет,
Истыкана хуями.
270. Эх ты, милая пизда,
Ты пизда-пиздёнка,
Что наделала, пизда,
Принесла ребёнка!
271. Отчего, почему,
По какому случаю
Алименты я плачу
За пизду вонючую.
272. На Макарьёво идти
Надо через мостик,
А на мостике пизда
Протянула хвостик.
273. Шел я лесом-просеком,
Лежит пизда колесиком,
Я наебся, как бычок,
И повесил на сучок.

274. Моя милка от тоски
Проглотила три доски.
Через тридцать три недели
С пизды ящички летели.
275. Как у нашего колодца
Вышли пиздами бороться.
Пизда пизде пизданула,
Пизда ножки протянула.
276. Наша хата не покрыта,
На углу пизда прибита.
Кто ни едет, ни идет —
Потихонечку ебет.
277. Говорит пизда пизде,
Маленькой пиздушке:
Я пойду за ебаком,
Ты сиди в избушке.
278. Говорит пизда пизде:
— Подмети, пизда, в избе.—
А пизда сидит хохочет,
Подметать в избе не хочет.
279. Жопа моя,
Повертушка моя,
Я надеюсь на тебя,
Ты прокормишь меня.
280. Не давала и не дам,
Я даю по середам:
В середу на целый день
Разваляю свою пиздень.
281. Поезжайте, девки, в Горький,
Там готовая изба,
Не берите с собой денег:
Заработает пизда.
282. Поезжайте, девки, в Горький,
Там готовый бардачок:
Без подъёбу две копейки,
А с подъёбом — пятачок.

283. Ой, милая моя,
Где ботиночки взяла?
Я за тятиной избой
Заработала пиздой.
284. На Урале я была,
Золото копала.
Кабы не было пизды —
С голоду б пропала.
285. Я на Севере была,
Золото копала,
Хороша моя пизда,
А то б с голоду пропала.
286. Дай-ка, господи, здоровьица
Задку и передку,
Подработаем на праздничек
Чайку и сахарку.
287. Я у маменьки жила,
Кунка пышная была,
А попала не к людям,
Всю исхлопали мудям.
288. ^мой миленочек в лесу,
В еловой избушечке.
Он, наверно, стосковался
По моей пиздушечке.
289. Это что яке за беседа,
Это что же за народ:
У меня никто не просит —
^разобью пизду об лед.
290. Семь лет — мужа нет,
Ох, как надоело,
Пойду сяду на плиту,
Чтоб пизда сгорела.
291. Мне в капроновом платочке
И зимой не холодно.
Хорошо мне жить без мужа,
Только кунке голодно.

КАК ЗА ПЕЧКОЙ, ЗА ТРУБОЙ...

292. Сиськи чешутся к досаде,
Пизда чешется к беде,
Расскажите-ка, ребята,
К чему чешутся муде.
293. Я не знаю, почему,
Ио какому случаю
На коленках нет волос,
А повыше — кучею.
294. Гуляй, гуляй, Оленька,
Пока кунка голенька,
Зарастет она мошком,
Не достанешь корешком.
295. На моей на курочке
Разные фигурочки,
А твои что за муде?
Волосинки кой-иде.
296. Хуй холодный, хуй голодный
По базару шеголял,
Три недели не поёбши,
Он пизду себе искал.
297. Поезд к станции пришел,
Полочки ореховы.
Пизда в шляпе, хуй в очках,
Здравствуйте, приехали.
298. Ой, пальто, пальто, пальто,
Пуговки ореховы,
Пизда в шляпе, хуй в очках
Из Москвы приехали.
299. Я иду, они сидят
В кустиках ореховых.
Она в шляпе, он в очках
Из Костромы приехали.
300. Я не знаю, как у вас,
А у нас в Орехове
Пизда в шляпе, хуй в очках
Из Москвы приехали.

301. На Тарусской на платформе
Хуй стоит в военной форме,
А пизда — на кирпиче
И с погоном на плече.
302. Нарисована картина
И причем на глобусе.
Открывай, пизда, ворота,
Едет хуй в автобусе.
303. Хуй танцует на дороге,
А хозяев дома нет,
Пизда двери отворяет:
— Здравствуй, добрый человек!
304. На пороге хуй танцует,
А хозяев дома нет,
Пизда двери открывает:
— Здравствуй, добрый человек.
305. А поглядите-ка, народ,
Хуй на щепочке плывет,
Пизда в красной перевязочке
По берегу идет.
306. По Тарусе, по реке
Хуй на щепочке плывет,
Пизда в беленьких бареточках
По бережку идет.
307. По крутому огороду
Хуй летит, как звездолет,
Пизда в красненьких ботиночках
Поёбала вперед.
308. С самолета хуй свалился,
Прямо в землю головой,
А пизда не растерялась:
На плечо да и домой.
309. Пизда рыбешечку ловила
Под крутым под бережком,
Хуй на лодочке подъехал,
И фуражка с ремешком.

310. Девочки-пипирочки,
Есть у вас по дыгрочке,
А у дыгрочки пушок,
Туда влетает петушок.
311. Милая секлеточка,
У тебя есть клеточка,
У меня есть попугай,
Ты мне клеточку подай.
312. Ох ты, милка моя,
Иокажи воронку,
А я тебе соловья —
Красную головку.
313. Уж ты, милая моя,
У тебя — корытце,
У меня — боровок,
Дай ему порыться.
314. Мюя пырка, как бутылка,
Как от чайника рожок.
У моей матани кунка,
Как изюмный пирожок.
315. Пизда краски разводила,
Хуй портреты рисовал,
Пизда блюдечко разбила,
Хуй по морде надавал.
316. Шел я лесом, видел беса:
Бес в чугунных сапогах.
Сам еловый, хуй дубовый,
Пизда рыжая в зубах.
317. У моей у милочки
Яйца у корзиночки,
А у тебя, у грешника, —
У самого пердешника.
318. Никому так не обидно,
Как нашему Юрке:
Сам — на печке, хуй — на плечке,
А пизда — в печурке.

319. Никому так не живется,
Как нашему Юрке:
Сам — на печке, хер — под печкой,
Яйца — в печурке.
320. Как у нашем у селе
Дрались бабы-ниченки,
Девки — за гребеночки,
Ребята — за пизденочки.
321. Как за нашим за углом
Пизда ходит с топором,
Хочет душу загубить,
Хую голову срубить.
322. Ты ебись, а я не стану,
Мой цветочек аленький.
У тебя пизда кобыля —
Мой хучек маленький.
323. На окошечке ракушечка
Пивешечко варит,
Под окошечком хрененочек
На дыбочках стоит.
324. На горе, под горой
Выросли обабки.
Хуй встал на дыбки,
А пизда на лапки.
325. Ох ты, милая моя,
У нас мельница своя:
Жопа мелет, хуй дает,
Из пизды́ мука идет.
326. Как за дединым амбаром
Заливали пизду варом.
Лили, лили — не залили,
Взяли хуй в пизду забили.
327. Во ржанище пизда свищет,
Хуй в овсянице поет.
Пизда секель потеряла,
Хуй нашел — не отдает.

328. Из тюремного окошка
Хуй просунул голову;
— Иодавай, пизда, лепешки,
Помираю с голоду.
329. Все картошка, все картошка,
Хуй повесил голову,
А пизда сидит на печке,
Иомирает с голоду.
330. Черевивка рубь-две,
Хуй не поднимается,
Пизда голову склонила,
Лежит улыбается.
331. Все капуста да картошка
И с водою молоко,
А он сделался гармошкой
И не лезет далеко.
332. Пизда баню затопила,
Хуй прикуривать пришел.
Пизда пальцем погрозила,
Хуй сгорбатился, пошел.
333. Как за печкой, за трубой
Пизда хлопала губой,
Чего она хлопала?
Четыре хуя слопала.
334. Панталоны из мохера
Я взяла себе в кредит.
До чего пизде приятно —
Она на хуй не глядит.

КАКАЯ БАРЫНЯ НИ БУДЬ...

335. Барыня, барыня,
Сударыня барыня,
Какая барыня ни будь,
А все равно ее ебут.
336. Елка сухая,
Топор не берет,
Милка скупая,
Никак не дает.

337. — Куда идешь, куда ведешь
Девчонку молодехоньку?
— В чисто поле полежать
На травку зеленехоньку.
338. На горе стоит бутылка,
Золотое донышко.
Давай, матаня, поебемся,
Закатилось солнышко.
339. На горе стоит больница,
Под горой приемная.
Давай, матаня, поебемся,
Сегодня ночка темная.
340. На горе стоит береза
В душу мать ети толста,
Чернобровая матаня,
Дай ети, пожалуйста.
341. Акулина и Демьян
Завалилися в бурьян.
Акулина Демьяну
Посулила в бурьяну.
342. Я картошки копал,
Где ж моя копалка?
Семь лет не ебал —
Хуй стоит, как палка.
343. Проводил свою матаню
До поляны, до овса.
Повалил ее в канаву —
Вот и наша полоса.
344. У матраса сто пружин,
Давай, милый, положим,
Положим, обнимемся,
Потом за дело примемся.
345. Шуба длинна, шуба длинна,
Шуба длинна и мала.
Хорошо ебать в тулупе —
Не мешают рукава.

346. Моя милка сохнет-вянет,
Портки снимет, за хуй тянет.
347. На деревне поросята
Пикали и викали,
Мы с матанечкой стояли,
Сику в сику тыкали.
348. Мой залеточка хороший
И зовет меня в сарай.
Снял он шапочку с меня
И давай, давай, давай.
349. Милка ножки задирает,
Хочет солнышко достать.
Соловья туда сажает,
Не дает ему свистать.
350. Хуй мохнатый, волосатый
Подошел к лунке попить.
Секель выскочил с наганом:
— Не хуй воду здесь мутить!
351. В пизде пена закипела,
Хую стало хорошо,
Яйца пошли в атаку,
Ранили пизду в плечо.
352. Я прижал ее к иструбу,
Мою канареечку.
Она сказала тихо-тихо:
— Суй, да помаленечку.
353. Как по озеру плывет
Золотая рыбка.
Мне мой милый засадил
Хорошо и глыбко.
354. Ты ебись, ебись, девчоночка,
От ебли нет вреда.
Задирай повыше ляжки,
Чтобы дрыгала пизда.
355. — Аи ты, милая моя,
Верти жопой, как и я.

— Ой ты, миленький мой,
Не успею за тобой.

356. Ой, кум Яшка,
Под тобой тяжко,
Дай-ка встану погляжу,
Аи неправильно лежу.
357. Через жопу еть неловко,
Оскользается макловка.
358. Золотой мой, золотой,
Давай позолотимся.
Через жопу неудобно,
Давай поворотимся.
359. Я несчастливая была,
Что киловатому дала.
Нет ни сласти, нет ни смаку,
Только бьет килой о сраку.
360. Я саратовску матаню
Знаю вдоль и поперек,
Знаю, как она ложится,
Знаю, как она дает.
361. Она ложится — не стыдится,
В обе руки хуй берет,
Леву ноженьку поднимет,
Правой ножкой подъебнет.
362. Я любила тебя, миленький,
Любила горячо,
Свою правую я ноженьку
Тебе клала на плечо.
363. А я шла, видала чудо,
Вышла катастрофия:
Под машину муж попал,
А жена — под шофера.
364. Сарафан не так,
И в руке пятак.
Ой-ле, ой-ле,
Кто-то был на мне.

365. Я у шофера в кабиночке
Уснула на руках,
Оказалась без целочки
И трешница в руках.
366. Не ругай меня, мамаша,
Что я шоферу дала:
Ты сама мене велела
За машину, за дрова.
367. Тракторист на поле пашет,
Тракторист на поле жнет,
Тракторист на бабу ляжет,
Очень крепко ее жмет.
368. Полюбила тракториста,
Только раз ему дала,
Три недели сиськи мыла
И соляркою ссала.
369. Говорит сноха снохе,
Что хуй не ходит во сохе,
Запрягает в борону,
А хуй уходит в сторону.
370. У моей милашки ляжки
Сорок восемь десятин,
Без штанов и без рубашки
Обрабатывал один.
371. Я ебался, растерялся,
Чуть в пизде не утонул.
Я за кромочки поймался,
^мать родную помянул.
372. Я ебалась не боялась,
Сорок градусов мороз.
Пизда инеем покрылась,
Хуй стоит, как дед-мороз.
373. По деревне я иду,
Воробьи чирикают,
Мою милочку дерут,
Только ножки дрыгают.

374. Вся картошка процвела,
Огурцы поспели.
Мою милую ебут
На моей постели.
375. На болоте уток бьют,
Эти утки крикают.
Мою милку так ебут,
Только серьги брякают.
376. Как на печке, на краю
Ебли милую мою,
Поворачивали,
Хуй натачивали.
377. За стеклянными дверями
Мою милочку ебут,
А я встал и наблюдаю —
Может, что и мне дадут?
378. Мою милочку вчера
Молодые кучера
В огороде, в борозде,
Мокрым хуем по пизде.
379. Хороша я, хороша,
Хороша по вечеру,
А наутро я похожа
На пизду овечую.
380. Ох, солома, ты солома,
Яровая белая.
Никому не говори,
Что я с милым делала.
381. Мильцанеры, мильцанеры,
Меня обокрали:
Подняли курчаву юбку,
Ключи подобрали.
382. Ах, еб я тебя
На завалинке,
Проеб шубу, и кафтан,
Еще валенки.

383. Моя милка так красива,
Тупь за целочку просила,
 А я парень не дурак: .
 ^Руть пропил — и выеб.хак.
384. Я ебался мыкался,
 Табак с кармана сыпался.
 Мне не жалко табаку,
 Зато наебся на боку.
385. У мово у барина
 Перемена варева:
 То сосиски, то горох,
 То на яйцах пирог.
386. Эх, раз, еще раз,
 Еще много, много раз, .
 Лучше много раз по разу,
 Чем ни разу много раз.
387. Все б я пела и плясала,
 Все б я веселилася,
 Все б я под низом лежала,
 Все б я шевелилася.
388. Ох, еб ебанул
 Манькину Параньку,
 Секель на хер.натянул,
 Сделал балалайку.
389. Я ебался не боялся,
 Сорок градусов мороз,
 Пизда жару поддавала,
 Хуй сопел, как паровоз.
390. Я матаню еб на бане,
 Увидал меня отец:
 — На работе тебя нету,
 А ебаться молодец. . .
391. Я матаню еб на бане,
 Увидал меня старик:
 — Что ты делаешь, бродяга?
 — Пришиваю воротник.

392. Сероглазая моя,
Тоненькие ножки.
Две корзины накопал
На пизде картошки.
393. Девки спали, не слышали,
Как ребята подошли,
От пизды ключи украли,
Наеблися и ушли.
394. На гулянку я ходила,
Потеряла ридикуль.
Перву ночку было больно,
А теперь-то хоть бы хуй.
395. Ночью шел по бороздам,
Нашел корзинку с трем пиздам,
Спрятал я их за овин,
Ходил поебывал один.
396. Лезет Ванька на березу,
А береза гнется.
Интересно посмотреть,
Как он ебанется.
397. Восемь раз на полу,
А потом на кухне.
Больше, девки, не могу:
Яйца опухли.
398. Эх, снег-снежок,
Белая метелица.
Напилася, наеблася,
Аж самой не верится.
399. Я ебался, хуй сломался
И воткнулся в колесо.
Эта ебаная втулка
Наебала хорошо.
400. Шла матаня из гостей,
У реки разделася.
Пей, пизда, холодну воду:
Колбасой объелася.

401. Через речку перешла,
На берёжочек села.
Кунка, пей, пизденка, пей,
Колбасы: поела.
402. Я, бывало, всем давала
По четыре раза в день,
А теперь моя давалка
Получила бюллетень.
403. Хуля, хуля, перехуля,
Хуля ты, ебена мать,
Хуля ты, моя разъеба,
Стала летчикам давать.
404. На горе стоит береза,
Под березой — борона.
Пизда на хуй наскочила,
Мое дело — сторона.
405. На горе стоит точило,
Под горою — борона,
Девка на хуй наскочила,
Мое дело — сторона.
406. Сегодня лапша,
И на завтра лапша.
Пообиделась на милого,
Не ёбши ушла.
407. Сине море не измеришь,
Оно очень глубоко.
Пизду хуем не накормишь,
У ней горло широко.
408. Я не ёбши помираю,
Напишите на гробу:
«Через год из гроба выйду,
Всех старух переебу».

ПОГЛЯЖУ Я В ТОТ КОНЕЦ...

409. — Супостатка в белом платье,
Где ты брюхо нажила?
— В поле телочку доила,
Телка рогом наебла.

410. Нас четыре^нас четыре,
Нас четыре молодца,
А мы выебем ко&ьлу,
И не хуже жеребца.
411. Посмотри-ка ты, мамаша,
Что Никишка делает,
А Никишка вынул шишку,
За кобылой бегаёт.
412. Вышла я на улицу,
Видела комедию:
Бабка лошадь целовала,
Называла Федею.
413. Что ты, батенька, не женишь,
Али сам таким не был,
Али по полю не бегивал,
Не ебывал кобыл.
414. Погляжу я в тот конец,
Гонит Яшенька овец,
Яша, Яша, Яшенька,
Твоя котора бяшенька?
415. На углу фонарь болтался,
Я прикуривал табак.
Попросил отца жениться,
Он сказал: «Еби собак».
416. Лейтенант, лейтенант,
Хромовы сапожки.
Если бабы не дадут,
Попроси у кошки.
417. Могилево-то стоит
На высоком месте.
Пекарь пекаря ебет
И залупа в тесте.

ПО ДЕРЕВНЕ ШЕЛ МЕДВЕДЬ...

418. По деревне шел медведь,
Девки бегали смотреть:
Не по-нашему ебет —
Хуя в руки не берет.

419. По деревне шел медведь,
Вышли бабы посмотреть.
Ну-ка, мишенька, стой,
Покажи нам хуй толстой.
420. Я на тракторе катался
И медведя посадил.
У медведя хуй сломался,
Всю дорогу тормозил.
421. Я на лодочке-моторочке
Медведя перевозил.
У медведя хуй здоровый:
Всю дорогу тормозил.
422. У молодого зайца
Кверху поднимается,
У старого зайца
По полу мотается.
423. Гоп-цоп, три косички,
Просил зайчик у лисички.
А лисичка говорит:
— Кучерявочка болит.
424. Сидит белка на березе,
Заяц просит поети.
— Хуя-хуя, косошарый,
Тебе кунку не найти!
425. Сидит заяц на дороге,
Ничего не говорит,
С хера кожу обдирает,
Галифе себе кроит.
426. Ты лисица, я барсук,
Ты — на елку, я — на сук.
А лисица барсуку
Трали-вали на суку.
427. Пойте, девки, прибаутки,
Будут селезни и утки.
Утка крыльями махнет,
Селезень туда пихает.

428. Пришла курица в аптеку,
На пороге квохчет:
— Почему меня петух
Без гондона топчет?
429. Я иду по улице,
Сидит петух на курице.
Я кричу: «Какой нахал!»
А он крылами замахал.
430. Шел я лесом, видел чудо:
Соловей ебал верблюда.
Я ему сказал: «Нахал!»
А он мне хуем помахал.
431. Ох, здорово, здорово
У ворот Егоровых,
А у наших у ворот
Все идет наоборот.
А у наших у ворот
Все идет наоборот:
У ворот Егоровых
Свинья ебает ворона.
432. На печи за трубой
Котенятки вякают.
Кот подпрыгиват на кошке,
Только яйца звякают.
433. Соловей кукушечку
Заманил в избушечку,
Накормил ее крупой,
А сам за титечку рукой.
434. Как на елке, на макушке
Соловей задул кукушке.
Только слышно на суку
Чирик пизды, хуяк ку-ку.
435. Как под Савинским мостом
Шука ебнула хвостом.
Шука ищет рыбака,
Девка ищет ебака.

436. Шел я лесом, **камышом**,
Слышу: аде-то охают —;
Две плотвички под кустом
Карася́ мудохают.

437. **На** болоте, **на** моху
Таракан ебет блоху,
Сидит **заяц на** березе,
Помирает со смеху.

438. У товарочки моей
Зарубили муравья.
Три недели мясо ели
И осталось... очень много!

439. Шел я лесом-вересом,
Думал оглянуться:
Сыроежка 'с валуем
Под кустом ебуться!

440. Шел я лесом-леском,
Слышу: кто-то охает —
Сыроежка валуя
Под кустом мудохает.

441. **На** базаре под скамейкой
Пятачок ебет копейку.
Гривенник в углу смеется:
— Пускай мелочь наебется.

НЕ ХОДИТЕ, ДЕВКИ, ЗАМУЖ...

442. Не ходите, девки, замуж,
Не хвалите бабью жись:
Муж на улицу не пустит,
Скажет: «Спать со мной ложись!»

443. Не ходите, девки, замуж,
Ничего хорошего:
Утром встанешь — титьки набок
И пизда взъерошена.

444. Ах, еб **вашу** мать
С вашими! делами.
Не **даете** девку замуж;
Так ебите сами!

Я ХОТЕЛ БЫЛО ЖЕНИТЬСЯ...

445. Я хотел было жениться
Числа двадцать пятого.
Мое дело не клеится:
Мать женилку спрятала.
446. Я хотел, хотел жениться,
Так и думал, что женюсь.
Девки в озере купались,
Увидал — теперь боюсь.
447. Я хотел было жениться,
А теперь уж не женюсь,
Как увидел голу бабу:
До сих пор еще боюсь.
448. Заебись, матаня, в доску,
Я тебе не женишок.
Если хошь моего хуя,
Порасти еще годок.

ПРИЕЗЖАЛИ МЕНЯ СВАТАТЬ...

449. Меня сватать приезжал
Из Саратова купец.
Сам горбатый, хуй лохматый,
Оцарапанный конец.
450. Приезжали меня сватать,
Из Саратова купец.
Сам горбатый, хуй мохнатый,
Окорябанный конец.
451. Ты не жми меня к забору,
Не пырай туды-сюды,
Ты не думай, я не дура,
Как поженимся — **тады**.

452. Я нашел себе жену
На Кольском полуострове.
Сиси есть, и пися есть,
Слава тебе, Господи.
453. Ой, какая я была
В девках интересная:
В девках девку родила,
А замуж вышла честная.
454. Зарубили петуха,
Натопили сала,
Напоили жениха,
Чтобы шишка встала.
455. Положили молодых
На голые доски.
Молодому хорошо,
Молодой — слезки.
456. Как по нашему по лесу
Пробежала белка,
А у нашей молодой
Разлетелась целка.
457. Как у нашей молодой
Прибавилось на ладонь.
Как у нашего молодого,
Как у мерина гнедого.
458. Ой, яблочко,
На тарелочке,
Надоела мне жена,
Пойду к девочке.
459. Я в Саратове родился,
В Ленинграде мальчик рос,
Лет семнадцати девчонку
На хую домой принес.

ЭХ, ТЕЩА МОЯ...

460. Эх, теща моя,
Дай опохмелиться,
Твоя дочь подо мной
Плохо шевелится.

Эх, зять, ты мой зять,
Что-то мне не верится,
Иод хорошим мужиком
И доска шевелится.

461. Я у тещи был в гостях,
Ночевал в ольшанике.
А баран, такой дурак,
Разорвал подштанники.
462. — Мила теща, что варила?
— Милый зять, одни грибки.
— Мила теща, с этой пицци
Хуй не встанет на дасбки.
463. Ох, теща блядища
Блинища пекла,
Уронила сковородку —
Пиздишу сожгла.
464. Моя теща ши варила
И забыла .посолить.
И за эти за проделки
Теще надо засадить.
465. Запрягу телегу с бегу,
Вороного без узды.
Теща вышла на крылечко,
Тещь, не хочешь ли пизды?
466. Ах, теща моя,
Теща ласковая,
Всю ширинку изорвала,
Хуй вытаскивала.
467. Я свою тещу
Заташил в рощу.
Трещит роща,
Верещит теща.
468. Ох, тещу — грех
И молодку грех,

А я дядину жену
Через жопу ебану.

БРАЛИ МИЛОГО В СОЛДАТЫ...

- 469.** Брали милого в солдаты,
Велели обрить голову.
А он обрил себе муде —
Ни к селу, ни к городу.
- 470.** Что ты, что ты, что ты, что ты,
Я солдат девятой роты, <
Тридцать первого полка,
Дай пощупать хохолка.
- 471.** Милка, что ты, милка, что ты,
Я солдат девятой роты,
Тридцать первого полка,
Хуй стоит до потолка.
- 472.** Ох, мать, моя мать,
Разреши солдату дать:
Он служивый человек,
Не видал пизды вовек.
- 473.** Дождик сильный идет
И головку мочит,
За углом стоит солдатик,
Хер подпилком точит.
- 474.** Полюбила лейтенанта,
Оказался политрук,
Но какой же политрук,
Пизду выпустил из рук.

КАК У НАШЕГО ПОПА...

- 475.** Эх, мать, моя мать,
Разреши монаху дать.
У монаха забобаха,
Поднимается рубаха.
- 476.** У монашки толсты ляжки:
Сорок восемь десять н.
Раньше обществом косили,
Теперь я кошу один.

477. Как у нашего попа,
У попа Василия,
У попа Василия
Вся залупа синяя.
478. Как у нашего попа,
У попа Ермошки
На херу сидит блоха
И режет на гармошке.
479. Как у нашего попа,
У попа Евгения
На херу сидит блоха,
Пишет заявление.
480. Как у нашего попа,
У попа Аркаши
Три недели хрен стоял
От молочной каши.
481. Как у нашего попа,
У попа у Яшки,
У попа у Яшки,
Яйца по чашке.
482. У нашего у попа,
У попа у Яшки
Фунтов на пять колбаса
И яйца по чашке.
483. Поп монашенку
Под вишенкой.
Накормил ее мудями
Как яишенкой.
484. Поп монашенку святую
Положил под образа.
Стукнул хуем по затылку,
Она думала — гроза.
485. Не ходите, девки, в лес,
Там землетрясение:
Поп с монашенкой ебется
Каждо воскресение.

486. У попа я молотил,
Сломал молотилку.
Догоняет меня поп —
Хуем по затылку.
487. Поп ёб мерина,
Попадья не верила.
Засучила рукава
И пошла проверила.
488. А вот она, а вот она
Зеленая ограда.
Девки выебли попа,
Так ему и надо.
489. Не найти такой матани,
Как Ивановна была:
На Страстной неделе в пятницу —
И то ети дала.

КАК ДЕД БАБКЕ...

490. По деревне шли два деда,
Толковали так и сяк.
Один дед другого деда
Хуем пб хую хуяк.
491. Как из лесу на телеге
Ехал дедушка Егор.
Сам горбатый, хуй лохматый,
А на жопе мухомор.
492. У старухи у старой
Два завода у одной:
Спереди вино течет,
Сзади крендели печет.
493. Говорят, что я старуха,
А мене не верится:
Ну какая я старуха —
Всё во мне шевелится.
494. Молодая не сидела
И старухой не сидю,
Отрубите ноги-руки,
На пизде плясать пойду.

495. Я на пенсию пошла,
Вся в кремплин оделася,
Гуки-ноги отдохнули,
Хуя захотелось.
496. Как на пенсию пошла,
Вся в мохер оделася,
Гуки-ноги отдохнули,
Хера захотелось.
497. Я в домотдыхе была,
Там меня обидели:
Всех водили под кусты,
А меня не видели.
498. Я в домотдыхе была,
Там меня обидели:
Всех старух переобли,
А меня не видели.
499. Ах ты дед, ты мой дед,
Ты не знаешь моих бед,
Захотелось мне морковки,
В огороде таких нет.
500. Дорога моя подруга,
Ветер с севера подул.
Сто рублей бы заплатила,
Если б кто-нибудь задул.
501. Ах, подруга дорогая,
Ох, плохи мои дела:
У меня никто не просит,
Я бы с радостью дала.
502. Милый Ваня, завтра баня,
Приходи, не позабудь.
Если хуй стоять не будет,
раскачаем как-нибудь.
503. У хороших мужиков
«Жигули.» машины,
А у наших дураков
На хую морщины.

504. У старухи у старой
Колокольчик под дырой,
Она ходит,- семенит,
Колокольчиком звенит.
505. В огороде, в лебеде,
Нашла бабушка муде,
Долго, долго примеряла
К своей старенькой манде.
506. Бабка сеяла муку
Овсяную,
Посулила старику
Волосьяную.
507. Бабка струны наводила,
Дед наяривал муде,
Бабка сроду не слыхала
Такой музыки нигде.
508. Старик старую старуху
Повалил на лавочку,
Заиграл в пизду седую,
Словно в балалаечку.
509. Старик старую старуху
Повалил на лавку еть,
За лохматую пиздищу
Ухватился, как медведь.
510. Что ж вы, девки, не поете?
Я старуха — да пою,
Что ж вы, девки, не даете?
Я старуха — да даю.
511. Сидит шубарь за болотом,
Зашивает тую дротом,
Шилом колет, дротом вяжет,
Не отодравши, спать не ляжет.
512. На Тарусе идет слух —
Дед Шкарбан ебет старух:
Тетю Машу, тетю Дашу
И еще каких-то двух.

513. Как дед бабке
Пошил тапки,-
А за эти тапки
Не слезал с бабки.
514. Баба сеяла муку,
Досадила старику.
Старик с печи соскочил,
Бабе сику наточил.
515. Как дед Архип
Бабку Анисью
Повалил, заголил,
Сделал перкомиссию.
516. Дед на печке спал,
Дед с полатей упал,
Дед за бабкину пизду
Ухватился на лету.
517. Дед с печки упал
Прямо на перинку,
Бабке юбку разорвал,
А себе ширинку.
518. Дед с печки слетел
Прямо на бабуся,
А бабуся родила
Девочку Марусю.
519. Дед на печке спал
С медными ключами,
Прищемил себе муде
Железными клещами.
520. Как старуха старика
Посадила на быка,
Головою бык вертел,
И старик в пизду слетел.
521. Ой, спасибо тетке Лушке,
Дала деду Игнашу.
Игнашу горазд хотелось,
Отвела ему душу.

522. Говорила бабка деду:
— На хую в Питер поеду.
Дед-то бабке отвечает:
— На хую горазд качает.
523. У кого какие деды,
У меня-то вот дедок —
Семидесятый уж годок,
А для него пизда медок!
524. Лучше нет такого деда,
Как на хуторе дедок,
Ему сто четыре года —
Кунку любит, как медок.
525. Старухе сто лет,
А старику двести,
Помогите старику
На старуху влезти.
526. Дед, дед, дедушка,
Хрен тебе хлебушка,
Коли бабку не ебешь,
На картошке проживешь.
527. Раньше ели редьку с квасом,
Но зато пердели басом.
А теперь диет едят,
Не пердят, а лишь шипят.
528. Раньше труд был всё вручную:
И косили, и гребли,
И усталости не знали,
И в ночь десять раз ебли.
529. Если б, если б не война,
Если б не Германия,
Мы б на этих пердунов
Никакого внимания.
530. Пела песенки с припевочкой,
А теперь не до того —
Помер дедушка на бабушке,
Снимать надо его.

531. После дедушки осталася
Гармонь без голосов,
После бабушки осталася
Манда без волосов.

**МИМО НАШЕГО ОКНА
ПРОНЕСЛИ ПОКОЙНИКА...**

532. Мимо нашего окна
Провезли покойничка,
У того покойничка
Хуй до подоконничка.

533. Мимо нашего окошка
Пронесли покойника,
У этого покойника
Хуй выше подоконника.

534. **На** горе стоит береза,
Под горой кобель ворчит.
Баба мужа схоронила,
Над могилой хуй торчит.

ВСЁ КАРТОШКА ДА КАРТОШКА...

535. Килька плавает в томате,
Ей в томате хорошо,
Только я, ебёна мать,
Места в жизни не нашёл.

536. Интеллигенция не любит,
Где про еблю говорят.
Сами стоечкой ебутся,
А нам **лежмя** не велят.

537. Председателю дала,
Бригадир прося,
Мильцанеру как не дать —
Он наган нося.

538. Лесом скачет конная,
Конная милиция,
Поднимайте, девки, юбки,
Будет репетиция.

539. Начальнику сапожки,
Помощнику брючки,
Ну а Ваньке-дураку
Хуй в обеих ручки.
540. Всё картошка да картошка,
Из картошки колобки,
Довели эти картошки:
С жопы съехали портки.
541. Как в Лопатинском совхозе
Зарезали мишку.
Председателю — хуечек,
Бригадиру — шишку.
542. Балалайка и гитара
Уж меня не веселит,
Не у каждого колхозника
С мякины хуй стоит.
543. Я работала в колхозе,
Заработала пятак,
Пятаком покрыла жопу,
А пизда осталась так.
544. В колхоз пошли —
Юбки новеньки,
Из колхоза шли —
Жопы голеньки'.
545. Сидит Гитлер на заборе,
Просит кринку молока,
А доярка отвечает:
Хуй сломался у быка.
546. Ой, калина-калина,
Хуй большой у Сталина,
Больше, чем у Гыкова
И Петра Великого.
547. Двести — Насте,
Двести — власти,
Остальное — профсоюз,
А я с хуем остаюсь.

548. Ну, прибавили зарплату,
Только мне не верится,
Сунул руки себе в брюки —
Один хуй шевелится.
549. Мы Америку догоним
По надою молока,
А по мясу не догоним:
Хуй сломался у быка.
550. Перестройка, перестройка,
Я и перестроилась,
У соседа хуй большой,
Я к нему пристроилась.
551. Не давала ебарю,
Не давала хахалю,
Лучше дам я Горбачеву
За кусочек сахару.
552. Ты ебись, Шуринушка^
Пока цветет рябинушка.
Опадет с рябины цвет —
Поебёшься либо нет.
553. Мы давай с тобой попляшем,
Дорогая Окся,
На Якшанге мужичок
До смерти заебся.
554. [Припевка после каждой частушки:]
Пошла пляска — всем мудям тряска.

Публикация А. В. Кулагиной

ИЗ СОБРАНИЯ В. И. СИМАКОВА «НЕСКРОМНЫЕ ЧАСТУШКИ И ПЕСНИ»

Василий Иванович Симаков (1879 — 1955) известен науке прежде всего как составитель «Сборника деревенских частушек» (Ярославль, 1913), занимающего первенствующее положение среди дореволюционных собраний частушек. Собирательская деятельность В. И. Симакова, уроженца деревни Челагино Кашинского района Калининской области, протекала в основном в Тверской губернии, где он прожил почти всю свою жизнь. Частушками В. И. Симаков занимался, по его словам, «весь свой век». Основой его знаменитой коллекции явились собственноручные записи в родных местах. Постепенно она стала пополняться материалами, присланными разными корреспондентами, среди которых были учащиеся, студенты, учителя, сельские священники, крестьяне, мещане, солдаты из Архангельской, Вологодской, Вятской, Костромской, Олонецкой, Новгородской, Петербургской, Псковской и других губерний. В. И. Симаков неоднократно обращался в печати к любителям и исполнителям частушек, сельской интеллигенции с просьбой присылать ему частушки.

Значительная часть собранных В. И. Симаковым частушек и песен была опубликована в многочисленных сборниках¹, но подавляющее большинство частушек, представляющее стотысячную коллекцию из 24 томов, пока не издано и хранится в РГАЛИ.

В подготовленном В. И. Симаковым своде частушки сгруппированы преимущественно по тематике: «Любовь» (1—3-й тома), «Гармония» (4-й том), «Плясовые,

¹ Полную библиографию изданных В. И. Симаковым сборников см. в книге: В. И. Симаков и народное творчество. Межвузовский тематический сборник. Под ред. В. Г. Шоминой (ответственный редактор), Л. А. Астафьевой, Ф. М. Селиванова. Калинин, 1977, с. 143 — 144.

шуточные, тарабарщина, отголоски декадентщины, сатира» (5-й том) и т. д. В последнем, 24-м томе, представлены «Страдания» и дан список исполнителей с паспор-тами и собирателей. В свод были привлечены частушки и из рукописных коллекций, в том числе А. М. Смирно-ва-Кутачевского (около 10 000 текстов), В. А. Водарско-го (около 1000 текстов), В. Г. Лидина (около 1000 те-кстов) и др.

Июбликуемые нами тексты включены в т. 23-й под названием «Нескромные частушки и песни».

1. ЗКенку дадут,
И с ней киску дадут,
Еще корзиночку дадут,
Во что яйца кладут.
2. За овином куст малины
Да крыжовнику гряда.
Ой, не трогай, *Мишка*, фартук,
Под фартуком борода.
3. Из-под дубу, из-под дубу
Тянет хер манду за губу,
Из-под дубовых кореньев
Из манды течет варенье.
4. Из Сибири я приехал,
Трех копеек не привез.
Тятя высватал невесту —
На манде растет овес.
5. Как кашински бабенки
Настоящи пьяницы,
За полрюмки самогонки
Запускал по яйца.
6. Как милок милашку
Ущипнул за ляжку,
А милашка не глупа,
Ущипнула петуха.
7. Как на Питерском вокзале
С решето манду казали.

Ой, ребятаушки, ей-ей,
Шире маменьки у ней.

8. Как у дяди- за двором
Девки мерили қолом,
Вытягали на аршин,
Чтобы не было морщин.
9. Как у нашей молодой
Глупая привычка:
Как заляжет на постель,
Так давай яичко.
10. Как у нашего попа,
У попа у Мишки,
Оторвала попадья
Половину шишки.
11. Картошку копав,
В несчастье попов,
В корзинку ногой,
В манду головой.
12. Мою милку ранили
На войне в Германии.
Вместо пули хер воткнули,
В лазарет отправили.
13. Моя милочка красива,
Рубль за целочку просила.
Я мальчишка не дурак,
Вынул деньги, шпокнул так.
14. Моя милочка в лесу
Нагибала елочку,
Нагибала елочку,
Разорвала целочку.
15. Моя милка не тужилка,
А я тоже не тужил,
У ней лопнула пружинка
В самый маленький нажим.
16. Моя милка умерла,
Богу душу отдала.

Руки-ноги в монастырь,
Манду ребятам холостым.

17. Мимо лесу шел парнишка,
Видит чудо-чудеса:
Лежит баба на дороге,
Манда шире колеса.
18. — Милашка, стой!
Не виляй мандой.
— Я бы рада не виляла,
Давно хера не видала.
19. Мимо кузницы шла,
Все посвистывала,
Манду козырем несла,
Бе выставила.
20. Милку гнули, милку гнули
Милка изгибалася,
Промеж ног милке задули,
Милка засмеялася.
21. Говорил своей милашке:
— Не ходи со мной в сарай,
Попадет тебе полено,
По-собачьи не залай.
22. Гармонист, гармонист,
Как тебе не стыдно,
Как тебе не стыдно,
Пипирочку видно.
23. Где лежали под кусточком,
Там трава помятая,
Тут не девка виновата,
А ее мохнатая.
24. Гуляй, гуляй, Поленька,
Пока у тебя голенька.
Как манденка опухнется,
Все гулянице решится.
25. Дай, милашечка, разок,
Ее не убудет,

А служилому солдату
Очень любо будет.

26. Дай, милашка, жигануть,
Поеду жеребий тянуть.
На счастливый твой лобок
Попал девятой номерок.
27. Дай-ка, дай-ка подержаться
За твой фартук с петухам,
За рубашку беленьку,
За титечку голеньку.
28. Дайте, дайте мне напиться
Вару огурешного,
Чтобы шишка не стояла
У меня, у грешного.
29. Долго шубы не заводят,
Говорят, что молода.
Ничего, что молода,
Под подолом борода.
30. Девочки-чухоночки,
Народец трудовой,
Зарастут ваши манденочки
Соломкой яровой.
31. Девки, пойте прибаутки,
Что я видел у Марфутки,
Видел чудо-чудеса,
Под подолом борода.
32. Девицы-красотки
Носят платьвица коротки,
Стоит только чуть присесть,
Сразу видно, что там есть.
33. Девушки-белянушки,
Народец гулевой,
Позасорились ваши ямочки
Соломкой яровой.
34. Девки подали прошение
Земскому начальнику,

Чтоб прислал им фиг в оглоблю,
Яйца по чайнику.

35. Девки спорили в сборе,
У кого манда поболе.
У меня, у грешницы,
Шире скворешницы.
36. Девки бляди, девки бляди,
Не давайте моему дяде:
У мово дяди петушок,
Он достанет до кишок.
37. Девки ух, бабы ух,
Залетел к бабе петух,
Он забился в волоса,
Поет на разны голоса.
38. До свиданья Сенька, Манька,
Полечу на небеса,
Расстегнулась у брюк пряжка,
И полезла колбаса.
39. Девки, ешьте калачи,
Дайте на брюхе лечи,
Ничего не сделатся,
Хер в манде погрееся.
40. Дорогая сватья,
Подыми-ка платье,
Заголи юбку,
Покажи голубку.
41. Я с милашечкой спознался,
Чуть в манде не утонул,
Шибко я перепугался
И заухал караул.
42. Я у каменки стояла,
Опалила хохолок,
Опалила догола,
Как у маленькой была.
43. Я в кухарочку влюбился,
Ей подол заворотил,

Разодвинул толсты ляжки,
Хер туды заколотил.

44. Я у тятеньки жила,
Не видала яйца,
А теперя яйца
Промеж ног валяются.
45. Я напишу царю прошение
На гербовом листу,
Чтобы вышло разрешение
Хватать девок за манду,
46. Я с сударушкой связался,
Думал, целочка у ней,
А под юбочку забрался —
Шире шапочки моей.
47. Я рязанской мальчишечко
И московский жулик, вор,
Лет семнадцати девчонку
На херу домой припер.
48. У ворот девка стояла,
Кулаком в манду пехала,
Увидала ее мать
И давай ее ругать:
— Зачем, дура, зачем, блядь,
Кулаком в пизду пехать?
Продай шубку, купи хуй,
Кулаком в пизду не суй!
49. Ах, юбка моя,
Юбка беленькая,
А под юбочкой
Киска черненькая.
50. Ах ты, милая моя,
Зачем пороть горячку?
На постели не согласна,
То давай в стоячку.
51. А кахи, кахи, кахи,
Одни с миленьким грехи,
Коленька, лукавый бес,
Ко мне в створочку залез.

52. Беляночка моя,
У ты сисеньки боля.
Купоросным маслом мажь,
Поскорее щупать дашь. ,
53. Била меня мать
И дала мне таски,
Чтоб не ела у парней
Из штанов колбаски.
54. Ванька мастер, Ванька мастер,
Ванька девок баловал,
Подиял юбку, вынул трубку,
Весь народ захохотал.
55. В сорок градусов бутылочка —
Всегда развеселит,
Не у каждого колхозника
С картошки фиг стоит.
56. Всех коров передоила
И уселась под быка.
Что за лешева корова —
Больно титька велика!
57. Вы не знаете, ребята,
Где угодная земля:
Ниже пупа, через поле¹
Черноземна полоса.
58. Вы зарежьте петуха,
Натопите сала,
Накормите игрока,
Чтобы курка встала.
59. Говорил своей дурыне:
— Не ходи в чужой сарай —
Попадет меж ног соломинка,
Смотри не захворай.
60. Мы с милашечкой стояли
В поле за сарайчиком,

---

¹ В оригинале неразборчиво: поле или пояс.

Я милашку прижимал
Двадцать первым пальчиком.

61. **На** горе стоит аптека,
Под аптекой — кабачок.
Без подмаха три копейки,
А с подмахом пяточок.
62. **На** горе стоит береза,
Под горой рассада,
Двадцать лет, сисек нет,
Экая досада.
63. **На** улице метель —
Заметеливает,
Ванька Маньке **за** двором —
Затетеривает.
64. Не ешь, девушка, волнух,
От волнух ебливый дух,
Мальчики пронюхают —
По яйца забубухают.
65. Не живите, девки, дома,
А живите в бардаках,
Завсегда манденка мокра
И полтинничек в руках.
66. Не стой у ворот,
Не пори горячку,
Уведу тебя в сарай
И тюкну в стоячку.
67. — Ой, девушки-белянушки,
Ну что у вас **за** ямушки?
— Мальчики-соколики,
Да что у вас **за** колики?
68. Полюбила я молодчика —
Чугунные муде,
Поносила от молодчика
Мозоли на манде.
69. Постукивает,
Побрякивает

И Маруське по яички —
Задядякивает.

70. Сел на поезд покатался,
Ноги свесил до колес,
Хер за шпалу зацепился,
Опрокинул паровоз.
71. Светит месяц над избой,
Плачет парень над мандой,
Что за прах, что за напасть,
Не могу в манду попасть.
72. С неба звездочка упала
В сине море глубоко.
Манду хером не накормишь:
Очень горло широко.
73. Ты, милашечка, не глупа,
Дай пощупать ниже пупа,
Ниже пупа на вершок
Волосяный есть горшок.
74. Уж и что это за тяжкий грех,
Подымается рубашка вверх,
Ну и что же за великий за момент,
Вынимает из порток большой струмент.
75. — Уж ты, тетушка, красавица моя,
Мне пондравилась чернильница твоя.
— Уж ты, дядюшка, красавчик мой,
Мне пондравился буравчик твой.
76. У милашки у моей
Под подолом соловей,
Куда она ни пойдет,
Соловьёшко запоеет.
77. У милашки у моей
Два завода у одной,
Спереди — водопровод,
Сзади — газовый¹ завод.

---

¹ Вариант — пушечный.

78. У милаїшки под подолом
Сорок восемь десятин.
Раньше семеро косили,
Нынче выкосил один.
79. У моей милашечки
Красные ботиночки
Иод подолом соловей
О две половиночки.
80. У .моей у милочки
Есть четыре брылечки.
Одни брылки целовать,
Другие на фиг надевать.
81. У меня есть предмет,
У тебя такого нет.
Приходи на печь при этом
Познакомиться с предметом.
82. У двух Татьян
Промеж ног сафьян,
А у Маши передок,
Точно с кадочкой медок.
83. У тетушки,
У Варварушки,
Ниже пупа сидит бука,
Ой, батюшки! '
84. Увидала мужика,
Думала, угодника,
А он вынул из порток
Больше сковородника.
85. У колодца грязи много,
Не добраться до воды.
У милашки толсты ляжки
Не-добраться до манды.
86. У забавы у моей
Широкая, глубокая,
Как корзина соковая,
Только однобокая.

87. У ворот, у вереи,
Девки свадьбу завели.
Две гребутся, две смеются,
Да две радуются:
Наш девичий хохол
Попал на ребячий кол.
88. Хорошо тому давать,
Кто учтиво просит,
Одну ручку под подол,
Левой юбку сбросит.
89. Через речку милка шла,
На лужечку села.
Пускай манда воду пьет,
Селедочку ела.
90. Через тын в огород,
Через колотушку
Целовала девка хер
В самую макушку.
91. Чайник медный,
Чай густой,
Девки любят
Хер толстой.
92. Что попову дочку
Повалю на бочку,
Поверну брюшком,
Запущу сучком.
93. Шел я узеньким прогоном,
Повстречалася манда.
Кабы не было струменту,
Меня съела бы тогда.
94. Шел я лесом, видел беса,
А в деревне чудеса:
Сидит баба на заборе,
Манда шире колеса.
95. Шел я полем полосам,
Нашел мандушечку с усам,

Стало некуда девать,
Начал на фиг надевать.

96. Шилом море не нагреешь,
Очень море широко.
Манду хером не накормишь,
Очень горло широко.
97. Эх, милашечка моя,
Хошь, тебя уважу:
Куплю вару на пятак,
Дырочку замажу,
Чтобы не свербелось,
Хера не хотелось.
98. Я милашку проводил
До высоких до рябин,
Долбанул четыре разика,
Домой пошел один.
99. Я свою-то ли милашечку
Стерег-таки, стерег,
Ее черную, мохнатую
На шапочку берег.
100. Милка пояс подарила —
Короток, не сходится.
Знать, другого полюбила,
Долго не заходитя.
101. Меня милка провела,
Не в ту дырочку дала,
А я, парень, не расчухал,
Куда не следует забухал.
102. — Маменька, чего ты жарить?
— Дорогой сынок, грибки.
— Маменька, грибки — не мясо,
Хер не встанет на дыбки.
103. Маргарита, Маргарита,
Маргарита хороша,
Не у тебя ли, Маргарита,
Манда брита под ерша?

104. Мимо кузницы шла,
Все посвистывала,
Увидала кузнеца,
Сиськи выставила.
105. Мы с милашечкой стояли,
Подпирали уголок,
Она держала меня за хер,
Я ее за хохолок.
106. Выше леса, выше темного,
Пронесли хуя огромного,
Девки плачут, голосят,
Бабы голосом ревут,
Куда старателя несут?
107. Как на улице казацкой
растянулся хер солдатской,
растянулся и лежит,
Никто к нему не бежит.
Одна девка подбежала,
За головку подержала,
Поглядела тетка Фекла —
У солдата хер как свекла.
108. На соломке яровой
Скидавай штаны долой.
Я соломки не боюсь,
Сама лягу заголюсь,
Скину, скину юбочку,
Покажу голубочку,
А ты, парень, не робей,
Мне по яйца забей,
Ножки вместе, ручки врозь,
Знай потыкивай небось.
109. Пизда, пизда, пиздачок,
Пизде дали пяточок,
Пизду пьяну напоили,
Пизду в яму завалили,
Пизда губушки надула,
Пизда к старосте подула.
У нас староста сердит,
Ощипать пизду велит.

Три волосинки оставить,
При дороженьке поставить.
Кто ни едет, кто ни идет,
Пизду душой назовет,
Пизда дура, пизда блядь,
^разъеби еённу мать¹.

110. Татарин татарочку
Повалил на лавочку,
Повалил на лавочку,
Запустил булавочку.
Татарочке тошно,
Татарин-то нарошно.
111. Эх ты, милка моя,
У тебя дырка мала,
Дай-ко разика четыре,
У тебя будет пошире,
А когда мне дашь пяток,
Будет дырочка с горшок.
112. Экий банька, экий пес,
Эку дырочку разнес:
Черной шапкой не покроешь,
Долгой ниткой не зашьешь,
Долгой ниткой не зашьешь,
Гукавицей не заткнешь.

Публикация А. В. Кулагиной

---

¹ В рукописи: ее не мать.

ЧАСТУШКИ ЮЖНОГО ПРИКАМЬЯ

---

1. У собаки коло сраки
Гумяна играют.
У лисицы вкруг пиздицы
Пташки воспевают.
2. Девки сшили мне штаны
Дырочку не сделали,
Разъедрёну иху мать,
Как я буду вынимать?
3. Я иду по улице,
Петух сидит на курице,
На какой-то на рябой,
Упирается ногой.
4. Я иду по улице,
Петух сидит на курице,
Я ему кричу: «Нахал!»
Он мне хуем помахал.
5. Бригадиру посулила,
Председателю дала —
В три минуты заработала
Четыре трудодня.
6. По деревне я иду,
Слышу, где-то охают,
Две старухи с голодухи
Старика мудохают.
7. Я, бывало, всем давала
Сидя на скамеечке,
Не подумайте плохого,
Из кармана семечки.

8. Я, бывало, всем давала
По четыре раза в день,
А теперь моя давалка
Получила билютень.
9. Я не буду тебя есть,
Ольга Николаевна,
У тебя в пизде собака
На мой хуй залаела.
10. Я не буду тебя есть,
У тебя в пизде медведь,
Сорок восемь медвежат
Поперёк пизды лежат.
11. На окошечке пиздушечка
Кумышечку варит,
Под окошечком хуишечко
На дыбочках стоит.
12. Пизда печку затопила,
Хуй прикуривать пришёл,
Пизда пальцем погрозила,
Хуй заплакал и ушёл.
13. По деревне напролёт
Хуй летит как самолёт,
Пизда в беленьких ботиночках
Уёбывает вперёд.
14. Из-за леса, из-за межи
Хуй кричит: «Пизду зарежу!»
Шикиль выскочил, кричит:
«Не зарежешь, паразит».
15. Из-за бани, бани, бани
Вышли пизды с топорами,
Хочут душу погубить —
Хую голову срубить.
16. У мя кунка не чугунок
И не медный котелок.
У Ваньки пырка не. бутылка,
Не осиновый бодог.

17. На Аласком на базаре
Тридцать три пизды связали,
Положили на весы,
Во все стороны усы.
18. ^мой-от тятка был смешной,
^мою мамку за квашнёй,
Я не буду хлеб-от ись,
Тятка мамку выеб здись.
19. Шёл я лесом, переулком,
Кунка прыгат на меня,
Кабы-кабы не хуинка,
Кунка съела бы меня.
20. На широкой полосе
Пизда суслоны ставила,
Хуй хотел её поймать,
Она шары уставила.
21. Моя милка не висока,
На пизде растёт осока,
Накосил жо я стожék,
Кто ёбанный сожег.
22. Как у нашего колодца
Две пизды пришли боротья,
Пизда, пизду пизданула —
Пизда ножки протянула.
23. Моя милка чепчик носит,
Сзади кудри навиват,
Семь рублей за целку просит,
Ни копейки не сбавлят.
24. Шёл я лесом, видел чудо:
Воробей ебёт верблюда,
Я сказал ему: «Нахал!»
Он мне хуем помахал.
25. Я ебался, хуй сломался,
Стал обломышом ети,
Пошёл в город, купил новый,
Старый мать его ети.

26. Шёл я лесом, видел беса,
Бес похлебочку варит,
На хую стоит таганка,
На мудях огонь горит.
27. Девки ух, бабы ух,
Налетел в пизду петух,
Крылья машет и поёт,
Пизде покоя не даёт.
28. Эх, ёбся монах
На осиновых дровах,
Развалилася поленница,
Уёбся монах.
29. Уебали, уебали,
Уебли молодчика,
Привязали хуй к дуге
Вместо колокольчика.
30. Дедушка милый,
В рот тебя ебать,
Выпусти на волю,
Не буду блядовать.
31. Эх, ёбши лапша,
И не ёбши лапша,
Рассердилася девчоночка,
Не ёбши ушла.
32. Эх, ёб твою мать,
За кого я вышла,
Сини муди до колена
Хуй до голенища.
33. Ох, ёб твою мать,
Поросёнок пёстрый,
Не умеешь подъебать,
Научи-ка, хрёстный.
34. Пизда по лесу ходила,
Пизда лыка драла,
Хую лапти плела:
Не ходи, хуй, бос,
Не роняй, хуй, слёз.

Приложения
ИЗ АРХИВНЫХ
РАЗЫСКАНИЙ ПО РУССКОЙ
ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭРОТИКЕ

ГЛАВА «ЭРОТИКА» ИЗ КНИГИ А. И. НИКИФОРОВА «ПРОСТО О СЕВЕРЕ»

В Санкт-Петербургском отделении архива Российской Академии наук, в фонде Александра Исаакиевича Никифорова (1893 — 1942) хранится его рукопись под названием «Просто о Севере. Впечатления. Думы. Встречи»¹. Это этнографические очерки, размышления о русской народной культуре, о северной деревне и ее людях, родившиеся в результате трех поездок собирателя на русский Север — в Заонежье, на Пинегу и Мезень. По своему характеру эта рукопись очень напоминает первые книги М. М. Пришвина «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком». Этнографические наблюдения здесь органично переплетаются с философскими раздумьями автора.

Одна из главок названа фольклористом «Эротика». Эта тема не случайна для А. И. Никифорова. Он был первым из ученых послеоктябрьского периода, кто поднял ее в своих статьях². А. И. Никифоров, хорошо знавший русскую северную деревню, отлично понимал, что эротика в народной культуре — это не нечто темное, гнетущее, постыдное, а веселое, смешное, бодрящее, здоровое. Несомненно, что в своем определении места эротика в деревенской жизни исследователь во многом оказался близок к будущим работам М. М. Бахтина о площадном, карнавальном характере народных празднеств.

Ниже мы публикуем главу «Эротика» из книги А. И. Никифорова «Просто о Севере».

---

¹ Место хранения: Санкт-Петербургское отделение архива Российской Академии наук, ф. 747, оп. 1, ед. хр. 90 (840 л.).

² Никифоров А. И. Эротика в великорусской народной сказке.— Художественный фольклор, вып. 4—5. М., 1929, с. 120—127.

А. И. Никифоров
ПРОСТО О СЕВЕРЕ
ВПЕЧАТЛЕНИЯ. ДУМЫ. ВСТРЕЧИ

ЭРОТИКА

Мир и человеческая жизнь полны сексуальности. Не надо ханжества там, где речь идет о бесспорном факте. Искусство, литература, наука, даже религия — в большей или меньшей степени замаскированное сладострастие. Иол — та внутренняя солнечная энергия, которая и творит и поддерживает все живое.

Но эротика — это отраженный солнечный свет. Эротика — это болезненное лунное сияние, иногда красивое, иногда жутко-зловещее, но всегда не греющее и иногда ведущее к ужасам ночных мраков и тайн.

И любопытно, что северная деревня, насыщенная до отказа солнечной сексуальностью, совсем почти чужда лунной эротике.

Сексуальна деревенская речь. Сексуальны отношения молодежи. Сексуальны мелочи быта — своеобразный жест, которым мать останавливает голого ребенка-карапуза, бегающего по избе.. Сексуальное — в песне, в сказке. **С** хохотом вам говорятся самые целомудренные загадки и поговорки, потому что они полны намеков. **И** в то же время это сексуальность здоровая, -чистая, именно солнечная. Много раз мне приходилось видеть, как молодежи и пожилые матери быстрым привычным движением руки обнажали белую грудь при мужчинах и детях, чтобы дать ее младенцу. **И** ни разу **за** три поездки я не слышал при этом ни шуток, ни улыбки, ни застенчивости при этом действительно красивом и таком естественном обнажении.

Но эротика, повышенная сексуальность, ползет и в деревню, несомненно, ползет из городов, из наших больных, сокровенных и таинственных городских трущоб.

Когда мужик рассказывает со смехом неприличный анекдот или сказку, его с удовольствием слушает целая толпа и мужчин, и женщин, и детей. **У**не если очень

сильно выражается рассказчик, то разве девушки, краснея, отойдут в сторону. А остальные с радостью гогочут.

Но в этом нет эротики, нет смакования пола. Это здоровая деревенская грубость и юмор. Дикари смешное видят главным образом в сексуальности. В Архангельской губернии «смешным» именно и называют неприличное. Но повторяю: «смешное» — не эротика. Ибо его спокойно рассказывают публично даже подчеркнута стыдливые молодки. Вот образчик.

Огромная семья сидит за столом. В избе человек двадцать. Молодка, дочь хозяина, — веселая, красивая бабенка с двухлетним первенцем так и сыплет шутками. Ей всего двадцать два года. Она и сама хочот, и все хочот, до пятилетних малышей включительно.

— А то слушай еще, — заливается смехом Елизавета Васильевна (имя молодки), — свекор молодку зовет на повесть, а молодка-то дошла да и старухе-то и сказала: «Меня, матушка, говорит, свекор зовет-от на повесть. Ты, говорит, матушка, поди сама вместо меня-то, темно». Ну, это старуха и пошла ко старику на повесть. Пошла, старик там ей и поймал. Старик говорит: «Молода, молодо и есть у молодки-то». Вот молодке он и дал руль. Зашел в избу. И старуха зашла. «Старуха, де была?» А она: «Де была не была, а руль нажила!»

Последние слова рассказчицы покрывает гром смеха всей избы. А шутница заливается больше всех и сквозь выступившие от смеха слезы вставляет:

— А то молодка спрашивает у мужика: «Братец, говорит, хошь аи не хошь?» А он: «Хошь не хошь, да где возьмешь». А она: «Вот еретик-от, опять выпросил».

И снова залихватый, всех радующий хохот.

— А то баба спрашивает у работника: «У вас, работник, какие гашники носят в деревне?» — «Какие! веревочные!» — «Ну, ланно. А то был у меня работник, у него гашник лубяной, так все брюхо намозолил».

Новый взрыв смеха.

Грубо это, правда. Но, в сущности, безобидно. И эротики в этом нет, как нет ее в какой-нибудь трехэтажной фразе, которую разбитная баба ухнет в пристающих к ней с чем-нибудь ребят.

Эротика ползет из других щелей. По счастью, лишь очень слабо. Ее разносят парни и мужики, побывавшие в солдатчине или в городах. Эротические частушки, специальный анекдот, к сожалению, уже иногда подчер-

кнута забавляет специально для этого уединяющуюся на «беседе» от девушек мужскую молодежь. Встречаются, правда, но редко, и яркие эротические танцы вроде мезенского козла или заонежской игры-пародии на свадебно-семейные отношения — «Пахомушки».

Очень характерно также, что и песня, и сказка, и былина знают мало сюжетов адюльтера. Какая-нибудь жена былинного Чурилы¹ — явление, как-то случайно стоящее в народной поэзии. И сказочная неверная жена — тоже сюжет далеко не популярный, а главное — не эротический.

Деревня — я говорю о Севере — еще очень целомудренна, несмотря на весь свой здоровый и естественный сексуализм.

Новые бытовые отношения после революции внесли свои поправки. Появились и профессиональные жрицы любви.

— Эвон, пошли, на свадьбу торопятся,— показал мне кнотом везший меня ямщик на дьух полных бабенок, которых обогнала возле Лампожны лошадь.— Вдовы, давно мужей нет. Балуются. Есть теперь это дело и в деревне. Оно немного. И балуются не как в городе. Взять хошь бы этих. Обе заграбастали по мужику, ну и живут с има. Год, два. Ну, а потом молено и сменить. Да, баловство пошло. Только немного еще в деревне. И то вдовы больше. Город портит. Всего наглядятся.

Я посмотрел на этих лампоженских Венер. Ничего особенного. Только костюм городской.

И я решил, что ямщик рассуждает умно.

А как тебе кажется, читатель?

Публикация Т. Г. Ивановой

---

¹ Здесь явная описка А. И. Никифорова: героиней адюльтера в былинах является жена Пермьты, любовница Чурилы.

МАТЕРИАЛЫ М. М. ЗИМИНА ИЗ АРХИВА Д. К. ЗЕЛЕНИНА

---

^михаил Михайлович Зимин принадлежит к плеяде скромных отечественных краеведов, которые играли важную роль в русской фольклористике в предреволюционные годы и в первые десятилетия после октябрьского переворота.

С сентября 1913 по июнь 1917 года М. М. Зимин состоял на службе в Костромском губернском земстве в качестве кустарного старосты в Ковернине. Тогда-то он и начал записывать произведения устной народной поэзии. Записи частушек из Ковернинской волости были переданы им в архив Костромского научного общества по изучению местного края, действительным членом которого он был. Этот материал использован другим костромским краеведом, В. Смирновым, в статье «Отношение деревни к войне» (№4, 5, 13, 20—23, 25, 29—34, 41—43, 54, 55, 58, 63, 73). В сентябре 1919 года по заданию общества М. М. Зимин совершил специальную этнографическую экспедицию в Ковернинский и Макарьевский уезды, во время которой им делались записи фольклора и приобретались предметы старины². Тексты похоронных причитаний, записанные собирателем в 1917—1919 годах, опубликованы в еще одной работе В. Смирнова³ (№ 64—70).

---

¹ Смирнов В. Отношение деревни к войне.—Костромская деревня в первое время войны. Кострома, 1916, с. 83 — 127 (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 5).

² Отчет о деятельности Костромского научного общества по изучению местного края за 1919 год (Год VIII). Кострома, 1920, с. 2.

³ Смирнов В. Народные похороны и причитания в Костромском крае.— Второй этнографический сборник. Кострома, 1920, с. 21 — 126 (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 15).

С 1920 года М. М. Зимин начал сам печататься в трудах общества. Он публикует статью о рекрутских причитаниях¹ и записи произведений различных жанров из Ковернинского края². Им также были изданы материалы по свадебному фольклору Ветлужского края³.

В 20-е же годы у м. М. Зимина возникли, судя по всему, контакты с выдающимся фольклористом и этнографом XX века Д. К. Зелениным, в архиве которого мы обнаружили 10 листков бумаги разного формата с записями частушек, сделанными рукой Д. К. Зеленина 'Санкт-Петербургское отделение архива Российской академии наук, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 562, л. 1022-1032). На листках имеется помета: «Солигалич, Зимин, 1929». Скорее всего данные записи делались Д. К. Зелениным при личной встрече со слов самого м. М. Зимина.

Двадцать восьмого февраля 1931 года М. М. Зимин обращается к Д. К. Зеленину с просьбой прислать ему официальный документ, дающий право на собиране материалов в деревне (ф. 849, оп. 3, ед. хр. 82, л. 1). Д. К. Зеленин, по-видимому, с большим вниманием относился к работе фольклориста-любителя. И потребность общения с Д. К. Зелениным не оставляет м. м. Зимина в течение всего следующего десятилетия. 2 мая 1941 года М. М. Зимин пишет Д. К. Зеленину: «Прошу сообщить: нужно ли записывать «неприличный» фольклор? И куда направлять такие записи?» (л. 2). Записи «неприличного» фольклора заинтересовали Д. К. Зеленина. И уже 29 мая м. м. Зимин прислал Д. К. Зеленину свои материалы (ф. 849, оп. 1, ед. хр. 562, л. 1033 — 1116) этого плана: «Глубокоуважаемый Дмитрий Константинович! Согласно Вашего письма от 10 мая с. г., посылаю Вам имеющийся у меня «неприличный» фольклор. Прошу сообщить Ваше мнение о нем» (ф. 849, оп. 1, ед. хр. 562, л. 1034). Здесь содержатся записи анекдотов, сказок, частушек, присловий, ругательств, песен и т. д. эротиче-

---

¹ Зимин М. М. Плачи по призванным на военную службу (Из записей в Ковернинском крае Костромской губ., в 1916 и 1919 годах).— Второй этнографический сборник. Кострома, 1920, с. 1—10 (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 15).

² Зимин М. М. Ковернинский край (Наблюдения и записи). Кострома, 1920 (Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. 17).

³ Зимин М. М. Свадебный обряд в Ветлужском уезде Костромской губернии (Краткий очерк).— Север: Орган научного северного краеведения. Вологда, 1922, кн. 2, с. 174—181.

ского и скабрёзного содержания. Часть этой коллекции публикуется ниже.

Личный фонд М. М. Зимина хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 1455, 126 единиц хранения). Материалы, связанные с именем этого собирателя фольклора, находятся, вероятно, также в Костромском областном архиве (ф. 508 и ф. р-838: фовды Костромского научного общества по изучению местного края). Обращение к ним, без сомнения, могло бы обогатить историю нашей фольклористики еще одной забытой страницей.

ЭРОТИКА В НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЕ

Народная медицина составляет значимый пласт в русской фольклорной культуре. И, что вполне естественно, как и любое другое явление человеческой цивилизации, она имеет не только серьезную, практическую сторону, но и пародийную, шутовскую. В крестьянской среде среди парней были распространены нескромные, эротического порядка пародии на медицинские рецепты. Один из таких текстов (рецепт против венерической болезни) был записан в 1926 году в Кулижской волости Ярославской губернии собирателем М. Зиминым:

«Возьми: Д.зе унции дристунции,
Две драхмы обсирахмы,
Перцу стручок,
Седой куны клочок.
Всё это истолочь,
Два раза по муд-ам проволочь.
Сварить.
Три раза «ебену мать» проговорить,
Намазать на ежовую кожу
И прилепить себе на рожу».

Далее собиратель замечал: «Любопытно, что таких рецептов у ребят (парней. — Т. И.) очень много, но, к сожалению, я их уже забыл и привести в качестве иллюстрации не могу»¹.

---

¹ Санкт-Петербургское отделение архива Российской Академии наук, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 562, л. 1105.

«ДУБИНУШКА» ИЗ ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

С детства нам знакомы некрасовские строки:

Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..

И каждый школьник знает, что песня-стон, которую пели бурлаки,— это «Дубинушка».

Известный собиратель песенного фольклора Н. М. Лопатин так характеризовал эту и родственные ей песни: «Знаменитая песня при вбивании свай, «Дубинушка», и бурлацкая «Эй, ухнем» — необычны по своей музыкальности в хоровом исполнении, несмотря на небогатство оборотов мелодии, взятой отдельно от хора. В этих песнях, в хоре, звучит и тоскливая нота наших одиночных напевов, слышится в них и тягота работы, и утомление, оттого ритм их такой тяжелый...»¹ Впрочем, тут же собиратель подчеркивал и особую удаль трудовых припевок. Он говорил о том, что в них «чувствуются необъятная сила, неистомная бодрость, граничащая с весельем». А вслед за тем вскользь замечал: «А в своем содержании они полны народного юмора в полном его разгуле»².

Не мрачную, тяжедую, а задорную, веселую «Дубинушку» хорошо знал и М. Горький. В его романе «Жизнь Клима Самгина» главный герой наблюдает за работой артели грузчиков: «...он впервые услышал, что унылую «Дубинушку» можно петь в таком бойком, задорном темпе (...). Запевали «Дубинушку» двое: один — корена-

---

¹ Лопатин Н. М., Прокунин В. П. Русские народные лирические песни. М., 1956, с. 154.

Там же.

стый, в красной, пропотевшей, изорванной рубахе без пояса, в растоптанных лаптях, с голыми выше локтей руками, точно покрытыми железной ржавчиной. Он пел высочайшим, резким тенором и, удивительно фокусно подсвистывая среди слов, притопывал ногою, играл всем телом, а железными руками играл на тугой веревке, точно на гусях, а пел — *не стесняясь выбором слов* (курсив наш. — Т. И.):

Эй, ребята, знай — кати... (...)

— Эй, дубинушка, ухнем! — согласно и весело подхватывали грузчики частым говорком, но раньше, чем они успевали допеть, другой запевала, высокий, лысый, с черной бородой, в жилете, но без рубахи, гулким басом заглушал припев, командуя:

Эй, ребята, дергай ловко,
Чтоб не ерзала веревка...
Эх, дубинушка...¹

Внимательный читатель в процитированном отрывке из романа А. М. Горького заметит, что первый куплет «Дубинушки» писателем дан не полностью. Видимо, слишком забористым, смачным было слово во второй строке куплета. Такую «Дубинушку» современный читатель почти не знает. Однако она существовала. Бойкая, озорная, не стесняющаяся выбором слов, охотно смакующая эротическую тему,—, такие варианты «Дубинушки», без сомнения, должны были быть очень популярными среди сугубо мужской компании бурлаков. Один из таких текстов обнаружен нами в архивном фонде Д. К. Зеленина среди бумаг ярославского собирателя М. Зимины². М. Зимин пишет, что слышал эту песню в Кулижской волости весной 1925 года, когда крестьяне починяли плотину на реке Обноре (приток реки Костромы):

На Любимском³ перевозе
Ебут девок на рогозе.

---

¹ Горький М. Жизнь Клима Самгина (Сорок лет). М., 1956, ч. 2, с. 261-262.

² Санкт-Петербургское отделение архива Российской Академии наук, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 562, л. 1100-1103.

³ Любим — город в Ярославской области.

Припев: Эх! Дубинушка ухнем,
Эх! Зеленая сама "идёт,
Идёт, еще разок ляпнем.

Старушонка еле дышит,
А ебет — так словно пишет.
Тёта, беленький платочек,
Дай ебать один разочек.
На пригорке я сидела,
Из очков в пизду глядела.
Кóзу на гору поставили,
Комсомольца еть заставили.
Комсомольцы, не сердитесь,
Сядьте на хуй, не свернитесь.
На углу стоит калека,
Убил хуем человека.
Как у барыни высокой
Заросла пизда осокой.
Мы осоку эту скосим,
У нее пизды попросим.
Наша Маша невеличка,
Любит хуй и дья яичка.
-На руке у вас колечко,
А в пизде у вас уздечка.
Ой, Огаша, не ленись,
Подо мною шевелись.

Далее собиратель замечал: «Много еще пели куплетов «Дубинушки», но я представить не могу, потому что прошло уже много времени и я уже успел забыть».

Исследователи трудовых припевок¹ выявили важнейшие черты этого жанра русской устной народной поэзии: отсутствие единой сюжетной линии во всех вариантах песни; автономность каждого куплета, что сближает трудовую припевку с частушками; особое соотношение стиха и напева, при котором разные тексты припевок, близкие по мелодическому рисунку, развивают абсолютно противоположные по своему содержанию темы («Дубинушка» в одних случаях выражает гнев и озлобление народа, в других — шутку, сатиру, эротическую, скабрёзность). «Дубинушка» из Кулижской волости как раз и является вариантом последающего типа этой знаменитой песни.

---

¹ Истомин И. Трудовые припевки плотогонов. М., 1979, с. 86.

СКВЕРНОСЛОВИЕ В МУЖСКИХ СОБРАНИЯХ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Исследователи¹ русских народных обрядов неоднократно отмечали, что в жизни деревенской молодежи четко выделяется женское начало. Ведущая роль девушек в весенне-летних гуляниях и хороводах, обряды кумления, обычай посестрия, распространенный среди женщин, организация девушками осенне-зимних посиделок и бесед, где парни были лишь гостями,— все это свидетельствует о том, что можно говорить о реальности девичьих и женских объединений, тесно связанных с обрядовой жизнью крестьянской общины.

Мужские же или юношеские союзы в русской народной культуре обозначены не столь четко. Единственно развитый вид мужских объединений — это кулачные бои, которые повсеместно проходили на протяжении полугодия от святок до петровок. Следы мужских союзов можно усмотреть также в масленичных конских ристалищах, взятиях «снежного городка». В некоторых северных районах были распространены спортивные игры в шар, яйца, мяч.

Нетрудно заметить, что все мужские союзы в отличие от женских, где царит дух согласия, дружбы (кумление, посестрие), проникнуты состязательным началом. В кулачном бою одна группа мужчин объединяется, чтобы вступить в спортивную битву с другой. В игре «взятие снежного городка» одна команда защищает «город», другая — нападает. О том, каковы были правила поведения, развлечения в кругу мужской молодежи,

---

¹ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988, с. 91—96 и др.

фольклористам известно чрезвычайно мало¹. Но дух состязания, борьба за лидерство, желание приобрести авторитет, самоутвердиться в сугубо мужской компании, без сомнения, должны были иметь место в такого рода объединениях.

Материал собирателя М. Зимина из Ярославской области свидетельствует о существовании традиционной речевой перепалки между двумя парнями, в основе которой лежат нескромные, эротические темы и образы. М. Зимин писал:

«В обычные, небольшие праздники беседы не устраиваются. Тогда молодые ребята собираются в группы и начинают переговариваться различными поговорками. Вот я и привожу пример таких поговорок. Сначала заговаривает кто-нибудь один из ребят, а другой ему отвечает:

1. Эх! ты говорок,
Облизнул в пизде творог.
2. Эх! ты прибауточник,
Еб тебя Сенька-бутошник.
  1. Нам с тобой не сговориться,
Придется тебе моим хуем подавиться.
  2. Эта песенка старá,
В жопу еть тебя порá.
1. Это нынче не в моде,
Поцелуй пизду в комодe.
2. Это, брат, не в строку́,
Оближи пизду в соку.
  1. За эти-то словеса
Подняли бы тебя черти на небеса.
А ты бы оттуда упал,
Да ко мне на хуй попал.
  2. За эти-то речи
Хуй тебе в плечи.

У первого парня запас прибауток истощился, и он вынужден отстать. Тогда второй торжественно заявляет:

---

¹ Ср.: «Парни тоже собирали свои мужские собрания (как и де-вушки.— Т. И.), но подробности их нам неизвестны» (Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX — начале XX в. Этнографические очерки. Л., 1983, с. 116).

Кто наших прибауток не знает,
Тот по четверти в пизде зернышки глотает.

Ребята смеются. Второй парень торжествует, что он победил конкурента и завоевал большой авторитет среди товарищей. А первый, побежденный, сидит, ничего уже не говорит, а по его адресу от ребят сыплются различные упреки: «Эх! ты баба! шпана сортирная!»¹

За подобного рода состязаниями в сквернословии отнюдь не следует видеть исключительно моральную распушенность деревенской молодежи. Скорее всего за этим явлением стоят древние обрядовые корни. Ритуальный, освященный традицией характер его несомненен. Сквернословие в юношеской среде должноствовало свидетельствовать о мужском созревании парней, о переходе их в разряд женихов, способных познать жену, женщину. Оно было одним из знаков перехода парней из одной возрастной категории (подростки) в другую (юноши, готовые к женитьбе).

Публикация Т. Г. Ивановой

---

¹ Место хранения: Санкт-Петербургское отделение архива Российской Академии наук, ф. 849, оп. 1, ед. хр. 562, л. 1096—1098. Материал, по-видимому, относится к середине 1920-х годов. Записан в Кулижской волости Ярославской области.

Комментарии

ПРИМЕЧАНИЯ

Эта книга — первое научное издание, в котором многосторонне представлены произведения русского фольклора, связанные с темами эротики, сексуально-половых отношений и материально-телесного низа. Она подводит итоги собиранию эротического фольклора на протяжении более двух столетий: от так называемого сборника Кирши Данилова и песенников XVIII века до современных фольклорных и этнографических экспедиций, от знаменитых собирателей первой половины XIX века — П. В. Киреевского и П. И. Якушкина до ученых первой половины XX века — братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. И. Никифорова, П. Н. Тиханова, В. И. Симакова и др.

Большинство текстов, включенных в наше издание, публикуется впервые. В то же время для полноты раскрытия темы мы воспроизводим и некоторые фольклорные материалы и этнографические описания, извлеченные из редких и труднодоступных изданий XVIII — XX веков. Наше внимание привлекает главным образом традиционный фольклор русского народа, а не его поздние и тем более современные модификации. В связи с этим безусловный приоритет отдавался текстам, записанным в деревне, а не в городе, а в городе — от деревенских жителей.

Широко представлен материал и в географическом отношении. В книге публикуется фольклор, бытовавший и бытующий поныне не только в Центральной России, но и в Сибири, на Урале, на Русском Севере, в западнорусских областях. В частности, читатель познакомится с подборками фольклорных произведений из Пермской области — песнями, частушками, загадками, святочными играми; особый интерес они имеют в связи с тем, что на этой же территории, по всей вероятности, сложился и репертуар сборника Кирши Данилова (отдельные переключки между текстами сборника и песнями и частушками в записях XIX — XX веков отмечены в комментариях к настоящему изданию и в статье А. В. Кулагиной, предпосланной разделу «Частушки»). Вполне вероятно, что особая сохранность эротического фольклора в Уральском регионе так или иначе связана с деятельно-

стью скоморохов, однако эта проблема нуждается в специальном изучении¹.

При составлении тома мы стремились придерживаться принципов полноты и целостности в охвате эротического пласта русского фольклора. Читатель найдет здесь произведения разных родов и жанров: обрядовые и необрядовые песни, фрагменты свадебного обряда, святочные игры молодежи, представления театра Петрушки, загадки, заговоры, частушки. За рамками книги остались прозаические жанры (сказка, анекдот, быличка); из так называемых малых жанров публикуются загадки, но нет пословиц и поговорок.

В основе публикуемых коллекций загадок лежит богатейший фольклорный архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московского университета, в котором хранятся материалы, собранные в течение нескольких десятилетий целыми поколениями фольклористов — выпускников МГУ, а также личное собрание пермского фразеолога и диалектолога И. А. Подюкова.

Несколькими публикациями представлены и частушки. Наибольшая по объему коллекция подготовлена А. В. Кулагиной — преподавателем фольклора МГУ, известным собирателем, исследователем и публикатором русского фольклора. Это лишь небольшая часть ее коллекции частушек, сложившейся более чем за два десятилетия в результате многочисленных поездок по России.

Особая проблема возникает в тех случаях, когда интересующие нас элементы эротики встречаются в произведениях обрядового фольклора, которые могут быть поняты только в контексте того или иного обряда. Идеальным решением являлась бы публикация всего обряда со всеми сопровождающими его текстами, как эротическими, так и иными. Именно такой характер имеют в нашей книге описания Духова дня и подблюдных гаданий, подготовленные Е. В. Миненок. Однако ограниченный объем книги не позволяет в каждом случае давать полное описание обряда, да это и не всегда нужно. В недавнее время довольно типичной являлась ситуация, когда собиратель фиксировал обряд, но опубликовать его имел возможность лишь частично, с пропуском тех текстов, которые до сих пор воспринимались как нецензурные. В подобных случаях мы печатаем только фрагменты обряда и сопровождающие их тексты эротического характера и отсылаем читателя к материалам, опубликованным ранее в других изданиях (см. подборки подблюдных и свадебных песен, подготовленные

---

¹ См.: Власова З. И. О влиянии поэтических традиций скоморохов в фольклоре Чайковского района Пермской области. — П. И. Чайковский и Урал. Ижевск, 1983, с. 75—85; Горелов А. А. Кирша Данилов — скоморох из Демидовского Нижнего Тагила. — Скоморохи: Проблемы и перспективы изучения. СПб., 1994, с. 51—70.

А. С. Сатыренко и Т. Г. Гуржий, и библиографические отсылки в комментариях к ним). Смысл наших публикаций в этих случаях заключается в том, чтобы вставить недостающее звено традиции, восстановить целостность обряда и корпуса фольклорных текстов того или иного жанра.

В некоторых случаях вслед за полным описанием обряда даются в качестве дополнения однотипные тексты, зафиксированные в иных местностях. Поскольку общий характер обряда остается тем же, его описание вторично уже не приводится (см., например, подборку подблюдных песен Е. А. Дороховой).

Фольклорный текст в отличие от литературного не имеет канонической формы, но представляет собой совокупность конкретных актов исполнения данного текста. Поэтому так важно фиксировать варианты одних и тех же текстов, исполненные в разное время и в разных местностях. Сама идея реконструирования некоего прототекста на основе этих вариантов была бы в данном случае принципиально неверна.

В разных публикациях, включенных в наше издание, читатель найдет более или менее близкие варианты свадебных и календарных обрядов, песен, частушек, загадок. Осмыслить все это многообразие помогут вступительные статьи к отдельным разделам, примечания и указатели, помещенные в конце книги. Однако в полной мере освоить эротический пласт русского фольклора как полижанровое, политекстовое, поливариантное и в то же время цельное образование будет возможно только в результате ряда специальных исследований. Мы же только ставим своей целью дать для них материалы и осуществить первичную систематизацию. Естественно, что при современном состоянии дел наши комментарии не могут претендовать на сколько-нибудь исчерпывающий и обобщающий характер. Мы хорошо сознаем, что и архивные, и полевые разыскания должны быть продолжены, и каждый из представленных в настоящем издании жанров впоследствии может быть дополнен новыми текстами, а каждый текст — новыми вариантами.

При составлении книги использованы фонды крупнейших архивохранилищ Москвы и Санкт-Петербурга: Государственного литературного музея, Российского государственного архива древних актов, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного исторического архива, Российской государственной библиотеки (Москва), Российской национальной библиотеки, Рукописного отдела Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург) и др. Выражаем признательность за помощь при разысканиях и подготовке к публикации материалов хранителям Фольклорного архива кафедры русского устного народного творчества Московского университета, Фонограммархива Проблемной научно-исследовательской лаборатории по изучению традиционных музыкальных культур Российской академии музыки им. Гнесиных, Фоль-

кзорной коллекции объединения «Провинция» при Пермском государственном университете. Мы благодарим также А. А. Иванову, В. Л. Кляуса, А. В. Кулагину, В. С. Левашова, Ш. Л. Лурье, Е. В. Миненок, Т. К. Николаеву, О. Р. Николаева, И. А. Подюкова и В. Г. Смолицкого, предоставивших для публикации записи из своих личных архивов.

Пунктуация публикуемых текстов приближена к современным нормам. Орфография архивных и изданных ранее текстов XVm века также приближена к современной (снята буква ъ в конце слов, * заменена на е и т. д.), однако сохранены специфические особенности оригиналов и черты, передающие диалектную речь или неустоявшуюся орфографию того времени (написание а вместо о, и вместо е в безударной позиции и т. д.).

Дополнения, привнесенные публикаторами в тексты, даются в квадратных скобках. Остальные разъяснения, касающиеся оформления текстов, приведены в примечаниях к отдельным разделам книги. Примечания к текстам составлены авторами соответствующих публикаций.

Андрей ТОПОРКОВ

Песни

ИЗ ПЕСЕННЫХ СБОРНИКОВ XVIII ВЕКА

Первое издание сборника Кирши Данилова, подготовленное А. Ф. Якубовичем, увидело свет в 1804 году. Оно включало в себя всего лишь 26 произведений. Второе, более обширное, издание было подготовлено К. Ф. Калайдовичем в 1818 году. В него вошел 61 текст, однако и на этот раз песни непристойного содержания остались за рамками книги.

Научное издание сборника Кирши Данилова, осуществленное П. Н. Шеффером, появилось в 1901 году. Оно вышло в двух вариантах. Один предназначался для широкой публики, в нем тексты с ненормативной лексикой воспроизводились с большими купюрами. Другой вариант, 100 экз., был известен только узкому кругу специалистов. В предисловии к книге значилось: «Имея в виду научный характер издания и уступая желанию специалистов, А. Ф. Бычков (археограф, академик, директор Публичной библиотеки 1882—1899 гг.— В. К.) решил не заменять точками наивно-грубых местами выражений оригинала. Но так как две песни оказалось все-таки совершенно невозможным напечатать целиком, страницы 23 и 183—187 напечатаны в двух видах: с большим количеством пропусков — для общедоступных экземпляров и с меньшим — для ста нумерованных экземпляров, которые не поступят в продажу» (Шеффер, с. I—II). Таким образом, даже во втором варианте издания, предназначенном для специалистов, были купюры. Но П. Н. Шеффер сделал фототипическое воспроизведение тех текстов рукописи, которые по цензурным соображениям не могли быть опубликованы в то время даже ограниченным тиражом. Известно его письмо некоему Модесту Ивановичу от 23 мая 1902 года, проливающее свет на историю этого издания: «Нумерованных экземпляров СКД было отпечатано всего сто, и еще до выхода в свет они были распределены Публичной библиотекою между различными учреждениями, специалистами по истории русской литературы и некоторыми другими лицами. Но так как даже в нумерованных экземплярах текст сборника напечатан с пропусками, я сделал фотографические снимки с тех листов оригинала, текст которых нельзя было напечатать целиком. При настоящем письме я посылаю Вам, вместе с нумерованным экземпляром «Сборника», комплект этих снимков, которыми я вообще делюсь очень скупно: ознакомившись с их грубоциничными местами и содержанием песен, текст которых воспроизведен на снимках, Вы поймете почему Крайне нежелательно их распространение, и почему я считаю себя вправе знакомить с ними лишь исключительно людей, серьезно интересующихся народною поэзией» (письмо, вместе с экземпляром № 68, хранится у Б. Н. Путилова).

Уже в наше время, в 1958 и 1977 годах, вышло два академических издания сборника, подготовленные А. П. Евгеньевой и Б. Н. Путило-

вым. Непристойные тексты даны здесь с купюрами, что не позволяет получить о них целостного представления. В полном виде они опубликованы пока только за рубежом¹.

Тексты печатаются по рукописи, хранящейся в Отделе редких книг и рукописей Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ранее — Государственная Публичная библиотека) в Санкт-Петербурге (шифр — F XIV. 68).

Сборник 1740 года имеет в научной литературе условное название «Сборник Абрамова» (по фамилии последнего владельца). Он хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ф. 218, № 299). В 1930-х годах с этим сборником работал В. И. Чернышев при подготовке к изданию книги «Русская баллада»². Публикуемые нами тексты не были им использованы.

Рукописный сборник «Древняя Русские стихотворения и песни», созданный не ранее 1762 года, до сих пор не привлекал внимания исследователей народной песни. Все тексты из него даются впервые.

Тексты № 1—15 подготовлены В. Л. Кляусом, № 16 — З. И. Власовой.

1. СТАТЬ ПОЧИТАТЬ, СТАТЬ СКАЗЫВАТЬ

Место хранения: РНБ, JA F XIV. 68, л. 98—100.

Впервые опубли. у Шеффера, с. 183—187 (с купюрами); см. также Евгеньева-Путилов, с. 222—223, 354—356.

Отдельные строки «Стать почитать, стать сказывать» являются вариантами к различным песенным текстам.

Стр. 28—30 ср. с песней у Афанасьева, л. 399, № 17:

Как у нас на Дону
Уеб черт сатану,
Дьявол дьяволицу,
Дьякон дьяконицу...

Стр. 31—33 ср. с песней у Афанасьева, л. 392, № 4:

Уж как поп на льду продает пизду,
А и дьякон-ат, ебена мать, барышничает:
Прихватил пизду зубами, сам натягивает,
Уж и евтот ли товар он похваливает:
— Уж и евтот ли товар расчудеснейший,
Что и летом он не плесневеет,
А зимою он не индевеет!

(Зап. а Московской губ.)

---

¹ Rice J. L. A Russian Bawdy Song of the Eighteenth Century.— Slavic and East European Journal, 1976, vol. 20, № 4, p. 353—370.

² Русская баллада. Под ред. В. И. Чернышева. М., 1936.

Стр. 94—97 ср. с песней «Кабачкий детина» в наст. изд. См. также комментарий к этому тексту.

Стр. 100—104 ср. с окончанием песни у Афанасьева, л. 404, № 20:

Вот как староста придумал,
Воевода присудил:
Чтоб не бить пизду,
Не ругать пизду,
Под лобок чтоб ей поправить
И в попы ее .поставить.
Кто ни едет, кто ни идет —
Всяк пизду попом зовет.

Стр. 161—170 ср. с песнями про зятя и тещу:

Тешша про зятя пирок спекла,
Соли да муки да на цетыре рубля,
Вот соли да муки да на цетыре рубля,
А сахару-изюму на восемь рублей.
Стал мой пирок на двинацать рублей,
Вот стал мой пирок на двинацать рублей.
Зятюшка пришол, за присяд пирок съел.
Тешша по горенке пахаживала,
Вот тешша по горенке пахаживала.
Вот скосо на зятюшку поглядывала: (2 раза)
— Как тебя, зятюшка, не разорвало? (2 раза)
— Как тешша, у тебя язык не отсох?

*(Фольклор семейских. Сост.
Л. Е. Элиасов и И. З. Ярцевский.
Улан-Удэ, 1963, с. 190, М 285)*

Стр. 170—172 ср. с песней «Я у дядюшки бывал» в наст. изд.

Стр. 199—201 ср. с песней «Как и дочка-то с маткою спорилася»
в наст. изд.

2. СВИНЬИ ХРЮ, ПОРОСЯТА ХРЮ

Место хранения: РНБ, № F XIV. 68, л. 97-97об.

Впервые опубл. у Шеффера, с. 181 — 182 (с купюрами); см. также
Евгеньева—Путилов, с. 221—222, 352-353.

3. СЕРГЕЙ ХОРОШ

Место хранения: РНБ, № F XIV. 68, л. 11.

Впервые опубл. у Шеффера, с. 22—23; см. также Евгеньева—Пу-
тилов, с. 37-39, 241-242.

4. ОХ, ГОРЮНА! ОХ, ГОРЮ ХМЕЛИНА!

Место хранения: РНБ, № F XIV. 68, л. 93.

Впервые опубл. у Шеффера, с. 174 — 175; см. также Евгеньева — Путилов, с. 213, 347-348.

5. ТЕЩА, ТЫ ТЕЩА МОЯ

Место хранения: РНБ, № F XIV. 68, л. 94.

Впервые опубл. у Шеффера, с. 176 — 177; см. также Евгеньева — Путилов, с. 216-349.

6. ВО ЗЕЛЕНОМ САДОЧКУ

Место хранения: РНБ, № F XIV. 68, л. 87.

Впервые опубл. у Шеффера, с. 163; см. также Евгеньева—Путилов, с. 199, 339.

Возможно, песня представляет собой контаминацию двух текстов. К первой части есть вариант в «Сборнике песен 1740 г.» (РГБ, ф. 218, № 899, л. 42об.— 43), который опубл. у Чернышева, с. 167 — 168, № 155.

7. «ЧТО ПО ТРАВКЕ, ПО МУРАВКЕ...»

Место хранения: РНБ, Q XIV № 11, № 107.

Впервые опубл. у Чернышева, с. 24—25. № 21.

Вариант см.: песня «У Палашки дочь Наташка» в наст. изд.

8. «ВО МОСКОВСКОМ Г(О)С(У)Д(А)Р(С)ТВЕ, ЗА ЯУЗОЙ-РЕКОЙ...»

Место хранения: РГБ, ф. 218, №299, л. 134об.- 135.

Публ. впервые.

Варианты см.: песни под № 9 из данного раздела, «Дуня бела, румяна», «Подговаривал Ванюша к себе Дуню ночевать», «Приглашал Ваня Дуняшу с собой ночку ночевать» в наст. изд.

9. «АХ, ПО МОСТУ, МОСТУ...»

Печ. по изд.: Чулков М. Д. Собрание разных песен. М., 1770, ч. 3, с. 183; перепечатка у Чернышева, с. 168—169, №156.

Место записи неизвестно.

Вариант см.: песня под № 8 из данного раздела.

10. « — МАТУШКА-ЛАПУШКА, ГОЛОВКА БОЛИТ...»

Место хранения: РГБ, ф. 218, №899, л. 40об.- 41.

Публ. впервые.

Вторая, четвертая и шестая строки повторяются дважды.

Варианты см.: Киреевский—Якушкин, т. 1, с. 157, № 334, с. 270, 601.

11. «ПРИШЛА КО МНЕ РАДОСТЬ, ПРИШЛА ДОРОГАЯ...»

Место хранения: РГБ, ф. 354, №213, л. 40об.

Публ. впервые.

Каждая строчка повторяется.

В этом же рукописном сборнике приведен еще один вариант песни с небольшими разночтениями (РГБ, ф. 354, №213, л. 46):

...Налил вина рюмку и сам с ней же выпил.
Захотелось мне-ка потешитца с нею,
Бросил на кроватку, учал целовати.
Учал целовати, к сердцу прижимати.
Она меня носит, чуть здолой не збро(с)ит.
А я догадался, за косы схватался,
За косу схватался, чуть я удержался.
Пропали утехи, че(м) я веселился.
Чем я веселился, того век лишился.

Варианты см.: песни «Вот сел я, задремал я», «Осенние ночи, осенние ночи», «Поедте в Москву, купим колокольчик» в наст. изд., а также Батрий Ю. А. Песни Северного Подмосковья. М., 1989, №34.

12. «АХ ТЫ, ДУШЕЧКА, МОЛОТЧИК МОЛОДЕНЬКОЙ...»

Место хранения: РГБ, ф. 354, №213, л. 41.

Публ. впервые.

*— далее текст в рукописи написан другим почерком.

13. «АХ НА ГОРЕ, ГОРЕ, НА ВЫСОКОЙ НА ГОРЕ...»

Место хранения: РГБ, ф. 354, №213, л. 9об.

Публ. впервые.

Каждая строка повторяется дважды.

14. «АХ ТЫ, ДУШЕЧКА, КРАСНАЯ ДЕВИЦА...»

Место хранения: РГБ, ф. 354, №213, л. 14об.~ 15.

Публ. впервые.

Каждая строка, кроме первой, повторяется дважды. Рядом с четвертой строкой указано: «при(пе)вка (да эхе.— В. К.) во всяко(й) строке».

15. «АХ, ВАНЬКА ЮЛА, НАСТОЯЩИЙ ОН СУДА!»

Печ. по изд.: Чулков М. Д. Собрание разных песен. М., 1780, ч. 4, с. 112.; перепечатано у Соболевского, т. 4, №229.

Место записи неизвестно.

Ср. с песней «Залетная пташечка» в наст. изд.

16. «БЫЛА У МЕНЯ КУРОЧКА...»

Печ. по тексту из рукописного песенника конца XVІІ в.

Место хранения: РНБ, рукописный отдел, собрание А. Титова 4070, л. 1-2об., №9.

Припев поется, видимо, после каждого стиха.

Некоторые особенности текста позволяют предположить в качестве его авторов и исполнителей скоморохов: двойственный смысл центрального образа, прозрачность его символики, смелая, свободная насмешка по адресу воеводы и его асессора, оказавшихся не менее «злыми-догадливыми», чем «афицерские ребята», самый этот эпитет, характерный для некоторых произведений с воровской, разбойничьей и антиклерикальной тематикой («Усы», «Из монастыря Боголюбова» и др.) — все эти черты указывают, что в прошлом песня входила, вероятно, в репертуар скоморохов.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ П. В. КИРЕЕВСКИМ

В личном фонде П. А. Бессонова, хранящемся в Рукописном отделе Российской государственной библиотеки, значительное место занимают материалы, связанные с подготовкой к изданию сборника «Песни, собранные П. В. Киреевским»¹. В них, в разделе «Лакейские и нехорошие», находится более двух десятков песен на эротические темы. Они записаны самим П. В. Киреевским во время его небольших экспедиций в начале 1830-х годов в Тверскую, Московскую и Новгородскую губернии. Часть из них была издана в 1991 году².

1. «А ДУДУ, ДУДУ, ДУДУ, ДА ДУДУШЕЧКИ!»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 90.

Впервые опубл. у Кляуса, с. 10.

Зап. 18 июня 1834 г. в д. Болотники Ржевского у. Тверской губ. от старухи.

Припев песни повторяется после каждой строки.

---

¹ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1874, ч. 1-3, вып. 1—10.

² Русские скромные песни в записях П. В. Киреевского. Сост. В. Л. Кляус. М., 1991.

2. «ЧИМАНИХА, ЧИМАНИХА, ЧЕМОДАНИХА МОЯ!»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 77 (2909).

Впервые опубликовано у Кляуса, с. 10.

Записано 18 июня 1834 г. в д. Болотники Ржевского у. Тверской губ. от старухи.

Припев песни повторяется после каждой строки.

Ср. с песней «Стать почитать, стать сказывать» (строки 199—201 в наст. изд.):

— Ох где, матушка свекры, ты не спорайся всегда,
Что твоя пизда велика, моя больше твоей:
Твоя пизда с лукошка, а моя с решето.

3. «А ТЫЛЬДЫ, БУДЫЛЬДЫ, КАРАКАЛКИ!»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 78 (2910).

Впервые опубликовано у Кляуса, с. 11.

Записано 18 июня 1834 г. в д. Болотники Ржевского у. Тверской губ. от старухи.

Припев песни повторяется после каждой строки.

4. «ОЙ, БЫЛ Я МОЛОДЕЦ...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 80—80об.; беловая копия п. 9, л. 2919.

Впервые опубликовано у Кляуса, с. 7—9.

Записано в июне 1834 г. в д. Болотники Ржевского у. Тверской губ. от старухи.

Вариант см.: Афанасьев, л. 396, № 10; ср. также с песнями «Посади дед репку» в наст. изд.

5. «ОХ, И Я ШИНДЕРЯ ДА ШИНДЕРИШЕНЬКА МОЯ!»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 79; беловая копия п. 9, л. 290.

Впервые опубликовано у Кляуса, с. 5.

Записано в июне 1834 г. в д. Болотники Ржевского у. Тверской губ. от старухи.

Припев повторяется после каждой строки.

Вариант см.: песня «Там за лужком зелененьким солдат сено косит» в наст. изд.; ср. также с № 15 из данного раздела.

6. «Я У ДЯДЮШКИ БЫВАЛ...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 88, № 2921.

Публиковано впервые.

Записано в 1832 г. в с. Ильинское Звенигородского у. Московской губ.

Ср. начало песни с текстом «Стать почитать, стать сказывать» в наст. изд., с. 170—172:

А мужик меня бивал, ростака-де мать, бивал.
За што мене бивал? То за то меня бивал,
То за то меня бивал — жену ево ебал.

7. «БРАЛА ДЕВКА ЛЕН, ЛЕН...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 86 —87об. (2919).

Впервые опубли. у Кляуса, с. 3.

Зап. в 1832 г. в с. Ильинское Звенигородского у. Московской губ.

Варианты см.: песни «Рвали девки лён-лён», «Посеяли девки лён», «Брала девка лён, лён, брали, выбирали», «Брала девка лён, лён» в наст. изд.; Киреевский — Якушкин, т. 1, с. 90, № 177.; Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сб., №4. — Записки РГО. М., 1903, т. 27, с. 446, № 159; Добровольский В. Н. Песни Дмитриевского у. Орловской губ.— Живая старина, 1905, вып. 1—2, с. 407-408.

Окончание ср. с песней «На брусу» в наст. изд.

8. «ДЕВКА Ё ЛЕСУ ЖНЕТ, НАГИБАЕТСЯ...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 87 —87об. (2920).

Впервые опубли. у Кляуса, с. 6.

Зап. в начале августа 1832 г. в с. Ильинское Звенигородского у. Московской губ.

9. «ДОНЫ, ДОНЫ МОЛОДЫЯ!»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 89 (2922).

Впервые опубли. у Кляуса, с. 2..

Зап. в 1832 г. в с. Ильинское Звенигородского у. Московской губ.

Варианты см.: песни «Дело было во субботу», «У канавки росла травка», «Уж ты Хима-Хима...» в наст. изд.: Киреевский — Якушкин, т. 1, с. 90—91, № 178, с. 131, 278; Зеленья моя вишенка. Собрание песен пинован, проживающих в Румынии / Сост. М. Маринеску. Бухарест, 1978, с. 162 — 164, № 210; ГЛМ, инв. 4, Савельев 32, л. 64; Батрий Ю. А. Песни Северного Подмосковья. М., 1989, № 33, 34; Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сб., ч. 4.— Записки РГО. М., 1903, т. 27, с. 217, № 7а; с. 218, № 76.

10. «ПО МХУ Я, ДЕВУШКА, ХОДИЛА...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 82 (2915).

Публ. впервые.

Зап. в д. Сосница Осташковского у. Тверской губ.

Схожая песня есть у Афанасьева, л. 407—409, № 1, извлечена из рукописи 1802 г.

11. «ВОТ КАК НЫНЕЧЕ МУЖЬЯ ВЫЛИ...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 84 (2917).

Впервые опубли. у Кляуса, с. 4.

Зап. в д. Сосница Осташковского у. Тверской губ.

Припев повторяется после каждой строки.

12. «АХ, КОРУН ТЫ, КОРУН!»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 83—83об. (2916).

Впервые опубли. у Кляуса, с. 9.

Зап. в д. Сосница Осташковского у. Тверской губ.

Последние две строки ср. с: Афанасьев, л. 398, № 12:

Ох, кости болят,
Все суставы говорят,
Как один-то сустав
С топориче встал.

13. «ВО ПОЛЕ БЕРЕЗЫНЬКА СТОЯЛА...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 95 (2926).

Впервые опубли. у Кляуса, с. 7.

Зап. в д. Сосница Валдайского у. Новгородской губ.

Припев повторяется после каждых двух строк.

14. «МАТУШКА! РОДНАЯ!»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 69-69об. (2901).

Зап. в 1834 г. в д. Сосница Валдайского у. Новгородской губ.

Полностью песня публикуется впервые, отдельные строки приведены в «Словаре русских народных говоров» (вып. 18. Л., 1982, с. 124, словарная статья «мершечка»). Вариант начала см.: Киреевский — Якушкин, т. 2, с. 114, № 249:

Я чернец, я маладец,
Диво лиле, ладо мае!
Я светогорец, я богомолец,
Диво лиле, ладо мае!
Я свешельник из Москвы,
Диво лиле, ладо мае!..

15. «ВО ЧИСТОМ ВО ПОЛЕ ДЕВКА ПРОСО ПОЛЕ...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 91; белой автограф П. В. Киреевского, п. 9, л. 2924.

Впервые опубли. у Кляуса, с. 5.

Зап. 22 июля 1834 г. в д. Острица Осташковского у. Тверской губ.

Ср. с № 5 из данного раздела.

16. «ВО ЛУГАХ, ЛУГАХ, ЛУГАХ, ВО ЗЕЛЕНЬИХ ЛУГАХ...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л.81 (2914).

Впервые опубли. у Кляуса, с. 4.

Зап. в д. Воронки Звенигородского у. Московской губ.

17. «ЗАЛЕТНАЯ ПТАШЕЧКА...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 92—92об. (2925).

Публ. впервые.

Зап. в Боровском. Калужской губ. от старушки 70-ти лет.

Ср. стр. 11 — 14 с песней «Ах, Ванька юла, настоящий он сула!»

в наст. изд.:

Ах, Ванька юла, настоящий он сула!

Он звал душу Авдотью с собой погулять.

Авдотьюшка собралась, у Смоленска дождалась.

Как схватились, упали, ровно три часа лежали...

18. НАСТАСЬЯ ПЕТРОВНА

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 11, л. 96—97 (2930).

Публ. впервые.

Место записи не указано.

Схожая по характеру песня, но явно позднего, «салонного», происхождения находится в «Сборнике стихотворений и песен» XIX в. (РНБ, Q XIV, № 158, л. 38):

— Пожалуйте, сударыня, сядте со мной рядо(м)

Пожалуйте, пожалуйте, наградите взглядом.

— Прочь, прочь, отвяжись, какой безпакойнай,

Прочь, прочь, отвяжись, того недостойнай.

— Пожалуйте, сударыня, прекратите муку,

Пожалуйте, пожалуйте поцеловать руку.

— Прочь, прочь, отвяжись, какой безпакойнай,

Прочь, прочь, отвяжись, того недостойнай.

— Пожалуйте, сударыня, не будьте так грубы,

Пожалуйте, пожалуйте поцеловать в губы.

— Прочь, прочь, отвяжись, какой безпакойнай,

Прочь, прочь, отвяжись, того недостойнай...

— Пожалуйте, сударыня, за май тревоги,

Пожалуйте, пожалуйте, протяните ноги.

— Прочь, прочь, отвяжись, какой безпакойнай,

Прочь, прочь, отвяжись, того недостойнай.

— Ах, долга ли мне мучитца, долго ль сердцу битца,

Позвольте мне, сударыня, другой объясниться.

— Врешь, врешь, погади, я с тобой знакома.

Врешь, врешь, уже приходи, муж не будет дома.

ПЕСНИ, ЗАПИСАННЫЕ П. И. ЯКУШКИНЫМ

1. «ВОТ СЕЛ Я, ЗАДРЕМАЛ Я...»

Место хранения: ГИМ, ОПИ, ф. 56, оп. 1, п. 44а, л. 141об., XVII. Беловые копии: РГБ, ф. 125, п. 17, л. 4443, 4488 — М. В. Киреевской; п. 39, л. 218; п. 42, л. 7331.

Впервые опубликовано в: Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1929, вып. 2, № 1765. См. также: Киреевский — Якушкин, т. 1, № 261.

Записано летом 1845 г. в с. Андроновское Лихвинского у. Тульской губ.

2. «ПОШЛА ДУНЯ ПОД ТАЧОК...»

Впервые опубликовано в: Киреевский — Якушкин, т. 2, с. 236, № 2.

Записано летом 1843 г. в с. Колпна Малоархангельского у. Орловской губ.

3. «ЗАРАДИЛСЯ ТРАВИН СЫН...»

Впервые опубликовано в: Киреевский — Якушкин, т. 2, с. 236, № 1. Песня опубликована для выявления ее возможно более полных вариантов (записана без окончания).

Записано летом 1843 г. в с. Приятное Малоархангельского у. Орловской губ.

4. «ДЕВКИ ЯГАДЫ СБИРАЛИ, КАЛЕДА...»

Начало песни впервые опубликовано в: Киреевский — Якушкин, т. 2, с. 236, № 3. Остальной текст публикуется впервые.

Записано летом 1843 г. в с. Колпна Малоархангельского у. Орловской губ.

5. «КАК СЫН С АТЦОМ, КАЛЕДА...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 17, л. 4436-4436об. (6).

Публиковано впервые.

Записано летом 1843 г. в с. Колпна Малоархангельского у. Орловской губ.

6. «УТАЧКА ДИКАЯ...»

Впервые опубликовано в: Киреевский — Якушкин, т. 2, с. 236, № 4.

Записано летом 1843 г. в с. Колпна Малоархангельского у. Орловской губ.

7. «ПА ЛУГАМ ЛИ, ПА БАЛОТАМ...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 17, л. 4483 (17). Копия рукой М. В. Киреевской.

Публ. впервые.

Зап. летом 1843 г. в с. Колпна Малоархангельского у. Орловской губ.

8. «СИНИЦА, СИНИЧИНЬКА!..»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 17, л. 4484 (18).

Публ. впервые.

Зап. летом 1843 г. в с. Колпна Малоархангельского у. Орловской губ.

9. ТЕЛКА И ИГУМЕН («ВОТ ПО ЛУГУ-ЛУГУ...»)

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 17, л. 4485 (13).

Публ. впервые.

Копия рукой М. В. Киреевской (ср. ранее в записях Киреевского № 16).

10. «ТРАНДЫ, ТРАНДЫ, ТРАНДУШКИ...»

Место хранения: РГБ, ф. 125, к. 17, л. б/н.

Публ. впервые.

Зап. летом 1846 г. в с. Андроновское Лихвинского у. Тульской губ.

11. «КАК НА ГОРКЕ, НА ПРИГОРКЕ...»

Впервые опублик. в: Киреевский — Якушкин, т. 2, с. 90, № 178 (ср. ранее в записи П. В. Киреевского № 9).

Зап. летом 1843 г. в Орловской губ. Названия уезда и села нет.

12. «БРАЛИ ДЕВКИ ЛЕН, ЛЕН...»

Место хранения: ГИМ ОПИ, ф. 56, п. 44а, л. 176.

Впервые опублик. в: Новая серия, № 2066. Ср. копии в РГБ, ф. 125, п. 13, л. 3343 (56); п. 14, л. 3649 (76). •

Зап. летом 1843 г. в Орловской губ.

13. «ИШЛА ФЕНЯ С КАБАКА...»

Место хранения: ГИМ ОПИ, ф. 56, п. 44а, л. б/н между 30 и 31.

Публ. впервые.

Зап. в 1846 г. в с. Андроновское Лихвинского у. Тульской губ.

ИЗ АРХИВА Б. М. И Ю. М. СОКОЛОВЫХ

Все тексты находятся в архиве братьев Соколовых в РГАЛИ и ГЛМ. Некогда единый архив, который начал собирать и систематизировать Ю. М. Соколов, был им сдан в Государственный литературный музей. В 40-е годы, после смерти Ю. М. Соколова, часть архива была передана в РГАЛИ, при этом разделение было произведено достаточно случайно и хаотично. И в той, и в другой части архива оказались рукописи опубликованных и неопубликованных статей,

разрозненные материалы экспедиций, а также многочисленная корреспонденция, которую братья получали и отправляли. Здесь есть письма С. Ф. Ольденбурга, Вс. Ф. Миллера, П. Н. Сакулина, Н. К. Пиксанова, Е. Г. Кагарова, М. К. Азадовского, Д. Н. Ушакова, А. И. Никифорова, А. Н. Андреева, Е. Н. Елеонской, Э. В. Померанцевой, В. И. Чичерова и многих других. Значительную часть архива составляют подготовительные материалы к публикациям, а также многочисленные документы из разных организаций, протоколы заседаний Общества любителей Российской словесности, Государственной Академии художественных наук, дела, планы и договорные обязательства издательств и прочие документы.

В угловых скобках даны полные написания слов, если они сокращены в оригинале, а также восстановленные нами отдельные слова, пропущенные в рукописи.

Названия материалов и пояснения к ним, данные публикатором, берутся в квадратные скобки.

В комментарии вынесены варианты фольклорных текстов, которые приводят собиратели. Подстрочные примечания к текстам принадлежат собирателям.

1. КОРНЕЛИЙ

Место хранения: РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, л. 156 — 157.

Зап. I.VIII.1926 г. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариним и Ю. М. Соколовым в д. Войнаволок Кижской волости от Н. С. Абрамова. Текст содержится в тетради С. П. Бородина. В ней же находятся сведения об исполнителе и характере исполнения данной песни. Приведем их полностью, тем более что в сборнике «Онежские былины» (М., 1948) тексты, записанные от Н. С. Абрамова, отсутствуют: «Николай Степанович Абрамов, крестьянин 52 лет, небольшого роста, с черной бородой, живой и веселый. Много работал на стороне, но в пределах Олонецкого края. Знает огромное количество прибауток, присказней, сказок, почти всегда сатирического или юмористического характера. Старин не знает, но читал их в книге».

Стих содержится в тетради, на которой помечено: «Старины и стихи. Чистовая пятая». Тетрадь хранится среди материалов экспедиции братьев Соколовых «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Сам стих и сведения о нем переписаны набело чернилами.

Ю. А. Самарин по возвращении из экспедиции сообщал Б. М. Соколову (в экспедиции 1926 г. Б. М. Соколов не участвовал из-за болезни): «В д. Войнаволок Юрий Матвеевич нашел очень его заинтересовавшую пародию на духовный стих. Он говорит, что до сих пор помнит у Кирши Данилова пародию на былины, а пародия на духовный стих ему встретилась впервые. Спел ее нам один старичок, причем сказал: «Ну вот я Вам спою стих Корпилин». Ю. М. сказал: «Интересно, я не знаю такого стиха». Старик сел у печки и гнусавым голосом запел на мотив Егория и Алексея Человека Божьего: «Ехал

Корпилий на канаву / Со мелким товаром со хуйками» (ГЛМ, ф. 50, оп. 1, ед. хр. 188, л. 4).

По-видимому, сюжет «Корнелия» — «поездка с хуйками на базар» — известен русскому фольклору. Он встречается как один из эпизодов в сказке «Посев хуев», включенной А. Н. Афанасьевым в сборник «Русские заветные сказки». См.: Афанасьев А. Н. Русские заветные сказки. М., 1991, с. 41, № 28.

Сюжет нашего стиха частично соответствует лишь одному предложению в сказке Афанасьева: «Посрезывал все (хуйки.— В. Б.) и повез в город продавать». Дальнейший ход событий в стихе — товар в дороге рассыпался, на что следует специфичная реакция женщин разных возрастов,— самостоятелен.

Мотив восприятия женщинами мужских достоинств, мужской красоты отдаленно напоминает их реакцию на красавца шеголя Чурилу Пленковича в былинах, ему посвященных. См.: Былины. Сост., вступ. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М., 1988, № 48.

2. НЕБЫЛИЦА

Место хранения: РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 15, л. 15.

Зап. 10.VII.1927 г. П. А. Грушниковым, Б. М. Соколовым и В. И. Чичеровым в д. Телициной на Кенозере от Луки Андреевича Артемьева. Текст содержится в рабочей тетради В. И. Чичерова с материалами экспедиции «По следам Рыбникова и Гильфердинга». От Л. А. Артемьева записано пять текстов былин и еще одна небылица, опубликованные в сборнике: Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова (М., 1948, с. 793—803).

В «Материалах к радиолекции», которую Б. М. Соколов готовил после возвращения из экспедиции, текст небылицы «за полной ее непечатанностью», был охарактеризован следующим образом: «Это тоже своеобразная и выдержанная пародия на былинный стиль, как в прошлом году записанная на Онежском озере пародия на стиль духовных стихов, — факты, характерные для вопроса об эволюции и отмирании поэтических жанров» (РГАЛИ, ф. 483, оп. 1, ед. хр. 3096, л. 30).

Стилистика небылицы имеет параллели в свадебной обрядовой поэзии. Например, при формировании свадебного поезда исполнялась песня со следующим припевом:

Волга-река разливается,
желта тафта расстилается,
(имя жениха) на коне разгуляется,
(отчество жениха) себе полк прибирает...

(Обр* довые песни русской
свадьбы Сибири. Новосибирск,
1981, с. 112.)

3. БАРАН

Место хранения: РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, л. 217 с об. (старая пагинация: л. 6—7). Зап. 1.УШ. 1926г. С.П.Бородиным, Ю. А. Самариним, Ю. М. Соколовым в д. Войнаволок от Н. С. Абрамова.

Вариант данной песни с пометой: «старая» опублик. в сб. «Сказки и песни Белозерского края» в разделе «Юмористические песни» (№ 652). Однако песня завершается следующим образом:

На кровать ходит,
Подол загибает.

Несколько отличается и повторяющийся рефреном на протяжении всей песни припев:

Пусть-ко, доци!
Не замай-ко, доци!

Песня «Баран» обнаруживает аналогии с широко известной во многих регионах свадебной песней, исполнявшейся, когда жених приезжал со свадебным поездом, чтобы везти невесту к венцу. Диалогическая форма (по вариантам это может быть диалог матери с дочерью или отца с дочерью), содержание самого диалога, ожидаемая, но тем не менее неожиданная развязка — все эти моменты сближают песни и позволяют предположить, что песня «Баран» (возможно, в несколько ином виде) первоначально бытовала как обрядовая. Приведем один из вариантов этого сюжета:

- Батюшка, женихи-то у ворот!
- Дитяtko, не убойся, не отдам.
- Батюшка, женихи-то у крыльца!
- Дитяtko, не убойся, не отдам!
- Батюшка, женихи-то за скобу берутся!
- Дитяtko, не убойся, не отдам!
- Батюшка, женихи-то у стола!
- Дитяtko, не убойся, не отдам!
- Батюшка, женихи-то за руки берут!
- Дитяtko, пойдн, Бог с тобой!

4. БАРЫНЬКА

Место хранения: РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, л. 216—217 с об. (старая пагинация: л. 3—6).

Зап. 1.VIII.1926 г. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариним, Ю. М. Соколовым в д. Войнаволок от Н. С. Абрамова. Запись содержится в тетради, на обложке которой чернилами выведено: «Varia».

Буки — название буквы «Б» славянской азбуки.

Веди — название буквы «В» славянской азбуки, имеющей также цифровое значение 2.

5. [ИЗ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА]

Место хранения: РГАЛИ, ф. 1456, оп. 1, ед. хр. 5, л. 32 — 35 (старая пагинация: л. 59—65).

Зап. 22.VII.1926 г. С. П. Бородиным, Ю. А. Самариным, Ю. М. Соколовым в д. Оятевщина (Кизи) от М. К. Рябина.

6. «СОБОЛЬИ ЧАСТУШКИ»

Место хранения: РГАЛИ, ф. 1426, оп. 1, ед. хр. 18, л. 1—5 с об.

Зап. 17.VI.1923 г. Ю. М. Соколовым в д. Дор Салтыковской вол. Бронницкого у. Московской губ. от 4—5 баб (фамилии не указаны).

Примечание собирателя: «Собольи частушки». Поются на свадьбах».

Варианты к № 1.

2-й стих: Вновь по-новому ебут.

3-й стих: Жопа кверху, пизда вниз.

4-й стих: И выходит коммунист.

Вариант к № 3.

Я сидела на мосту,
Обувалася,
У меня промежду ног
Создувалося.

Варианты к № 5.

1-й стих: У мого у дяденьки

4-й стих: На другую сам залез. Пометка собирателя: «Вариант мальчика».

Варианты к № 17.

1-й стих: Аи, барыня, топ-ни

2-й стих: Сударыня топ-ни

Вариант к № 36.

4-й стих: Любишь коммуниста

Вариант к № 41.

3-й стих: Дед на бабушку залез.

ПЕСНИ В ЗАПИСЯХ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX - XXV.

Тексты №6 — 18, 20—28, 41 подготовлены А.А.Ивановой; №1, 3-5, 19, 29, 30, 42-44, 51 - В. Л. Кляусом; №2, 23, 31, 45-50 - А. В. Черных. В подготовке текстов к печати приняла участие также Е. В. Миненок.

1. КАБАЦКИЙ ДЕТИНА

Печ. по изд.: Варенцов В. Сборник песен Самарского края (СПб., 1862, с. 251—253). Текст воспроизводится также у Чернышева, с. 326-327, №299.

Зап. В. Баренцевым (?) в Самарской губ.

Ср. с песней «Стать почитать, стать сказывать» в наст. изд., с. 94-97:

Еще забилася пиздишша в осиново дуплишша,
Ее вилами кололи — не выкололи,
Калачами манили — не выманили,
Пизде хуй показали, пизда выскочила.

Варианты см.: №2 данного раздела; Г. Левинтон, Н. Охотин «Что за дело им — хочу...». О литературных и фольклорных источниках сказки А. С. Пушкина «Царь Никита и 40 его дочерей». — Эротика в русской литературе. От Баркова до наших дней. М., 1992, с. 30 (Литературное обозрение. Спец. выпуск); Е. Н. Елеонская. Сказка, заговор и колдовство в России. М., 1994, с. 206—207.

Параллели к концу песни «Кабачкий детина» встречаются и в № 47, 48 данного раздела. См. у Афанасьева, л. 404, № 20.

2. ТЕНЬ-ТЕНЬ, ПОТЕТЕНЬ

Место хранения: «Провинция», т. 676, № 105.

Зап. в 1993 г. Е. С. Преженцевой в пос. Суксун Суксунского р-на Пермской обл. от А. Н. Красоловой, 1918 г. р., родом из д. Гари Кишертского р-на.

См. примеч. к № 1 данного раздела.

3. ПАРАХОД БЕГАТ ПАРАМИ

Печ. по изд.: Свадебный обряд, песни и заговоры Томского округа. По рукописи С. П. Кафки приготовил к печати Д. К. Зеленин. — Записки Уральского общества любителей естествознания. Екатеринбург, 1905, т. 25, с. 48-49, № 3.

4. БОГУЧАНЫ ПРИ УГОРЕ

Печ. по изд.: Макаренко А.А. Сибирские песенные старины. — Живая старина, 1907, № 1, с. 4.

Зап. в начале века А. А. Макаренко в Пинчугской вол. Енисейского у. Енисейской губ.

Богучаны, Ярки, Пинчуга — поселения на Ангаре.

5. УЖ ТЫ, ВАНЮШКА

Печ. по изд.: Хороводные и игровые песни Сибири/ Сост. Ф. Ф. Болонев и М. Н. Мельников. Новосибирск, 1985, с. 65, № 96.

Впервые опубли. в: Овчинников М. Вечерочные песни. — Сибирский архив, 1912, № 1 (5), № 11.

Зап. М. Овчинниковым в Рыбинской вол. Канского окр. Енисейской губ. от крестьянки М. Соловьевой.

Хороводно-игровая песня.

в. РВАЛИ ДЕВКИ ЛЕН-ЛЕН

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 8.

Зап. в 1992 г. А. А. Ивановой в д. Качонки Нагорского р-на Кировской обл. от М. М. Качиной, 1933 г. р., В. М. Климовой, 1951 г. р., З. Г. Торкуновой, 1918 г. р., Т. С. Загоскиной, 1921 г. р., Т. А. Сычевой, 1934 г. р., А. А. Торкуновой, 1932 г. р., А. Н. Исуповой, 1921 г. р., А. П. Исуповой, 1918 г. р.

От тех же исполнителей зап. № 11 и 13.

Вариант см.: «Брали девки лён, лён» в публикации Е. В. Миненок «Песни обряда Духова дня» в наст. изд.

7. ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

Зап. в 1980 г. Т. К. Николаевой в пос. Нагорск Нагорского р-на Кировской обл. от А. А. Загоскиной, 1911 г. р.

От той же исполнительницы зап. № 9.

8. ДУНЯ БЕЛА, РУМЯНА

Место хранения: МГУ, 1994 (з), т. 1, № 192.

Зап. в 1994 г. А. А. Ивановой в д. Большое Кротово Пинежского р-на Архангельской обл. от М. А. Козьминой, 1937 г. р., и К. П. Галашевой, 1929 г. р.

Вариант см.: «Приглашал Ваня Дуняшу с собой ночку ночевать» в публикации Е. В. Миненок «Песни обряда Духова дня» в наст. изд.

9. У НАЗАРА НА САРАЕ

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

См. примеч. к № 7.

10. ТЫ СКАЖИ ЖЕ, МОЯ МАРУСЕНЬКА

Место хранения: МГУ, 1972, т. 16, № 98.

Зап. в 1972 г. Н. Б. Ивановой в д. Лохново Пинежского р-на Архангельской обл. от Н. П. Сумкиной, 1920 г. р.

11. ДЕЛО БЫЛО ВО СУББОТУ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 122.

См. примеч. к № 6.

Вариант см.: «У канавки росла травка» в публикации Е. В. Миненок «Песни обряда Духова дня» в наст. изд.

12. У СЫЧА БЫЛА СВАДЬБА

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

Зап. в 1981 г. Т. К. Николаевой в пос. Нагорск Нагорского р-на Кировской обл. от А. А. Загоскиной, 1911 г. р.

От той же исполнительницы зап. №15—17, 26—28.

13. ПО ДОРОЖКЕ ШЕЛ ПЕШКОМ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 123.

См. примеч. к № 6.

14. ВО КУ... ВО КУЗНИЦЕ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 121.

Зап. А. А. Ивановой в д. Качонки Нагорского р-на Кировской обл. от М. М. Качиной, 1933 г. р., и З. Г. Торкуновой, 1918 г. р.

15. ДЕТИНУШКА БЕЛ, КУДРЯВ

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

См. примеч. к № 12.

16. У ПАЛАШКИ ДОЧЬ НАТАШКА

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

См. примеч. к № 12.

Вариант см.: «Что по травке, по муравке» в публикации В. Л. Кляуса «Из песенных сборников XVIII века» в наст. изд.

17. ПИВЦА-ВИНЦА ПРОПЬЕМ

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

См. примеч. к № 12.

18. ЗЕМЦОВОЧКИ

Место хранения: личный архив А. А. Ивановой.

Зап. в 1993 г. А. А. Ивановой в д. Лохново Пинежского р-на Кировской обл. от А. И. Сумкиной, 1911 г. р.

19. ПОСАДИЛ ДЕД РЕПКУ

Место хранения: личный архив В. С. Левашова.

Зап. в 1967 г. В. С. Левашовым в пос. Чернышевск Читинской обл. от А. Корнилова, 14 лет.

Вариант см.: № 20 данного раздела; ср. также с песней «Ой был я молодец» в наст. изд.

20. ПОСАДИЛ ДЕД РЕПКУ

Место хранения: личный архив А. А. Ивановой.

Зап. в 1982 г. А. А. Ивановой в д. Лохново Пинежского р-на Архангельской обл. от З. В. Лохновской, 1946 г. р.

Вариант см.: № 19 данного раздела.

21. ПОД МЕЛЬНИЦЕЙ, ПОД ЕБЕЛЬНИЦЕЙ

Место хранения: МГУ, 1986 (з), т. 15, № 138.

Зап. в 1986 г. А. Г. Гачевой в с. Троицкое Куйбышевского р-на Калужской обл. от Т. Е. Орловой.

22. РАЗ ПОЛОСКУ МАША ЖАЛА

Место хранения: МГУ, 1972, т. 30, № 15.

Зап. в 1972 г. Н. Милентьевой и Н. Дубенским в д. Лохново Пинежского р-на Архангельской обл. от А. А. Смоленской, 1887 г. р.

Вариант см.: № 23 данного раздела.

23. РАЗ ПОЛОСКУ МАША ЖАЛА

Место хранения: «Провинция», т. 714, № 79.

Зап. в 1993 г. А. В. Черныхом в пос. Куеда Куединского р-на Пермской обл. от М. С. Клячиной, 1931 г. р., родом из д. Сандяк Куединского р-на.

Вариант см.: № 22 данного раздела.

24. ТАМ ЗА ЛУЖКОМ ЗЕЛЕНЕНЬКИМ

Место хранения: МГУ, 1984, т. 1.

Зап. в 1984 г. А. А. Ивановой в д. Бутчино Куйбышевского р-на Калужской обл. от И. М. Кривогиной, 1917 г. р.

25. УДОВУШКА-УДОВА

Место хранения: МГУ, 1986 (з), т. 19, № 109.

Зап. в 1986 г. Г. Н. Шушаковой в д. Семерево Куйбышевского р-на Калужской обл. от А. Н. Плясняковой, 1927 г. р.

26. УЖ ТЫ, ХОНЬКА-МАХОНЬКА МОЯ

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

См. примеч. к № 12.

27. УХ ТЫ, МАЛЕНЬКА ГОЛЬ-ГОЛЬ-ГОЛЬ

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

См. примеч. к № 12.

28. ПОЛЮБИЛ МЕНЯ НИКИТКА-ВОДОВОЗ

Место хранения: личный архив Т. К. Николаевой.

См. примеч. к № 12.

Варианты см.: №29, 30, 31 данного раздела.

29. ВОДОВОЗ

Место хранения: РО БНЦ СО РАН, № 3450, п. 1, л. 66.

Зап. в 1979 г. Р. П. Матвеевой, Р. П. Потаниной и др. в пос. Нижнеангарск Северобайкальского р-на Бурятии от Н. П. Мищенко, 1912 г. р.

Варианты см.: №28, 30, 31 данного раздела.

30. ПОЛЮБИЛ МЕНЯ МАКАРКА-ВОДОВОЗ

Место хранения: МГУ, 1990.

Зап. в 1990 г. А. В. Кулагиной в г. Макарьеве Костромской обл. от С. М. Куприянова, 25 лет, родом из д. Николо-Макарово Костромской обл.

Плясовая песня. Слово «Да» в 6-м и 8-м стихах появилось при повторном исполнении песни.

Варианты см.: №28, 29, 31 данного раздела.

31. ДЕВЧОНОЧКИ, ОЙ, ОЙ, ОЙ

Место хранения: «Провинция», т. 678, № 89.

Зап. в 1994 г. Е. С. Преженцевой в с. Большие Кусты Куединского р-на Пермской обл. от Л. П. Трофимовой, 1938 г. р.

Варианты см.: № 28, 19, 30 данного раздела.

32. РАСТАТУРИХА ПИРОГ ПЕКЛА

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 192.

Зап. в 1992 г. А. А. Ивановой в д. Лаврентьевцы Нагорского р-на Кировской обл. от М. М. Качиной, 1933 г. р.

От той лее исполнительницы зап. №33—37.

33. НИКОЛКА КОЗУЛИНСКОЙ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 193.

См. примеч. к № 32.

34. ШУТИХА-МАРШУТИХА МОЯ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 201.

См. примеч. к № 32.

35. НЕ ХОДИЛА НИ В СОХЕ, НИ В БОРОНЕ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 202.

См. примеч. к № 32.

36. НЕ ХОДИЛА НИ В СОХЕ, НИ В ВОРОНЕ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 203.

См. примеч. к № 32.

37. ШЕЛ Я ЛЕСОМ-БОРИКОМ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 2, № 205.

См. примеч. к № 32.

38. БАБУШКА СИДОРОВНА

Место хранения: МГУ, 1992, т. 13, № 144.

Зап. в 1992 г. Л. В. Нехай в д. Качонки Нагорского р-на Кировской обл. от А. Г. Шуепенцовой.

39. УЖ Я ЯШКУ, Я ЯШКУ ЛЮБЛЮ

Место хранения: МГУ, 1992, т. 1, № 70.

Зап. в 1992 г. А. А. Ивановой в д. Качонки Нагорского р-на Кировской обл. от З. Н. Качиной, 1946 г. р.

40. НА ГОРЕ ГУСЛИ ВДАРИЛИ

Место хранения: МГУ, 1986 (з), т. 16, № 44.

Зап. в 1986 г. А. Г. Гачевой в д. Дяглевка Куйбышевского р-на Калужской обл. от А. Д. Раковой, 1910 г. р., и М. И. Кузнецовой, 1915 г. р.

41. КАК У БАБУШКИ КОЗЕЛ, ХЫ ДА ПЫ

Место хранения: МГУ, 1972, т. 26, № 85.

Зап. в 1972 г. в д. Красное Пинежского р-на Архангельской обл. от А. С. Поповой, 1897 г. р.

42. НА БРУСУ

Место хранения: РО БНЦ СО РАН, № 3450, п. 1, л. 67.

Зап. в 1979 г. Р. П. Матвеевой, Р. П. Потаниной и др. в пос. Нижнеангарск Северобайкальского р-на Бурятии от Н. П. Мищенко, 1912 г. р.

Ср. с окончанием № 7 из раздела «Песни из собрания П. В. Киреевского».

43. ЕБ ПОП ПОПАДЬЮ НА КУРЯТНИЧКЕ

Место хранения: личный архив В. Л. Кляуса.

Зап. в 1960-х годах В. П. Ивановым в с. Менза Красночичкойского р-на Читинской обл. от М. Байбердиной, 1880 г. р.

44. ГДЕ ТЫ БЫЛ, МОЙ САВУШКА?

Место хранения: личный архив В. С. Левашова.

Зап. в 1967 г. В. С. Левашовым в пос. Чернышевск Читинской обл. от А. Кутафина, 13 лет.

45. СЕДНЯ МЫ ПОПЬЕМ, ДА

Место хранения: «Провинция», т. 714, № 74.

Зап. в 1993 г. Е. В. Войковой и А. В. Черныхом в пос. Куеда Куединского р-на Пермской обл. от М. С. Клячиной, 1931 г. р., родом из д. Сандьяк Куединского р-на.

46. ОВЕЧУШКИ, КОСМАТУШКИ

Место хранения: «Провинция», т. 692, № 98.

Зап. в 1994 г. С. В. Кучевасовым в д. Искильда Куединского р-на Пермской обл. от А. И. Булыгиной, 1920 г. р.

47. ДУНЯ, ДУНЯ, ДУНЯ Я

Место хранения: «Провинция», т. 692, № 101.

Зап. в 1994 г. О. В. Катаевой в с. Аряж Куединского р-на Пермской обл. от ансамбля в составе: Е. И. Мальцевой, 1927 г. р., родом из д. Покровка Куединского р-на Пермской обл., А. Е. Мальцевой, 1926 г. р., родом также из д. Покровка.

48. ВДОЛЬ ДА ПО РЕЧКЕ

Место хранения: Пермский областной краеведческий музей, фонд материалов экспедиции 1994 г. в Октябрьский р-н Пермской обл.

Зап. в 1994 г. А. В. Черныхом в с. Русский Саре Октябрьского р-на Пермской обл. от ансамбля в составе: Н. Г. Трясиной, 1926 г. р., М. В. Постных, 1912 г. р., А. И. Целищевой, 1931 г. р.

49. У ВОРОТ ДЕВКА СТОИТ

Место хранения: «Провинция», т. 714, № 21.

Зап. в 1993 г. А. В. Черныхом в с. Урталга Куединского р-на Пермской обл. от ансамбля в составе: Е. А. Дранишниковой, 1912 г. р., А. Н. Лебедевой, 1917 г. р., А. А. Пастуховой, 1918 г. р.

50. КАК-ТО ЛИЗА В ЛЕС ПОШЛА

Место хранения: «Провинция», т. 676, № 116.

Зап. в 1993 г. М. Б. Крысовой в д. Осинцево Суксунского р-на Пермской обл. от Н. И. Некрасовой, 1923 г. р.

51. НА МОРОМСКОМ МОСТУ

Место хранения: личный архив В. Л. Клауса.

Зап. в 1992 г. Л. Витковской, В. Клаусом, Е. Трубохиной в пос.

Архив НСК Нерчинско-Заводского р-на Читинской обл. от М. С. Федоревой, 1920 г. р.

Полностью вспомнить текст исполнительница не смогла.

ТРУДОВЫЕ АРТЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

Тексты записаны В. Г. Смолицким и хранятся в его личном архиве. Ниже для каждой песни указывается место записи.

Экспедиция 1990 г. в Пермскую обл.

1. г. Пермь
- 2—3. д. Керчево, Чердынский р-н
4. д. Нижнее Керчево, Чердынский р-н
5. д. Горячево, Чердынский р-н
- 6—7. д. Рябинино, Чердынский р-н
8. г. Красновишерск
- 9—12. д. Усть-Язва, Красновишерский р-н
- 13 — 14. д. Тюлькино, Соликамский р-н

Экспедиция 1991 г. в Карелию

- 15—20. д. Семеново, Пудожский р-н
- 22—24. д. Кривцы, Пудожский р-н

Экспедиция 1992 г. в Удмуртию

- 25—26. д. Чепца, Балезинский р-н
- 27 — 35. д. Балезино, Балезинский р-н

Обряды и свадебный фольклор **Свадьба**

ЭРОТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ВЯТСКОЙ СВАДЬБЫ

Публикуемые тексты можно отнести к так называемому «эротическому фольклору свадьбы», они непосредственно, а не символически связаны с дефлорацией. Материалом для публикации послужили записи фольклорных экспедиций кафедры русского устного народного творчества филологического факультета МГУ в Подосиновский (1988 г.) и Котельничский районы (1991 — 1992 гг.) Кировской области. В Подосиновском районе представлен северный вид вятской свадьбы, который характеризуется большим количеством песен и разветвленной системой обрядов второго дня свадьбы. Материалы же по Котельничскому району дают более южную, условно говоря, центральную разновидность вятского свадебного обряда, отличительной чертой ко-

того являются многочисленные приговоры дружки, сопровождающие каждый этап первого дня свадьбы.

Тексты, относящиеся к предсвадебному периоду и к первому дню свадьбы, практически полностью записаны в Котельничском районе; тексты же второго дня свадьбы в основном относятся к Подосиновскому району.

Конечно же, приведенные тексты не отражают всего многообразия свадебной поэзии, они связаны только с одной стороной этого грандиозного ритуала: с переменной статуса молодых, с переходом в новую половозрастную группу, с дефлорацией. Несомненно, что в виде символов тема перехода постоянно присутствует в большинстве песен, относящихся к свадебному циклу. Однако существует и весьма специфическая группа текстов, которые непосредственно связаны с дефлорацией и характеризуются нарочитой откровенностью и часто сквернословием. Эти песни являются таким же необходимым элементом обряда, как, например, лирические свадебные песни, и своими корнями уходят в глубокую древность. Изначально исполнение подобных песен имело магический смысл (являлось компонентом продуцирующей магии — магия плодородия), который постепенно забывался по мере того, как сам свадебный обряд все больше и больше терял свое магическое значение. Сейчас они уже не осознаются как магические, но в сознании исполнителей старшего поколения все еще являются обязательным компонентом обряда и встречаются даже в современных свадьбах как элемент обрядовой эстетики: «На второй день похабные песни поют, положено так».

Описание традиционного свадебного обряда Котельничского района ранее было опубликовано нами в литературно-краеведческом альманахе «Проселки» (1993, № 12, с. 5—45), однако тексты obscene характера при этом не использовались.

Тексты и комментарии к обряду хранятся в материалах архива кафедры русского устного народного творчества МГУ. Использованы записи экспедиций в Кировскую область 1988, 1991 — 1992 годов. Каждому номеру текста соответствует паспорт, где прописная буква обозначает начальника экспедиции (И — Иванова А. А., С — Савушкина Н. И), римская цифра — номер тетради, арабская — порядковый номер текста в тетради.

1. Зап. зимой 1991 г. О. Пушкаревой в с. Вишкиль Котельничского района от Коневой Е. Н., 1921 г. р., и Вершининой М. А., 1926 г. р. И-Ш, 358.

2. Зап. зимой 1991 г. О. Пушкаревой в с. Вишкиль Котельничского района от Коневой Е. Н., 1921 г. р., и Вершининой М. А., 1926 г. р. И-Ш, 366.

3. Зап. зимой 1991 г. М. Либо в с. Вишкиль Котельничского района от Демина В. М., г. р. не указан, И-Х1, 35.

4. Зап. летом 1991 г. С. Алпатовым в д. Шалашково Котельничского района от Комлевой А. Д., 1923 г. р., И-VII, 192.

5. Зап. летом 1991 г. К. Колпаковым и М. Обижаевой в с. Макарье Котельничского района от Мочаловой А. А., 1908 г. р., И-XIV, 231.
6. Зап. летом 1991 г. А. Сатыренко в с. Спасское Котельничского района от Шиловой Р. М., 1911 г. р., И-X, 4.
7. Зап. летом 1991 г. Т. Гуржий и М. Ермолаевым в д. Исаковы Котельничского района от Исаковой А. И., 1918 г. р., И-XVIII, 69.
8. Зап. летом 1991 г. Т. Гуржий и М. Ермолаевым в с. Курино Котельничского района от Елсуковой А. Г., 1914 г. р., И-XV, 448.
9. Зап. летом 1991 г. Т. Гуржий и М. Ермолаевым в д. Варюховщина Котельничского района от Абрамовой В. П., 1914 г. р., И-XVII, 141.
10. Зап. летом 1988 г. А. Ивановой в д. Ермаковщина Подосиновского района от Соколова Ф. М., 1912 г. р., и Соколовой Т. П., 1914 г. р., И-Ш, 229.
11. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 373.
12. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 374.
13. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 375.
14. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 376.
15. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 377.
16. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 378.
17. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 379.
18. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-Vin, 380.
19. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 381.
20. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-Vni, 382.
21. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-Vin, 383.
22. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 384.
23. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-Vni, 385.
24. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 386.
25. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-Vni, 387.
26. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 388.

27. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 389.
28. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 390.
29. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-Vin, 391.
30. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 392.
31. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Рычково Подосиновского района от Бушмановой М. П., 1927 г. р., И-VIII, 393.
32. Зап. летом 1988 г. О. Балашовой в с. Утманово Подосиновского района от Якимовой С. П., 1928 г. р., С-Х, 14.
33. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в д. Федоровская Подосиновского района от Ведашевой В. Н., 1912 г. р., И-VII, 47.
34. Зап. И. Ивановой и С. Волковым в с. Красниково Подосиновского района от Куклиной М. Ф., 1915 г. р., Котельниковой Л. К., 1922 г. р., Гмызиной Н. Е., 1932 г. р., Костромитиной Е. С, 1936 г. р., И-V, 165.
35. Зап. И. Ивановой и С. Волковым в с. Красниково Подосиновского района от Куклиной М. Ф., 1915 г. р., Котельниковой Л. К., 1922 г. р., Гмызиной Н. Е., 1932 г. р., Костромитиной Е. С, 1936 г. р., И-V, 165а.
36. Зап. летом 1988 г. И. Ивановой и С. Волковым в д. Григошино Подосиновского района от Рындиной Л. Н., 1956 г. р., И-V, 280.
37. Зап. летом 1988 г. А. Ивановой в с. Октябрь Подосиновского района от Пысиной Н. Л., 1920 г. р., и Пысина Н. Д., 1923 г. р., И-1, 187.
38. Зап. летом 1988 г. А. Ивановой в с. Октябрь Подосиновского района от Пысиной Н. Л., 1920 г. р., и Пысина Н. Д., 1923 г. р., И-1, 188.
39. Зап. летом 1988 г. А. Ивановой в с. Октябрь Подосиновского района от Пысиной Н. Л., 1920 г. р., и Пысина Н. Д., 1923 г. р., И-1, 189.
40. Зап. летом 1988 г. А. Ивановой в с. Октябрь Подосиновского района от Пысиной Н. Л., 1920 г. р., и Пысина Н. Д., 1923 г. р., И-1, 190.
41. Зап. летом 1988 г. А. Ивановой в с. Октябрь Подосиновского района от Пысиной Н. Л., 1920 г. р., и Пысина Н. Д., 1923 г. р., И-1, 191.
42. Зап. летом 1988 г. А. Ивановой в с. Октябрь Подосиновского района от Пысиной Н. Л., 1920 г. р., и Пысина Н. Д., 1923 г. р., И-1, 192.
43. Зап. летом 1988 г. А. Ивановой в с. Октябрь Подосиновского района от Пысиной Н. Л., 1920 г. р., и Пысина Н. Д., 1923 г. р., И-1, 193.
44. Зап. летом 1988 г. И. Прониной и О. Балашовой в Подосиновском районе, н/п не указан, на свадьбе Осиникова В. В и Глазычевой И. А., С-IX, 29.
45. Зап. летом 1988 г. И. Прониной и О. Балашовой в Подосиновском районе, н/п не указан, на свадьбе Осиникова В. В и Глазычевой И. А., С-IX, 30.
46. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в с. Октябрь Подосиновского района от Ботвиной Т. Н., 1940 г. р., И-VII, 186.
47. Зап. летом 1988 г. Н. Левицкой и М. Фалькович в с. Октябрь Подосиновского района от Злобиной А. А., 1952 г. р., И-VII, 64, 65.

ФРАГМЕНТЫ ПИНЕЖСКОЙ СВАДЬБЫ

Тексты записаны участниками фольклорных экспедиций МГУ. Тексты №1—8 подготовлены к печати А.А.Ивановой, №9 — В. Л. Клаусом.

1. «СКОК ЧЕРЕЗ ПОРОГ...»

Место хранения: МГУ, 1972.

Зап. А. А. Ивановой в д. Лохново Пинежского р-на Архангельской обл. от А. И. Сумкиной, 1911 г. р.

2. ПОВОЗНИЧЕК-ПИЗДОВОЗНИЧЕК

Место хранения: МГУ, 1972.

Зап. М. Карловой и И. Егоровой в д. Красное Пинежского р-на Архангельской обл. от А. С. Поповой, 1897 г. р. От той же исполнительницы зап. №2—8.

3. СВАТЬЮШКА, ТЫ КАК КУКОЛКА

См. примеч к № 2.

4. СТЯПУХА КАШУ ВАРИЛА, ВАРИЛА

См. примеч. к № 2.

5. ПО ПОЛУ КИЛА, ПО ПОЛУ КИЛА

См. примеч. к № 2.

6. НЕ ЗНАЛА НЕВЕСТКА, НЕ ЗНАЛА НЕВЕСТКА

См. примеч. к № 2.

7. ЕХАЛИ БОЯРЕ, ЕХАЛИ БОЯРЕ

См. примеч. к № 2.

8. ЕХАЛИ ДРУЖКИ ПО ДОРОЖКЕ

См. примеч. к № 2.

9. ТЫСЯЦКОГО ЖЕНА НА СТУПЕ СИДИТ

Место хранения: МГУ, 1972, ФЭ: 09, л. 2832—2833.

Зап. в 1972 г. В. В. Варгановой и Т. В. Шмелевой в д. Кушкопала Кушкопальского с/с Пинежского р-на Архангельской обл. от Н. С. Постниковой, 58 лет.

Свадебная песня. Исполнялась в доме жениха, когда уезжала родня невесты. Ради веселья ясену тысяцкого сажали на ступку и вер-

тели, пока не споют всю песню. Потом муле должен был выкупить ее деньгами или вином. Исполнительница не смогла вспомнить, присутствовали ли при этом молодые или они уже уходили спать.

Песня упоминается в статье В. В. Варгановой «Плач и смех в жанровой системе Пинежского свадебного обряда» (Вопросы жанра и стиля в русской и зарубежной литературе. М., 1979, с. 8).

«ДУБИНУШКА» НА СВАДЬБЕ

Все поэтические тексты, а также рассказы о свадьбе были записаны Т. В. Кирюшиной.

1. УЖ ТЫ, БАТЮШКА ЕГОРИЙ!

Место хранения: РАМ Ф — 864/6к.

Зап. в 1984 г. в с. Ильинское Чухломского р-на от М. М. Яковлевой, 1903 г. р., У. И. Илыцовой, 1908 г. р., и А. А. Карасевой, 1928 г. р. Пели на свадебном пиру во время «Красного стола».

2. ОХ ТЫ, ТЕТУШКА НАСТАСЬЯ!

Место хранения: РАМ Ф - 803, 779, 2314, 3305.

Зап. в 1974—1994 гг. в Буйском, Кологривском, Островском, Кадыйском, Нейском и Чухломском районах от разных исполнителей. В наст. изд. приводятся наиболее типичные строфы «Дубинушки», которые могут произвольно компоноваться в процессе исполнения.

ЭПИЗОДЫ ЧУХЛОМСКОЙ СВАДЬБЫ

Место хранения: личный архив А. В. Кулагиной.

Зап. зимой 1994 г. А. В. Кулагиной в г. Чухлома Чухломского р-на Костромской обл. от Е. И. Васильевой, 70 лет.

КОРИЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1. ТЫСЯЦКОМУ

Место хранения: личный архив А. В. Кулагиной.

Зап. в 1970 г. А. В. Кулагиной в г. Онега Онежского района Архангельской области от К. Н. Ларионовой, 1915 г. р., и А. И. Ивановой, 1897 г. р.

2. СВАТЬЕ

(«СВАТЬЯ, СВАТЬЯ НА СВАДЬБУ СПЕШИЛА...»)

См. примеч. к № 1.

3. СВАТЬЕ

(«ИЩО НАША-ТО СВАТОНЬКА...»)

Место хранения: МГУ, ФЭ — 1965, т. 32, № 38.

Зап. в 1965 г. А. В. Кулагиной в д. Вонгуда Онежского района Архангельской области от К. П. Криновой, 1905 г.р.

СВЯТКИ

ЭРОТИЧЕСКИЕ ИГРЫ РЯЖЕНЫХ В РУССКОЙ ТРАДИЦИИ

Н. С. Преображенский

Баня, игрище, слушанье и шестое января

Вторая глава из очерка Н. С. Преображенского печ. по изд.: Пр — ский. Баня, игрище, слушанье и шестое января. Этнографические очерки Кадниковского уезда.— Современник, 1864, № 10, с. 499-522.

Надо отметить, что Н. С. Преображенский не был профессиональным этнографом. По впечатлениям от своей поездки в село Никольское Кадниковского уезда Вологодской губернии он опубликовал в журнале две статьи: первую, фрагмент из которой воспроизводится в наст. изд., — о святочной обрядности (гулянье в избе, гадание, крещенские обряды) и обычае мыться в общей деревенской бане без различия полов большим количеством народа, вторую — о весенних праздниках (Пр — ский И. Сельский праздник. Этнографические очерки Кадниковского уезда. Статья вторая.— Современник, 1865, № 1, с. 409—445). Остальные литературные выступления этого автора — художественные произведения, прозаические и драматургические — также публиковались «Современником» и «Отечественными Записками» в 1850 — 1860-х годах. Описывая святочное игрище по собственным впечатлениям, неожиданным и чрезвычайно сильным, Преображенский полагал, что стал свидетелем «особенностей, какие не имеют подобных себе, единственны в своем роде и составляют редкость». Неудивительно, что «церемонии и обычаи» поразили его «сколько своею оригинальностью, столько же — некоторые из них — своею странностью и дикостью, даже некоторым цинизмом». Автор почти уникального очерка, первого и до настоящего времени одного из немногих опубликованных описаний локального репертуара ряженных, объяснял «странность» святочного игрища не его архаическим происхождением, но лишь с позиций просвещенного человека своего времени, т. е. как «следствие природной веселости, склонности к шуткам, к комичному — и если эти шутки выходят порою очень грубы и довольно грязны, то это зависит от общей неразвитости».

Аутентичность материалов Преображенского не подлежит сомнению, удостоверяясь не только установкой автора передавать «факты в том виде, как они предстают наблюдению», но и соответствием репертуара ряженных и множества деталей их облика и поведения с тем, что известно по более поздним описаниям.

К. Завойко

В Костромских лесах по Ветлуге-реке

Глава «Святочное ряженье» из очерка К. Завойко печ. по изд.: Завойко К. В Костромских лесах по Ветлуге-реке. Этнографические материалы, записанные в Костромской губернии в 1914—1916 гг.—Труды Костромского научного общества по изучению местного края, вып. Vin. Этнографический сборник. Кострома, 1917, с. 3—40.

В очерк, фрагмент из которого публикуется, вошли также описания некоторых календарных, бытовых и семейных обрядов, пересказ преданий о Татарке и легенды о сотворении мира, поверья и обычаи, подробный перечень известных местным жителям персонажей низшей мифологии с описанием представлений, связанных с каждым из них.

Игры ряженных Торопецкого района Тверской области

Описания игр ряженных Торопецкого района представляют собой в основном расшифровки магнитофонных записей бесед собирателей с крестьянами. Некоторые из публикуемых рассказов о ряженье и текстов ряженных приводятся по тетрадным записям от руки с голоса исполнителя (№ 13, 14, 18, 34, 42, 47, 53, 54, 55, 57, 59, 60, 61, 63, 65, 66, 70, 71). Игра в «межу» (№ 32) описана составителем по нескольким свидетельствам бывших участников игрища, т. к. ни одно из этих имеющихся описаний не является репрезентативным: рассказчики обычно так смущаются при вопросе об этой игре — одной из самых «срамных», что либо вообще отказываются говорить о ней, либо объясняют смысл игры чрезвычайно сбивчиво и косноязычно.

В квадратные скобки заключены пояснения составителя, необходимые в некоторых случаях для понимания текста, а также вопросы собирателя, иногда сохраняемые в публикации. Перебивки и паузы в речи рассказчиков отмечены многоточием, пропуск неразборчивых на фонозаписи и усложняющих понимание рассказа фрагментов обозначается многоточием в угловых скобках.

Отражены основные диалектные черты фонетики и грамматики речи исполнителей (яканье, смягчение конечной согласной у глаголов в форме 3-го лица, йотовая протеза в личных местоимениях 3-го лица («ёна» или «яна» вместо «она») и др.). Условные названия игр по

основному персонажу или совершаемому действию, принадлежащие публикатору, учитывают местную народную терминологию ряженья. Под № 33 и 42 помещены существенные для данной публикации фрагменты, установить принадлежность которых к каким-либо определенным играм не удалось.

Для лучшего понимания текстов поясним некоторые детали.

Васиха и *Расщепиха* — традиционные персонажи торопецкого ряженья. Васиха имеет облик старой бабки, может участвовать в играх «Волки и овцы», «Масло мешать» и др. Расщепиха близка к «смерти», «покойнику» и другим так называемым фантастическим фигурам ряженья. Ряжутся Расщепихой обычно так: заворачиваются в простыню, лицо закрывают марлей или обмазывают мукой, иногда вставляют в рот картофельные зубы. Появившись на гулянье, Расщепиха пляшет, пугает девушек, кидается на них (см.: Лурье М. Л. «Страшно, но и ничего, потому что шутки» (Персонажи ряженья Торопецкого района).— Живая старина, 1995, № 2).

Хулинка — словесная формула (как правило, двустипшие непристойного содержания), употребляемая ряжеными и описывающая какой-либо недостаток или безнравственный поступок девушки. О произнесении формулы говорят: «Накладать хул инки».

Места хранения: личные архивы О. Р. Николаева и М. Л. Лурье.

1. Зап. в 1989 г. Д. Филипповой и А. Аспель в Пожнинском сельском совете от мужа и жены (сведения об исполнителях утрачены).

2. Зап. в 1989 г. О. Николаевым, Л. Гинзбургской, Е. Кардаш в д. Подгороднее от Веркиной А. Г., 1915 г. р.

3. Зап. в 1989 г. Д. Филипповой и А. Аспель в Пожнинском сельском совете (сведения о пункте записи и исполнителях утрачены).

Данная фиксация игры в «Соломона» — единственная. Вероятно, она не была распространена в регионе в целом, присутствуя лишь в репертуаре одной или нескольких деревень.

4. Зап. в 1989 г. Л. Гинзбургской и А. Цибульским в д. Лысачи от Морозовой А. М., 1913 г. р.

5. См. примеч. к № 4.

6. Зап. в 1989 г. М. С. Лурье, М. Муратовой, И. Полинской в с. Пятницкое от Логиновой З. Е., 1924 г. р.

7. Зап. в 1989 г. М. Л. Лурье, А. Дворщенко, Е. Донцовой в д. Старое от Кузнецовой И. В., 1927 г. р.

8. Зап. в 1989 г. Е. Кардаш, С. Шварцман в д. Наговье от Белониной М. А.

9. Зап. в 1989 г. Н. Тимошиной и Е. Колпаковой в д. Песчанки от Лебедева Р. А., 1908 г. р.

10. Зап. в 1989 г. Н. Тимошиной и С. Куликовой в г. Торопце от Федоровой В. Г., 1941 г. р., уроженки д. Деревягино.

11. Зап. в 1989 г. О. Николаевым, А. Минасян в д. Манушкино от Алексеева И. А., 1929 г. р.

12. См. примеч. к № 1.

13. Зап. в 1988 г. Я. Гуляевой, Е. Шарко в с. Плоскошь от Капитоновой М. Н., 1905 г. р.
14. Зап. в 1989 г. М. Л. Лурье, А. Дворщенко, Е. Донцовой в д. Зуи (данные об исполнителе утрачены).
15. См. примеч. к № 2.
16. Зап. в 1989 г. Н. Тимошиной, С. Куликовой в д. Лудилово от Голубевой А. Д.
17. Зап. в 1989 г. М. Л. Лурье, А. Дворщенко, Е. Донцовой в д. Старое от жены И. В. Кузнецова.
18. Зап. в 1988 г. И. Петровой, Р. Липшиц в д. Беляево от Степановой А. В., 1924 г. р.
19. Зап. в 1989 г. Н. Тимошиной, С. Куликовой в д. Княжово от Петровой А. П., 1913 г. р.
20. Зап. в 1989 г. С. Гончаровым, М. Муратовой в с. Пятницкое от Бодуновой П. Т., 1911 г. р.
21. Зап. в 1989 г. О. Николаевым, А. Минасян в д. Шейно от Яковлевой А. Е., 1929 г. р.
22. См. примеч. к № 8.
23. См. примеч. к № 7.
24. См. примеч. к № 21.
25. Зап. в 1989 г. М. С. Лурье, М. Муратовой, И. Полинской в д. Воробьи от Сармоновой З. Г.
26. Зап. в 1989 г. Н. Тимошиной, Е. Колпаковой в д. Малое Кислово от Леоновой П. Л., 1903 г. р.
27. См. примеч. к № 6.
28. См. примеч. к № 7.
29. Зап. в 1989 г. Д. Филипповой, А. Аспель в д. Головково от Ильиной Л. Н.
30. Зап. в 1989 г. Н. Тимошиной, С. Куликовой в г. Торопце от Ивановой А. И., 1916 г. р., уроженки д. Лучки.
31. См. примеч. к № 16.
32. См. преамбулу к примечаниям.
33. См. примеч. к № 21.
34. Зап. в 1988 г. И. Петровой и Р. Липшиц в д. Костино от Фирсовой Е. Н., 1911 г. р.
35. Зап. в 1989 г. Е. Кардаш, С. Шварцман в д. Покровское от Филипповой А. Ф., 1908 г. р.
36. См. примеч. к № 21.
37. См. примеч. к № 29.
38. См. примеч. к № 20.
39. См. примеч. к № 10.
40. См. примеч. к № 7.
41. Зап. в 1989 г. М. Л. Лурье, А. Дворщенко, Е. Донцовой в д. Старое от Бобровой М. И., 1917 г. р.
42. Зап. в 1988 г. И. Петровой и Р. Липшиц в д. Костино от Демидовой А. Д., 1920 г. р.

43. См. примеч. к № 11.
44. См. примеч. к № 21.
45. Зап. в 1989 г. С. Куликовой и Н. Андриевской в г. Торопце от Беловой М. Г., 1915 г. р., уроженки д. Ершово.
46. Зап. в 1989 г. Л. Гинзбургской, Б. Кардаш в д. Любаково от Дмитриевой П. И., 1905 г. р.
47. Зап. в 1988 г. Я. Гуляевой и Б. Шарко в с. Плоскошь от Ивановой А. И., 1921 г. р.
- 48—50. Зап. в 1989 г. М. Л. Лурье, А. Дворщенко, Б. Донцовой в д. Зуи от Курочкиной А. Д.
51. Зап. в 1989 г. М. Л. Лурье, А. Дворщенко, Б. Донцовой в д. Шурово от Григорьевой Т. С.
52. См. примеч. к № 29.
53. См. примеч. к № 13.
54. Зап. в 1988 г. И. Петровой и Р. Липшиц в д. Беляево от Мозаковой З. А., 1912 г. р., и Ивановой П. И., 1921 г. р.
55. Зап. в 1988 г. А. Тарабукиной, М. Л. Лурье, И. Петровой, Р. Липшиц в д. Шурово от Качковой И. М.
56. См. примеч. к № 26.
57. Зап. в 1988 г. А. Тарабукиной, М. Л. Лурье, И. Петровой, Р. Липшиц в д. Старое от Кутьковой М. В.
58. Зап. в 1989 г. Н. Тимошиной, Б. Колпаковой в д. Большое Кислово от Константиновой П. В.
59. Зап. в 1988 г. М. С. Лурье, М. Дорофеевой в с. Грядцы от Калиновой М. О., 1909 г. р.
60. Зап. в 1988 г. Я. Гуляевой, Е. Шарко в д. Шейно от Акимовой Н. И., 1905 г. р.
61. Зап. в 1988 г. Я. Гуляевой, Б. Шарко в д. Змейкино от Лукиной А. Л., 1899 г. р.
62. См. примеч. к № 3.
63. Зап. в 1987 г. Ю. Тодоровым и П. Казарновским в д. Зайково от Груздевой А. Б., 1904 г. р.
64. См. примеч. к № 19.
65. Зап. в 1988 г. А. Тарабукиной, М. Л. Лурье, И. Петровой, Р. Липшиц в с. Волок от Ивановой Е. Н., 1912 г. р.
66. Зап. в 1988 г. Я. Гуляевой и Б. Шарко в д. Микишино от Тихомировой Б. Д., 1913 г. р.
67. См. примеч. к № 7.
68. Зап. в 1989 г. Л. Гинзбургской в д. Крест от Ивовой А. А., 1904 г. р.
69. См. примеч. к № 35.
70. Зап. в 1987 г. Ю. Тодоровым и П. Казарновским в д. Подгороднее от Ивановой О. И., 1905 г. р.
71. Зап. в 1987 г. Ю. Тодоровым и П. Казарновским в д. Лахны от Орловой Б. Б., 1935 г. р.

72. См. примеч. к № 10.

73. См. примеч. к № 19.

74. См. примеч. к № 41.

СВЯТОЧНЫЕ ИГРЫ КАМСКО-ВИШЕРСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Материалы хранятся в архиве «Провинция». Ранее напечатаны с многочисленными отточиями в изд.: Альбинский В. А., Шумов К. Э. Святочные игры Камско-Вишерского междуречья.— Русский фольклор. Л., 1991, т. 26, с. 171-188, №52, 53, 55, 73, 76, 78, 81, 90.

1. МОРЯКИ

Зап. в 1987 г. В. А. Альбинским в д. Баранове Соликамского р-на Пермской обл. от И. А. Петухова, 1907 г. р.

2. «ПЕСТ»

Зап. в 1987 г. В. А. Альбинским в с. Нижний Шакшер Чердынского р-на Пермской обл. от М. Ф. Куваевой, 1910 г. р.

3. СБОРЩИК

Зап. в 1987 г. В. А. Альбинским в д. Бараново Соликамского р-на Пермской обл. от С. А. Петуховой, 1909 г. р.

4. ПОПЫ

Зап. в 1987 г. В. А. Альбинским и К. Э. Шумовым в с. Усть-Уролка Чердынского р-на Пермской обл. от П. Д. Зарубина, 1904 г. р.

5. СВАДЬБА

Зап. в 1987 г. В. А. Альбинским в с. Большой Тагьяшер Чердынского р-на Пермской обл. от М. И. Патрушевой, 1910 г. р.

6. НЕКРУТА

Зап. в 1986 г. К. Э. Шумовым в с. Усть-Уролка Чердынского р-на от Н. И. Шаламова, 1911 г. р.

7. СИРОТИНУШКА

Зап. в 1987 г. В. А. Альбинским в д. Бараново Соликамского р-на Пермской обл. от С. А. Петуховой, 1909 г. р.

8. СИРОТИНКА

Зап. в 1987 г. В. А. Альбинским и К. Э. Шумовым в с. Усть-Уролка Чердынского р-на Пермской обл. от П. Д. Зарубина, 1904 г. р.

ЕРШ ЕРШОВИЧ ИВАН ПЕТРОВИЧ

Место хранения: личный архив А. А. Ивановой.

Зап. в 1993 г. А. А. Ивановой в д. Лохново Пинежского р-на Архангельской обл. от Н. П. Сумкиной, 1920 г. р.

ПЕСНИ И ЗАГАДКИ РЯЖЕННЫХ («НАРЯЖЕНОК») НА СВЯТОЧНЫХ ИГРИЩАХ

Тексты зап. Т. В. Кирюшиной в Костромской области и хранятся в личном архиве собирателя.

1. ПРЕПОДОБНЫЙ МОНАХ

Зап. в 1976 г. в д. Загатино Медведицкого сельсовета Мантуровского р-на от А. М. Ласточкиной, 1901 г. р., и А. В. Смирновой, 1899 г. р. Песня исполнялась в сопровождении ложек.

2. У НАШЕГО ЗАЙЧА

Зап. в 1993 г. в пос. Павино от Т. П. Ковалевой, 1927 г. р., Г. П. Шипачевой, 1929 г. р., Г. А. Варгановой, 1940 г. р., и Э. В. Арбузовой, 1936 г. р.

3. ЗАГАДКИ «С КАРТИНКАМИ»

Зап. в 1993 г. в пос. Павино Павинского р-на от Т. П. Ковалевой, 1927 г. р., Г. П. Шипачевой, 1929 г. р., Г. А. Варгановой, 1940 г. р., Э. В. Арбузовой, 1936 г. р.

Обычные загадки были обязательным жанром на зимних собраниях молодежи. На праздничные игрища ряженые загадывали загадки «с картинками».

ПОДБЛЮДНЫЕ ПЕСНИ ВЯТСКОГО КРАЯ

Использованы материалы экспедиций кафедры русского устного народного творчества МГУ в Кировскую область. Римскими цифрами обозначен номер тетради, арабскими — номер текста внутри тетради.

1. Зап. летом 1991 г. Ивановой А. А. в с. Окатьево Котельничского р-на от Арбузовой Н. П., 1930 г. р., МГУ, II, 183.

2. Зап. летом 1991 г. Сатыренко А. С. в с. Спасское Котельничского р-на от Шиловой Р. М., 1911 г. р., МГУ, X, 20.

3. Зап. зимой 1991 г. Ивановой А. А. в с. Вишкиль Котельничского р-на от местного хора, МГУ, I, 197.

4. Зап. летом 1991 г. Сатыренко А. С. в с. Спасское Котельничского р-на от Шиловой Р. М., 1911 г. р., МГУ, X, 12.
5. Зап. летом 1991 г. Ивановой А. А. в д. Нижняя Мельница Котельничского р-на от Кирчановой А. А., 1921 г. р., МГУ, II, 494.
6. Зап. летом 1991 г. Ивановой А. А. в с. Окастьево Котельничского р-на от Арбузовой Н. П., 1930 г. р., МГУ, II, 215.
7. Зап. летом 1991 г. Ивановой А. А. в д. Нижняя Мельница Котельничского р-на от Малковой А. Д., 1919 г. р., МГУ, III, 13.
8. Зап. летом 1990 г. Коробовой А. В. в с. Молома Опаринского р-на от Бабкиной Е. М., 1924 г. р., МГУ, IX, 109.
9. Зап. летом 1991 г. Алпатовым С. В. в д. Шалагиново Котельничского р-на от Комлевой А. Д., 1923 г. р., МГУ, VI, 154.
10. Зап. летом 1991 г. Ивановой А. А. в д. Овчинниковы Котельничского р-на от Глушковой В. М., 1914 г. р., МГУ, III, 448.
11. Зап. летом 1991 г. Гуржий Т. Г. и Ермолаевым М. С. в д. Малая Шиловщина Котельничского р-на от Зубаревой В. Я., 1925 г. р., МГУ, XI, 463.
12. Зап. летом 1991 г. Гуржий Т. Г. и Ермолаевым М. С. в д. Шушканово Котельничского р-на от Скурихина С. А., 1918 г. р., МГУ, XVII, 483.
13. Зап. летом 1991 г. Сатыренко А. С. в с. Курино Котельничского р-на от Каратаевой А. И., 1924 г. р., МГУ, IX, 352.
14. Зап. летом 1991 г. Добровольской В. Е. в д. Мехнинка Котельничского р-на от Фиофилактовой Е. Я., 1919 г. р., МГУ, VI, 173.
15. Публ. по изд.: Садовников Д. К. Загадки русского народа. Сборник загадок, вопросов, притч и задач. Сост. Д. Садовников. СПб., 1876, с. 78, № 753.
16. Зап. зимой 1991 г. Ивановой А. А. в с. Вишкиль Котельничского р-на от Земцовой П. И., 1903 г. р., МГУ, II, 183.
17. Публ. по изд.: Загадки. Изд. подгот. В. В. Митрофановой. Л., 1968, с. 97, №3001.
18. Зап. зимой 1991 г. Ивановой А. А. в с. Вишкиль Котельничского р-на от Земцовой П. И., 1903 г. р., МГУ, II, 123.
19. Зап. зимой 1991 г. Ивановой А. А. в с. Вишкиль Котельничского р-на от местного хора, МГУ, I, 210.
20. Зап. летом 1991 г. Гуржий Т. Г. и Ермолаевым М. С. в с. Курино Котельничского р-на от Перминовой О. Н., 1921 г. р., МГУ, XVII, 13.

ПОДБЛЮДНЫЕ ГАДАНИЯ ДЕРЕВНИ ВОЙЛОВО КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Людиновский район (районный центр — г. Людиново) — один из юго-западных районов Калужской области, граничащий на юго-западе с Брянской областью.

Состав участников обряда, приведенного в данном разделе: Праксovia Ивановна Гришачева, 1928 г. р., Татьяна Семеновна Орехова,

1928 г. р., Татьяна Семеновна Медведева, 1929 г. р., Василиса Герасимовна Куприкова, 1928 г. р., Александра Степановна Коростелева, 1909 г. р., Екатерина Лаврентьевна Симоненкова, 1908 г. р., Мария Григорьевна Гришачева, 1929 г. р., Мария Николаевна Симоненкова, 1931 г. р.

Состав съемочной группы: режиссер — С. А. Миненок, оператор — Е. Гаскевич, фотограф — М. Н. Ахматов, фольклорист — Е. В. Миненок.

Видеозапись и расшифровка обряда хранятся в личном архиве Е. В. и С. А. Миненков, 1991, т. 10.

ПОДБОРКА ПОДБЛЮДНЫХ ПЕСЕН ИЗ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

В публикации использованы материалы, записанные экспедициями Российской академии музыки им. Гнесиных и Комиссии музыковедения и фольклора Союза композиторов России (КМФ) и хранящиеся в фонограммархивах данных учреждений.

1. Место хранения: ЛНМ, ор. 3526, № 3.

Зап. в 1994 г. С. Латышевой и О. Леоновой в д. Терешины Демидовского р-на Смоленской обл. от Н. С. Лукьянцевой, 1928 г. р., А. П. Стефанцовой, 1932 г. р., А. С. Посредниковой, 1926 г. р., и А. И. Емельяновой, 1922 г. р.

2. Место хранения: ЛНМ, ор. 2880, № 40.

Зап. в 1988 г. Е. Дороховой и О. Пашиной в д. Дубровка Смоленского р-на Смоленской обл. от Н. Т. Новиковой, 1925 г. р., С. У. Евсеенковой, 1913 г. р., и Е. У. Сухоруковой, 1917 г. р.

3. 4. Место хранения: **КМФ**, ор. 3325, № 4.

Зап. в 1988 г. Е. Дороховой и О. Пашиной в д. Горбуны Смоленского р-на Смоленской обл. от В. И. Фицулиной, 1929 г. р., О. Е. Фирсовой, 1928 г. р., А. Г. Ереминой, 1919 г. р.

5. Место хранения: ЛНМ, ор. 3066, № 16.

Зап. в 1989 г. Н. Борзаковской в д. Пречистое Духовщинского р-на Смоленской обл. от Е. Л. Зюриной.

6. Место хранения: ЛНМ, ор. 3050, № 46.

Зап. в 1989 г. Л. Винарчик в д. Петрищево Духовщинского р-на Смоленской обл. от Н. Н. Мигуновой, 1919 г. р., Н. Н. Мигуновой, 1926 г. р., О. Г. Меренцовой, 1927 г. р.

7. 8. Место хранения: ЛНМ, ор. 3528, № 7.

Зап. в 1994 г. С. Латышевой и О. Леоновой в д. Нижние Луги Демидовского р-на Смоленской обл. от Е. Н. Мирошкиной, 1911 г. р., Ф. А. Козыревой, 1914 г. р., Е. П. Солдатенковой, 1918 г. р., В. П. Клименковой, 1913 г. р.

9. Место хранения: ЛНМ, ор. 3527, № 12.

Зап. в 1994 г. С. Латышевой и О. Леоновой в д. Бакланове* Деми-довского р-на Смоленской обл. от Е. И. Власовой, 1923 г. р., Н. Д. Лишовой, 1923 г. р., А. М. Мизиновой, 1923 г. р., Д. Г. Герасимовой, 1914 г. р.

Весенне-летний период «СРАМНЫЕ» ПЕСНИ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ

Тексты записаны экспедициями Российской академии музыки им. Гнесиных.

1. БРАЛА ДЕВКА ЛЁН-ЛЁН

Место хранения: РАМ ф-2790/63.

Зап. в 1988 г. Л. Винарчик и Е. Катаевой в д. Крапивна Рославль-ского р-на от В. Р. Клочковой, 1914 г. р., Ф. В. Никитекковой, 1908 г. р., П. Е. Федченковой, 1929 г. р.

1а. БРАЛА ДЕВКА ЛЁН-ЛЁН

Место хранения: РАМ ф-549к/156.

Зап. в 1988 г. А. Камаевым и Т. Христининой в д. Стригино Починковского р-на от А. К. Колотыгиной, 1916 г. р.

16. БРАЛА ДЕВКА ЛЁН-ЛЁН

Место хранения: РАМ ф-2804/91.

Зап. в 1988 г. М. Енговатовой и И. Константиновой в д. Пригорье Рославльского р-на от И. С. Мажейкиной, 1911 г. р.

2. Я ПОЕДУ, Я ПОЕДУ...

Место хранения: РАМ ф-2834/7.

Зап. в 1988 г. О. Коноплевой и Е. Яковлевой в д. Шмаково Починковского р-на от З. Е. Тереховой, 1929 г. р., В. С. Тарасенковой, 1914 г. р., Н. Т. Андриевской, 1927 г. р., М. А. Маслаковой, 1913 г. р., Н. Г. Тереховой, 1923 г. р., А. И. Сопиенковой, 1925 г. р.

3. КАК ПОЙДУ Я К ТАНЕ...

Место хранения: РАМ ф-2834/6.

См. примеч. к № 2.

4. А В БОРУ, В БОРУ...

Место хранения: РАМ ф-2862/93.

Зап. в 1988 г. Л. Ивановой и Н. Корчагиной в д. Федоровское

Рославльского р-на от К. Г. Дворниковой, 1915 г. р., А. А. Климовой, 1916 г. р., В. Т. Аверченковой, 1922 г. р.

5. ПОДГОВАРИВАЛ ВАНЮША...

Место хранения: РАМ ф-2862/92.

См. примеч. к № 4.

6. У НАШЕГО БАРИНА...

Место хранения: РАМ ф-1035к/98.

Зап. в 1986 г. И. Федоренко и В. Шлыковым в д. Выходы Угранского р-на от А. Ф. Володченковой, 1919 г. р., Г. Ф. Паненковой, 1906 г. р.

7. УЖ ТЫ ХИМА-ХИМА...

Место хранения: РАМ ф-2834/5.

См. примеч. к № 2.

7а. ПО КАНАВКЕ РОСЛА ТРАВКА...

Место хранения: РАМ ф-2790/40.

См. примеч. к № 1.

8. ПАЛАГЕЯ

Место хранения: РАМ ф-2797/200.

Зап. в 1988 г. С. Жигановой и С. Пышненко в д. Никулино Починковского р-на от Е. З. Даниловой, 1910 г. р., Д. И. Готовшиковой, 1906 г. р., Д. И. Готовшиковой, 1909 г. р., Е. А. Казимировой, 1913 г. р.

9. БЕЗ МОРКОВКИ ЖИТЬ НЕЛОВКО...

Место хранения: РАМ ф-2797/199.

См. примеч. к № 8.

10. У НАС СЕДНИ...

Место хранения: РАМ ф-2797/198.

См. примеч. к № 8.

ОБРЯД ДУХОВА ДНЯ В СЕЛЕ ТРОИЦКОМ КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

Описание обряда, посвященного празднованию Духова дня в селе Троицком Куйбышевского района Калужской области, составлено по материалам архива кафедры фольклора МГУ (записи зимы и лета

1986 г.) и материалам из личного архива Е. В. Миненок. Каждое действие сопровождается диалогом исполнителей, поэтому автор описания ограничивается лишь необходимыми комментариями.

Куйбышевский район — один из юго-западных районов Калужской области (районный центр — поселок городского типа Бетлица), граничащий на западе со Смоленской, а на юге с Брянской областями.

Село Троицкое — центр Троицкого сельсовета, объединяющего более десятка населенных пунктов. До Великой Отечественной войны население жило в основном по поселкам, село Троицкое представляло собой хутор в семь дворов. Несмотря на свою малочисленность, хутор был хорошо известен в округе. В Троицкое по праздникам съезжались на базар, и самое главное — жители окрестных мест сходились в белокаменную трехъярусную церковь Святой Троицы, стоявшую на высоком холме у самого края села. В 1939 году церковь, по указанию властей, закрыли, все ценности из нее вывезли в неизвестном направлении. До сих пор старики рассказывают о том, как смельчака-богохульника, срубившего крест с купола храма, заколола ножницами жена во время семейной ссоры. Немцы, оккупировавшие Калужский край на долгие три года, взорвали Троицкую церковь. Базар тоже постепенно сошел на нет по мере того, как оскудевал деревенский достаток.

Долгие годы местная власть боролась и с самим Духовым днем, усматривая в нем отголоски церковного праздника. Духовское воскресенье колхозное начальство делало рабочим днем, людей не отпускали с поля, и вместо Духова дня активно насаждался так называемый «Праздник первой борозды» с обязательным концертом художественной самодеятельности. Но все попытки искоренить народный обряд оказались тщетными. Рассказывают, как однажды очередной председатель колхоза, человек пришлый и незнакомый с местными обычаями, объезжал на машине колхозные поля на Духов день. Тем временем женщины (конечно же, под предводительством упомянутой в описании обряда Марии Федоровны Линьковой) прямо на поле принесли куклу и начали с ней «скакать». Изумленный председатель подошел к женщинам и совсем опешил, когда услышал «срамные» «духовские» песни. А Мария Федоровна еще с большим азартом запела очередную «духовскую» уже персонально председателю (говорят, это была «Чеботуха», № 11). Тот поначалу обиделся, но постепенно, вслушиваясь в разудалые плясовые мотивы, в проникнутые иронией слова, разглядев духовскую куклу, которую на все лады «трепали» перед ним женщины, заразился всеобщим весельем и пустился в пляс:

— Два дня дам гулять, только еще спойте!

С тех пор жители стали в открытую праздновать Духов день, уже не опасаясь начальственного запрета. В 60-е годы, опять же по воле властей, мелкие хозяйства начали объединяться в крупные совхозы, и со временем хутор превратился в центральную усадьбу в 500 дворов с разновозрастным населением, среди которого немало и молодежи.

Одно оставалось неизменным — обычай широко гулять на Духов день. В продолжение долгого года жители села ждали его прихода. Так было и до недавнего времени, но постепенно праздник «начал отходить». Старики объясняют это тем, что «молодежь сейчас слишком равнодушная ко всему стала. Никакой у них заинтересованности. Гармонь есть — не хотят играть. Вот магнитофон на себя повесят и танцуют. Танцуют неинтересно, скучно, а раньше, бывало, и саратовскую, краковьяк, вальс, страдания!» (Слова эти принадлежат мужу М\ Ф. Линьковой, В. Ф. Линькову.)

Зимой 1986 года в селе Троицком работала экспедиция кафедры фольклора филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, участником которой была и автор этих строк. Рассказы жителей о праздновании Духова дня были настолько эмоциональны и красочны, что преподаватели и студенты посчитали своим профессиональным долгом отснять обряд на киноплёнку. Так родился замысел документального фильма «Духов день», который и был осуществлен летом того же года совместно со студентами Всесоюзного государственного института кинематографии им. С. А. Герасимова (операторы: В. Горенштейн, А. Коршунов, звукооператор — А. Раппопорт).

Все реплики участников обряда расшифрованы с магнитофонной записи.

В июне 1995 года отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН при спонсорской поддержке Международного центра полевых исследований EARTHWATCH была осуществлена фольклорная экспедиция в то же село Троицкое с целью комплексной фиксации обряда Духова дня. После анализа собранного материала можно однозначно утверждать, что «духовская» традиция с. Троицкого не только продолжает бытовать, но и активно развивается. Так, на празднике Духова дня 11 июня 1995 года число участников превышало двести человек. В изготовлении куклы активное участие принимала молодежь села. Куклу несли также девушки. Большинство «духовских» песен вместе с пожилыми знатоками традиции пели женщины среднего возраста и молодежь. В гулянии принимало участие пять гармонистов. Обряд продолжает сохранять циклический характер: через неделю все действие повторилось, но в Шуйцу бросали не «туловище» куклы, а сломанные его части. Также бросали в речку разломанные березовые венки.

Среди факторов, положительно повлиявших на активизацию традиции, безусловно, является заботливое отношение к празднику (которое выражается в том числе и в финансовой поддержке) местной администрации, и прежде всего директора совхоза — В. В. Ермаченкова.

Материалы экспедиции после соответствующей обработки и каталогизации войдут в фонд фольклорного архива ИМЛИ.

ПЕСНИ ОБРЯДА ДУХОВА ДНЯ

1. ПОСЕЯЛИ ДЕВКИ ЛЕН

Место хранения: МГУ, 1986 (лето), т. 8, № 30.

Зап. непосредственно во время празднования Духова дня 22 июня 1986 г. Е. В. Миненок (Андросовой) от М. Ф. Линьковой (запевала), 1926 г. р., Е. Н. Тимохиной, 1913 г. р., М. Р. Федотенковой, 1920 г. р., В. Р. Балабановой, 1929 г. р., А. М. Свириденковой, 1926 г. р., З. В. Ефременковой, 1926 г. р.

2. ОЙ ВЫ, ДЕЖИ, МОЛОДКИ, ПОЛНО ГОРЕ ГОРЕВАТИ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 9.

Зап. в 1989 г. Е. В. Миненок от М. Ф. Линьковой (запевала), 1926 г. р., М. Р. Федотенковой, 1920 г. р., В. Р. Балабановой, 1929 г. р., А. М. Свириденковой, 1926 г. р., З. В. Ефременковой, 1926 г. р., А. Г. Балабановой, 1930 г. р., К. Г. Ковалевой, 1928 г. р.

3. ХОДИЛА Б Я ПО ЛУЖКУ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 27.

Зап. в 1989 г. Е. В. Миненок от М. Ф. Линьковой (запевала), 1926 г. р., М. Р. Федотенковой, 1920 г. р., В. Р. Балабановой, 1929 г. р., А. М. Свириденковой, 1926 г. р., З. В. Ефременковой, 1926 г. р., А. Г. Балабановой, 1930 г. р.

4. ПО УЛИЦЕ МИМО КУЗНИЦЫ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 19.

Зап. в 1989 г. Е. В. Миненок от М. Ф. Линьковой, 1926 г. р., М. Р. Федотенковой, 1920 г. р., В. Р. Балабановой, 1929 г. р., З. В. Ефременковой (запевала), 1926 г. р., А. Г. Балабановой, 1930 г. р.

5. КАК НА ГОРКЕ, НА КРУТОЙ СТОЯЛ ЦЫГАН МОЛОДОЙ

Место хранения: МГУ, 1986 (лето), кас. 45, сторона 2.

Зап. в 1986 г. Е. В. Миненок (Андросовой) от М. Ф. Линьковой (запевала), 1926 г. р., З. В. Ефременковой, 1926 г. р.

6. У КАНАВКИ РОСЛА ТРАВКА

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 22.

Зап. в 1989 г. Е. В. Миненок от М. Ф. Линьковой (запевала), 1926 г. р., М. Р. Федотенковой, 1920 г. р., В. Р. Балабановой, 1929 г. р., З. В. Ефременковой, 1926 г. р., А. Г. Балабановой, 1930 г. р., К. Г. Ковалева, 1928 г. р.

7. ДА ЧТО Ж ТЫ, РЯБИНА, РЯБИНА КУДРЯВА

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 28.
См. примеч. к № 3 данного раздела.
Запевала А. Г. Балабанова.

8. ТУТА НАМ ПОПЕТИ, ТУТА ПОГУЛЯТИ

Место хранения: личный архив: ив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 58.
См. примеч. к № 4 данного раздела.
Запевала М. Ф. Линькова.

9. ПРИГЛАШАЛ ВАНЯ ДУНЯШУ С СОБОЙ НОЧКУ НОЧЕВАТЬ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 5.
См. примеч. к № 2 данного раздела.

10. БРАЛИ ДЕВКИ ЛЕН, ЛЕН, БРАЛИ, ВЫБИРАЛИ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 8.
См. примеч. к № 2 данного раздела.

11. ЧЕБОТУХА

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 11.
См. примеч. к № 2 данного раздела.

12. ОСЕННИЕ НОЧИ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 12.
См. примеч. к № 2 данного раздела.

13. ПОЕДЕМТЕ В МОСКВУ, КУПИМ КОЛОКОЛЬЧИК

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 25.
См. примеч. к № 3 данного раздела.

14. ВО РЖИ, НА МЕЖИ, ПОД <И>ЗГОРОДКОН

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 21.
См. примеч. к № 6 данного раздела. Песня имеет продолжение, но певцы не смогли вспомнить весь текст целиком.

15. ВСПОМНИ, ВЗДУМАЙ, МОЙ ЛЮБЕЗНЫЙ ДРУГ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 57.
См. примеч. к № 4 данного раздела.
Запевала М. Ф. Линькова.

16. НА ГОРУШКЕ РОЩА БЕРЕЗОВАЯ

Место хранения: МГУ, 1986 (лето), т. 8, № 13.
См. примеч. к № 1 данного раздела.
На словах «Как по этой роще девка гуляла» в центр хоровода

выходит «девушка», она идет по кругу, на ее голове — березовый веночек; на словах «Свалился веночек с буйной головы» «девушка» снимает веночек и кладет у ног, далее ходит по кругу без венка. На словах «Батюшка, пойдем, пойдем, походим» «девушка» выбирает из хоровода «батюшку», кланяясь ему в пояс; водит его за руку по кругу; на словах «Батюшка пошел — венка не нашел!» «батюшка» становится вновь в хоровод; далее «девушка» ходит по кругу одна. На словах «Матушка, пойдем, пойдем, походим» аналогичное действие повторяется с «матушкой». На словах «Милый мой, пойдем, пойдем, походим» «девушка» выбирает из хоровода «милого». Выбранный ею мужчина выходит в центр хоровода, они кланяются друг другу в пояс, «милый» поднимает с земли березовый веночек и надевает его на голову «девушке». Затем пара, держась за руки, делает круг и после окончания песни становится в хоровод.

17. СЕЛЕЗЕНЬ МОЙ

Место хранения: МГУ, 1986 (лето), т. 8, № 4.

См. примеч. к № 1 данного раздела.

На словах «Как старухи пляшут, скачут» участники хоровода останавливают круговое движение, поворачиваются лицом к центру хоровода, отпускают руки, сгибают спины и кружатся на месте вокруг себя, руки держат на поясице; со слов «Селезень мой» круговое движение возобновляется. На словах «Как молодки скачут, пляшут» все^ вновь отпускают руки и становятся лицом к центру хоровода, ногами выбивают дробь («топуны»), руки держат на талии, демонстративно выставляют грудь, кружатся на месте вокруг себя.

18. ИЗ-ЗА ЛЕСИКУ, ЛЕСУ ТЕМНОГО

Место хранения: МГУ, 1986 (лето), т. 8, № 3.

См. примеч. к № 1 данного раздела.

Запевала Е. Н. Тимохина.

На словах «Выходило там да два молодца» из хоровода выходят двое мужчин, они идут друг за другом по кругу. На словах «Становемши <о>ны, порукались» «молодцы» останавливаются, обмениваются рукопожатиями. На словах «Порукамши <о>ны, поругались» «молодцы» берут за плечи друг друга и изображают борьбу. На словах «Выходила к им душечка Катюшечка» из хоровода выходит «девушка», она кланяется по очереди «молодцам» в пояс и подает им «кон» (длинную березовую или ольховую палку). «Молодцы», держа палку вертикально, начинают перехватывать ее руками: первый «молодец» держит «кон» у его основания в правом кулаке так, что нижний край его кулака и нижний конец палки находятся на одном уровне; второй «молодец» перехватывает «кон» также правой рукой, прижимая сжатую ладонь как можно ближе к верхнему краю кулака противника; тот, в свою очередь, обхватывает «кон» левой рукой и т. д. Таким

образом, попеременно меняя руки, «молодцы» добрфаются до верхнего конца палки. Тот, кто первый накроет его ладонью, выигрывает. На словах «Доставалася душечка Катюшечка» выигравший «молодец» берет «девушку» за руку и ведет ее по кругу. Проигравший встает в хоровод. По окончании песни пара также становится в хоровод.

19. ХОРОВОД МАЛЕШЕНЕК, НАРОД ВЕСЕЛЕШЕНЕК

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 6.

См. примеч. к № 2 данного раздела.

На словах «Тебе хоровод водить, тебе песни запевать» в центр хоровода по желанию выходит какой-либо «молодец», он идет по кругу, пристально всматриваясь в проходящих мимо женщин; на словах «Выбрал себе девицу, выбрал себе красную» «молодец» выводит в центр хоровода понравившуюся ему «девицу». Пара обменивается поклонами в пояс, затем «молодец» берет «девицу» за руку и они до конца песни ходят внутри хоровода.

20. ВАРИЛ ЧЕРНЕЦ ПИВО, ВАРИЛ ЗЕЛЕНОЕ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 56.

См. примеч. к № 4 данного раздела.

Запевала М. Ф. Линькова.

С самого начала песни в центр хоровода выходит «чернечик», им может быть как мужчина, так и женщина. «Чернечик» подбоченясь ходит по кругу. На словах «Хмельно дже было — в ноженьки вступило» «чернечик» берется руками за ноги, кружится на одном месте и мимикой изображает, что у него болят ноги; на словах «Варил чернец пиво, варил зеленое» «чернечик» распрямляется и продолжает ходить по кругу. На словах «Хмельно дже было — в головку вступило» «чернечик» хватается за голову, повторяется та же мимическая сцена, что и с больными ногами. Затем он вновь распрямляется и продолжает круговое движение. На словах «Ох, как это пиво в спинушку вступило» «чернечик» хватается за спину и т. д. Игра может повторяться бесконечное число раз: пиво «в животок вступило», «в рученьки вступило», «в плечики вступило», «в шеюшку вступило» и т. д. Продолжительность хороводного действия зависит от комедийного таланта исполнителя роли «чернечика»: чем смешнее он изображает «больные» части тела, тем дольше поется песня.

21. ВДОЛЬ ПО МОЮЮ

Место хранения: личный архив Е. В. Миненок, 1989, т. 1, № 55.

См. примеч. к № 4 данного раздела.

Запевала М. Ф. Линькова.

Действие внутри хоровода не разыгрывалось. Исполнителям известен вариант той же песни с более развернутым сюжетом: девушка собирает перья на перину суженому, встречает его и, не узнав, отказыв-

вається відповідати на привітання, він грозиться навчити її «споклонливою бути», вона просить у нього прощення.

22. У НАС ПОД БЕЛОЮ, ПОД БЕРЕЗОЮ

Місце збереження: особистий архів Е. В. Мінєнок, 1989, т. 1, № 7.

См. примеч. к № 2 данного раздела.

Діяння всередині хоровода не розігрувалось.

23. СМІР'ЯНА БЕСЕДУШКА, ДІДЕ БАТЮШКА ПЬЄТ

Місце збереження: особистий архів Е. В. Мінєнок, 1989, т. 1, № 18.

См. примеч. к № 2 данного раздела.

24-35

Місця збереження відповідно: МГУ, 1986 (літо), т. 8, № 34–39, 41, 43, 44, 46, 47, 48.

Частушки зап. непрямо в час святкування Духова дня 22 червня 1986 г. Е. В. Мінєнок (Андросової) від Е. Н. Тимохіної, 1913 г. р., - № 24 (34); 27 (37), 30 (41), 34 (47); В. Р. Балабанової, 1929 г. р., - № 25 (35), 33 (46); М. Ф. Лінькової, 1926 г. р., - № 26 (36), 28 (38), 31 (43), 32 (44); А. М. Свириденкової, 1926 г. р., - № 29 (39), 35 (48).

36

Місце збереження: МГУ, 1986 (літо), т. 6, № 225.

Зап. в 1986 г. І. Н. Бартюкової від Е. Я. Балабанової, 1926 г. р.

Ср. текст № 10, строфи 19–21.

37

Місце збереження: МГУ, 1986 (літо), т. 6, № 226.

См. примеч. к № 36 данного раздела.

38-43

Місця збереження відповідно: особистий архів Б. В. Мінєнок, 1989, т. 1, № 38, 39, 63, 66–68.

Зап. в 1989 г. Е. В. Мінєнок від А. Г. Балабанової, 1930 г. р.

ДВЕ МАСЛЕНИЧНЫЕ ПЕСНИ

1. КУРВА МАСЛЕНИЦА

Місце збереження: особистий архів А. В. Кулагіної.

Зап. в 1993 г. А. В. Кулагіної в с. Івановське Красносельського р-на Костромської обл. від З. В. Мельникової, 81 год.

З. І. Мельникова сказала, що цю пісню привіз відкуди-то і співав їх односельчанин Вася Хватов. Було це приблизно в 1924 г. і виконували її до 1932 г.

2. МАСЛЕНАЯ-ГОЛОЛЕТЬЕ

Место хранения: МГУ, 1986 (з), т. 17, № 14.

Зап. в 1986 г. А. Г. Гачевой в с. Троицкое Куйбышевского р-на Калужской обл. от Т. Е. Орловой, 1923 г. р.

ПЕСНИ И ЗАКЛИЧКИ БАСЕЙНА УНЖИ (КОСТРОМСКАЯ ОБЛАСТЬ)

Публикуемые тексты были записаны Т. В. Кирюшиной в Костромской области.

1. НАУЧИТЬ ТЕБЯ, ВЫЮНИЦА

Место хранения: РАМ Ф-452/101.

Зап. в 1979 г. в с. Нежитино Макарьевского р-на от А. И. Сафоновой, 1906 г. р.

Пели взрослые в Радошно воскресенье (первое после Пасхи) при обходе домов молодоженов («выюнцов»). За это их угощали в доме за столом.

2. ОЙ, ВЫЮНИЦА

Место хранения: РАМ Ф-1445/6.

Зап. в 1979 г. в д. Большие Рымы Юровского с/с Макарьевского р-на от З. В. Назаровой, 1910 г. р., А. О. Назаровой, 1906 г. р., Е. Г. Савиновой, 1910 г. р., Е. Н. Кудрявцевой, 1910 г. р.

«Кричали» дети в Радошно воскресенье под окнами молодоженов. Им подавали угощение: куски кулича, крашеные яйца, пряники, конфеты.

3. РЕДЬКУ ПОЛОЮЛА («РЕДЬКА»)

Место хранения: РАМ ф-1445/7.

Зап. в 1979 г. в д. Большие Рымы Юровского с/с Макарьевского р-на от З. В. Назаровой, 1910 г. р., А. О. Назаровой, 1906 г. р., Е. Г. Савиновой, 1910 г. р., Е. Н. Кудрявцевой, 1910 г. р.

«Кричали» ребяташки после исполнения «Ой, выюница» под окнами молодоженов в том числе, если им ничего не подавали.

4. КРЕСТ ВОСКРЕС

Место хранения: РАМ ф-1447/91.

Зап. в 1979 г. в д. Опалихино Ильинского с/с Макарьевского р-на от М. М. Кокуриной, 1906 г. р.

«Кричали» дети в середине Великого поста («В половину Говины») рано утром в четверг под окнами домов. Их одаривали печеными ржаными крестиками, которые затем делились по количеству участников обхода.

ЖАТВЕННЫЕ ПЕСНИ И ОБРЯДЫ

В публикации использованы материалы, записанные экспедициями Российской академии музыки им. Гнесиных.

1. РЖАННЫЕ ОБЖИНКИ

Место хранения: ЛНМ, оп. 2785, № 7.

Зап. в 1986 г. С. Жигановой и С. Курлыкиным в д. Репино Ярцевского р-на Смоленской обл. от Е. А. Кротовой, 1908 г. р.

2. ОВСЯНАЯ «БОРОДА»

Место хранения: ЛНМ, др.-3528, № 4, 5, оп. 3525, № 29.

Зап. в 1994 г. С. Латышевой и О. Леоновой в д. Чепли Велижского р-на Смоленской обл. от П. А. Логиновой, 1910 г. р.

Этнографический материал с названием песен по инципитам зап. в 1984 г. И. Успенской в д. Городище того же района от М. А. Ивановой, 1907 г. р.

Место хранения: ЛНМ, оп. 2137, № 15.

Народный театр ВЫХОД ПЕТРУШКИ. ПЕТРУШКА

Приведенные здесь тексты отечественного «Театра Петрушки» взяты из коллекции П. Н. Тиханова, хранящейся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Петербург): ф. 777, оп. 1, № 188, л. 83—87 и 70 — 75. По понятным причинам они никогда не публиковались.

Первый текст, озаглавленный в рукописи «Выход Петрушки», получен Тихановым 12 декабря 1901 года из Чернигова, где был записан «от киевского мещанина Владимира Шумского, легкового извозчика, служащего работником у Вениамина Зидка, кукольника, слывающего под именем Жана («по сцене»)» (л. 87об.).

Второй текст записан в апреле 1901 года от самого Вениамина Мейерова Зидка, который, как сказано в приписке собирателя, также работал в Чернигове легковым извозчиком, а во время ярмарок становился кукольником и содержателем каруселей (л. 75).

Оба текста, таким образом, из одного источника, каковым являются петрушечные представления, разыгрывавшиеся «волковским мещанином» Вениамином Зидком в Чернигове рубежа XIX—XX веков. Второй текст дается не в полном виде, ибо он — достаточно близкий вариант первого; кроме того, собственно эротическая тема присутствует в нем лишь в начальных сценах.

Черниговское происхождение текстов объясняет наличие в них украинизмов, а также еврейской четы — традиционных для этих мест персонажей народного театра, анекдотов и проч. Именованье Петрушки (амплуа) Ваней (имя собственное) — характерная черта южно- и западнорусских вариантов петрушечной комедии.

В целом же перед нами типично российская кукольная комедия про Петрушку с общим набором героев, ситуаций, языковых *loci communes*.

Неизвестный корреспондент, приславший П. Н. Тиханову эти тексты, видимо, не просто записал их со слов кукольников, но видел сами представления, о чем свидетельствуют достаточно подробные ремарки с замечаниями очевидца.

ЕЗДОК И КОНЁВАЛ, ИЛИ КОНЬ

Святочное представление «Ездок и Конёвал, или Конь» было записано Н. Е. Ончуковым летом 1907 г. в Олонецкой губ. от плотника 40—45 лет — Павла Михайловича Калинина из д. Падмозеро в Заонежье. Текст был опубликован дважды только в начале XX века: 1) Северные сказки. Сборник Н. Е. Ончукова. — Записки Русского географического общества по Отделению этнографии, 1908, т. 32, с. 471—475; 2) Северные народные драмы. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1911, с. 118-123.

Заговоры

ЗАГОВОРЫ И МАГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА

При подготовке раздела использованы фольклорные публикации прошлого и нынешнего столетий и архивные материалы. Орфография и пунктуация текстов приближены к современным. При публикации текстов XVII—XVIII вв. раскрыты сокращения под титлами. Заголовки, принадлежащие публикатору, даны в квадратных скобках. Тексты № 1, 9, 10, 37 подготовлены к печати Е. В. Миненок, остальные — В. Л. Кляусом.

1. ЗАГОВОР НА ЛЮБОВЬ

Печ. по изд.: Срезневский В. И. Сборник заговоров по списку второй четверти XVII века. — Описание рукописей и книг, собранных для Императорской Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913, с. 509-510, № 122.

2. НА ПРИСУШЕНИЕ [ДЕВИЦЫ]

Печ. по изд.: Ефименко, с. 140, № 3.

Из рукописной тетрадки, доставленной Храмцовым из Пинежского уезда Архангельской губ.

3. ПРИСУШКА [НА ДЕВИЦУ]

Печ. по изд.: Логиновский К. Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья.— Записки Приамурского отдела РГО, 1899, т. 5, вып. 2, с. IV-V, № 5.

Зап. казаком ст. Донинской Нерчинско-заводского округа Забайкальской обл. по фамилии Косых.

Варианты см.: Ефименко, с. 143—144, № 17, 18.

4. [ПРИСУШКА НА ДЕВИЦУ]

Печ. по изд.: Чеканинский И. Материалы по народной медицине Енисейской губ.— Сибирский архив, 1914, № 6, с. 273, № 6.6.

Зап. А. В. Быковым в Канском уезде Енисейской губ.

Варианты см.: Виноградов, вып. 1, с. 31—32, № 41; Романов Е. Р. Белорусский сборник. Киев, 1891, вып. 5, с. 152, № 49; № 5 данного раздела.

5. [ПРИСУШКА НА ДЕВИЦУ]

Печ. по изд.: Логиновский К. Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. — Записки Приамурского отдела РГО, 1899, т. 5, вып. 2, с. IV, № 4.

Зап. от казака ст. Новотроицкая Нерчинского округа Забайкальской „обл.

Варианты см.: Виноградов, вып. 1, с. 31—32, № 41; Романов Е. Р. Белорусский сборник. Киев, 1891, вып. 5, с. 152, № 49; № 4 данного раздела.

6. [ПРИСУШКА НА ДЕВИЦУ]

Печ. по изд.: Майков Л. Н. Великорусские заклинания. — Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1869, т. 2, с. 429—430, № 11.

Зап. Н. Чернышевым в Череповском у. Новгородской губ.

Вариант см.: РГБ, Q XVH 246, л. 1.

7. НА РАЗЖЕНИЕ СЕРДЦА У ДЕВИЦЫ

Печ. по изд.: Ефименко, с. 140—141, № 5.

Доставил П. А. Иванов из г. Пинеги Архангельской губ.

Варианты см.: Логиновский К. Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья.— Записки Приамурского отдела РГО, 1899, т. 5, вып. 2, с. IV, № 3; Майков Л. Н. Великорусские заклинания.— Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1869, т. 2, с. 427—428, № 7; Встану я благословясь. Лечебные и любовные заговоры, записанные в западной части Архангельской области. Сост. Ю. И. Смирнов, В. Н. Ильинская. М., 1992, с. 60, № 124; № 10 данного раздела.

8. МОЛИТВА ДЛЯ ПРИВОРАЖИВАНИЯ [НА ПАРНЯ]

Печ. по изд.: Три молитвы для привораживания. — Сибирский архив, 1913, № 12, с. 554, № 3.

Зап. В. Братским в Шаракульской вол. Нижнеудинского у. Иркутской губ.

Варианты см.: ГЛМ, ф. 4, п. 25/1, л. 150; Бфименко, с. 141 — 142, № 10.

9. ЖЕНСКАЯ ИЗДЕВКА

Печ. по изд.: Тетрадь заговоров 1734. — Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987, с. 261.

10. ЖЕНСКАЯ ИЗДЕВКА НА ПОХОТЬ

Печ. по изд.: Покровский Л. Н. Тетрадь заговоров 1734.— Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987, с. 261—262. Из тетради заговоров 1734 г., принадлежавшей Матвееву Овчинникову из Унской вол. Архангелогородского у.

11. ЕГДА ЖЕНИЛСЯ ЧЕЛОВЕК И У ЖЕНЫ ПОТЕРЯЕТ НИФЦУ

Печ. по изд.: Виноградов, вып. 2, с. 33, № 23.

Из тетрадки заговоров середины XVIII в. Тетрадь приобретена Н. Виноградовым у одного из учеников Семиловской второклассной церковно-приходской школы Костромской губ., который употреблял ее на «цигарки», когда не было подходящей бумаги.

Составитель рукописи, видимо, был достаточно грамотным человеком, так как некоторые слова в текстах написаны латиницей. Рядом с этим заговором стоит приписка «сокшомис», что на «тарабарской грамоте» означает «сотворил». «Тарабарской грамотой» также даны два слова в названии заговора и в описании его применения: «нифцу» — «пизду» и «десту» — «целку».

Таблица «тарабарской грамоты» (По Виноградову, вып. 2, с. 4):

б	в	г	д	ж	з	к	л	м	н
щ	ш	ч	ц	х	ф	т	с	р	п

С приведенным текстом можно сопоставить сообщение Д. М. Чулкова: «Обыкновенно оные ворожеи портят на свадьбе ... у невесты скрывают тайное естество, которое иногда находят под горшком, лукошком, решетом и др.» (Чулков М. Д. Абевега русских суеверий, идолопоклоннических жертвоприношений: свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и проч. М., 1786, с. 73). Судя по названию заговорного текста, он был направлен как раз против такого вида порчи.

12. МОЛИТВА КАК ОБОРОНЯТЬ ЕСТЕСТВО

Печ. по изд.: Покровский Н. Н. Тетрадь заговоров 1734.—
Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987, с. 266.

Слова, пропущенные в публикации Н. Н. Покровского, восстановлены по рукописи: РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 567, л. 19об.

Ср. с обрядом, зафиксированным в Орловской губ. К сожалению, текст «наговора» при этом, видимо, не был записан:

«Еще уходя с брачного пира и прощаясь с молодым, хорошо угощенный и опытный знахарь в ободрение его говорит:

— Ты, малый, если что будет неладно, завтра пришли за мной. Мы это дело живо обкомандуем.

В случае неудачи молодой посылает за знахарем, тот приходит.

— Ну, как дела? — спрашивает.

— Плохо, дядюшка. Нельзя ли помогнуть? Век не забуду твоей милости.

— Помогаем, не бойся.

Знахаря сейчас же сажают за стол и начинают усиленно угощать. Достаточно угостившись, он требует ведро воды и приказывает всем выйти из дому, ведет жениха на двор, становится около ворот, подле пятной веревки, делает наговор над водой и обливает молодого с головы до ног. При этом дует, плюет, топает ногами и кривляется на разные манеры. Прделавши все это, говорит молодому:

»— Ну, теперь кончено, теперь ничего не бойся, лучшим манером справишь свое дело» (Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903, с. 34-35).

13. [ЛЕЧИТЬ НЕВСТАНИХУ]

Печ. по изд.: Киреевский — Якушкин, т. 1, с. 102, № 215.

Зап. П. И. Якушкиным в Малоархангельском у. Орловской губ.

Близкий текст см. у Ефименко, с. 204, № 36 б.

14. ОТ НЕВСТАНИХИ

Печ. по изд.: Афанасьев, л. 434.

Текст выписан А. Н. Афанасьевым из рукописного сборника.

15. [ЛЕЧИТЬ НЕВСТАНИХУ]

Печ. по изд.: Сборник врачебного содержания (Лечебник XVIII в.).

Место хранения: РГБ, ф. 299, № 25, л. 12об.

16. [ОТ НЕСТОИХИ]

Печ. по изд.: Виноградов, вып. 1, с. 74, № 103.

Зап. неизвестным собирателем в 1900—1901 гг. от одного из уче-

ников Семиловской второклассной церковноприходской школы Костромской губ., который записал текст со слов своих родителей.

17. О ЛКОЯПИИ ЖУЯ

Печ. по изд.: Виноградов, вып. 2, с. 34—35, № 27.

Из тетрадки заговоров середины ХУШв. Тетрадь приобретена Н. Виноградовым у одного из учеников Семиловской второклассной церковно-приходской школы Костромской губ.

Название заговора «О лкояпии жуя» написано «тарабарской грамотой» и означает «о стоянии хуя». См. о «тарабарской грамоте» комментарий к № 11 данного раздела.

18. ИГРАЛА БЫ ЮНОСТЬ

Печ. по изд.: Толмачев П. М. Заговоры и поверья в Забайкалье.— Сибирский архив, 1911, № 2, с. 65.

Зап. в Забайкалье в начале ХХ в. Вероятнее всего, текст имеет рукописное происхождение.

Заговорный текст близок к присушкам, в которых обращаются к вихрям и ветрам (см.: Ефименко, с. 139—140, № 1, 2).

19. [ОТ ИМПОТЕНЦИИ]

Печ. по изд.: Толмачев П. М. Заговоры и поверья в Забайкалье.— Сибирский архив, 1911, № 2, с. 65 — 66.

Зап. в Забайкалье в начале ХХ в. Вероятнее всего, текст взят из местами испорченной рукописи.

По своему характеру данный текст напоминает «присушку» на девицу (ср. с: Логиновский К. Д. Свадебные песни и обычаи казаков Восточного Забайкалья. — Записки Приамурского отдела РГО, 1899, т. 5, вып. 2, с. Ш—IV, № 2).

20. [ОТ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ]

Печ. по изд.: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1989, с. 81, № 489.

Зап. в 1991 г. В. Г. Добровольской в д. Ярушниковы Котельничского р-на Вятской обл. от А. М. Молчановой, 1915 г. р.

Ср. с № 18 данного раздела.

21. [ОТ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ]

Печ. по изд.: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1989, с. 81, № 490.

Зап. в 1990 г. В. Г. Добровольской в д. Молома Опаринского р-на Вятской обл. от Л. Д. Голомидовой, 1912 г. р.

22. [ЧТОБ ПАРЕНЬ ДЕЙСТВОВАЛ]

Печ. по изд.: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1989, с. 81, № 492.

Зап. в 1990 г. Л. В. Нехай в д. Шадринская Опаринского р-на Вятской обл. от Н. Н. Пупышева, 1921 г. р.

23. [ОТ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ]

Печ. по изд.: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1989, с. 81, № 495.

Зап. в 1990 г. Л. В. Фадеевой в с. Учка Лузского р-на Вятской обл. от Е. Д. Кузнецовой, 1903 г. р.

24. [СДЕЛАТЬ НЕВСТАНИХУ]

Печ. по изд.: Киреевский — Якушкин, т. 1, с. 102, № 215.

Зап. П. И. Якушкиным в Малоархангельском у. Орловской губ.

25. [ЧТОБЫ ХУЙ НЕ СТОЯЛ]

Печ. по: Афанасьев, л. 434.

Текст выписан А. Н. Афанасьевым из рукописного сборника.

26. [ЧТОБ МУЖИК ОБЕССИЛЕЛ]

Печ. по изд.: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1989, с. 99-100, № 633.

Зап. в 1991 г. В. Г. Добровольской в д. Ярушниковы Котельничского р-на Вятской обл. от А. М. Молчановой, 1915 г. р.

27. [ИСПОРТИТЬ ПАРНЯ]

Печ. по изд.: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1989, с. 100, № 634.

Зап. в 1990 г. Л. В. Нехай в д. Шадринская Опаринского р-на Вятской обл. от Н. Н. Пупышева, 1921 г. р.

28. [ЧТОБ МУЖИК ОБЕССИЛЕЛ]

"Печ. по изд.: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1989, с. 81, № 491.

Зап. в 1991 г. И. В. Ивановой в д. Нижняя Мельница Котельничского р-на Вятской обл. от Г. С. Малковой, 1924 г. р.

29. [ПАРНЕЙ ПОРТИТЬ]

Печ. по изд.: Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1989, с. 100, № 635.

Зап. в 1990 г. Л. В. Фадеевой в с. Учка Лузского р-на Вятской обл. от Е. Д. Кузнецовой, 1903 г. р.

30. [НАГОВОР ДЛЯ НАДЕВАНИЯ «ХОМУТЦА»]

Печ. по изд.: Логиновский К. Д. Материалы к этнографии Забайкальских казаков.— Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО, 1903, т. 9, вып. 1, с. 85–86, № 2.

Извлечено К. Д. Логиновским из рукописи, принадлежавшей казачу Забайкальского войска.

«Хомутец», или «хомут» — самая страшная порча, которая известна в деревнях Восточной Сибири, Прибайкалья и Забайкалья. Она, согласно суеверным рассказам, обычно приводила к смерти. «Хомут» могли сделать не только на человека, но и на животных и даже хозяйственные предметы. Преимущественно все же «хомут» надевали на половые органы мужчинам по злобе или «ради насмешки девок над парнями» (Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилого населения Сибири.— Живая старина, 1915, вып. 4, с. 354). К. Д. Логиновский сообщает, что «хомут» бывает наружный или внутренний. Наружный характеризуется кольцеобразной опухолью, внутренний проявляется, когда, к примеру, происходит ненормальное задержание месячных (Логиновский К. Д. Указ. соч., с. 83). В настоящее время под «хомутом» понимается вообще сильная порча, сглаз.

Перечисление дочерей Ирода сближает текст заговора с заговорами от лихорадки (ср. у Ефименко, с. 205–207, № 42–44).

31. [СРЕДСТВО НАДЕТЬ «ХОМУТЕЦ»]

Печ. по изд.: Логиновский К. Д. Материалы к этнографии Забайкальских казаков.— Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО, 1903, т. 9, вып. 1, с. 86.

Извлечено К. Д. Логиновским из рукописи, принадлежавшей казачу Забайкальского войска.

См. примеч. к № 30 данного раздела.

32. [НАГОВОР ДЛЯ СНЯТИЯ «ХОМУТЦА»]

Печ. по изд.: Логиновский К. Д. Материалы к этнографии Забайкальских казаков.— Записки общества изучения Амурского края Владивостокского отделения Приамурского отдела РГО, 1903, т. 9, вып. 1, с. 89, № 6.

Зап. в конце XIX — начале XX в. К. Д. Логиновским в станице Донинской Нерчинского округа Забайкальской области от казака по фамилии Косых.

О «хомутце» см. примеч. к № 30 данного раздела.

Вариант см.: Логиновский К. Д. Указ. соч., с. 108, № 3.

33. СЛОВО ГРИЖА НАПУЩАТЬ

Печ. по изд.: Покровский Л. Н. Тетрадь заговоров 1734 г.— Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987, с. 263-264.

Из тетради заговоров начала 1734 г., принадлежавшей Матвею Овчинникову из Унской волости Архангелогородского уезда.

Варианты к тексту есть среди «присушек» (см. № 7 данного раздела).

34. МОЛИТВА ОТ ПРИЗОРУ И ОТ ГРЫЖИ

Печ. по изд.: Покровский Л. Н. Тетрадь заговоров 1734 г.— Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987, с. 265.

Из тетради заговоров начала 1734 г., принадлежавшей Матвею Овчинникову из Унской волости Архангелогородского уезда.

35. [СРЕДСТВО, ЧТОБЫ МУЖ ОТ ЖЕНЫ НЕ БЕГАЛ]

Печ. по изд.: Сборник врачебного содержания (Лечебник XVIII в.). Место хранения: РГБ, ф. 299, № 25, л.Иоб.

Слово «каторои» восстановлено по смыслу, в рукописи — «како-рои».

36., [СРЕДСТВО УВЕДАТЬ ЖЕНУ ИЛИ ДЕВИЦУ НА ЧИСТОТУ]

Печ. по изд.: Сборник врачебного содержания (Лечебник XVIII в.). Место хранения: РГБ, ф. 299, № 25, л.12.

37. ОТ МУЖСКОГО БЕССИЛИЯ

Печ. по изд.: Заговоры. Сообщил П. Зенбицкий.— Живая старина, 1907, вып. 1, отд. 2, с. 6, № 14.

ЗАГОВОРЫ ИЗ РУКОПИСНЫХ МАТЕРИАЛОВ XVIII века

ЛЮБОВНЫЕ ЗАГОВОРЫ-ПРИСУШКИ

1. Приворотный стих [крестьянина Андрея Тимофеева Пердуна]

Из дела 1751 г. о богохульнике Куринского батальона фурьеру Петре Крылове.

Место хранения: РГИА, ф. 796, оп. 32, д. 213, л. 29.

Фурьер Крылов по наущению крестьянина Андрея Пердуна написал своею кровью 4 письма, «наполненные богоотступничества», желая сделаться богатым и знатным. Крестьянин, однако, на допросах сознался только в том, что знает приведенный нами «приворотный стих», «а тому-де, [заговору] учился он [Пердун] нижегородскаго Пе-

черскаго монастыря у монаха Феофана, который де назад тому лет с шесть умре» (л. 29—29об.)

2. Заговор, ежели сжелаешь слобиться с девкою или бабою [солдата Петра Шестакова]

Из дела 1740 г. о наказании солдата Преображенского полка Петра Шестакова за имение при себе волшебного письма.

Место хранения: РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 720, л. 1 б.

Петр Шестаков, будучи послан с письменным указом, вручил вместо одного 2 листа с заговорами, спутав указ со своими бумагами. Представ перед следователями в полковой канцелярии, П. Шестаков показал, что заговоры сообщил ему в походе в Хотине казак, лечивший его лошадь; Шестаков клялся, что заговоры не использовал, носил «простою своею», но на основании Высочайшего указа о наказании волшебников 1731 г. его приговорили прогнать 1 раз через полк шпицрутенев.

3. «Черный» заговор, нужный ко блюду [попа Макария Иванова]

Из дела о священнике Макаре Иванове и других лицах, осужденных за имение при себе волшебных тетрадок.

Место хранения: РГАДА, ф. 7, оп. 1, д. 1754, л. 10 — 11.

В 1753 г. поп Макар признался, что списал заговоры у брата своего Стахея без его ведома, вскрыв ларец, а написал их только имея цель склонить к блудодействию, а отрицался от Бога и предавался дьяволу «в таком разуме, чтоб ему Сатана и дьяволы служили, как он по оному письму кого станет к блудодействию и прелюбодеянию склонять, однако ж ему, попу, от Сатаны и дьяволов помощи и услуг никаких по тому писму не бывало, а он их не призывал, кроме писания оного писма, и, более того, писма со оными Сатанею и дияволами у него, Макара, никаковаго обязательства и содржества никогда не бывало» (л. 17). При обыске у Стахея Иванова нашли, по заключению Ростовской духовной консистории, «многие суеверные баснословные и сквернословные тетратки и писма приличествующие к блюду, писма и песни» (л. 21). Далее выяснилось, что Стахей списывал заговор с тетрадки пономаря Ивана Кузмина, а Иван Кузмин получил тетрадь для списания у попа Ивана Осипова: «как он, Кузмин, у оного попа прилучился быть в горнице и увидел, что оную тетрадь оной поп читает наедине, и тогда он, Кузмин, у оного попа той тетратки просил написать себе... и по той ево... прозбе оной поп ту тетратку ему для списывания и отдал, а при той отдаче... говорил, чтоб той тетратки никому он Козмин не казал...» (л.35об.).

В 1756 г. попы Макарий Иванов и Иван Осипов были лишены священства и вместе с пономарем Иваном Кузминым и Стахеем Ивановым отправлены к светскому суду в Ярославскую провинциальную канцелярию для наказания.

4. Присушка [из тетради попа Макария Иванова]

Из того же дела, л. 12—12об.

5. Блудный заговор [из тетради попа Макария Иванова]
Из того же дела, л. 12об.

6. Приговор, присушка [из тетради Федора Соколова]
Из дела о саранском подьячем Федоре Соколове.

Место хранения: РГИА, ф. 796, оп. 9, д. 115ид. 168. Список с тетради заговоров: д. 115, л. 2—2об.

В 1718 г. у Федора Соколова нашли 5 заговоров. Соколов повинился (дабы судьи были милостивы), что один заговор ему дал переписать его свойственник, поповский сын, а остальные заговоры дал солдат Клим Кашига. Солдат сознался, что заговоры Соколову давал. Соколов на допросе утверждал, что волшебства по «письмам не чинил», всё делал «с простоты», просил прощения. Синод по рассмотрении дела постановил учинить Соколову покаяние, а тетрадь с заговорами публично сжечь.

7. Заговор, дабы разжечь... в белотеле душу и ретивое сердце
[из тетради Федора Соколова]

Из того же дела, л. 3.

8. Любовный заговор [из тетради Федора Соколова]
Из того же дела, л. 3.

9. Молитва-заговор, чтоб жить с женою в совете
[из тетради Федора Соколова]

Из того же дела, л. Зоб.—4.

«Публикуемый текст — редкий образец в цикле любовных заговоров; он лишен мифологического элемента, его связывает с магией лишь пояснение: «проговорить трижды на соли». Две стороны брака — плотская и духовная, обслуживаются в «заговорной тетрадке» Соколова различными магическими текстами. Плотское начало, как и в большинстве известных любовных заговоров, остается в сфере действия темных сил, мифологических персонажей, а духовное — осеняется христианскими символами, и тогда любовный заговор фактически превращается в молитву.

ЗАГОВОРЫ «МУЖСКОГО ЕСТЕСТВА»

10. «Черный заговор «мужского естества»
[из столбцов попа Алексея Иванова]

Из дела 1728—1729 гг., рассматривавшегося в Синоде по доношению Вологодского архиерея о повенчании попом села Дягилева Алексеем Ивановым двух браков в близком родстве и о найденных у того попа еретических письмах.

Место хранения: ЦГИА, ф. 796, оп. 9, д. 644, л. 6.

В деле на л. 4—7об. сохранились копии написанных, якобы рукой священника Алексея Иванова сына Попова, гадания жеребейками и заговоров на умилоствление судей, от грыжи, от укуса собак и публикуемого нами «черного» блудного заговора.

Заговор был проанализирован и опубликован с купюрами: Барсов Н. И. К литературе об историческом значении русских народных заклинаний.— Русская старина, 1893, № 1, с. 209—220 (публикация на с. 220).

ЗАГОВОРЫ ОТ ЖЕНСКИХ БОЛЕЗНЕЙ И ДЛЯ ОБЛЕГЧЕНИЯ РОДОВ

11. Молитва, аще жену спортят, а напустят грыжу солоткую или костяную или кровью мочится или белью

Из сборника заговоров, заклинаний и примет, составленного в перв. трети XVIII в.

Место хранения: отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского госуниверситета № 2336, л. 45об.—47.

Об этом сборнике см.: Смилянская Е. Б. «Суеверная» книжица первой половины XVIII в. из Библиотеки Казанского университета. — Живая старина, 1994, № 2, с. 33 — 34; Радзиевская С. Б. Описание рукописей Научной библиотеки им. Лобачевского. Казань, 1958, вып. 1. Фольклор, с. 19—21.

12. Молитва к жене родителнице, аще не может родить

Из того же сборника, л. 48.

13. Ина молитва говорить к жене, хотящей родити

Из того же сборника, л. 48об.

Загадки

ЗАГАДКИ ИЗ ФОЛЬКЛОРНОГО АРХИВА МГУ

Место хранения: МГУ.

Сведения приводятся в следующем порядке: год записи, тетрадь, номер записи в тетради, место записи, от кого записано, его год рождения, собиратели. В тексте публикации примечания в круглых скобках приводятся по записям в тетрадях собирателей, а в квадратных — примечания составителей.

1. 1990, т. 1, 173, Кировская обл., Опаринский р-н, д. Нижняя Паломица, Н. В. Кикирева, 1923, собиратель А. А. Иванов.

2. 1990, т. 5, 184, Кировская обл., Опаринский р-н, д. Шабурь, Н. В. Русанова, 1932, собиратели А. С. Сатыргенко, И. В. Лобанова.

3. 1990, т. 5, 198, см. примеч. к № 2.

4. 1990, т. 5, 376, Кировская обл., Опаринский р-н, д. Шабурь, Н. Г. Жилина, 1960, собиратели А. С. Сатыргенко, И. В. Лобанова.

5. 1990, т. 18, 173, Кировская обл., Опаринский р-н, д. Верхний Починок, Ф. А. Лукина, 1928, собиратель Л. В. Нехай.

6. 1990, т. 9, 35, Кировская обл., Опаринский р-н, д. Молома, Л. И. Шаронова, 1964, собиратель А. Коробова.
7. 1990, т. 9, 553, Кировская обл., Опаринский р-н, д. Шабуры, Н. В. Русанова, 1932, собиратель А. Коробова.
8. 1990, т. 19, 148, Кировская обл., Опаринский р-н, д. Волгарица, Н. Е. Бартева, 1923, собиратель Л. В. Нехай.
9. 1964, т. 20, 41, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Оксово, П. Н. Кодиезера, 1912, собиратели С. Архипова, Е. Литвиненко.
10. 1979, т. 1, 25, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Починок, А. Д. Винокурова, 1906, собиратель А. А. Иванова.
11. 1979, т. 1, 102, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Починок, П. В. Логунова, 1909, собиратель А. А. Иванова.
12. 1979, т. 1, 103, см. примеч. к № 11.
13. 1979, т. 1, 107, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Починок, В. И. Козырева, 1930, собиратель А. А. Иванова.
14. 1979, т. 1, 167, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Починок, Н. В. Лесникова, 1932, собиратель А. А. Иванова.
15. 1979, т. 1, 166, см. примеч. к № 14.
16. 1979, т. 1, 168, см. примеч. к № 14.
17. 1979, т. 1, 187, см. примеч. к № 14.
18. 1979, т. 1, 210, см. примеч. к № 14.
19. 1979, т. 3, 77, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Черехля, А. В. Гришина, 1907, собиратель Т. А. Золотова.
20. 1984, т. 7, 127, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Воронинка, Н. В. Акимочкина, 1920, собиратель Л. Ф. Миронихина.
21. 1984, т. 7, 129, см. примеч. к № 20.
22. 1969, т. 25, 24, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Усть-Вья, А. А. Нифакина, 1915, собиратели Чубасова, Киндрякова.
23. 1983, т. 5, 19, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Дегирево, А. А. Фомичева, 1907, собиратель Л. Ф. Миронихина.
24. 1984, т. 2, 27, Калужская обл., Куйбышевский р-н, с. Бутчино, А. И. Голикова, собиратель А. А. Иванова.
25. 1984, т. 2, 30, см. примеч. к № 24.
26. 1983, т. 3, 43, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Воронцово, М. П. Козлова, 1911, собиратель А. А. Иванова.
27. 1985, т. 9, 24, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Лужницы, А. Е. Варина, 1915, собиратель Л. Ф. Миронихина.
28. 1986, т. 10, 219, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Лазинки, Е. В. и П. В. Малашенковы, 1926, 1913, собиратель И. Н. Бартюкова.
29. 1986, т. 5, 137, Калужская обл., Куйбышевский р-н, с. Дубровки, О. Г. Денисенкова, 1918, собиратель А. А. Иванова.
30. 1986, т. 5, 140, см. примеч. к № 29.
31. 1986, т. 5, 141, Калужская обл., Куйбышевский р-н, с. Дубровки, В. Г. Денисенкова, 1912, собиратель А. А. Иванова.
32. 1986, т. 5, 142, см. примеч. к № 31.
33. 1986, т. 5, 230, Калужская обл., Куйбышевский р-н, с. Дубров-

ки, В. Н. Марченкова, 1939, В. Ф. Босенкова, 1943, Е. И. Проненкова, 1930, собиратель А. А. Иванова.

34. 1986, т. 9, 75, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Пановка, А. И. Марченкова, собиратель И. Н. Бартюкова.

35. 1986, т. 2, 53, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Усоха, М. Ф. Столярова, 1925, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

36. 1986, т. 20, 114, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Усоха, Е. Е. Степаненкова, 1926, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

37. 1986, т. 20, 213, Калужская обл., Куйбышевский р-н, с. Троицкое, П. М. Симбирская, 1926, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

38. 1986, т. 20, 214, Калужская обл., Куйбышевский р-н, с. Троицкое, М. Р. Рыбакова, 1920, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

39. 1985, т. 21, 259, Татарская АССР, Куйбышевский р-н, с. Танкеевка, А. И. Козлова, 1933, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

40. 1985, т. 22, 230, Татарская АССР, Куйбышевский р-н, с. Танкеевка, О. Курьшева, 1977, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

41. 1985, т. 29, 1, Татарская АССР, Куйбышевский р-н, с. Полянки, Е. И. Вьюговская, 1928, собиратели А. Г. Гачева, Ю. У. Каскина.

42. 1985, т. 33, 144, Татарская АССР, Куйбышевский р-н, с. Полянки, Е. Ф. Исаева, 1924, Е. И. Остудина, 1909, Н. Т. Миронычева, П. С. Борисова, собиратель А. А. Иванова.

43. 1985, т. 34, 145, Татарская АССР, Куйбышевский р-н, с. Полянки, С. Борисов, собиратель А. А. Иванова.

44. 1984, т. 22, 264, Татарская АССР, Заинский р-н, д. Киселевка, А. И. Сметанина, 1903, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

45. 1986, т. 26, 116, Татарская АССР, Камско-Устинский р-н, д. Антоновка, А. Я. Кашкина, 1913, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

46. 1986, т. 27, 136, Татарская АССР, Камско-Устинский р-н, д. Заовражный Каратай, А. П. Аксенова, 1924, собиратель Л. Ф. Миронихина.

47. 1987, т. 9, 309, Татарская АССР, Алексеевский р-н, с. Куркуль, Н. Ф. Багоршина, 1927, собиратель Е. В. Андросова (Миненок).

48. 1988, т. 2, 11, Кировская обл., Подосиновский р-н, д. Токовица, М. М. Мызина, 1919, собиратель А. А. Иванова.

49. 1988, т. 2, 15, см. примеч. к № 48.

50. 1988, т. 2, 21, см. примеч. к № 48.

51. 1989, т. 3, 350, Кировская обл., Лузский р-н, д. Дресвише, В. В. Жукова, 1933, собиратель А. А. Иванова.

52. 1988, т. 7, 5, Кировская обл., Подосиновский р-н, с. Октябрь, А. А. Злобина, 1952, собиратели Н. Н. Левицкая, М. А. Фалькович.

53. 1988, т. 11, 81, Кировская обл., Подосиновский р-н, д. Барановщина, М. А. Гребнев, 1932, собиратель Л. В. Нехай.

54. 1988, т. 18, 101, Кировская обл., Подосиновский р-н, д. Бреньково, К. П. Литовальцева, 1924, собиратель А. В. Торопов.

55. 1988, т. 18, 102, см. примеч. к № 54.

56. 1988, т. 22, 106, Кировская обл., Подосиновский р-н, д. Крыловское, Е. Н. Паникоровская, 1926, собиратели М. А. Кучерская, В. Ю. Апресян.
57. 1988, т. 22, 107, см. примеч. к № 56.
58. 1988, т. 22, 109, см. примеч. к № 56.
59. 1988, т. 22, 110, см. примеч. к № 56.
60. 1989, т. 1 265, Кировская обл., Лузский р-н, д. Лопотово, Д. С. Литвинова, 1925, собиратель А. А. Иванова.
61. 1989, т. 1, 266, см. примеч. к № 60.
62. 1989, т. 1, 268, см. примеч. к № 60.
63. 1969, т. 39, 172, Архангельская обл., Вельский р-н, д. Прилук, И. Г. Прилучный, 1890, собиратели Е. А. Гулыга, Ф. М. Селиванов.
64. 1989, т. 3, 370, см. примеч. к № 51.
65. 1989, т. 4, 211, Кировская обл., Лузский р-н, д. Лопотово, Е. Я. Иванова, 1913, Н. Я. Осташова, 1916, собиратель А. А. Иванова.
66. 1989, т. 10, 89, Кировская обл., Лузский р-н, д. Петраково, М. А. Белоглазов, собиратель О. В. Пушкарева.
67. 1989, т. 10, 90, см. примеч. к № 66.
68. 1989, т. 10, 91, см. примеч. к № 66.
69. 1989, т. 12, 67, Кировская обл., Лузский р-н, д. Месино, В. М. Зимирев, 1913, собиратели А. С. Сатыренко, И. В. Лобанова.
70. 1964, т. 5, 80, см. примеч. к № 315.
71. 1959, т. 13, 55, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Горка, М. Н. Татарина, 1899, собиратели Б. А. Исадченко, Н. Фомина.
72. 1989, т. 12, 223, Кировская обл., Лузский р-н, д. Быково, М. А. Липатникова, 1943, собиратели А. С. Сатыренко, И. В. Лобанова.
73. 1989, т. 13, 28, Кировская обл., Лузский р-н, д. Месино, А. Ф. Носков, 1926, М. И. Носкова, 1915, собиратели А. С. Сатыренко, И. В. Лобанова.
74. 1969, т. 7, 64, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Минеши-Верхние Хаврогоры, Ф. М. Крапивина, 1905, собиратель З. Р. Зарецкая.
75. 1989, т. 13, 30, см. примеч. к № 73.
76. 1989, т. 13, 65, см. примеч. к № 69.
77. 1989, т. 20, 34, Кировская обл., Лузский р-н, д. Боровица, Н. И. Толстогузов, 1938, собиратели Е. Садовая, В. Добровольская.
78. 1989, т. 20, 78, см. примеч. к № 77.
79. 1989, т. 20, 79, Кировская обл., Лузский р-н, д. Боровица, О. Ф. Шемякина, 1915, собиратели Е. Садовая, В. Добровольская.
80. 1989, т. 20, 80, см. примеч. к № 79.
81. 1989, т. 25, 17, Кировская обл., Лузский р-н, д. Животово, П. А. Трудоношина, 1919, А. А. Плюснина, 1927, собиратель Ю. М. Величко.
82. 1989, т. 25, 18, см. примеч. к № 81.
83. 1989, т. 37, 304, Кировская обл., Лузский р-н, пос. Лальск, Л. Я. Савельева, 1922, собиратель М. Р. Григорян.
84. 1989, т. 37, 306, см. примеч. к № 83.

85. 1981, т. 1, 13, Татарская АССР, Алексеевский р-н, д. Балахчино, З. Р. Опарина, 1903, К. Т. Сидорова, 1900, собиратель А. А. Иванова.
86. 1981, т. 1, 15, см. примеч. к № 85.
87. 1981, т. 1, 120, Татарская АССР, Алексеевский р-н, д. Валахчино, О. А. Маврина, 1906, собиратель А. А. Иванова.
88. 1981, т. 1, 166, см. примеч. к № 85.
89. 1981, т. 5, 64, Татарская АССР, Алексеевский р-н, с. Левашово, А. С. Ракова, 1925, собиратели Е. М. Козулина, О. В. Платонова.
90. 1981, т. 5, 65, см. примеч. к № 89.
91. 1959, т. 3, 80, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Гороховская, А. А. Чикина, 1910, собиратель Бутенко.
92. 1981, т. 8, 79, Татарская АССР, Алексеевский р-н, д. Лебедино, А. Н. Шутраева, 1919, П. Н. Шутраева, 1919, собиратель А. А. Иванова.
93. 1981, т. 10, 6, Татарская АССР, Алексеевский р-н, д. Новоспасск, М. Г. Зубкова, 1914, собиратели М. А. Лебедева, Т. Ю. Стряпкина.
94. 1982, т. 2, 157, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Черемуховая, М. Ф. Захарова, 1903, собиратель Н. И. Савушкина
95. 1982, т. 2, 159, см. примеч. к № 94.
96. 1982, т. 4, 150, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Черемуховая, П. И. Зубова, 1911, собиратель Н. П. Зубова.
97. 1982, т. 4, 179, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Черемуховая, Е. В. Банцирева, 1931, собиратель Н. П. Зубова.
98. 1982, т. 4, 180, см. примеч. к № 97.
99. 1982, т. 5, 56, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Черемуховая, А. И. Мякишева, 1916, собиратель Н. П. Зубова.
100. 1982, т. 7, 46, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Черемуховая, Н. П. Жихарева, 1904, собиратель Е. В. Тростникова.
101. 1982, т. 7, 47, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Черемуховая, Н. П. Данилова, 1913, собиратель Е. В. Тростникова.
102. 1982, т. 7, 48, см. примеч. к № 101.
103. 1982, т. 7, 52, Е. И. Прыткова, 1915, см. примеч. к № 101.
104. 1982, т. 7, 53, см. примеч. к № 101.
105. 1982, т. 7, 152, Татарская АССР, Чистопольский р-н, с. Волчье-Русское, П. Г. Лабашева, 1908, собиратель Е. В. Тростникова.
106. 1982, т. 7, 220, Татарская АССР, Чистопольский р-н, с. Волчье-Русское, П. И. Морозова, 1899, собиратель Е. В. Тростникова.
107. 1982, т. 8, 6, Татарская АССР, Чистопольский р-н, с. Новошешминск, Н. Фомичева, 1976, собиратель Е. В. Какорина.
108. 1982, т. 8, 19, Татарская АССР, Чистопольский р-н, с. Новошешминск, А. А. Фомичева, 1902, собиратель Е. В. Какорина.
109. 1982, т. 8, 21, см. примеч. к № 108.
110. 1982, т. 8, 27-а, Татарская АССР, Чистопольский р-н, с. Новошешминск, А. И. Фомичева, 1937, собиратель Е. В. Какорина.

111. 1982, т. 8, 31, Татарская АССР, Чистопольский р-н, с. Новошешминск, И. Е. Фомичев, 1923, собиратель Е. В. Какорина.
112. 1982, т. 8, 43, Татарская АССР, Чистопольский р-н, с. Новошешминск, М. А. Заворохина, 1903, собиратель Е. В. Какорина.
113. 1982, т. 8, 44, см. примеч. к № 112.
114. 1982, т. 8, 47, см. примеч. к № 112.
115. 1982, т. 10, 77, Татарская АССР, Чистопольский р-н, с. Новошешминск, Е. Н. Сыровая, 1940, собиратель Ф. И. Панков.
116. 1982, т. 11, 30, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Черемуховая, А. П. Осипова, 1895, собиратель Ф. И. Панков.
117. 1969, т. 37, 94, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Красный Яр, М. Н. Копалина, 1897, собиратель В. П. Аникин.
118. 1982, т. 11, 35, см. примеч. к № 116.
119. 1982, т. 11, 85, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Екатерининская, Е. В. Плотникова, 1916, собиратель Ф. И. Панков.
120. 1982, т. 15, 38, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Екатерининская, П. И. Насонова, 1914, собиратель В. В. Плешакова.
121. 1982, т. 17, 137, Татарская АССР, Чистопольский р-н, слобода Екатерининская, Т. Н. Савина, 1913, собиратель А. А. Астахова.
122. 1982, т. 18, 133, Татарская АССР, Нижнекамский р-н, с. Старо-Шешминск, М. А. Тырыжжина, 1906, М. М. Ключина, 1909, А. М. Волкова, 1913, собиратель А. А. Иванова.
123. 1982, т. 18, 134, см. примеч. к № 122.
124. 1982, т. 18, 135, см. примеч. к № 122.
125. 1984, т. 23, 263, Татарская АССР, Заинский р-н, с. Новоспасск, А. В. Седаков, 1900, собиратели Е. В. Андросова (Миненок), И. Н. Бартюкова.
126. 1982, т. 26, 288, Татарская АССР, Нижнекамский р-н, д. Шереметьевка, И. Сагдиева, 1975, собиратели А. В. Нестеров, М. Н. Михайлов.
127. 1982, т. 26, 299, Татарская АССР, Нижнекамский р-н, д. Шереметьевка, И. Захарова, 1972, собиратели А. В. Нестеров, М. Н. Михайлов.
128. 1982, т. 27, 27, Татарская АССР, Нижнекамский р-н, д. Березовая Грива, Е. М. Карганова, 1911, В. Д. Карягина, 1908, собиратели А. В. Нестеров, М. Н. Михайлов.
129. 1982, т. 27, 28, см. примеч. к № 128.
130. 1983, т. 3, 97, Татарская АССР, Черемшанский р-н, д. Андреевка, А. К. Когина, 1929, собиратель Е. П. Шемякина.
131. 1983, т. 7, 30, Татарская АССР, Черемшанский р-н, с. Нижняя Кармалка, П. Г. Деганова, 1912, собиратели Т. А. Коновалова, Е. В. Юревич.
132. 1983, т. 20, 70, Татарская АССР, Мензелинский р-н, Старая Матвеевка, Г. П. Салышкова, 1911, собиратели А. В. Строй, М. В. Лобыцына.
133. 1969, т. 3, 281, Архангельская обл., Холмогорский р-н,

д. Мякурье, П. Н. Трофимова, 1901, собиратели М. П. Карпова, Е. М. Рогачевская.

134. 1983, т. 21, 46, Татарская АССР, Мензелинский р-н, д. Гришино, А. Т. Титова, 1908, собиратели А. В. Строй, М. В. Лобыцына.

135. 1984, т. 3, 235, Татарская АССР, Мамадышский р-н, с. Рагозино, М. Д. Тимочкина, 1930, собиратели В. В. Дубовик, И. В. Сабитова.

136. 1984, т. 18, 141, Татарская АССР, Заинский р-н, с. Александровская слобода, О. Х. Каргина, 1924, собиратель А. А. Иванова.

137. 1984, т. 23, 255, см. примеч. к № 125. ,

138. 1984, т. 23, 257, см. примеч. к 3* 125.

139. 1984, т. 23, 259, см. примеч. к № 125.

140. 1984, т. 23, 260, см. примеч. к № 125.

141. 1984, т. 23, 262, см. примеч. к № 125.

142. 1958, т. 3, 150, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Керчи, К. И. Корнилова, 1903, собиратели В. Г. Смолицкий, М. А. Полидва.

143. 1985, т. 3, 206, Татарская АССР, Куйбышевский р-н, с. Кузнечиха, А. Ф. Стюфеева, 1934, З. И. Сарандаева, 1936, А. М. Сарандаева, 1928, собиратель Г. И. Власова.

144. 1985, т. 3, 209, см. примеч. к № 143.

145. 1985, т. 3, 210, см. примеч. к № 143.

146. 1985, т. 15, 104, Татарская АССР, Куйбышевский р-н, д. Покровка, В. Г. Горшенкова, 1928, собиратель Л. Ф. Миронихина.

147. 1985, т. 15, 105, см. примеч. к № 146.

148. 1985, т. 15, 106, см. примеч. к № 146.

149. 1985, т. 15, 107, см. примеч. к № 146.

150. 1985, т. 16, 19, Татарская АССР, Куйбышевский р-н, д. Антоновка, Т. М. Андропова, 1920, собиратель Л. Ф. Миронихина.

151. 1976 (зима), папка 22, т. 9, № 5, Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Малые Нисогоры, М. А. Мартынова, 1916, собиратель Т. В. Кривошапова.

152. 1976 (зима), папка 22, т. 9, № 7, см. примеч. к № 151.

153. 1976 (зима), папка 22, т. 8, № 14, Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Малые Нисогоры, М. А. Мартынова, 1916, собиратель А. Рогова.

154. 1976 (зима), папка 22, т. 8, 18, Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Малые Нисогоры, П. С. Лыбакоева, 1903, собиратель А. Рогова.

155. 1978, т. 8, 61, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Номбург, Е. В. Попова, 1884, собиратель Е. К. Королькова.

156. 1978, т. 4, 148, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Мыла, А. Н. Бобрецова, 1900, собиратель В. А. Чистяков.

157. 1978, т. 4, 181, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Мыла, У. И. Бобрецова, 1919, собиратель В. А. Чистяков.

158. 1978, т. 12, 58, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Мыла, Ф. Д. Шишелова, 1940, собиратели М. И. Лазутина, Л. Прохорова, А. М. Гамбарова.

159. 1978, т. 3, 52, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Нонбург, Г. И. Носов, 1932, собиратель В. А. Чистяков.
160. 1978, т. 3, 272, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Мыла, А. И. Ружайская, 1927, собиратель В. А. Чистяков.
161. 1978, т. 3, 273, см. примеч. к № 160.
162. 1978, папка 22, т. 1, 30, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Загрявочная, Е. К. Поташова, 1908, собиратели Т. А. Степанова, Е. А. Тюкина.
163. 1978, папка 22, т. 1, 35, см. примеч. к № 162.
164. 1978, папка 22, т. 4, 51, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Замежная, У. И. Чупрова, 1905, собиратель А. П. Рогова.
165. 1978 (зима), т. 67, 5, Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Вожгора, А. Я. Грязнова, 1919, собиратели А. В. Кулагина, А. А. Ковач, Е. К. Королькова.
166. 1978 (зима), т. 67, 47, Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Вожгора, И. М. Карманова, 1922, собиратели А. В. Кулагина, А. А. Ковач, Е. К. Королькова.
167. 1978 (зима), т. 67, 7, см. примеч. к № 165.
168. 1966, т. 10, 151, Вологодская обл., Нюксеницкий р-н, д. Бобровское, М. И. Балагурова, 1891, собиратели Е. А. Гулыга, В. Шитарева.
169. 1978 (зима), т. 67, 27, Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Вожгора, М. Т. Карманова, 1911, собиратели А. В. Кулагина, А. А. Ковач, Е. К. Королькова.
170. 1978 (зима), т. 67, 31, см. примеч. к № 169.
171. 1978 (зима), т. 67, 51, Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Вожгора, П. М. Карманова, 1935, собиратели А. В. Кулагина, А. А. Ковач, Е. К. Королькова.
172. 1978 (зима), т. 67, 57, Архангельская обл., Лешуконский р-н, с. Лешуконское, А. Н. Кашунина, 1922, собиратели А. В. Кулагина, А. А. Ковач, Е. К. Королькова.
173. 1978 (зима), т. 68, 10, Архангельская обл., Лешуконский р-н, д. Лебское, Е. Т. Аксенов, 1891, собиратели А. В. Кулагина, А. А. Ковач, Е. К. Королькова.
174. 1978 (зима), т. 68, 11, см. примеч. к № 173.
175. 1980, т. 8, 81, Коми АССР, Усть-Цилемский р-н, д. Окунев Нос, Т. И. Дуркина, 1927, собиратель Л. В. Нехай.
176. 1982, т. 1, 231, Архангельская обл., Пинежский р-н, д. Лохново, М. А. Сумкина, собиратель А. А. Иванова.
177. 1982, т. 1, 232, см. примеч. к № 176.
178. 1960, т. 13, 137, Карельская АССР, Пудожский р-н, д. Большая Пога, М. С. Захарова, 1882, собиратели И. Геник, Л. Станкина.
179. 1961, т. 4, 112, Архангельская обл., Приозерский р-н, д. Лешма, Г. М. Солодягина, 1915, собиратели Л. Иванова, Б. Исадченко.

180. 1961, т. 5-а, 10, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Рядчево, М. Н. Зверева, 1901, собиратели А. Музылев, Б. Юндин.
181. 1961, т. 4, 116, см. примеч. к № 179.
182. 1961, т. 5, 24, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Слободка, Н. Спирина, 1951, Г. Слатинова, 1953, собиратели А. Музылев, Б. Юндин.
183. 1961, т. 5, 81, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Рядчево, М. И. Соболева, 1901, собиратели А. Музылев, Б. Юндин.
184. 1961, т. 5, 82, см. примеч. к № 183.
185. 1961, т. 5, 83, см. примеч. к № 183.
186. 1961, т. 5, 84, см. примеч. к № 183.
187. 1961, т. 5, 86, см. примеч. к № 183.
188. 1961, т. 5-а, 8, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Рядчево, М. Н. Зверева, 1901, собиратели А. Музылев, Б. Юндин.
189. 1961, т. 5-а, 11, см. примеч. к № 188.
190. 1961, т. 5-а, 116, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Исаково, Е. М. Солодягина, 1881, собиратели А. Музылев, Б. Юндин.
191. 1961, т. 7, 54, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Чурилово, М. А. Смирнова, 1874, собиратели О. Михайлова, И. Носкова.
192. 1967, т. 1, 99, Архангельская обл., Красноборский р-н, д. Шадрино, А. П. Илотовская, собиратель Н. И. Савушкина.
193. 1967, т. 1, 107, Архангельская обл., Красноборский р-н, д. Нижнее Шилово, А. Я. Петникова, 1902, собиратель Н. И. Савушкина.
194. 1967, т. 1, 108, см. примеч. к № 193.
195. 1967, т. 12, 121, Архангельская обл., Красноборский р-н, д. Василевская, Л. А. Хобарова, 1877, собиратель О. В. Видова.
196. 1967, т. 2, 3, Архангельская обл., Красноборский р-н, д. Власово, А. А. Юшина, 1901, собиратель Н. И. Савушкина.
197. 1967, т. 2, 7, см. примеч. к № 196.
198. 1967, т. 2, 8, см. примеч. к № 196.
199. 1967, т. 12, 123, см. примеч. к № 195.
200. 1967, т. 5, 192, Архангельская обл., Красноборский р-н, д. Обросовская, М. И. Гусева, 1902, собиратели Е. Ю. Богданова, М. Ю. Юхневич.
201. 1967, т. 5, 193, см. примеч. к № 200.
202. 1967, т. 5, 195, см. примеч. к № 200.
203. 1969, т. 19, 84, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Горка, А. А. Елисеева, 1894, собиратели Мутовкина, Потапова.
204. 1967, т. 10, 59, Архангельская обл., Красноборский р-н, д. Константиново, П. Р. Михайлова, 1988, собиратели О. В. Видова, А. Яшкина.
205. 1967, т. 10, 174, Архангельская обл., Красноборский р-н, д. Константиново, О. И. Полушина, 1907, собиратели О. В. Видова, А. Яшкина.
206. 1967, т. 19, 62, Архангельская обл., Нижнетоймский р-н,

- д. Березник, А. Ф. Шеловалова, 1887, собиратели Шитаева, Фрумкис, Токарева.
207. 1986 (лето), т. 1, 42, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Дубровки, О. Г. Денисенкова, 1918, собиратель А. А. Иванова.
208. 1986 (лето), т. 1, 45, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Дубровки, А. С. Шалаева, собиратель А. А. Иванова.
209. 1986 (лето), т. 4, 6, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Борок, П. Н. Милюков, 1906, собиратели Г. И. Власова, Л. Ф. Миронихина.
210. 1988, т. 1, 26, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Мамонька, Ф. И. Герлюк, 1910, собиратели Г. И. Власова, Л. Ф. Миронихина.
211. 1988, т. 1, 27, см. примеч. к № 210.
212. 1966, т. 1, 21, Вологодская обл., Нюксеницкий р-н, д. Околодок, Н. О. Сидякина, 1899, собиратель Н. И. Савушкина.
213. 1987 (лето), т. 1, 154, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Хатожа, М. П. Сенченкова, 1911, собиратели Г. И. Власова, Л. Ф. Миронихина.
214. 1987 (зима), т. 2, 92, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Лужницы, Е. П. Михеева, 1922, У. И. Михеева, 1899, собиратель Г. И. Власова.
215. 1967 (зима), т. 2, 97, Калужская обл., Куйбышевский р-н, д. Хатожа, М. П. Сенченкова, 1911, собиратели Г. И. Власова, Л. Ф. Миронихина.
216. 1967, т. 21, 18, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Пичуга, П. Н. Гавзова, 1899, собиратели Т. В. Померанская, А. Л. Налепин.
217. 1967, т. 21, 49, см. примеч. к № 216.
218. 1967, т. 21, 50, см. примеч. к № 216.
219. 1967, т. 21, 66, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Нижняя Тойма, С. Г. Третьяков, 1908, собиратели Т. В. Померанская, А. Л. Налепин.
220. 1967, т. 27, 173, Архангельская обл., Шенкурский р-н, д. Архангельская, Т. Ф. Аспинникова, 1900, А. А. Федосеева, 1909, А. Д. Аспинникова, 1900, собиратели Е. А. Зелинская, С. Г. Айвазян.
221. 1967, т. 27, 175, см. примеч. к № 220.
222. 1967, т. 28, 254, Архангельская обл., Шенкурский р-н, д. Стеховская, А. И. Алферова, 1896, Т. А. Хованова, 1911, М. П. Одоева, 1900, У. А. Хованова, 1900, собиратели С. Г. Айвазян, Е. А. Зелинская.
223. 1967, т. 28, 259, см. примеч. к № 222.
224. 1967, т. 28, 260, см. примеч. к № 222.
225. 1967, т. 28, 267, см. примеч. к № 222.
226. 1967, т. 28, 344, Архангельская обл., Шенкурский р-н, д. Павловская, М. К. Салагина, 1897, собиратели С. Г. Айвазян, Е. А. Зелинская.

227. 1967, т. 28, 351, Архангельская обл., Шенкурский р-н, д. Митино, М. В. Денисова, 1895, собиратели С. Г. Айвазян, Е. А. Зелинская.
228. 1969, т. 29, 140, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Усть-Мехреньга, М. Н. Воробьева, 1910, А. В. Сожинова, 1907, А. С. Соснина, 1905, Л. В. Трофимова, 1906, собиратели С. Г. Айвазян, Н. Р. Иванова.
229. 1968, т. 1, 168, Карельская АССР, Беломорский р-н, с. Лехта, Е. П. Бабарова, 1882, М. Д. Локтева, Д. В. Логинова, 1897, Н. И. Исакова, А. В. Богданова, собиратели Н. И. Савушкина, Т. Шаповалова.
230. 1968, т. 1, 169, см. примеч. к № 229.
231. 1968, т. 1, 177, см. примеч. к № 229.
232. 1968, т. 1, 179, см. примеч. к № 229.
233. 1968, т. 1, 193, см. примеч. к № 229.
234. 1968, т. 1, 198, см. примеч. к № 229.
235. 1968, т. 11, 161, Карельская АССР, Беломорский р-н, д. Вирма, М. В. Дементьева, 1903, собиратели Л. Бабенко, И. Гудкова.
236. 1968, т. 6, 107, Карельская АССР, Беломорский р-н, с. Сумлосад, М. И. Еремина, 1900, собиратели А. Гудкина, Т. Шаповалова.
237. 1968, т. 12, 57, Карельская АССР, Беломорский р-н, д. Нюхча, А. П. Рохмистрова, 1887, собиратели Г. Ширма, О. Черешовская.
238. 1968, т. 23, 61, Карельская АССР, Лоухский р-н, пос. Чупа, У. М. Кармановская, 1918, собиратель М. Эпштейн.
239. 1968, т. 4, 84, Карельская АССР, Кемский р-н, д. Поньгома, Ф. Дмитриев, 1957, собиратели Т. В. Рютина, Н. Р. Иванова.
240. 1968, т. 24, 50, Карельская АССР, Кемский р-н, С. Гридино, Н. С. Иванова, 1900, собиратель В. П. Аникин.
241. 1968, т. 24, 132, Карельская АССР, Кемский р-н, с. Гридино, дети 10—13 лет, собиратель В. П. Аникин.
242. 1968, т. 24, 135, см. примеч. к № 241.
243. 1968, т. 5, 59, Карельская АССР, Кемский р-н, д. Камалакша, П. В. Миккова, 1897, собиратели Л. Шеина, Н. Плотникова.
244. 1968, т. 25, 46, Карельская АССР, Кемский р-н, с. Гридино, А. Ф. Садикова, 1893, собиратели М. Сороченко, О. Афанасьева.
245. 1968, т. 25, 286, Карельская АССР, Кемский р-н, д. Калгалакша, Н. М. Редькина, 1905, собиратели М. Сороченко, О. Афанасьева.
246. 1956, т. 5, 26, Ярославская обл., Угличский р-н, д. Юрчаково, В. В. Кондратьева, А. В. Чумакова, А. В. Сатин, собиратели А. Филатов, Ю. И. Смирнов.
247. 1956, т. 5, 42, Ярославская обл., Угличский р-н, д. Юрчаково, В. В. Кондратьева, С. Ф. Соколов, собиратели А. Филатов, Ю. И. Смирнов.
248. 1956, т. 5, 43, см. примеч. к № 247.
249. 1956, т. 5, 44, см. примеч. к № 247.
250. 1956, т. 5, 46, см. примеч. к № 247.
251. 1956, т. 5, 52, см. примеч. к № 247.
252. 1956, т. 5, 20, см. примеч. к № 246.

253. 1957, т. 5, 211, Воронежская обл., Анненский р-н, с. Старая Тойда, А. Н. Королькова, собиратель А. Филатов.
254. 1957, т. 8, 13, Воронежская обл., Анненский р-н, с. Старая Тойда, М. И. Лобова, 1867, собиратели Н. И. Савушкина, Ю. И. Смирнов.
255. 1957, т. 8, 16, см. примеч. к № 254.
256. 1957, т. 8, 20, см. примеч. к № 254.
257. 1957, т. 8, 37, см. примеч. к № 254.
258. 1957, т. 8, 64, Воронежская обл., Анненский р-н, с. Старая Тойда, А. Н. Королькова, собиратели Н. И. Савушкина, Ю. И. Смирнов.
259. 1966, т. 10, 181, см. примеч. к № 168.
260. 1956, т. 22, 86, Архангельская обл., Сегежский р-н, д. Возма-Гора, Х. П. Филатова, 1878, собиратели Л. А. Астафьева, А. Филатов.
261. 1956, т. 7, 8, Архангельская обл., Заонежский р-н, д. Воробы, А. А. Трофимова, собиратели А. Филатов, Ю. И. Смирнов, Ю. Зузанек.
262. 1956, т. 7, 62, Архангельская обл., Заонежский р-н, д. Середка, О. В. Потемкина, собиратели А. Филатов, Ю. И. Смирнов, Ю. Зузанек.
263. 1956, т. 7, 71, см. примеч. к № 262.
264. 1956, т. 30, 27, Архангельская обл., Беломорский р-н, д. Корас-еОзеро, А. Л. Митряхова, собиратели В. М. Гацак, Е. А. Ремезова, Л. Н. Гаврилова.
265. 1956, т. 22, 89, см. примеч. к № 260.
266. 1956, т. 35, 49, Архангельская обл., Сегежский р-н, д. Пул-Озеро, Ф. И. и М. Е. Федоровы, 1880, 1890, собиратели Л. Н. Гаврилова, В. М. Гацак.
267. 1956, т. 35, 51, см. примеч. к № 266.
268. 1957, т. 2, 37, Карельская АССР, Пудожский р-н, д. Кривцы, А. Г. Хоботова, 1884, собиратели А. Быковская, С. Ожегова, Ю. И. Смирнов, Б. П. Кербелите.
269. 1957, т. 14, 78, Карельская АССР, Заонежский р-н, д. Харлово, А. И. Моисеева, 1901, собиратели М. Роговская, Л. Гаврилова.
270. 1957, т. 6, 30, Карельская АССР, Пудожский р-н, д. Пильмас-Озеро, А. М. Шабанова, 1881, собиратели С. Ожегова, Ю. И. Смирнов.
271. 1957, т. 4, 29, Карельская АССР, Пудожский р-н, д. Кривцы, Е. А. Максимова, 1894, собиратели Б. П. Кербелите, С. Ожегова.
272. 1957, т. 2-а, 33, Карельская АССР, Пудожский р-н, д. Кривцы, А. Ф. Мамонова, 1881, собиратели С. Ожегова, Ю. И. Смирнов.
273. 1957, т. 2-а, 34, см. примеч. к № 272.
274. 1957, т. 2-а, 91, Карельская АССР, Пудожский р-н, д. Кривцы, Д. Ф. Маташева, 1899, собиратели С. Ожегова, Ю. И. Смирнов.
275. 1957, т. 2, 36, см. примеч. к № 268.

276. 1964, т. 13, 74, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Копыловка, М. Шарков, Н. П. Касьянова, 1894, собиратель Ю. Г. Круглов.
277. 1964, т. 13, 139, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Копыловка, М. П. Анисимова, 1901, собиратель Ю. Г. Круглов.
278. 1964, т. 24, 18, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Заручевье, С. И. Чекалева, 1890, собиратели Г. Балыкова, В. Кочетов.
279. 1964, т. 26, 54, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Маркомусы, М. Т. Баженова, 1907, собиратели В. Гулыва, П. Овчарова.
280. 1964, т. 26, 165, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Васильев Двор, А. М. Попова, 1910, собиратели В. Гулыва, П. Овчарова.
281. 1965, т. 1, 12, Архангельская обл., Онежский р-н, д. Хачела, П. К. Анциферова, 1916, собиратель Н. И. Савушкина.
282. 1968, т. 30, 173, Карельская АССР, Кемский р-н, д. Калгалакша, Р. В., 1921, собиратели Л. Грядина, А. Авилова.
283. 1969, т. 7, 65, см. примеч. к № 74.
284. 1969, т. 1, 47, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Челмохта (Куст), А. В. Понтусова, 1899, собиратель Н. И. Савушкина.
285. 1969, т. 8, 57, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Болото, Ф. Е. Рякина, 1894, собиратель З. Р. Зарецкая.
286. 1965, т. 5, 93, Архангельская обл., Онежский р-н, д. Верховье, В. С. Костылева, 1887, собиратель Н. И. Савушкина.
287. 1966, т. 12, 47, Вологодская обл., Неоксеницкий р-н, д. Нижняя Горка, П. Т. Драчева, 1906, собиратели Т. Чудова, Т. Белова.
288. 1969, т. 6, 297, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Тербиха, П. Н. Опокина, 1896, собиратели Л. И. Рыбакова, Р. Г. Бородько.
289. 1969, т. 1, 22, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Челмохта (Куст), Е. И. Бачурина, 1891, собиратель Н. И. Савушкина.
290. 1969, т. 6, 305, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Тербиха, П. Н. Опокина, 1896, собиратели" Л. И. Рыбакова, Р. Г. Бородько.
291. 1969, т. 23-а, 136, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Черный Ручей, Т. В. Козицына, 1924, собиратели И. Воробьева, И. Киндякова.
292. 1965, т. 5, 94, см. примеч. к № 286.
293. 1962, т. 22, 127, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Гринево, А. В. Бабкина, 1903, собиратели Т. А. Арестова, М. Шилина.
294. 1962, т. 23, 16, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Бор, А. А. Мамошина, 1885, собиратель Т. А. Арестова.
295. 1962, т. 22, 144, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Кучепалда, С. И. Петухова, 1903, собиратели Т. А. Арестова, М. Шилина.
296. 1962, т. 24, 13, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Киселево, А. Ф. Калинина, 1884, собиратели Т. Бирюкова, Н. Антонова.
297. 1962, т. 24, 22, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Киселево, Н. Калинина, 1949, собиратели Т. Бирюкова, Н. Антонова.
298. 1969, т. 7, 69, см. примеч. к № 74.

299. 1962, т. 11, 13, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Враниково, П. М. Чечулина, 1913, собиратели Е. Шевченко, Н. Притулина.
300. 1962, т. 14, 20, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Корякино, А. П. Пестова, 1888, собиратели В. Кочетов, Г. Балькова.
301. 1962, т. 22, 185, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Крамино, У. С. Сторонова, 1899, собиратели Т. А. Арестова, М. Шилина.
302. 1969, т. 5, 2, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Вохново, А. М. Анисимова, 1899, собиратели Л. И. Рыбакова, Л. Г. Бородко.
303. 1963, т. 6, 25, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Никулинская, А. Я. Лехова, 1878, собиратель Т. А. Арестова.
304. 1962, т. 28, 80, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Иевлево, А. Р. Спирина, 1901, собиратель В. Федоров.
305. 1963, т. 2, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Малый Холуй, А. А. Третьякова, 1903, собиратели В. П. Аникин, О. Видова.
306. 1964, т. 25, 127, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Шиловское, М. Е. Молчанов, 1893, собиратели В. Гульва, П. Овчарова.
307. 1964, т. 26, 35, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Маркомусы, С. К. Жданова, 1910, собиратели В. Гульва, П. Овчарова.
308. 1965, т. 13, 56, Архангельская обл., Онежский р-н, д. Хачела, В. Федулов, 1955, собиратели О. Усенко, А. Гудкина.
309. 1958, т. 7, 11, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Рябово, А. В. Сунгурова, собиратели В. Г. Смолицкий, В. И. Игнатов.
310. 1960, т. 4, 78, Карельская АССР, Медвежьегорский р-н, д. Пильмас-Озеро, М. М. Ушкова, 1900, собиратели Г. Г. Григорьева, Н. Карцева.
311. 1959, т. 22, 47, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Зехново, А. Г. Болознева, собиратель Н. Карцева.
312. 1969, т. 21, 166, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Саргема, П. В. Мысова, 1909, собиратели И. Чубасова, Е. Токарева.
313. 1969, т. 21, 167, см. примеч. к № 312.
314. 1964, т. 5, 195, Архангельская обл., Плесецкий р-н, с. Вонгуды, М. Н. Керьянова, 1902, собиратели О. В. Видова, В. Ф. Злобин.
315. 1964, т. 5, 52, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Прилуки, Н. П. Келарева, 1896, А. Е. Келарева, 1896, собиратели О. В. Видова, В. Ф. Злобин.
316. 1960, т. 2, 187, Ивановская обл., д. Холуй, А. В. Турецкая, 1871, собиратели Б. А. Исадченко, И. Носкова.
317. 1969, т. 29, 263, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Усть-Мехреньга, М. А. Анциферова, 1907, собиратели С. Г. Айвазян, Н. Р. Иванова.
318. 1959, т. 41, 43, Архангельская обл., Приозерный р-н, пос. Дворишное, А. М. Мелехова, 1879, собиратели Г. Г. Григорьева, М. А. Полидва.
319. 1959, т. 3, 30, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Перешлахта, К. С. Грандова, 1918, собиратели Ю. И. Смирнов, Ю. А. Новиков.
320. 1958, т. 2, 25, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Телепово, Н. А. Таланова, 1884, собиратель С. Ожегова.

321. 1960, т. 10, 91, Карельская АССР, Медвежьегорский р-н, д. Пяльма, группа женщин 30—60 лет, собиратели Б. А. Исадченко, Н. В. Муратова.
322. 1959, т. 2, 87, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Перешлахта, А. М. Артемьева, 1883, собиратели Ю. И. Смирнов, Ю. А. Новиков.
323. 1959, т. 16, 15, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Бор, Е. Т. Баженова, 1905, собиратели Б. А. Исадченко, Н. Фомина.
324. 1968, т. 30, 172, см. примеч. к № 282.
325. 1969, т. 43, 144, Архангельская обл., Вельский р-н, д. Погост, М. С. Шутова, 1912, собиратели В. Конрадова, З. Щекодина, М. Эпштейн.
326. 1959, т. 5, 11, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Ундозерский Погост, Е. Я. Попова, 1904, собиратели Б. А. Исадченко, И. Носкова.
327. 1969, т. 14, 53, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Заречье, О. А. Лазарева, 1913, собиратели О. Черешовская, И. Одинцова.
328. 1969, т. 43, 149, см. примеч. к № 325.
329. 1964, т. 1, 34, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Подволочье, К. А. Меркушова, 1896, собиратель Н. И. Савушкина.
330. 1959, т. 19, 109, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Усть-Поча, Л. П. Калитина, собиратели Б. А. Исадченко, Н. Карцева.
331. 1951, т. 14, 50, Архангельская обл., Приморский р-н, д. Патракеевка, К. Кокорина, 1937, Н. Пятовская, 1940, собиратель Н. И. Савушкина.
332. 1960, т. 2, 194, Ивановская обл., д. Холуй, А. В. Бормотова, 1894, собиратели Б. А. Исадченко, И. Носкова.
333. 1968, т. 26, 163, Карельская АССР, Кемский р-н, д. Калгалакша, М. А. Лукина, 1909, собиратели М. Карпова, Е. Рогачевская.
334. 1951, т. 7, 135, Кировская обл., д. Вожгалы, материал, собранный участниками Фольклорного отдела краеведческого кружка средней школы колхоза «Красный октябрь».
335. 1958, т. 4, 38, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Мальпинское, М. Г. Фофанов, собиратели В. Г. Смолицкий, М. А. Полидова.
336. 1969, т. 23, 144, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Матегоры, А. И., 1894, собиратель Овчинникова.
337. 1969, т. 47, 150, Архангельская обл., Вельский р-н, д. Дмитриево, Н. П. Зайцева, 1909, собиратели М. Иванова, Т. Орлова.
338. 1954, т. 4, 11, Вологодская обл., Грязовецкий р-н, колхоз «Ударник», собиратели Л. Бутелькина, Шершавицкая, А. Филатов.
339. 1966, т. 28, 138, Вологодская обл., Верховатский р-н, д. Байсайлово, О. Владимирова, 1906, собиратели Е. А. Зелинская, С. Г. Айвазян.
340. 1969, т. 29, 124, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Усть-Мехреньга, М. И. Анциферова, 1894, собиратели С. Г. Айвазян, Н. Р. Иванова.

341. 1959, т. 18, 31, Архангельская обл., Приозерный р-н, пос. Нижнее Устье, К. В. Кичакова, 1904, собиратели Б. А. Исадченко, И. Носкова.
342. 1964, т. 18, 15, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Шиловское, М. Е. Молчанов, 1893, собиратель О. В. Орлов.
343. 1969, т. 7, 66, см. примеч. к № 74.
344. 1969, т. 6, 297, см. примеч. к № 290.
345. 1959, т. 13, 97, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Горка, И. В. Титов, 1928, собиратели Б. А. Исадченко, Н. Фомина.
346. 1961, т. 3, 48, Ивановская обл., Палехский р-н., д. Бокари, группа женщин, собиратели К. А. Сенченко, А. Д. Шиндель, Е. А. Шевченко, Н. П. Притулина.
347. 1969, т. 14, 204, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Пукшеньга, В. В. Федоровцев, 1905, собиратели О. Черешовская, И. Одинцова.
348. 1964, т. 5, 81, см. примеч. к № 315.
349. 1969, т. 41, 247, Архангельская обл., Вельский р-н, д. Ширканда, Ф. Е. Мартъянов, собиратели Л. Л. Недозорова, Г. М. Третьякова.
350. 1968, т. 30, 174, см. примеч. к № 282.
351. 1969, т. 15, 58, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Мыгра, А. М. Стукова, 1902, А. И. Кокорина, собиратели Н. Юдин, Б. Иванов.
- №52. 1964, т. 2, 60, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Прилуки, А. А. Сеницына, 1882, собиратель Н. И. Савушкина.
353. 1984, т. 23, 261, см. примеч. к № 125.
354. 1969, т. 23-а, 155, см. примеч. к № 291.
355. 1969, т. 47, 167, Архангельская обл., Вельский р-н, д. Хорюшино, Е. А. Дерябина, 1911, собиратели М. Иванова, Т. Орлова.
356. 1957, т. 9, 11, Воронежская обл, Анненский р-н, с. Старая Тойда, И. Д. Коновалов, собиратели Ю. А. Новиков, А. Быковская.
357. 1969, т. 15, 59, см. примеч. к № 351.
358. 1964, т. 26, 57, см. примеч. к № 279.
359. 1964, т. 13, 144, см. примеч. к № 277.
360. 1964, т. 13, 75, см. примеч. к № 276.
361. 1969, т. 8, 54, см. примеч. к № 285.
362. 1964, т. 5, 82, см. примеч. к № 315.
363. 1969, т. 1, 48, см. примеч. к № 284.
364. 1964, т. 15, 60, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Огарково, А. И. Попова, Т. Я. Дьякова, Е. И. Мурышева, собиратели Н. Б. Иванова, Ю. Н. Чекрыжов.
365. 1965, т. 5, 92, см. примеч. к № 286.
366. 1964, т. 4, 21, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Ярнема, А. Е. Моежина, 1895, собиратели О. В. Видова, В. Ф. Злобин.
367. 1966, т. 10, 180, см. примеч. к № 168.
368. 1969, т. 7, 67, см. примеч. к № 74.

369. 1969, т. 19, 142, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Мошканово, Н. С. Филатова, 1911, собиратели Мутовкина, Потапова.
370. 1950, т. 15, 521, Московская обл., Дмитровский р-н, д. Бородино, девочки 4—5-х классов, собиратели Ж. Витензон, Л. Шведова.
371. 1962, т. 24, 58, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Мелентьевское, М. Е. Рамшина, собиратели Т. Бирюкова, Н. Антонова.
372. 1962, т. 1, 54, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Кухтин Наволок, Н. Загоскина, 1952, Т. Чегулин, 1950, собиратели Н. М. Изряднова, Ю. И. Смирнов.
373. 1959, т. 22, 48, см. примеч. к № 311.
374. 1962, т. 15, 66, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Бутино, У. П. Терешина, 1898, собиратель И. Носкова.
375. 1964, т. 2, 123, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Прилуки, Т. Д. Красильникова, 1902, собиратель Н. И. Савушкина.
376. 1959, т. 2, 103, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Унд-Озеро, Погост, А. А. Туинова, 1893, собиратели Б. А. Исадченко, И. Носкова.
377. 1959, т. 42, 90, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Орлово, П. Н. Ушакова, собиратели Г. Г. Григорьева, М. А. Полидова.
378. 1960, т. 12, 12в, Карельская АССР, Медвежьегорский р-н, д. Оягвещина, М. Т. Савинкова, 1897, собиратели Л. Станкина, И. Генник.
379. 1969, т. 7, 71, см. примеч. к № 74.
380. 1964, т. 3, 76, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Концы, А. С. Фомина, 1886, собиратели О. В. Видова, В. Ф. Злобин.
381. 1969, т. 47, 161, см. примеч. к № 355.
382. 1969, т. 10, 192, Архангельская обл., Холмогорский р-н, д. Басалиха, Е. В. Епифанова, 1897, собиратели А. Гудкина, Л. Блинова.
383. 1964, т. 2, 129, см. примеч. к № 375.
384. 1958, т. 2, 26, см. примеч. к № 320.
385. 1959, т. 3, 31, см. примеч. к № 319.
386. 1969, т. 29, 254, см. примеч. к № 317.
387. 1959, т. 1, 14, Архангельская обл., Приозерный р-н, пос. Ширб-Озеро, М. М. Луговская, 1902, собиратель Ю. И. Смирнов.
388. 1968, т. 26, 84, Карельская АССР, Кемский р-н, с. Гридино, Е. Д. Мехнина, 1907, собиратели М. Карпова, Е. Рогачевская.
389. 1964, т. 1, 183, Архангельская обл., Плесецкий р-н, д. Ярнема, П. В. Смирнова, 1891, собиратель Н. И. Савушкина.
390. 1953, т. 1, 105, Вологодская обл., Чебсорский р-н, д. Копылово, А. П. Гришачева, 1893, собиратели Л. Шведова, Землянова, Белевицкая, Шершавицкая, Н. И. Савушкина.
391. 1959, т. 11, 102, Карельская АССР, д. Заозерье, А. И. Кузнецова, 1892, собиратели А. Масс, Е. Кузнецова.

392. 1958, т. 3, 108, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Зыково, А. В. Филина, 1901, собиратели В. Г. Смолицкий, М. А. Полидва.
393. 1964, т. 1, 36, см. примеч. к № 329.
394. 1959, т. 1, 4, см. примеч. к № 387.
395. 1969, т. 23-а, 259, Архангельская обл., Верхнетоймский р-н, д. Согра, Д. П. Романова, 1904, собиратели И. Воробьева, И. Киндякова.
396. 1959, т. 1, 93, Архангельская обл., Приозерный р-н, пос. Поч-Озеро, А. Л. Костина, 1894, собиратель Ю. И. Смирнов.
397. 1969, т. 40, 35, Архангельская обл., Вельский р-н, д. Наволок, группа мальчиков-подростков 11—16 лет, самозапись, собиратель Е. А. Гулыга.
398. 1964, т. 2, 128, см. примеч. к № 375.
399. 1963, т. 5, 131, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Кучепалда, Л. А. Придеена, 1898, собиратель Т. А. Арестова.
400. 1958, т. 7, 21, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Тыр-Наволок, Е. П. Богданова, 1900, собиратели С. Ожегова, Ю. И. Смирнов.
401. 1959, т. 4, 11, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Кур-лаевская, Ф. В. Борисова, 1905, собиратели Т. Макашина, Н. Фомина.
402. 1965, т. 13, 55, Архангельская обл., Онежский р-н, д. Хачела, А. И. Калинин, 1953, собиратели О. Усенко, А. Гудкина.
403. 1959, т. 14, 30в, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Кузьминка, группа детей, собиратели Т. Макашина, Н. Фомина.
404. 1965, т. 11, 204, Архангельская обл., Онежский р-н, д. Карба-тово, М. М. Фомина, 1908, собиратели Н. В. Митина, Г. А. Сафразбе-кян.
405. 1969, т. 7, 105, см. примеч. к № 74.
406. 1960, т. 1, 8, Карельская АССР, Медвежьегорский р-н, д. Си-бово, П. В. Никулина, 1883, собиратели А. Копкова, Ю. Удеревский, В. Кузин.
407. 1962, т. 24, 11, см. примеч. к № 296.-
408. 1959, т. 14, 59, Архангельская обл., Приозерный р-н, д. Прос-нецовское (Есино), А. А. Костина, 1895, собиратели Т. Макашина, Н. Фомина.
409. 1963, т. 15, 40, Архангельская обл., Каргопольский р-н, д. Озерки, М. К. Сметанина, 1901, собиратель В. П. Аникин.
410. 1966, т. 8, 280, Вологодская обл., Нюксеницкий р-н, д. Ива-новская, Н. Паничева, 1955, собиратели Е. А. Гулыга, В. Шитарева.

ПЕРМСКИЕ ЗАГАДКИ

Публикуемые тексты записаны в 1980—1982 годах И. А. Подюко-вым в Пермском крае и хранятся в его личном архиве.

Частушки

ЧАСТУШКИ В СОВРЕМЕННЫХ ЗАПИСЯХ

Значительная часть публикуемого материала отобрана из коллекции составителя, которая собиралась с начала 70-х годов как в Москве, так и во время фольклорных экспедиций в Архангельскую, Калужскую и Костромскую области. В настоящее издание включены в небольшом числе городские куплеты, которые обычно не поются, а проговариваются, хотя и они могут быть распеты, как частушки (например, № 157, 196, 353, 452, 459, 535, 536). Большая доля частушек записывалась в 90—94-е годы в Останкинском парке, куда первыми из фольклористов проложили «собираТЕЛЬскую тропку» Ф. М. Селиванов и Е. А. Гулыга, приглашенные в свое время в качестве консультантов ставшего знаменитым фильма С. Мирошниченко «Частушка. Двадцатый век». Лучшие из частушек, записанных Е. А. Гулыгой в Останкинском парке, были опубликованы Ф. М. Селивановым в сборнике «Частушки» (М., Советская Россия, 1990) в серии «Библиотека русского фольклора».

В хорошую погоду в Останкинском (а также, кстати, в Измайловском) парке собираются любители пения пенсионного возраста (многие из которых родом из деревень), появляются гармонисты (иногда образуется до пяти и больше кружков) — и начинается веселье. Один из постоянных участников — Виктор Федорович Горбунов — достает свою гармонь, его окружают самые голосистые женщины: Тамара, Валя, Лена, тетя Варя и другие. Здесь все зрители одновременно и исполнители, особенно когда поют хором. Частушки обычно сопровождаются пляской: женщины, а иногда к ним пристраиваются и мужчины, приплясывая, ходят по кругу и поочередно поют. Утомившись, присоединяются к толпе зрителей, уступая место другим. Иногда можно услышать и озорные частушки, когда кто-то войдет в раж, а другие подхватят. Обычно мы незаметно записывали частушки вручную, но есть и записи, сделанные с помощью миниатюрного магнитофона профессором из США Бонни Маршалл, которая, приезжая в Москву, всегда стремилась в Останкинский парк. Заметим, что варианты песен, звучавших в этом парке, мы в некоторых случаях регистрировали и в деревнях.

Помимо московских материалов публикуются частушки, зафиксированные в экспедициях. На частушки из архива кафедры фольклора МГУ даются ссылки ФЭ (фольклорная экспедиция) или ФП (фольклорная практика), в остальных случаях место хранения — личный архив собирателя А. В. Кулагиной. Имена исполнителей опускаются в тех случаях, когда они, с трудом согласившись петь частушки «с картинками» «для науки», по тем или иным причинам возражали против оглашения их в печати.

№ 18, 59, 183, 185, 251, 262, 269, 323, 328, 364, 418, 421 зап. в 1976 г. в с. Лешуконское Лешуконского р-на Архангельской обл. от А. Н. Кашуниной, 55 л.

№ 476 зап. в 1979 г. Н. В. Вдовченко и Т. А. Лукашовой в Куйбышевском р-не Калужской обл. от Е. А. Прохоренковой, 79 л., и Е. Ф. Гавриченковой, 71 г.

Место хранения: МГУ, ФЭ 12:3886.

№ 43, 50, 56, 68, 80, 82, 89, 92, 94, 95, 113, 115, 118, 120, 137, 139, 155, 187, 193, 195, 247, 250, 267, 292, 319, 331, 333, 334, 357, 359, 368, 385 - 387, 403, 416, 422, 423, 434, 485, 492, 495, 499, 504, 517, 523, 525, 533 зап. в 1981 г. в д. Букрино Малоярославецкого р-на Калужской обл. от Е. В. Семаненковой, 69 л.

№ 71 зап. в 1976 г. З. А. Никольской и И. М. Черновой в д. Починок Сухиничского р-на от Е. Д. Балашовой, 63 л.

Место хранения: МТУ, ФП 05:0936.

№ 2 зап. в 1985 г. в д. Большуново Тарусского р-на Калужской обл. от С. Венгерцева, 14 л.

№ 152, 153, 325 зап. в 1984 г. в с. Вознесенье Тарусского р-на от группы женщин пенсионного возраста.

№ 6, 14, 30, 41, 148, 171, 230, 234, 241, 246, 249, 254, 257, 290, 301, 306, 330, 376, 383, 412, 428, 439, 440, 451, 453, 455, 484, 488, 498, 505, 512 зап. в 1984 г. в г. Тарусе Тарусского р-на от группы женщин среднего возраста.

№ 7, 8, 16, 17, 19, 25, 31, 32 - 36, 39, 45 - 49, 52, 64 - 66, 79, 101, 106, 111, 116, 119, 122, 128, 134, 136, 141, 150, 154, 161, 165, 172 - 174, 201, 202, 212, 236 - 240, 253, 258, 261, 264, 278, 283, 295, 298, 318, 320, 321, 335, 342, 348, 355, 356, 367, 373, 381, 382, 388, 402, 404, 424, 426, 429, 431, 444 - 446, 450, 457, 461, 463, 468, 477, 481, 483, 486, 493, 506, 507, 510, 513, 516, 519, 520, 539, 540, 541, 547, 548, 550, 551 зап. в 1983-1994 гг. в с. Лопатино Тарусского р-на от Т. К. Быковой, 1927 г. р. От Таисии Константиновны было записано около тысячи частушек, которые она великолепно исполняла под аккомпанемент балалайки. Известная исполнительница была желанной гостьей на свадьбах, особенно на второй день, когда, нарядившись в скомороший, собственноручно сшитый костюм, пела свои озорные частушки. Последняя наша встреча состоялась в сентябре 1994 г. Был второй день свадьбы, которая отмечалась в сельской столовой. Молодые и гости вышли на улицу, собралась толпа односельчан, в том числе много ребятишек. Исполняя озорные частушки, Таисия Константиновна все нецензурные слова заменяла. Например, частушка № 52 прозвучала у нее так:

Самогонку я варила
На огороде, в лебеде,
Аппарат лежал на пузе,
Самогонка... ниже.

Заметим, что в предыдущий раз (на другой свадьбе) она подобных замен не делала, так как детей не было.

№ 74, 170, 375 зап. в 1990 г. в с. Нежитино Макарьевского р-на Костромской обл. от группы мужчин среднего возраста.

№ 3, 15, 42, 54, 70, 121, 127, 146, 167, 179, 188, 203, 226, 268, 272, 280, 284, 288, 302, 308, 343, 351, 392, 395, 460, 472, 527, 542, 543 зап. в 1990 г. в с. Николо-Макарово Макарьевского р-на Костромской обл. от группы пожилых женщин.

№ 11, 12, 38, 51, 55, 76, 87, 96, 104, 110, 123, 129, 143, 144, 156, 158, 159, 164, 168, 175, 180, 182, 192, 197, 200, 209, 210, 231, 244, 245, 248, 263, 270, 271, 273, 277, 281, 282, 286, 291, 297, 303, 307, 309, 322, 345, 350, 365, 369, 378, 393, 394, 397, 400, 417, 441, 454, 456, 465, 489, 503, 521, 528 зап. в 1990 г. в г. Нерехта Нерехтского р-на от группы женщин среднего возраста.

№ 213, 438 зап. в 1993 г. В. А. Ковпиком в с. Судай Чухломского р-на от В. В. Балакиной, 31 г.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 3, № 121, 158.

№ 316 зап. в 1993 г. С. В. Алпатовым в с. Судай Чухломского р-на от П. П. Богатовой, 59 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 6, № 25.

№ 140, 214, 217 зап. в 1993 г. В. В. Ковпиком в с. Судай Чухломского р-на от Т. С. Ворониной, 66 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 2, № 136, 168, 150.

№ 211 зап. в 1993 г. О. Е. Антоновой и М. А. Чихачевой в с. Судай Чухломского р-на от Т. С. Ворониной, 66 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 8, № 138.

№ 176, 178, 289, 443, 496 зап. в 1993 г. А. В. Кулагиной в с. Судай Чухломского р-на от Н. Н. Ивановой, 44 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 1, МБ 240, 285, 244, 299, 272.

№ 478 — 480 зап. в 1993 г. А. В. Кулагиной в с. Судай Чухломского р-на от А. К. Корноухова, 33 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 1, № 62-64.

№ 219, 511 зап. в 1993 г. В. А. Ковпиком в с. Судай Чухломского р-на от А. К. Корноухова, 33 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 3, № 323, 123.

№ 352, 415, 416, 421 зап. в 1993 г. В. А. Ковпиком в с. Судай Чухломского р-на от Е. Н. Лазаревой, 62 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 3, № 93, 408, 94, 156.

№ 22, 81, 83, 151, 216, 218, 252, 315, 324, 374, 399, 409, 437 зап. в 1993 г. А. В. Кулагиной в с. Судай Чухломского р-на от А. М. Лобова, 59 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 1, № 54, 46, 30, 29, 31, 36, 32, 56, 57, 35, 33; т. 6, № 101; т. 1, № 51.

№ 299 зап. в 1993 г. Л. В. Фадеевой и Ю. А. Давыдовой в с. Судай Чухломского р-на от М. Ф. Романовой, 51 г.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 11, № 224.

№ 102 зап. в 1993 г. А. В. Кулагиной в д. Гришинское Судайского с/с Чухломского р-на от А. Н. Крюкова, 63 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 1, № 399.

№ 44, 58, 186, 220, 287, 304, 305, 332, 425 зап. в 1993 г. А. В. Кулагиной, О. Е. Антоновой и М. А. Чихачевой в д. Палкино Судайского с/с Чухломского р-на от В. П. Метельковой, 69 л.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 8, № 30, 29, 25, 24, 16, 21, 22, 23, 20.

№ 552, 553 зап. в 1994 г. В. А. Ковпиком в д. Конёво Шарьинского р-на от Ф. П. Крутиковой, 83 г.

Место хранения: МГУ, ФЭ, т. 28, № 25, 24.

№ 103, 109, 142, 198, 274, 276, 349, 366, 433, 442, 494, 518, 543 зап. в конце 1980 — начале 90-х гг. в г. Москве от фольклориста В. Ч.

№ 1, 10, 13, 21, 24, 28, 37, 53, 63, 75, 85, 124, 199, 352, 360, 361, 414, 415 зап. в 80 — 90-е гг. в г. Москве от фольклориста Ф. С. из репертуара, сформировавшегося у него в 30 — 40-е гг. в д. Мазунский Починок Осинского р-на Пермской обл.

Пояснения к отдельным частушкам:

109. Текст используют в качестве приговорки между частушками.

136. *Трехдюймовый* — видимо, указание не на размер, а на артиллерийское орудие.

196. Вариант ко 2-й строке: «Предприимчивый купец».

456. По поводу данной частушки исполнительницы пояснили: «Это свадебная, на второй день свадьбы поется».

553. *Якшанга* — река, протекающая в Поназыревском р-не Костромской обл.

ИЗ СОБРАНИЯ В. И. СИМАКОВА «НЕСКРОМНЫЕ ЧАСТУШКИ И ПЕСНИ»

Тексты печ. по машинописи, хранящейся в личном фонде В. И. Симакова (РГАЛИ, ф. 1518, оп. 4, ед. хр. 23).

На титуле машинописной рукописи значится: «Симаков В. И. Собрание великорусских частушек. Свод частушек за период 1900 — 1950 г. Нескромные частушки и песни. Выпуск двадцать третий. Дер. Челагино Кашинского р-на Калининской обл., 1952 г.». Частушки напечатаны через один интервал в две колонки по 16 — 20 текстов на странице (всего 45 страниц). Для настоящего издания отобрана примерно одна восьмая часть наиболее интересных в художественном отношении частушек. В авторской рукописи они расположены в алфавитном порядке и не пронумерованы, так что в примечаниях дается отсылка на страницу, где частушка напечатана, а также все имеющиеся сведения (в большинстве случаев неполные) о месте записи и собирателе. Под каждой частушкой в рукописи Симакова содержатся краткие сведения о ней (например, имя собирателя, район записи и порядковый номер в списке собирателей, завершающем 24-й том). Все сведения, которые удалось извлечь из этого списка, приводятся в примечаниях к каждой частушке.

В публикуемых текстах устранены только явные орфографические и пунктуационные ошибки и опечатки.

1. С. 10. Из коллекции (250 текстов) И. Пуговишникова, зап. в д. Подберезье, Пестриково, Серговка Кашинского р-на. (1920 г.)

2. С. 11. Из коллекции (более 10 000 текстов) В. И. Симакова, зап. в Кашинском р-не (более 40 селений) и городе. (1896—1950 гг.)

3. С. 11. Из коллекции (200 текстов) В. Сергеева, зап. в д. Нива Бежецкого р-на Калининской обл.

4. С. 11. Из коллекции (1200 текстов) А. В. Мрежина, зап. в Яранском р-не Вятской обл. (1919—1927 гг.)

5. С. 11. Из коллекции (100 текстов) П. Уткина, зап. в д. Лужки Кашинского р-на. (1948 г.)

6. С. 12. Из коллекции (100 текстов) П. Каменского, зап. в Москве. (1934 г.)

7. С. 12. Из коллекции (160 текстов) студента И. Белянкина, зап. в Москве. (1943-1945 гг.)

8. С. 12. См. примеч. к № 2.

9. С. 12. Из коллекции (более 100 текстов) В. И. Симакова, зап. в д. Челагино Кашинского р-на¹.

10. С. 13. См. примеч. к № 1.

---

¹ К текстам под № 350 в списке собирателей дается указание на Симакова, а под частушками значится: «Хромов Х. г. Касимов».

11. С. 13. Из коллекции (100 текстов), зап. в Вологодском р-не Вологодской обл. (кем, когда и от кого — не указано).
12. С. 14. См. примеч. к № 9.
13. С. 14. См. примеч. к № 2.
14. С. 14. Из коллекции (50 текстов) П. Уткина, зап. в д. Лужки Кашинского р-на. (1948 г.)
15. С. 15. Из коллекции (251 текст) А. Соболева и Н. Соболевой, зап. в д. Челагино Кашинского р-на. (1947 г.)
16. С. 15. См. примеч. к № 4.
17. С. 15. См. примеч. к № 2.
18. С. 16. Из коллекции (65 текстов) А. В. Булычева, зап. в Ростовском р-не Ярославской обл.
19. С. 16. См. примеч. к № 2.
20. С. 16. Из коллекции (60 текстов) Г. Нефедова, зап. в с. Степанчиково Арзамасского р-на Нижегородской обл.
21. С. в. Из коллекции (16 текстов) П. Котова и Е. Васильева, зап. в д. Семенове Вышневолоцкого р-на Калининской обл.
22. С. 6. См. примеч. к № 9.
23. С. 6. Из коллекции (более 6000 текстов) В. И. Симакова, зап. в Вологодском и Кадниковском р-нах, г. Вологде. (1909—1911 гг.)
24. С. 6. См. примеч. к № 2.
25. С. 7. См. примеч. к № 4.
26. С. 7. См. примеч. к № 4.
27. С. 7. Из коллекции (80 текстов) В. Сергеева, зап. в с. Теплеша Бежецкого р-на Калининской обл. (1914 г.)
28. С. 7. См. примеч. к № 5.
29. С. 7. См. примеч. к № 2.
30. С. 7. Из коллекции (300 текстов) Ю. Иванова и И. Боброва, зап. в д. Чириково Кашинского р-на. (1948 г.)
31. С. 7. Из коллекции (128 текстов) зап. в Грязовецком р-не Вологодской обл. (кем и от кого записано — не указано). (1912 г.)
32. С. 7. Из коллекции (40 текстов) Х. К. Хромова, зап. в г. Касимове. (1934 г.)
33. С. 8. Из коллекции (133 текста) Т. Павлова, зап. в Люцком р-не Ленинградской обл. (1912 г.)
34. С. 8. Из коллекции (около 1000 текстов) В. А. Водарского, зап. во Владимирской и Костромской обл. (1912—1928 гг.)
35. С. 8. Из коллекции (более 800 текстов) Х. К. Хромова, зап. в г. Касимове (прислано почтой несколько рукописных сборников). (1927-1932 гг.)
36. С. 8. См. примеч. к № 23.
37. С. 8. См. примеч. к № 4.
38. С. 10. См. примеч. к № 4.
39. С. 10. См. примеч. к № 4.
40. С. 10. См. примеч. к № 3.
41. С. 35. См. примеч. к № 4.

42. С. 35. См. примеч. к № 4.
43. С. 37. См. примеч. к № 2.
44. С. 37. См. примеч. к № 2.
45. С. 37. Из коллекции (100 текстов) В. Сергеева, зап. в с. Телешы Бежецкого р-на Калининской обл. (рукопись вторая). (1912 г.)
46. С. 38. См. примеч. к № 2.
47. С. 38. См. примеч. к № 35.
48. С. 45. См. примеч. к № 2.
49. С. 1. См. примеч. к № 1.
50. С. 2. См. примеч. к № 7.
51. С. 3. Зап. в Псковском р-не Псковской обл. (кем и когда — не указано).
52. С. 3. Из коллекции (640 текстов) Ф. В. Сорокина, зап. в д. Фильково Кудеверской вол. Новоржевского р-на Псковской обл. (1913 г.)
53. С. 3. См. примеч. к № 2.
54. С. 4. См. примеч. к № 15.
55. С. 4. Из коллекции П. Уткина, Кашинский р-н.
56. С. 5. См. примеч. к № 2.
57. С. 5. Из коллекции (700 текстов) А. Бурцева. Собрание этнографических трудов, т. 9, Вологодская обл.
58. С. 6. См. примеч. к № 9.
59. С. 6. Из коллекции (20 текстов) А. И. Морозова, зап. в Ярославском р-не Ярославской обл. (1913 г.)
60. С. 18. См. примеч. к № 15.
61. С. 19. См. примеч. к № 2.
62. С. 19. См. примеч. к № 9.
63. С. 19. См. примеч. к № 2.
64. С. 20. См. примеч. к № 23.
65. С. 21. См. примеч. к № 45.
66. С. 21. См. примеч. к № 11.
67. С. 21. См. примеч. к № 2.
68. С. 24. Зап. в Ярославской обл. (других сведений нет).
69. С. 25. См. примеч. к № 2.
70. С. 26. Из коллекции (50 текстов; второй сборник) П. Уткина, зап. в д. Лужки Кашинского р-на. (1948 г.)
71. С. 26. См. примеч. к № 2.
72. С. 26. См. примеч. к № 4.
73. С. 28. Из коллекции (130 текстов), зап. в Калязинском р-не. (1936 г.) (Других сведений нет.)
74. С. 29. См. примеч. к № 2.
75. С. 30. См. примеч. к № 2.
76. С. 30. Из коллекции (700 текстов) П. А. Флоренского. Собрание частушек Костромской губернии Нерехтского р-на, г. Кострома. (1910 г.)
77. С. 30. См. примеч. к № 4.

78. С. 30. См. примеч. к № 4.
79. С. 30. См. примеч. к № 4.
80. С. 31. См. примеч. к № 45.
81. С. 31. См. примеч. к № 73.
82. С. 31. См. примеч. к № 2.
83. С. 31. См. примеч. к № 11.
84. С. 31. См. примеч. к № 45.
85. С. 31. См. примеч. к № 4.
86. С. 32. См. примеч. к № 4.
87. С. 32. См. примеч. к № 4, 23.
88. С. 32. См. примеч. к № 2.
89. С. 32. См. примеч. к № 2.
90. С. 32. См. примеч. к № 2.
91. С. 32. См. примеч. к № 4.
92. С. 33. См. примеч. к № 11.
93. С. 33. См. примеч. к № 45.
94. С. 33. См. примеч. к № 4.
95. С. 33. См. примеч. к № 45.
96. С. 34. См. примеч. к № 4.
97. С. 35. См. примеч. к № 6.
98. С. 35. См. примеч. к № 5.
99. С. 35. См. примеч. к № 2.
100. С. 16. Из коллекции (более 400 текстов) Д. Зеленина. Песни деревенской молодежи. Из Памятной книжки Вятской обл. (1903 г.)
101. С. 17. См. примеч. к № 5.
102. С. 17. См. примеч. к № 5.
103. С. 17. См. примеч. к № 9.
104. С. 17. Из коллекции более (100 текстов) Т. М. Евсюкова, зап. в с. Сушки Рязанской обл. (1935 г.)
105. С. 17. См. примеч. к № 2.
106. С. 40. См. примеч. к № 11.
107. С. 40. См. примеч. к № 2.
108. С. 42. См. примеч. к № 2, 23.
109. С. 43. См. примеч. к № 2.
110. С. 44. Из коллекции (более 200 текстов) И. Г. Мухина, зап. в Кашинском р-не. (1908 г.)
111. С. 44. Из коллекции (около 100 текстов) И. Здобнова, зап. в Мышинском р-не Ярославской обл. (1935 г.)
112. С. 44. См. примеч. к № 111 (от Булычева).

ЧАСТУШКИ ЮЖНОГО ПРИКАМЬЯ

Тексты № 1 - 5.

Место хранения: «Провинция», т. 678, №90—94.

Зап. в 1994 г. Е. С. Преженцевой в с. Большие Кусты Куединского р-на Пермской обл. от Л. П. Трофимовой, 1938 г. р., местной.

Тексты №6—34.

Место хранения: «Провинция», т. 698, № 19—47.

Зап. в 1994 г. С. В. Кучевасовым в с. Урталга Куединского р-на Пермской обл. от ансамбля в составе: Б. А. Драшникова, 1912 г. р., М. И. Драшникова, 1931 г. р. (родом из д. Горка Куединского р-на), Н. Г. Пастуховой, 1931 г. р., местной.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Афанасьев — Афанасьев А. Н. Народные русские сказки не для печати. 1857—1862. Собраны, приведены в порядок и сличены по многообразным спискам А. Н. Афанасьевым (РО ИР ЛИ, ф. Р1, оп. 1, ед. хр. 112). Рукопись цитируется по машинописной копии, хранящейся в личном фонде М. К. Азадовского (РГБ, ф. 542, к. 33, № 2).

Виноградов — Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч., вып. 1, 2. СПб., 1908, 1909.

ГИМ — Государственный исторический музей (Москва).

ГЛИМ — Архив Государственного литературного музея (Москва).

Евгеньева — Путилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршиено Даниловым. Изд. 2-е, дополн. Подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.

Ефименко — Ефименко П. С. Материалы по этнографии русско-го населения Архангельской губернии, ч. 2. — Известия Имп. Общества любителей естествознания, археологии и этнографии, т. 30, вып. 2. Труды этнографического отдела. Кн. 5, вып. 2. М., 1878.

ИМЛИ — Фольклорный архив Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва).

ИР ЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург).

Киреевский — Якушкин — Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Л., 1983—1987, т. 1—2.

Кляус — Пошли девки купаться. Русские скоромные песни в записях П. В. Киреевского. Сост. В. Кляус. М., 1991.

ЛНМ — Лаборатория народной музыки Российской академии музыки им. Гнесиных (Москва).

МГУ — Фольклорный архив кафедры русского устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

«Провинция» — Фольклорная коллекция объединения «Провинция» при Пермском государственном университете.

РАМ — Фонограммархив проблемной научно-исследовательской лаборатории по изучению традиционных музыкальных культур Российской академии музыки им. Гнесиных (Москва).

РАН — Российская Академия наук.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва).

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва).

РГБ — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (Москва).

РГИА — Российский государственный исторический архив (Москва).

РГО — Русское географическое общество.

РНБ — Отдел редких книг и рукописей Российской национальной библиотеки (ранее — Государственной Публичной библиотеки) им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Санкт-Петербург).

РО ИОН БНЦ СО РАН — Рукописный отдел Института общественных наук Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН (Улан-Удэ).

РО ИР ЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН (Санкт-Петербург).

Соболевский — Великорусские народные песни. Изд. А. И. Соболевским. СПб., 1895 — 1902, т. 1 — 7.

Чернышев — Русская баллада. Под ред. В. И. Чернышева. М., 1936.

Шеффер — Сборник Кириши Данилова. Под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901.

ЖАНРОВО—ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ¹

Гадания подблюдные 230—244

Загадки 229, 233, 374—431

Заговоры 346—361, 364—370

Обряды и игры

жнивные 315, 316

свадебные 91—93, 157—176

святочные 185—244, 338—343

троицкие (духовские) 258—260,
_ 273—285

Песни

"Брала девка лен, лен..." 60, 75,
101, 261, 263, 295

"Вор Игнашка" 62, 75, 111,
267—268, 292

"Дубинушка" 160—163, 169—
173, 531—533

"Дуня" 106, 134, 266, 295

Песни обрядовые

выюнишные 312—313

жнивные 315—316

корильные 165—168, 175—176

масленичные 310—311

подблюдные 230—244

свадебные 157—176

середокрестные 314

святочные 213—214, 228—229

троицкие (духовские) 261—272,
286—309

Приговоры дружки 91—93, 158

Припевки корильные 165—168,
175—176

Припевки трудовые 142—148, 531—
533

Театр народный 323—343

Частушки 94—98, 157- - 306—
309, 440—520

---

¹ Указатели составлены А.Л. Топорковым.

В указателях не учтено содержание комментариев и статей, предпосланных отдельным публикациям или разделам сборника.

УКАЗАТЕЛЬ ПЕСЕН

- «А в бору, в бору...» 265
«А дуду, дуду, дуду, да
дудушечки!..» 57
«А тыльды, будыльды, каракалки!..»
57
«Ах, Ванька юла, настоящий он
суда!..» 49
«Ах, корун ты, корун!..» 63
«Ах на горе, горе, на высокой на
горе...» 48
«Ах, ты, душечка, красная девица...»
48
«Ах, по мосту, мосту...» 45
«Ах, ты, душечка, молотчик
молоденькой...» 47
«Бабушка Сидоровна...» 130
Баран 88
Барынька 90
«Без морковки жить неловко...» 271
«Белая у меня курочка, черный
холодок...» 49
«Берем с маху!..» 144
«Богучаны при угоре...» 101
«Брала девка лен, лен...» 60
«Брала девка лен, лен...»
261,262,263
«Брали девки лен, лен...» 75
«Брали девки лен, лен, брали,
выбирали...» 295
«Варил чернец пиво, варил
зеленое...» 303
«Вдоль да по речке...» 135
«Вдоль по морю...» 304
Водовоз 128
«Во зеленом садочку...» 44
«Во ку... во кузнице...» 115
«Во лугах, лугах, лугах, во зеленых
лугах...» 66
«Во Московском государстве, за
Язуей рекой...» 45
«Во поле березынька стояла...» 64
«Во ржи, на межи, под
<и>згородкою...» 299
«Во саду ли в огороде...»
«Во чистом во поле девка просо
поле...» 65
«Вот как нынече мужья были...» 63
«Вот сел я, задремал я...» 71
«Вспомни, вздумай, мой любезный
друг...» 299
«Вы, ребятушки, восставайте...» 160
«Где ты был, мой Савушка?...» 133
«Глядит моё воко, что край
недалёко!..» 315
«Да что ж ты, рябина, рябина
кудрява...» 293
«Давай раз!..» 142
«Девка у лесу жнет, нагибается...»
61
«Девки ягады собирали, каледа...» 72
«Девчоночки, ой, ой, ой...» 129
«Дело было во субботу...» 111
«Детинушка бел, кудряв...» 116
«Доны, доны молодья!..» 61
Дубинушка («На Любимском
перевозе...») 532
Дубинушка («Ох ты, тетушка
Настасья!..») 171

Дубинушка («Уж ты, батюшка
Егорий!..») 171
«Дуня бела, румяна...» 106
«Дуня, Дуня, Дуня я...» 134
«Еб поп попадьо на курятничке...»
133
«Едет Степка на кобыле...» 145
«Ехали бояре, ехали бояре...» 168
«Ехали дружки по дорожке...» 168

«За рекой рябина вянет...» 146
«Залетная пташечка...» 66
«Земцовочки...» 119
«Зарадился травин сын...» 72

«Из—за лесу, лесу темного...»
302
«Ишел козел по межи...» 316
«Ишла девка с того свету...» 328
«Ишла Феня с кабака...» 76

Кабачкий детина («От чего
хмелек...») 99
«Как на горке, на крутой стоял
цыган молодой...» 291
«Как на горке, на пригорке...» 75
«Как на девке платье красно!..» 144
«Как на мельнице...» 97
«Как начальнику не дать...» 147
«Как пойду я к Тане...» 264
«Как /сын с атцом, каледат...» 73
«Как—то Лиза в лес пошла...» 137
«Как у бабушки козел, хы да пы...»
132
«Как у нашей поварушки...» 173
Корнелий 88
«Крест воскрес...» 314
«Курва Масленица...» 310

«Масленая—гололетье...» 310
«Матушка!..» 64
«Матушка—лапушка, головка
болит...» 46
«Маша в рощице гуляла...» 159
«Мильй, мильй, мильй, мильй...»
148
«Мильй, пей вино и брагу...» 147
«Моему миленочку...» 147

«Мы десятника уважим...» 142
«Мы начальника похвалим, да!» 146
«Мы начальника уважим...» 146

На брусу 132
«На горе гусли вдарили...» 131
«На горушке роща березовая...» 300
«На Моромском мосту...» 138
Настасья Петровна 67
«Научить тебя, вьюница...» 312
«Наш мастер слава — добрый
дядя...» 144
«Наш начальник не глуп...» 147
«Наш хозяин—госпдар, шурокья
бырыда!..» 316
«Не знала невестка, не знала
невестка...» 167
«Не ходила ни в сохе, ни в
бороне...» 130
«Не хочу я чаю пить...» 143
«Не хотела, да пошла...» 142
Небылица 88
«Некрасивою родилась...» 147
Никола Козулинской 129

«Овечушки, косматушки...» 134
«Ой, был я молодец...» 58
«Ой, вьюница...» 313
«Ой вы, девки—молодки, полно
горе горевати...» 287
«Ой на дубе на вершечку...» 331
«Ой, раз, ухнем!..» 144
«Ой, ух, давай, ух!..» 142
«Ой, ух, давай, ух!..» 143
«Ой, ухнем!..» 143
Осенние ночи 297
«Ох, горюна! Ох, горю хмелина!..»
42
«Ох, и я шиндера да шиндеришенька
моя!..» 59

«Па лугам ли, па балотам...» 73
Палагея 270
«Параход бегат парами...» 100
«Пивца—винца прошьем...» 118
«По дорожке столбовой...» 147
«По дорожке шел пешком...» ИЗ
«По канавке росла травка...» 268

- «По мху я, девушка, ходила...» 62
 «По полу кила, по полу кила...» 167
 «Повозничек—пиздовозничек...» 165
 «Подговаривал Ванюша...» 266
 «Под мельницей, под ебельницей...»
 123
 «Подходите—ка, ребята!..» 143
 «Поедемте в Москву, купим
 колокольчик...» 298
 «Полюбил меня Макарка—
 водовоз...» 128
 «Полюбил меня Никитка—
 водовоз...» 127
 «Посадил дед репку...» 122
 «Посеяли девки лен...» 104
 «Посеяли девки лен...» 286
 «По улице мимо кузницы...» 289
 «Пошла Дуня под тачок...» 71
 «Преподобный монах...» 228
 «Пригласал Ваня Дуняшу с собой
 ночку ночевать...» 295
 «Пришла ко мне радость, пришла
 дорогая...» 47
- «Раз, два, еще берем!..» 146
 «Раз полоску Маша жала...» 123
 «Раз полоску Маша жала...» 124
 «Растатуриха пирог пекла...» 129
 «Рвали девки лен—лен...» 101
 «Редьку полола...» («Редька») 313
- «Сватыюшка, ты как куколка...» 166
 Сватье («Сватыя, сватыя на свадьбу
 спешила...») 175
 Сватье («Ишо наша—то
 сватонька...») 175
 «Свиньи хрю, поросята хрю...» 38
 «Седня мы попьем, да...» 133
 «Селезень мой...» 301
 Сергей хорош 40
 «Синица, синичинька!..» 74
 «Смирная беседушка, где батюшка
 пьег...» 305
 «Солнце село на закате, да!..» 145
 «Солнце скрылось за вершины!..»
 146
 Стать почитать, статью сказывать 34
- «Стряпуха кашу варила, варила...»
 166
 «Стукай, брякай, колоти...» 145
- «Там за лужком зелененьким...» 126
 Телка и игумен («Вот по лугу—
 лугу, лугу зеленому...») 74
 «Тень—тень, потетень...» 100
 «Тетка, беленький платочек...» 145
 «Тетка, белы рукава...» 145
 «Теща, ты теща моя...» 43
 «Транды, транды, трандушки...» 74
 «Тута нам попети, тута погуляти...»
 294
 «Ты Пречистая мать, ходи бороду
 'бжинать...» 316
 «Ты скажи же, моя Марусенька...»
 110
 Тысяцкому («Тысяцкий, тысяцкий
 растереха...») 175
 «Тысяцкого жена на ступе сидит...»
 168
 «У ворот девка стоит...» 136
 «У канавки росла травка...» 292
 «У Назара на сарае...» 108
 «У нас под белою, под березою...»
 304
 «У нас седни...» 272
 «У нашего барина...» 266
 «У нашего заича...» 228
 «У Палашки дочь Наташка...» 117
 «У Русанова на кухне...» 145
 «У сыча была свадьба...» 112
 «Удовушка—удова...» 127
 «Уж ты, батюшка Егорий!..»
 ("Дубинушка") 171
 «Уж ты, Ванюшка...» 101
 «Уж ты, хонька—махонька моя...»
 127
 «Уж я Яшку, я Яшку люблю...» 131
 «Утачка дикая, каледа...» 73
 «Ух ты, маленька голь—голь—
 голь...» 127
 «Уж ты Хима—Хима...» 267
- «Ходила б я по лужку...» 288
 «Хоровод малешенок, народ
 веселешенок...» 303

«Чайник синий, чай горячий...» 146

Чеботуха 297

«Чиманиха, чиманиха, чемоданиха
моя!..» 57

«Что по травке, по муравке...» 44

«Шел я лесом—бориком...» 130

«Шутиха—Маршутиха моя...» 129

«Эй, раз еще!..» 144

«Юбка красна с полосами...» 142

«Я давала бычку сена...» 142

«Я поеду, я поеду...» 264

«Я пою, пою, пою...» 148

«Я у дядюшки бывал...» 59

УКАЗАТЕЛЬ ЗАГАДОК

автобус 374

баба на кобыле едет 374

балалайка 374

баня 426

безмен 374

береза 374—375

беременная женщина 375

блины 375, 426

бочка 426

брюква 375

буква "а" 424, 426

буква "б" 424

vagina 375—376

валенок 376

варежка 426

веки, глаза, нос, ресницы 376—377

веник (банный) 377—380, 426—427

веник 380, 427

веретено 380, 427

водяная мельница 427

воз сена 380—381

воронец 381

вымя 381—382

галюша 382

гвоздь 382—383

глаза 427

головешка 383

горшок 383

гребень для волос 383

грузовик 383

дверная скоба 427

девичья коса 384

дырка в ухе для серьги 384

житница 384

вадница 384

замок, см. ключ и замок

заноза 229

засов 384

земля, нива, поле, соха — пахота
385—386

иглолка и нитки 386—387, 426

калоши 428

капуста 388

карман 229, 388, 428

картошка 388

качели 428

квасница, бочка 388—389

кино 389

кляква 431

ключ и замок 229, 389—392,
427—428

ковш 392—393

колесная втулка и помазок 393

колодец 393

колодец и колодезное ведро 428

кольцо 393—394

комар 394

конверт 394

конопля 394

конфета 394

- коня запрягают 394—395
 кормление ребенка 395
 коромысло 395, 429
 корыто 395
 коса (девичья) 429
 коса и точило 395—396
 кошелек 396
 кошка 396
 кроснами ткют 429
 крюк для запиранья 229, 396—397
 кукуруза 397—398
 курица 398
- лампа 398
 лен, кудель, прялка — прядение
 398—399
 лицо 400
 лук 400
 лучина 400
 льномьялка 429
- малина 229, 400
 матица 233
 мельница 401—402
 метла 402
 молотыба 402
 морошка 402—403
 муж. и жена 403
 мутовкой в квашне мешают 429
- наперсток 403
 нож 404
 носовой платок 404
 носок и нога 429
- овес 404
 овин 404
 огурец 233, 404
 орех 404—406
 отражение в воде 406
- penis 406
 пестерь 406
 печка 406—408
 пешня и прорубь 429
 плетение лаптей 408
 поварешка 409
- повойник 409
 полотенце 409
 помелом в печи подметают 429
 помидор 409
 порог 409
 прокальывают уши для сережек 430
 прорубь 409—410
 прядут куделью 430
 прялка с куделей 430
 пчела 410
- ребенок грудь берет 430
 река 410
 репа 410
 рубашка 411
 рукавица и рука 411
 рукомойник 411
- самовар 412, 430
 сапоги 412
 сахар 412—413
 сидят на прялке 430
 сковорода 413
 сон 413—414, 430
 спички 414, 431
 ставни 414
 стирка белья 414
 ступа и пест 414—415
- таракан 415
 тесто 229, 431
 ткацкий станок, ткачество 415—417
 трамвай 417
 трубка 417—418
- умывальник 431
 ухват 418
 ухват и сковородка на огне 431
 ушат 418
- Херсон 425
 хлеб и хлебопечение 418—420
 хобот 424
 хомут 421
- церковь 421

чай 229, 425
часы с гириами 421
черемуха 421—422

шапка 422
шоркают скамейку 422
штаны надевают 422—423

яблоня 423
ягоды 423, 431
язык 423
яйцо 423, 425
яма 424

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА, ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ГЕНИТАЛИЙ И ОСНОВНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Penis

баран 491
батарея 457
белое перо 107, 295
боровок 474
булавочка 516
булатная пищаль 47
буравчик 511

Васюта с бородой 458
волосина 128
все 358

гармошка 476

двадцать первый пальчик 510
долото 459
дорогой подарок 45
древбедень 128

ебак 470
единая жила 356—357, 359

женилка 489
жила 368
жуй 355

зевочок 37

иголка с плешинкой 91
игрушка 459

кила 167, 479
клюпик 50
кляп 76

кол 72, 504, 513
колбаса 94, 458, 483—484, 493,
507

колбаска 509
колик 442, 510
конец 105, 342, 456, 461
кончок 167
конь буланый 94
корешок 134, 454
кочеружка с волосам<и> 128
красный клин 34
кукареку с волосам<и> 128—129
кукурузина 164, 457
курка 509

лебединое перо 266

макловка 479
машинка 456
михир 354
молоток 454
морковка 271, 308, 495
мяса кусок 157

он 105
орудия (ж. р.) 450, 458

палка 75, 308, 455
петух 458, 503, 507
петушок 474, 507
пиздочок 37
пипирочка 505
плешь 36, 88
погремушка 458
полено 505
попугай 474
пырка 457, 474

пырочка 100
Пятая нога 129

раз 297
рожок 134

сатана (ж. р.) 128, 161
свекла 457
селедочка 513
сиз селезень 34
сика 95, 478
соловей 458, 474, 478
сором 354, 357
срам 361
становая жила 353, 355—356, 360
старатель 515
стрелочка востра 47
струмент 511, 513

сучок 74, 513

Тимоха с бородой 458

фиг 507, 509, 512, 514

хер 73, 167, 171—173, 226, 442,
452—454, 459, 475, 482, 486,
492—493, 495, 503—505,
507—508, 511, 513—515

херина 454

херинушко 167

херчок 167

хрен 146, 444, 462, 493

хрененочек 475

хуйринка 162

челнок 134

член 356, 358

шанкер 327

шван 64

шишечка 450

шишка 452, 455—457, 485, 490,
500, 504, 506

штгук 455

штгучина 457

Vagina

баран 466
барыня 299
бука 512

волосая 496
волосяньый горшок 511
воронка 474

галка 296
голубища 297
голубка 507
голубочка 515

давалка 484
дыра 115, 339, 467, 496
дырька 516
дырочка 94, 128, 138, 467, 514, 516

аврек 109
зверь 271
золото 334

игрушка 463

канареечка 465

киска 508

клеточка 474

корытце 474

куна 530

кунка 100, 132, 136—137, 442,
463—465, 471, 484, 486, 498

куняшка 468

курица 466

курочка 469, 472

кучерявочка 486

лоскуток 465

лунка 478

миронья 62, 75, 111

мохнатая 505, 514

мошня 64

нифца 353, 355

нора 65

облигация 466
окаянная 465
она 128, 135, 296

передок 471
пиздень 122, 470
писа 490

своя безразмерная 468
сика 478, 497
соловей 96, 466, 511—512
соловьишко 511
створочка 508

тая (та) 496
тоже 299

хавронья 293

целковый 466

черен соболь 49
черна тетерка 341
черная 514
черная цыганка 60, 261, 296
черная чернавка 103
чернилочка 295
чернильница 511
что—то 296

штучка 164

эта 262
это местечко 135

ямочка 442
ямушка 510

Futuere

валять (девку) 60
вколотить 35
влезть (на старуху) 94, 498
впихнуть 57
вскочить (на penis) 168
впустить (на себя) 68

втакарить 36
выгрести 74, 163

давать 484, 496, 513
давать в стоячку 508
давать сзади и спереди 130
дать 57, 61, 65, 90, 127, 134, 147,
449, 450—451, 467, 470, 480,
485, 492, 495—497, 499, 505
дать сбочку 130
дать стоячку 127
долбануть 514
драть 146

ерзать 453
ерькать 97

жигануть 506

«абить 36, 38, 75
забраться (на тещу) 123 ' ' '
забубухать 441, 510
забухать 514
завалить 128
задвинуть 136
задуть 487, 495, 505
задяжкивать 511
заиграть 496
закандыривать 138
закладать 90
заколотить 508
залупить 93
запихать 36
запупырить 441
запускать 503, 513
запустить клошник 50
засадить 491
засунуть 128, 136
засучить сучок 74
затетеривать 510
затолкать 128

конец мочить 105
косить 492

лазать (на кого) 135

мудохать 488

надевать (на penis) 262, 514
намахать 327
направить 92
натачивать (penis) 481
наточить (сику) 497

обмакнуть (плешь) 36
обрабатывать 480
отмыкать коробью 167
отодрать 451, 496

писать ^{III}107, 295

пихать 486

плясать 135

подвинуться (на penis) 265

подобрать ключи 481

подпрыгивать 487

полезть (на кого) 94, 136

помакивать 295

помять (девушек) 228

посадить (на penis) 130

поскрести 57

потыкивать 447

потыкивать 515

притыкивать 37

пришивать воротник 482

прогребать 162—163

пырять 489

сидеть (на penis'e) ^I120
сидеть (на бабушке) ^{oo}98
совать 97, 478

тереть 262

ткать ^{il}

трали—вали 486

тыкать 298

тюкнуть в стоячку 510

шпокнуть 504

шуточку шутить 45

СЛОВАРЬ ДИАЛЕКТНЫХ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

Волога — приправа к еде; зимний запас соленых грибов
выскорь — вывороченное с корнем дерево, бурелом

Гайдук — батрак, работник
гузка — гузно, зад

Делаться — рядиться
десятильник — сборщик пошлин с монастырей и церквей
дитятко—овденка — дитятко
уважаемое, дорогое (от "увадить"
— уважать)
долоночки — часть рукавицы, прикрывающая ладонь
дрыджи — брызги

Желвак — шишка, опухоль

Зажилочки — часть рукавицы, прикрывающая тыльную часть ладони
засыкать — засучивать, завертывать
захламостить — засорить, завалить хламом
здякаться — издеваться

Каляный — грязный, замаранный
кила — мужской половой орган; грыжа
клубочок — клубок, покрывало на голове у монахов

котух — хлев
кросенный стан — ткацкий стан
комуха — лихорадка
корун — неясно, возможно испорченное "горюн" — горемыка
коршиться — неясно, возможно в значении "быть чуть живым"
косарь — большой тяжелый нож, который используется для того, чтобы шепать лучину, рубить дрова и т.д.
кусак — обрубок; мужской половой орган

Лоскнуть — блестеть
лускат, лускаточек — лоскут, лоскуточек

Маланец — сперма
мозгаль — удалец
мост — настил из досок
мугарец — магарыч, угошенье, подарок

Набелки — часть ткацкого стана
наворотило — захотелось
напалочки — часть рукавицы, прикрывающая пальцы
наряжёнec, наряжённик — ряженный

Обабки — грибы (*чухломск.*)
обделываться — рядиться
обернуться — нарядиться

обторкаться — см. торкать
оздыня бить — бить сильно
олочи — обувь из шерсти с
    подшовой на кожи
ослопина — дубина, большая жердь

Папороткок — часть крыла птицы
плеха — распутная женщина
поветь — чердак
покаять — исповедать
полог — занавеска у кровати
поновить — осветить
потылица — затылок, зашеина
поярок — шерсть с овцы первой
    стрижки
примерно — например
принабуркаться — наполниться,
    набраться
пролубка — прорубь
пучин — пучок

Раагуаыннться — разгневаться,
    рассердиться
редова — неясно, возможно, от
    "рядок" в значении "торговые
    лавки" ("повести в редову" —
    вести продавать)
рубечком — насечкой, штрихом

Сберошить — взьерошить
с борку — из лесу
секель — клитор
секлеточка — девочка

скуфья — малая бархатная шапочка
    священников
сосракать — искаж. "сосватать"
спеченик — небольшая спица,
    заостренная палочка, деревянный
    гвоздь
спораться — спорить
стеряться — сломаться
страмное, страмщина, страмонщина
    — непристойность, похабщина

Тачок — ток, место для молотбы
ткать (тыкать) — совать, пихать
торкать — тыкать, втыкать
туес — берестяная посуда
тысяцкий — свадебный чин

Ходиться — вязаться,
    скрешиваться (о скоте)

Черевивка — вино (*тарусск.*)
чумак — целовальник, сиделец в
    кабаке или его помощник

Шван — свайка; мужской половой
    орган
шебур — грубая домотканая ткань,
    рабочая одежда из »той ткани
шкурника — небольшой кусок кожи
    с мехом
шмат — отрез ткани
шпиканер — шинкарь, хозяин
    питейного дома, целовальник
шуга — мелкий лед

СОДЕРЖАНИЕ

Андрей ТОПОРКОВ. Эротика в русском фольклоре. 5

ПЕСНИ. ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР. НАРОДНЫЙ ТЕАТР. ЗАГОВОРЫ. ЗАГАДКИ. ЧАСТУШКИ

ПЕСНИ

<i>Елена МИНЕНОК.</i> Народные песни эротического содержания	21
Из песенных сборников XVIII века (публикация <i>В. Л. Кляуса</i>).	32
Песни, записанные П. В. Киреевским (статья <i>З. И. Власовой</i> , публикация <i>В. Л. Кляуса</i>).	51
Песни, записанные П. И. Якушкиным (публикация <i>З. И. Власовой</i>).	69
Из архива Б. М. и Ю. М. Соколовых (статья и публикация <i>В. А. Бахтиной</i>).	78
Песни в записях второй половины XIX—XX в. (публикация <i>А. А. Ивановой, В. Л. Кляуса и А. В. Черных</i>).	99
Трудовые артельные песни (статья и публикация <i>В. Г. Смолицкого</i>).	139

ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВЫЙ ФОЛЬКЛОР

СВАДЬБА

<i>Вера ВАРГАНОВА.</i> Сексуальное в свадебном обряде.	149
Эротический фольклор вятской свадьбы (публикация <i>Т. Г. Гуржий</i>).	157
Фрагменты пинежской свадьбы (публикация <i>А. А. Ивановой и В. Л. Кляуса</i>).	165
«Дубинушка» на свадьбе (публикация <i>Т. В. Кирюшиной</i>).	169
Эпизоды чухломской свадьбы (публикация <i>А. В. Кулагиной</i>).	173
Корильные песни (публикация <i>А. В. Кулагиной</i>).	175

СВЯТКИ

Эротические игры ряженных в русской традиции (по дореволюционным публикациям и современным записям). (Статья и публикация <i>М. Л. Лурье</i>).	177
Н. С. Преображенский. Баня, игрище, слушанье и шестое января	185
К. Завойко. В костромских лесах по Ветлуге-реке	199
Игры ряженных Торопецкого района Тверской области	202
Святочные игры Камско-Вишерского междуречья (публикация <i>В. А. Альбинского</i> и <i>К. Э. Шумова</i>).	223
Ерш Ершович Иван Петрович (публикация <i>А. А. Ивановой</i>)	226
Песни и загадки ряженных («наряженок») на святочных игрищах (публикация <i>Т. В. Кирюшиной</i>).	228
Подблюдные песни Вятского края (публикация <i>А. С. Сатыренко</i>).	230
Подблюдные гадания деревни Войлово Калужской области (публикация <i>Е. В. Миненок</i>).	235
Подборка подблюдных песен из Смоленской области (публикация <i>Е. А. Дороховой</i>).	243

ВЕСЕННЕ-ЛЕТНИЙ ПЕРИОД

<i>Татьяна АГАПКИНА</i> . Эротический аспект троицко-купальской обрядности.	245
«Срамные» песни Смоленской области (статья и публикация <i>Л. М. Винарчик</i>).	258
Обряд Духова дня в селе Троицком Калужской области (публикация <i>Е. В. Миненок</i>).	273
Песни обряда Духова дня (публикация <i>Е. В. Миненок</i>).	286
Две масленичные песни (публикация <i>Л. А. Ивановой</i> и <i>А. В. Кулагиной</i>).	310
Песни и заклички бассейна Унжи (Костромская область) (публикация <i>Т. В. Кирюшиной</i>).	312
Жатвенные песни и обряды (публикация <i>О. А. Пашиной</i>).	315

НАРОДНЫЙ ТЕАТР

<i>А. Ф. НЕКРЫЛОВА</i> . Театр Петрушки.	317
Выход Петрушки (публикация <i>А. Ф. Некрыловой</i>).	323
Петрушка (публикация <i>А. Ф. Некрыловой</i>).	333
Ездок и Конёвал, или Конь (статья и публикация <i>А. Ф. Некрыловой</i>).	338

ЗАГОВОРЫ

Заговоры и магические средства (статья и публикация <i>В. Л. Кляуса</i>).	344
Заговоры из рукописных материалов ХУП века (статья и публикация <i>Е. Б. Смилянской</i>).	362

ЗАГАДКИ

<i>Иван ПОДЮКОВ</i> . Русская эротическая загадка	371
Загадки из фольклорного архива МГУ (публикация <i>£. В. Миненок</i> при участии <i>Ф. С. Капицы</i>).	374
Пермские загадки (публикация <i>И. А. Подюкова</i>).	426

ЧАСТУШКИ

<i>Алла КУЛАГИНА</i> , Эротика в русской частушке.	432
Частушки в современных записях (публикация <i>А. В. Кулагинной</i>).	440
Из собрания <i>В. И. Симакова</i> «Нескромные частушки и песни» (публикация <i>А. В. Кулагинной</i>).	502
Частушки Южного Прикамья (публикация <i>А. В. Черных</i>)	517

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИЗ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ ПО РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЭРОТИКЕ

Глава «Эротика» из книги <i>А. И. Никифорова</i> «Просто о Севере» (публикация <i>Т. Г. Ивановой</i>).	523
Материалы <i>М. М. Зимина</i> из архива <i>Д. К. Зеленина</i> (публикация <i>Т. Г. Ивановой</i>):	527
Эротика в народной медицине.	530
«Дубинушка» из Ярославской области.	531
Сквернословие в мужских собраниях русской деревни	534

КОММЕНТАРИИ

Примечания.	539
Список сокращений.	629
Жанрово-тематический указатель.	631
Указатель песен.	632
Указатель загадок.	636
Метафорическая лексика, используемая для обозначения гениталий и основных сексуальных понятий.	639
Словарь диалектных и устаревших слов.	643

Русский эротический фольклор. Иесни. Обряды и обрядовый фольклор. Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки/ Сост., научн. редакция А. Л. Топоркова; Худож. Д. Шимилис. — М.: Ладомир, 1995, 640 с, ил. (Русская потаенная литература)

ISBN 5-86218-217-9

Из-за ложной стыдливости собирателей и публикаторов русского фольклора, а также цензурных ограничений и гонений доселе оставались неведомы целые пласты народной словесности. Издаваемые тексты, несмотря на их подчас эпатирующий характер, глубоко укоренены в традиционных формах быта и сознания русских крестьян и отражают более естественное и свободное отношение к сексуально-эротической сфере, чем то, которое было характерно для городской культуры XIX—XXвв.

Большинство материалов, включенных в том, публикуется впервые. Они извлечены из архивов известных фольклористов XIX — первой трети XX в. (П. В. Киреевского, братьев Б. М. и Ю. М. Соколовых, В. И. Симакова, Д. К. Зеленина и др.) или записаны в последние десятилетия участниками различных фольклорных и этнографических экспедиций. Впервые увидят свет в полном виде тексты из знаменитого сборника Кирши Данилова, опубликованного доныне лишь со значительными купюрами. Произведения обрядового фольклора сопровождаются описаниями семейных и календарных обрядов, в ходе которых они исполнялись.

Тексты печатаются в соответствии с принятыми эдиционными нормами и сопровождаются научным комментарием.

Научное издание

РУССКИЙ ЭРОТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР

**Песня. Обряды и обрядовый фольклор.
Народный театр. Заговоры. Загадки. Частушки**

Редактор

Ю. А. МИХАЙЛОВ

Художественный редактор

Е. В. ГАВРИЛИН

Технические редакторы

И. И. ВОЛОДИНА, М. А. СТРАШНОВА

Корректор

О. Г. НАРЕНКОВА

ЛР№ 063160 от 14.12.93.

Сдано в набор 17.07.95. Подписано в печать 08.11.95. Формат
84 x 108^{1/4} - Гарнитура «Гарамонд». Бумага офсетная № 1. Печать оф-
сетная. Печ. л. 20,5. Усл. п. л. 34,44. Тираж 15000 экз. Заказ № 1252.

Научно-издательский центр «Ладомир» при содействии ТОО «ВРС»
103617, Москва, корп. 1435

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
103473, Москва, Краснопролетарская, 16

В Серии

«РУССКАЯ ПОТАЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

готовится к изданию сборник статей

«СЕКС И ЭРОТИКА

В РУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ»

Здесь впервые в отечественной науке исследуются стандарты сексуального поведения наших предков и способы их символизации в обрядах, верованиях и фольклоре. В большинстве статей широко используются неизвестные ранее источники: древнерусские рукописные и археологические памятники, архивные и полевые записи поверий и фольклора. Русский материал рассматривается на широком историческом и сопоставительном фоне, для чего привлекаются данные по сексуальному поведению в Древней Руси, а также среди других славянских народов. Особое внимание уделяется интимному миру женщины и его отражению в фольклоре, мифологии, обрядах, традиционной символике.

Книга включает разделы: «У истоков русской эротики», «Женщина и ее мир», «В кругу верований, обрядов и символов», «Русский Эрос в конце XX века», «Из истории изучения фольклорной эротики». Среди публикуемых материалов привлекают внимание исследования: «Исторические судьбы русского Эроса» Игоря Кона, «Сексуальная этика в частной жизни древних русов и москвитов (XI—XVII вв.)» Н. Л. Пушкаревой, «Славянские обряды и верования, касающиеся менструации» Т. А. Агапкиной, «Сексуальные связи человека с демоническими существами» Л. Н. Виноградовой и др. В последнем разделе помещена статья П. Г. Богатырева «Игры в похоронных обрядах Подкарпатской Руси», переведенная для данного издания с французского языка, а также классические работы А. И. Никифорова «Эротика в великорусской народной сказке» и В. П. Адриановой-Перетц «Символика сновидений Фрейда в свете русских загадок». Большинство статей написаны специально для данного сборника.

Очередной том серии «Русская потаенная литература» предназначен в первую очередь для специалистов — фольклористов, этнографов, историков, однако он, несомненно, привлечет внимание и широкого круга читателей, интересующихся проблемами русской истории и социальной психологии.

В серии
«Русская потаенная литература»
готовится к печати:

**ЗАВЕТНЫЕ
РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ,
ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ЗАГАДКИ,
ПЕСНИ, БАЙКИ, ПРИБАУТКИ,
СКОРОГОВОРКИ, ПРИМЕТЫ,
ЗАГОВОРЫ, АНЕКДОТЫ**
ИЗ СОБРАНИЯ А. Н. АФАНАСЬЕВА.

Впервые полностью публикуется легендарная рукопись А.Н. Афанасьева (1826 - 1871) "Народные русские сказки не для печати", содержащая помимо обценных сказок, также "похабные" пословицы и поговорки, собранные В.И. Далем, загадки с отгадками, песни, байки, прибаутки, скороговорки, приметы, заговоры, анекдоты.

ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ
ИЗ СОБРАНИЯ И. Е. ОНЧУКОВА

"Заветные сказки" выдающегося собирателя русского фольклора Николая Евгеньевича Ончукова (1872 - 1942) никогда не выходили отдельным изданием в полном составе. Часть сказок фривольного содержания вошла в его сборник "Северные сказки" (1908 г.), за который составитель получил Большую золотую медаль Русского географического общества. Тавдинские, Лодейнопольские, Самарские собрания не были изданы даже выборочно. В состав издания войдут как опубликованные ранее, так и неизданные обеденные ("соромские", по народной терминологии) сказки и блещущие народным юмором анекдоты.

В серии
«Русская потаенная литература»
готовится к печати;

**«...СБОРИЩЕ ДРУЗЕЙ,
ОСТАВЛЕННЫХ СУДЬБОЮ».**

*А. ВВЕДЕНСКИЙ, Л. ЛИПАВСКИЙ, Я. ДРУСКИН,
Д. ХЛРМС, Н. ОЛЕЙНИКОВ: «ЧИНАРИ» В
ТЕКСТАХ, ДОКУМЕНТАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ*

В 1920-1930-е годы большинство из авторов произведений, публикуемых в этом томе, было известно в качестве детских писателей. Через несколько десятилетий, когда начались посмертные публикации их основного — «взрослого» — творческого наследия, им присвоили наименование обэриутов. Между тем, ОБЭРИУ (Объединение реального искусства), к которому они принадлежали несколько лет, было лишь коротким эпизодом их богатой и интеллектуальной жизни. И до и после ОБЭРИУ они называли себя «чинарями», составляя узкий круг друзей, объединенных размышлениями об основных проблемах человеческого существования. Эти размышления своеобразно трансформировались в многостороннем творчестве чинарей, на публикацию которого они не могли рассчитывать.

Книга включает значительную часть творческого наследия А. Введенского, Д. Хармса и Н. Олейникова (стихотворения, прозу, драматические произведения, философские трактаты и эссе); «Разговоры» Л. Липавского - запись бесед чинарей в 1933-1934 гг.; эссе и философские сочинения Л. Липавского и Я. Друскина; дневники и переписку чинарей; материалы следственных дел Д. Хармса и А. Введенского. Издание комментировано и сопровождается статьями российских и зарубежных исследователей творчества чинарей.

Дорогие друзья!

В серии «Гусская потаенная литература» (основана в 1992 году) вышло четыре тома, среди которых «Девичья игрушка, или Сочинения господина Баркова», «Под именем Баркова. Эротическая поэзия XVIII — начала XX века» и «Стихи не для дам. Гусская нецензурная поэзия второй половины XIX века».

К работе над книгами серии привлечены ведущие российские специалисты, что обеспечивает ее достаточно высокий научный уровень. Значительная часть текстов публикуется впервые. Пока трудно сказать, сколько томов выйдет в серии: десять, пятнадцать, возможно, больше. Слишком многие архивы (даже столичные) до конца не изучены, далеко не о всех частных коллекциях знают исследователи. Существует целый ряд произведений, о написании которых известно из достоверных источников, но сами произведения до сих пор не обнаружены. Что же касается таких не имеющих авторских автографов сочинений, как «Девичья игрушка» или «Лука ^мудищев», то для их текстологического анализа и реконструкции авторского текста требуется максимально возможное количество наиболее старых списков.

Мы обращаемся ко всем заинтересованным лицам с просьбой присылать в издательство сообщения с описаниями материалов, которые могут быть использованы в нашей серии. Эти письма будут передаваться подготовителям очередных томов.

Наряду с произведениями литературы, искусства, фольклорными и этнографическими записями, в серии появятся сборники научных трудов, монографии, которые, несомненно, вызовут интерес не только у специалистов.

«Ладомир» планирует также начать подготовку антологий «потаенной» литературы славянских народов (украинского, белорусского, болгарского, польского, сербского и других).

Ваши отклики, сообщения, предложения о сотрудничестве (в том числе в подготовке новых *научных* изданий) присылайте по адресу: 103617, г. Москва, Зеленоград, корпус 1435, НИЦ «Ладомир».